Дозволено цензурою. Москва, 9 марта 1902 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Смутное время на Руси представляетъ собою явленіе безпримѣрное въ исторіи человѣчества. Это не была революція, хотя и сопровождалось низверженіемъ правительствъ. Это не было крушеніе прежнихъ порядковъ и водвореніе новыхъ, хотя и переживались всякія бѣдствія, и много было недовольныхъ. Это было глубокое потрясеніе, великое шатаніе царства, изъ которыхъ оно, однако, вышло обновленнымъ и укрѣпленнымъ на старыхъ основаніяхъ и порядкахъ.

Желая на примѣрѣ выяснить положеніе Русскаго государства въ смутное время, одинъ изъ историковъ нашихъ весьма мѣтко сравнилъ его съ положеніемъ осиротѣлаго дома. Когда померъ государь, хозяинъ дома, не оставивъ прямого наслѣдника, то слуги бросились къ его сундукамъ, стали хватать имѣнье, разумѣется, безъ пощады уничтожая соперниковъ. Иные осиливали всѣхъ и успѣвали завладѣть имѣніемъ. Иные подставляли поддѣльнаго наслѣдника, самозванца, и для помощи приводили иноземные полки и собирали гулящихъ людей. Иные призывали на владѣнье сосѣда, поляковъ. Сосѣдъ, давнишній завистникъ покойника, былъ очень радъ такому случаю и сталъ владѣть и хозяйничать въ дому по-свойски. Народъ долго стоялъ передъ домомъ покойника и все видѣлъ, что тамъ творилось, и прямо называлъ все это дѣло воровствомъ, а всѣхъ заводчиковъ смуты—ворами. Когда же пастыри церковные указали ему, какъ помочь бѣдѣ, и возвѣстили, что настало время стать крѣпко и помереть за вѣру православную, народъ двинулся возстановлять въ государствѣ тишину и спокойствіе, пошелъ спа-

сать правительство, изнеможенное въ крамолахъ и смутахъ. Народъ поднялся именно уставлять все по-старому, какъ было доселѣ, какъ было при прежнихъ государяхъ.

Зрѣлище удивительное и назидательное!

Если исторія, изображая судьбу царствъ и народовъ, должна вселять въ насъ покорность Провидѣнію, уваженіе къ святынѣ и законамъ, любовь къ истинѣ, красотѣ и добродѣтели, и если уроки ея тѣмъ сильнѣе, краснорѣчивѣе, чѣмъ разительнѣе примѣры, ею приводимые, то едва ли найдется въ лѣтописяхъ человѣчества эпоха столь достопамятная, какую представляетъ наша исторія въ началѣ XVII вѣка. Для насъ, русскихъ, знать время самозванцевъ должно быть поучительнѣе и занимательнѣе чтенія исторіи многихъ народовъ иноплеменныхъ. Самые легкіе очерки добродѣтелей и злодѣйствъ, ознаменовавшихъ это время, врѣзываются глубоко въ нашей памяти и оставляютъ въ душѣ впечатлѣнія неизгладимыя.

Гермогенъ, Мининъ, Пожарскій! Кто безъ трепета сердечнаго произноситъ эти священныя имена! Кто безъ умиленія вспоминаетъ тягчайшую осаду Сергіевой лавры! Кто не подивится всѣмъ жертвамъ, которыя русскій народъ принесъ на алтарь отечества!..

Въ эпоху смуты болѣе, нежели когда-либо, раскрылся характеръ народный. Тутъ русскій человѣкъ явился въ полномъ блескѣ, непоколебимый въ вѣрѣ, въ законѣ праотцевъ, непоколебимый въ преданности царю и престолу, но врагъ всего нерусскаго, ужасный на войнѣ, въ пылу страстей, добрый и привѣтливый въ спокойной хижинѣ.

Предлагаемые очерки и разсказы возсоздаютъ эту знаменательную эпоху во всей ея цѣлости. Задача ихъ—представить событія и лица подъ положительнымъ освѣщеніемъ ихъ нашей исторіей и всѣми новѣйшими изслѣдованіями эпохи, придерживаясь по возможности изложенія ихъ въ источникахъ и пособіяхъ по исторіи смутнаго времени. Не притязая на самостоятельное значеніе въ этой исторіи, они достигнутъ цѣли, если доставятъ любителямъ родной исторіи чтеніе занимательное и поучительное.

I.

Кончина царя Θеодора Іоанновича.

Въ концѣ 1597 года царь Θеодоръ Іоанновичъ, достигнувъ лишь сорокалѣтняго возраста, смертельно занемогъ. Болѣзнь быстрыми шагами вела къ роковому концу. 6-го января, въ самый праздникъ Крещенія Господня, уже потеряна была послѣдняя надежда на выздоровленіе и стала несомнѣнной близость кончины. Вечеромъ во дворецъ позвали патріарха и бояръ.

Ужасъ объялъ Москву при извѣстіяхъ столь неожиданныхъ и столь печальныхъ. Народъ любилъ благочестиваго царя, видѣлъ въ немъ ангела земного, озареннаго лучами святости, и приписывалъ благосостояніе отечества дѣйствію его горячихъ молитвъ. Народъ съ умиленіемъ взиралъ на сего послѣдняго царя Мономаховой крови, вмѣстѣ съ нимъ переживалъ муки безчадія и приходилъ въ отчаяніе, теряя своего природнаго царя и не видя за нимъ природнаго наслѣдника. Царь не имѣлъ не только дѣтей, но и никакого другого потомства изъ царскаго рода. Со смертію царя прекращалось знаменитое Рюриково поколѣніе царей московскихъ, собравшихъ и объединившихъ Россію, создавшихъ ея бытіе и величіе. Съ пресѣченіемъ царствующаго дома престолъ московскій становился сирымъ, а съ нимъ сиротѣла и Россія.

Тяжелыя предчувствія взволновали патріарха и бояръ, предстоявшихъ у смертнаго одра царя Θеодора. Гнетущее сиротство искало успокоенія въ послѣдней волѣ умиравшаго царя. Царь воленъ былъ разрѣшить неизвѣстность буду-

щихъ судебъ престолонаслѣдія, вручивъ престолъ и державу Русскаго царства своему избраннику. И патріархъ Іовъ дерзнулъ нарушить величавое молчаніе предсмертныхъ минутъ царя Ѳеодора. Среди плача и рыданій онъ спросилъ царя:

— Видимъ мы государевъ свѣтъ, меркнущій въ очахъ нашихъ, и тебя, праведнаго, отшествіе къ Богу: государь, кому приказываешь царство, насъ сирыхъ и свою царицу?

Праведный царь, во всю свою жизнь избѣгавшій „мірской суеты и докуки“ и искавшій единственно спасенія души, и при кончинѣ остался вѣренъ своему упованію на премудрый Промыслъ. Еще раньше благословивъ свою царицу по кончинѣ своей не на царство, а въ монастырь, онъ теперь на вопросъ патріарха и ожиданія окружавшихъ тихо промолвилъ:

— Въ моемъ царствѣ и въ васъ воленъ создавшій насъ Богъ: какъ Ему угодно, такъ и будетъ; и съ царицею моею Богъ воленъ, какъ ей жить.

И тотчасъ же свѣтлыя небесныя видѣнія посѣтили царя и усладили послѣднія минуты его земного житія. Патріархъ пособоровалъ изнемогающаго святымъ масломъ, причастилъ его Святыхъ Таинъ, и, такъ закончивъ всѣ приготовленія къ отшествію въ вѣчность, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ тихо предалъ Богу „честную свою и праведную душу“ въ 1 часъ утра 7 января 1598 года.

Искреннимъ всеобщимъ воплемъ огласились царскія хоромы въ московскомъ Кремлѣ. Овдовѣвшая царица Ирина Ѳеодоровна была безутѣшна: ее вынесли въ безпамятствѣ. На разсвѣтѣ ударили въ большой успенскій колоколъ, чтобы извѣстить народъ о кончинѣ царя Ѳеодора, и вся Москва единодушно и искренно предалась великой скорби: каждый домъ, по выраженію современника, былъ „домомъ плача“. Народъ толпами устремился въ кремлевскій дворецъ, чтобы проститься съ усопшимъ государемъ.

И скорбь, и плачъ были искренни и глубоки. Народъ всею силою своей царелюбивой души былъ привязанъ къ царю Ѳеодору Іоанновичу. Его четырнадцатилѣтнее царство-

ваніе было счастливымъ временемъ давно забытаго на Руси спокойствія и благоденствія. Народъ свободно вздохнулъ въ эти счастливые дни, оправился и благословлялъ виновника своего благополучія. Народъ съ благоговѣніемъ внималъ и чуднымъ разсказамъ о набожности, цѣломудріи и святой жизни своего смиреннаго царя, удивляясь его высокому подвигу и почитая его еще при жизни святымъ. И жизнь царя, открыто протекшая передъ лицомъ всей Москвы, вполнѣ оправдывала народное о немъ представленіе: она была сплошнымъ богоугожденіемъ, посильнымъ исполненіемъ Божіей воли, выраженной въ уставахъ и обрядахъ православной церкви. Вотъ его обычный день.

Царь Θеодоръ вставалъ обыкновенно въ четыре часа утра и ждалъ духовника въ спальнѣ, наполненной иконами, освѣщенной днемъ и ночью лампадами. Духовникъ приходилъ къ нему съ крестомъ, святою водою и съ иконою угодника Божія, празднуемаго въ тотъ день церковью, и благословлялъ государя. Государь кланялся передъ иконою до земли, молился вслухъ минутъ десять и болѣе и затѣмъ шелъ къ царицѣ Иринѣ въ ея комнаты, а вмѣстѣ съ нею къ заутренѣ. Возвратясь изъ храма, царь садился на креслахъ въ большой горницѣ, и здѣсь привѣтствовали его съ добрымъ днемъ нѣкоторые ближніе люди и монахи. Въ девять часовъ онъ ходилъ къ литургіи, въ одиннадцать обѣдалъ и послѣ обѣда отдыхалъ. Къ вечернѣ царь ходилъ снова въ церковь и потомъ все остальное время до ужина проводилъ съ царицею, иногда забавляясь потѣхами. Ночью, готовясь ко сну, царь снова молился съ духовникомъ и ложился въ постель съ его благословеніемъ. Сверхъ всего этого царь каждую недѣлю посѣщалъ монастыри въ окрестностяхъ столицы. Такая жизнь, вмѣстѣ съ безграничнымъ смиреніемъ, добротою и милосердіемъ, по справедливости снискала царю любовь и благоговѣніе народа.

Еще болѣе привязывало къ царю сердца народныя его безчадіе. Царь Θеодоръ былъ послѣднимъ потомкомъ царствовавшаго дома и самъ не имѣлъ потомства. Пресѣченіе царскаго рода возбуждало въ народѣ сильнѣйшее сочувствіе

къ его послѣдней отрасли и вмѣстѣ страхъ предъ неизвѣстнымъ будущимъ и опасенія политическихъ бѣдствій. Царица Ирина сильнѣе всѣхъ переживала эти тревожныя чувства и, причитая надъ тѣломъ супруга, она восклицала:

—...Увы мнѣ, смиренной вдовицѣ, безъ чадъ оставшейся! Мною бо нынѣ вашъ царскій корень конецъ пріялъ...

Тѣло царя Θеодора вложили въ раку въ присутствіи царицы, которая ужасала всѣхъ изступленіемъ своей неописанной скорби: терзалась, билась, не слушала ни патріарха, ни брата Бориса. Вечеромъ гробъ вынесли въ соборъ архангела Михаила, родовую усыпальницу царей московскихъ. На другой день, 8 января, послѣдній государь изъ дома Владиміра былъ погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ подлѣ Грознаго отца своего.

Когда предали тѣло землѣ, патріархъ и всѣ люди молились, да спасетъ Господь Россію и, лишивъ ее пастыря, да не лишитъ Своей милости.

Совершивъ печальный обрядъ, роздали богатую милостыню бѣднымъ, церквамъ и монастырямъ, отворили темницы, освободили всѣхъ узниковъ, даже смертоубійцъ, чтобы симъ дѣйствіемъ милосердія увѣнчать земную славу добродѣтелей царя Θеодора.

II.

Царица Ирина и междуцарствіе.

Когда не стало въ живыхъ царя Θеодора Іоанновича и когда утихла первая скорбь о почившемъ, патріархъ и бояре, предстоявшіе у смертнаго одра его, тутъ же приговорили присягнуть единственному лицу царскаго семейства, самому близкому къ почившему царю, носившему царскій титулъ, царицѣ Иринѣ Θеодоровнѣ, происходившей изъ рода бояръ Годуновыхъ. Всѣ съ ревностью исполнили этотъ священный обрядъ, цѣлуя крестъ въ рукахъ патріарха. За патріархомъ и боярами Москва и всѣ города присягнули царицѣ Иринѣ

Θеодоровнѣ. Все государство признало ея права на власть и вручило ей власть неограниченную, самодержавную. Управленіе государствомъ стало совершаться именемъ царицы: отъ ея имени отдавались приказанія и указы, на ея имя присылались бумаги, въ церквахъ молились на ектеніяхъ за царицу.

Но вскорѣ печальная столица узнала, что вмѣстѣ съ Ириною вдовствуетъ и тронъ Мономаховъ, что вѣнецъ и скипетръ лежатъ на немъ праздно, и что Россія, не имѣя царя, не имѣетъ и царицы: „царица Ирина Θеодоровна на великихъ своихъ государствахъ Россійскаго царствія не изволила быть, а изволила, по своему обѣщанію, оставить превысочайшую честь и славу и высоту Великороссійскаго государства и воспріяти иноческій ангельскій образъ“. Царица отказалась принять самодержавную власть, не пожелала остаться на осиротѣвшемъ престолѣ и объявила безповоротное рѣшеніе свое уйти въ монастырь и стать инокинею.

Эта вѣсть поразила Москву. Святители, дума, дворяне, воинство и „многочеловѣчный народъ“ соборомъ, „съ великимъ воплемъ и неутѣшнымъ плачемъ“ молили царицу, милости просили и били челомъ, чтобы не оставляла ихъ въ ужасномъ сиротствѣ, но государыня осталась непреклонна. Много разъ приходили къ ней и били челомъ, но она не согласилась остаться на престолѣ, и въ девятый день по кончинѣ царя Θеодора Іоанновича царица Ирина выѣхала изъ Кремлевскаго дворца въ Новодѣвичій монастырь и тамъ постриглась въ инокини и приняла новое имя Александры. Россія осталась безъ главы.

Въ Москвѣ открылось междуцарствіе и началось исканіе царя. Тревога и волненіе охватили всѣхъ.

Немедленно закрыты были границы государства, чтобы никого чрезъ нихъ не впускать и не выпускать. Не только на большихъ дорогахъ, но и на тропинкахъ поставили стражу, опасаясь, чтобы никто не вывезъ вѣстей изъ Московскаго государства въ Литву и къ нѣмцамъ. Купцы польско-литовскіе и нѣмецкіе были задержаны въ Москвѣ и въ пограничныхъ городахъ, Смоленскѣ, Псковѣ и другихъ, съ

товарами и слугами, и весь этотъ людъ даже получалъ изъ казны хлѣбъ и сѣно. Официальные гонцы изъ сосѣднихъ государствъ также содержались подъ стражею и по возможности скоро выпроваживались пограничными воеводами обратно за московскую границу. Гонцу Оршинскаго старосты въ Смоленскѣ не дозволили даже самому довести до водопоя лошадь, а о томъ, чтобы купить что-либо на рынкѣ, нечего было и думать. Боялись московскіе люди и того, что сосѣднія государства задумаютъ воспользоваться междуцарствіемъ въ Москвѣ и откроютъ военныя дѣйствія. Въ городахъ отъ украинъ принимались спѣшныя мѣры. Смоленскія стѣны спѣшно достраивали, свозя на нихъ различные строительные матеріалы тысячами возовъ. Къ двумъ бывшимъ въ Смоленскѣ воеводамъ присоединили еще четырехъ. Усиленный гарнизонъ Смоленска не только содержалъ караулы въ самой крѣпости, но и высылалъ разъѣзды въ ея окрестности. Во Псковѣ также соблюдали величайшую осторожность и также обновили составъ начальствующихъ лицъ.

Словомъ, Московское государство готовилось ко всякимъ случайностямъ и старательно оберегалось отъ посторонняго вмѣшательства и соглядатайства. Избраніе царя должно было совершиться не только безъ посторонняго участія и вліянія, но и втайнѣ отъ постороннихъ глазъ.

Узнавъ объ отреченіи царицы Ирины отъ престола и о постриженіи ея въ иночество, народъ московскій собрался въ Кремлѣ. Государственный дьякъ и печатникъ Василій Щелкаловъ вышелъ къ собравшимся и предложилъ принести присягу на имя боярской думы. Но никто не хотѣлъ и слышать объ этомъ.

— Не знаемъ ни князей, ни бояръ,—отвѣтилъ народъ,—знаемъ только царицу; ей мы дали присягу и другой не дадимъ никому: она и въ черницахъ мать Россіи!

Печатникъ посовѣтовался съ боярами, снова вышелъ къ гражданамъ и сказалъ, что царица отказалась отъ престола и оставила свѣтъ, и что народъ долженъ присягнуть боярамъ, если не хочетъ видѣть государственнаго разрушенія. Тогда единогласнымъ отвѣтомъ было:

— И такъ да царствуетъ братъ ея, Борисъ Θеодоровичъ.

Никто не дерзнулъ противорѣчить сему восклицанію. Немедленно, всѣмъ соборомъ, патріархъ съ духовенствомъ, боярами и народомъ пошли въ Новодѣвичій монастырь, куда вслѣдъ за царицею, часто сталъ удаляться и братъ ея, Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ. Тамъ патріархъ Іовъ, говоря, именемъ отечества, просилъ царицу-инокиню Александру благословить своего брата на престолъ, потому что при покойномъ царѣ „онъ же правилъ и все содержалъ милосердымъ своимъ премудрымъ правительствомъ по вашему царскому приказу", просилъ исполнить тѣмъ волю Божію и народную, утишить колебаніе въ душахъ и въ государствѣ, отереть слезы Россіянъ, сирыхъ, безпомощныхъ, пока еще не увѣдали враги, что „царствіе ваше безгосударственно" и престолъ Мономаховъ вдовствуетъ. Патріархъ обратился къ Борису, просилъ его принять царство, называлъ его свыше-избраннымъ для возобновленія царскаго кореня въ Россіи, прямымъ наслѣдникомъ трона послѣ зятя и друга, обязаннаго всѣми успѣхами своего царствованія Борисовой мудрости. Борисъ отвѣчалъ отказомъ:

— Мнѣ никогда и на умъ не приходило о царствѣ. Какъ мнѣ помыслить на такую высоту, на престолъ такого великаго государя, моего пресвѣтлаго царя? Теперь бы намъ промышлять о томъ, какъ устроить праведную и безпорочную душу пресвѣтлаго государя моего, царя Θеодора Ивановича, о государствѣ же и о земскихъ всякихъ дѣлахъ радѣть и промышлять тебѣ, государю моему отцу святѣйшему Іову патріарху, и съ тобой боярамъ. А если моя работа гдѣ пригодится, то я за святыя Божія церкви, за одну пядь Московскаго государства, за все православное христіанство и за грудныхъ младенцевъ радъ кровь свою пролить и голову положить.

На эту рѣчь патріархъ отвѣчалъ обширною рѣчью, въ которой обвинялъ Бориса въ излишней скромности, даже неповиновеніи волѣ Божіей, которая столь явна въ общенародной волѣ; доказывалъ, что Всевышній уготовалъ ему и роду его на вѣки вѣковъ державу Владимірова потомства,

Θеодоровою смертью пресѣченнаго; напоминалъ о Давидѣ, царѣ іудейскомъ, Θеодосіи Великомъ, Маркіанѣ, Михаилѣ Косноязычномъ, Василіи Македонянинѣ, Тиверіи и другихъ императорахъ византійскихъ, неисповѣдимыми судьбами возведенныхъ на престолъ изъ ничтожества, сравнивалъ ихъ добродѣтели съ Борисовыми, убѣждалъ, требовалъ, и не могъ поколебать его твердости. Послѣ этого патріархъ много разъ наединѣ упрашивалъ Бориса, и предъ народомъ умолялъ его, даже со слезами, принять державу Русскаго царства, угрожалъ ему строгимъ отвѣтомъ за ослушаніе волѣ Божіей и за оставленіе отечества сирымъ, и все напрасно: Борисъ рѣшительно отрекся отъ престола.

Тогда рѣшено было отложить избраніе царя до окончанія сорокоуста по царѣ Θеодорѣ и до открытія великаго земскаго собора, на который должны были съѣхаться въ Москву со всей Русской земли всѣ духовныя лица, которыя на великихъ соборахъ бываютъ, весь царскій синклитъ всякихъ чиновъ, служилые и всякіе люди.

Соборъ долженъ былъ собраться въ Москвѣ черезъ шесть недѣль по кончинѣ царя Θеодора, а тѣмъ временемъ государствомъ правила дума, совѣтуясь съ патріархомъ въ дѣлахъ важныхъ. Указы попрежнему писались именемъ царицы Александры, и на ея же имя получались донесенія воеводъ.

Тревога и безпокойство росли съ каждымъ днемъ въ сердцахъ русскихъ людей. Однако Москва и вся Россія въ тишинѣ ожидали развязки необычайнаго положенія.

III.

Избраніе царя Бориса Годунова.

Въ февралѣ съѣхались въ Москву выборные изъ городовъ, и вмѣстѣ съ московскими чинами составили земскій соборъ, въ количествѣ свыше 450 человѣкъ. Здѣсь присутствовали

все знатнѣйшее духовенство, бояре, служилые и всякихъ чиновъ выборные люди изъ всѣхъ областей, собравшіеся для дѣла великаго, небывалаго еще на Руси: для избранія себѣ царя.

17-го февраля, въ пятницу передъ масленицей, патріархъ Іовъ открылъ въ Кремлѣ соборъ. Въ особой рѣчи онъ объявилъ собору, что по кончинѣ царя Ѳеодора царство предложено было его царицѣ Иринѣ; когда она не согласилась занять престолъ царскій, просили ее благословить брата своего, Бориса Ѳеодоровича Годунова, на царство, просили и самого Бориса принять вѣнецъ Мономаховъ; и царица не благословила, и Борисъ отказалъ; и тогда отложили дѣло на сорокъ дней, до пріѣзда выборныхъ.

— И нынѣ,—продолжалъ патріархъ,—вы бы о томъ великомъ дѣлѣ намъ и всему освященному собору мысль свою объявили и совѣтъ дали: кому у насъ государемъ быть? А у меня, Іова патріарха, у митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и у всего священнаго собора, которые были при преставленіи царя Ѳеодора Іоанновича, мысль и совѣтъ всѣхъ единодушны, что намъ мимо Бориса Ѳеодоровича иного государя никого не искать и не хотѣть.

Тогда всѣ присутствовавшіе на соборѣ громко и какъ бы одними устами отвѣтили:

— Нашъ совѣтъ и желаніе тѣ же, одинаковы съ твоимъ, отца нашего патріарха и всего освященнаго собора, что неотложно бить челомъ государю Борису Ѳеодоровичу, а опричь Бориса Ѳеодоровича и дѣтей его никого на царство не искать.

Единодушіе обратилось въ восторгъ, и долго имя Борисово громогласно повторялось всѣмъ многочисленнымъ соборомъ. Послѣ этого бояре „во свидѣтельство святѣйшему патріарху и всему освященному собору“ исчислили права Бориса Ѳеодоровича Годунова на престолъ:

— Царь Іоаннъ Васильевичъ женилъ сына своего, царевича Ѳеодора, на Иринѣ Ѳеодоровнѣ Годуновой и взялъ ее, государыню, въ свои царскія палаты семи лѣтъ, и воспи-

тывалась она въ царскихъ палатахъ до брака. Борисъ Ѳеодоровичъ также при свѣтлыхъ царскихъ очахъ былъ безотступно еще съ несовершеннолѣтняго возраста и отъ премудраго царскаго разума царственнымъ чинамъ и достоянію навыкъ. По смерти царевича Іоанна Іоанновича великій государь Борису Ѳеодоровичу говорилъ: „Божіими судьбами, а по моему грѣху, царевича не стало, и я въ своей кручинѣ не чаю себѣ долгаго живота; такъ полагаю сына своего царевича Ѳеодора и Богомъ данную мнѣ дочь, Ирину, на Бога, Пречистую Богородицу, великихъ чудотворцевъ и на тебя, Бориса: ты бы объ ихъ здоровьѣ радѣлъ и ими промышлялъ; какова мнѣ дочь, царица Ирина, таковъ мнѣ и ты, Борисъ: въ нашей милости ты все равно какъ сынъ". На смертномъ одрѣ царь Іоаннъ Васильевичъ, представляя во свидѣтельство духовника своего, архимандрита Ѳеодосія, говорилъ Борису Ѳеодоровичу: „тебѣ приказываю сына своего Ѳеодора и дочь Ирину, соблюди ихъ отъ всякихъ золъ". Когда царь Ѳеодоръ Іоанновичъ принялъ державу Россійскаго царства, тогда Борисъ Ѳеодоровичъ, помня приказъ царя Іоанна Васильевича, государское здоровье хранилъ, какъ зеницу ока, о царѣ Ѳеодорѣ и царицѣ Иринѣ попеченіе великое имѣлъ, государство ихъ отовсюду оберегалъ съ великимъ радѣніемъ и попеченіемъ многимъ, своимъ премудрымъ разумомъ и бодроопаснымъ содержательствомъ учинилъ ихъ царскому имени во всемъ великую честь и похвалу, а великимъ ихъ государствамъ многое пространство и расширеніе, окрестныхъ прегордыхъ царей послушными сотворилъ, побѣдилъ прегордаго царя Крымскаго, и непослушника короля шведскаго подъ государеву высокую десницу привелъ, города, которые были за Шведскимъ королевствомъ, взялъ. Къ нему, царскому шурину, цесарь христіанскій, салтанъ турецкій, шахъ персидскій и короли изъ многихъ государствъ пословъ своихъ присылали со многою честію. Все Россійское царство онъ въ тишинѣ устроилъ, воинскій чинъ въ призрѣніи и во многой милости, въ строеніи учинилъ, все православное христіанство въ покоѣ и тишинѣ, бѣдныхъ вдовъ и сиротъ въ крѣпкомъ заступленіи,

всѣмъ повиннымъ пощада и неоскудныя рѣки милосердія изливались, святая наша вѣра сіяетъ во вселенной выше всѣхъ, какъ подъ небесемъ пресвѣтлое солнце, и славно было государево и государынино имя отъ моря и до моря, отъ рѣкъ и до конецъ вселенной.

Бояре заключили свою рѣчь такъ:

— Мы напомнимъ вамъ случай достопамятный. Когда царь Ѳеодоръ, умомъ и мужествомъ Бориса, одержавъ славнѣйшую побѣду надъ ханомъ, весело пировалъ съ духовенствомъ и синклитомъ, тогда, въ умиленіи признательности, снявъ съ себя златую царскую гривну, онъ возложилъ ее на выю своего шурина.

Патріархъ объяснилъ собору, что царь, исполненный Св. Духа, симъ таинственнымъ дѣйствіемъ ознаменовалъ будущее царство Годунова, искони предопредѣленное Промысломъ.

И снова приговорили на соборѣ бить челомъ и просить царицу-инокиню Александру, чтобы она благословила брата своего Бориса на царство, и молить самого Годунова принять въ свои руки державу Русскаго государства; въ понедѣльникъ на масленицѣ рѣшили привести этотъ приговоръ въ исполненіе, а до того времени ежедневно всенародно молить Господа Бога, чтобы Онъ даровалъ православному христіанству, по его прошенію, государя, царя Бориса Ѳеодоровича Годунова.

На слѣдующій день, въ субботу 18-го февраля, въ воскресенье 19-го и въ понедѣльникъ 20-го, весь земскій соборъ и всенародное множество торжественно служили молебны въ Успенскомъ соборѣ и колѣнопреклонно, усердно молили Бога, чтобы Годуновъ смягчился и принялъ вѣнецъ.

Въ понедѣльникъ на масленицѣ, 20-го февраля, послѣ молебна въ Успенскомъ соборѣ, патріархъ съ духовенствомъ, боярами и народомъ отправился въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ подлѣ сестры пребывалъ тогда Годуновъ. Прибывшіе со слезами били челомъ и много молили, но и на сей разъ получили все тотъ же рѣшительный отказъ и все тѣ же увѣренія.

— Какъ прежде я говорилъ,—отвѣчалъ Годуновъ,—такъ и теперь говорю: не думайте, чтобы я помыслилъ на пре-

высочайшую царскую степень такого великаго и праведнаго царя.

И государыня царица, и Борисъ Θеодоровичъ не только не оказали милости и отказали просьбамъ о царствѣ, но и приказали, чтобы впередъ о томъ бить челомъ не приходили.

Патріархъ и весь соборъ были въ недоумѣніи, въ скорби многой и плачѣ неутѣшномъ. Тогда святѣйшій патріархъ Іовъ прибѣгъ къ крайнимъ мѣрамъ, чтобы сломить упорство Бориса. Онъ опять созвалъ соборъ и совѣтовалъ устроить на другой день, во вторникъ, празднество Пречистой Богоматери въ Успенскомъ соборѣ, также по всѣмъ церквамъ и монастырямъ и въ самомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, послѣ чего съ иконами и крестами идти въ Новодѣвичій монастырь не только всѣмъ гражданамъ, но и ихъ женамъ съ грудными младенцами, и тамъ бить челомъ государынѣ Александрѣ Θеодоровнѣ и брату ея, Борису Θеодоровичу, чтобы оказали милость. Тутъ же патріархъ съ духовенствомъ приговорили тайно: если царица Александра Θеодоровна брата своего благословитъ и государь Борисъ Θеодоровичъ будетъ царемъ, то проститъ его и разрѣшитъ въ томъ, что онъ подъ клятвою и слезами говорилъ о не желаніи своемъ быть государемъ; если же опять царица и Борисъ Θеодоровичъ откажутъ, то отлучить Бориса Θеодоровича отъ церкви, а самимъ снять съ себя святительскіе саны, тамъ же, въ монастырѣ, сложить кресты и панагіи и одѣться въ простыя монашескія рясы, оставить чудотворныя иконы и запретить службу и пѣніе по всѣмъ церквамъ; „а что учинится въ святыняхъ попраніе и въ христіанствѣ разореніе, а многочеловѣчный, Богомъ собранный, народъ всенароднаго множества, съ ихъ женами и дѣтьми, и грудными младенцами, въ безгосударственное время, беззащитные, погибнутъ, и междоусобная брань воздвигнется, и неповинная христіанская кровь отъ того прольется, и то все взыщетъ Богъ въ день страшнаго и праведнаго Своего суда на немъ, Борисѣ Θеодоровичѣ“.

Въ сію ночь,—повѣствуетъ историкъ,—не угасали огни въ

ӨЕОДОРЪ ІОАННОВИЧЪ
Царь и Самодержецъ всероссійскій
Feodor Joannowicz
Tzar et Autocrator totius Russiae

Москвѣ: все готовилось къ великому дѣйствію, и на разсвѣтѣ, при звукѣ всѣхъ колоколовъ, подвиглась столица. Всѣ храмы и домы отворились: духовенство съ пѣніемъ вышло изъ Кремля, народъ въ безмолвіи тѣснился на площадяхъ. Патріархъ и духовенство подняли хоругви и всѣ чудотворныя иконы, и всѣ крестнымъ ходомъ направились въ Новодѣвичій монастырь. Навстрѣчу изъ монастыря, также съ колокольнымъ звономъ, вынесли образъ Смоленской Богоматери. За симъ образомъ шелъ и Годуновъ, какъ бы изумленный столь необыкновенно торжественнымъ церковнымъ ходомъ, палъ ницъ передъ иконою Владимірскою и, обливаясь слезами, воскликнулъ:

— О, милосердная царица! Зачѣмъ такой подвигъ сотворила, чудотворный свой образъ воздвигла съ честными крестами и со множествомъ иныхъ образовъ? Пречистая Богородица, помолись о мнѣ и помилуй меня!

Долго лежалъ онъ передъ образомъ и омочалъ землю слезами, потомъ приложился къ другимъ иконамъ, подошелъ къ патріарху и съ видомъ укоризны сказалъ ему:

— Святѣйшій отецъ и государь мой, Іовъ патріархъ! Зачѣмъ ты чудотворныя иконы и честные кресты воздвигнулъ и такой многотрудный подвигъ сотворилъ? Ты дашь отвѣтъ Богу!

Патріархъ отвѣчалъ ему, также обливаясь слезами:

— Не я этотъ подвигъ сотворилъ, но Пречистая Богородица со своимъ Предвѣчнымъ Младенцемъ и великими чудотворцами возлюбила тебя, изволила придти и святую волю Сына своего на тебѣ исполнить. Устыдись пришествія Ея, повинись волѣ Божіей и ослушаніемъ не наведи на себя праведнаго гнѣва Господня!

Послѣ этого патріархъ съ знатнѣйшими людьми пошелъ въ храмъ обители, бояре и народъ вошли въ монастырь, а которые не помѣстились въ монастырѣ, тѣ стояли за оградою, занимая все обширное Дѣвичье поле. Отпѣвъ соборомъ литургію, патріархъ, духовенство и бояре, со святыми иконами и крестами, въ священныхъ облаченіяхъ, вошли въ келію царицы. Тамъ святители и бояре преклонили главу

до земли и долго со слезами били челомъ царицѣ, стоя на колѣнахъ. Въ то же время народъ, толпившійся у келіи и около монастыря, съ плачемъ и рыданіемъ падалъ на землю и громко молилъ царицу дать своего брата на царство:

— Благочестивая царица! Помилосердуй о насъ, пощади, благослови и дай намъ на царство брата своего, Бориса Ѳеодоровича!

Царица долго была въ недоумѣніи. Били челомъ Борису, и онъ не внималъ слезнымъ просьбамъ. Наконецъ, царица заплакала и сказала:

— Ради Бога, Пречистой Богородицы и великихъ чудотворцевъ, ради воздвигнутія чудотворныхъ образовъ, ради вашего подвига, многаго вопля, рыдательнаго гласа и неутѣшнаго стенанія, даю вамъ своего единокровнаго брата да будетъ вамъ государемъ-царемъ! Да исполнится желаніе вашихъ сердецъ! Благословляю избраннаго вами и предаю Отцу Небесному, Богоматери, святымъ угодникамъ московскимъ и тебѣ, патріарху, и вамъ, святители, и вамъ, бояре! Да заступитъ мое мѣсто на престолѣ, и да будетъ вамъ государь, и царствующему граду Москвѣ, и всему Россійскому государству царь и великій князь!

Всѣ упали къ ногамъ царицы, которая, печально взглянувъ на Бориса, дала ему повелѣніе властвовать надъ Россіею. Борисъ съ тяжелымъ вздохомъ и со слезами сказалъ:

— Это ли угодно Твоему человѣколюбію, Владыко, и тебѣ, моей великой государынѣ, что такое великое бремя на меня возложила и предаешь меня на такой превысочайшій царскій престолъ, о которомъ и на разумѣ у меня не было? Богъ свидѣтель и ты, великая государыня, что въ мысляхъ у меня того никогда не было, я всегда при тебѣ хочу быть и святое, пресвѣтлое, равноангельское лице твое видѣть.

Царица Александра отвѣчала ему:

— Противъ воли Божіей кто можетъ стоять? И ты бы безо всякаго прекословія, повинуясь волѣ Божіей, былъ всему православному христіанству государемъ.

Тогда Борисъ какъ бы въ сокрушеніи духа воскликнулъ:

— Буди же святая воля Твоя, Господи! Настави меня на путь правый и не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ! Повинуюсь Тебѣ, исполняя желаніе народа!

Патріархъ, весь соборъ и всѣ присутствовавшіе пали на колѣна, возсылая благодареніе Богу, и всѣхъ объяли общая радость и общій восторгъ. Окруженный боярами, тѣснимый народомъ, Борисъ вслѣдъ за духовенствомъ пошелъ въ храмъ Новодѣвичьей обители, гдѣ патріархъ Іовъ, передъ чудотворными иконами Владимірской и Донской, благословилъ его на всѣ великія государства Россійскаго царства, нарекъ его царемъ и возгласилъ ему первое многолѣтіе.

Такъ совершилось избраніе народное, и на престолъ русскаго государства сѣлъ новый царь, Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ, родственный, но не единокровный пресѣкшемуся поколѣнію царей московскихъ, происходившій изъ боярскаго рода, ведшаго свое начало отъ татарскаго мурзы Чета, въ крещеніи Захаріи, выѣхавшаго изъ Орды при великомъ князѣ московскомъ Іоаннѣ Калитѣ. Рода не знатнаго и не старшинаго, онъ близостію къ послѣднему природному царю московскому и мудрымъ управленіемъ при немъ государствомъ заслужилъ всенародное избраніе на царство.

IV.

Въѣздъ и вѣнчаніе Бориса на царство.

26-го февраля, въ прощеное воскресенье на масленицѣ, царь Борисъ Θеодоровичъ совершилъ торжественный въѣздъ въ Москву. Народъ встрѣтилъ его предъ стѣнами города и поднесъ ему хлѣбъ, кубки, соболя, жемчугъ и иные царскіе дары. Но новый царь принялъ только хлѣбъ, „сказавъ, что богатство въ рукахъ народа ему пріятнѣе, нежели въ казнѣ". У вратъ Успенскаго собора царя встрѣтилъ святѣйшій патріархъ Іовъ съ духовенствомъ со крестами и иконами. Отпѣвъ молебенъ, патріархъ вторично благословилъ

на царство „Богомъ избраннаго государя, царя и великаго князя Бориса Ѳеодоровича“, осѣнивъ его крестомъ животворящаго Древа, и по благословеніи пѣли царское многолѣтіе „государю, Богомъ избранному, и Богомъ возлюбленному, и Богомъ предпочтенному царю и великому князю Борису Ѳеодоровичу, всея Руси самодержцу, и его благовѣрной и христолюбивой царицѣ и великой княгинѣ Маріи, и ихъ благороднымъ чадамъ, благовѣрному царевичу Ѳеодору Борисовичу и благовѣрной царевнѣ Ксеніи“. Въ это время патріархъ, духовенство, бояре и всенародное множество радостно поздравляли царя, а патріархъ, благодаря Бога, воскликнулъ: „Благословенъ Богъ, ибо не презрѣлъ нашего моленія, услышалъ вопль и рыданіе христіанъ, преложилъ ихъ скорбь на веселіе, и даровалъ намъ царя, котораго мы денно и нощно просили со слезами!“ Отслушавъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, царь Борисъ пошелъ „прощаться“ сначала въ Архангельскій соборъ, гдѣ, покланяясь гробницамъ великихъ князей и царей московскихъ, говорилъ со слезами:

— Великіе государи! Хотя тѣломъ отъ своихъ великихъ государствъ вы и отошли, но духомъ всегда пребываете неотступно и, предстоя предъ Богомъ, молитву творите: помолитесь и обо мнѣ и помогите мнѣ!

Изъ Архангельскаго собора пошелъ въ Благовѣщенскій и потомъ къ патріарху Іову. Долго побесѣдовавъ съ нимъ наединѣ, царь испросилъ у него прощеніе, простился съ духовенствомъ и боярами и, совершивъ сей трогательный обрядъ прощенія, возвратился снова въ Новодѣвичій монастырь, предупредивъ, что въ монастырѣ онъ пробудетъ у вдовствующей государыни царицы инокини Александры до Свѣтлаго Христова Воскресенія, такъ какъ царица еще была больна отъ перенесенной печали.

9-го марта, въ четвергъ на второй недѣлѣ Великаго поста, патріархъ снова созвалъ знатное духовенство, бояръ, дворянъ и весь соборъ и сказалъ имъ:

— Уже время намъ молить Бога, чтобы благочестиваго великаго государя царя нашего Бориса Ѳеодоровича сподобилъ облечься въ порфиру царскую; да установить бы намъ

свѣтлое празднество преславному чуду Богородицы въ тотъ день, когда Богъ показалъ на насъ неизреченное свое милосердіе, даровалъ намъ благочестиваго государя Бориса Ѳеодоровича, учредить крестный ходъ въ Новодѣвичій монастырь каждый годъ непремѣнно.

И всѣмъ соборомъ отвѣтили единодушно и обѣщали молиться Богу за царя и царское семейство безпрестанно, день и ночь. Приговорили и празднество совершать ежегодно и разослали грамоты по областямъ съ приказаніемъ пѣть молебны по три дня со звономъ.

Однако царь Борисъ попрежнему оставался въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. И былъ ему, великому государю, великій подвигъ и великіе труды постоянно пребывать у сестры своей, царицы, и часто являться въ „вотчину свою, царствующій градъ Москву“, и о всей землѣ промышлять и заботиться. А царица Александра видимо страдала и отъ неутолимаго плача и скорби истерзалась до изнуренія силъ. Видя и этотъ подвигъ, и эту печаль, патріархъ и бояре тщетно убѣждали царя оставить обитель и переселиться съ супругою и дѣтьми въ кремлевскія палаты. Борисъ не хотѣлъ оставить сестру свою въ горѣ и смертельномъ недугѣ. Лишь участіе самой царицы заставило, наконецъ, Бориса отказаться отъ своего намѣренія и переѣхать въ царскій дворецъ въ Кремлѣ.

30-го апрѣля, въ недѣлю женъ Мироносицъ, царь Борисъ торжественно переѣхалъ на житье во дворецъ кремлевскій. Патріархъ, духовенство, бояре и всенародное множество, со крестами и иконами, вышли навстрѣчу царю изъ Кремля за Неглинную рѣку и ожидали царя у Каменнаго моста. И опять въ Успенскомъ соборѣ пѣли молебенъ, и опять, уже въ третій разъ, патріархъ благословилъ Бориса на царство и въ этотъ разъ возложилъ ему на грудь животворящій крестъ святителя Петра, что было уже началомъ царскаго вѣнчанія. Послѣ литургіи Борисъ со всею семьею своею, въ сопровожденіи духовенства и бояръ, обошелъ соборы кремлевскіе и, наконецъ, вступилъ въ царскія палаты и сѣлъ на царскомъ престолѣ.

Оставалось теперь вѣнчаться на царство и симъ священнодѣйствіемъ окончательно упрочить себя и свой родъ на престолѣ московскомъ. Но Годуновъ медлилъ и съ этимъ важнѣйшимъ дѣломъ.

1-го августа патріархъ снова созвалъ у себя соборъ и держалъ къ нему такую рѣчь:

— Мы били челомъ соборно и молили со слезами много дней государыню царицу Александру Θеодоровну и государя царя Бориса Θеодоровича, который насъ пожаловалъ, сѣлъ на государствѣ: такъ я васъ, бояръ и весь царскій синклитъ, дворянъ, приказныхъ людей и гостей, и все христолюбивое воинство благословляю на то, что вамъ великому государю царю Борису Θеодоровичу, его благовѣрной царицѣ и ихъ благороднымъ чадамъ служить вѣрою и правдою, зла на нихъ не думать и не измѣнять ни въ чемъ, какъ вы имъ, государямъ, души свои дали у чудотворнаго образа Богородицы и у цѣлбоносныхъ гробовъ великихъ чудотворцевъ.

Бояре и всѣ присутствовавшіе отвѣчали:

— Мы цѣловали крестъ и обѣтъ дали Богу и всѣмъ святымъ, тебя, великаго господина, и весь освященный соборъ въ свидѣтельство представляемъ, что за великаго государя, благовѣрную царицу и дѣтей ихъ души и головы положить и служить имъ вѣрою и правдою, и никого, мимо ихъ, на престолъ не искать и не хотѣть; а кто похочетъ мимо ихъ иного государя искать или какое лихо учинить, и намъ на того измѣнника извѣстить тебѣ, святѣйшему патріарху, и стоять на него всею землею заодно. Также намъ ни по отечеству и ни по своему достоинству, свыше своего отечества и службы, мимо царскаго повелѣнія, чести никакъ не хотѣть и быть въ государевыхъ дѣлахъ безъ прекословія, а кто станетъ сопротивляться царской власти и повелѣнію, на того положить клятву святительскую; а намъ беречь то: какъ кому государь на своей службѣ и у всякаго дѣла быть велитъ, такъ тому и быть. Также намъ смотрѣть накрѣпко, чтобы государю царю въ разрядныхъ и земскихъ дѣлахъ кручины не приносить никакой.

Святѣйшій патріархъ сказалъ:

— Если вы такой обѣтъ предъ Богомъ полагаете, то надобно намъ грамоту утвержденную написать и руки свои къ ней приложить и печати свои привѣсить, чтобы было впредь крѣпко, и неподвижно, и стоятельно навѣки.

Весь соборъ отвѣчалъ усерднымъ согласіемъ: составили соборную грамоту объ избраніи Бориса Годунова въ цари, скрѣпили ее подписями и одинъ списокъ ея положили въ сокровищницу царскую, а другой въ патріаршую ризницу въ Успенскомъ соборѣ. Но и тогда еще не дождались царскаго вѣнчанія.

Царь Борисъ вѣнчался, наконецъ, на царство 1-го сентября, въ праздникъ Новаго года. Во время сего священнодѣйствія, въ порывѣ радостнаго чувства, получивъ благословеніе отъ патріарха Іова, онъ воскликнулъ:

— Отче, великій патріархъ Іовъ! Богъ свидѣтель, что въ моемъ царствѣ не будетъ бѣднаго человѣка!

И, тряся воротъ рубашки своей, продолжалъ:

— И эту послѣднюю рубашку раздѣлю со всѣми!

Общій восторгъ былъ отвѣтомъ на радостные порывы новаго вѣнценосца. Говорятъ, что, тронутый знаками общей къ нему любви, онъ произнесъ и другой важный обѣтъ: въ теченіе пяти лѣтъ никого изъ преступниковъ не казнить смертію, а только ссылать.

Осыпанный въ дверяхъ церковныхъ золотомъ изъ рукъ князя Мстиславскаго, Борисъ въ коронѣ, съ державою и скипетромъ, возвратился во дворецъ занять мѣсто природныхъ царей на тронѣ Россіи, чтобы милостями и благодѣяніями праздновать этотъ великій день.

Въ этотъ день Борисъ пожаловалъ разныхъ лицъ, особенно родственниковъ своихъ Годуновыхъ, въ разные высшіе чины: въ конюшіе, дворецкіе, бояре, окольничіе, стольники и другіе чины. Всѣмъ служилымъ людямъ онъ приказалъ выдать двойное жалованіе, торговымъ людямъ торговать безпошлинно два года, крестьянъ и инородцевъ освободить на годъ отъ податей и ясака, вдовамъ и сиротамъ раздать деньги и съѣстные припасы, заключенныхъ освободить изъ темницъ. Къ этимъ милостямъ прибавилъ новую для крестьянъ, опре-

дѣливъ, сколько они должны были работать на господъ и платить имъ. Облегчилъ участь и опальнымъ прошлаго царствованія и явилъ много еще другихъ милостей. Обнародовавъ съ престола эти милости, Борисъ двѣнадцать дней угощалъ народъ роскошными пирами.

V.

Шаткость Бориса на престолѣ.

Почему же такъ медлилъ Борисъ вѣнчаться на царство? Почему патріархъ такъ много разъ созывалъ соборъ и не распускалъ его съ февраля до подписанія соборной грамоты въ августѣ? Почему нужны были эти многократныя приглашенія крѣпко держаться крестнаго цѣлованія Борису и эти отвѣтныя увѣренія въ вѣрности? „Столько слезъ было пролито при челобитьяхъ и встрѣчахъ!“—справедливо замѣтилъ историкъ. Кажется, можно было бы увѣриться въ преданности народа избранному царю; но, видно, царь и патріархъ были еще далеки отъ этой увѣренности.

Все это нужно было потому, что самъ избранный царь Борисъ не вѣрилъ въ прочность своего положенія на высокомъ престолѣ Русскаго царства. Ему, потомку татарскаго мурзы и недавнему бояpину, не по плечу было царское мѣсто на тронѣ величайшихъ, природныхъ нашихъ государей, собирателей, объединителей и создателей могучаго государства: Равноапостольнаго Владиміра, Ярослава Мудраго, Мономаха, Боголюбскаго, Невскаго, Калиты, Гордаго, Донского, Іоанна III, Грознаго!.. Въ этомъ ряду славныхъ и великихъ именъ онъ былъ и неравнымъ, и чужимъ человѣкомъ...

Годуновъ понялъ всю тяжесть и всю шаткость своего новаго положенія, и съ первыхъ же дней своего воцаренія не вѣрилъ ни искренности своихъ избирателей, ни своему превосходству передъ возможными другими избранниками. И

вотъ его начинаютъ снѣдать неувѣренность въ самомъ себѣ и въ окружающихъ, страхъ предъ низостію своего происхожденія и крайняя, доходящая до ничтожнѣйшихъ мелочей подозрительность. Борисъ боялся, что ему всѣ желаютъ зла, что его изведутъ отравою, что его испортятъ колдовствомъ. Чтобъ избѣжать бѣды и успокоить свои разстроенныя чувства, онъ вздумалъ связать совѣсть своихъ подданныхъ крестнымъ цѣлованіемъ и заставилъ ихъ присягнуть на всемъ, что только могло подсказать ему болѣзненно возбужденное воображеніе. Присяжный листъ, по которому вся Россія присягала на вѣрность царю Борису Годунову, выдалъ неувѣренность Борисову, оскорбительную и для его высочайшаго сана, и для его вѣрноподданныхъ. Каждый, цѣловавшій крестъ Борису, между прочимъ, клялся:

„Мнѣ надъ государемъ своимъ царемъ и надъ царицею и надъ ихъ дѣтьми въ ѣдѣ, питьѣ и платьѣ и ни въ чемъ другомъ лиха никакого не учинить и не испортить, зелья лихого и коренья не давать и не велѣть никому давать, и мнѣ такого человѣка не слушать, зелья лихого и коренья у него не брать; людей своихъ съ вѣдовствомъ, со всякимъ лихимъ зельемъ и кореньемъ не посылать, вѣдуновъ и вѣдуней не добывать на государское лихо. Также государя царя, царицу и дѣтей ихъ на слѣду никакимъ вѣдовскимъ мечтаніемъ не испортить, вѣдовствомъ по вѣтру никакого лиха не насылать и слѣду не вынимать никакимъ образомъ, никакою хитростію. А какъ государь царь, царица или дѣти ихъ куда поѣдутъ или пойдутъ, то мнѣ слѣду волшебствомъ не вынимать. Кто такое вѣдовское дѣло захочетъ мыслить или дѣлать, и я объ этомъ узнаю, то мнѣ про того человѣка сказать государю своему царю или его боярамъ, или ближнимъ людямъ, не утаить мнѣ про то никакъ, сказать вправду безо всякой хитрости; у кого узнаю, или со стороны услышу, что кто-нибудь о такомъ зломъ дѣлѣ думаетъ, то мнѣ этого человѣка поймать и привести къ государю своему царю, или къ его боярамъ и ближнимъ людямъ вправду, безо всякой хитрости, не утаить мнѣ этого никакимъ образомъ, никакою хитростью, а не смогу я этого

человѣка поймать, то мнѣ про него сказать государю царю, или боярамъ и ближнимъ людямъ".

Такое перечисленіе всякихъ видовъ зла, этотъ страхъ передъ волшебствомъ не занимали ни одного царя Русскаго, кромѣ Бориса Годунова: въ крестныхъ записяхъ его преемниковъ всего этого нѣтъ. Мало того: Борисъ боялся и соперниковъ, и даже родственнаго себѣ, крещенаго хана касимовскаго, Симеона Бекбулатовича. По той же крестной записи присягавшій клялся:

„Мнѣ мимо государя своего царя Бориса Ѳеодоровича, его царицы, ихъ дѣтей и тѣхъ дѣтей, которыхъ имъ впередъ Богъ дастъ, царя Симеона Бекбулатова и его дѣтей и никого другого на Московское государство не хотѣть, ни думать, ни мыслить, ни семьиться, ни дружиться, ни ссылаться съ царемъ Симеономъ ни грамотами, ни словомъ не приказывать на всякое лихо; а кто мнѣ станетъ объ этомъ говорить, или кто съ кѣмъ станетъ о томъ думать, чтобъ царя Симеона или другого кого на Московское государство посадить, и я объ этомъ узнаю, то мнѣ такого человѣка схватить и привести къ государю"...

Эта неувѣренность Годунова расхолаживала избирателей, и что же удивительнаго въ томъ, что на самомъ соборѣ раздавались голоса въ пользу иныхъ избранниковъ, въ пользу бояръ именитыхъ русскихъ родовъ, въ пользу любезныхъ народу Романовыхъ и даже въ пользу Бекбулатовича? Бояре не забыли и не могли забыть того, что еще недавно Годуновъ былъ съ ними ровенъ; многіе изъ нихъ считали свои права на престолъ болѣе сильными, чѣмъ его права; не могли забыть и того, что члены ихъ родовъ были погублены имъ при царѣ Ѳеодорѣ. За двадцать лѣтъ до занятія престола Борисъ мѣстничалъ съ княземъ Сицкимъ, и царь Иванъ Васильевичъ велѣлъ учинить боярина Бориса Ѳеодоровича Годунова многими мѣстами выше князя В. А. Сицкаго. Такого приговора не могли забыть потомки удѣльныхъ князей племени Владиміра Святого. Если потомки Мономаха въ XVII вѣкѣ ставили себя выше бояръ татарскаго происхожденія, то могли ли эти потомки Мономаха, съ Шуй-

скими во главѣ, въ концѣ XVI вѣка равнодушно видѣть занятіе престола потомкомъ мурзы Чета?

Какъ бы то ни было, собору не легко было рѣшить вопросъ объ избраніи новаго царя; самъ Борисъ своимъ поведеніемъ не облегчилъ ему рѣшенія задачи и получилъ престолъ не безъ борьбы съ соперниками. Несомнѣнны колебаніе и раздѣленіе соборныхъ сочувствій между различными избранниками на царскій престолъ, главнымъ образомъ, между Θеодоромъ Никитичемъ Романовымъ и Борисомъ Годуновымъ. Первый опирался на придворную знать, а второй находилъ приверженцевъ въ среднихъ слояхъ населенія.

Правленіе Бориса всего благосклоннѣе было именно къ среднимъ состояніямъ, и именно въ нихъ всего извѣстнѣе былъ Борисъ. Естественно, что въ рѣшительные дни царскаго избранія, для успѣха въ избирательной борьбѣ, Годуновъ долженъ былъ обратиться къ дѣятельному, но тайному руководству населеніемъ, и прежде всего направить своихъ клевретовъ въ расположенные къ нему слои столичнаго и городского населенія. Однимъ изъ средствъ этого рода могло служить назначеніе на должности въ городахъ и въ самой Москвѣ надежныхъ, съ точки зрѣнія Годунова, лицъ. Служебныя назначенія, конечно, вполнѣ зависѣли отъ Годунова, пока онъ оставался во главѣ управленія. И дѣйствительно, во Псковъ послѣ кончины царя Θеодора были присланы новые чиновники изъ близкихъ къ Борису людей. Новые воеводы, какъ мы видѣли, были посланы и въ Смоленскъ.

По словамъ современниковъ, Годуновъ всю Москву наполнилъ родными и спомогателями, такъ что вездѣ были его „слухъ и око“, и всѣ дѣйствія даже самого патріарха руководились этими спомогателями. Конечно, они разсылались по Москвѣ и городамъ съ цѣлію прямой подготовки среднихъ классовъ населенія къ избранію въ цари Бориса.

Между тѣмъ стоявшая на дорогѣ Годунова къ трону семья Романовыхъ пользовалась общею любовію и въ глазахъ всего населенія имѣла большее право наслѣдовать царскую власть. Къ невыгодѣ Бориса, это право основывалось на безспорной кровной близости къ угасшему царскому роду:

черезъ тетку свою, царицу Анастасію, любимую супругу Грознаго, Θеодоръ Никитичъ Романовъ приходился двоюроднымъ братомъ покойному царю Θеодору Іоанновичу. Борисъ сумѣлъ отстранить Романова и примирился съ нимъ на страшной клятвѣ, „яко братію и царству помогателя имѣти“ его.

Понятны трудность и щекотливость положенія Бориса. Ему пришлось соперничать и бороться съ своими былыми друзьями. Такимъ образомъ, говоритъ историкъ, не старое титулованное боярство, очнувшись отъ ужасовъ Іоанновой опричнины, подняло свою голову, чтобы посадить на престолъ человѣка „великой породы“ отъ колѣна Рюрикова; не политическая партія пыталась, возведя на тронъ своего вожака, захватить власть и силу въ государствѣ. Нѣтъ, здѣсь боролись отдѣльныя семьи и лица. Съ одной стороны, столкнулись изъ-за власти и сана вѣрные слуги только что усопшаго господина и старые другъ другу пріятели, умѣвшіе много лѣтъ въ согласіи дѣлить милости и ласку своего общаго хозяина и родственника, московскаго государя. А съ другой стороны, ничтожный, хотя и умный смутьянъ, какимъ былъ Бѣльскій, такъ много обязанный Годунову, заслышавъ о смерти не любившаго его царя Θеодора, явился въ столицу съ толпою челяди, готовый при случаѣ погубить своего милостивца и захватить власть въ свою пользу. Поставленный лицомъ къ лицу съ такими противниками, Годуновъ не могъ, не роняя достоинства своей власти и не вредя самому себѣ, мстить имъ за то, что они не хотѣли его избранія, или могли быть сами избраны вмѣсто него. Противъ старыхъ бояръ можно было бы воскресить забытыя казни въ интересахъ якобы государственнаго порядка; противъ партіи была бы возможна открытая борьба, а противъ отдѣльныхъ лицъ и семей была возможна одна низкая месть. Годуновъ не уронилъ себя до того, чтобы тотчасъ на нее рѣшиться, но не былъ въ состояніи и совсѣмъ отъ нея отказаться. Онъ ждалъ случая, который бы помогъ ему предъявить къ Романовымъ и Бѣльскому какое-либо серьезное обвиненіе, и, дождавшись, не пощадилъ ихъ.

Самъ по себѣ Борисъ Годуновъ не лишенъ былъ крупныхъ способностей и достоинствъ, какъ человѣкъ безспорно очень умный, быть можетъ, болѣе всѣхъ другихъ бояръ способный къ правительственному дѣлу, быть можетъ, яснѣе другихъ понимавшій потребности государства, главную изъ нихъ, потребность просвѣщенія, сближенія съ народами Западной Европы; какъ человѣкъ благонамѣренный, готовый сдѣлать все возможное добро тамъ, гдѣ дѣло не шло о его личныхъ выгодахъ, но человѣкъ, не имѣвшій столько нравственной твердости, нравственнаго величія, чтобъ освободиться изъ-подъ вліянія школы, въ которой воспитался, чтобъ, приближаясь къ престолу и на престолѣ, сбросить съ себя боярство временъ Грознаго и явиться съ нравственнымъ величіемъ, тѣмъ болѣе необходимымъ, что онъ былъ царь избранный, начинавшій новую династію. Годуновъ, который, будучи бояриномъ, казался достойнымъ царствовать, явился на престолѣ бояриномъ, и бояриномъ временъ Грознаго, неувѣреннымъ въ самомъ себѣ, подозрительнымъ, пугливымъ, неспособнымъ къ дѣйствіямъ прямымъ, открытымъ, привыкшимъ къ мелкой игрѣ въ крамолы и доносы, не умѣвшимъ владѣть собою, ненаходчивымъ въ случаяхъ важныхъ, рѣшительныхъ.

Ко всему этому необходимо прибавить и то, что народъ самъ питалъ разныя подозрѣнія на счетъ Бориса Годунова, которыя далеко не возбуждали къ нему любви народной. Народъ прежде всего не забылъ и не простилъ Борису внезапной кончины царевича Димитрія. Младшій и малолѣтній сынъ Грознаго и его супруги Маріи изъ рода Нагихъ, онъ съ матерью своею и родственниками Нагими былъ сосланъ на постоянное житье въ Угличъ, назначенный ему въ удѣлъ Грознымъ, тотчасъ же по восшествіи на престолъ своего старшаго брата, царя Ѳеодора Іоанновича. Когда выяснилась опасность Ѳеодору скончаться бездѣтнымъ, тогда стало несомнѣннымъ, что бездѣтному царю наслѣдуетъ его братъ Димитрій. Вдругъ въ Москвѣ узнали, что въ Угличѣ 15 мая 1591 года погибъ царевичъ Димитрій. Страшная вѣсть быстро разнеслась по всему государству, и повсюду

понесся слухъ, что погибъ онъ насильственною смертію, отъ убійцъ, подосланныхъ Годуновымъ. Лѣтописцы такъ разсказываютъ подробности событія.

Сначала хотѣли отравить Димитрія: давали ему ядъ въ пищѣ и питьѣ, но понапрасну. Тогда Борисъ призвалъ родственниковъ своихъ, Годуновыхъ, людей близкихъ, окольничаго Клешнина и другихъ, и объявилъ имъ, что отравой дѣйствовать нельзя, надобно употребить другія средства.

Одинъ изъ Годуновыхъ, Григорій Васильевичъ, не хотѣлъ дать своего согласія на злое дѣло, и его больше не призывали на совѣтъ и чуждались. Другіе совѣтники Борисовы выбрали двухъ людей, по ихъ мнѣнію, способныхъ на дѣло: Владиміра Загрязскаго и Никифора Чепчюгова, но эти отреклись. Борисъ былъ въ большомъ горѣ, что дѣло не удается. Его утѣшилъ Клешнинъ.

— Не печалься,—говорилъ онъ ему,—у меня много родныхъ и друзей, желаніе твое будетъ исполнено.

И точно, Клешнинъ отыскалъ человѣка, который взялся исполнить дѣло: то былъ дьякъ Михаилъ Битяговскій. Съ Битяговскимъ отправили въ Угличъ сына его Данилу, племянника Никиту Качалова, сына мамки Димитріевой, Осипа Волохова. Этимъ людямъ поручено было завѣдывать всѣмъ въ городѣ. Царица Марія замѣтила враждебные замыслы Битяговскаго съ товарищами и стала беречь царевича, никуда отъ себя изъ хоромъ не отпускала. Но 15-го мая, въ полдень, она почему-то осталась въ хоромахъ, и мамка Волохова, бывшая въ заговорѣ, повела ребенка на дворъ, куда сошла за ними и кормилица, напрасно уговаривавшая мамку не водить ребенка. На крыльцѣ уже дожидались убійцы. Осипъ Волоховъ, взявъ Димитрія за руку, сказалъ:

— Это у тебя, государь, новое ожерельице?

Ребенокъ поднялъ голову и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, старое.

Въ эту минуту сверкнулъ ножъ. Но убійца кольнулъ только въ шею, не успѣвъ захватить гортани, и убѣжалъ. Димитрій упалъ, кормилица пала на него, чтобы защитить, и начала кричать; тогда Данила Битяговскій съ Качаловымъ,

избивъ ее до полусмерти, отняли у нея ребенка и дорѣзали.

Изъ Москвы наряжено было особое слѣдствіе, которое во всемъ обвинило родственниковъ царевича Нагихъ, такъ какъ, будто бы, по ихъ небрежности царевичъ самъ закололся во время игры съ другими дѣтьми. Виновные по слѣдствію были строго наказаны. Царицу Марію постригли въ монахини и заточили въ Выксинскую пустынь на Бѣлоозерѣ, Нагихъ всѣхъ разослали по городамъ по тюрьмамъ, угличанъ однихъ казнили смертью, инымъ рѣзали языки, разсылали по тюрьмамъ, много людей свели въ Сибирь и населили ими городъ Пелымъ, самый набатный колоколъ сняли и сослали въ Сибирь, и съ того времени Угличъ запустѣлъ.

Соборъ обвинилъ Нагихъ, но въ народѣ винили Бориса, а народъ памятливъ и любитъ съ событіемъ, особенно его поразившимъ, соединять и всѣ другія важныя событія. Легко понять впечатлѣніе, какое должна была произвести смерть Димитрія: и прежде гибли удѣльные въ темницахъ, но противъ нихъ было обвиненіе въ крамолахъ, они наказывались государемъ; теперь же погибъ ребенокъ невинный, погибъ не въ усобицѣ, не за вину отца, не по приказу государеву, погибъ отъ подданнаго.

Скоро, въ іюнѣ мѣсяцѣ того же 1591 года, сдѣлался страшный пожаръ въ Москвѣ, выгорѣлъ весь Бѣлый городъ. Годуновъ расточилъ милости и льготы погорѣвшимъ. Но понеслись слухи, что онъ нарочно велѣлъ зажечь Москву, дабы милостями привязать къ себѣ ея жителей и заставить ихъ забыть о Димитріи, или, какъ говорили другіе, дабы заставить царя, бывшаго у Троицы, возвратиться въ Москву, а не ѣхать въ Угличъ для розыска: народъ думалъ, что царь не оставитъ такого великаго дѣла безъ личнаго изслѣдованія, народъ ждалъ правды. Слухъ былъ такъ силенъ, что Годуновъ почелъ нужнымъ опровергнуть его въ Литвѣ черезъ посланника Исленьева, который получилъ наказъ: „Станутъ спрашивать про пожары московскіе, то говорить: мнѣ въ то время не случилось быть въ Москвѣ; своровали мужики воры, люди Нагихъ, Аѳанасья съ братьею: это на

Москвѣ сыскано. Если же кто молвитъ, что есть слухи, будто зажигали люди Годуновыхъ, то отвѣчать: это какой-нибудь воръ бездѣльникъ сказывалъ; лихому человѣку воля затѣвать. Годуновы—бояре именитые, великіе".

Пришелъ ханъ Казы-Гирей подъ Москву, и по украйнѣ понесся слухъ, что подвелъ его Борисъ Годуновъ, боясь земли за убійство царевича. Ходилъ этотъ слухъ между простыми людьми. Алексинскій сынъ боярскій донесъ на своего крестьянина, крестьянина взяли и пытали въ Москвѣ. Онъ оговорилъ многое множество людей. Послали сыскивать по городамъ, много людей перехватали и пытали, кровь неповинную проливали, много людей съ пытокъ померло, иныхъ казнили и языки рѣзали, иныхъ по темницамъ поморили, и много мѣстъ оттого запустѣло.

Черезъ годъ послѣ углицкаго происшествія, въ 1592 году, царица Ирина Ѳеодоровна разрѣшилась отъ бремени дочерью. Царь и народъ радостно привѣтствовали это счастливое событіе. Но въ слѣдующемъ году маленькая царевна, названная Ѳеодосіей, скончалась, къ великой горести родителей. Царь Ѳеодоръ былъ долго печаленъ, и въ Москвѣ былъ плачъ большой. Къ царицѣ патріархъ Іовъ писалъ утѣшительное посланіе, говорилъ, что она можетъ помочь горю не слезами, не безполезнымъ изнуреніемъ тѣла, но молитвою, упованіемъ, по вѣрѣ дастъ Богъ чадородіе, и приводилъ въ примѣръ св. Анну. Въ Москвѣ плакали и говорили, что царскую дочь уморилъ Борисъ.

Въ рижской крѣпости, занятой поляками, проживала вдова титулярнаго ливонскаго короля Магнуса, Марія Владиміровна, съ маленькой дочерью своей Евдокіей. Марія была дочерью двоюроднаго брата царя Іоанна, Владиміра Андреевича. При бездѣтномъ Ѳеодорѣ и послѣ смерти царевича Димитрія, при прекращеніи мужского колѣна, она оставалась единственною потомкою царскаго рода съ женской стороны. Сей правнукѣ Іоанна III, юной вдовѣ, Годуновъ обѣщалъ богатый удѣлъ и знаменитаго жениха, если она вернется въ Москву. Но тутъ ее заставили постричься въ монахини, а ея дочь вскорѣ умерла. И въ насильномъ постриженіи

Борисъ Феодоровичъ Годуновъ
Царь и Самодержецъ всероссійскій
Boris Feodorowicz Godunow
Tzuar et Imperator totius Russiae

матери, и въ преждевременной кончинѣ дочери молва тоже обвинила Годунова, приписавъ ее ненасытному честолюбію Бориса, расчищавшаго себѣ путь къ престолу устраненіемъ всѣхъ лицъ, могущихъ имѣть на него какія-либо притязанія.

Оставался еще одинъ человѣкъ, который не только носилъ названіе царя и великаго князя, но дѣйствительно царствовалъ одно время въ Москвѣ по волѣ Грознаго, крещеный касимовскій ханъ Симеонъ Бекбулатовичъ. Женатый на сестрѣ боярина Θеодора Мстиславскаго, онъ вѣрною службою и принятіемъ крещенія снискалъ себѣ милость Іоаннову и имѣлъ въ Твери пышный дворъ и власть намѣстника съ какими-то правами удѣльнаго князя. Въ началѣ царствованія Θеодорова онъ еще упоминается въ Разрядахъ подъ именемъ царя тверского и первенствуетъ предъ боярами. Но потомъ онъ долженъ былъ выѣхать оттуда и жить уединенно въ селѣ своемъ Кушалинѣ. Дворовыхъ людей у него было немного, и жилъ онъ въ скудости. Наконецъ, онъ ослѣпъ. И въ этомъ несчастіи народъ обвинилъ Годунова. Лѣтописецъ разсказываетъ, что Борисъ въ знакъ ласки прислалъ къ нему на именины вина испанскаго: Симеонъ выпилъ кубокъ, желая здравія царю, и чрезъ нѣсколько дней ослѣпъ, будто бы отъ ядовитаго зелія, смѣшаннаго съ симъ виномъ.

Когда скончался царь Θеодоръ, не пощадили Годунова и отъ обвиненія въ смерти самого царя!

Шатко и тяжело было положеніе царя Бориса и не сулило оно роду Годуновыхъ долговѣчности на престолѣ московскомъ.

VI.

Польша и Швеція.

Еще три года продолжались счастіе Бориса и благоденствіе Россіи.

Во внѣшнихъ сношеніяхъ царствованіе Бориса было еще

болѣе мирное, чѣмъ предшествовавшее царствованіе. По отношенію къ западнымъ, самымъ опаснымъ сосѣдямъ, Польшѣ и Швеціи, оно началось при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ: эти державы, такъ недавно грозившія Москвѣ страшнымъ союзомъ своимъ подъ однимъ королемъ, теперь находились въ открытой и ожесточенной враждѣ: Сигизмундъ Польскій воевалъ съ дядею своимъ, Карломъ Шведскимъ, въ которомъ видѣлъ похитителя своего отчиннаго престола. Но отношеніе къ нимъ Бориса было какое-то робкое. Онъ не воспользовался такими благопріятными обстоятельствами для пріобрѣтенія хотя части Ливоніи, за которую было пролито столько русской крови. Вмѣсто энергическихъ мѣръ онъ прибѣгъ къ дипломатическимъ: поляковъ стращалъ союзомъ со шведами, а послѣднихъ союзомъ съ поляками и, конечно, ничего не достигъ подобными безполезными хитростями.

Годуновъ далъ знать Сигизмунду о своемъ воцареніи черезъ думнаго дворянина Татищева. Сигизмундъ рѣшилъ отправить въ Москву для переговоровъ уже бывалаго тамъ и славнаго своею ловкостью въ дѣлахъ канцлера литовскаго Льва Сапѣгу, а вмѣстѣ съ нимъ Станислава Варшицкаго, каштеляна Варшавскаго, и Илью Пелгржимовскаго, писаря великаго княжества Литовскаго. 16 октября 1600 г. Сапѣга въѣхалъ въ Москву съ обычнымъ торжествомъ, и на другой же день начались непріятности, жалобы. Посольство по обыкновенію окружили приставами и держали какъ бы въ плѣну, не позволяя никакихъ сношеній съ посторонними лицами. Но всего непріятнѣе для Сапѣги было то, что представленіе царю откладывали день за день, объявляя, что у государя болитъ большой палецъ на ногѣ. 16 ноября подлѣ посольства былъ пожаръ, сгорѣло нѣсколько домовъ. Сапѣга жаловался приставу, что ихъ держатъ въ тѣснотѣ, во всѣхъ углахъ накладена солома, Боже сохрани пожаръ: не только вещей не спасешь, но и самъ не выбѣжишь.

— Если насъ еще будутъ держать въ такой тѣснотѣ,— прибавилъ Сапѣга,—то намъ надобно иначе распорядиться и промыслить о себѣ.

Послѣднее слово не понравилось приставу и онъ сказалъ, что это слово высокое и къ доброму дѣлу не пристойно.

26 ноября, наконецъ, пословъ представили государю. Подлѣ царя Бориса сидѣлъ сынъ его, царевичъ Θеодоръ, имя котораго было неразлучно съ именемъ отца; такъ и посламъ говорили, напримѣръ:

— Великій государь, царь и великій князь, Борисъ Θеодоровичъ, всея Руси самодержецъ, и сынъ его, царевичъ Θеодоръ Борисовичъ, жалуютъ васъ своимъ обѣдомъ.

И послѣ представленія царю медлили начатіемъ переговоровъ, выставляя причинами то нездоровье царя, то день праздничный. 3-го декабря послы явились во дворецъ и на царскомъ мѣстѣ нашли не Бориса, но сына его, окруженнаго боярами и думными людьми. Θеодоръ объявилъ посламъ, что отецъ его приказалъ своимъ боярамъ вести съ ними переговоры.

— Мы этому рады,—отвѣчалъ Сапѣга,—мы для этого и пріѣхали, а не для того, чтобъ лежать и ничего не дѣлать.

Первое засѣданіе прошло въ спорахъ о титулѣ царя и самодержца, котораго бояре требовали для Бориса и, въ случаѣ упорства со стороны поляковъ, грозили войною. Сапѣга отвѣчалъ:

— Войну вы начать можете, но конецъ войны въ рукахъ Божіихъ.

На другой день, во второмъ засѣданіи, Сапѣга представилъ условія вѣчнаго мира, состоявшія изъ многихъ статей. Между прочимъ, поляки требовали, чтобы подданнымъ обоихъ государствъ предоставлено было право свободно пріѣзжать и отъѣзжать, вступать въ службу придворную, военную и земскую, полякамъ и литовцамъ въ Москвѣ, а русскимъ въ Польшѣ и Литвѣ, свободно вступать другъ съ другомъ въ браки, выслуживать вотчины, помѣстья, покупать земли, брать въ приданое. Поляки требовали права свободно присылать дѣтей своихъ учиться и въ службу въ Московское государство, а жителямъ послѣдняго во владѣнія польскія. Тѣмъ русскимъ, которые пріѣдутъ въ Польшу и Литву для науки или для службы, вольно держать

вѣру русскую, а которые изъ нихъ поселятся тамъ, пріобрѣтутъ земли, такимъ вольно на своихъ земляхъ строить церкви русскія. Тѣмъ же правомъ пользуются поляки и литовцы въ Московскомъ государствѣ, держатъ вѣру римскую и ставятъ римскія церкви на своихъ земляхъ. Поляки требовали, чтобы государь и великій князь Борисъ Θеодоровичъ позволилъ въ Москвѣ и по другимъ мѣстамъ строить римскія церкви для тѣхъ поляковъ, которые у него будутъ въ службѣ, для купцовъ и пословъ польскихъ и другихъ католическихъ государствъ. Кромѣ того, послы требовали: для крѣпчайшаго соединенія этихъ славныхъ государствъ, русскаго и польскаго, и для объявленія его предъ цѣлымъ свѣтомъ должны быть сдѣланы двойныя короны: одна посломъ московскимъ возлагается при коронаціи на короля польскаго, а другая посломъ польскимъ возлагается на государя московскаго; король въ Польшѣ избирается по совѣту съ государемъ московскимъ; если бъ король Сигизмундъ не оставилъ сына, то Польша и Литва имѣютъ право выбирать въ короли государя московскаго, который, утвердивъ права и вольности ихъ, долженъ жить поочередно два года въ Польшѣ и Литвѣ и годъ въ Москвѣ; по смерти государя московскаго, сынъ его, при вступленіи на престолъ, подтверждаетъ присягою этотъ союзъ; если бы у государя московскаго не осталось сына, то король Сигизмундъ долженъ быть государемъ московскимъ. Въ заключеніе поляки требовали, чтобы княжество смоленское и сѣверское съ тремя крѣпостями, принадлежавшими къ Полоцку, возвращены были Польшѣ.

Такимъ образомъ вмѣсто условій вѣчнаго мира посолъ Сигизмундовъ предложилъ условія союза, и союза, приближавшагося къ соединенію двухъ государствъ въ одно. Цѣль Сигизмунда и совѣтниковъ его, іезуитовъ, при этомъ была ясна: если бы царь московскій принялъ условія, то этимъ отворилъ бы въ свое государство дорогу для католичества.

Бояре отвѣчали посламъ, что статьи о союзѣ оборонительномъ и наступательномъ, о выдачѣ перебѣжчиковъ, о свободной торговлѣ могутъ быть приняты по заключеніи вѣчнаго мира, для котораго прежде всего надобно рѣшить

вопросъ о Ливоніи, искони вѣчной вотчинѣ государей россійскихъ, начиная отъ великаго князя Ярослава. Что же касается до другихъ статей, поданныхъ Сапѣгою, то государь не можетъ согласиться, чтобы поляки и литовцы женились въ Московскомъ государствѣ, пріобрѣтали земли и строили церкви латинскія, но не запрещаетъ имъ пріѣзжать, жить и оставаться при своей вѣрѣ. О томъ, кому послѣ кого наслѣдовать престолъ, говорить нечего, потому что это дѣло въ рукахъ Божіихъ. При царскомъ вѣнчаніи возлагать корону принадлежитъ духовенству, а не свѣтскимъ людямъ.

Затѣмъ начались жаркіе споры о главномъ предметѣ, о Ливоніи. Споры перешли въ брань.

— Ты, Левъ, еще очень молодъ, говорилъ Сапѣгѣ думный дворянинъ Татищевъ. — Ты говоришь все неправду, ты лжешь.

— Ты самъ лжешь, холопъ, отвѣчалъ Сапѣга,—а я все время говорилъ правду; не съ знаменитыми бы послами тебѣ говорить, а съ кучерами въ конюшнѣ, да и тѣ говорятъ приличнѣе, чѣмъ ты.

— Что ты тутъ раскричался! говорилъ Татищевъ,—я всѣмъ вамъ сказалъ, и говорю, и еще разъ скажу и докажу, что ты говоришь неправду.

Тутъ Сапѣга обратился къ боярамъ съ жалобою на Татищева, и тѣ велѣли послѣднему замолчать. Но когда Сапѣга, чтобъ уклониться отъ споровъ о Ливоніи, сказалъ, что не имѣетъ никакого полномочія говорить о ней, то Татищевъ не утерпѣлъ и снова закричалъ:

— Не лги, мы знаемъ, что у тебя есть полномочіе.

Сапѣга отвѣчалъ:

— Ты, лжецъ, привыкъ лгать. Я не хочу съ такимъ грубіяномъ ни сидѣть вмѣстѣ, ни разсуждать о дѣлахъ.

Съ этими словами Сапѣга всталъ и вышелъ.

Пословъ польскихъ задерживали нарочно, такъ какъ ждали шведскихъ. Наконецъ, шведскіе послы пріѣхали, и ихъ нарочно провезли мимо дома, который занималъ Сапѣга съ товарищами. Польскимъ посламъ бояре объявляли, что Карлъ Шведскій уступаетъ царю Эстонію и самъ поддается

Москвѣ, а шведскимъ посламъ было объявлено, что Сигизмундъ уступаетъ царю часть Ливоніи, если только Борисъ будетъ воевать съ королемъ. Этимъ объявленіемъ думали испугать шведовъ и принудить ихъ къ уступкѣ Нарвы. Но шведы не поддались и настаивали, чтобы заключенный съ ними договоръ былъ сохраненъ ненарушимо. Вслѣдствіе этихъ переговоровъ Сапѣгу держали до августа 1601 года и, наконецъ, заключили съ нимъ двадцатилѣтнее перемиріе, при чемъ въ грамотѣ не написали Сигизмунда шведскимъ королемъ. Сапѣга уѣхалъ озлобленный, вмѣняя себѣ, впрочемъ, въ важную заслугу то, что успѣлъ порвать связь Годунова съ Михаиломъ, воеводою Волошскимъ, который домогался польскаго престола и заключилъ было тайный союзъ съ царемъ, обѣщавшимъ помогать ему въ его предпріятіи.

За послами отправились бояре, чтобы взять съ короля присягу въ соблюденіи перемирія. Поѣхали Михайла Глѣбовичъ Салтыковъ-Морозовъ и думный дьякъ Власьевъ. Когда они пріѣхали въ Литву, то имъ объявили, что король при войскѣ въ Ливоніи и чтобъ они ѣхали къ нему въ Ригу. На это Салтыковъ отвѣчалъ приставу:

— Ты намъ сказываешь отъ себя, что насъ хотятъ везти къ Жигимонту королю въ Ливонскую землю Двиною рѣкою въ судахъ; но мы того и слушать не хотимъ: великій государь нашъ прислалъ насъ къ государю вашему съ великими дѣлами, а на посольствѣ велѣлъ намъ быть у государя вашего въ корунѣ Польской или въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, въ которомъ городѣ государь вашъ въ то время будетъ, а въ Ливонскую землю намъ не хаживать, того себѣ и въ мысли не держите; хотя бы король надъ нами и неволю какую велѣлъ учинить, то и тутъ намъ мимо царскаго приказа ничего сдѣлать нельзя.

Паны прислали къ посламъ грамоту съ сожалѣніемъ, что они такъ долго принуждены будутъ ждать, при чемъ складывали вину на самихъ пословъ, зачѣмъ они поторопились пріѣхать, желая поскорѣе взять съ короля крестное цѣлованіе, и при этомъ паны употребили выраженіе, что будутъ бить челомъ королю о послахъ. Салтыковъ отвѣчалъ:

— Такихъ бы непригожихъ и гордыхъ словъ папы рада впередъ къ намъ не приказывали, тѣмъ доброму дѣлу порухи не чинили: идемъ мы отъ великаго государя къ государю вашему по прежнему обычаю, а не для того, чтобъ намъ перемирье у государя вашего крестнымъ цѣлованіемъ утвердить. Великому государю нашему то перемирье не нужно, и спѣшить намъ было нечего. Нынѣшнее перемирье коронѣ Польской и великому княжеству Литовскому больше нашего надобно, потому что у васъ многіе недруги и войны частыя, да у васъ же Божіе посѣщеніе, хлѣбный недородъ, а у великаго государя нашего Божіею милостію и его государскимъ счастіемъ недруга никакого нѣтъ, отовсюду его царскимъ премудрымъ разумомъ и доброопаснымъ содержательствомъ и храбростію великимъ государствамъ его прибавленіе и расширеніе. А нынѣшнее перемиріе великій государь нашъ велѣлъ учинить по своему царскому обычаю, жалѣя о христіанствѣ и за челобитьемъ сына своего, царевича Θеодора Борисовича, по прошенью вашихъ пословъ. Если государю вашему насъ принять теперь не время будетъ для воинскаго дѣла, то государь вашъ велѣлъ бы намъ себя ждать въ Литовской или въ Польской землѣ и кормъ намъ велѣлъ бы давать по прежнему обычаю, и мы государя вашего дожидаемся, гдѣ намъ велитъ, хотя долгое время.

Наконецъ, Сигизмундъ пріѣхалъ въ Вильну, гдѣ московскіе послы представились ему и начали переговоры. Послы требовали, по обычаю, царскаго титула для Бориса. Сапѣга отвѣчалъ жалобою:

— Какъ пріѣхалъ я въ Москву, и мы государскихъ очей не видали шесть недѣль, а какъ были на посольствѣ, то мы послѣ того не видали государевыхъ очей 18 недѣль, потомъ отъ думныхъ бояръ слыхали мы много словъ гордыхъ, все вытягивали они у насъ царскій титулъ. Я имъ говорилъ такъ же, какъ и теперь говорю, что намъ отъ государя нашего наказа о царскомъ титулѣ на перемирье нѣтъ, а на докончаньѣ наказъ королевскій былъ о царскомъ титулѣ, если бъ государь вашъ по тѣмъ по всѣмъ статьямъ, которыя

мы дали боярамъ, согласился. Били мы челомъ государскому сыну, просили его доложить отцу, чтобъ насъ задерживать не велѣлъ, велѣлъ бы отпустить безъ дѣла; но нашего челобитья не приняли и къ тому насъ привели, что мы просили себѣ смерти: ни дѣла не дѣлаютъ, ни отпускаютъ. Да и то намъ люди вашего государя сказывали, что хотятъ насъ разослать по городамъ и засадить, что и дворы уже подѣланы, гдѣ намъ сидѣть, и мы съ сердца приставамъ говорили: если государь вашъ не велитъ насъ отпустить, то мы на коней сядемъ и поѣдемъ сами, а кто насъ станетъ бить, и мы начнемъ бить, потому что пришло намъ не до государской чести, намъ жизнь своя всего дороже, въ неволѣ жить не привыкли. И видя надъ собою такую тѣсноту, мы приговорили на перемирье по неволѣ. А что государя нашего не назвали въ грамотѣ шведскимъ королемъ, то мы съ боярами много говорили и плакали: Боже святый, увидь неправду государя вашего надъ государемъ нашимъ, что безъ Божіей воли отнимаютъ титулъ дѣдовскій! И на то насъ неволею привели, что и титулъ государя своего мы изъ грамоты вычеркнули.

Послы отвѣчали, что Сапѣга говоритъ это все на ссору, что задержанья и тѣсноты ему не было, а задержались послы на москвѣ оттого, что великій государь ножкою долгое время не домогалъ, выходу его царскаго не было. Паны настаивали, чтобъ Сигизмундъ назывался въ грамотахъ попрежнему королемъ шведскимъ, такъ какъ Карлъ есть похититель. Послы отвѣчали:

— Вы говорите, что государь вашъ короновался шведскою короною; но великому государю нашему про шведское коронованье государя вашего никакого вѣдома не бывало, съ царскимъ величествомъ Сигизмундъ король не обсылывался. Только про то намъ вѣдомо, что государь вашъ Жигимонтъ король ходилъ въ Швецію и надъ нимъ въ шведской землѣ невзгода приключилась. Если бъ государь вашъ короновался шведскою короною, то онъ прислалъ бы объявить объ этомъ царскому величеству и самъ былъ бы на Шведскомъ королевствѣ, а не Арцы-Карло (герцогъ Карлъ).

Теперь на Шведскомъ королевствѣ Арцы-Карлусъ, и Жигимонту королю до Шведскаго королевства дѣла нѣтъ, и вамъ о шведскомъ титулѣ праздныхъ словъ говорить и писать нечего, нечего о томъ говорить, чего за собой нѣтъ. А что ты, Левъ, говорилъ, будто вы послы въ государствѣ государя нашего были заперты за сторожами и никуда васъ не пускали, и ты говоришь не гораздо: береженье было на дворѣ отъ огня, потому что у васъ на дворѣ конскаго корму, сѣна и соломы было много, люди ваши хаживали ночью съ огнемъ небережно, и за дворомъ сторожа были не для безчестья, для береженья, чтобъ надъ вами какого-нибудь лиха не сдѣлалось.

Съ своей стороны паны никакъ не согласились называть Бориса царемъ и самодержцемъ. Они говорили:

— Государь нашъ король и мы, паны рада, отъ этого не отказываемся, и пригоже государю вашему титулъ царскій писать, только это будетъ впередъ, какъ между государей искренняя сердечная любовь и вѣчное докончаніе совершится. Прежде надобно сдѣлать вѣчное соединеніе, чтобъ одинъ другаго не берегся, а не такъ, какъ нынѣшнее перемирье, на время: скоро минется, и послѣ того, кто вѣдаетъ, какой государь на которомъ государствѣ будетъ? И теперь на перемирье какъ царскій титулъ писать?

Не согласившись насчетъ титуловъ, положили подтвердить двадцатилѣтнее перемирье, какъ оно было заключено Сапѣгою въ Москвѣ. Такимъ образомъ Годунову не удалось добиться никакихъ уступокъ относительно Ливоніи. Точно такъ же велись безполезные переговоры со шведами, отъ которыхъ Борисъ не сумѣлъ воротить и одной Нарвы, столь важной для внѣшней русской торговли. Борисъ думалъ, что Швеція уступитъ ему Нарву, а Польша Ливонію или часть ея, если только онъ будетъ грозить Швеціи союзомъ съ Польшею, а Польшѣ союзомъ со Швеціею. Кромѣ того, чтобы Ливонія сама поддалась ему, онъ старался поддержать неудовольствіе ея жителей противъ польскаго правительства, осыпалъ милостями плѣнныхъ ливонцевъ и приказывалъ внушать рижанамъ: „слухъ дошелъ до великаго

государя, что имъ, рижанамъ, отъ польскихъ и литовскихъ людей во всемъ тѣснота, хотятъ ихъ отвести отъ ихъ вѣры и привести въ папежскую и въ езовитскую вѣру, права, обряды и вольности ихъ порушить и такъ сдѣлать, чтобъ ихъ, нѣмцевъ, всѣхъ не найти и съ фонаремъ въ Ливонской землѣ... Великаго государя это очень опечалило, онъ жалованье и милосердіе показалъ ко многимъ ливонскимъ нѣмцамъ: такого милосердія имъ ни отъ котораго государя не бывало и не будетъ; такого государя благочестиваго, храбраго и разумнаго отъ начала Русской земли не бывало“.

Также безцѣленъ былъ и подкупъ нарвскихъ гражданъ, чтобы они отворили ворота и помогли русскимъ завладѣть городомъ. Заговоръ былъ открыть, и участники его подверглись казни.

VII.

Густавъ Шведскій и Іоаннъ Датскій.

Во время переговоровъ съ поляками и шведами Борисъ думалъ употребить то же средство, которое такъ неудачно Грозный испыталъ съ датскимъ принцемъ Магнусомъ: сдѣлать изъ Ливоніи вассальное государство, посадивъ въ ней королемъ иностраннаго принца, женатаго на русской царевнѣ. Съ этою цѣлью Борисъ призвалъ въ Москву принца Густава, который былъ сыномъ сверженнаго съ престола шведскаго короля Эрика XIV и изгнанникомъ скитался по Европѣ. Какъ двоюродный братъ Сигизмунда III и племянникъ Карла IX, Густавъ являлся опаснымъ соперникомъ тому и другому. Борисъ началъ стращать имъ Сигизмунда польскаго: Льва Сапѣгу, во время торжественнаго въѣзда посольскаго, нарочно провезли мимо дома, занимаемаго Густавомъ, чтобы послы могли видѣть этого соперника Сигизмундова. Годуновъ хотѣлъ выдать за него свою дочь Ксенію и до пріобрѣтенія Ливоніи назначилъ ему въ удѣлъ

Калугу съ нѣсколькими городами. Но Густавъ оказался человѣкомъ совершенно неподходящимъ. Во-первыхъ, онъ не согласился покинуть католичество и принять православіе, а во-вторыхъ, не хотѣлъ разстаться съ одною замужнею нѣмкой. За такое упрямство у него отняли Калугу и дали ему разоренный Угличъ; впослѣдствіи онъ умеръ въ Кашинѣ.

Неудача съ Густавомъ не охладила въ Борисѣ желанія породниться съ европейскими царствующими домами, съ цѣлью возвысить собственный родъ. Онъ усердно искалъ невѣсты для своего сына Θеодора и жениха для дочери Ксеніи. Θеодоръ былъ еще очень юнъ и могъ ждать, а красавица Ксенія была старше его и близилась къ порѣ дѣвической зрѣлости. Второго жениха для нея отыскали въ датской королевской семьѣ. Съ Даніей уже давно тянулись у насъ переговоры по поводу русско-норвежской границы въ Лапландіи. Этими переговорами воспользовались и сообщили королю Христіану IV о желаніи Бориса имѣть своимъ зятемъ его младшаго брата, герцога Іоанна. Московское предложеніе было охотно принято, такъ какъ, кромѣ благополучнаго разрѣшенія споровъ о Лапландіи, Данія пріобрѣтала союзника противъ своей соперницы Швеціи. Іоанну обѣщали въ удѣлъ Тверскую область. Перемѣнить вѣру Іоаннъ, однако, рѣшительно отказался, и Борисъ согласился оставить зятю его протестантское исповѣданіе и позволилъ ему построить кирку въ Москвѣ и въ Твери. 11 августа 1602 года Іоаннъ пріѣхалъ въ Россію и въ Иванъ-городѣ былъ встрѣченъ бояриномъ М. Г. Салтыковымъ и думнымъ дьякомъ Власьевымъ. Здѣсь датскіе послы, сопровождавшіе Іоанна, спрашивали Салтыкова:

— Когда королевичъ поѣдетъ изъ Иванъ-города, будетъ въ Новгородѣ и другихъ городахъ, и станутъ королевича встрѣчать въ дорогѣ боярскіе дѣти и княжата, то королевичу какую имъ честь оказывать?

Салтыковъ отвѣчалъ:

— Въ томъ королевичева воля: онъ великаго государя сынъ, какъ кого захочетъ пожаловать по своему государскому чину.

Въ Москву Салтыковъ писалъ царю о королевичѣ: „Когда

мы приходимъ къ королевичу челомъ ударить, то онъ, государь, насъ жалуетъ не по нашей мѣрѣ, противъ насъ встаетъ и здоровается (витается), шляпку снявъ; мы, холопи ваши государскіе, того недостойны и потому говорили посламъ датскимъ, чтобъ королевичъ обращался съ нами по вашему царскому чину и достоинству. Послы намъ отвѣчали: королевичъ еще молодъ, а они московскихъ обычаевъ не знаютъ; какъ, дастъ Богъ, королевичъ будетъ на Москвѣ, то, узнавъ московскіе обычаи, станетъ по нимъ поступать". Вмѣстѣ съ тѣмъ Салтыковъ подробно описывалъ, въ чемъ королевичъ былъ одѣтъ каждый день: „Платьице на немъ было атласъ алъ, дѣлано съ канителью по-нѣмецки; шляпка пуховая, на ней кружевца, дѣлано золото да серебро съ канителью; чулочки шелкъ алъ; башмачки сафьянъ синь".

Путешествіе принца до Москвы было обставлено всевозможными почестями. По городамъ для принца и его датской свиты устраивали торжественныя встрѣчи и роскошныя угощенія. Въ Новгородѣ королевичъ ѣздилъ тѣшиться рѣкою Волховымъ вверхъ и иными рѣчками до Юрьева монастыря, а ѣдучи тѣшился, стрѣлялъ изъ самопаловъ, билъ утятъ; натѣшившись, пріѣхалъ въ городъ поздно и сталъ очень веселъ. За столомъ у королевича играли по музыкѣ, въ цимбалы и по литаврамъ били, играли въ сурны.

Самая торжественная встрѣча оказана была герцогу при въѣздѣ въ Москву. Первый царскій пріемъ происходилъ въ Золотой палатѣ въ присутствіи всего блестящаго двора, и затѣмъ послѣдовалъ пиръ въ богато убранной Грановитой палатѣ. Ни царицы, ни царевны-невѣсты герцогъ, конечно, не видалъ, она же съ матерью смотрѣла на него изъ тайника или смотрильной палаты, устроенной около верхней части Грановитой. Женихъ былъ красивый, статный, молодой человѣкъ. Онъ очень понравился царевнѣ Ксеніи. Борисъ осыпалъ нареченнаго зятя дорогими подарками. Свадьбу отложили до времени и отправились на богомолье въ Троицкую лавру, испросить благословенія преподобнаго Сергія на такое великое дѣло, какимъ представлялось замужество царской дочери.

Въ отсутствіе царской семьи герцогъ тяжко заболѣлъ. Говорятъ, что причиною болѣзни были московскія усердныя угощенія и неумѣренность принца. Царь Борисъ поручилъ его лѣченіе своимъ медикамъ-иноземцамъ, обѣщалъ имъ великія награды и приказывалъ всѣмъ молиться о спасеніи принца. Но все было напрасно: 29 октября 1602 г. Іоаннъ скончался. Борисъ и особенно его дочь были неутѣшны. Погребеніе совершено было съ великою пышностью. Принца похоронили подъ каменнымъ сводомъ въ лютеранской киркѣ въ Нѣмецкой слободѣ, а впослѣдствіи, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, по просьбѣ Христіана IV, тѣло было отпущено въ Данію.

И при этомъ несчастномъ случаѣ нашлись враждебные Борису люди, которые обвинили его и въ смерти нареченнаго зятя; онъ будто бы велѣлъ отравить принца, такъ какъ опасался, чтобы тотъ впослѣдствіи, опираясь на народную привязанность, не сталъ оспаривать престолъ у царевича Ѳеодора Борисовича. Правда, среди близкихъ къ царю людей были недовольные его намѣреніемъ выдать свою дочь за еретика. Но отъ этого недовольства какъ еще далеко до погубленія счастія дочери!..

VIII.

Австрія и Англія.

Дружественны были сношенія царя Бориса и съ Австрійскимъ императоромъ Рудольфомъ. Въ 1599 году царь отправилъ къ нему посломъ Власьева, и дьякъ восторженно прославлялъ передъ нѣмцами могущество и добродѣтели своего царя. Онъ разсказывалъ, какъ Борисъ при восшествіи на престолъ велѣлъ дать служилымъ людямъ на одинъ годъ вдругъ три жалованья; одно для памяти покойнаго царя Ѳеодора, другое для своего царскаго поставленья и многолѣтняго здоровья, третье годовое. Со всей земли не велѣлъ

брать податей, дани, посохи и на городовыя постройки, дѣлаетъ все своею царскою казною. Да не только русскихъ людей пожаловалъ, и надъ всѣми иноземцами милосердіе его царское излилось: нѣмцевъ и литву, которые по грѣхамъ своимъ были въ ссылкѣ по дальнимъ городамъ, велѣлъ взять въ Москву, далъ помѣстья, вотчины, дворы и деньги, а которые захотѣли служить, тѣхъ принялъ въ службу и годовымъ жалованьемъ устроилъ; торговымъ людямъ нѣмцамъ далъ по тысячѣ рублей, инымъ по двѣ тысячи, и многихъ пожаловалъ званіемъ гостя. Переговаривая съ императорскими вельможами, Власьевъ обѣщалъ, что самъ Борисъ пойдетъ на Крымъ, если императоръ разорветъ съ Польшею и пойдетъ на нее войною. Конечно, такіе переговоры не могли принести никакой пользы и остались безрезультатными.

Королева англійская Елизавета не безъ ревности слѣдила за дружескими сношеніями Московскаго двора съ датскимъ и австрійскимъ. Желая доставить англичанамъ торговыя выгоды въ Россіи, она отправляла Борису льстивыя грамоты и оказывала особыя почести его посламъ. Узнавъ о восшествіи на престолъ Бориса, Елизавета писала ему: „мы радуемся, что нашъ доброхотъ, по избранью всего народа, учинился на такомъ преславномъ государствѣ великимъ государемъ". Борисъ отвѣтилъ ей, что онъ учинился царемъ по приказу царя Ѳеодора, по благословенію царицы Ирины и по челобитью всего народа. Посланникомъ въ Англію отправленъ былъ въ 1600 году дворянинъ Микулинъ, и ему данъ былъ наказъ, на случай, если спросятъ, какимъ образомъ учинился на государствѣ Борисъ Ѳеодоровичъ, отвѣчать: „Вѣдомо вамъ самимъ, при великомъ государѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ царскій шуринъ Борисъ Ѳеодоровичъ, будучи во властодержавномъ правительствѣ, въ какой мѣрѣ и въ какой чести былъ, и своимъ разумомъ премудрымъ, храбростію, дородствомъ и промысломъ царскаго величества имени какую честь и повышенье, и государству Московскому прибавленье во всемъ сдѣлалъ: всякимъ служилымъ людямъ милосердье свое показалъ и многое воинство устроилъ, чер-

нымъ людямъ тишину, бѣднымъ и виновнымъ пощаду, всю Русскую землю въ покоѣ и тишинѣ и въ благоденственномъ житіи устроилъ. И великій государь Ѳеодоръ Ивановичъ, отходя сего свѣта, приказалъ и благословилъ государынѣ царицѣ и своему царскому шурину быть на государствѣ Московскомъ. Государыня пошла въ монастырь и, по слезному челобитью всего народа, благословила брата своего".

Въ Англіи Микулина особенно чествовали и при всякомъ случаѣ давали ему знать, что его почитаютъ внѣ всякаго сравненія съ другими послами. Такъ, ему говорили: „Въ томъ мѣстѣ, гдѣ вамъ выйти изъ судовъ въ Лондонѣ, пристаетъ одна государыня наша Елизавета королевна, а кромѣ нея никто". Сама Елизавета говорила послу: „Со многими великими христіанскими государями у меня братская любовь, но ни съ однимъ такой любви нѣтъ, какъ съ вашимъ великимъ государемъ". Съ своей стороны Микулинъ воздавалъ особую честь королевѣ. Такъ, за обѣдомъ во дворцѣ онъ съ подьячимъ и переводчикомъ сидѣлъ за особымъ столомъ по лѣвую руку отъ королевы. Когда столъ отошелъ, королева начала умывать руки, и, умывши, велѣла серебряный умывальникъ съ водою подать Микулину. Но посланникъ билъ челомъ на жалованьѣ, рукъ не умывалъ и сказалъ:

— Великій государь нашъ королеву зоветъ себѣ любительною сестрою, и мнѣ, холопу его, при ней рукъ умывать не годится.

Королева засмѣялась и похвалила Микулина за то, что почтилъ ее.

Еще больше Микулинъ берегъ честь своего государя и очень боялся, какъ бы чѣмъ-нибудь не умалить его достоинства. Когда лорды приглашали его вести переговоры на ихъ дворы, онъ не согласился и непремѣнно требовалъ, чтобы переговоры происходили во дворцѣ, и его требованію уступили, и лорды съѣзжались съ нимъ на „казенномъ дворѣ".

Лордъ-меръ позвалъ его обѣдать. Купцы сказали Микулину, что лордъ-меръ сядетъ за столомъ выше его, ибо таковъ обычай, и всѣ послы садятся ниже лорда-мера. Микулинъ отвѣтилъ:

— Намъ никакихъ государствъ послы и посланники не образецъ. Великій государь нашъ надъ великими славными государями высочайшій великій государь самодержавный царь. Если лордъ-меръ захочетъ насъ видѣть у себя, то ему насъ чтить для имени царскаго величества, и мы къ нему поѣдемъ. А если ему чину своего порушить и меня мѣстомъ выше себя почтить нельзя, то мы къ нему не поѣдемъ.

И Микулинъ не обѣдалъ у лордъ-мера.

Королева Елизавета предлагала Борису даже найти его сыну невѣсту, а его дочери жениха изъ знатныхъ фамилій, родственныхъ англійскому королевскому дому. Борисъ отозвался на это предложеніе, но вскорѣ послѣдовавшая кончина Елизаветы прекратила ихъ переговоры въ самомъ началѣ.

Кромѣ Англіи, торговыя сближенія установились съ Ганзейскими городами. Пятьдесятъ девять нѣмецкихъ городовъ торговаго союза обращались къ царю Борису, черезъ своихъ уполномоченныхъ, съ ходатайствомъ о торговыхъ вольностяхъ, и получили грамоту на право торговли, при чемъ Любчанамъ сбавлена была пошлина на половину.

Были и иныя сношенія у царя Бориса съ западными государствами съ цѣлями промышленными, художественными и просвѣтительными. Заслуживаетъ вниманія обращеніе къ нему папы Климента VIII и кардинала Альдобрандини съ просьбою о пропускѣ нунціевъ и миссіонеровъ папскихъ, отправлявшихся въ Персію: царь велѣлъ дать имъ суда, на которыхъ бы они отправились Волгою въ Астрахань.

IX.

На южной и восточной окраинахъ.

На южной и восточной окраинахъ Московскаго государства успѣшно шла прежняя работа и при царѣ Борисѣ. Наша пограничная линія постепенно отодвигалась въ глубь владѣній разныхъ кочевниковъ и расширялась полоса Мо-

сковской земли. На новыхъ мѣстахъ пригодныя земли заселялись русскими людьми и укрѣплялись новыми городами и крѣпостями, которые усиленно строилъ Борисъ и на пути въ Крымъ, и по Волгѣ, и въ Сибири. Естественно, что этотъ ростъ и это укрѣпленіе Московскаго государства не нравились кочевникамъ, но кочевники были безсильны остановить ихъ.

Крымскій ханъ Казы-Гирей, когда Борисъ вступилъ на престолъ, прислалъ ему грамоту, въ которой убѣждалъ его не строить городовъ въ степи. Свои пожеланія ханъ подкрѣплялъ такими доводами: до сихъ поръ онъ отговаривалъ турецкаго султана посылать войска на Московское государство дальностію разстоянія. „Турскій государь, писалъ ханъ, на ваше государство какъ ни помыслитъ рать послать, такъ я ему отговариваю тѣмъ, что мѣсто дальнее и пѣшей его рати до вашего государства не дойти, тѣмъ ему и запрещаю". Теперь же, при построеніи новыхъ городовъ, есть опасность, что турецкій султанъ пошлетъ рать, узнавъ, что московскіе города подошли близко и до нихъ дойти можно. Да и татаръ теперь трудно удержать отъ набѣговъ на московскія владѣнія: „татарскіе князья,—писалъ ханъ,—и лучшіе люди намъ говорятъ: русскіе города къ намъ близко поставлены, и если между нами будетъ недалеко, то нашимъ людямъ съ русскими людьми нельзя не задираться". Казы-Гирею отвѣтили, что турецкая рать Москвѣ не страшна: „великій государь можетъ стоять противъ всѣхъ своихъ недруговъ, а рати нашего государя несчетно", и дипломатично указали, что города поставлены въ полѣ противъ воровъ черкасъ и донскихъ казаковъ, которые грабили и крымскихъ пословъ и гонцовъ.

Въ Сибири воевода Воейковъ быстрымъ и рѣшительнымъ натискомъ сломилъ послѣднія силы Кучума и тѣмъ упрочилъ пріобщеніе всего Сибирскаго царства къ государству Московскому. И здѣсь, по пути постепеннаго расширенія границъ, шла усиленная постройка крѣпостей и городовъ. Построены были: Верхотурье, Мангазейскій острогъ, Туринскъ, Томскъ. Для заселенія новыхъ мѣстъ вызывали „мо-

лодцовъ молодыхъ, добрыхъ, которые бы стрѣлять умѣли", давали льготы разныя и пособія. Приглашались туда же служилые, пашенные люди, торговцы, ямскіе охотники, плотники для постройки судовъ, такъ какъ имѣлось въ виду развить и усилить водные пути. Заботились и о дорогахъ сухопутныхъ, и проложили дорогу между Соликамскомъ и Верхотурьемъ. Старались примирить выгоды туземцевъ и русскихъ переселенцевъ. На новыхъ мѣстахъ строили храмы и снабжали ихъ утварью и книгами. Эти и подобныя имъ полезныя мѣропріятія значительно подвинули впередъ какъ расширеніе границъ государства на югѣ и востокѣ, такъ и упроченіе на новыхъ мѣстахъ русскаго владычества и русской культуры.

Менѣе успѣха имѣли сношенія царя Бориса съ Закавказьемъ. Желая привести единовѣрную Грузію въ подданство Россіи, Борисъ въ то же время искалъ жениха своей дочери и невѣсту своему сыну среди единовѣрныхъ владѣтелей Закавказья. Еще въ царствованіе Өеодора Іоанновича царь Кахетинскій Александръ предлагалъ свое подданство Россіи. При Борисѣ онъ возобновилъ свое предложеніе. Борисъ отправилъ къ нему посла, думнаго дворянина Татищева, которому поручено было поискать въ Грузіи и жениха и невѣсту. Вмѣстѣ съ тѣмъ царь велѣлъ двумъ воеводамъ, Бутурлину и Плещееву, выступить изъ Астрахани и Терской крѣпости, занять Тарки и построить тамъ каменную крѣпость. Походъ былъ удаченъ: Тарки были взяты и въ нихъ начали укрѣпляться. Но Александръ, тѣснимый шахомъ персидскимъ Аббасомъ, призналъ себя его вассаломъ и дозволилъ сыну своему Константину принять мусульманскую вѣру. Шахъ хотя и былъ въ дружбѣ съ Москвою и даже прислалъ Борису, своему „брату московскому", въ подарокъ „златой тронъ древнихъ государей персидскихъ", однако старался отклонить Грузію отъ связей съ Россіей. По его тайному приказу омусульманившійся царевичъ Константинъ умертвилъ своего отца Александра и занялъ его престолъ. Тогда Татищевъ покинулъ кахетинскій дворъ и уѣхалъ въ Карталинію. Здѣсь владѣтелю ея Юрію онъ пред-

ложилъ, вмѣстѣ съ подданствомъ Борису, отпустить въ Москву прекрасную десятилѣтнюю дочь Елену и молодого родственника своего Хоздроя: первая назначалась въ невѣсты царевичу Θеодору Борисовичу, а второй могъ стать женихомъ Ксеніи. Но прежде, чѣмъ это предложеніе приведено было въ исполненіе, обстоятельства круто перемѣнились въ Дагестанѣ. Изгнанный Шамхалъ Тарковскій получилъ помощь отъ турокъ. Съ нимъ соединились многочисленныя скопища кумыковъ, лезгинъ, аваръ и осадили Тарки. Понимая, какъ трудно удержаться въ недостроенной крѣпости, Бутурлинъ покинулъ ее, выговоривъ себѣ свободное отступленіе. Но на пути русскіе вѣроломно были окружены горцами и почти всѣ пали въ неравномъ бою: отъ шести до семи тысячъ русскихъ воиновъ погибло здѣсь. Татищевъ уѣхалъ изъ Грузіи, но возвратился въ Москву уже въ новое царствованіе.

X.

Дѣла внутреннія.

Въ дѣлахъ внутреннихъ видимый успѣхъ сопутствовалъ всѣмъ начинаніямъ царя Бориса. Еще въ царствованіе Θеодора Іоанновича онъ явилъ себя опытнымъ и дѣятельнымъ правителемъ. Самъ вступивъ на престолъ, онъ продолжалъ прежнее мудрое правленіе. Современникъ Бориса, строгій къ нему, говоритъ, однако, объ его царствованіи: „Царь Борисъ о всякомъ благочестіи и о исправленіи всѣхъ нужныхъ царству вещей зѣло печашеся, по словеси же своему о бѣдныхъ и о нищихъ промышляше, и милость къ таковымъ велика отъ него бываше; злыхъ же людей люто изгубляше, и таковыхъ ради строеній всенародныхъ всѣмъ любезенъ бысть“.

И дѣйствительно, царь Борисъ много потрудился надъ поддержаніемъ благочестія, гражданскаго порядка и право-

судія, много заботился о бѣдныхъ и вообще о низшихъ классахъ населенія. Онъ сокращалъ число кабаковъ, вновь дозволилъ нѣкоторые случаи перехода крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому, строго наказывалъ воровъ и разбойниковъ.

Въ 1599 году царь Борисъ возобновилъ патріарху Іову ветхую грамоту Грознаго, данную митрополиту Аѳанасію, и переписалъ ее на свое имя. Въ ней царь подтвердилъ, что духовенство патріаршихъ монастырей и всѣ люди, служащіе ему и живущіе на его земляхъ и земляхъ его монастырей, подлежатъ только его патріаршему суду, исключая душегубство, и крестьяне патріаршіе и его монастырей освобождены отъ разныхъ повинностей. Въ томъ же году жители Вятскаго города Слободскаго били челомъ, что у нихъ много людей желаютъ постричься, но нѣтъ монастыря, а которые уже постриглись, то волочатся безъ пристроя между дворовъ, отца духовнаго у нихъ близко нѣтъ, и они помираютъ безъ покаянія и причащенія; есть монастырь Успенскій въ Хлыновѣ, но далеко, да посадскимъ людямъ и волостнымъ крестьянамъ постригаться въ немъ трудно: архимандритъ и старцы просятъ много вкладу, по десяти, пятнадцати и двадцати рублей, съ убогаго человѣка меньше десяти рублей не берутъ; а кому случится постричься у себя на подворьѣ, то они безъ пяти рублей не постригутъ. Поэтому слобожане просили, чтобы патріархъ позволилъ имъ построить монастырь у себя въ городѣ, а строителя они уже выбрали. Патріархъ согласился. Въ Верхотурьѣ построилъ монастырь монахъ Іона по своему обѣщанію. Въ 1604 году патріаршій тіунъ обратилъ вниманіе патріарха Іова на безчинства, замѣчавшіяся въ средѣ духовенства, и доносилъ, что въ нарушеніе прежняго наказа старосты и десятскіе поповскіе въ поповскую избу не приходятъ, поповъ и дьяконовъ отъ безчинія не унимаютъ; безмѣстные попы и дьяконы въ поповскую избу не ходятъ и предъ литургіею правила не правятъ, садятся у Фроловскаго моста и безчинства дѣлаютъ большія, бранятся скаредно, а иные играютъ, борются и на кулачки бьются; а которые напи-

маются обѣдни служить, тѣ идутъ въ церковь, не простившись съ тѣми изъ своихъ братій, съ которыми бранились; служатъ обѣдни не во время рано, безъ часовъ; пріѣзжіе попы ему, тіупу, ставленныхъ грамотъ своихъ не кажутъ, его не слушаютъ, бранятъ и позорятъ. Патріархъ подтвердилъ прежній наказъ поповскимъ старостамъ.

Для улучшенія положенія земледѣльческаго сословія царь Борисъ также принималъ мѣры. Въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича весьма стѣснены были переходы крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому. Крестьяне сильно страдали отъ такого порядка. Въ 1601 и 1602 годахъ царь Борисъ издалъ нѣсколько указовъ, въ которыхъ снова разрѣшался „крестьянскій выходъ". Эти указы дозволяли дѣтямъ боярскимъ и вообще мелкимъ землевладѣльцамъ перезывать другъ отъ друга крестьянъ въ двухнедѣльный срокъ послѣ Юрьева дня осенняго и съ платою рубля и двухъ алтынъ пожилаго за дворъ. При этомъ были установлены ограниченія: можно было перезывать къ себѣ не болѣе одного или двухъ крестьянъ разомъ, а въ Московскомъ уѣздѣ не дозволено перезывать крестьянъ вовсе; крупнымъ владѣльцамъ, каковы государевы дворцовыя и черныя волости, владыки, монастыри, бояре, окольничіе и другіе, перезывать другъ отъ друга крестьянъ прямо запрещено. Мелкимъ владѣльцамъ угрожала царская опала, если они будутъ насильно удерживать у себя крестьянъ, не давать имъ законнаго отказа, т.-е. не выпускать ихъ къ другому владѣльцу, чинить имъ „зацѣпки" и „продажи", бить ихъ и грабить.

— —

XI.

Пристрастіе Бориса къ иноземщинѣ.

Много заботъ положилъ царь Борисъ и на развитіе просвѣщенія въ своемъ царствѣ, и въ числѣ средствъ къ достиженію этой благой цѣли онъ, повидимому, безъ достаточ-

ной осторожности, считалъ сближенiе съ западною Европой на поприщахъ науки, промышленности и торговли. Поэтому всѣмъ иностранцамъ онъ оказывалъ особое вниманiе, давалъ имъ льготы и широкiй просторъ жить и работать въ Московскомъ государствѣ. Всѣхъ прiѣзжавшихъ въ Москву нѣмцевъ изъ Ливонiи и Германiи царь весьма ласково принималъ на свою службу, назначалъ имъ хорошее жалованье и давалъ помѣстья съ крестьянами. Эти нѣмцы обыкновенно поступали въ иноземный отрядъ царской гвардiи: говорятъ, что подозрительный Борисъ разсчитывалъ на преданность этого отряда болѣе, чѣмъ на своихъ русскихъ тѣлохранителей, и этимъ, конечно, возбуждалъ неудовольствiе русскихъ ратниковъ.

Въ 1601 году въ Москву прiѣхали ливонцы, лишившiеся имѣнiй своихъ вслѣдствiе войны Польши съ Швецiею, а также нѣмцы изъ Германiи и Швецiи. Борисъ принялъ ихъ чрезвычайно милостиво и при торжественномъ представленiи сказалъ:

— Радуемся, что вы поздорову въ нашъ царствующiй городъ Москву доѣхали. Очень скорбимъ, что вы своими выгнаны и всѣхъ животовъ лишились. Но не печальтесь: мы въ три раза возвратимъ вамъ то, что вы тамъ потеряли: дворянъ мы сдѣлаемъ князьями, другихъ, меньшихъ людей, боярами; слуги ваши будутъ у насъ людьми свободными. Мы дадимъ вамъ землю, людей и слугъ, будемъ водить васъ въ шелку и золотѣ, кошельки ваши наполнимъ деньгами. Мы не будемъ вамъ царемъ и господиномъ, но отцомъ, вы будете нашими дѣтьми, и никто, кромѣ насъ самихъ, не будетъ надъ вами начальствовать, я самъ буду васъ судить. Вы останетесь при своей вѣрѣ. Но за это вы должны поклясться по своей вѣрѣ, что будете служить намъ и сыну нашему вѣрою и правдою, не измѣните и ни въ какiя другiя государства не отъѣдете, ни къ турскому, ни въ Крымъ, ни въ Нагаи, ни къ польскому, ни къ шведскому королю. Свѣдаете противъ насъ какой злой умыселъ, то намъ объ этомъ объявите, никакимъ вѣдовствомъ и злымъ коренiемъ насъ не испортите. Если будете все это исполнять, то я васъ пожа-

лую такимъ великимъ жалованьемъ, что и въ иныхъ государствахъ славно будетъ.

Одинъ ливонскій дворянинъ, ловкій и краснорѣчивый Тизенгаузенъ, благодарилъ царя отъ имени своихъ собратій и клялся за нихъ въ вѣрности до смерти.

— Дѣти мои!—отвѣчалъ на это Борисъ:—молите Бога о насъ и нашемъ здоровьѣ, а пока мы живы, вамъ ни въ чемъ нужды не будетъ, и, взявшись за свое жемчужное ожерелье, прибавилъ:—и это раздѣлю съ вами.

Милостію царскою пользовались и иноземные купцы. Такъ нѣмецкіе купцы, выведенные Грознымъ изъ ливонскихъ городовъ и поселенные въ Москвѣ, гдѣ они сильно бѣдствовали, получили отъ царя Бориса въ займы по 300 и по 400 рублей безъ процентовъ и на безсрочное время и дозволеніе вести торговлю съ разными льготами, подъ условіемъ не выѣзжать изъ Россіи безъ позволенія и не распускать за границею дурныхъ слуховъ о государѣ. Кромѣ того, иноземные купцы причислялись къ высшему разряду торговаго сословія, къ московской гостиной сотнѣ.

Не имѣя среди своихъ подданныхъ лицъ съ европейскими знаніями, европейски обученныхъ и образованныхъ, Борисъ поручалъ набирать за границей въ русскую службу врачей, рудознатцевъ, суконниковъ и другихъ мастеровъ. Съ этою цѣлію онъ отправилъ въ Любекъ Бекмана. Въ наказной памяти Бекману говорилось: „пріѣхавши въ Псковъ, сказать воеводѣ, чтобъ отпустилъ его тотчасъ не шумно, чтобъ о томъ иноземцы не узнали. Изъ Пскова ѣхать въ Любекъ Лифляндскою землею на Юрьевъ или на Кесь или другіе какіе города, куда ѣхать лучше и безстрашнѣе“. Эти слова наказа останавливаютъ особое вниманіе нашего историка Соловьева, который видитъ въ нихъ очевидное свидѣтельство неотложнѣйшей государственной необходимости для Московскаго государства имѣть въ своемъ распоряженіи хотя бы одну гавань на Балтійскомъ морѣ: „иначе надобно было дѣйствовать тайкомъ, не шумно, надобно было выкрадывать знанія съ Запада“. Далѣе въ наказѣ говорилось: „пріѣхавши въ Любекъ, говорить бурмистрамъ, ратманамъ и палатни-

камъ, чтобъ они прислали къ царскому величеству доктора навычнаго, который былъ бы навыченъ всякому докторству и умѣлъ лѣчить всякія немощи. Если откажутъ, то промышлять въ Любекѣ докторомъ самому, чтобъ непремѣнно докторомъ въ Любекѣ промыслить. Посланы съ нимъ опасныя грамоты суконнымъ мастерамъ, рудознатцамъ, которые умѣютъ находить руду золотую и серебряную, часовникамъ: такъ ему промышлять накрѣпко, чтобъ мастеровые люди ѣхали къ царскому величеству своимъ ремесломъ послужить, сказывать имъ государево жалованье и отпускъ повольный, что имъ пріѣхать и отъѣхать во всемъ будетъ повольно безо всякаго задержанья".

Мы уже знаемъ, какъ трепеталъ Борисъ за свое здоровье и здоровье своего семейства. Онъ думалъ, что враги постоянно умышляютъ противъ его жизни и здоровья, и потому особенно дорожилъ медиками и хотѣлъ окружить себя искусными людьми, которые могли бы противодѣйствовать вражьимъ замысламъ. У него было шесть иностранныхъ медиковъ, которымъ онъ давалъ богатое содержаніе и подарки, почиталъ ихъ какъ большихъ князей или бояръ и даже позволилъ имъ построить себѣ большую протестантскую церковь.

Однажды печатникъ Василій Щелкаловъ разговорился съ пріѣхавшимъ изъ Англіи докторомъ Вильсомъ по вопросамъ его спеціальности.

— Сказываешься ты докторъ,—спрашивалъ Щелкаловъ,— а грамота у тебя Елисаветъ королевнина докторская, и книги докторскія и лѣчебныя, и зелье съ тобою есть ли? И какъ немочи знаешь? И почему у человѣка какую немочь познаешь?

Докторъ отвѣчалъ:

– Которыя книги были со мною повезены изъ англійской земли для докторства, и я тѣ книги всѣ оставилъ въ Любекѣ для проѣзда, и сказывался въ дорогѣ торговымъ человѣкомъ для того, чтобъ меня пропустили, а зелья не взялъ для проѣзду же, потому что насъ, докторовъ, въ Москву нигдѣ не пропускаютъ.

– Почему же тебѣ у человѣка безъ книгъ какую немочь

можно познать: по водамъ ли или по жиламъ?—спросилъ Щелкаловъ.

— Немочь въ человѣкѣ всякую можно и безъ книгъ разумомъ знать по водамъ,—отвѣтилъ докторъ,—а если будетъ въ человѣкѣ тяжкая болѣзнь, то ее и по жиламъ можно познать; лѣчебная книга со мною есть, а старая книга у меня въ головѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ царь Борисъ желалъ въ самой Москвѣ завести школы, въ которыхъ бы иностранцы учили русскихъ людей иностраннымъ языкамъ. Однако это намѣреніе возбудило неудовольствіе. Духовенство воспротивилось и говорило, что обширная русская страна едина по вѣрѣ, правамъ и языку; будетъ много языковъ, встанетъ смута въ землѣ. Царь внялъ этому голосу, но не съ тѣмъ, чтобы совершенно отказаться отъ намѣренія насадить заграничное просвѣщеніе въ Московскомъ государствѣ, и потому онъ придумалъ иное средство: онъ выбралъ нѣсколько молодыхъ людей и отправилъ ихъ учиться въ Любекъ, въ Англію, Францію и Австрію. Ганзейскіе послы, бывшіе въ Москвѣ въ 1603 году, взяли съ собой въ Любекъ пять мальчиковъ, которыхъ они обязались выучить по-латыни, по-нѣмецки и другимъ языкамъ, при чемъ беречь накрѣпко, чтобъ они не оставили своей вѣры и своихъ обычаевъ. Съ англійскимъ посломъ Джономъ Мерикомъ отправлены были въ Лондонъ четверо молодыхъ людей „для науки разныхъ языковъ и грамотамъ".

Достойно особаго вниманія то, что эта первая отправка русскихъ юношей за границу окончилась полною неудачею для Московскаго государства: всѣ они тамъ и остались, и никто изъ нихъ не вернулся на родину.

Естественно, что у царя были свои подражатели между боярами и что пристрастіе его къ иноземному и предпочтеніе, оказываемое иностранцамъ предъ своими подданными, русскими, вызывало русскихъ на подражаніе иностранцамъ. Не удивительно, что среди нихъ нашлись любители иноземныхъ обычаевъ и одеждъ, что нѣкоторые даже брили себѣ бороды изъ подражанія иностранцамъ, или, по

выраженію современника, „старіи мужи брады своя постригаху, въ юноши премѣняхуся“.

Тѣмъ сильнѣе росло неудовольствіе среди русскихъ людей, не видѣвшихъ пока въ этомъ пристрастіи къ иностранцамъ никакой пользы для государства и лишь переносившихъ обиды предпочтенія всего иноземнаго всему русскому и незаслуженныя подозрѣнія и недовѣріе.

— Отче святый,—говорили недовольные патріарху Іову:—зачѣмъ ты молчишь, видя все это?

Но чѣмъ могло бы кончиться столкновеніе патріарха съ царемъ? И патріархъ молчалъ: „видя сѣмена лукавствія, сѣемыя въ виноградѣ Христовомъ, дѣлатель изнемогъ, и только къ Господу Богу единому взирая, ниву ту недобрую обливалъ слезами“.

И въ этомъ недовольствѣ скрыты были сѣмена ропота, готовыя при удобномъ случаѣ разростись до крупныхъ размѣровъ и даже до открытаго возмущенія.

XII.

Неустойчивость Бориса.

Удивительна была эта неустойчивость, эта двойственность настроеній и дѣйствій царя Бориса! Съ одной стороны онъ всемѣрно стремился не только удержаться на московскомъ престолѣ, но и укрѣпиться на немъ со всѣмъ родомъ своимъ, приготовить непоколебимое царство сыну своему и потомству его. Въ этихъ видахъ онъ вездѣ искалъ невѣсты для сына и, въ видахъ возвеличенія своего рода, жениха для дочери, среди царственныхъ домовъ Европы. Сына своего, царевича Ѳеодора, онъ особенно любилъ, воспитывалъ его съ особымъ тщаніемъ и старался обогатить его умъ свѣдѣніями, полезными будущему царю Россіи. Чтобы возбудить къ нему любовь народа, Борисъ пользовался случаями выставить его заступникомъ и миротворцемъ. Чтобы упрочить

за нимъ престолонаслѣдіе и показать народу его участіе въ правительственной дѣятельности, царь не только на торжественныхъ пріемахъ сажалъ сына рядомъ съ собою, но и поручалъ ему иногда вмѣсто себя принимать иностранныхъ пословъ. Словомъ, Борисъ готовилъ Россіи новый царствующій домъ Годуновыхъ.

И въ то же время, съ другой стороны, Борисъ не могъ проникнуться величіемъ царскаго сана и царскаго достоинства и въ его сознаніи почерпнуть источникъ спокойствія, прощенія и милости. Борисъ и на престолѣ попрежнему остался подозрительнымъ, суевѣрнымъ, недовѣрчивымъ и нерѣдко безъ нужды и безъ основанія раздражалъ своихъ подданныхъ. Для него мало было связать совѣсть подданныхъ обидною для нихъ присягою: онъ придумалъ еще особую молитву, которую они должны были произносить передъ заздравными чашами, и надѣялся, что молитва еще болѣе свяжетъ ихъ и оградитъ его самого и его потомство отъ всякихъ замысловъ и покушеній. При заздравной чашѣ должно было молиться, „чтобъ онъ, Борисъ, единый подсолнечный христіанскій царь, и его царица, и ихъ царскія дѣти, на многія лѣта здоровы были и счастливы, недругамъ своимъ страшны; чтобъ всѣ великіе государи приносили достойную почесть его величеству; имя его славилось бы отъ моря до моря и отъ рѣкъ до концовъ вселенной, къ его чести и повышенію, а преславнымъ его царствамъ къ прибавленію; чтобъ великіе государи его царскому величеству послушны были съ рабскимъ послуженіемъ, и отъ посѣченія меча его всѣ страны трепетали; чтобъ его прекрасно цвѣтущія, младоумножаемыя вѣтви царскаго изращенія въ наслѣдіе превысочайшаго Россійскаго царствія были навѣки и нескончаемые вѣки, безъ урыву; а на насъ бы, рабахъ его, отъ пучины премудраго его разума и обычая и милостиваго права неоскудныя рѣки милосердія изливались выше прежняго“.

Результатъ получался совершенно обратный: по вѣрному замѣчанію историка, и тутъ Борисъ, по мелкодушію своему, стремился показать народу, что онъ не похожъ на древнихъ

прирожденныхъ государей, которые не нуждались въ особенныхъ молитвахъ, кромѣ установленныхъ церковью, и тутъ достигалъ совершенно противнаго своему желанію, возбуждая въ народѣ мысль, что что-нибудь не такъ, что царь чего-нибудь боится, ибо это при прежнихъ государяхъ не бывало.

Это непостоянство и измѣнчивость въ отношеніяхъ къ подданнымъ, эта подозрительность и робость не укрылись отъ подданныхъ. Одинъ иностранецъ, бывшій въ Москвѣ при Борисѣ и оставившій записки о его царствованіи, подмѣтилъ это противорѣчіе въ характерѣ и дѣйствіяхъ Бориса. Онъ разсказываетъ, что Борисъ началъ властвовать мирно, счастливѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, но вскорѣ совершенно измѣнился: перестал разсматривать жалобы и просьбы, которыя прежде самъ выслушивалъ, скрывался во дворцѣ, рѣдко показывался народу и то съ недоступными обрядами, неизвѣстными древнимъ государямъ. Имѣя сына и дочь, онъ задумалъ соединиться родствомъ съ вѣнценосцами иноземными, въ намѣреніи утвердить и упрочить какъ себя, такъ и свое поколѣніе на царскомъ престолѣ; въ то же время наказывалъ ссылкою людей подозрительныхъ, заставлялъ бояръ заключать браки по своему произволу и соединялъ узами свойства главнѣйшихъ, наиболѣе полезныхъ себѣ вельможъ, съ своимъ домомъ.

Однимъ словомъ, говоритъ другой иностранецъ, царь Борисъ старался управлять государствомъ такъ, чтобы имя его славилось въ земляхъ отдаленныхъ, и чтобы держава его процвѣтала въ мирѣ и благоденствіи. Онъ любилъ строить новые города и поправлять старые: обвелъ Москву бѣлою каменною стѣною, а Смоленскъ весьма высокою и крѣпкою; построилъ, сверхъ того, на южной границѣ для защиты отъ татарскихъ набѣговъ двѣ крѣпости. При всемъ томъ Богъ не благословилъ правленіе сего государя, потому что онъ достигъ престола коварствомъ и злодѣяніемъ. Небесное правосудіе жестоко наказало его, воздавъ ему по дѣламъ. Ослѣпленный Борисъ не могъ замѣтить, что это было дѣломъ небеснаго Промысла, который хотѣлъ явить ничтожность премудрости человѣческой въ сравненіи съ божественною. Го-

дуновъ мечталъ однимъ коварствомъ утвердить себя на престолѣ, но вскорѣ убѣдился, что козни его безсильны предъ Богомъ. При всемъ благоразуміи своемъ, ни въ одномъ предпріятіи онъ не имѣлъ желаннаго успѣха: не принесли ему никакой выгоды союзы съ иноземными государями; безполезны были щедроты и благодѣянія, оказанныя нѣмцамъ; никто не умѣлъ цѣнить его неусыпной заботливости, его мудрыхъ распоряженій о благоденствіи Россіи; наконецъ, неимовѣрныя суммы, раздаваемыя сряду нѣсколько лѣтъ на вспоможеніе подданнымъ, не предохранили бѣднаго народа его отъ губительнаго глада и мора.

XIII.

Опалы.

Ропотъ дошелъ до царя. Но Борисъ не внялъ его справедливымъ основаніямъ. Вмѣсто того, чтобы вникнуть въ причины неудовольствія и изыскать надежнѣйшія средства къ ихъ удаленію, онъ обратился къ мѣрамъ, которыя должны были усугубить недовольство: онъ рѣшился подавить ропотъ жестокостью и гоненіями. Опасаясь постоянно козней отъ знатнѣйшихъ бояръ, Борисъ хотѣлъ тщательно слѣдить за ихъ поступками и даже словами, а потому сталъ поощрять шпіонство и доносы. А сіи послѣдніе скоро настроили его къ такимъ дѣйствіямъ, которыя окончательно лишили его народнаго расположенія.

„Искони врагъ нашъ діаволъ, повѣствуетъ лѣтописецъ, вложи въ мысль царю Борису, восхотѣвшему въ Московскомъ государствѣ все вѣдати, чтобы ничто у него утаено не было И помышляше о семъ много, како бы и отъ кого то вѣдати. И положи мысль свою на томъ, что, кромѣ холопей боярскихъ, вѣдати не отъ кого".

Безпокойство души обнаружилось въ царѣ несчастными дѣйствіями подозрѣнія, которое, тревожа его, скоро встрѣ

вожило и Россію. Не довѣряя даже клятвѣ народной, онъ хотѣлъ быть неусыпнымъ стражемъ, все видѣть и слышать, чтобы предупредить злые умыслы. Естественно онъ обратился къ помощи страшныхъ доносовъ.

Царь Борисъ, разсказываетъ лѣтописецъ, велѣлъ тайно допытать у людей князя Шестунова о замыслахъ господина ихъ. Одинъ изъ нихъ, какой-то Воинко, явился съ доносомъ. Князя оставили въ покоѣ, но доносчика рѣшили всемѣрно поощрить. Ему сказали царское жалованное слово предъ челобитнымъ приказомъ на площади, предъ всѣмъ народомъ выставили его службу и радѣнье, объявили, что царь даетъ ему помѣстье и велитъ ему служить въ дѣтяхъ боярскихъ. Это поощреніе произвело страшное дѣйствіе: боярскіе люди начали умышлять всякій надъ своимъ бояриномъ, и, сговорившись человѣкъ по пяти и по шести, одинъ шелъ доводить, а другихъ ставилъ въ свидѣтели. Тѣхъ же людей боярскихъ, которые не хотѣли душъ своихъ погубить и господъ своихъ не хотѣли видѣть въ крови, пагубѣ и разореніи, тѣхъ, бѣдныхъ, мучили пытками и огнемъ жгли, языки имъ рѣзали и по тюрьмамъ сажали. А доносчиковъ царь Борисъ жаловалъ своимъ великимъ жалованьемъ, инымъ давалъ помѣстья, а инымъ—изъ казны деньги. И отъ такихъ доносовъ была въ царствѣ большая смута: доносили другъ на друга попы, чернецы, пономари, просвирни, даже жены доносили на мужей своихъ, а дѣти—на отцовъ, такъ что отъ такого ужаса мужья таились отъ женъ своихъ. И въ этихъ окаянныхъ доносахъ много крови пролилось неповинной, многіе отъ пытокъ померли, другихъ казнили, иныхъ по тюрьмамъ разослали и со всѣми домами разорили: ни при одномъ государѣ такихъ бѣдъ никто не видалъ.

Иностранцы, бывшіе въ это время въ Москвѣ, съ отвращеніемъ описываютъ всѣ ужасы развившагося зла. „Борисъ, разсказываетъ одинъ изъ нихъ, занимался ежедневно только истязаніями и пытками: рабъ, клеветавшій на своего господина въ надеждѣ сдѣлаться свободнымъ, получалъ отъ царя награжденіе; а господина его или главнаго изъ служителей дома подвергали пыткѣ, дабы исторгнуть признаніе въ томъ,

чего они никогда не дѣлали, не слыхали и не видали. Въ столицѣ весьма немногіе изъ знатныхъ семействъ спаслись отъ подозрѣній тирана, по наружности милосердаго: ибо во все время своего царствованія до появленія Димитрія въ Россіи онъ не казнилъ и десяти человѣкъ всенародно, кромѣ нѣкоторыхъ мошенниковъ, пойманныхъ изъ шайки до 500 человѣкъ, но тайно терзалъ весьма многихъ особъ, иныхъ наказывалъ заточеніемъ, другихъ умерщвлялъ ядомъ и безчисленное множество утопилъ. При всемъ томъ не нашелъ отрады“.

Подозрѣнія Бориса пали на знатнѣйшихъ бояръ Московскаго государства, и опалѣ его подверглись именитыя и любезныя народу семейства.

Въ числѣ бояръ, пострадавшихъ отъ подозрительности Бориса, былъ и окольничій Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій, когда-то товарищъ и пріятель Бориса Годунова, удаленный изъ Москвы въ началѣ царствованія Θеодора и потомъ возвращенный изъ ссылки. Извѣстно, что царь Борисъ былъ весьма озабоченъ постройкою крѣпостей по южной границѣ, противъ крымцевъ, и вотъ, разсказываетъ лѣтописецъ, Борисъ послалъ Бѣльскаго ставить тамъ, на полѣ, городъ Борисовъ, а съ нимъ Семена Алферьева и многихъ всякихъ людей, а на житье туда послалъ казаковъ, стрѣльцовъ и посадскихъ людей. Богданъ, человѣкъ богатый, пошелъ на поставленіе града съ великимъ богатствомъ и всякаго запасу взялъ съ собою много. Придя на городище, онъ прежде началъ дѣлать городъ своимъ дворомъ и сдѣлалъ своими людьми башню и городки и укрѣпилъ великою крѣпостью; потомъ по этому образцу велѣлъ всей рати дѣлать, и сдѣлали весь городъ вскорѣ и укрѣпили всякими крѣпостями; ратныхъ людей Богданъ поилъ и кормилъ всякій день множество и бѣднымъ раздавалъ деньги, платье и запасы. И вотъ прошла на Москвѣ отъ ратныхъ людей великая хвала добродѣтели Богдана. Говорятъ, что царю донесли, будто Богданъ самъ похвалялся и говорилъ: „Борисъ царь въ Москвѣ, а я въ Борисовѣ“. Царь Борисъ исполнился ярости и зависти, послалъ и велѣлъ схватить Богдана и тамъ же „позорити

многими позоры" и сослать его въ одинъ изъ низовыхъ городовъ въ тюрьму; вотчины и помѣстья Богдана царь взялъ себѣ, а дворянъ старыхъ, которые были съ Богданомъ и не донесли на него, также повелѣлъ разорить. Кромѣ того, царь подвергъ позорной казни Богдана, ревнителя русской старины, не любившаго иноземцевъ и не одобрявшаго страсти къ подражанію иноземнымъ обычаямъ: Борисъ въ отместку велѣлъ своему иноземному медику выщипать у Бѣльскаго его густую бороду.

Видимо, Борисъ стремился уничтожить всѣхъ бояръ, которые страшны были ему знатностію рода и любовію народной. Особенно боялся онъ именитыхъ бояръ Романовыхъ-Юрьевыхъ, которые казались наиболѣе опасными по своей близости къ послѣднимъ царямъ Владимірова дома и по народному къ нимъ расположенію. Наконецъ, царь Борисъ добрался и до нихъ. Романовыхъ въ это время было пять братьевъ, и въ народѣ ихъ просто называли „Никитичи". И вотъ приспѣшники Годунова подговорили дввороваго человѣка и казначея Александра Никитича Романова, Бартенева, сдѣлать доносъ на своего господина. Лѣтописецъ разсказываетъ, что Бартеневъ тайно пришелъ къ дворецкому Семену Годунову и объявилъ, что готовъ исполнить волю царскую надъ господами своими. Семенъ, по приказу царя, наложилъ въ мѣшки всякихъ кореньевъ и велѣлъ Бартеневу положить ихъ въ кладовую Александра Никитича. Бартеневъ исполнилъ все это и потомъ явился съ доносомъ, что у господина его припасено отравное зелье. Царь послалъ обыскать кладовую, и, конечно, въ ней нашли тѣ мѣшки съ кореньями. „Иного ничего не искаху, замѣчаетъ лѣтописецъ, вѣдаху бо, что у нихъ въ дому ничего неправеднаго нѣтъ". Дѣлу постарались придать самую широкую огласку: мѣшки привезли на дворъ къ патріарху Іову, царь велѣлъ собрать „всѣхъ людей", и въ присутствіи множества народа высыпали коренья изъ мѣшковъ. Привели Романовыхъ, Ѳедора Никитича съ братьями, и они не могли отвѣчать отъ многонароднаго шума. Тогда Романовыхъ отдали подъ стражу, а вмѣстѣ съ ними и всѣхъ родственниковъ ихъ и пріятелей, князей Чер-

ѲЕОДОРЪ БОРИСОВИЧЪ.

Царь и Самодержецъ Всероссiйскiй.

касскихъ, Шестуновыхъ, Репниныхъ, Сицкихъ, Карповыхъ. Ѳеодора Никитича съ братьями и племянника ихъ, князя Ивана Борисовича Черкасскаго, приводили не разъ къ пыткѣ. Людей ихъ, мужчинъ и женщинъ, подвергли пыткамъ разнымъ и научали ихъ, чтобъ они сказали что-нибудь на господъ своихъ, но вѣрные рабы ничего не сказали, умирали въ мукахъ, но господъ своихъ не оклеветали. Царь Борисъ долго держалъ обвиняемыхъ въ Москвѣ подъ стражею, умышляя разослать ихъ на постоянное житье изъ Москвы по городамъ и монастырямъ. Наконецъ, въ іюнѣ 1601 года состоялся жестокій, несправедливый приговоръ: Ѳеодора Никитича Романова постригли, назвали Филаретомъ и сослали въ Антоніевъ Сійскій монастырь; жену его, Ксенію Ивановну, также постригли, назвали Марѳою и сослали въ одинъ изъ Заонѣжскихъ погостовъ, посадили въ тюрьму и морили голодомъ; тещу Ѳеодорову, дворянку Шестову, въ Чебоксары, въ Никольскій дѣвичій монастырь; Александра Никитича „къ студеному морю", въ Усолье-Луда, къ Бѣлому морю; Михаила Никитича въ Пермь, въ Ныробскую волость; Ивана Никитича въ Пелымъ; Василія Никитича въ Яренскъ; зятя ихъ, князя Бориса Черкасскаго, съ женою и съ племянниками ея, дѣтьми ея брата Ѳеодора Никитича, съ малолѣтнимъ Михаиломъ и сестрою его, съ теткою ихъ Анастасіею Никитичною и съ семьею Александра Никитича, на Бѣлоозеро, и посадили ихъ въ тюрьму; князя Ивана Борисовича Черкасскаго въ Малмыжъ на Вятку; князя Ивана Васильевича Сицкаго въ Кожеозерскій монастырь, а жену его въ пустыню Сумскаго острога; другихъ Сицкихъ, Шестуновыхъ, Карповыхъ и Репниныхъ разослали по темницамъ дальнихъ городовъ. Вотчины и помѣстья опальныхъ раздали другимъ, имѣніе движимое и дома взяли въ казну.

Но гоненія на ненавистныхъ Годунову Романовыхъ не кончились ссылкою и лишеніемъ свободы и собственности: не вѣря усердію или строгости мѣстныхъ властей, послали съ несчастными московскихъ приставовъ, которые должны были неусыпно смотрѣть за ними, доставлять имъ нужное для жизни и доносить царю о каждомъ словѣ ихъ. И пристава

держали опальныхъ въ чрезмѣрной строгости. Никто, по словамъ историка, не смѣлъ ни взглянуть на названныхъ „измѣнниковъ“, ни ходить близъ уединенныхъ домовъ, гдѣ они жили внѣ городовъ и селеній, вдали отъ большихъ дорогъ, нѣкоторые въ землянкахъ и даже скованные; въ монастырь Сійскій не пускали богомольцевъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не доставилъ письма Ѳеодору Никитичу.

Только двое изъ братьевъ Романовыхъ пережили свое несчастье, Филаретъ и Иванъ Никитичи: трое изъ братьевъ не выдержали суровой ссылки и многихъ притѣсненій отъ своихъ приставовъ и вскорѣ скончались, именно: Александръ, Михаилъ и Василій.

Съ Василіемъ Никитичемъ отправили его человѣка и приставу дали строгій наказъ: „везти дорогою Василья бережно, чтобъ онъ съ дороги не ушелъ и лиха никакого надъ собою не сдѣлалъ; беречь, чтобъ къ нему на дорогѣ и на станахъ никто не приходилъ и не разговаривалъ ни о чемъ и грамотами не ссылался; а кто придетъ къ Василью и станетъ съ нимъ разговаривать или принесетъ письмо, то этого человѣка съ письмомъ схватить и прислать въ Москву или, разспрося, отписать къ государю; а кто доведется до пытки, тѣхъ пытать и распрашивать подлинно. Пріѣхавши въ Яренскъ занять для себя и для Василья дворъ въ городѣ отъ церкви, отъ съѣзжей избы и отъ жилыхъ дворовъ подальше; если такого двора нѣтъ, то, присмотря мѣсто, велѣть дворъ поставить подальше отъ жилыхъ дворовъ, да чтобы прохожей дороги мимо двора не было. На дворѣ велѣть поставить хоромы; двѣ избы, да сѣни, да клѣть, да погребъ, чтобъ около двора была городьба. Со двора Василья и дѣтины его никуда не спускать и беречь накрѣпко, чтобъ къ Василью и къ человѣку его никто не подходилъ. Корму Василью давать съ человѣкомъ: по калачу да по два хлѣба денежныхъ; въ мясные дни по двѣ части говядины, да по части баранины; въ рыбные дни по два блюда рыбы, какая гдѣ случится, да квасъ житный: на кормъ послано сто рублей денегъ. Что Василій станетъ говорить, о томъ приставъ долженъ отписать государю“.

Приставъ точно исполнилъ приказаніе наказа и писалъ царю: „Ѣдучи дорогою, твой государевъ злодѣй и измѣнникъ со мною ничего не разговаривалъ; только укралъ у меня на Волгѣ цѣпной ключъ и кинулъ его въ воду, чтобъ я его не ковалъ, и хотѣлъ у меня убѣжать, но я другой ключъ прибралъ и цѣпь, и желѣзо на Василья положилъ за его воровство; пріѣхавши въ Яренскъ, онъ со мною воровствомъ говорилъ: „погибли мы напрасно безъ вины, къ государю въ наносѣ, отъ своей же братьи; они на насъ наносили, сами не зная, что дѣлаютъ, и сами они помрутъ скоро, прежде насъ“.

Скоро братьевъ Василія и Ивана соединили вмѣстѣ въ одномъ городѣ Пелымѣ, чтобы дать имъ печальное утѣшеніе страдать вмѣстѣ. Василій былъ уже совсѣмъ недуженъ и близокъ къ кончинѣ отъ звѣрствъ пристава. Даже царь Борисъ не одобрилъ излишней ревности пристава въ угнетеніи Романовыхъ и писалъ ему: „по нашему указу Ивана и Василья Романовыхъ ковать вамъ не велѣно: вы это сдѣлали мимо нашего указа“.

Приставъ оправдывался и доносилъ, что онъ ковалъ Василья, услыша многія разговорныя рѣчи, напримѣръ: приставъ сталъ говорить Василью:

— Кому милосердіемъ Божіимъ, постомъ, молитвою и милостынею Богъ далъ царство, а вы, злодѣи-измѣнники, хотѣли царство достать вѣдовствомъ и кореньемъ.

Василій отвѣчалъ на это съ насмѣшкою:

— Не то милостыня, что мечутъ по улицамъ; добра та милостыня, дать десною рукою, а шуйца не вѣдала бы.

О смерти Василія приставъ доносилъ: „взялъ я твоего государева измѣнника, Василья Романова, больного, чуть живого, на цѣпи, ноги у него опухли; я для болѣзни его цѣпь съ него снялъ, и сидѣлъ у него братъ его Иванъ, да человѣкъ ихъ Сенька; и я ходилъ къ нему и попа пускалъ; умеръ онъ 15 февраля, и я похоронилъ его, далъ по немъ тремъ попамъ, да дьячку, да пономарю двадцать рублей. А измѣнникъ твой Иванъ Романовъ боленъ старою болѣзнію, рукою не владѣетъ, на ногу немного прихрамываетъ“.

Александръ и Михаилъ Никитичи также не долго жили въ темницѣ: перваго схоронили въ Лудѣ, а второго—въ семи верстахъ отъ Чердыни, близъ села Ныроба, въ мѣстѣ пустынномъ, гдѣ надъ могилою выросли два кедра. Донынѣ, разсказывалъ Карамзинъ, въ церкви Ныробской хранятся Михаиловы тяжкія оковы, и старцы еще разсказываютъ тамъ о великодушномъ терпѣніи, о чудесной силѣ и крѣпости сего мужа, о любви къ нему всѣхъ жителей, коихъ дѣти приходили къ его темницѣ играть на свирѣляхъ и сквозь отверстія землянки подавали узнику все лучшее, что имѣли, для утоленія голода и жажды.

Въ живыхъ остались только Филаретъ и Иванъ Никитичи Романовы. Участь опальныхъ смягчилась. Иванъ Никитичъ былъ переведенъ въ Уфу, а потомъ вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Черкасскимъ отправленъ на службу въ Нижній Новгородъ, при чемъ царь наказывалъ приставу: „Ѣдучи дорогою и живучи въ Нижнемъ Новгородѣ, ко князю Ивану и къ Ивану Романову береженье держать большое, чтобъ имъ нужды ни въ чемъ никакой отнюдь не было и жили бъ они и ходили свободны".

Почти то же царь наказывалъ и о княгинѣ Черкасской, жившей съ дѣтьми Ѳеодора Никитича на Бѣлѣозерѣ: „чтобъ имъ всѣмъ въ ѣдѣ, питьѣ и платьѣ никакой нужды не было".

Скоро Иванъ Никитичъ съ княземъ Иваномъ Черкасскимъ возвращены были въ Москву. Княгинѣ Черкасской съ дѣтьми Ѳеодора Никитича и женой Александра Никитича царь велѣлъ жить въ вотчинѣ Романовыхъ, селѣ Клинѣ, Юрьевскаго уѣзда.

Но Филаретъ Никитичъ оставался въ заточеніи. Царь Борисъ хотѣлъ изъявить милость и ему: позволилъ ему стоять въ церкви на клиросѣ, взять къ себѣ чернеца въ келію для услугъ и бесѣды; приказалъ всѣмъ довольствовать своего „измѣнника" и для богомольцевъ отворить Сійскій монастырь, но не пускать ихъ къ опальному иноку; приказалъ, наконецъ, посвятить Филарета въ іеромонахи и архимандриты, чтобы тѣмъ болѣе удалить его отъ міра!

И къ Филарету былъ приставленъ приставъ, но, видимо, Филаретъ не давалъ ему повода доносить въ Москву. Приставъ писалъ царю: „Твой государевъ измѣнникъ, старецъ Филаретъ Романовъ, мнѣ говорилъ:

— Государь меня пожаловалъ, велѣлъ вольность дать, и мнѣ бъ стоять на клиросѣ.

Да онъ же мнѣ говорилъ:

— Не годится со мною въ кельѣ жить малому, чтобъ государь меня, богомольца своего, пожаловалъ, велѣлъ у меня въ кельѣ старцу жить, а бѣльцу съ чернецомъ въ одной кельѣ жить непригоже.

Это онъ говорилъ для того, чтобы отъ него изъ кельи малаго не взяли, а онъ малаго очень любитъ, хочетъ душу свою за него выронить. Я малаго разспрашивалъ: что съ тобою старецъ о какихъ-нибудь дѣлахъ разговаривалъ ли или про кого-нибудь разсуждаетъ ли? и друзей своихъ кого по имени поминаетъ ли? Малый отвѣчалъ:

— Отнюдь со мной старецъ ничего не говоритъ.

— Если малому впередъ жить въ кельѣ у твоего государева измѣнника, то намъ отъ него ничего не слыхать; а малый съ твоимъ государевымъ измѣнникомъ душа въ душу. Да твой же государевъ измѣнникъ мнѣ про твоихъ государевыхъ бояръ въ разговорѣ говорилъ:

— Бояре—мнѣ великіе недруги; они искали головъ нашихъ, а иные научали на насъ говорить людей нашихъ, я самъ видалъ это не однажды.

Да онъ же про твоихъ бояръ про всѣхъ говорилъ:

— Не станетъ ихъ ни на какое дѣло, нѣтъ у нихъ разумнаго; одинъ у нихъ разуменъ Богданъ Бѣльскій, къ посольскимъ и ко всякимъ дѣламъ очень досужъ.

Велѣлъ я сыну боярскому Болтину разспрашивать малаго, который живетъ въ кельѣ у твоего государева измѣнника, и малый сказывалъ:

— Со мною ничего не разговариваетъ; только когда жену вспомянетъ и дѣтей, то говоритъ: „Малыя мои дѣтки! Маленьки бѣдныя остались; кому ихъ кормить и поить? Такъ ли имъ будетъ теперь, какъ имъ при мнѣ было? А жена моя

бѣдная! Жива ли уже? Чай она туда завезена, куда и слухъ никакой не зайдетъ! Мнѣ ужъ что надобно? Бѣда на меня жена да дѣти: какъ ихъ вспомнишь, такъ точно рогатиной въ сердце толкаетъ; много они мнѣ мѣшаютъ: дай, Господи, слышать, чтобъ ихъ ранѣе Богъ прибралъ, я бы тому обрадовался. И жена, чай, тому рада, чтобъ имъ Богъ далъ смерть, а мнѣ бы ужъ не мѣшали, я бы сталъ промышлять одною своею душою, а братья уже всѣ, далъ Богъ, на своихъ ногахъ".

Царь Борисъ отвѣчалъ приставу на это донесеніе: „Ты бъ старцу Филарету платье давалъ изъ монастырской казны и покой всякій къ нему держалъ, чтобъ ему нужды ни въ чемъ не было; если онъ захочетъ стоять на крылосѣ, то позволь, только бъ съ нимъ никто изъ тутошнихъ и приходящихъ людей ни о чемъ не разговаривалъ; малому у него въ кельѣ быть не вели, вели съ нимъ жить въ кельѣ старцу, въ которомъ бы воровства никакого не чаять. А которые люди станутъ въ монастырь приходить молиться, прохожіе или тутошніе крестьяне и вкладчики, то вели ихъ пускать, только смотри накрѣпко, чтобъ къ старцу Филарету къ кельѣ никто не подходилъ, съ нимъ не говорилъ и письма не подносилъ и съ нимъ не сослался".

Черезъ три года, уже въ 1605 году, приставъ Воейковъ жаловался царю на послабленіе, которое оказывалъ Филарету сійскій игуменъ Іона. Борисъ писалъ игумену: „Писалъ къ намъ Богданъ Воейковъ, что разсказывали ему старецъ Иринархъ и старецъ Леонидъ: 3-го февраля, ночью, старецъ Филаретъ старца Иринарха бранилъ, съ посохомъ къ нему прискакивалъ, изъ кельи его выслалъ вонъ и въ келью ему къ себѣ и за собою ходить никуда не велѣлъ, а живетъ старецъ Филаретъ не по монастырскому чину, всегда смѣется невѣдомо чему и говоритъ про мірское житье, про птицъ ловчихъ и про собакъ, какъ онъ въ мірѣ жилъ, и къ старцамъ жестокъ, старцы приходятъ къ Воейкову на старца Филарета всегда съ жалобою, бранитъ онъ ихъ и бить хочетъ, и говоритъ имъ: „увидите, каковъ я впередъ буду". Нынѣшнимъ великимъ постомъ у отца духовнаго старецъ

Филаретъ не былъ, въ церковь и къ тебѣ на прощанье не приходилъ, и на крылосѣ не стоитъ. И ты бы старцу Филарету велѣлъ жить съ собою въ кельѣ, да у него велѣлъ жить старцу Леониду, и къ церкви старцу Филарету велѣлъ ходить вмѣстѣ съ собою да за нимъ старцу, отъ дурна его унималъ и разговаривалъ, а безчестья бы ему никакого не дѣлалъ. А на котораго онъ старца бьетъ челомъ, и ты бы тому старцу жить у него не велѣлъ. Если ограда около монастыря худа, то ты велѣлъ бы ограду подѣлать, безъ ограды монастырю быть не пригоже, и между кельями двери задѣлать. А которые люди станутъ къ тебѣ приходить, и ты бы имъ велѣлъ приходить въ переднюю келью а старецъ бы въ то время былъ въ комнатѣ или въ чуланѣ; а незнакомыхъ людей ты бы къ себѣ не пускалъ, и нигдѣ бы старецъ Филаретъ съ приходящими людьми не сходился".

Но не одни Романовы пугали Бориса: страдая подозрительностью и завистію, онъ одинаково боялся всѣхъ бояръ и готовъ былъ погубить именитыхъ и знатныхъ. Князь Ѳеодоръ Ивановичъ Мстиславскій и князь Василій Ивановичъ Шуйскій, знатностью рода, возбуждали сильныя опасенія Бориса не только за себя и за прочность своего престола, но даже и за сына, за прочность и спокойствіе своего потомства. Не имѣя никакихъ уликъ противъ нихъ, онъ одинаково преслѣдовалъ обоихъ, мучилъ своею подозрительностью, отнялъ у обоихъ семейное счастіе, запретивъ имъ жениться, чтобы отсутствіемъ потомства отнять побужденіе къ честолюбивымъ замысламъ и чтобы обезопасить себя на будущее время, подозрѣвая, что дѣти ихъ, по древней знатности своего рода, могли бы также состязаться съ его сыномъ о престолѣ. Страхъ опалы постоянно висѣлъ надъ головами этихъ доблестныхъ бояръ и возбуждалъ въ сердцахъ всѣхъ неповинныхъ чувства недовольства и даже ненависти. По словамъ одного иностранца, царь Борисъ нѣсколько разъ удалялъ Шуйскихъ отъ двора, а потомъ опять приближалъ, пыталъ многихъ неповинныхъ только за то, что они посѣщали иногда Шуйскихъ даже и въ то время, когда сіи послѣдніе были въ милости.

Мало того, по свидѣтельству того же иностранца, царь Борисъ объявилъ опалу на всѣхъ бояръ Московскаго государства: ни одинъ медикъ не дерзалъ подъ опасеніемъ ссылки пользовать вельможъ безъ именного приказанія государя. Даже несчастная мать царевича Димитрія, инокиня Марѳа, признана была опасною: ее вывели изъ ея монастыря и сослали подальше отъ Москвы.

Печаль и уныніе распространились по всему государству!..

XIV.

Голодъ.

Гибель знатныхъ бояръ, очевидно невинныхъ, усилила раздраженіе умовъ противъ Бориса. Но общее спокойствіе государства еще оставалось ненарушимымъ подъ твердымъ управленіемъ Годунова, и это обстоятельство, казалось, упрочивало державу въ сильной рукѣ его. Но часъ суда Божія уже наступалъ!.. Вся государственная мудрость Годунова должна была сокрушиться передъ готовившимся для цѣлой Россіи однимъ изъ ужаснѣйшихъ бѣдствій, коими Провидѣніе въ неисповѣдимыхъ совѣтахъ своихъ казнитъ народы и коихъ никакая предусмотрительность человѣческая отвратить не можетъ!

Весною 1601 года начались проливные дожди и лили непрерывно десять недѣль. Нельзя было приняться ни за какія работы, ни косить, ни жать, да и хлѣбъ стоялъ не созрѣлый: онъ полно налился и остался зеленый, какъ трава. Испуганные поселяне всю надежду возлагали на милосердіе Божіе и на поздніе жары. Вдругъ вмѣсто того 15 августа на праздникъ Успенія Богоматери палъ на землю жестокій морозъ и побилъ не только не дозрѣвшіе колосья въ поляхъ, но и всякаго рода плоды и овощи въ садахъ и лѣсахъ! Сжатый потомъ хлѣбъ далъ легковѣсное, недоброкачественное зерно и въ маломъ количествѣ. Но въ житни-

цахъ и гумнахъ хранилось еще не мало стараго хлѣба. Къ несчастію, земледѣльцы засѣяли поля новымъ, побитымъ стужею хлѣбомъ, и онъ нигдѣ не взошелъ! Зиму еще кое-какъ перебились, хотя цѣны на всѣ припасы уже чрезмѣрно возвысились. Въ 1602 году запасы изошли, посѣвы погибли въ землѣ, и поля остались незасѣянными. И тогда началось бѣдствіе.

За недородомъ пошла дороговизна, за дороговизною—голодъ, за голодомъ—страшный моръ. Четверть ржи поднялась въ цѣнѣ отъ 12 и 15 денегъ до трехъ рублей, но и той купить стало негдѣ. Голодъ свирѣпствовалъ три года съ необычайною лютостью. Люди, доведенные нуждою до отчаянія, попирали даже законы природы и готовы были пожирать другъ друга. Всѣ связи семейныя и общественныя разрушались. Господа изгоняли слугъ своихъ, мужья покидали женъ и дѣтей. Дошло до того, что человѣческое мясо продавалось въ пирогахъ на московскихъ рынкахъ, и, что ужаснѣе всего, даже матери ѣли собственныхъ младенцевъ.

Современники оставили страшное описаніе всѣхъ наступившихъ ужасовъ, чего безъ содроганія читать невозможно. Въ эти три года, разсказываетъ иностранецъ Маржеретъ, случались злодѣйства почти невѣроятныя; казалось обыкновеннымъ, если мужъ бросалъ жену и семейство, если жена умерщвляла мужа, мать—своихъ дѣтей и съѣдали ихъ. Я самъ видѣлъ ужасное дѣло, говоритъ онъ: четыре женщины, мои сосѣдки, бывъ оставлены мужьями, рѣшились на слѣдующій поступокъ: одна пошла на рынокъ и, сторговавши возъ дровъ, зазвала крестьянина на свой дворъ, обѣщая отдать ему деньги; но лишь только онъ сложилъ дрова и явился въ избу для полученія платы, женщины удавили его и спрятали тѣло въ погребъ, чтобы не повредилось; сперва хотѣли съѣсть лошадь убитаго, а потомъ приняться за трупъ. Когда же преступленіе обнаружилось, онѣ признались, что умерщвленный крестьянинъ былъ уже третьею жертвою.

Голодъ свирѣпствовалъ съ такою силой, что, кромѣ умершихъ въ другихъ городахъ, въ одной Москвѣ погибло отъ

него до полумилліона людей. Ихъ похоронили за городомъ на трехъ кладбищахъ, иждивеніемъ царя, повелѣвшаго выдавать саваны для погребенія. Царь увеличилъ самъ зло, приказавъ въ Москвѣ раздавать деньги бѣднымъ и за счетъ казны облегчить бѣдствіе. Столь великая смертность въ Москвѣ произошла отъ того, объясняетъ тотъ же иностранецъ, что царь Борисъ приказалъ раздавать ежедневно милостыню всѣмъ бѣднымъ обитателямъ столицы, каждому по московкѣ. Услышавъ о такой щедрости государя, жители окрестные устремились въ Москву, хотя нѣкоторые изъ нихъ еще имѣли средства кормиться; прибывъ же въ столицу съ пустыми руками, не могли содержать себя означенною милостынею, несмотря на то, что въ каждый большой праздникъ и воскресенье получали по деньгѣ, т.-е. вдвое: посему, терзаемые голодомъ, одни умирали на улицахъ, другіе дорогою на возвратномъ пути; наконецъ, Борисъ, узнавъ, что со всего государства народъ двинулся въ столицу на явную смерть, оставляя города и села, повелѣлъ раздачу денегъ прекратить. Тогда открылось зрѣлище неописанное: по дорогамъ лежали мертвые и умирающіе отъ холода и голода. Сумма, выданная Борисомъ для бѣдныхъ, невѣроятна: не говоря о Москвѣ, во всей Россіи не было города, куда бы онъ не посылалъ денегъ болѣе или менѣе для раздачи народу.

Въ 1601 году началась неслыханная дороговизна, разсказываетъ другой иностранецъ Беръ; насталъ такой голодъ, что самъ Іерусалимъ не испыталъ подобнаго бѣдствія, когда, по сказанію Іосифа Флавія, евреи должны были ѣсть кошекъ, мышей, крысъ, подошвы, голубиный навозъ, и когда благородная женщина, терзаемая нестерпимымъ голодомъ, умертвивъ собственное дитя свое, изрубила его на части, сварила, сжарила и съѣла. Вотъ самое ужасное событіе изо всѣхъ происшествій, описанныхъ еврейскимъ историкомъ. Свидѣтельствуюсь истиною и Богомъ, что въ Москвѣ я видѣлъ собственными глазами людей, которые, валяясь на улицахъ, лѣтомъ щипали траву, подобно скотамъ, а зимою ѣли сѣно; у мертвыхъ находили во рту, вмѣстѣ съ наво-

зомъ, всякую нечистоту. Вездѣ отцы и матери душили, рѣзали и варили своихъ дѣтей; дѣти своихъ родителей, хозяева гостей; мясо человѣческое, мелко изрубленное, продавалось на рынкахъ за говяжье въ пирогахъ; путешественники страшились останавливаться въ гостиницахъ.

Когда разнеслась молва о столь ужасныхъ, неслыханныхъ злодѣяніяхъ, и на улицахъ находили ежедневно трупы умершихъ отъ голода, царь Борисъ рѣшился помощію казны своей облегчить народное бѣдствіе: приказалъ близъ самой городской стѣны устроить четыре ограды и раздавать тамъ каждое утро бѣднымъ жителямъ по деньгѣ. Свѣдавъ о семъ, окрестные земледѣльцы оставили свои жилища и устремились въ Москву съ женами и дѣтьми, чтобы также участвовать въ царскомъ благодѣяніи. Такимъ образомъ раздавалось ежедневно около 50.000 денегъ, во все время дороговизны, ни мало, впрочемъ, отъ сего не уменьшавшейся. Сверхъ того, по волѣ государя, назначены были особенные люди, которые подбирали на улицахъ мертвыя тѣла, обмывали ихъ, завертывали въ бѣлое полотно, обували въ красные башмаки и вывозили въ Божій домъ для погребенія. Безъ содроганія нельзя было смотрѣть на множество труповъ, отправляемыхъ въ семъ видѣ за городъ ежедневно! До какой же степени, во время четырехлѣтней всеобщей дороговизны, казна оскудѣла отъ царскаго милосердія, легко судить изъ слѣдующаго соображенія: самъ я слышалъ отъ нѣкоторыхъ купцовъ и достовѣрныхъ сановниковъ, что въ одной Москвѣ погибло отъ голода болѣе 500.000 человѣкъ, которыхъ царь при жизни кормилъ, а по смерти приказалъ одѣть и похоронить на своемъ иждивеніи. Если въ одномъ городѣ была такая смертность, сколько же людей долженствовало погибнуть отъ глада и мора во всемъ государствѣ, и чего стоило казнѣ погребеніе оныхъ? Страшенъ Божій гнѣвъ, карающій царства и народы!—восклицаетъ потрясенный казнію Беръ.

Но сколь ни очевидно было наказаніе Небесъ, продолжаетъ онъ, ослѣпленный Борисъ не хотѣлъ смириться и думалъ одною казною своею прекратить бѣдствіе. По изво-

леню долготерпѣливаго Бога, прибыло изъ нѣмецкихъ приморскихъ городовъ въ русскую Нарву нѣсколько кораблей, нагруженныхъ хлѣбомъ, которымъ многіе тысячи могли бы прокормиться. Но царь запретилъ россіянамъ, подъ смертною казнью, оный покупать, думая, что для него было бы стыдно, если бы въ Россіи, обильной своимъ хлѣбомъ, продавался чужестранный; почему иноземные купцы, не сбывъ товара, возвратились назадъ. Послѣ сего Борисъ велѣлъ освидѣтельствовать свои владѣнія: нашлись на поляхъ огромные скирды, длиною въ 1000 саженъ, болѣе полувѣка неприкосновенные и уже поросшіе деревьями. Царь приказалъ немедленно молотить ихъ и везти хлѣбъ въ Москву и другіе города. Вездѣ отворены были царскіе хлѣбные магазины, и нѣсколько тысячъ четвертей ежедневно продавалось за половинную цѣну; бѣднымъ же вдовамъ и сиротамъ, особливо нѣмцамъ, отпущено было значительное количество безденежно. Князья и бояре, исполняя царскую волю, сжалились надъ всеобщею нуждою и дешевле обыкновеннаго продавали народу съѣстные припасы. Но къ довершенію бѣдствій, Божій Промыслъ допустилъ преступному сребролюбію овладѣть богатыми московскими барышниками, которые, скупивъ, за малыя деньги, чрезъ бѣдныхъ людей, нѣсколько тысячъ бочекъ муки изъ царскихъ и княжескихъ магазиновъ, продавали оную весьма высокою цѣною: это беззаконіе продолжалось до тѣхъ поръ, когда Богъ, смягченный гибелью несчетнаго множества людей, устранилъ одно бѣдствіе, дороговизну, и послалъ другое, войну кровопролитную.

Самонадѣянный и гордый Борисъ къ тому же обнаружилъ кичливость непомѣрную. Тотъ же иностранецъ разсказываетъ о прибытіи въ Россію императорскаго посланника изъ Праги въ іюнѣ 1604 года. До пріѣзда его отдано было царское повелѣніе, чтобы ни одинъ нищій не встрѣчался ему на пути, и чтобы всѣ рынки, которые могъ онъ видѣть, изобиловали жизненными потребностями: Борисъ хотѣлъ истребить и малѣйшій слѣдъ дороговизны. Въ Москвѣ же всѣ князья и бояре, всѣ нѣмцы, поляки и другіе чуже-

странцы должны были нарядиться какъ можно великолѣпнѣе, сообразно съ царскимъ достоинствомъ, въ одежды бархатныя, шелковыя, камчатныя, парчевыя, подъ опасеніемъ потерять годовой окладъ своего жалованья. Не одному бѣдняку пришлось покупать для сего товары вдвое дороже обыкновеннаго, и многіе нарядились въ такія платья, какихъ ни сами, ни отцы и дѣды ихъ носить никогда не воображали. Дворяне приготовили для себя свиты и кафтаны, столь богато выложенные позументомъ, что ни одинъ князь не постыдился бы надѣть ихъ. Кто былъ пышнѣе другихъ наряженъ, тотъ казался болѣе усерднымъ царю слугою: ему прибавляли жалованья и помѣстьевъ. Кто же по бѣдности не могъ равняться великолѣпіемъ одежды съ своими товарищами, тому объявляли царскій гнѣвъ и грозили уменьшить его жалованье, хотя многіе изъ такихъ дворянъ едва имѣли насущный хлѣбъ и должны были заложить свою одежду, чтобы не умереть съ голода. Угощали посла съ роскошью удивительною: изобиліе явствъ и напитковъ, богатство одеждъ, все скрывало дороговизну, которая таилась въ однихъ сердцахъ и жилищахъ. Ни одинъ царскій подданный не смѣлъ, подъ опасеніемъ тѣлеснаго наказанія, разсказывать кому-либо изъ посольской свиты о великой нуждѣ народной; надобно было говорить, что все дешево, всего въ изобиліи. Симъ безполезнымъ высокомѣріемъ Борисъ только раздражилъ Всевышняго.

Естественно, что рѣки милосердія, которыя въ изобиліи излилъ Борисъ на своихъ подданныхъ, не вернули ему ихъ сердецъ. Напрасно Борисъ хотѣлъ явить себя царемъ сердобольнымъ и заботливымъ, напрасно онъ не щадилъ сокровищъ своихъ: народъ видѣлъ, что онъ употребляетъ ихъ не всегда съ осмотрительностію, и находилъ ихъ не только недостаточными, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и вредными. Добрыя дѣла Борисовы, какъ замѣтили современники, служили только средствомъ къ достиженію корыстныхъ цѣлей, и потому въ нихъ клятва смѣшивалась съ благословеніемъ. И вотъ въ народѣ прошла молва, что Небо за беззаконія царя казнитъ царство. „Изливая на бѣд-

ныхъ щедроты,—говоритъ лѣтописецъ,—онъ въ золотой чашѣ подавалъ имъ кровь невинныхъ, да піютъ во здравіе; питалъ ихъ милостынею богопротивною, расхитивъ имѣніе вельможъ честныхъ, и древнія сокровища царскія осквернивъ добычею грабежа". Иные прямо говорили, что Господь караетъ Россію за гоненіе на Романовыхъ. Проникновенный лѣтописецъ того времени, троицкій келарь Авраамій Палицынъ, въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ записалъ голодную казнь Россіи. „Сихъ ради Никитичевъ,—говоритъ онъ,—паче же за премногіе и многочисленные грѣхи наши и беззаконія и неправды, изліяніе гнѣвобыстрое было отъ Бога: омрачилъ Господь небо облаками, и столько дождя пролилось, что всѣ люди въ ужасъ впали, и остановилось всякое дѣло земли, и всякое сѣмя, посѣянное, давши ростокъ, разбухло отъ безмѣрныхъ водъ, излитыхъ изъ воздуха; и не обвѣялъ вѣтеръ травы земныя въ теченіе десяти недѣль; и прежде простертія серпа, сильный морозъ побилъ всякій трудъ дѣлъ человѣческихъ и въ поляхъ, и въ садахъ, и въ дубравахъ всякій плодъ земной, и какъ огнемъ поѣдена была вся земля... И всякое естество восклицало „охъ!" и „горе!"... И такая бѣда пришла, что бѣдные и неимущіе снѣдали всякую нечистоту, и если бы Господь не сократилъ дней тѣхъ, то уже начинали ѣсть и другъ друга"...

Но бѣдствія еще не кончились, когда былъ собранъ обильный урожай 1604 года. Самымъ пагубнымъ послѣдствіемъ голода явились бродяжничество и разбои. Спасаясь отъ голодной смерти, толпы всякаго сорта людей составляли разбойничьи шайки, чтобы вооруженною рукой кормиться на счетъ мирныхъ жителей. Преимущественно эти шайки составлялись изъ холоповъ, которыми полны были дома знатныхъ и богатыхъ людей. Въ голодные годы господа не въ силахъ были прокормить толпы своихъ холоповъ, и потому одни изъ нихъ насильно выгоняли своихъ слугъ, вручивъ имъ отпускныя, другіе же отпускали слугъ безъ отпускныхъ въ надеждѣ вернуть ихъ къ себѣ, когда прекратится голодъ, и даже взыскать деньги за укрывательство

съ тѣхъ, кто принялъ бы къ себѣ чужихъ слугъ безъ отпускныхъ. Разумѣется, положеніе такихъ холоповъ было крайне тяжелымъ, такъ какъ никто не рѣшался взять къ себѣ ихъ. Въ августѣ 1603 года царь Борисъ издалъ указъ, которымъ господа обязывались, отсылая холоповъ для прокормленія, непремѣнно выдавать имъ отпускныя. Но зло трудно было поправить, когда и отпущенные на волю не находили себѣ пристанища, за недостаткомъ припасовъ. Количество этихъ холоповъ, лишенныхъ пріюта и средствъ къ прокормленію, увеличилось еще холопами опальныхъ бояръ, Романовыхъ и другихъ, пострадавшихъ вмѣстѣ съ ними. Такъ какъ эти вѣрные слуги не сдѣлали никакихъ доносовъ на невинныхъ господъ своихъ, то Борисъ и ихъ подвергъ опалѣ и запретилъ всѣмъ принимать ихъ къ себѣ.

Множество этихъ несчастныхъ, безпріютныхъ и бездомовныхъ шли къ границамъ, на Сѣверскую украйну, которая съ давнихъ поръ кишѣла всякимъ бездомовнымъ сбродомъ. Еще Грозный, желая заселить границы людьми, способными защитить страну отъ набѣговъ татаръ и поляковъ, позволилъ преступникамъ спасаться отъ наказанія бѣгствомъ въ украинскіе города. Вслѣдствіе этого позволенія на границахъ много было людей, готовыхъ на всякія преступленія и на всякіе безпорядки. Новоприбывшіе холопы лишь увеличили число буйнаго и безпокойнаго населенія украинъ. Сами собою образовались тамъ многочисленныя разбойничьи шайки, отъ которыхъ не было ни прохода, ни проѣзда. „Великій разумъ и жестокость Грознаго, по словамъ лѣтописца, не позволяли двинуться этимъ зміямъ; а кроткій, набожный Ѳеодоръ связывалъ ихъ своею молитвою". При Борисѣ дерзость ихъ достигла крайнихъ предѣловъ, и разбойники появились даже подъ Москвою, и здѣсь начали грабить и убивать. Атаманомъ разбойничьихъ шаекъ былъ Хлопко Косолапъ. Царь Борисъ, видя такое въ землѣ своей нестроеніе и кровопролитіе, много разъ посылалъ къ разбойникамъ, но они не унимались. Тогда онъ призвалъ къ себѣ бояръ и долго обсуждалъ съ ними, какъ бы переловить тѣхъ

разбойниковъ. Бояре приговорили отрядить противъ разбойниковъ цѣлое войско. Царь послалъ съ войскомъ воеводою окольничаго своего Ивана Ѳеодоровича Басманова. Басмановъ сошелся съ Хлопкомъ подъ Москвою. Разбойники отчаянно дрались съ войскомъ, не щадя головъ своихъ, и даже убили воеводу. Съ огромнымъ усиліемъ войско одолѣло разбойниковъ, изъ которыхъ многіе были побиты, а другіе переловлены. Схваченъ былъ и атаманъ ихъ Хлопко. Въ Москвѣ ихъ пытали. Повидимому, Борисъ искалъ тайныхъ соумышленниковъ или руководителей Хлопка среди людей знатныхъ, зная, что въ его шайкахъ находились слуги господъ опальныхъ, и подозрѣвая, что они могли быть вооружены местію противъ гонителя Романовыхъ. Нарядили слѣдствіе, допрашивали, пытали взятыхъ разбойниковъ, но безуспѣшно. Взятыхъ перевѣшали, бѣжавшихъ снова на украйны приказано было также переловить и повѣсить. Воеводы исполнили приказъ Бориса, ловили и вѣшали, но уже не могли уничтожить злодѣйскаго гнѣзда, которое ждало новаго, гораздо опаснѣйшаго атамана, чтобы дать ему передовую дружину на пути къ столицѣ!..

Всѣ эти бѣдствія въ конецъ потрясли великое Русское царство. Всѣ были недовольны, всѣ роптали и всѣ страшились не одного суда царскаго, но и суда Божія. Всѣмъ очевиденъ былъ Божій гнѣвъ, такъ сильно каравшій все царство за грѣхи подданныхъ и беззаконія правителей. Но не видно было смиренія, покаянія и исправленія. Шатаніе росло, а съ нимъ росло и ожиданіе бо́льшихъ бѣдъ, еще бо́льшаго наказанія Божія. И вотъ прошла въ народѣ молва, что начались великія знаменія и чудеса, и что они предвѣщаютъ наступленіе настоящей бѣды. Иностранецъ Беръ разсказываетъ, что по ночамъ видны были огненные столпы на небѣ, которые, сталкиваясь другъ съ другомъ, представляли сраженіе воинствъ; они свѣтили подобно мѣсяцу. Иногда восходили двѣ и три луны, два и три солнца вмѣстѣ; страшныя бури низвергали городскія ворота и колокольни; женщины и животныя производили на свѣтъ множество уродовъ; рыбы исчезали въ водѣ, птицы въ воздухѣ,

дичь въ лѣсахъ; мясо же, употребляемое въ пищу, не имѣло вкуса, сколько его ни приправляли; волки и псы пожирали другъ друга, страшно выли въ той странѣ, гдѣ послѣ открылась война, и станицами рыскали по полямъ, такъ что опасно было выходить на дорогу безъ многихъ провожатыхъ. Въ 8-ми миляхъ отъ Москвы нѣмецкій серебрянникъ поймалъ орла и, убивъ его, привезъ въ Москву. Въ самой столицѣ ловили руками лисицъ разнаго рода, какъ бурыхъ, такъ и черныхъ; цѣлый годъ было такое множество ихъ, что никто не могъ придумать, откуда онѣ брались. Такъ, въ сентябрѣ 1604 года, недалеко отъ дворца убили черную лисицу, за которую одинъ купецъ заплатилъ 90 руб.

Замѣчено было, что знаменія являлись большею частію ночью и именно близъ царскаго дворца, такъ что солдаты, стоявшіе на караулѣ, часто пугались и прятались. Они клялись въ томъ, что однажды ночью видѣли, какъ проѣхала по воздуху колесница, запряженная шестью лошадьми. Въ ней сидѣлъ полякъ, который, проѣзжая мимо Кремля, хлопалъ кнутомъ и кричалъ такъ ужасно, что многіе караульные убѣжали со страху въ комнаты. Объ этомъ видѣніи солдаты каждое утро разсказывали своимъ капитанамъ, которые передавали своимъ начальникамъ. И эти разсказы доходили до царя, вслѣдствіе чего страхъ его день ото дня увеличивался.

Москвитяне, — говоритъ Беръ, — смотрѣли на сіи чудныя явленія, какъ на предзнаменованія благоденствія, а татары предсказывали, что вскорѣ многіе народы овладѣютъ Москвою: слова ихъ почти оправдались. Странную же злобу собакъ и волковъ, взаимно пожиравшихъ себя, вопреки пословицѣ: волкъ волка не ѣстъ, изъяснилъ одинъ татаринъ такимъ образомъ: „Москвитяне,—говорилъ онъ, — измѣнятъ сами себѣ, и какъ псы будутъ язвить и истреблять другъ друга“.

Были и другіе предвѣстники близкаго несчастія: во всѣхъ сословіяхъ воцарились раздоры и несогласія, никто не довѣрялъ своему ближнему; цѣны товарамъ возвысились неимовѣрно; богачи брали росты болѣе жидовскихъ и мусуль-

манскихъ; бѣдныхъ вездѣ притѣсняли. Все продавалось вдвое дороже. Другъ ссужалъ друга не иначе, какъ подъ закладъ, втрое превышавшій занятую сумму, и сверхъ того бралъ по 4 процента еженедѣльно; если же закладъ не былъ выкупленъ въ опредѣленный срокъ, пропадалъ невозвратно. Не буду говорить, — продолжаетъ Беръ,—о пристрастіи къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ, нестерпимомъ, глупомъ высокомѣріи, о презрѣніи къ ближнимъ, о неумѣренномъ употребленіи пищи и напитковъ, о плутовствѣ и прелюбодѣйствѣ. Все сіе, какъ наводненіе, разлилось въ высшихъ и низшихъ сословіяхъ. Всевышній не могъ долѣе терпѣть, казнь была необходима: Онъ послалъ мечъ и пламя.

1604 года, во второе воскресенье послѣ Сошествія Святого Духа, въ самый полдень, явилась на небѣ комета. Россіяне смотрѣли на нее съ удивленіемъ, даже и тѣ, которые не вѣрили предзнаменованіямъ. Царь, замѣтивъ ее, призвалъ къ себѣ одного старика, пріѣхавшаго изъ Германіи за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, и спрашивалъ его мнѣнія о новой звѣздѣ. „Богъ посылаетъ такія знаменія,—отвѣчалъ сей мужъ,—въ предостереженіе великихъ государей; тамъ, гдѣ они случаются, обыкновенно бываютъ важныя перемѣны“. Поэтому совѣтовалъ царю быть осторожнымъ, оберегать границы и внимательно смотрѣть за тѣми людьми, которымъ онъ ввѣряется. „Тебѣ грозитъ великая опасность!“ говорилъ старикъ.

Всѣми этими слухами и всѣми этими событіями подготовлялась смута, особенно бѣгствомъ холоповъ: въ бѣглецахъ въ пограничную землю Сѣверскую и въ казакахъ разныхъ поименованій, тоже принимавшихъ къ себѣ бѣглецовъ, было готовое войско; но и много другихъ горючихъ матеріаловъ приготовила предшествующая пора. Новый порядокъ только еще создавался въ Русской землѣ, еще не примирились съ нимъ окончательно тѣ, кто не успѣлъ забыть старое: боярство, сильно потрясенное мѣрами Грознаго, ожило въ своихъ надеждахъ въ виду возможности пресѣченія династіи, и ссоры между выдающимися родами играли важную роль въ событіяхъ правленія Θеодора. По мѣткому слову Соловьева,

споръ шелъ между представителями будущихъ династій, другіе роды пристаютъ къ той или другой сторонѣ, надѣясь добиться выгодъ для себя. Горожане тоже играли роль въ этихъ смутахъ; въ старыхъ вѣчевыхъ городахъ, особенно во Псковѣ, тоже ожили и старыя преданія. Правительство Годунова было непрочно. Правленіе Годунова, при всей благонамѣренности царя, при всей его мудрости, не было блистательно: не ознаменовалось никакимъ подвигомъ, что̀ много подняло бы новую династію, представителямъ которой необходимо являть высшія доблести, тогда какъ представители старой могутъ часто довольствоваться охраненіемъ существующаго. Правленіе Годунова было не только не блестяще, но было несчастливо, а несчастіе люди приписывали тому, что правители неугодны Богу. Сверхъ того, въ Борисѣ видѣли друга иноземцевъ, что̀ многимъ не могло нравиться. Предшествовавшее время, время борьбы, кровавыхъ средствъ, воспитало въ обществѣ привычку къ такимъ средствамъ. Къ тому же смуты на Руси нужны были сосѣдямъ: ростъ Московскаго государства былъ неблагопріятенъ для владыкъ Руси западной; права государя Всероссійскаго на наслѣдіе Владиміра Святого были слишкомъ ясны: остановить этотъ ростъ было сообразно съ цѣлями Польши. Разница вѣры, при стремленіи Римской куріи и іезуитовъ къ господству надъ всѣмъ христіанствомъ, составляла еще новый источникъ покушеній на самобытность Русской земли. Но для успѣха всѣхъ этихъ разнообразныхъ стремленій, соединенныхъ между собою только желаніемъ разрушенія, необходимо было найти общее знамя. Такимъ знаменемъ могъ быть только представитель старой династіи, ибо русскій народъ любитъ свой царственный родъ. Подъ этимъ знаменемъ и началось дѣйствіе; разные элементы, уже готовые, воспользовались имъ, лишь только оно было выставлено.

Настало, — говоритъ Карамзинъ словами древняго лѣтописца,—время явной казни для того, кто не вѣрилъ правосудію Божественному въ земномъ мірѣ, надѣясь, можетъ быть, смиреннымъ покаяніемъ спасти свою душу отъ ада и дѣлами достохвальными загладить для людей память своихъ

6*

беззаконій. Не тамъ, гдѣ Борисъ стерегся опасности, внезапная опасность явилась; не потомки Рюриковы, не князья и вельможи, имъ гонимые, не дѣти и друзья ихъ, вооруженные местію, умыслили свергнуть его съ царства: сіе дѣло умыслилъ и совершилъ презрѣнный бродяга, именемъ младенца, давно лежавшаго въ могилѣ... Какъ бы дѣйствіемъ сверхъестественнымъ тѣнь Димитріева вышла изъ гроба, чтобы ужасомъ поразить, обезумить убійцу и привести въ смятеніе всю Россію.

XV.

Слухи о Димитріи.

Въ началѣ 1604 года въ Москвѣ стало достовѣрно извѣстно, что въ Литвѣ дѣйствительно появился человѣкъ, который называетъ себя Димитріемъ царевичемъ.

Первыя извѣстія объ этомъ получены были съ разныхъ сторонъ. Въ Иванъ-городѣ перехвачено было письмо, въ котормъ сооoбщалось, что мнимо-убитый сынъ Іоанновъ Димитрій въ Литвѣ и готовится къ походу на Москву. Въ то же время на берегахъ Волги донскіе казаки разбили окольничаго Семена Годунова и, отпуская забранныхъ ими плѣнныхъ, велѣли передать въ Москвѣ, что они скоро придутъ съ царемъ Димитріемъ. Стали доходить въ Москву вѣсти и изъ Литвы, и отъ пограничныхъ воеводъ доставлены были уже подметныя грамоты отъ названнаго царевича. Въ іюнѣ уже императоръ германскій, чрезъ особаго посланника, извѣщалъ Бориса, какъ союзнаго государя, о появленіи въ Польшѣ Димитрія, о той помощи, которую поляки намѣрены были ему оказать и вообще совѣтовалъ ему быть осторожнымъ.

Когда извѣстіе о появленіи въ Польшѣ Димитрія дошло до царя, Борисъ пришелъ въ ужасъ. Ему ясно представилась величайшая опасность, которая угрожала ему самому и его царству отъ этого новаго бѣдствія, которое Провидѣ-

нію угодно было послать на Россію, и онъ съ ужасомъ почувствовалъ, что тронъ его безнадежно колеблется. Пораженный, царь окончательно растерялся и не зналъ, что ему дѣлать и что предпринять. Прежде всего онъ рѣшился не обнаруживать своихъ чувствъ и своихъ опасеній, хотѣлъ казаться спокойнымъ, какъ будто не придаетъ значенія этимъ извѣстіямъ и не видитъ опасности. Посла императора онъ принялъ съ обычною торжественностью, велѣлъ благодарить императора за предупрежденіе, но прибавилъ, что Димитрія давно нѣтъ на свѣтѣ, а это появился какой-то обманщикъ, съ помощью котораго поляки думаютъ возмутить его государство, но котораго онъ можетъ уничтожить однимъ пальцемъ.

Съ другой стороны онъ ясно сознавалъ необходимость немедленно же принять мѣры рѣшительныя, дѣйствительныя, но эти мѣры не приходили въ его перепуганную голову. Какъ разъ въ это время въ Смоленской области свирѣпствовало моровое повѣтріе, и потому по всему смоленскому рубежу устроены были заставы. И вотъ Борисъ велѣлъ усилить, „наипаче крѣпити“, заставы и даже увеличить ихъ и прибавить до Брянска, „чтобы никто изъ Литвы и въ Литву не ходилъ, чтобы вѣсти не было на Москву“. Онъ полагалъ, что повѣтріе даетъ ему случай незамѣтно, не возбуждая разговоровъ и подозрѣній, усилить заставы, и думалъ этимъ средствомъ „все укрыть“ и не дать распространиться тревожнымъ извѣстіямъ. Какъ будто запретомъ можно помѣшать преступнымъ слухамъ разростись до чудовищныхъ разсказовъ и басенъ!

Въ то же время царь Борисъ разослалъ въ Польшу лазутчиковъ провѣдывать, кто это называется Димитріемъ. Лазутчики провѣдали и узнали и, возвратясь, извѣстили царя, что Димитріемъ называется бывшій московскій чудовской монахъ, разстрига Гришка Отрепьевъ, достаточно извѣстный и Москвѣ, и царю. Борисъ, выслушавъ эту неожиданную новость, засмѣялся...

Сколько дѣланнаго спокойствія звучало въ этомъ смѣхѣ Бориса, отъ котораго вѣяло холодомъ высокомѣрія, жела-

ніемъ скрыть опасенія, увѣрить себя и всѣхъ окружающихъ въ ничтожествѣ соперника и призрачности бѣды!.. Но маску равнодушія и презрѣнія, которыя онъ хотѣлъ внушить и императору германскому, и своимъ боярамъ, трудно было скрыть.

Борисъ вспомнилъ, что подозрительнаго монаха Григорія Отрепьева онъ приказалъ сослать въ Соловецкій монастырь и поручилъ дьяку Смирному-Васильеву исполнить этотъ приказъ. Царю не было извѣстно, что дьякъ по нерадѣнію не исполнилъ порученія, и опальный монахъ скрылся изъ Москвы неизвѣстно куда. Призвали Смирного. Царь спросилъ его, гдѣ монахъ Отрепьевъ? Смирной стоялъ передъ нимъ, какъ мертвый, и ничего не могъ отвѣтить. Борисъ и тутъ не обнаружилъ досады и тревоги: онъ велѣлъ учесть дьяка. На немъ насчитали много дворцовой казны, вывели на правежъ и засѣкли до смерти, яко бы не за Отрепьева, а за другія вины, за расхищеніе казны царской.

И опять царь Борисъ лишился покоя, опять подозрѣнія снѣдали его, опять онъ готовъ былъ видѣть въ каждомъ бояринѣ врага и въ каждомъ разговорѣ преступный заговоръ. Но гдѣ сыскать спокойствія и поддержки?

Въ Москвѣ, въ землянкѣ при часовнѣ, жила юродивая, по имени Елена. Въ народѣ почитали ее прозорливою и вѣрили въ ея даръ предсказанія. Борисъ тайкомъ и смиренно посѣтилъ ея пещеру и спросилъ о судьбѣ своей. Юродивая взяла обрубокъ дерева, призвала поповъ и велѣла служить надъ этимъ обрубкомъ и кадить ему, предсказывая этимъ скорую смерть Бориса. Царь въ ужасѣ удалился. Черныя мысли и тяжелыя предчувствія закрались въ его встревоженную душу... Онъ самъ готовъ былъ усумниться въ смерти царевича Димитрія... Онъ приказалъ тайно привезти изъ дальняго монастыря въ Москву мать царевича, инокиню Мареу. Когда привезли ее въ Новодѣвичій монастырь, онъ самъ поѣхалъ къ ней, вмѣстѣ съ патріархомъ, потомъ призвалъ ее къ себѣ и, запершись въ спальнѣ, допрашивалъ ее, живъ ея сынъ или нѣтъ. Говорятъ Мареа замялась и отвѣчала, что она не знаетъ. При этомъ допросѣ присутствовала супруга Бориса, царица Марія Григорьевна,

дочь Малюты Скуратова, отличавшаяся жестокосердіемъ и мстительностью. Отвѣтъ Мароы привелъ ее въ ярость. Она схватила горящую свѣчу и съ ругательствами бросилась къ старицѣ, чтобы выжечь ей глаза. Мужъ съ трудомъ удержалъ ее. Тогда возмущенная Мароа будто бы сказала, что сынъ ея еще живъ. Борисъ велѣлъ отвезти ее въ другой монастырь и стеречь еще строже.

Въ Москвѣ запрещено было говорить о Димитріи, но никакія запрещенія, никакія наказанія не прекращали проникшихъ въ народъ слуховъ. Запрещенія лишь повели къ доносамъ и тайнымъ казнямъ. Всякій, кто неосторожно говорилъ о Димитріи, подвергался жестокимъ пыткамъ и обрекался на жалкую смерть со всѣмъ своимъ семействомъ и родными. Поэтому недовольство и ропотъ на царя росли съ каждымъ днемъ и все болѣе сгущали тучи, нависшія надъ его домомъ. Особенно царь подозрѣвалъ бояръ и предполагалъ ихъ участіе въ появленіи самозванца. Онъ созвалъ ихъ и прямо сказалъ, что это ихъ дѣло. Но надо же было предпринять что-нибудь и кромѣ опалъ и казней.

Изъ Москвы приказано было пограничнымъ воеводамъ по образцу, присланному имъ, разослать къ пограничнымъ державцамъ польскимъ грамоты съ извѣстіями объ Отрепьевѣ и разоблаченіями самозванца. Но грамоты эти достигали совсѣмъ обратныхъ результатовъ. Онѣ давали самозванцу и бывшимъ при немъ русскимъ людямъ возможность уличать показанія московскаго правительства во лжи и противорѣчіи. Такъ, въ 1604 году прислана была грамота къ старостѣ Остерскому отъ черниговскаго воеводы князя Кашина-Оболенскаго, гдѣ говорилось, что царевичъ Димитрій самъ зарѣзался въ Угличѣ, тому лѣтъ 16, ибо случилось это въ 1588 г., и погребенъ въ Угличѣ же, въ соборной церкви Богородицы; а теперь монахъ изъ Чудова монастыря, вышедшій въ Польшу въ 1593 году, называется царевичемъ. Москвичи, бывшіе при самозванцѣ, доказывали полякамъ, что вмѣсто царевича убили другого ребенка въ Угличѣ въ 1591 году и похоронили его въ соборной церкви Спаса, а не Богородицы, которой церкви нѣтъ вовсе въ Угличѣ;

доказывали многими свидѣтельствами, что царевичъ ихъ вышелъ въ Польшу въ 1601 году, а не въ 1593. Потомъ, уже въ 1605 году пришла грамота, въ которой говорилось, что царевичъ умеръ въ Угличѣ тому лѣтъ 13, а князь Татевъ писалъ изъ Чернигова, что это происшествіе случилось 14 лѣтъ назадъ. Въ грамотахъ воеводъ Борисовыхъ говорилось, что если-бъ Димитрій и дѣйствительно былъ живъ, то онъ не отъ законной жены царя Іоанна родился. Но въ Польшѣ хорошо было извѣстно, что Димитрій родился отъ царицы, которая была обвѣнчана съ Іоанномъ, къ тому же всѣ привыкли, что послѣ Грознаго остались два сына, Θеодоръ и Димитрій.

Два обличителя явились даже къ самозванцу, чтобы личнымъ свидѣтельствомъ подорвать его положеніе въ Польшѣ. Одинъ изъ нихъ, спутникъ Отрепьева по бѣгству за границу, Варлаамъ, пробрался въ Краковъ и объявилъ королю, что человѣкъ, котораго привозилъ къ нему Сендомирскій воевода, не царевичъ, а монахъ, зовутъ его Гришкою, прозвищемъ Отрепьевъ, и шелъ онъ съ нимъ, Варлаамомъ, вмѣстѣ изъ Москвы. Король и паны не повѣрили Варлааму и отослали его къ Сендомирскому воеводѣ. Туда же явился другой обличитель, сынъ боярскій Яковъ Пыхачевъ. Самозванецъ объявилъ, что оба они подосланы Годуновымъ, чтобъ убить его. Тогда Пыхачева казнили смертью, а Варлаама бросили въ тюрьму, изъ которой потомъ онъ освобожденъ былъ женою воеводы и дочерью его Мариною.

Въ Москвѣ рѣшились тогда прибѣгнуть къ болѣе надежному средству, чтобъ удостовѣриться въ личности самозванца и обличить его вѣрнымъ свидѣтельствомъ. Царь послалъ въ Польшу гонцомъ Смирного-Отрепьева, который приходился дядею Григорію. Но главная цѣль этого посольства хранилась въ тайнѣ: посолъ отправлялся не отъ царя, а отъ имени бояръ, и ему поручалось переговорить о пограничныхъ недоразумѣніяхъ. Въ грамотѣ, привезенной Смирнымъ, не называлось даже имя посла, и содержались только жалобы на грабежи пограничные, на новыя мыта. Исполнивъ открытое порученіе, посолъ просилъ канцлера Льва Сапѣгу

о свиданіи наединѣ. Сапѣга отвѣчалъ, что онъ не можетъ вести переговоры о пограничныхъ дѣлахъ безъ своихъ товарищей, другихъ королевскихъ комиссаровъ. Тогда Смирной словесно заявилъ недовольство московскаго правительства по поводу нарушенія перемирія тою помощью, которую польскій король оказывалъ человѣку, принявшему на себя имя Димитрія, называлъ самозванца своимъ племянникомъ и для уличенія его требовалъ очной съ нимъ ставки, а если онъ окажется истиннымъ сыномъ Грознаго, то обѣщалъ присягнуть ему. Конечно, въ интересахъ покровителей и руководителей самозванца не было надобности подвергать его подобному слѣдствію, и Сапѣга отвѣтилъ, что на такое слѣдствіе нужно разрѣшеніе не только короля, но и согласіе сейма, до собранія котораго и надобно отложить дѣло. Такъ и уѣхалъ Смирной, не видавъ самозванца.

Въ Москвѣ приняли отсрочку до ближайшаго сейма, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ январѣ 1605 года, когда этотъ сеймъ собрался въ Варшавѣ, туда явился посломъ отъ царя Бориса дворянинъ Постникъ-Огаревъ и представилъ грамоту, въ которой, кромѣ разбора пограничныхъ дѣлъ, царь жаловался на помощь самозванцу и требовалъ или казни или выдачи его. Въ грамотѣ, между прочимъ, говорилось:

„Въ вашемъ государствѣ объявился воръ—разстрига, а прежде онъ былъ діакономъ въ Чудовѣ монастырѣ и у тамошняго архимандрита въ келейникахъ, изъ Чудова былъ взятъ къ патріарху для письма, а когда онъ былъ въ міру, то отца своего не слушался, впалъ въ ересь, разбивалъ, кралъ, игралъ въ кости, пилъ, нѣсколько разъ убѣгалъ отъ отца своего и наконецъ постригся въ монахи, не отставши отъ своего прежняго воровства, отъ чернокнижества и вызыванія духовъ нечистыхъ. Когда это воровство въ немъ было найдено, то патріархъ съ освященнымъ соборомъ осудили его на вѣчное заточеніе въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь; но онъ съ товарищами своими, попомъ Варлаамомъ и клирошаниномъ Мисаиломъ Повадинымъ, ушелъ въ Литву. И мы дивимся, какимъ обычаемъ такого вора въ

вашихъ государствахъ приняли и повѣрили ему, не пославши къ намъ за вѣрными вѣстями. Хотя бы тотъ воръ и подлинно былъ князь Димитрій Углицкій, изъ мертвыхъ воскресшій, то онъ не отъ законной, отъ седьмой жены".

На сеймѣ зашла рѣчь и о самозванцѣ. Обсужденіе этого вопроса было весьма шумнымъ. Нѣкоторые сенаторы, съ Замойскимъ во главѣ, возражали противъ помощи самозванцу и нарушенія перемирія съ Московскимъ государствомъ. Замойскій открыто смѣялся надъ разсказами о томъ, что въ Угличѣ былъ убитъ другой мальчикъ вмѣсто царевича.

— Помилуй Богъ!—говорилъ онъ:—это комедія Плавта или Теренція, что ли? Вѣроятное ли дѣло: велѣть кого убить, а потомъ не посмотрѣть, тотъ ли убитъ или кто другой. Если никто не смотрѣлъ, дѣйствительно ли убитъ и кто убитъ, то можно было подставить для этого козла или барана!

Тѣмъ не менѣе Сапѣга отъ имени короля отвѣтилъ Огареву, что Польша и не думала нарушать перемиріе, что не король, а частныя лица и особенно Запорожскіе казаки помогаютъ Димитрію, и что сей послѣдній находится уже не въ польскихъ предѣлахъ, а въ московскихъ, гдѣ его пусть и ловитъ московское правительство.

Посольства и предупрежденія изъ Москвы этимъ не ограничились. Патріархъ Іовъ отправилъ своего посланника, Аѳанасія Пальчикова, къ князю Острожскому съ грамотою, вѣдая, что князь истинную нашу вѣру держитъ крѣпко и по святыхъ Божіихъ церквахъ и по благочестіи побораетъ, и потому просилъ „того вора, богоотступника и еретика" велѣть поймать и прислать къ нему, Іову патріарху. Князь задержалъ у себя посланника и потомъ „отпустилъ ни съ чѣмъ". Патріархъ же Іовъ и всѣ митрополиты и архіепископы и епископы и весь освященный соборъ посылали съ грамотами посланника Андрея Бунакова къ польскому духовенству, „къ арцыбискупамъ и бискупамъ и ко всему духовному чину короны польской и великаго княжества Литовскаго", и въ этихъ грамотахъ убѣждали разстригѣ не вѣрить „и крови христіанской не разливать черезъ крестное

цѣлованье": и никто грамотамъ не повѣрилъ, и того посланника задержали, „и то все поставили ни во что, хотячи того, чтобы истинную нашу православную христіанскую вѣру и все Россійское царство въ разореніе учинить".

Послалъ царь дворянина Петра Хрущова къ донскимъ казакамъ, чтобы остановить ихъ отъ безумнаго рѣшенія предаться самозванцу и идти на Москву. Казаки задержали Хрущова и представили самозванцу. Хрущовъ, увидя самозванца, призналъ, что онъ „собственному отеческому лицу подобенъ", и „такъ въ кандалахъ приведенный палъ лицомъ до земли предъ царевичемъ, съ пролитіемъ великихъ слезъ, признавая, что онъ природный московскій государь, и въ невѣдѣніи себя и прочихъ извиняя".

Наконецъ царь рѣшился всенародно объявить объ Отрепьевѣ, чтобы собственное государство, своихъ подданныхъ предупредить и предостеречь отъ самозванца. Князь Василій Ивановичъ Шуйскій всенародно, съ лобнаго мѣста въ Москвѣ, объявлялъ и свидѣтельствовалъ о томъ, что истинный царевичъ Димитрій умеръ въ Угличѣ, и что онъ самъ былъ при его погребеніи. Народъ недовѣрчиво отнесся къ подобнымъ увѣщаніямъ и свидѣтельствамъ, не вѣрилъ даже уговорамъ патріарха Іова и про себя соображалъ:

— Говорятъ они это поневолѣ, боясь царя Бориса, а Борису нечего другого говорить: если этого ему не говорить, такъ надобно царство оставить и о животѣ своемъ промышлять.

Патріархъ, хотя уже въ январѣ 1605 года, разослалъ грамоту по епархіямъ и монастырямъ съ приказаніемъ читать ее народу и пѣть молебны объ отвращеніи гнѣва Божія. Патріархъ писалъ, что король польскій Сигизмундъ преступилъ крестное цѣлованіе и нарушилъ мирное постановленіе, и умысля съ панами радными, „назвалъ страдника, вора, бѣглеца государства нашего, чернеца разстригу, Гришку Отрепьева, будто онъ князь Димитрій Углицкій", и послалъ съ тѣмъ воромъ воеводъ своихъ въ государя нашего вотчину, „похваляясь на святыя Божія церкви и на нашу истинную, православную, христіанскую вѣру, чтобъ имъ бѣсов-

скимъ умышленіемъ своимъ въ Россійскомъ государствѣ церкви Божіи разорить, костелы латинскіе и люторскіе поставить, вѣру христіанскую попрать и православныхъ христіанъ въ латинскую и люторскую ересь привести и погубить. А намъ, и вамъ, и всему міру подлинно вѣдомо, что князя Димитрія Ивановича не стало на Угличѣ тому теперь 14 лѣтъ, и нынѣ лежитъ на Угличѣ въ соборной церкви у Всемилостиваго Спаса, а на погребеніи его была его мать и ея братья, отпѣвалъ Геласій митрополитъ съ освященнымъ соборомъ, а великій государь посылалъ на погребеніе бояръ своихъ, князя Василія Ивановича Шуйскаго со товарищами и съ ними дворянъ своихъ; и какъ что дѣлалось, то все вы подлинно сами вѣдаете, и нынѣ князь Димитрій лежитъ на Угличѣ. И то не явное ли ихъ злодѣйское умышленье, и воровство, и бѣсовскія мечты? Статочное ли то дѣло, что князю Димитрію изъ мертвыхъ воскреснуть прежде общаго воскресенія и страшнаго суда? Нѣтъ, до общаго воскресенія: такъ вѣруемъ всѣ и исповѣдуемъ. А дѣлаютъ это Сигизмундъ король и паны радные умышленіемъ своимъ, хотя доступить города Сѣверской земли къ Литвѣ, для чего страдника назвали княземъ Димитріемъ. А страдникъ этотъ, разстрига, вѣдомый воръ, въ мірѣ звали его Юшкомъ, Богдановъ сынъ Отрепьевъ, жилъ у Романовыхъ во дворѣ и, заворовавшись, отъ смертной казни постригся въ чернецы, былъ во многихъ монастыряхъ, въ Чудовѣ монастырѣ во діаконахъ, да и у меня, Іова патріарха, во дворѣ для книжнаго письма побылъ во дьяконахъ же; а послѣ того сбѣжалъ съ Москвы въ Литву съ товарищами своими, чудовскими чернецами, съ попомъ Варлаамомъ Яцкимъ да съ клирошаниномъ Мисаиломъ Повадинымъ; и былъ тотъ Гришка Отрепьевъ въ Кіевѣ, въ Печерскомъ и Никольскомъ монастыряхъ, въ дьяконахъ, въ Литвѣ отвергся христіанской вѣры, попралъ иноческій образъ, платье съ себя черническое скинулъ и уклонился въ латинскую ересь, впалъ въ чернокнижіе и вѣдовство, и по призыванію бѣсовскому и по умышленію короля Сигизмунда и литовскихъ людей сталъ тотъ воръ разстрига Димитріемъ ца-

ревичемъ ложно называться. Товарищи его воры, которые за рубежъ его проводили и въ Литвѣ съ нимъ знались и которые про него подлинно вѣдаютъ, чернецъ Пименъ, постриженникъ Днѣпрова монастыря, да чернецъ Венедиктъ, постриженникъ Троицы-Сергіева монастыря, да ярославецъ посадской человѣкъ, Степанко иконникъ, и тѣ предо мною, Іовомъ патріархомъ, на соборѣ сказывали: чернецъ Пименъ сказалъ, что онъ съ тѣмъ воромъ, чернецомъ Гришкою Отрепьевымъ да съ его совѣтниками, попомъ Варлаамомъ и клирошаниномъ Мисаиломъ, познакомился въ Новгородѣ-Сѣверскомъ въ Спасскомъ монастырѣ и проводилъ ихъ за Литовскій рубежъ; чернецъ Венедиктъ сказалъ, что онъ видѣлъ того вора Гришку въ Кіевѣ, въ Печерскомъ и Никольскомъ монастыряхъ, въ чернецахъ, и у князя Василія Острожскаго былъ и діяконилъ, а послѣ того присталъ къ лютарямъ, уклонился въ ересь и чернокнижье, сталъ воровать у запорожскихъ черкасовъ, въ чернецахъ мясо ѣсть, и онъ, Венедиктъ, извѣщалъ печерскаго игумена и говорилъ, чтобъ того страдника-вора поймалъ; и печерскій игуменъ посылалъ къ казакамъ этого вора схватить, и воръ и богоотступникъ, узнавъ про то своими бѣсовскими мечтами, скрылся и ушелъ къ князю Адаму Вишневецкому и, по сатанинскому ученью, по Вишневецкихъ князей воровскому умышленью и по королевскому велѣнью, учалъ называться княземъ Димитріемъ... И нынѣ благословляемъ, да подвигнетесь трудолюбезно со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всѣми православными христіанами, постомъ, молитвою, чистотою душевною и тѣлесною и прочими духовными добродѣтелями, отнынѣ и впредь пѣть соборнѣ каждый день молебны въ соборной церкви, по честнымъ монастырямъ и по святымъ Божіимъ церквамъ, и молить Господа Бога и Пречистую Богородицу, чтобъ Господь Богъ отвратилъ свой праведный гнѣвъ и милость свою и человѣколюбіе излилъ, и не далъ бы Россійскаго государства и Сѣверской области въ расхищенье, въ плѣнъ погапымъ литовскимъ людямъ, въ латинскую ересь превратить... Вы бы эту грамоту велѣли прочесть всѣмъ, и того разстригу Гришку и его воровскихъ совѣтниковъ и государевыхъ измѣнниковъ, которые тому вору слѣдуютъ, и впредь кто ста-

петъ на то прельщаться и ему вѣрить, соборно и всенародно прокляли и впредь проклинать велѣли, да будутъ они всѣ прокляты въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ. А мы здѣсь, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, соборно, со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всѣми православными христіанами, также ихъ вѣчному проклятію предали и впредь проклинать повелѣваемъ".

Но было уже поздно: самозванецъ успѣлъ уже смутить умы народные и гораздо раньше патріаршихъ посланій въ изобиліи разослалъ свои подметныя грамоты отъ имени яко бы спасеннаго царевича, которыя призывали народъ отложиться отъ Годунова, незаконно похитившаго престолъ, и присягать своему законному государю. Крѣпкія заставы не помѣшали этимъ подметнымъ грамотамъ: ихъ провозили въ мѣшкахъ съ хлѣбомъ, котораго тогда много доставлялось изъ Литвы по случаю неурожаевъ и дороговизны въ московскихъ предѣлахъ. Самозванецъ смѣло и увѣренно взывалъ въ своихъ грамотахъ:

„Отъ царевича и великаго князя Димитрія Ивановича всея Россіи, воеводамъ, и дьякамъ, и всякимъ служилымъ людямъ, и всѣмъ гостямъ, и торговымъ, и чернымъ людямъ. Божіимъ произволеніемъ, Его крѣпкою десницею, покрывшею насъ отъ нашего измѣнника Бориса Годунова, хотящаго насъ злой смерти предать, и Богъ милосердный злокозненнаго его помысла не восхотѣлъ исполнить, и меня, государя вашего прирожденнаго, Богъ невидимою рукою укрылъ и много лѣтъ въ судьбахъ Своихъ сохранилъ. И я, царевичъ и великій князь Димитрій Ивановичъ, нынѣ приспѣлъ въ мужество, съ Божіею помощію иду на престолъ прародителей нашихъ, на Московское государство, на всѣ государства Россійскаго царствія. И вы бъ, наше прироженіе, попомнили православную христіанскую истинную вѣру и крестное цѣлованіе, на чемъ крестъ цѣловали отцу нашему, блаженныя памяти государю, царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Россіи, и намъ, чадамъ его, что хотѣть добра во всемъ. И вы нынѣ нашего измѣнника, Бориса Годунова, отложитесь къ намъ и впредь уже намъ, государю своему прирожденному, служите, и прямите, и добра хотите, какъ отцу нашему,

блаженныя памяти государю, царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Россіи, а я васъ начну жаловать, по своему царскому милосердому обычаю, и наипаче свыше въ чести держать, и все православное христіанство въ тишинѣ, и въ покоѣ, и во благоденственномъ житіи жить, учинить хотимъ".

Увѣренность, открытое объявленіе своихъ правъ и чужихъ преступленій смущали народъ, колебали умы... Но самозванецъ не ограничился воззваніями къ народу: онъ отправилъ грамоту къ самому царю Борису Годунову, въ которой прописывалъ его преступленія и увѣщевалъ къ покаянію:

„Жаль намъ, что ты душу свою, по образу Божію сотворенную, такъ осквернилъ и въ упорствѣ своемъ гибель ей готовишь: развѣ не знаешь, что ты смертный человѣкъ? Надобно было тебѣ, Борисъ, удовольствоваться тѣмъ, что Господь Богъ далъ: но ты, въ противность волѣ Божіей, будучи нашимъ подданнымъ, укралъ у насъ государство съ дьявольскою помощію. Сестра твоя, жена брата нашего, доставила тебѣ управленіе всѣмъ государствомъ, и ты, пользуясь тѣмъ, что братъ нашъ по большей части занимался службою Божіею, лишилъ жизни нѣкоторыхъ могущественнѣйшихъ князей подъ разными предлогами, какъ-то: князей Шуйскихъ, Ивана и Андрея, потомъ лучшихъ горожанъ столицы нашей и людей, приверженныхъ къ Шуйскимъ; царя Симеона лишилъ зрѣнія, сына его Ивана отравилъ; ты не пощадилъ и духовенства: митрополита Діонисія сослалъ въ монастырь, сказавши брату нашему Θеодору, что онъ внезапно умеръ, а намъ извѣстно, что онъ и до сихъ поръ живъ, и что ты облегчилъ его участь по смерти брата нашего; погубилъ ты и другихъ, которыхъ имени не упомнимъ, потому что мы были тогда не въ совершенныхъ лѣтахъ. Но хотя мы были и малы, помнишь однако, сколько разъ въ грамотахъ своихъ мы тебѣ напоминали, чтобъ ты подданныхъ нашихъ не губилъ; помнишь, какъ мы отправили приверженца твоего Андрея Клешнина, котораго прислалъ къ намъ въ Угличъ братъ нашъ Θеодоръ, и который, справивъ посольство, оказалъ къ намъ неуваженіе, въ надеждѣ на тебя. Это было тебѣ очень не по нраву, мы были тебѣ препятствіемъ къ достиженію престола, и вотъ, изгубивши вельможъ, началъ ты острить

пожъ и на насъ, подговоривъ дьяка нашего Михайлу Битяговскаго и 12 спальниковъ съ Никитою Качаловымъ и Осипомъ Волоховымъ, чтобъ насъ убили; ты думалъ, что за одно съ ними былъ и докторъ нашъ Симеонъ, но по его старанію мы спасены были отъ смерти, тобою намъ приготовленной. Брату нашему ты сказалъ. что мы сами зарѣзались въ припадкѣ падучей болѣзни; ты знаешь, какъ братъ нашъ горевалъ объ этомъ; онъ приказалъ тѣло наше въ Москву принести, но ты подговорилъ патріарха, и тотъ сталъ утверждать, что не слѣдуетъ тѣло самоубійцы хоронить вмѣстѣ съ помазанниками Божіими; тогда братъ нашъ самъ хотѣлъ ѣхать на похороны въ Угличъ, но ты сказалъ ему, что въ Угличѣ повѣтріе большое, а съ другой стороны подвелъ Крымскаго хана: у тебя было вдвое больше войска, чѣмъ у непріятеля, но ты расположилъ его въ обозѣ подъ Москвою и запретилъ своимъ подъ смертною казнію нападать на непріятеля; смотрѣвши три дня въ глаза татарамъ, ты отпустилъ ихъ на свободѣ, и ханъ вышелъ за границы нашего государства, не сдѣлавши ему никакого вреда; ты возвратился послѣ этого домой, и только на третій день пустился за нимъ въ погоню. А когда Андрей Клобуковъ перехватилъ зажигальщиковъ, и они объявили, что ты велѣлъ имъ жечь Москву, то ты научилъ ихъ оговорить въ этомъ Клобукова, котораго велѣлъ схватить и на пыткѣ замучить. По смерти брата нашего (которую ты ускорилъ), началъ ты подкупать большими деньгами убогихъ, хромыхъ, слѣпыхъ, которые повсюду начали кричать, чтобъ ты былъ царемъ; но когда ты воцарился, то доброту твою узнали Романовы, Черкасскіе, Шуйскіе. Опомнись и злостью своей не побуждай насъ къ большему гнѣву; отдай намъ наше, и мы тебѣ, для Бога, отпустимъ всѣ твои вины и мѣсто тебѣ спокойное назначимъ: лучше тебѣ на этомъ свѣтѣ что-нибудь претерпѣть, чѣмъ въ аду вѣчно горѣть за столько душъ, тобою погубленныхъ“.

Самозванецъ звалъ Бориса на судъ Божій!..

Быстрыя, рѣшительныя мѣры самозванца, наконецъ, заставили и царя Бориса взяться за надежнѣйшее средство въ борьбѣ съ опаснымъ врагомъ, за оружіе.

XVI.

Самозванецъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1602 года, въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ Великаго поста, Варварскимъ крестцомъ въ Москвѣ шелъ скромный инокъ Варлаамъ, монахъ Боровскаго Пафнутіева монастыря. Его нагналъ другой монахъ, молодой чернецъ, и, сотворивъ молитву и поклонъ, осторожно спросилъ:

— Старецъ, ты изъ какой честной обители?

Варлаамъ отвѣтилъ, что постригся въ болѣзни и положилъ начало своему иноческому подвигу въ Пафнутіевомъ монастырѣ.

— А который чинъ имѣешь? Или ты клирошанинъ? Какъ твое имя?

— Имя мое Варлаамъ. А ты изъ какой честной обители и какой чинъ имѣешь, и какъ твое имя?—спросилъ въ свою очередь Варлаамъ.

— Я жилъ въ Чудовѣ монастырѣ, и чинъ имѣю діаконскій, а зовутъ меня Григоріемъ, а по прозвищу Отрепьевъ,— отвѣтилъ чернецъ.

— А какъ тебѣ доводятся Замятня и Смирной Отрепьевы?

— Замятня мой дѣдъ, а Смирной дядя.

— Что же тебѣ нужно отъ меня?

— Я жилъ въ Чудовѣ монастырѣ, у архимандрита Пафнутія въ келіи, и сложилъ похвалу Московскимъ чудотворцамъ, Петру, Алексѣю и Іонѣ. Потомъ я жилъ у патріарха Іова, и патріархъ, видя мое досужество, сталъ меня брать съ собою наверхъ, въ царскую думу. И вошелъ я въ великую славу... Но мнѣ не хочется не только видѣть славу земную и богатство, но и слышать о нихъ. И хочу я уѣхать изъ Москвы въ дальній монастырь. Слышалъ я, что въ Черниговѣ есть такой монастырь: пойдемъ туда?..

— Ужъ если ты живалъ въ Чудовѣ и у патріарха, тебѣ не привыкнуть въ Черниговѣ, потому что, слышалъ я, монастырь Черниговскій мѣстечко невеликое.

— Хочется мнѣ и въ Кіевъ, въ Печерскій монастырь; тамъ многіе старцы души свои спасли.

— Да, я читалъ Патерикъ Печерскій.

— Поживя въ Кіевѣ, въ Печерскомъ монастырѣ, пойдемъ во святой градъ Іерусалимъ, ко гробу Господню.

— Печерскій монастырь за рубежомъ, въ Литвѣ, а за рубежъ ѣхать я не смѣю,—боязливо замѣтилъ Варлаамъ.

— Напрасно,—успокаивалъ его Григорій,—государь московскій заключилъ миръ съ королемъ польскимъ на двадцать два года, и теперь вездѣ просто, и заставъ нѣтъ.

— Ну, пойдемъ, согласился Варлаамъ,—ради душевнаго спасенія, ради Пречистой Печерской, святаго града Іерусалима и гроба Господня.

Такъ сошлись и познакомились въ Москвѣ два инока, изъ которыхъ одинъ въ это время уже лелѣялъ въ головѣ своей мечты изумительныя. Этотъ одинъ былъ іеродіаконъ Григорій Отрепьевъ. Судьба этого чернеца до бѣгства за рубежъ заурядна и не предвѣщала ему ни высокихъ почестей, ни крайнихъ лишеній.

Въ городѣ Галичѣ жилъ сынъ боярскій Замятня Отрепьевъ. У него были два сына: Смирной и Богданъ. У Богдана родился сынъ „Юшка",—Юрій. Въ раннемъ дѣтствѣ Юрій остался сиротою, послѣ смерти отца своего, на попеченіи матери. Мать обучила его Божественному Писанію. Когда онъ подросъ и изучилъ дома Часословъ и Псалтырь, онъ покинулъ родной кровъ и началъ „витать въ царствующемъ градѣ Москвѣ". Въ Москву Юрій пришелъ „на ученіе грамотѣ", чтобы усовершенствоваться въ книжномъ ученіи. Но грамота, по словамъ лѣтописца, далась ему не отъ Бога, а отъ дьявола, и былъ онъ весьма гораздъ въ ней. Въ Москвѣ Юрію пришлось сначала служить въ холопяхъ, и онъ жилъ въ богатыхъ домахъ у бояръ Романовыхъ и у князя Черкасскаго. Когда эти знатные люди стали подозрительны для царя Бориса и попали въ опалу, то и людямъ ихъ пришлось не мало перетерпѣть отъ подозрительности царской. И Юрій сталъ подозрителенъ, и, какъ слуга опальныхъ бояръ, уже болѣе не могъ найти себѣ мірского пристанища,

„и нача витати“. Безпріютный, подозрительный и опасный, онъ могъ ожидать для себя всякой бѣды. Въ это время ему привелось встрѣтиться и побесѣдовать съ отцомъ Трифономъ, игуменомъ Успенскаго монастыря въ городѣ Хлыновѣ, Вятской области. Игуменъ уговорилъ его идти въ монастырь. Юрій внялъ совѣту старца и постригся въ монахи, и получилъ при постриженіи новое имя Григорія. Иноку Григорію тогда не было еще 15 лѣтъ отъ роду, тѣмъ не менѣе въ Москвѣ, гдѣ онъ принялъ постриженіе, онъ не остался. Подневольное ли постриженіе, не отвѣчая духовнымъ запросамъ его природы, мѣшало ему предаться иноческому подвигу тамъ же, гдѣ онъ и подъялъ его, и подъ руководствомъ того же старца, который привелъ его къ принятію иночества, или Григорій убѣгалъ отъ явной бѣды, которая грозила ему вмѣстѣ съ другими холопями невинныхъ Романовыхъ, или иныя побужденія, скрытыя и преступныя, влекли его изъ Москвы, неизвѣстно. Извѣстно только то, что съ этого времени Григорій переходитъ съ мѣста на мѣсто, скитается изъ монастыря въ монастырь, какъ будто постоянно ждетъ и ищетъ чего-то, но нигдѣ не находитъ...

Изъ Москвы юный монахъ Григорій пошелъ въ Суздаль и тамъ явился въ обитель Всемилостиваго Спаса, въ Евѳиміевъ монастырь. Архимандритъ принялъ пришлаго изъ Москвы монаха и, видя еще незрѣлую юность этого инока, отдалъ его подъ началъ духовному старцу. Григорій прожилъ въ монастырѣ только годъ и ушелъ, и поселился въ другомъ монастырѣ въ томъ же уѣздѣ, Спасскомъ на Куксѣ, но и тутъ прожилъ только двѣнадцать недѣль, и отсюда ушелъ. И такъ онъ обошелъ много монастырей, нигдѣ не задерживаясь на долго. Во время этихъ скитаній онъ услышалъ, что дѣдъ его, Замятня, постригся въ Чудовомъ монастырѣ въ Москвѣ, и тотчасъ же возвратился въ Москву и сталъ жить въ Чудовомъ монастырѣ. Здѣсь, произволеніемъ настоятеля монастыря, архимандрита Пафнутія, онъ вскорѣ поставленъ былъ въ діаконы рукоположеніемъ самого святѣйшаго патріарха Іова. Грамотный, особенно способный къ книжному ученію и письму, и даже къ сочиненію каноновъ, діаконъ Григорій

сталъ извѣстенъ патріарху, и патріархъ взялъ его къ себѣ для книжнаго письма. Теперь для Григорія наступило счастливое время. Патріархъ даже бралъ его съ собою въ царскую думу, гдѣ онъ видѣлъ и наблюдалъ правительственные и придворные порядки Московскаго государства. И былъ Григорій въ Москвѣ знаемъ „многими отъ мірскихъ человѣкъ, и отъ властей, и отъ многихъ инокъ".

Живя въ Чудовѣ монастырѣ и у патріарха, Григорій многихъ людей сталъ разспрашивать объ убіеніи царевича Димитрія и вывѣдывалъ „накрѣпко". Тутъ, очевидно, произошелъ какой-то переворотъ въ душѣ діакона Григорія. Старцы чудовскіе стали слышать предерзкія рѣчи его похвальбы. „Яко во смѣхотвореніе", какъ бы въ шутку, онъ даже говорилъ имъ, что будетъ царемъ на Москвѣ. Разумѣется, этимъ безумнымъ рѣчамъ они не придали никакого значенія, а только отплевывались и смѣялись. Однако нашелся одинъ человѣкъ, который обратилъ вниманіе на дерзкое поведеніе діакона. Это былъ Ростовскій митрополитъ Іона. Онъ предостерегъ патріарха и сказалъ ему о Григоріи, что „сей чернецъ діаволу сосудъ будетъ". Патріархъ не повѣрилъ. Тогда Іона донесъ царю Борису, что „сей чернецъ самому сатанѣ сосудъ есть". Царь, услышавъ такое слово, велѣлъ дьяку Смирному-Васильеву сослать монаха на Соловки подъ крѣпкое начало. Дьякъ Смирной сказалъ объ этомъ дьяку Семену Евѳимьеву, свойственнику Григорія. Семенъ заступился за него и просилъ Смирнаго помедлить ссылкою, желая какъ-нибудь помочь опальному. Но, говоритъ лѣтописецъ, это діаволъ укрывалъ его и внушилъ Смирному забвеніе: по времени, помедливъ, онъ и совсѣмъ забылъ приказъ царскій. Григорій, провѣдавъ объ опасности, воспользовался оплошностью дьяка и бѣжалъ изъ Москвы. Сначала онъ поселился близъ Москвы въ Никольскомъ монастырѣ, на Угрѣшѣ, и здѣсь замѣтили, что онъ началъ „въ безуміи своемъ возноситися". Отсюда онъ бѣжалъ въ Галичъ, въ Предтеченскій Желѣзноборскій монастырь, но и тутъ не ужился. Изъ Галича онъ перекочевалъ въ Муромъ, въ Борисоглѣбскій монастырь, но и отсюда настоятель отпустилъ

его и даже далъ ему лошадь. Григорій возвратился въ Москву.

Зная, какъ опасно ему оставаться въ Москвѣ и даже въ предѣлахъ Московскаго государства, а вѣрнѣе, страстно желая поскорѣе ускользнуть за рубежъ, Григорій не мѣшкалъ въ Москвѣ. Въ одинъ изъ дней этой остановки въ Москвѣ онъ и встрѣтилъ на улицѣ Варлаама и, скрывъ отъ него свои дѣйствительныя намѣренія, соблазнилъ его, походомъ на богомолье, бѣжать за границу. Новые знакомые быстро сговорились, „вѣрились христіанскою вѣрою“, поклялись не обмануть другъ друга и условились на другой же день опять сойтись въ Иконномъ ряду и уже отправиться въ путь.

Вѣрные своему слову, они въ условленный часъ и на условленномъ мѣстѣ сошлись, но Григорій пришелъ уже не одинъ, а подговорилъ съ собою ѣхать еще чернеца Мисаила, котораго Варлаамъ знавалъ въ мірѣ, когда онъ проживалъ у князя Ивана Ивановича Шуйскаго и прозывался просто Михаиломъ Повадинымъ. Богомольцы немедленно пошли за Москву рѣку, наняли подводы до Болхова и благополучно выбрались изъ Москвы. Черезъ Болховъ и Карачовъ они добрались до Новгорода-Сѣверскаго и здѣсь пристроились въ Преображенскомъ монастырѣ. Настоятель поставилъ ихъ даже на клиросѣ, а Григорія допустилъ до священнослуженія на Благовѣщеніе. Но прожили здѣсь они не долго: сыскавъ провожатаго, „отставленнаго старца“, они на третьей недѣлѣ послѣ Пасхи перешли рубежъ въ Литовскую землю и добрались до Кіева.

Говорятъ, что, уходя изъ монастыря, Григорій написалъ памятку и подбросилъ ее въ кельѣ архимандрита. Въ памяткѣ Григорій сообщалъ архимандриту: „Я царевичъ Димитрій, сынъ царя Ивана, а какъ буду въ Москвѣ на престолѣ отца своего, и я тебя пожалую за то, что ты меня покоилъ у себя въ обители“. Архимандритъ, прочитавъ эту памятку, пришелъ въ недоумѣніе и рѣшилъ никому не извѣщать о ней.

Въ Кіевѣ настоятель Печерскаго монастыря, архимандритъ Елисей Плетенецкій, радушно принялъ московскихъ чернецовъ, но и здѣсь они прожили только три недѣли: Григорій

отпросился у архимандрита и братіи ѣхать въ Острогъ, къ князю Василію Острожскому.

Тутъ Варлаамъ заподозрѣлъ товарища и, начавъ понимать, какъ жестоко обманутъ имъ, „извѣщалъ и билъ челомъ“ архимандриту и братіи о томъ, что между пришельцами условлено было пожить въ Кіевѣ, въ Печерскомъ монастырѣ, „душевнаго ради спасенія“, а потомъ идти въ святой градъ Іерусалимъ ко гробу Господню, а теперь, оказывается, по словамъ Варлаама, Григорій „идетъ въ міръ до князя Василія Острожскаго, и хочетъ платіе иноческое скинути, и ему будетъ воровати, и Богу и Пречистой солгалъ“. Архимандритъ и братія будто бы отвѣтили Варлааму, что въ Литвѣ земля вольная, что здѣсь каждый пребываетъ въ той вѣрѣ, въ коей хочетъ. Тогда Варлаамъ заявилъ о нежеланіи своемъ сопутствовать Григорію и просился остаться въ Печерскомъ монастырѣ, но разрѣшенія на это не получилъ: „четыре де васъ пришло, четверо и подите“.

Въ Острогѣ, у князя Василія, чернецы лѣтовали, а на осень князь послалъ Варлаама и Мисаила въ свой Троицкій Дерманскій монастырь. Григорій не пошелъ съ товарищами и не остался въ Острогѣ: онъ одинъ отправился въ городъ Гощу къ мѣстному пану. И вотъ вскорѣ товарищи услышали, что въ Гощѣ Григорій скинулъ съ себя иноческое платье, учинился міряниномъ, сталъ учиться въ тамошней школѣ полатыни, по-польски и лютерской грамотѣ и явился, такимъ образомъ, „отметникъ и законопреступникъ православныя сущія христіанскія вѣры“. Прослышавъ это, Варлаамъ ѣздилъ въ Острогъ къ князю Василію и просилъ его, чтобы онъ велѣлъ его взять, учинить по старому чернецомъ и діакономъ и послать въ Дерманскій монастырь. Дворовые люди князя сказали Варлааму, что здѣсь земля вольная, кто въ какой вѣрѣ хочетъ, въ той и живетъ, при чемъ самъ князь прибавилъ:

— Сынъ мой, князь Янушъ, родился во христіанской вѣрѣ, а держитъ ляшскую вѣру, и мнѣ его не унять.

Перезимовавъ въ Гощѣ, Григорій послѣ Пасхи ушелъ оттуда и очутился въ Брагинѣ у князя Адама Вишневецкаго. Надобно предполагать, что передъ приходомъ къ князю

Адаму онъ побывалъ у запорожскихъ казаковъ, быть можетъ за тѣмъ, чтобы ознакомиться съ ихъ бытомъ и настроеніемъ и пріучиться владѣть конемъ и оружіемъ, и получить хотя бы нѣкоторую подготовку въ воинскомъ дѣлѣ.

Мѣстечко Брагинъ, расположенное недалеко отъ Днѣпра, почти на самой границѣ между Польско-Литовскимъ королевствомъ и Сѣверскою украйной Московскаго государства, принадлежало православному вельможѣ юго-западной Руси, сподвижнику князя Острожскаго, князю Адаму Вишневецкому. Въ богатомъ и роскошномъ домѣ князя Адама Григорію нашлось мѣсто среди его многочисленныхъ слугъ. Но, повидимому, личныя достоинства новаго слуги обратили на него вниманіе господина, выдвинули его изъ ряда низшихъ слугъ и приблизили къ господину, сдѣлавшему Григорія своимъ камердинеромъ. Это былъ еще молодой человѣкъ, хотя уже не первой молодости, небольшого роста, худощавый, но крѣпко сложенный, отличавшійся физическою силою и ловкостью въ военныхъ упражненіяхъ. У него были рыжеватые волосы, сѣрые глаза, смуглое, круглое, некрасивое лицо. На щекѣ у него была бородавка, на правомъ плечѣ родимое пятнышко и одна рука короче другой. Но внѣшніе недостатки съ избыткомъ вознаграждались его другими качествами: онъ обладалъ звучнымъ голосомъ, даромъ слова и притомъ не лишенъ былъ нѣкотораго образованія. Онъ былъ способенъ при случаѣ производить впечатлѣніе и убѣждать, увлекать за собой другихъ.

Одинъ изъ современниковъ описываетъ его такими чертами: „возрастомъ малъ, груди широки имѣя, мышцы толсты, лице не царскаго достоянія, препростое обличіе, тѣло весьма помрачено; остроуменъ же паче и въ наученіи книжномъ доволенъ; дерзостенъ и велерѣчивъ вельми; конское ристаніе любляше вельми; на враги ополчителенъ, смѣлъ, храбрость имѣя и силу велію; воинство же зѣло любляше“. „У Гришки,—говоритъ другой,—было довольно ума, краснорѣчія и смѣлости; онъ умѣлъ обходиться со всѣми, выдавая себя за того, кѣмъ онъ не былъ“.

Заслуживъ вниманіе и доброе расположеніе господина,

Григорій рѣшился приступить къ дѣлу, къ которому готовился уже столько времени: онъ притворился больнымъ и потребовалъ къ себѣ духовника: „самъ же злодѣй, по дьявольскому наученію, ляже будто боленъ, едва можетъ будто слово отдати, и повелѣ призвати къ себѣ попа будто исповѣдаться“. Когда пришелъ къ больному духовникъ, Григорій повѣдалъ ему свою послѣднюю волю:

— По смерти моей погреби меня честно, какъ погребаютъ царскихъ дѣтей. Тайны своей я тебѣ не открою, но она изложена въ особомъ письмѣ, скрытомъ у меня подъ постелью. Когда я отойду къ Богу, и ты возьми сіе письмо и прочти его тайно, но никому о немъ не говори: Богъ уже мнѣ такъ судилъ.

Священникъ поспѣшилъ извѣстить князя Вишневецкаго объ этой тайнѣ, и князь Адамъ самъ пришелъ къ больному слугѣ и просилъ его открыть тайну. Но Григорій ничего не отвѣчалъ своему господину. Тогда князь Адамъ приказалъ обыскать его постель, и тамъ нашли заранѣе приготовленный свитокъ. Князь прочиталъ и съ ужасомъ узналъ, что вѣрный слуга его есть царевичъ Димитрій, сынъ царя Ивана, спасенный отъ убіенія своимъ докторомъ, что злодѣи, присланные въ Угличъ, умертвили „углицкаго попова сына“ вмѣсто него, Димитрія, коего укрыли бояре и дьяки Щелкаловы, а потомъ проводили въ Литву. Князь Адамъ изумился и когда обнаружилъ еще нѣкоторое колебаніе, Григорій рѣшилъ не запираться и не скрываться долѣе и, раскрывъ грудь, показалъ ему драгоцѣнный съ камнями крестъ, возложенный будто бы на него еще при крещеніи крестнымъ отцомъ, покойнымъ княземъ Иваномъ Ѳеодоровичемъ Мстиславскимъ.

Вишневецкій повѣрилъ, и вѣсть о московскомъ царевичѣ, чудесно спасенномъ отъ смерти, быстро распространилась между сосѣдними панами. Григорій Отрепьевъ долженъ былъ переѣзжать отъ одного изъ нихъ къ другому, и вездѣ принимали его съ царскимъ почетомъ: „князь Адамъ, бражникъ и безумецъ, тому Гришкѣ повѣрилъ и учинилъ его на колесницахъ и на конѣхъ ѣздити и людно. Изъ Брагина князь

Адамъ поѣхалъ до Вишневца, и того Гришку съ собою взялъ, и по панамъ, по роднымъ его возилъ, и сказывалъ его царевичемъ, княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Углицкимъ".

Такъ въ мѣстечкѣ Брагинѣ, недалеко за Московской границей, у князя Адама Вишневецкаго, объявился самозванецъ Григорій Отрепьевъ, назвавшійся царевичемъ Димитріемъ, законнымъ сыномъ царя Ивана Грознаго и наслѣдникомъ всероссійскаго царства! Надобно думать, что это событіе произошло подъ осень 1603 года.

Одинъ иностранный сказатель о смутномъ времени на Руси нѣсколько иначе передаетъ обстоятельства, сопровождавшія объявленіе самозванца въ Брагинѣ. По его словамъ, Отрепьеву случилось однажды въ банѣ подать своему господину не то, что было нужно. Князь далъ ему пощечину и прибавилъ: curvin sin. Жестоко обиженный слуга со слезами говоритъ князю:

— Если бы зналъ ты, князь Адамъ, кто тебѣ служитъ, не услышалъ бы я столь обиднаго слова, да еще съ побоями, за такую бездѣлицу! Но дѣлать нечего: я долженъ все терпѣть, назвавъ самъ себя слугою.

— А кто же ты?—спросилъ Вишневецкій,—и откуда пришелъ?

Тутъ слуга признался, что онъ сынъ царя Іоанна Васильевича, разсказалъ весьма складно приключенія своего дѣтства и умыселъ Бориса Годунова на жизнь его, открылъ, какимъ образомъ онъ избавился отъ смерти, кто спасъ его и какъ онъ странствовалъ по Бѣлоруссіи, притомъ показалъ золотой крестъ, осыпанный драгоцѣнными каменьями, подаренный ему будто бы крестнымъ отцомъ. Всю эту сказку сочинилъ Отрепьевъ. Мнимый Димитрій упалъ, по русскому обычаю, въ ноги Вишневецкому и воскликнулъ:

— Предлагаю себя въ твою волю, дѣлай со мною, что угодно! Горькая жизнь не мила мнѣ. О, если бы ты помогъ мнѣ возвратить то, чего я лишился! Какая награда была бы тебѣ съ Божіею помощію!

Князь изумился, повѣрилъ всему, что ни говорилъ скромный слуга, извинялся предъ нимъ за пощечину и бранное

слово, просилъ остаться въ банѣ и подождать его; а самъ пошелъ къ женѣ, приказавъ между тѣмъ своимъ людямъ приготовить яства и напитки для угощенія въ тотъ-же вечеръ русскаго царя. Дивились не мало всѣ домашніе столь неожиданному пріѣзду царя всероссійскаго. Князь велѣлъ, сверхъ того, приготовить шесть верховыхъ лошадей въ богатомъ уборѣ, конюхамъ нарядиться какъ можно лучше, заложить шестерней дорожную карету и убрать покои драгоцѣнными коврами, такъ что никто не могъ придумать, кого ожидаетъ князь себѣ въ гости.

Когда все было устроено, Вишневецкій возвратился въ баню съ двѣнадцатью слугами, поднесъ бывшему камердинеру богатую одежду, прислуживалъ ему при выходѣ изъ бани, предложилъ въ подарокъ запряженную карету, шесть верховыхъ лошадей со всѣмъ уборомъ, сѣдлами, палашами, пистолетами, со всѣми находившимися при нихъ людьми и просилъ его величество принять сію бездѣлку, изъявляя готовность служить ему всѣмъ, что имѣетъ. Григорій поблагодарилъ князя за такое одолженіе и далъ обѣтъ вознаградить ему сторицею. Великолѣпное пиршество заключило этотъ день.

Между тѣмъ, продолжаетъ тотъ же иностранецъ, молва о царевичѣ Димитріи, болѣе и болѣе распространяясь, достигла и до Бориса. Эта новость его ужаснула. Справедливо опасался Годуновъ, чтобы враги его, поляки, не воспользовались обманомъ на бѣду его. Посему, желая предупредить опасность, онъ тайно послалъ гонца къ князю Вишневецкому съ просьбою выдать измѣнника и обманщика, за что обѣщалъ уступить ему нѣсколько пограничныхъ городовъ русскихъ. Но Вишневецкій, еще болѣе убѣжденный симъ предложеніемъ, что мнимый Димитрій былъ истинный царевичъ, спряталъ царское письмо и отпустилъ гонца безъ отвѣта. Между тѣмъ, опасаясь мести Годунова, онъ спѣшилъ удалиться отъ русской границы, близъ коей находилось его помѣстье, въ принадлежащій ему городъ Вишневецъ; тамъ показалъ царевичу письмо Борисово и хотѣлъ знать его мысли. Мнимый Димитрій, упавъ на колѣни, со слезами отвѣчалъ:

— Богу и тебѣ извѣстно кто я; дѣлай со мною, что хочешь, я въ твоей власти: предаю себя въ твою волю!

Князь старался его успокоить, обѣщалъ никогда не измѣнять ему, говорилъ, что одно только опасеніе побудило его удалиться отъ русскихъ предѣловъ; въ заключеніе просилъ царевича остаться въ городѣ Вишневцѣ подъ защитою вѣрныхъ слугъ, объявилъ, что самъ онъ возвратится въ Бѣлорусское помѣстье, откуда извѣститъ его немедленно, если что-либо провѣдаетъ о Борисѣ.

Царь между тѣмъ, отправивъ къ Вишневецкому другое письмо, съ предложеніемъ, еще выгоднѣйшимъ перваго, подослалъ нѣсколько человѣкъ съ тайнымъ приказаніемъ застрѣлить самозванца. Но бдительный князь проводилъ мнимаго царевича въ Великую Польшу, въ Самборъ, къ воеводѣ Сендомирскому, который принялъ его какъ истиннаго государя.

XVII.

Брагинъ и Самборъ.

Приближалось тяжелое для Россіи время. Отрепьевъ, конечно, не за тѣмъ назвался царевичемъ Димитріемъ, чтобы повеличаться передъ княземъ Вишневецкимъ, но за тѣмъ, чтобы возбудить сочувствіе, найти поддержку и съ помощію разныхъ темныхъ силъ пойти въ Москву искать престола царскаго. Замыселъ поистинѣ адскій, „и аще не бы Богу за умноженіе нашихъ согрѣшеній попущающу, не возможно было ему, треклятому, совершити таковаго великаго начинанія“. Современники Отрепьева не менѣе всѣхъ послѣдующихъ поколѣній поражались чудовищною дерзостью его и находили лишь одно объясненіе для нея въ участіи всѣхъ силъ ада: „Богу попущающу за многія грѣхи наша, а дьяволу дѣйствующу“... „воста предтеча богоборнаго антихриста, сынъ тьмы, сродникъ погибели“... Успѣхъ замысла сказался на первыхъ же порахъ: разсказамъ Отрепьева повѣрили, и

слухъ о немъ быстро разнесся по Польшѣ и Россіи: „Такую онъ, окаянный Гришка Отрепьевъ, про себя славу пропустилъ, будто все истину сказалъ“. „И промчеся слово то во всю Россію, яко живъ есть царевичъ Димитрій“.

Нельзя не подивиться и подготовленности почвы, на которой дѣйствовалъ самозванецъ. Едва онъ объявилъ себя царевичемъ Димитріемъ, какъ успѣхъ его пошелъ впередъ съ головокружительною быстротой. Всюду и вездѣ ему вѣрятъ на слово, деньги и добровольцы текутъ къ нему въ изобиліи, побѣды всякаго рода рѣдко стоятъ ему большихъ усилій и, наконецъ, самая цѣль дается ему въ руки гораздо скорѣе, чѣмъ самъ онъ разсчитывалъ. Точно какая-то невидимая, таинственная рука вела все это дѣло по заранѣе обдуманному плану, по заранѣе протореннымъ слѣдамъ къ вѣрно намѣченному и подготовленному успѣху!... Но человѣку не всегда дано успѣвать и при такихъ условіяхъ...

Въ Брагинѣ, у князя Адама Вишневецкаго, судьба впервые улыбнулась Отрепьеву и, можно сказать, оглядываясь на судьбу его съ разстоянія трехъ вѣковъ, обезпечила ему успѣхъ.

Князь Адамъ Вишневецкій, знатный, богатый вельможа, только и мечталъ о подвигахъ на полѣ брани. Русскій по происхожденію, но подданный короля польскаго, бывшій воспитанникъ виленскихъ іезуитовъ, но ревностный сынъ православной церкви и человѣкъ набожный, онъ не былъ расположенъ къ москвитянамъ. Ихъ раздѣляли споры и кровь. Его обширныя помѣстья лежали на обоихъ берегахъ Днѣпра, простираясь до самой границы. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ владѣнія Вишневецкаго соприкасались съ Русскою землей, нерѣдко возникали пограничные споры, которые, не доходя до суда, рѣшались часто съ оружіемъ въ рукахъ. Въ 1603 году русскіе были озлоблены противъ Вишневецкаго за то, что онъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ два большія мѣстечка, Прилуки и Свецино. Русскіе совершили набѣгъ на эти спорныя земли и овладѣли ими. Съ той и другой стороны были раненые и убитые. Князь Острожскій, которому въ качествѣ кіевскаго намѣстника было по-

ручено произвести слѣдствіе, представилъ королю донесеніе, въ которомъ доказывалъ необходимость строго наказать виновныхъ и вознаградить Вишневецкихъ за понесенные ими убытки. Дѣло тянулось долго, но князь Адамъ не отступалъ отъ своихъ требованій.

Этому то воинственному вельможѣ, раздраженному побѣдою его противниковъ, имущественные интересы котораго были затронуты и попраны, Димитрій открылся первому. Личность Вишневецкаго была выбрана удачно. Онъ торжественно призналъ Отрепьева царевичемъ Димитріемъ и сталъ руководить его первыми шагами. Превращеніе Отрепьева было внезапное и полное. Еще наканунѣ онъ былъ бѣденъ и безвѣстенъ, а тутъ разомъ сдѣлался великой особой. Онъ бросилъ монашескую жизнь, если предположить, что онъ велъ ее до тѣхъ поръ, и рѣшительно принялъ тонъ и манеры претендента на могущественный престолъ. Сильный покровитель былъ на его сторонѣ. Онъ возилъ его по окрестнымъ панамъ и даже поспѣшилъ съ нимъ къ своему брату, князю Константину, и изъ Брагина самъ повезъ мнимаго Димитрія къ нему на Волынь, гдѣ были обширныя помѣстья Вишневецкихъ и самое гнѣздо фамиліи, замокъ Вишневецъ, расположенный на берегахъ Горыни. Всюду Димитрій встрѣчалъ признаніе, всюду ожидали его почетныя встрѣчи и пышныя празднества.

Оставалось немедленно взяться за дѣло, собрать войско, навербовать казаковъ и привести въ исполненіе преступный замыселъ. Дѣйствительно, на Донъ и Днѣпръ были немедленно отправлены послы, коимъ приказано было вербовать охотниковъ. Пронесся слухъ, будто Димитрій самъ отправился къ этой вольницѣ, всегда готовой взяться за оружіе. Посадить претендента на престолъ было самымъ подходящимъ для нихъ дѣломъ. Они то и дѣло были заняты этимъ въ Молдавіи и Валахіи. Имъ не было дѣла до того, были ли права претендента истинны или ложны, лишь бы предпріятіе сулило имъ выгоды. А Московія съ ея необозримыми равнинами и сказочнымъ богатствомъ была добычею гораздо болѣе соблазнительною, нежели бѣдныя придунайскія кня-

жества. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что въ это именно время начались сношенія Димитрія съ казаками и быть можетъ даже съ татарами, и что по крайней мѣрѣ съ первыми изъ нихъ имъ были заключены извѣстныя условія и сдѣлки. Волненіе на Украйнѣ приняло даже столь тревожные размѣры, что король польскій былъ вынужденъ вмѣшаться. 12-го декабря 1603 года имъ были изданы строжайшіе приказы, воспрещавшіе казакамъ собирать банды, а мѣстнымъ жителямъ продавать имъ оружіе и боевые запасы. Казаки по обыкновенію не обратили на эти запрещенія ни малѣйшаго вниманія.

Но этотъ планъ, обойтись силами однихъ казаковъ, исключалъ участіе Польши и Рима, этихъ исконныхъ враговъ и искателей московскаго царства, и поэтому естественно, что онъ не былъ приведенъ въ исполненіе.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1603 года король Сигизмундъ приказалъ князю Адаму Вишневецкому привезти Димитрія въ Краковъ. Князь Адамъ медлилъ исполненіемъ королевскаго приказанія. Тѣмъ временемъ первое мѣсто въ устройствѣ судьбы самозванца переходитъ къ двоюродному брату его, князю Константину Вишневецкому. Отрепьевъ, потому ли, что чувствовалъ себя уже достаточно сильнымъ, чтобы дѣйствовать самостоятельно или потому, что во-время оцѣнилъ представившіяся ему выгоды, примкнулъ окончательно къ князю Константину Вишневецкому. Это былъ шагъ весьма важный, который можно бы сравнить съ рѣшительною перемѣною фронта, если онъ не былъ предусмотрѣнъ заранѣе. Первоначальная мысль самозванца изобличала фантазію русскаго человѣка. Навербовать казаковъ и татаръ и идти съ ними на Москву было совершенно въ русскомъ духѣ. Мало-по-малу самозванецъ убѣдился въ томъ, что для осуществленія своихъ плановъ ему нужны поляки и іезуиты, и вскорѣ между ними произошло сближеніе. Въ эту среду ввелъ самозванца князь Константинъ Вишневецкій, которому сдѣлать это было не трудно. Онъ былъ католикъ, его жена была полька, Урсула, дочь Юрія Мнишка, воеводы Сендомирскаго, съ которою онъ повѣнчался въ Самборѣ 13-го января 1603 года; у него была свояченица Марина, которую пора было выдать

замужъ, а въ сенатѣ польскаго королевства у него былъ тесть, котораго легко было взять подкупомъ.

Между прочимъ, пока самозванецъ былъ у Вишневецкихъ, приняты были мѣры къ тому, чтобы убѣдиться въ вѣрности его разсказовъ, чтобы ни въ комъ не оставалось сомнѣнія въ подлинности царевича Димитрія. Когда слухъ о появленіи царевича Димитрія у Вишневецкихъ дошелъ до короля Сигизмунда, то король счелъ нужнымъ обстоятельно изслѣдовать этотъ вопросъ. Это дѣло поручено было польскому канцлеру, Льву Сапѣгѣ. У него жилъ одинъ лифляндецъ, прекрасно знавшій Димитрія, такъ какъ онъ состоялъ при его особѣ въ Москвѣ. Этого человѣка послали въ январѣ мѣсяцѣ 1604 г. къ Вишневецкому, и претенденту была устроена ловушка. Лифляндецъ выдалъ себя за посторонняго человѣка и не выказалъ ни малѣйшаго удивленія при видѣ Димитрія, но послѣдній не дался въ обманъ. Онъ узналъ своего бывшаго слугу и съ увѣренностью назвалъ его по имени. Лифляндецъ въ свою очередь, оставивъ роль шпіона, удостовѣрилъ, что Димитрій былъ истинный сынъ Іоанна Грознаго. Онъ видѣлъ его слишкомъ часто, чтобы ошибиться. Онъ указалъ даже на нѣкоторые физическіе признаки ихъ сходства: бородавку на носу и неодинаковую длину рукъ. Это обстоятельство признано было весьма важнымъ, и ему дана была самая широкая извѣстность.

Въ это же время около самозванца стали собираться уже московскіе жители, единодушно признававшіе въ немъ своего природнаго царевича и законнаго наслѣдника всего русскаго царства и изъявлявшіе полную готовность послужить ему своими головами и добыть ему его природное, законное наслѣдство.

Удача шла за удачей, планы расширялись и осложнялись, для самозванца открывались новые пути къ успѣху, болѣе надежные, болѣе вѣрные, и естественно, что у Вишневецкихъ ему стало тѣсно, и мѣсто дѣйствія переносится уже въ Самборъ, въ домъ Мнишка, съ Волыни въ Червонную Русь.

Такое именно движеніе преступнаго замысла рисуетъ днев-

никъ современнаго самозванцу іезуита Велевицкаго. Въ 1603 г., разсказываетъ Велевицкій, явился въ предѣлахъ царства Польскаго нѣкій юноша московскій изъ ордена монаховъ св. Василія, прибывшій изъ Москвы въ Кіевъ съ цѣлію религіозною, чтобы посѣтить въ этомъ городѣ гробницы и святыя мѣста, которыя у русскихъ пользуются большимъ уваженіемъ. Этотъ юноша, сложивъ съ себя монашескую рясу и рѣшившись не возвращаться въ отечество, остался въ Кіевѣ и началъ искать расположенія вельможъ и магнатовъ. Хотя сначала всѣ приняли его холодно, какъ человѣка иноземнаго и неизвѣстнаго, однако, онъ не упалъ духомъ и, надѣясь на свою врожденную изворотливость и пріятность въ обхожденіи, продолжалъ искать расположенія различныхъ лицъ и достигъ того, что, наконецъ, даже нѣкоторые вельможи начали ему благопріятствовать. Увидѣвъ, что ихъ значеніе и стараніе могутъ споспѣшествовать предположенной имъ цѣли, онъ началъ дѣйствовать самонадѣяннѣе и открытѣе, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе обнаруживаться и утверждать, что онъ происходитъ изъ рода великихъ князей московскихъ, называя себя Димитріемъ, истиннымъ и законнымъ сыномъ Ивана Васильевича. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ приводилъ разныя и убѣдительныя доказательства и многихъ увѣрялъ совершенно, между тѣмъ какъ и между народомъ слухъ этотъ вездѣ былъ распространяемъ на языкѣ, для него понятномъ.

Нашелся также патронъ, который взялъ Димитрія подъ свое покровительство и рѣшился поддерживать его притязанія. Это былъ великій воевода Адамъ Вишневецкій, происходившій изъ древняго рода князей литовскихъ и принявшій Димитрія въ домъ свой. Онъ призналъ его Димитріемъ, сыномъ великаго князя московскаго Ивана, и нѣсколько мѣсяцевъ держалъ его у себя въ дому со всею пышностью, приличною высокому его достоинству. Во время пребыванія Димитрія у Вишневецкаго приходили къ нему разные еретики, особенно аріане, которые, стараясь снискать расположеніе его, заражали неосторожнаго юношу ядомъ невѣрія; хотя они и не вполнѣ успѣли въ своихъ

Патріархъ Іовъ.

намѣреніяхъ (ибо они хотѣли совершенно обратить его въ свою ересь, а потомъ, смотря по успѣху, распространить ее и во всемъ государствѣ Московскомъ), однако, они поселили въ несвѣдущемъ и неопытномъ юношѣ нѣкоторыя сомнѣнія, особенно относительно тѣхъ догматовъ вѣры, въ коихъ латинцы и греки сходятся и въ коихъ аріане различествуютъ отъ тѣхъ и другихъ.

Между тѣмъ молва о Димитріи распространялась, такъ что весьма многіе желали его видѣть. Между ними былъ воевода Константинъ Вишневецкій, упомянутаго Адама двоюродный братъ. Итакъ, Адамъ, желая угодить Константину, доставилъ ему случай видѣться съ Димитріемъ. Димитрій отправился къ Константину, который принялъ его столь благосклонно и щедро, что онъ къ нему совершенно привязался, и не хотѣлъ уже болѣе возвращаться къ Адаму. Итакъ, Димитрій остался у Константина, почти противъ воли Адама, и при помощи его вліянія дѣлался все болѣе и болѣе извѣстнымъ. Константинъ былъ зять Николая Мнишка изъ Кончицы, воеводы сендомирскаго. Онъ отправился къ нему вмѣстѣ съ Димитріемъ, частію, чтобы его познакомить съ нимъ, частію, чтобы узнать мнѣніе Мнишка, слѣдуетъ ли поддерживать Димитрія въ его притязаніяхъ на наслѣдство московскаго престола. По зрѣломъ размышленіи оба воеводы рѣшили, что дѣло это касается блага общественнаго и что потому Димитрія слѣдуетъ представить августѣйшему королю, который по своему благоусмотрѣнію рѣшитъ его дѣло.

Самборъ, построенный среди непроходимыхъ лѣсовъ, изобиловавшихъ дичью, служилъ нѣкогда передовымъ постомъ противъ татаръ, и его замокъ горделиво возвышался на лѣвомъ берегу Днѣстра. Это было старинное, массивное зданіе внушительнаго вида, съ башнями и бастіонами, окруженное рвами съ подъемными мостами и обнесенное толстой каменной стѣной, внутри которой находились храмъ, сады и обширныя службы. Сигизмундъ III никогда не жилъ въ Самборѣ, королевскія комнаты были заняты обыкновенно Юріемъ Мнишкомъ, воеводою сендомирскимъ, старостой самборскимъ

и львовскимъ, самымъ знатнымъ сановникомъ въ этой мѣстности. Онъ принадлежалъ къ семейству чешскаго происхожденія, которое водворилось въ Польшѣ и породнилось съ самыми знатными фамиліями страны. Имена братьевъ Мнишекъ, Юрія и Николая, украшаютъ скандальную хронику самой печальной эпохи царствованія Сигизмунда-Августа. Когда король скончался, всѣми оставленный, и всѣ его сокровища, серебро, посуда, драгоцѣнныя вещи исчезли изъ замка, то именно братьевъ Мнишекъ обвиняли въ этомъ грабежѣ и говорили, будто бы имъ досталась при этомъ львиная доля. Юрій Мнишекъ жилъ одно время всѣми забытый, но затѣмъ, благодаря своимъ семейнымъ связямъ, получилъ нѣсколько староствъ. Женатый на Гедвигѣ Тарло, онъ былъ отцомъ многочисленной семьи. Избравъ себѣ мѣстомъ жительства Червонную Русь, онъ рѣдко появлялся при дворѣ, былъ занятъ управленіемъ казенными землями, заботился о своемъ пошатнувшемся здоровьѣ, предавался набожности и въ то время ничѣмъ не напоминалъ собою бывшаго царедворца Сигизмунда II.

Къ этому же времени относится рѣшеніе вопроса о Брестской уніи. Союзъ съ Римомъ былъ заключенъ на бумагѣ, но не проникъ въ сознаніе народа и при своемъ осуществленіи встрѣтилъ неодолимыя препятствія. Мнишекъ былъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ сторонниковъ уніи. Стараясь распространить ее, онъ дѣйствовалъ весьма искусно и съ большимъ усердіемъ. Въ Самборѣ онъ заботился о народномъ образованіи и старался, при содѣйствіи доминиканцевъ и бернардиновъ, представителей двухъ католическихъ монашескихъ орденовъ, поднять нравственный уровень населенія. Онъ любилъ водить знакомство съ духовенствомъ и монахами. Лучшими друзьями его были бернардины, такъ называвшіеся въ Польшѣ представители францисканскаго ордена. Въ лѣтописяхъ этого ордена ему посвящено не мало страницъ, дышащихъ глубокою признательностью за многочисленныя благодѣянія, оказанныя имъ ордену и его представителямъ. Когда былъ поднятъ вопросъ о преобразованіи бернардиновъ, поселившихся въ Польшѣ, то Мнишекъ явился ихъ адвокатомъ въ Римѣ и

защищалъ ихъ такъ усердно, что ихъ дѣло было выиграно. Но особенно не жалѣлъ Мнишекъ своихъ средствъ для бернардиновъ, и эта щедрость его заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ денежныя средства его къ тому времени сильно пошатнулись.

Впрочемъ, необходимо оговорить, что бюджетъ польскаго сенатора всегда былъ обремененъ чрезвычайными расходами. Мнишекъ долженъ былъ жить широко, держать открытый столъ, содержать маленькое войско, устраивать дорого стоящія охоты и празднества, не жалѣя денегъ. Супруга воеводы также должна была поддерживать свое достоинство. Она любила жить на большую ногу, любила, чтобы ее сопровождала цѣлая армія слугъ. На нее громко жаловались горожане, когда имъ приходилось давать помѣщеніе многочисленнымъ казакамъ и гайдукамъ, которые не находили себѣ мѣста въ замкѣ.

Какъ ни старался Мнишекъ увеличить свои доходы, развить торговлю и поощрять мѣстную промышленность, ему не удавалось выйти изъ стѣсненныхъ обстоятельствъ. Нѣсколько писемъ его къ королю даютъ понятіе объ его чрезвычайно затруднительномъ денежномъ положеніи: онъ всегда желалъ быть исправнымъ, но, съ другой стороны, всегда задерживалъ платежи, не будучи въ состояніи своевременно вносить слѣдующія королю поземельныя подати, ему постоянно приходилось просить, краснѣя, объ отсрочкахъ и снисхожденіяхъ.

1603 годъ былъ для него особенно тяжелъ. Цифра недоимокъ возросла свыше всякихъ ожиданій. Король потерялъ терпѣніе и, къ ужасу воеводы, въ Самборъ явились представители суда, съ угрозою наложить запрещеніе на его имущество. Это было бы позоромъ и разореніемъ. Во избѣжаніе этого Мнишекъ написалъ королю 29-го іюня письмо, преисполненное выраженій величайшей покорности, но въ то же время поспѣшно продалъ одно изъ своихъ имѣній. Дѣло кое-какъ уладилось, запрещеніе съ его имущества было снято, но 18-го сентября неисправимый и несостоятельный Мнишекъ просилъ снова объ отсрочкѣ платежей на годъ. Словомъ, заключаетъ характеристику Мнишка извѣстный іезуитъ Пирлингъ, Мнишекъ былъ впавшій въ ханжество, разорившійся вель-

можа, которому необходимо было какъ-нибудь поправить свои дѣла.

Въ это-то время и среди такихъ-то обстоятельствъ къ Мнишку пріѣхалъ его зять, князь Константинъ Вишневецкій, и привезъ съ собою царевича Димитрія, наслѣдника Московскаго престола. Для Мнишка сразу открылась новая надежда на блестящее улучшеніе своего матеріальнаго положенія, и естественно, что съ этого момента Самборъ дѣлается очагомъ всего замысла.

XVIII.

Въ Самборѣ.

Отрепьевъ былъ принятъ въ Самборѣ какъ настоящій царевичъ Димитрій, со всѣми почестями, подобавшими тому сану, который онъ себѣ присвоилъ. Въ Самборѣ оказался слуга, при осадѣ Пскова попавшій въ московскій плѣнъ и будто бы во время своего плѣна видавшій царевича Димитрія. Онъ сейчасъ же призналъ его въ гостѣ воеводы. Сюда же стали пріѣзжать разные московскіе выходцы, бѣжавшіе въ Литву при Грозномъ и при Годуновѣ, и всѣ они въ одинъ голосъ признавали въ гостѣ царевича. Отрепьевъ торжествовалъ и не торопился покинуть радушнаго хозяина. Мнишекъ приглашалъ окрестныхъ пановъ съ ихъ семьями и задавалъ роскошные пиры въ честь мнимаго царевича, стараясь какъ можно болѣе сдѣлать его извѣстнымъ, расположить въ его пользу шляхту и подготовить ея участіе въ его предпріятіи. Молодежь предалась веселію и танцамъ, старшее поколѣніе шумно упивалось венгерскимъ. Вскорѣ же обстановка произвела на самозванца свое дѣйствіе, и Мнишекъ могъ видѣть, что надеждамъ его суждено исполниться даже свыше ожиданій.

Пылкій, страстный, впечатлительный, Отрепьевъ, нѣсколько дней спустя послѣ своего пріѣзда въ Самборъ, уже былъ страстно влюбленъ въ одну изъ дочерей воеводы, Марину.

Возможно, что старались направить его выборъ именно въ эту сторону, но несомнѣнно, что и любовь играла при этомъ замѣтную роль. Наружность обольстительной польки не могла оставить Отрепьева равнодушнымъ: тонкія черты, прелестный овалъ и очаровательный взоръ внушили юношѣ и пылкому гостю глубокую страсть. Чувствовала ли она въ свою очередь ту таинственную симпатію къ нему, которая составляетъ залогъ счастія, или же ее прельстилъ только блескъ короны? Марина ни передъ кѣмъ не открыла тайны своего дѣвичьяго сердца, и дѣлались всевозможныя предположенія на этотъ счетъ. Новѣйшій изслѣдователь документовъ того времени, Пирлингъ, склоненъ думать, что ея выборомъ руководилъ расчетъ.

Маринѣ предстояла менѣе блестящая, но болѣе спокойная судьба. Все даетъ поводъ думать, что Мнишекъ, живя вдали отъ суеты придворной жизни, воспитывалъ своихъ дочерей въ строго религіозномъ духѣ. Одна изъ нихъ поступила въ монастырь кармелитокъ: очевидно, она прошла дома хорошую школу. Марина еще не выѣзжала въ свѣтъ. Ея дѣтскіе дни протекли въ тиши самборскихъ лѣсовъ. Ее часто видѣли колѣнопреклоненною въ самборскомъ храмѣ. Друзья ея отца, бернардинскіе монахи, были и ея друзьями. Она выросла на ихъ глазахъ, они пеклись о спасеніи ея души, и связь, возникшая между ними, продолжалась до самой ея смерти. Участь молодой дѣвушки была рѣшена въ тотъ день, когда мнимый Димитрій просилъ ея руки, вскорѣ же послѣ знакомства съ нею. Марина въ душѣ простилась навѣки съ родительскимъ домомъ и вступила на порогъ новой жизни, полной для нея неизвѣстности. Въ этой скромной дѣвушкѣ скрывалась женщина, полная энергіи, въ ея груди билось мужское сердце, ея стройный станъ былъ какъ бы созданъ для военныхъ доспѣховъ. Но Юрій Мнишекъ дорожилъ внѣшними правилами приличія и не хотѣлъ отступать отъ нихъ. Услыхавъ о любви Лжедимитрія къ своей дочери, онъ прикинулся удивленнымъ и предоставилъ себѣ право дать отвѣтъ послѣ поѣздки названнаго Димитрія въ Краковъ и его аудіенціи у короля.

Было еще одно обстоятельство, которое мѣшало браку: это вѣроисповѣдная разность. Не могло быть сомнѣнія въ томъ, что польскій вельможа никогда не отдастъ своей дочери за православнаго. Лжедимитрій, конечно, зналъ это и если тѣмъ не менѣе сдѣлалъ предложеніе, то это означало, что онъ считалъ это препятствіе устранимымъ. Тутъ на ряду съ политическимъ предательствомъ и приглашеніемъ поляковъ идти совмѣстно на Москву обнаружилась другая бѣда, еще бóльшая, которую несъ съ собою на Русь самозванецъ: вѣроотступничество и предательство Россіи Риму.

Дѣйствительно, вопросъ о религіи былъ затронутъ одновременно съ вопросомъ о бракѣ. Мнишекъ любилъ впослѣдствіи вспоминать объ этомъ обстоятельствѣ и въ письмѣ своемъ къ папѣ Павлу V отъ 12-го ноября 1605 года говорилъ о немъ съ полною откровенностью. Душевное состояніе Лжедимитрія возбуждало въ немъ, какъ истомъ католикѣ, сожалѣніе. Онъ видѣлъ, что этотъ православный юноша былъ пропитанъ „заблужденіями“, былъ преданъ своимъ „ложнымъ“ взглядамъ, и онъ рѣшилъ „просвѣтить“ его. Противъ Лжедимитрія былъ организованъ настоящій походъ, или, лучше сказать, благочестивый заговоръ. Мнишекъ прибѣгнулъ къ помощи бернардиновъ: аббата Помаскаго и ксендза Анзеринуса.

Мнишекъ, какъ уже замѣчено выше, особенно жаловалъ бернардиновъ: такъ называлась въ Польшѣ отрасль францисканскаго ордена, принявшая реформу святого Бернарда. Основателемъ ихъ Самборскаго монастыря и церкви, посвященной Успенію Божіей Матери, былъ Янъ Одровонжъ въ концѣ XV вѣка. Такъ какъ эти постройки съ теченіемъ времени сильно пострадали и пришли въ упадокъ, то въ 1585 году Юрій Мнишекъ, бывшій самборскимъ старостою, совершенно ихъ обновилъ, назначивъ на предстоявщія издержки доходы своего имѣнія Поляны. Эта усадьба существуетъ еще до сихъ поръ подъ тѣмъ же названіемъ, а доходами ея бернардины пользовались до самаго окончанія работъ даже послѣ смерти Юрія Мнишка. Не довольствуясь матеріальной поддержкой, сендомирскій воевода оказывалъ

и другого рода услуги своимъ возлюбленнымъ монахамъ. Ему даже удалось отмѣнить нѣкоторыя преобразованія, намѣченныя папою Павломъ V, и вслѣдствіе его домогательствъ обычный орденскій строй остался нетронутымъ. Въ свою очередь бернардины величали Мнишка своимъ величайшимъ благодѣтелемъ, подобнаго которому и прежде не было и впредь никогда не будетъ, занесли его имя на мраморную доску во Львовѣ, а память его щедротъ—въ монастырскія лѣтописи. Будучи духовными отцами всего семейства, они соединялись съ нимъ тѣсными, неразрывными узами. Въ ихъ церкви совершались и радостныя, и печальныя семейныя торжества. Такъ, 13-го января 1603 года Урсула, дочь воеводы, вѣнчалась въ ней съ княземъ Константиномъ Вишневецкимъ, при чемъ былъ пожертвованъ церкви бѣлый бархатный коверъ. Тамъ же потомъ въ придѣлѣ святой Анны похоронили 13-го мая 1613 года Юрія Мнишка вмѣстѣ съ одновременно скончавшимся сыномъ его Сигизмундомъ.

Въ началѣ XVII вѣка между бернардинами особенно выдавался и близокъ былъ Мнишку Бенедиктъ Гонсіаръ, или Гонсіарекъ, переименованный, по тогдашнему обычаю, на латинскій ладъ въ отца „Anserinus“ для избѣжанія гусиныхъ намековъ. Родомъ онъ былъ изо Львова, гдѣ и получилъ первоначальное образованіе, обучался потомъ въ Краковской академіи и въ 1575 году сдѣлался инокомъ въ Варшавѣ. Побывавъ за границей для усовершенствованія въ наукахъ, онъ пріѣхалъ въ Самборъ и былъ назначенъ въ 1585 году лекторомъ философіи, которая въ его орденѣ преподавалась по преданіямъ и въ духѣ Бонавентуры и Дунсъ-Скотта. Два года спустя, ему пришлось отправиться въ Римъ для присутствія на генеральномъ капитулѣ, послѣ чего ему предоставили каѳедру богословія въ Краковѣ. Снискавъ общее уваженіе при отправленіи своихъ должностей, отецъ Анзеринъ удостоился выбора въ высшіе начальники всѣхъ польскихъ бернардиновъ. Цѣлое трехлѣтіе, отъ 1594 года до 1597 г., онъ исполнялъ свои новыя и сложныя обязанности съ неутомимою дѣятельностью. Ему вмѣняютъ въ главную заслугу попеченіе о научномъ образованіи сво-

ихъ подчиненныхъ. Шестнадцать изъ нихъ, самыхъ талантливыхъ, онъ послалъ въ виленскую академію, поручая ихъ іезуитамъ. Въ Люблинѣ по его же мысли завелись высшіе курсы для подготовки дѣльныхъ преподавателей. Вообще онъ вносилъ повсюду новую жизнь, истреблялъ безпощадно злоупотребленія, заботился о внѣшнемъ благоустройствѣ и поступалъ такъ твердо и смѣло, что его прозвали орденскимъ Яномъ Замойскимъ. Свою должность онъ сложилъ въ урочное время, созвавъ для этого капитулъ въ Самборскій монастырь. Послѣ чего, окруженный почетомъ, онъ остался навсегда однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей своего ордена.

Съ семействомъ Юрія Мнишка онъ познакомился если не раньше, то, конечно, въ бытность свою лекторомъ въ Самборѣ. Въ концѣ 1603 года или въ началѣ 1604, когда князь Константинъ Вишневецкій представилъ своему тестю названнаго Димитрія, онъ находился тамъ же или нарочно призванный, или по собственной надобности. Очень скоро начались религіозныя пренія съ царевичемъ. Въ нихъ участвовали мѣстный пробощъ Францишекъ Помаскій, отецъ Анзеринъ и самъ Юрій Мнишекъ. Они обсудили сообща это дѣло, распредѣлили роли и смѣло начали дѣйствовать. Первый приступъ долженъ былъ сдѣлать Помаскій. Какъ настоятель самборской церкви, каноникъ и королевскій секретарь, онъ пользовался особымъ почетомъ и посѣщалъ замокъ ежедневно. Это былъ человѣкъ свѣтскій, краснорѣчивый, какъ говорили, большой мастеръ обольщать. Быть можетъ, онъ злоупотребилъ этимъ искусствомъ по отношенію къ Димитрію, такъ какъ послѣдній насмѣхался надъ нимъ. Совершенно инымъ человѣкомъ былъ Анзеринусъ. Пребываніе за границей сдѣлало его развязнымъ. Онъ шелъ на приступъ къ Димитрію и давалъ ему генеральныя сраженія. Воевода помогалъ своимъ сотоварищамъ, но ограничивался по большей части одними практическими совѣтами. Любимой темой его было восхваленіе бернардиновъ.

— Что это за люди,—говорилъ онъ,—какъ они скромны, какая у нихъ дисциплина, какія строгія правила. Если люди

обладаютъ такими добродѣтелями, то это означаетъ, что исповѣдуемыя ими правила суть истинныя.

Названный Димитрій долженъ былъ спасовать передъ приступомъ этихъ трехъ лицъ. Такъ какъ запасъ его богословскихъ познаній былъ не особенно великъ, то онъ никогда не пускался въ богословскія пренія. Поставленный въ затруднительное положеніе, онъ старался выйти изъ него съ честію и какъ можно менѣе связать себя: онъ никого не обезкураживалъ, но и не торопился мѣнять вѣру, хотя давалъ понять, что развязка можетъ быть благопріятная. Но несомнѣнно, что именно въ Самборѣ бернардины повліяли на самозванца и подготовили его обращеніе въ католическую вѣру.

На ряду съ этими подготовительными дѣйствіями и одновременно въ Самборѣ шла усиленная работа надъ планомъ всего предпріятія. Главною цѣлью разгорѣвшихся желаній попрежнему оставались Москва и московскій престолъ. Но какъ повѣрнѣе овладѣть ими? Объ этомъ стоило подумать, и кому же было заняться этимъ, какъ не испытанному и оголодавшему интригану, Юрію Мнишку, если только и самъ онъ не былъ орудіемъ той таинственной руки, которая вела все это дѣло съ такимъ удивительнымъ расчетомъ?..

Изъ Самбора надежные люди были отправлены къ донскимъ и запорожскимъ казакамъ и имъ вмѣнено въ обязанность подымать казаковъ на службу царевичу Димитрію и обѣщать имъ великія и щедрыя награды. Но этими посольствами не ограничились: казаки входили въ расчетъ только какъ боевая сила, но веденіе дѣла и его успѣхъ не должны были попасть имъ въ руки. Добыча должна была достаться исконнымъ врагамъ Московскаго государства, полякамъ, и имъ же поэтому надо было вести казаковъ къ побѣдамъ.

Соображая теперь этотъ планъ, невольно чувствуешь, что за дѣло взялись люди опытные, которымъ хорошо было извѣстно положеніе и коихъ планы отличались извѣстной широтою. Теперь дѣло шло уже не объ обыкновенномъ наѣздѣ на Москву съ шайками казаковъ и татаръ, но самозванецъ

долженъ былъ вести настоящую войну съ Москвою при содѣйствіи польскаго войска, набраннаго изъ добровольцевъ, и при безмолвномъ одобреніи королевской власти. Его предпріятіе уже не имѣло характера грубой мести, или чего-то случайнаго; оно было тщательно обосновано и согласовано съ общею политикой католической Европы. Указывались преимущества, которыя могли проистечь изъ него для Польши, для Рима и даже для всего христіанскаго міра. „Возрожденная Московія,—говорили,—въ союзѣ съ Западомъ будетъ служить неприступнымъ оплотомъ противъ турокъ“... Было чѣмъ заинтересовать королей и папу, на содѣйствіе которыхъ разсчитывали. Въ этой программѣ все было стройно и тѣсно связано одно съ другимъ; всякій зналъ, чего онъ хочетъ, и всѣ шли къ намѣченной цѣли настоящимъ путемъ.

Но если наборъ вольницы и добровольцевъ могъ состояться немедленно же, то далеко нельзя было сказать то же самое о согласіи королевской власти. Для полученія его необходимо было ѣхать въ Краковъ и тамъ на мѣстѣ пустить въ ходъ всѣ пружины и вольною цѣною добыть это согласіе, иначе успѣхъ предпріятія остался бы подъ сомнѣніемъ. Мнишекъ рѣшилъ въ Краковѣ уже открыто взять на себя роль покровителя Лжедимитрія, представить его сенаторамъ и королю и поддержать его во всѣхъ домогательствахъ. Пріѣхавъ въ Краковъ, Лжедимитрій долженъ былъ повторить урокъ, заученный имъ въ самборскомъ замкѣ.

Такимъ образомъ отъѣздъ въ столицу былъ рѣшенъ безповоротно. Эта поѣздка безъ того затянулась надолго. Великій канцлеръ и гетманъ Замойскій очень желалъ видѣть Лжедимитрія до его появленія при дворѣ. Дѣйствія „господарчика“, какъ канцлеръ называлъ его, казались ему подозрительными; странный претендентъ не внушалъ ему ни малѣйшаго довѣрія. Тонкій знатокъ человѣческаго сердца, Замойскій хотѣлъ проникнуть своимъ орлинымъ взоромъ въ тайники его души, изслѣдовать самые сокровенные ея изгибы, но любезность канцлера была отклонена, и ему пришлось отказаться отъ своего намѣренія.

Въ первыхъ числахъ марта 1604 года названный Димитрій, сопровождаемый воеводою Юріемъ Мнишкомъ и княземъ Константиномъ Вишневецкимъ, отправился въ Краковъ.

XIX.

Король и паны.

Появленіе царевича Димитрія въ предѣлахъ польскаго королевства съ быстротою молніи стало извѣстнымъ во всѣхъ слояхъ польскаго общества и вызвало среди него, можно сказать, переполохъ. Начались безчисленные переговоры, оживленная переписка, послѣдовалъ цѣлый рядъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ. Лица, заинтересованныя въ предпріятіи самозванца, постарались создать ему самую широкую извѣстность, лица, далекія отъ него, торопились заявить свою заинтересованность, свое участіе, свое желаніе примкнуть къ нему простымъ ли сочувствіемъ, или открытымъ предложеніемъ своихъ услугъ. Одно общее желаніе звучитъ во всѣхъ голосахъ поляковъ, отозвавшихся на извѣстіе о самозванцѣ, это желаніе взять предпріятіе въ польскія руки, отнюдь не выпускать его изъ Польши, а, напротивъ, всячески воспользоваться имъ въ польскихъ интересахъ и для того повернуть его на благовоззрѣніе короля. „Что касается,—писалъ канцлеръ Замойскій къ князю Адаму Вишневецкому,—находящагося у вашей милости москвитянина, который называетъ себя сыномъ московскаго князя Ивана Васильевича, то весьма часто подобныя вещи бываютъ правдивы, но часто также и вымышлены. Каково ни есть настоящее дѣло, все-таки хорошо было бы, если бы ваша милость потрудилась извѣстить о немъ его королевское величество. Узнавъ волю его королевскаго величества, ваша милость можетъ послать къ нему этого человѣка, такъ какъ его королевское величество изволитъ познакомиться съ этимъ дѣломъ и сдѣлать по поводу него свое опредѣленіе“.

Князь Адамъ Вишневецкій не помедлилъ сообщить королю Сигизмунду свою странную новость. Король пришелъ въ большое недоумѣніе по поводу полученнаго извѣстія. 1-го ноября 1603 года, папскій нунцій при польскомъ дворѣ Рангони имѣлъ аудіенцію въ Вавельскомъ замкѣ. Сигизмундъ бесѣдовалъ съ нимъ о странныхъ слухахъ, ходившихъ въ странѣ. Въ Польшѣ появился, какъ говорили, загадочный человѣкъ, пріѣхавшій изъ Москвы. Онъ называлъ себя Димитріемъ, сыномъ царя Іоанна IV. Многіе москвитяне уже признали его таковымъ и пріѣхали вслѣдъ за нимъ. Онъ находился на Волыни у князя Адама Вишневецкаго и мечталъ о томъ, чтобы вернуть престолъ при помощи казаковъ и татаръ. Король считалъ это предпріятіе безумной отвагою и находилъ, что нельзя полагаться на наемныя войска, которыя думаютъ больше о добычѣ, нежели о своей чести. Что касалось человѣка, замышлявшаго столь смѣлые планы, то королю хотѣлось узнать о немъ поближе. Съ этою цѣлію князю Вишневецкому было приказано привезти его въ Краковъ и представить королю обо всемъ докладѣ.

Нунцій поспѣшилъ сообщить эти необычайные слухи въ Римъ. Въ Ватиканѣ къ нимъ отнеслись съ нѣкоторою недовѣрчивостью, и папа Климентъ VIII приписалъ на поляхъ депеши Рангони собственноручно нижеслѣдующее скептическое замѣчаніе: „Это въ родѣ воскресшаго короля португальскаго", намекая на Лже-Себастіановъ, появившихся въ Португаліи послѣ смерти настоящаго дона Себастіана.

Тѣмъ временемъ князь Адамъ исполнилъ данное ему королемъ порученіе и представилъ докладъ. Нунцій позаботился достать докладъ Вишневецкаго, перевести его на латинскій языкъ и 8-го ноября препроводилъ его въ Римъ. Этотъ документъ, сохраненный до нашего времени ватиканскимъ архивомъ, имѣетъ огромную важность: онъ содержитъ исторію названнаго Димитрія, разсказанную имъ самимъ. Рангони въ письмѣ своемъ къ папѣ утверждаетъ, что князь Адамъ только изложилъ на бумагѣ все, разсказанное ему Димитріемъ, но что сущность разсказа принадлежитъ всецѣло самому Димитрію. Димитрій въ это время

переживалъ самый критическій моментъ въ своей жизни. Все будущее его зависѣло отъ того, что онъ скажетъ о себѣ и насколько ему удастся доказать подлинность своего происхожденія. Поэтому можно предполагать, что онъ сказалъ все, что находилъ нужнымъ.

Въ донесеніи Вишневецкаго говорится особенно подробно о трагическомъ событіи въ Угличѣ и разоблачается тайна происходившихъ интригъ и козней. Главный виновникъ злодѣянія тутъ названъ Борисъ Годуновъ. Человѣкъ съ желѣзной волею и страшной энергіей, онъ мечталъ о престолѣ съ самой кончины Іоанна IV и всѣмъ пожертвовалъ для удовлетворенія своего безумнаго честолюбія. Царь Ѳеодоръ ни въ чемъ не оказывалъ ему противодѣйствія: если бы онъ сдѣлалъ къ тому малѣйшую попытку, его заточили бы въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, и его совѣтникамъ также было бы не сдобровать. Но былъ еще царевичъ Димитрій. Для того, чтобы вѣрнѣе достигнуть престола, надобно было устранить законнаго наслѣдника, который могъ со временемъ предъявить свои права. Для этого не было иного средства, какъ преступленіе. Борисъ не отступалъ передъ гнуснымъ, заранѣе обдуманнымъ и хладнокровно подготовленнымъ злодѣяніемъ. Ребенокъ былъ окруженъ преданными слугами: они погибли отъ медленной отравы и были замѣнены измѣнниками, которымъ было приказано отравить самого Димитрія. Но при этомъ упустили изъ вида личность воспитателя царевича: это былъ человѣкъ дѣятельный, умный, который зорко за всѣмъ слѣдилъ, и злодѣйскій планъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе. Поневолѣ пришлось прибѣгнуть къ болѣе насильственнымъ мѣрамъ. Были наняты убійцы, которые при наступленіи ночи должны были проникнуть во дворецъ, застать царевича въ постели и убить его. Заботливый воспитатель предвидѣлъ возможность и этого покушенія, и, будучи всею душою преданъ ребенку, принялъ, впрочемъ довольно жестокія, мѣры предосторожности. Димитрія укладывали спать въ другое мѣсто, а на его постель былъ положенъ одинъ изъ его двоюродныхъ братьевъ, приблизительно однихъ

лѣтъ съ нимъ. Подкупленные убійцы явились въ назначенное время и, ничего не подозрѣвая, убили несчастнаго брата царевича, воображая, что они убиваютъ его. Вѣсть о совершенномъ убійствѣ разнеслась съ быстротою молніи. Въ спальню царевича прибѣжала мать Димитрія и стала сжимать трупъ въ своихъ объятіяхъ. Ея разумъ помутился отъ горя, и она горько оплакивала сына, считая его убитымъ. Толпа раздѣляла ея заблужденіе. Разгнѣванная и разъяренная, она хотѣла насытить свое мщеніе кровью и избила до тридцати младенцевъ. Такимъ образомъ исчезновеніе двоюроднаго брата царевича прошло незамѣченнымъ и не возбудило подозрѣнія. Борисъ Годуновъ, обманутый точно такъ же, какъ другіе, былъ озабоченъ однимъ: желаніемъ скрыть убійство и распустить какой-нибудь слухъ, которому народъ могъ бы повѣрить. Припадокъ падучей болѣзни могъ все объяснить, ему и была приписана смерть Димитрія, и многіе граждане Углича за свое чрезмѣрное усердіе были приговорены къ смертной казни. Между тѣмъ царевичъ жилъ со своимъ воспитателемъ въ полной безопасности, не терпя никакихъ притѣсненій. Когда человѣкъ, такъ случайно спасшій ему жизнь, почувствовалъ приближеніе своей кончины, то онъ поручилъ своего воспитанника „надежному человѣку“, который имъ былъ посвященъ въ тайну и охотно взялъ на себя обязанность ментора. „Надежный человѣкъ“ также исчезъ со временемъ, оставивъ Димитрію въ наслѣдіе совѣтъ спрятаться въ монастырѣ. И этотъ потомокъ Рюрика, облачившись въ монашескую рясу, исходилъ вдоль и поперекъ все Московское государство, стучась въ ворота всѣхъ монастырей и питаясь подаяніемъ. Несчастіе отняло у него все, но онъ сохранилъ свою величественную осанку. Однажды какой-то монахъ призналъ его за царскаго сына только по его манерамъ. Это открытіе было для Димитрія роковымъ. Съ этой минуты пребываніе въ Россіи становилось для него опаснымъ. Надобно было скрыться съ глазъ Бориса Годунова. Димитрій отправился въ Польшу, строго соблюдалъ инкогнито въ Острогѣ и Гощѣ и открылъ свое происхожденіе князю Адаму Вишневецкому въ Брагинѣ.

Таковъ разсказъ названнаго Димитрія о своемъ происхожденіи и о своемъ прошломъ. Могъ ли повѣрить ему король?.. Не ясно ли изъ всего разсказа, что Лжедимитрій старался скрыть свое прошлое вмѣсто того, чтобы сообщить о себѣ какія-либо вѣрныя свѣдѣнія? Надо замѣтить, что это стараніе такъ удалось ему, что даже по прошествіи трехсотъ лѣтъ его жизнь подстрекаетъ любопытство ученыхъ, которые все еще не могутъ разобраться въ истинѣ. Онъ не сообщилъ изъ своего прошлаго ни именъ, ни фактовъ. Его жизнь до появленія въ Польшѣ не оставила по себѣ никакихъ слѣдовъ. Тайна происхожденія его для короля еще не была выяснена. Докладъ Вишневецкаго, свидѣтельство лифляндца, московскихъ людей и нѣсколькихъ подосланныхъ шпіоновъ повліяли на нѣкоторыхъ пановъ, но король далеко не былъ этимъ убѣжденъ.

Тяжелыя чувства долженъ былъ пережить Сигизмундъ, тѣмъ болѣе, что догадки и предположенія встрѣчались съ яснымъ сознаніемъ громаднаго значенія для Польши всѣхъ домогательствъ Лжедимитрія и въ политическомъ, и въ религіозномъ отношеніи.

Возвратить престолъ московскому царевичу было бы равносильно заключенію сказочнаго союза между двумя славянскими народами!.. И Польша, и Римъ исполнили бы свои завѣтныя желанія!.. Но мечты Сигизмунда шли еще дальше. Его взоры не могли оторваться отъ Швеціи, гдѣ его воображенію сіяла корона его отца, которую ему хотѣлось возложить какъ можно скорѣе на свою голову. Онъ мечталъ и о Ливоніи. Имѣть операціонный базисъ въ Московскомъ Кремлѣ было для него лучшимъ залогомъ военныхъ успѣховъ въ Швеціи и на берегу Балтійскаго моря. Но Сигизмундъ долженъ былъ предполагать, что Лжедимитрію не удастся вступить въ Москву безъ сопротивленія, и въ такомъ случаѣ пришлось бы вести войну со всѣми жертвами, какія она влечетъ за собою. Сигизмундъ могъ ожидать, что эту войну пришлось бы начать безъ согласія сейма, всегда несговорчиваго въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о тратѣ денегъ и крови.

Взвѣшивая всѣ соображенія за и противъ, Сигизмундъ содрогнулся при мысли о клятвопреступленіи, которая возстала предъ нимъ, какъ грозный призракъ, сулившій ему въ будущемъ укоры совѣсти. Съ Борисомъ Годуновымъ было заключено перемиріе на двадцать лѣтъ. Договаривающіяся стороны подписали его и поклялись соблюдать свято и ненарушимо. Оказать содѣйствіе Лжедимитрію значило нарушить этотъ договоръ и осквернить священную клятву. Чтобы успокоить свою взволнованную совѣсть, король думалъ одно время созвать нѣсколько іезуитовъ подъ предсѣдательствомъ нунція, которые объявили бы о томъ, что договоръ не имѣетъ законной силы, коль скоро претендентъ есть дѣйствительный сынъ Іоанна IV. Но Рангони отклонилъ отъ себя эту честь и не совѣтовалъ дѣлать этотъ шагъ.

Не легко было Сигизмунду пережить эти колебанія. Къ тому же самолично онъ не могъ распорядиться въ такомъ важномъ и исключительномъ случаѣ. Таково было положеніе Польши, что король стоялъ подъ контролемъ пановъ. Какъ только возникало важное дѣло, онъ долженъ былъ тотчасъ извѣщать о немъ сенаторовъ. Они высказывали свое мнѣніе словесно или письменно, и королю приходилось сообразоваться съ этими мнѣніями, чтобы не вызвать цѣлой бури на сеймѣ. И на этотъ разъ Сигизмундъ обратился къ сенаторамъ съ циркулярнымъ письмомъ, въ которомъ отразились его душевное состояніе и овладѣвшее имъ крайнее смущеніе. Онъ писалъ:

(„Сигизмундъ III. Божьей милостью король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, жмудскій, мазовецкій, инфляндскій и наслѣдственный король шведскій, готскій, вандальскій).

„Случилось немаловажное дѣло, о которомъ мы пожелали написать вашей милости и узнать мнѣніе вашей милости насчетъ его. Въ нашихъ владѣніяхъ появился человѣкъ московскаго народа, который сначала пребывалъ въ русскихъ монастыряхъ, а послѣ назвалъ себя сыномъ покойнаго великаго князя московскаго, Ивана Васильевича, Димитріемъ.

„У Ивана уже послѣ войнъ, которыя онъ велъ съ нашимъ предшественникомъ, королемъ Стефаномъ, родился сынъ Димитрій, котораго онъ оставилъ ребенкомъ. Онъ умеръ при жизни брата своего Ѳеодора, покойнаго великаго князя московскаго. Одни говорили, что онъ былъ убитъ, другіе отыскивали иныя причины смерти. Вотъ онъ-то, называя себя сыномъ Ивана, говоритъ, что наставникъ его, человѣкъ разсудительный, смекнувъ, что идетъ о здоровіи ввѣреннаго его попеченію, когда стали приближаться убійцы, положилъ другого мальчика, ничего объ этомъ не знающаго, на ложе ввѣреннаго ему на воспитаніе. Этого-то мальчика, не разсматривая, и убили въ постели. Его же наставникъ скрылъ и отдалъ на воспитаніе въ вѣрное мѣсто. Послѣ смерти наставника, когда выросъ, онъ тайно поступилъ въ монастырь и отправился въ наши края, а открывшись и назвавшись сыномъ великаго князя, онъ обратился къ князю Вишневецкому, который объ этомъ извѣстилъ насъ. 1) Мы приказали прислать его къ намъ, но до сихъ поръ онъ еще не присланъ, а между тѣмъ къ намъ доходятъ слухи, будто онъ отправился къ казакамъ, чтобы тѣ поставили его на московское царство. Это извѣстіе произвело не малую тревогу въ Москвѣ. Теперешній князь, Борисъ Годуновъ, видно, безпокоится, смотря на этого князька и видя нерасположеніе своихъ подданныхъ, а потому и собираетъ людей на нашей границѣ. Въ замкахъ размѣщаетъ гарнизоны, состоящіе или изъ вѣрныхъ ему людей, или изъ связанныхъ съ нимъ родствомъ или благодѣяніями. Шпіоны изъ-за границы, со стороны Смоленска, доносятъ, что тамъ большая тревога; то же говоритъ и москвичъ, знатный перебѣжчикъ изъ Смоленска, что въ Москвѣ уже знаютъ объ этомъ Димитріи и народъ этимъ взволнованъ. Явился одинъ ливонецъ, который служилъ Димитрію Ивановичу въ его дѣтствѣ и былъ при нападеніи на ребенка и его убіеніи. Но онъ ничего не зналъ, убитъ ли былъ истинный сынъ или подставленный мальчикъ, поэтому онъ ѣздилъ теперь къ тому, который находится у князя Вишневецкаго, и призналъ его истиннымъ сыномъ Ивана, на

основаніи знаковъ на тѣлѣ, о которыхъ онъ зналъ, а также и на основаніи воспоминаній Димитрія о многомъ, что въ то время происходило. 2) Нѣкоторые изъ членовъ нашего совѣта указываютъ намъ, что теперь представляется удобный случай къ добру, славѣ и увеличенію предѣловъ республики, потому что если бы этотъ Димитрій былъ возведенъ на царство съ нашею помощью, то можно было бы отъ этого много выиграть: Швеція скорѣе могла бы быть освобождена, Ливонія успокоена, и увеличилась бы сила противъ каждаго врага. Съ другой стороны, идетъ вопросъ о нарушеніи мира, объ обрушеніи тяжестей на республику, а не на насъ. Въ этомъ дѣлѣ за и противъ много, на что надо обращать вниманіе. 3) Прося совѣта и спрашивая мнѣнія вашей милости, просимъ написать къ намъ объ этомъ, обдумавъ все хорошо. Затѣмъ желаемъ вашей милости добраго отъ Бога здоровья. (Данъ въ Краковѣ XVIII дня февраля мѣсяца, лѣта Господня MDC четвертаго, царствованія въ королевствахъ нашихъ польскомъ XVII и шведскомъ X. Sigismundus Rex*).

Сенаторы немедленно откликнулись на королевское посланіе и отвѣтили королю письмами. До нашего времени дошло десятка два такихъ писемъ, собственноручныхъ или, по крайней мѣрѣ, съ собственноручною подписью. Содержаніе ихъ убѣдительно говоритъ о томъ, что король слишкомъ поторопился со своимъ посланіемъ и что сенаторы были застигнуты имъ врасплохъ. Все, что они знали о немъ, ограничивалось королевскимъ сообщеніемъ. Никто изъ нихъ не имѣлъ частныхъ свѣдѣній о Димитріи. Даже престарѣлый князь Константинъ Острожскій, которому былъ сдѣланъ особый запросъ, усердно открещивался отъ Димитрія въ письмѣ къ королю отъ 3-го марта 1604 года, и былъ ли „такъ себя называвшій князекъ московскій“ въ его владѣніяхъ или въ монастыряхъ, которые находились подъ его вѣдѣніемъ, этого онъ не зналъ. Его сынъ, князь Янушъ Острожскій, представляетъ единственное исключеніе. Въ противоположность отцу, краковскій кастелянъ заявилъ, что Димитрій ему извѣстенъ, что онъ проживалъ въ Дерман-

скомъ монастырѣ, а потомъ удалился къ анабаптистамъ. А кто онъ таковъ, Янушъ признается, что сказать не можетъ, за отсутствіемъ какихъ-либо свѣдѣній. „Я знаю Димитрія нѣсколько лѣтъ,—писалъ Янушъ,—онъ жилъ довольно долгое время въ Дерманскомъ монастырѣ моего отца и оставилъ его, присоединившись къ анабаптистамъ; съ тѣхъ поръ я потерялъ его изъ вида".

Какъ бы въ поясненіе къ этому извѣстію существуетъ сомнительное сообщеніе Рангони своему повелителю, тщательно собиравшаго всякія свѣдѣнія о самозванцѣ. „Разсказывали по секрету,—сообщалъ нунцій,—будто Димитрій открылся кіевскому намѣстнику и даже просилъ его поддержки. Престарѣлый князь будто бы грубо отказалъ ему въ этомъ, и одинъ изъ его гайдуковъ будто бы даже поколотилъ навязчиваго просителя и выпроводилъ его изъ за̀мка".

Къ личности названнаго Димитрія и къ его предпріятію сенаторы въ большинствѣ отнеслись съ полнымъ недовѣріемъ. Они находили нежелательнымъ вмѣшивать Польшу въ его похожденія. Исторія его жизни, какъ онъ самъ передава́лъ ее, казалась имъ неправдоподобной. Они настаивали на необходимости соблюдать перемиріе, заключенное съ Годуновымъ, и клятву, данную отъ имени всего польскаго народа. Они ссылались на права людей и на долгъ совѣсти. Кромѣ того, они находили самый моментъ не подходящимъ для того, чтобы начинать такое предпріятіе, такъ какъ Польшѣ могла предстоять другая неизвѣстная война, а состояніе ея финансовъ ухудшалось и разногласіе съ королевскою властью возрастало.

Польскій и литовскій канцлеры, Замойскій и Сапѣга, присоединились къ этому взгляду. Это же мнѣніе раздѣляли польскіе полководцы, Жолкевскій, Ходкевичъ. Особенно замѣчательно письмо плоцкаго бискупа Альберта Барановскаго. Онъ подчеркнулъ слабыя стороны доклада Вишневецкаго, сообщеннаго въ королевскомъ посланіи, вдумался въ обстоятельства дѣла и не упустилъ случая предостеречь Сигизмунда.

„Этотъ московскій князекъ,—писалъ Барановскій королю

6-го марта 1604 года,—для меня очень подозрительная личность. Въ его исторіи есть весьма неправдоподобные факты. Во-первыхъ, какъ мать не узнала умерщвленнаго сына? Во-вторыхъ, къ чему было убивать еще тридцать дѣтей? Въ-третьихъ, какъ могъ монахъ узнать царевича Димитрія, котораго никогда не видѣлъ? Самозванство—вещь не новая. Бываютъ самозванцы въ Польшѣ между шляхтою при раздѣлѣ наслѣдства; бываютъ въ Валахіи, когда престолъ остается незанятымъ; были самозванцы и въ Португаліи: всѣмъ извѣстны приключенія такъ называемаго Себастіана. Потому безъ вѣскихъ доказательствъ полагаться на Димитрія не слѣдуетъ. Само Священное писаніе порицаетъ легковѣрныхъ, а донесенія шпіоновъ и свидѣтельство одного ливонца не имѣютъ никакого значенія". Барановскій находилъ необходимымъ, чтобы Димитрій былъ тщательно и искусно допрошенъ сенаторами, извѣстными своей осторожностью и преданностью королю. Съ этою цѣлью онъ прилагалъ къ своему письму даже подробный списокъ вопросныхъ пунктовъ. Его подозрительность шла еще дальше: онъ предлагалъ учредить бдительный надзоръ за Димитріемъ, чтобы онъ не могъ убѣжать къ низовымъ казакамъ. Рѣшительный сторонникъ мира, Барановскій оканчиваетъ свое письмо слѣдующими словами: „если бы даже исторія претендента была сама истина, все же лучше было бы не принимать въ немъ участія и не подвергать себя риску дорого стоящей войны, такъ какъ финансы республики невелики и у нея слишкомъ много текущихъ дѣлъ, которыя требуютъ настоятельнаго рѣшенія въ Швеціи и Пруссіи".

Однако не всѣ сенаторы держались осторожности и предостерегали отъ рѣшительныхъ военныхъ мѣропріятій. Нѣкоторые высказали совершенно противоположныя мнѣнія. Ярымъ выразителемъ послѣднихъ былъ воевода краковскій, Николай Зебржидовскій. По его мнѣнію, названный Димитрій былъ дѣйствительнымъ сыномъ царя Іоанна IV. Если даже и это невѣрно, то во всякомъ случаѣ были основанія считать его таковымъ. Притомъ же случай этотъ слишкомъ хорошъ, чтобы не воспользоваться имъ въ польскихъ инте-

ресахъ. Перемиріе съ Годуновымъ не должно смущать короля и даже оно не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ Димитрій является единственнымъ законнымъ царемъ. Съ другой стороны, перемиріе даже не было бы нарушено, если бы король не послалъ своего войска, а только позволилъ бы воевать другимъ. Воевода даже не прочь былъ принять начальство въ походѣ, предлагалъ королю свои услуги, чтобы произвести въ Ливоніи движеніе съ трехтысячнымъ отрядомъ кавалеріи, коей тысячу и даже больше соглашался снарядить на свой счетъ.

Другіе сенаторы были болѣе умѣренны. Димитрій, по ихъ словамъ, былъ ниспосланъ Польшѣ самимъ Провидѣніемъ. Не возражая противъ его предпріятія, они предвидѣли, какую пользу можно извлечь изъ него. Поэтому они предлагали оказать Димитрію должный почетъ и въ сношеніяхъ съ Борисомъ Годуновымъ воспользоваться его грознымъ именемъ. Но и они настаивали на необходимости навести болѣе тщательныя справки о его происхожденіи. Нѣкоторые изъ нихъ предложили даже двоякія мѣры, смотря по тому, докажетъ ли Димитрій или нѣтъ, что онъ истинный царевичъ. Янъ Остророгъ придумалъ совсѣмъ своеобразную мѣру: онъ предложилъ назначить Димитрію пенсію и отправить его къ папѣ на жительство въ Римъ.

Трудно было отыскать руководящія указанія во всемъ этомъ разнообразіи мнѣній. Лишь въ одномъ сенаторы высказали удивительное единодушіе и полное единогласіе: всѣ они требовали, чтобы дѣло Димитрія было предоставлено сейму и на немъ обсуждалось. Никто изъ нихъ не желалъ оставлять его на произволъ короля. Нѣкоторые же, относясь къ королю съ недовѣріемъ, настаивали на томъ, чтобы дѣйствовать на законномъ основаніи, и, за невозможностью созвать сеймъ, требовали, чтобы всѣ польскіе и литовскіе сенаторы были немедленно созваны въ чрезвычайное засѣданіе. Повидимому, они предчувствовали, что въ скоромъ времени возникнутъ серьезныя осложненія.

Въ началѣ марта всѣ отвѣты сенаторовъ были получены въ Краковѣ.

Вся эта переписка, не давъ полезныхъ результатовъ для короля, тѣмъ не менѣе для самозванца имѣла огромное значеніе. Благодаря ей, его имя облетѣло всю Польшу, о немъ вездѣ заговорили, его притязанія всюду приняты были въ серьезъ. Польское любопытство возбуждено было до крайней степени.

XX.

Самозванецъ въ Краковѣ.

Въ первой половинѣ марта 1604 года въ Краковъ пріѣхалъ и самъ самозванецъ, и первое впечатлѣніе, произведенное имъ, блестящимъ образомъ отвѣчало общимъ ожиданіямъ. Наружность говорила въ его пользу. Въ немъ находили обаяніе и самоувѣренность. Онъ остановился въ домѣ Мнишка, какъ особа царскаго сана. Его окружили роскошью и почетомъ. Его постоянно сопровождала свита изъ тридцати человѣкъ. Бывшіе съ нимъ москвитяне клялись, что это ихъ царь. Изъ Москвы получались ободряющія письма. Новые рекруты прибыли изъ внутреннихъ губерній Россіи. Донскіе казаки прислали двухъ атамановъ съ предложеніемъ царевичу своихъ услугъ. Польскіе вельможи съ восторгомъ принимали его въ своихъ домахъ, а когда онъ появлялся на улицѣ, то народъ толпами сбѣгался посмотрѣть на него.

При такихъ условіяхъ и при открытомъ покровительствѣ Мнишка названный Димитрій быстро завоевалъ въ свою пользу общественное мнѣніе Кракова. Тогда Мнишекъ нашелъ своевременнымъ познакомить польское общество и самозванца другъ съ другомъ. Около 13-го марта онъ устроилъ парадный обѣдъ, пригласилъ къ нему сенаторовъ и самыхъ знатныхъ и вліятельныхъ при дворѣ лицъ и папскаго нунція Рангони. Рангони сидѣлъ въ одной залѣ съ Лжедимитріемъ, хотя и за разными столами. Онъ хорошо разсмотрѣлъ таинственнаго незнакомца и такъ описалъ его наружность въ письмѣ къ папѣ: „Димитрій молодой чело-

вѣкъ, съ хорошими манерами, смуглымъ лицомъ, съ очень большой бородавкой на носу, противъ праваго глаза; бѣлая продолговатая кисть руки указываетъ на его высокое происхожденіе; онъ говоритъ смѣло; въ его походкѣ и манерахъ есть въ самомъ дѣлѣ что-то величественное". Позднѣе Рангони къ этому описанію прибавилъ другія подробности: „Димитрію на видъ двадцать четыре года, у него нѣтъ бороды, онъ одаренъ чрезвычайно живымъ умомъ, весьма краснорѣчивъ, держится безупречно, склоненъ къ занятію науками, необычайно скроменъ и сдержанъ".

Вскорѣ же послѣ парадпаго обѣда, 15-го марта, покровители самозванца добились самаго важнаго: онъ былъ принятъ королемъ Сигизмундомъ въ особой аудіенціи. На ней присутствовали только четыре высшихъ сановника: вицеканцлеръ, надворный маршалъ, королевскій секретарь, виленскій епископъ Войка и папскій нунцій Рангони. Мнишекъ сопровождалъ своего будущаго зятя во дворецъ, но во время аудіенціи оставался въ передней комнатѣ. Король съ горделивою осанкою, имѣя шляпу на головѣ, стоялъ, опершись одною рукой на маленькій столикъ, а другую протянулъ вошедшему Лжедимитрію. Лжедимитрій смиренно поцѣловалъ ее, а затѣмъ проговорилъ безсвязно нѣсколько словъ о своихъ правахъ на московскій престолъ и о своемъ спасеніи отъ козней Годунова. Оправясь отъ перваго смущенія, мнимый царевичъ произнесъ заранѣе приготовленную рѣчь. Въ видѣ вступленія онъ привелъ легенду, разсказанную Геродотомъ. Въ древности онѣмѣвшій сынъ Креза получилъ способность говорить, увидавъ во время осады Сардъ, что его отцу угрожалъ какой-то персъ. Сдѣлавъ чрезвычайное усиліе, юноша могъ произнести: „солдатъ, не убивай царя лидійскаго". Самозванецъ сравнивалъ себя съ этимъ принцемъ. И онъ, наложивъ на себя добровольно обѣтъ молчанія, безмолствовалъ долгое время, но, видя бѣдствіе страны и страданіе своего народа, видя оскверненный престолъ и узурпатора, смѣло захватившаго корону, онъ заговорилъ, чтобы просить о помощи, и рѣшилъ обратиться къ королю польскому. Онъ просилъ оказать ему великодушную помощь, какую другіе

принцы получали въ Краковѣ и которая согласуется съ традиціями польской націи. Онъ даже напомнилъ, какъ король самъ родился узникомъ во время заключенія его отца, Іоанна, гонимаго своимъ братомъ, королемъ шведскимъ Эрихомъ, и какъ много онъ претерпѣлъ въ своемъ дѣтствѣ. Затѣмъ полились звучныя слова о вѣчной благодарности, о надеждѣ на Бога, о выгодѣ для Польши и о пользѣ для всего христіанскаго міра.

Сигизмундъ далъ ему знакъ удалиться и послѣ этого нѣсколько времени совѣщался съ нунціемъ и вельможами. Намеки самозванца были прекрасно поняты, но еще не пришло время раскрывать ихъ смыслъ. Поэтому, когда мнимаго царевича позвали снова, вице-канцлеръ Петроконскій держалъ къ нему, отъ имени короля, такую рѣчь: король соизволилъ объявить, что вѣритъ словамъ просителя, признаетъ его истиннымъ царевичемъ Димитріемъ, намѣренъ назначить ему денежное вспоможеніе и разрѣшаетъ ему искать совѣта и помощи у королевскихъ дворянъ. Самозванецъ выслушалъ этотъ отвѣтъ въ почтительной позѣ, съ наклоненной головой и сложенными на груди руками.

Подѣйствовали ли на дерзкаго обманщика торжественность королевскаго пріема и сознаніе своего ничтожества, или онъ ожидалъ болѣе существенныхъ знаковъ вниманія, только самозванецъ пришелъ въ еще большее смущеніе, такъ что не сказалъ ни слова, и уже нунцій за него обратился къ королю съ выраженіемъ благодарности.

Въ концѣ аудіенціи король одарилъ мнимаго царевича драгоцѣнными матеріями и звонкою монетою. Димитрій получилъ золотую цѣпь съ медалью, на которой былъ изображенъ портретъ короля, ему была назначена пенсія въ четыре тысячи флориновъ изъ доходовъ самборскаго имѣнія, и Сигизмундъ принялъ на себя часть расходовъ по его пребыванію въ Краковѣ.

Благоволеніе короля къ Димитрію заявлено было открыто.

На этомъ пока закончилось это невиданное свиданіе. Въ Вавельскомъ замкѣ впервые происходила столь оригинальная сцена, говоритъ Пирлингъ: сомнительный потомокъ Рюрика просилъ поддержки у потомка Вазы; король польскій могъ возвратить Москвѣ ея истиннаго, непризнаннаго царя.

„Около 10-го марта, — разсказываетъ Велевицкій, — князь московскій Димитрій, за что его по крайней мѣрѣ почитали, просилъ у августѣйшаго короля аудіенціи, но не секретной, при которой никто не присутствуетъ, а такой, которая дается въ присутствіи немногихъ только лицъ; и онъ удостоился этой аудіенціи. Въ то время прибылъ въ Краковъ и Мнишекъ, воевода сендомирскій. Онъ взялъ его къ себѣ въ собственный дворецъ, покровительствовалъ, вводилъ у короля и старался познакомить съ разными лицами. Старанія воеводы не были тщетны: въ короткое время не только многія свѣтскія, но также и духовныя особы начали навѣщать и знакомиться съ Димитріемъ, который своею обходительностью снискалъ всеобщее къ себѣ расположеніе".

Спутникъ Отрепьева, Варлаамъ, не упускавшій изъ вида своего пріятеля и шедшій за нимъ по слѣдамъ, такъ разсказывалъ потомъ объ этой аудіенціи:

„И король его (Гришку) къ рукѣ звалъ, и онъ учалъ прельщати его, именуючи себя сущаго быти царевича Димитрія, присного сына благовѣрнаго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича, всея великія Россіи самодержца. И самъ онъ, Гришка, учалъ плакати и королю говорити.

„— Слыхалъ ли еси про московскаго великаго князя Ивана Васильевича, всея Россіи самодержца, коль былъ великъ и грозенъ, во многихъ ордахъ былъ славенъ? А я сынъ его присный, князь Димитрій Ивановичъ. И какъ судомъ Божіимъ отца нашего на Россійскомъ государствѣ не стало, а остался на Московскомъ государствѣ царемъ братъ нашъ Ѳеодоръ Ивановичъ всея Россіи, а меня измѣнники наши послали на Угличъ и присылали по многія времена многихъ воровъ и велѣли портити и убити. И Божіимъ произволеніемъ и Его крѣпкою десницею, покрывшаго насъ отъ ихъ злодѣйскихъ умысловъ, хотящихъ насъ злой смерти предати, и Богъ милосердый злокозненнаго ихъ помысла не восхотѣлъ исполнити, и меня невидимою силою укрылъ, и много лѣтъ въ судьбахъ своихъ сохранилъ, даже до лѣтъ возраста нашего. И нынѣ я, приспѣвъ въ мужество, и съ

Божіею помощію помышляю идти на престолъ прародителей своихъ, на Московское государство.

„И, говоря то, проливаетъ многія слезы.

„— А и то было тебѣ, милостивый королю, мочно разумѣти: какъ только твой холопъ тебя или брата твоего, или сына у тебя истязаетъ, да завладѣетъ твоимъ царствомъ, каково тебѣ въ тѣ поры будетъ? Разумѣй по сему, и мнѣ нынѣ каково есть.

„И ина многа ему говоря и сказуя".

Разсказавъ о пріѣзжихъ людяхъ изъ Московскаго государства, свидѣтельствовавшихъ королю объ Отрепьевѣ, что онъ истинный царевичъ, Варлаамъ сообщилъ и о себѣ:

„И я короля про того Гришку извѣщалъ, что онъ не царевичъ Димитрій, чернецъ онъ, Гришкою зовутъ, а прозвищемъ Отрепьевъ, а шелъ со мною съ Москвы вмѣстѣ. И король, и паны радные мнѣ не вѣрили и послали меня къ нему, Гришкѣ, въ Самборъ, и къ воеводѣ сендомирскому, пану Юрію Мнишку, и къ нимъ листъ о мнѣ писали. И какъ меня привезли въ Самборъ, и разстрига Гришка съ меня платье иноческое снялъ и повелѣлъ меня бити и мучить. Да разстрига же Гришка учалъ говорити и сказывати про насъ, про меня да про сына боярскаго Якова Пыхачева, будто мы посланы отъ царя Бориса для того, чтобы его убити. И того Якова Пыхачева тотъ разстрига и воевода сендомирскій велѣли смертію казнити, а онъ, Яковъ, и у казни называлъ его разстригою Гришкою Отрепьевымъ. А меня, бивъ и мучивъ, велѣлъ въ кандалы оковати и въ тюрьму вкинути... И держали меня въ Самборѣ пять мѣсяцевъ, и пана Юрія паньа да дочи Марина меня выкинули и свободу мнѣ дали"...

Эта аудіенція, хотя и не дала самозванцу открытой государственной помощи со стороны Польши, однако имѣла рѣшающее значеніе въ его судьбѣ. Онъ былъ признанъ царевичемъ, могъ теперь свободно вербовать себѣ сторонниковъ и готовить военную экспедицію.

Политика Сигизмунда въ этомъ случаѣ была двуличная и лукавая. Открыто передъ народомъ и передъ Борисомъ Году-

новымъ онъ игралъ роль строгаго блюстителя перемирія съ Москвою и интересовъ своей страны. Но втихомолку онъ творилъ совсѣмъ иное и благоволилъ къ названному Димитрію, заклятому врагу Бориса, только и помышлявшему о войнѣ съ нимъ. Свое благоволеніе Сигизмундъ простиралъ такъ далеко, что не торопился созывать сеймъ, а рѣшилъ самостоятельно вступить съ Лжедимитріемъ въ секретные переговоры. Успѣху переговоровъ ничто не препятствовало, такъ какъ обѣщанія Димитрія далеко превосходили предъявленныя къ нему требованія. Взаимное соглашеніе ихъ было заключено на слѣдующихъ условіяхъ. Димитрій обязался тотчасъ по вступленіи на престолъ доставить королю войско для войны съ Швеціей. Въ случаѣ надобности онъ готовъ былъ самъ стать во главѣ арміи и учинить расправу въ Стокгольмѣ. Сверхъ того, онъ обязался не уступить, а возвратить литовцамъ Сѣверскую область, какъ собственность литовскаго народа. Эта уступка прошла бы мирно, не вызвавъ волненій, такъ какъ между Москвой и Польшей былъ бы заключенъ вѣчный миръ. Такимъ образомъ Сигизмундъ пріобрѣталъ союзника, цѣлую область и военную помощь, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла и не израсходовавъ ни гроша денегъ. Чего же ожидалъ отъ него Димитрій? Онъ просилъ, чтобы на одного изъ сенаторовъ была возложена обязанность оказывать ему содѣйствіе, чтобы ему не препятствовали въ выполненіи его плана и смотрѣли сквозь пальцы на дѣлаемыя имъ приготовленія; поднять казаковъ онъ желалъ самъ, польскіе добровольцы также откликнулись бы на его зовъ.

Такъ легко распоряжался самозванецъ не принадлежащимъ ему достояніемъ! По этому удивительному договору Польша получала все, даже больше, чѣмъ хотѣла, а Россія, ни въ чемъ неповинная, отдавала свое, оставалась всецѣло страдающею стороной и рисковала цѣликомъ попасть въ польскія руки. Какъ же польскому королю было не благоволить самозванцу!.. Но обязательства самозванца не ограничивались политическими и матеріальными уступками.

Было еще одно обстоятельство, важнѣйшее во всей само-

званической затѣѣ, которое прельщало польскаго короля и влекло Польшу на помощь самозванцу: это вѣроотступничество самого самозванца, принятіе имъ католичества и обѣщанія его истребить въ Россіи православіе и преклонить едва ли не весь востокъ къ подножію папскаго престола.

Царь-католикъ на престолѣ Іоанна Грознаго... Какое многообѣщающее будущее для Польши и Рима!..

XXI.

Измѣна православію.

Совращеніе самозванца въ католичество не представляло никакой трудности. Православный не могъ чувствовать себя хорошо среди поляковъ. Ему чего-то недоставало для того, чтобы слиться съ окружающею средой. Самозванецъ видѣлъ это и къ тому же отлично понималъ, что только подъ условіемъ совращенія онъ могъ разсчитывать въ Польшѣ на покровительство и помощь со стороны короля и всесильнаго духовенства. Покровители его не упускали изъ вида эту сторону дѣла и сознавали всю его важность. Поэтому онъ самъ шелъ навстрѣчу католическимъ убѣжденіямъ и, ни во что самъ не вѣруя серьезно, показывалъ видъ, что очень занятъ вопросомъ объ истинной церкви, что склоненъ признать таковою римскую, только его будто бы волнуютъ нѣкоторыя сомнѣнія, которыя онъ желалъ бы разсѣять.

Этотъ вопросъ свелъ названнаго Димитрія съ католическимъ духовенствомъ и самого его ввелъ въ сферу интересовъ Рима и поставилъ его орудіемъ римской политики по отношенію ко всему, а особенно православному, востоку. Всесильное католическое духовенство выступило тутъ на первый планъ, быть можетъ, даже свои интересы положило въ основаніе всего предпріятія и ради нихъ именно устроило все дѣло, и потому тогдашніе представители его въ Польшѣ

представляютъ выдающійся интересъ, а знакомство съ ними имѣетъ огромное значеніе для уясненія самого дѣла.

Кромѣ собственнаго расположенія, благодаря совмѣстнымъ усиліямъ Юрія Мнишка и бернардиновъ, самозванецъ пріѣхалъ изъ Самбóра уже достаточно подготовленнымъ къ переходу въ католичество. Все-таки самое дѣйствіе перехода совершилось именно въ Краковѣ. Здѣсь также нашлись пособники Мнишку въ этомъ направленіи. Вскорѣ послѣ пріѣзда самозванца въ Краковъ краковскій кардиналъ-епископъ Бернардъ Мацѣйовскій, двоюродный братъ Мнишка, прислалъ названному Димитрію книгу о соединеніи церквей. Смѣлѣе и рѣшительнѣе повелъ дѣло другой вліятельный сановникъ столицы, краковскій воевода Николай Зебжидовскій. Вскорѣ онъ сталъ во главѣ всего движенія, но и въ данномъ случаѣ, по словамъ нунція, именно ему суждено было принять на себя обязанности проповѣдника католицизма и повести дѣло быстро и на чистоту. Имѣя въ виду сдѣлать самозванца орудіемъ Польши, воевода сознавалъ необходимость тѣснѣйшаго сближенія его съ поляками. А такъ какъ этотъ взглядъ на дѣло совпадалъ со взглядомъ Мнишка, то оба воеводы рѣшили дѣйствовать сообща. Лжедимитрій болѣе чѣмъ оправдывалъ ихъ ожиданія. Въ порывѣ благочестія онъ далъ обѣтъ пойти пѣшкомъ, какъ усердный богомолецъ, въ Ченстоховъ, гдѣ былъ знаменитый польскій монастырь, и его руководителямъ пришлось силою заставить его отказаться отъ благочестиваго желанія, исполненіе котораго могло сильно повредить ему.

Весьма понятно, что если бы переходъ въ католичество былъ для Лжедимитрія душеспасительною мѣрою, то онъ совершился бы и скоро, и скромно, даже не потребовалось бы участія столькихъ лицъ, именитыхъ, сановныхъ, сильныхъ. Но въ томъ-то и дѣло, что этотъ переходъ былъ политическою мѣрою для Лжедимитрія и всѣхъ его сообщниковъ, которою обезпечивалось участіе въ его предпріятіи католической Польши, католическаго духовенства, самого папы. Этотъ переходъ былъ лишь залогомъ того, что самозванецъ исполнитъ свои обѣщанія, которыми онъ покупалъ

ихъ содѣйствіе и помощь: построитъ въ Москвѣ костелы, пуститъ туда ксендзовъ и іезуитовъ, а потомъ переведетъ въ католичество и всю Русь. Поэтому естественно, что въ этомъ переходѣ были заинтересованы самыя крупныя лица католическаго міра и прежде другихъ папскій представитель при польскомъ королѣ, нунцій Клавдій Рангони. Только онъ могъ быть посредникомъ между папою и Лжедимитріемъ, только его участіе обезпечивало самозванцу благословеніе папы, а за нимъ и помощь католическихъ державъ. Естественно, что самозванецъ и его покровители искали и добивались случая видѣться и договориться съ нимъ. Въ его рукахъ, въ извѣстномъ смыслѣ, былъ успѣхъ дѣла, и потому самозванецъ изъявлялъ ему свои признательныя чувства и стремился поскорѣе представиться ему.

Клавдій Рангони происходилъ изъ аристократической семьи и родился въ Моденѣ 26 сентября 1559 года. Высшее образованіе онъ получилъ въ Болоньѣ. Въ 1579 году, съ соизволенія своего государя, герцога Феррарскаго, двадцатилѣтній юноша уже представлялся на соисканіе докторской степени и въ томъ же году вступилъ на папскую службу въ Римѣ. Рангони ревностно исполнялъ свои обязанности и вскорѣ, въ самомъ началѣ 1593 года, получилъ выдающееся отличіе: папа Климентъ VIII назначилъ его епископомъ города Реджіо. Реджіо принадлежалъ Эстенскому герцогскому роду, знаменитому по любви къ искусствамъ и наукамъ. Тогдашній герцогъ Альфонсъ II пребывалъ обыкновенно въ своей феррарской столицѣ, окруженный поэтами, учеными и художниками, которыхъ привлекала туда также сестра герцога, прелестная Элеонора, съ памятью о которой неразлучно связывается безсмертное имя Торквато Тассо. Въ недалекомъ отъ Феррары Реджіо не было ни такого блеска, ни такого шума. Тамъ господствовали средневѣковые порядки, процвѣтало множество монастырей мужскихъ и женскихъ, народъ усердно стекался въ церкви по влеченію вѣры, восхищаясь пышными обрядами. Въ такой средѣ положеніе епископа было высоко уважаемо: ему предоставлялось княжеское достоинство, и при выхо-

дахъ передъ нимъ носили шлемъ и мечъ въ знакъ его полномочій.

Черезъ шесть лѣтъ, въ 1599 году, папа назначилъ Рангони нунціемъ въ Краковѣ. Мѣсто было завидное: при польскомъ дворѣ положеніе считалось блестящимъ, а по возвращеніи въ Римъ нунція ожидалъ кардинальскій пурпуръ, котораго, впрочемъ, Рангони не получилъ. Рангони предстояла дѣятельность обширная и важная. Кромѣ вопроса о турецкой войнѣ, надо было слѣдить за возраставшею католическою реакціей въ Польшѣ и поддерживать только что заключенную унію съ Римомъ. Надо было не упускать изъ вниманія и сношеній съ Москвою. На этотъ счетъ Рангони получилъ особую инструкцію 20 февраля 1599 года. Ему поручалось заботиться о вящемъ примиреніи поляковъ съ русскими. Его идеаломъ долженъ былъ быть союзъ Польши съ Москвою и единство вѣры на сѣверѣ Европы. Папа выражалъ желаніе, чтобы Рангони былъ принятъ въ посредники при переговорахъ между поляками и москвичами и чтобы инииціатива въ этомъ случаѣ исходила отъ Годунова. Это дало бы прекрасный случай сдѣлать пріятное Московскому царю и оказать взаимную услугу. Ведя переговоры, нунцій долженъ былъ предложить соорудить въ Москвѣ костелъ, въ которомъ богослуженіе совершали бы іезуиты. Этимъ Рангони добился бы завѣтнѣйшаго желанія папы, всегда отвергавшагося Москвою, дозволенія іезуитамъ имѣть постоянное пребываніе въ Москвѣ.

Лжедимитрій явился прекраснѣйшимъ средствомъ осуществить папскія желанія по отношенію къ Москвѣ. Не удивительно, что Рангони принялъ его подъ свое покровительство. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ остается тайной, съ какого времени началось это покровительство. 1 ноября 1603 г. Рангони услышалъ отъ короля о появленіи въ Польшѣ мнимаго Димитрія царевича. Но, разумѣется, это вовсе не значитъ, что нунцій послѣднимъ узналъ эту важнѣйшую для Рима новость, о которой говорило уже все польское общество. Въ таинственной исторіи самозванца это мѣсто еще тщательно прикрыто завѣсой, за которую могутъ проникнуть только вѣроятныя догадки.

Любопытно и знаменательно то обстоятельство, что Лжедимитрій былъ принятъ пунціемъ уже послѣ того, какъ былъ на аудіенціи у короля и получилъ его признаніе. До этого времени Рангони держалъ себя по отношенію къ самозванническому дѣлу какъ искуснѣйшій дипломатъ, что подтверждаетъ искуснѣйшій ученый іезуитъ Пирлингъ. Онъ не поощрялъ друзей Лжедимитрія и не обезкураживалъ его противниковъ. Все, что онъ говорилъ, было строго взвѣшено и обдумано, такъ что никто не могъ высказать противъ него какого-либо неудовольствія или въ чемъ-либо заподозрѣть его. Но зато въ депешахъ своихъ къ папѣ онъ давалъ волю своей откровенности и являлся преданнѣйшимъ сторонникомъ самозванца.

19-го марта Лжедимитрій торжественно посѣтилъ папскаго нунція уже какъ московскій царевичъ, явившись къ нему въ первый разъ, но уже съ парадными визитомъ. Толпы народа сбѣжались посмотрѣть на иноземнаго принца, къ тому же привлекавшаго всеобщее любопытство своею загадочною судьбой. Мнимый царевичъ благодарилъ нунція за его ходатайство передъ королемъ и просилъ ходатайства передъ римскимъ престоломъ, при чемъ папу называлъ „великимъ отцомъ, всесвѣтнымъ пастыремъ, защитникомъ угнетенныхъ“. Называя себя несчастнымъ изгнанникомъ, человѣкомъ непризнаннымъ, преслѣдуемымъ, онъ еще разъ разсказалъ нунцію свою исторію и просилъ, чтобы папа помолился и заступился за него предъ королемъ. „Польша,—такъ закончилъ онъ свою рѣчь,—ничего не потеряетъ, посадивъ меня на престолъ моихъ предковъ; мое вступленіе на престолъ будетъ сигналомъ крестоваго похода противъ турокъ“.

Рангони похвалилъ чувства самозванца и не преминулъ напомнить, что уже пора исполнить обѣщаніе и перейти въ лоно католической церкви. Димитрій не заставилъ долго убѣждать себя, и Рангони поручилъ окончательное совращеніе его въ католичество извѣстнымъ мастерамъ этого дѣла, іезуитамъ.

Въ этотъ же самый день, который былъ пятницей на третьей недѣлѣ Великаго поста, Димитрій, довольный своими

успѣхами у короля и нунція, явилъ несомнѣнное доказательство своего влеченія къ папизму и этимъ доставилъ огромное удовольствіе всѣмъ фанатичнымъ католикамъ. Въ этотъ день костелы были переполнены богомольцами. Ксендзы вездѣ проповѣдывали о покаяніи. Мнимый царевичъ и раньше посѣщалъ костелы и слушалъ проповѣди бернардиновъ и другихъ патеровъ. На этотъ разъ онъ пошелъ въ часовню Страстей Христовыхъ и здѣсь былъ пораженъ потрясающимъ зрѣлищемъ. Его привели въ эту часовню въ тотъ моментъ, когда совершался обрядъ покаянія. Одинъ монахъ съ лицомъ аскета взошелъ на каѳедру и обратился къ собравшимся съ пламенной рѣчью. По данному сигналу свѣчи были потушены, присутствовавшіе вооружились плетьми, обнажили плечи и стали бичевать себя подъ мрачные звуки „Miserere". За этой сценой страшнаго суда слѣдовалъ символъ побѣды: радостный гимнъ, ликующіе звуки музыки, множество зажженныхъ свѣчей и шествіе со святыми дарами. Стеченіе народа было огромное; всѣ знали, что въ церковь пріѣдетъ Лжедимитрій, и всѣ хотѣли видѣть его. Серьезный, сосредоточенный, онъ безупречно держался среди бичевавшейся толпы. Онъ шелъ за процессіей со свѣчой въ рукѣ и преклонилъ голову до земли въ тотъ моментъ, когда были подняты дары для благословенія народа. Всѣ были тронуты его благочестіемъ.

Больше сомнѣній не оставалось, и іезуиты приступили къ дѣлу. Помаскій познакомилъ съ ними самозванца. 31-го марта къ нему явился іезуитъ Каспаръ Савицкій, ученый проповѣдникъ и духовникъ, бывшій въ то время настоятелемъ костела святой Варвары. Хотя до появленія Лжедимитрія онъ ничѣмъ особеннымъ себя не заявилъ, однако въ Краковскомъ обществѣ онъ занималъ почетное мѣсто. Родомъ изъ Вильны, окончивъ свое образованіе въ Польшѣ и достигнувъ 24-хлѣтняго возраста, онъ вступилъ въ орденъ въ Римѣ 16-го сентября 1576 года. По возвращеніи на родину ему пришлось завѣдывать то учебной, то административной, то духовной частью въ разныхъ домахъ въ Ярославлѣ, Вильнѣ, Калишѣ, Краковѣ. О немъ отзывались, какъ о че-

ловѣкѣ даровитомъ, опытномъ, находчивомъ въ совѣтахъ и искусномъ проповѣдникѣ. Притомъ онъ не пренебрегалъ и письменными занятіями и послѣ себя оставилъ мелкія сочиненія аскетическія и полемическія. Когда онъ былъ настоятелемъ костела святой Варвары, то подъ его руководствомъ находилось братство Милосердія, въ которомъ было много членовъ изъ знати. Отсюда его связи при дворѣ и знакомства съ панами. На его то долю и выпало самое раннее знакомство со Лжедимитріемъ.

Когда іезуитъ пришелъ къ нему, то оба они хорошо знали цѣль своего свиданія, и тѣмъ не менѣе оба были крайне смущены, и ихъ бесѣда ограничилась обмѣномъ взаимныхъ любезностей. За первымъ послѣдовало второе свиданіе, при которомъ Савицкій проронилъ нѣсколько словъ о разъединеніи церквей. Самозванецъ какъ будто этого только и ждалъ: терзаемый сомнѣніями, неспокойный духомъ, онъ хотѣлъ подвергнуть эти важные вопросы основательному обсужденію. На помощь въ этомъ случаѣ пришелъ Зебжидовскій, и рѣшено было устроить духовную бесѣду. Чтобы не возбудить подозрѣній тѣхъ русскихъ людей, которые уже пристали къ Лжедимитрію и слѣдили за каждымъ его шагомъ, свиданіе состоялось въ домѣ Зебжидовскаго и обставлено было величайшею тайною.

7-го апрѣля Лжедимитрій отправился къ Зебжидовскому и, по мѣстному обычаю, оставивъ свою свиту у дверей дома воеводы, одинъ вошелъ въ кабинетъ хозяина, гдѣ его уже ожидали два іезуита, Савицкій и Гродзицкій, введенные туда чрезъ потайную дверь. Привѣтливый хозяинъ радушно встрѣтилъ гостей и, какъ руководитель самозванца, не преминулъ дать совѣтъ ему: говорить смѣло, строго обдумавъ отвѣты; свобода дѣйствій, говорилъ онъ, останется за нимъ, но тѣмъ лучше, если всѣ сомнѣнія его разсѣятся. Лжедимитрій поблагодарилъ и приступилъ къ дѣлу. Іезуиты не мало удивлены были, увидѣвъ изъ разговора, что прозелитъ обладалъ догматическими познаніями, въ значительной степени былъ напитанъ аріанскою ересью и выказалъ замѣчательное умѣнье въ выборѣ доводовъ, которыми онъ возражалъ іезуитамъ. Выдвинуты были основные пункты разногласія католиковъ

съ православными. Прежде всего обсуждался вопросъ о Filioque. Лжедимитрій просилъ объяснить ему католическое ученіе объ исхожденіи Святаго Духа. Затѣмъ перешли къ вопросу о причащеніи подъ однимъ видомъ и подъ конецъ бесѣды долго остановились на вопросѣ о непогрѣшимости папы, какъ единственнаго главы церкви. Лжедимитрій ясно излагалъ свои мысли, умѣло отстаивалъ ихъ, не стыдился признать себя побѣжденнымъ, или же умолкалъ и глубоко задумывался. Іезуиты дали ему двѣ книги: „Разсужденіе о папской власти" и „Толкователь спорныхъ пунктовъ Восточной церкви", а Лжедимитрій выразилъ желаніе возобновить бесѣду съ іезуитами и не скрылъ своего предпочтенія къ Савицкому: опредѣленные и ясные отвѣты Савицкаго нравились ему лучше ученыхъ разсужденій Гродзицкаго.

Трудно понять, зачѣмъ и для кого нужны были эти богословскія пренія. Во всякомъ случаѣ они нужны были совсѣмъ не для Лжедимитрія. Въ минуты откровенности онъ заранѣе соглашался, что будетъ побѣжденъ. Каждое воскресенье онъ тайно бывалъ въ дворцовомъ костелѣ, гдѣ послѣ мессы встрѣчались дипломаты и великосвѣтскіе люди. Это былъ прекрасный случай поговорить съ нунціемъ тайно отъ русскихъ людей.

Уже 4-го апрѣля, за три дня до первой бесѣды своей съ іезуитами, онъ совѣтовался съ Рангони относительно пасхальной исповѣди. Такая чрезмѣрная ревность не показалась подозрительной нунцію: онъ лишь посовѣтовалъ обратиться за разъясненіемъ религіозныхъ вопросовъ къ іезуитамъ.

При такомъ настроеніи самозванца религіозныя бесѣды могли повторяться еще и еще, безъ цѣли, безъ видимыхъ результатовъ, не вызванныя дѣйствительными основаніями. Самозванецъ интересовался политическими вопросами и о нихъ старался вести разговоры съ нунціемъ, но... нунцій былъ къ нему, очевидно, снисходителенъ.

Вторая религіозная бесѣда послѣдовала 15-го апрѣля, въ Великій четвергъ на Страстной недѣлѣ, въ монастырѣ бернардиновъ, но дальше дѣло тянуть уже не было возможности, такъ какъ черезъ нѣсколько дней наступала Пасха,

когда самозванецъ рѣшилъ уже причаститься изъ рукъ нунція. Онъ вѣжливо сложилъ оружіе и выразилъ желаніе свое причаститься. Такимъ образомъ всталъ вопросъ объ отреченіи его отъ православной вѣры и о принятіи его въ лоно католической церкви. Къ сожалѣнію, для исторіи остается еще секретомъ самый чинъ церковный, которымъ іезуиты перевели самозванца изъ православія въ католичество. Но онъ несомнѣнно былъ, и несомнѣнно самозванецъ проклялъ свою родную и послѣднюю святыню, остававшуюся еще въ его совѣсти, православную вѣру.

Подробности отреченія обсуждались 16-го апрѣля въ особомъ собраніи іезуитовъ, на которомъ присутствовали, между прочими іезуитами, знаменитый проповѣдникъ Петръ Скарга и духовникъ короля Сигизмунда Фридрихъ Барщъ. Но, повидимому, собраніе больше всего занималось изобрѣтеніемъ средства, чтобы сохранить въ строжайшей тайнѣ вѣроотступничество самозванца, такъ какъ всѣ отлично знали, что противъ вѣроотступника вся Россія встанетъ какъ одинъ человѣкъ и что вѣроотступникъ не только не пріобрѣтетъ себѣ престола, но и наживетъ себѣ смертельныхъ враговъ во всѣхъ русскихъ людяхъ. Необходимо было, чтобы никто не узналъ объ отреченіи. Но какъ этого достигнуть? Къ стыду іезуитовъ, не они нашли къ этому средство, а не менѣе ихъ фанатичный краковскій воевода Зебжидовскій. Вотъ что придумалъ онъ, и вотъ какъ Пирлингъ описываетъ начальный моментъ отреченія отъ православія, исповѣдь самозванца у іезуита.

По случаю Страстной недѣли городъ былъ погруженъ въ молитву и добрыя дѣла. Братья духовнаго ордена Милосердія ходили по улицамъ отъ двери къ двери, какъ привидѣнія, закутанные въ черныя рясы со спущенными на лицо капюшонами, и собирали милостыню въ пользу бѣдныхъ. Это братство, основанное Петромъ Скаргой по образцу такого же италіанскаго духовнаго ордена, пополнялось лицами изъ высшаго общества. Къ этому братству принадлежалъ и воевода. Отправляясь собирать деньги въ пользу бѣдныхъ, онъ предложилъ самозванцу сопровождать его. Монашеская оде-

жда, говорилъ онъ, скроетъ ихъ обоихъ отъ любопытныхъ взоровъ, и ничто не стѣснитъ свободы ихъ дѣйствій. Эта іезуитская мысль и приведена была въ исполненіе на другой же день, 17-го апрѣля, въ Страстную субботу. Воевода и мнимый царевичъ протягивали руки прохожимъ, собирали милостыню въ замкѣ, у нунція, въ частныхъ домахъ, вошли въ костелъ святой Варвары и отправились къ іезуиту Савицкому. Самозванецъ избралъ его своимъ духовникомъ. Савицкій былъ предупрежденъ и ожидалъ кающагося во всеоружіи. Роль воеводы была окончена, онъ удалился на хоры въ костелѣ, и самозванецъ остался съ ксендзомъ съ глаза на глазъ.

Приближалась минута страшнаго испытанія. Въ кельѣ іезуита готовилась разыграться безпримѣрная сцена. Лжедимитрій собирался открыть Савицкому сокровенные свои помыслы, предать забвенію прошлое, обновившись причащеніемъ Святыхъ Таинъ. Но онъ долженъ былъ отвѣчать за свои поступки. Если онъ присваивалъ себѣ ложное званіе, то онъ былъ самый преступный искатель приключеній, не заслуживающій сожалѣнія и недоступный раскаянію. Савицкому было извѣстно все то, что говорилось о немъ въ городѣ, и онъ хотѣлъ выяснить этотъ вопросъ прежде, нежели приступить къ исповѣди. Когда таинственный грѣшникъ заявилъ о своемъ желаніи исповѣдаться, то Савицкій попросилъ его собраться съ мыслями и терпѣливо выслушать слова духовнаго отца. Сказавъ нѣсколько словъ въ его похвалу, онъ пошелъ прямо къ цѣли и сказалъ повелительнымъ тономъ, что долгъ повелѣваетъ Димитрію быть вполнѣ чистосердечнымъ и откровеннымъ; лишь въ такомъ случаѣ онъ можетъ разсчитывать на помощь Божію, говорилъ іезуитъ, а безъ нея человѣкъ идетъ къ погибели. Самозванецъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять тайнаго смысла сказаннаго іезуитомъ. Суровыя, неумолимыя слова духовника проникли до глубины его души. Видимо, онъ былъ ими глубоко смущенъ, но скоро овладѣлъ собою и, сказавъ, что онъ уповаетъ на чудесную помощь Провидѣнія, заявилъ предъ Богомъ и предъ духовникомъ, что все сказанное имъ есть истинная правда. Это было равно-

сильно клятвѣ. Савицкій былъ обезоруженъ, онъ выслушалъ отреченіе Лжедимитрія и его исповѣдь, тайна которой извѣстна одному Богу.

На другой день, въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, когда весь христіанскій міръ спѣшитъ въ храмы, новый католикъ не могъ показаться въ костелѣ и просидѣлъ дома. Онъ охотно присутствовалъ бы при богослуженіи, но осторожность повелѣвала ему дѣйствовать осмотрительно. Какъ же могъ онъ не раздѣлить со всѣми русскими людьми тоску пребыванія на чужбинѣ въ такой великій день безъ службы, безъ храма?!.. И это на другой же день по принятіи католичества! Лицемѣріе, достойное питомца іезуитовъ!..

Вынужденный остаться дома, онъ просидѣлъ не сложа руки. Свое свободное время онъ употребилъ на написаніе при помощи іезуита Савицкаго письма къ папѣ Клименту VIII. Письмо это помѣчено 24-мъ числомъ апрѣля, но написано оно на шесть дней раньше. Этотъ драгоцѣнный листокъ бумаги, собственноручно исписанный самозванцемъ, заключающій въ себѣ свѣдѣнія первостепенной важности, почти три вѣка пролежалъ забытый въ архивахъ Ватикана и лишь въ самое послѣднее время, въ 1898 году, извлеченъ на свѣтъ іезуитомъ Пирлингомъ. Между тѣмъ значеніе его чрезвычайно важно. Папа къ первому извѣстію о Лжедимитріи отнесся весьма недовѣрчиво. Претенденты на чужіе престолы заставляли дѣйствовать осторожно. Депеши Рангони не поколебали папскаго спокойствія. Тогда самозванецъ самъ вступилъ въ личныя сношенія съ папою, и письмо его было для папы письменнымъ отреченіемъ отъ православія и формальнымъ актомъ присоединенія къ католичеству. Засвидѣтельствовавъ все это, самозванецъ просилъ помощи у папы и, конечно, не за даромъ, а за цѣну: за присоединеніе къ папизму „великихъ народовъ“. И это было письменнымъ обязательствомъ самозванца передъ папскимъ престоломъ и передо всѣми его руководителями и старателями за него. Самозванецъ писалъ папѣ буквально слѣдующія строки:

„Святѣйшій и благословенный во Христѣ отецъ!

„Высокопреподобный посолъ вашего святѣйшества при на-

свѣтлѣйшемъ польскомъ королѣ, которому я довѣрилъ всѣ свои приключенія, извѣстить ваше святѣйшество о томъ, кто есть тотъ, который дерзаетъ писать вашему святѣйшеству. Убѣгая отъ тирана и спасаясь отъ смерти, отъ которой Господь Богъ чуднымъ Своимъ Промысломъ предохранилъ меня въ дѣтствѣ, я пребывалъ сперва нѣкоторое время въ самомъ Московскомъ государствѣ, среди монаховъ, потомъ въ предѣлахъ польскихъ, неузнанный и скрывающійся. Пришло время, когда я долженъ былъ открыться, и, призванный къ наисвѣтлѣйшему королю польскому, я, познавъ католическое богослуженіе святой римской церкви, нашелъ, по милости Божіей, вѣчное и лучшее царство, чѣмъ то, которое у меня похитили. Ибо, заботясь о душѣ своей, я созналь, до какой степени и въ какомъ опасномъ отщепенствѣ, и въ какой схизмѣ греческой внѣ церковнаго единенія находится все Московское царство, и какъ ложно толкуютъ греки незапятнанный и древній догматъ вѣры христіанской и апостольской римской церкви, и тогда я, по незаслуженной милости Божіей, возсоединился сердцемъ съ этимъ догматомъ и единствомъ католической церкви, и, укрѣпленный церковными таинствами, я сталъ ничтожнѣйшею овечкою вашего святѣйшества, наивысшаго пастыря всего христіанскаго міра. Хотя я долженъ скрываться въ ожиданіи, что сотворитъ со мною Господь Богъ, спасшій меня отъ такого злого рока; я надѣюсь, что Онъ возведетъ меня на прародительскій и древній тронъ, принадлежащій мнѣ и по крови царей московскихъ, если такова Его Божья воля, которой я вполнѣ подчиняюсь. Если же не такова Его святая воля и Его намѣреніе, я и тѣмъ уже доволенъ, что позналъ католическую истину и вошелъ въ спасительное единеніе съ церковью Божіей, которое приведетъ меня въ вѣчное царство. Откроетъ ли Господь Богъ мнѣ путь къ столицѣ, составляющей мое наслѣдіе, воззритъ ли на правоту мою и на мое приниженіе, я покорно прошу не лишать меня вашего, отецъ всѣхъ овецъ Христовыхъ, попеченія и помощи. Господь Богъ чрезъ меня негоднаго можетъ распространить свою славу обращеніемъ заблудшихъ душъ и

присоединеніемъ къ церкви своей великихъ народовъ. Кто знаетъ, зачѣмъ Господь Богъ меня такъ охранялъ и привлекъ, и привязалъ къ своей церкви? Цѣлуя ноги вашего святѣйшества, какъ бы самаго Христа, съ покорнымъ и низкимъ поклономъ приношу вашему святѣйшеству, какъ высочайшему пастырю и отцу всего христіанскаго міра, свое послушаніе и подчиненность. Дѣлаю это тайно и, ради важныхъ причинъ, покорно прошу ваше святѣйшество о сохраненіи этого въ тайнѣ. Данъ въ Краковѣ 24-го апрѣля 1604 года.

„Вашего святѣйшества нижайшій слуга
Димитрій Ивановичъ, царевичъ великой Россіи и наслѣдникъ владѣній московской монархіи“.

Этотъ актъ былъ уже письменнымъ обязательствомъ совратить Россію въ латинство и письменнымъ подтвержденіемъ тѣхъ многократныхъ обѣщаній на этотъ счетъ, которыя давались нунцію Рангони. Въ Вавельскомъ замкѣ произнесено было ненавистное въ Россіи и пріятное въ Римѣ слово: „унія церквей“. Лжедимитрій, искусный ораторъ, набросалъ передъ нунціемъ плѣнительную картину будущаго. Его рѣчь была растворена знаніемъ дѣла, убѣжденіемъ, предусмотрительностью. Греки, по его мнѣнію, не заслуживали вниманія. Онъ называлъ ихъ невѣжественными и считалъ безвредными. Другое дѣло русскіе. Но ихъ можно подчинить, дѣйствуя ловко и умѣло. Онъ льстилъ себя надеждою, что сумѣетъ сдержать ихъ сильною рукою, и сравнивалъ ихъ со скаковою лошадью, съ которой хорошій наѣздникъ дѣлаетъ все, что хочетъ. Переходя отъ обратныхъ сравненій къ дѣйствительности, онъ высказалъ намѣреніе устроить богословскій споръ между русскимъ и католическимъ духовенствомъ. Опытные борцы западной церкви, конечно, одержатъ верхъ въ этомъ спорѣ, а онъ, какъ безпристрастный судья, удостовѣритъ ихъ побѣду и склонитъ побѣжденныхъ къ уніи, подъ которою католики всегда разумѣли подчиненіе Риму. Онъ ставилъ для соединенія церквей только одно условіе: сохраненіе патріаршей власти въ Москвѣ, по край-

ней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока турки будутъ владѣть Константинополемъ и пока не состоится крестовый походъ противъ ислама. Этотъ іерархическій вопросъ былъ вопросомъ чести, въ которомъ онъ не могъ сдѣлать уступки. Такова цѣна, которую самозванецъ поставилъ Риму за помощь въ дѣлѣ захвата престола Россіи. Рангони вѣрилъ и въ то, и въ другое: и въ успѣхъ самозванца, и въ подчиненіе Россіи папѣ. Его воображенію уже рисовались обольстительныя картины: царь, павшій ницъ передъ папою, великій народъ, обращенный въ римскую вѣру, покорное посольство, прибывшее изъ Кремля въ Ватиканъ.

Теперь самозванецъ письменно передъ самимъ папой обязывался исполнить свои обѣщанія.

24-го апрѣля назначено было причащеніе Лжедимитрія нунціемъ. Онъ явился къ нунцію подъ предлогомъ проститься съ нимъ. Русскіе люди, окружавшіе его, и не подозрѣвали о дѣйствительной цѣли его посѣщенія. Въ глубинѣ квартиры приготовленъ былъ престолъ, скрытый отъ любопытныхъ взоровъ. Тутъ собрались только самые близкіе люди: хозяинъ дома со своими двумя капелланами, воевода Мнишекъ, іезуитъ Савицкій и самозванецъ. Самозванецъ пожелалъ еще разъ исповѣдаться, отслушалъ мессу, торжественно совершенную нунціемъ, и причастился. Чтобы утвердить его въ папизмѣ, Рангони мѵропомазалъ его, слегка ударилъ по щекѣ и возложилъ руки на его голову.

И нунцій, и самозванецъ были въ восторгѣ. Нунцій подарилъ новообращенному восковое позолоченное изображеніе Агнца и 25 венгерскихъ золотыхъ. Самозванецъ выражалъ радость о познаніи истины всесвѣтнаго пастыря, жаждалъ излить свою благодарность Богу и, павъ на колѣна передъ Рангони, клялся ему въ преданности къ папѣ, въ покорности святому престолу и далъ снова обѣщаніе ввести унію среди православныхъ и окрестить въ латинство всѣхъ язычниковъ и магометанъ, если ему удастся когда-нибудь возсѣсть на московскомъ престолѣ. Онъ призывалъ небо въ свидѣтели своей искренности, отрицалъ въ своихъ поступкахъ малѣйшій расчетъ и хитрость и, не имѣя возможности

облобызать ногу папы, хотѣлъ оказать эту честь его представителю. Онъ уже преклонилъ колѣна, но Рангони не допустилъ мнимаго царевича до такого униженія, а поспѣшилъ его поднять и заключить въ свои объятія. Наконецъ самозванецъ вручилъ нунцію письмо къ папѣ Клименту VIII, написанное имъ въ первый день Пасхи; при письмѣ приложенъ былъ латинскій переводъ его, сдѣланный іезуитомъ Савицкимъ. Оно было написано самимъ самозванцемъ, собственноручно съ начала до конца, на польскомъ языкѣ. Къ письму приложена была печать съ изображеніемъ русскаго орла и Георгія Побѣдоносца. Вокругъ герба сдѣлана надпись на русскомъ языкѣ: „Димитрій Ивановичъ, милостію Божіею царевичъ". Вручая письмо, самозванецъ извинялся за погрѣшности въ слогѣ и за почеркъ, который, по его словамъ, „не особенно красивъ".

Въ наружномъ рвеніи къ католической церкви самозванецъ пошелъ еще дальше. Онъ выразилъ нунцію свое якобы тяжкое недоумѣніе по слѣдующему поводу. По существующему въ Москвѣ обычаю, новый царь послѣ коронованія принимаетъ причастіе изъ рукъ патріарха; какъ ему теперь поступить, принять ли таинство изъ рукъ схизматика? По такому важному вопросу Рангони отказался выразить собственное мнѣніе, а обѣщалъ донести о томъ въ Римъ, откуда впослѣдствіи получился отвѣтъ отрицательный. Зато онъ собственною властію разрѣшилъ ему по постамъ кушать скоромное, такъ какъ постное оказывалось вреднымъ для его драгоцѣннаго здоровья. Самозванецъ просилъ также назначить къ нему въ Москву священника изъ среды іезуитовъ, и нунцій сообщилъ о томъ ихъ польскому провинціалу. Также скоро было исполнено и желаніе самозванца получить списокъ (index) книгъ, запрещенныхъ католическою церковью. Вообще разставаніе было трогательное; съ той и другой стороны были выражены самыя теплыя чувства, пожеланія и надежды.

Въ тотъ же самый день, 24-го апрѣля, передъ визитомъ у нунція самозванецъ имѣлъ вторую, прощальную аудіенцію у короля, при чемъ получилъ отъ него разные подарки,

золотую цѣпь на шею съ медальоннымъ портретомъ Сигизмунда, куски шитой золотомъ и серебромъ парчи на платье и назначеніе ежегодной пенсіи въ 4.000 золотыхъ, съ обѣщаніемъ увеличить ее впослѣдствіи. Самозванецъ униженно благодарилъ за милости и въ тотъ же день обратно укатилъ въ Самборъ. Теперь онъ ѣхалъ уже всѣми признанный, торжествующій, съ единственной заботою поскорѣе исполнить свои намѣренія. Оставалось набрать войско и двинуться на Москву.

Такъ совершилось объявленіе и общее признаніе самозванца и его вѣроотступничество ради привлеченія на свою сторону поляковъ и іезуитовъ, дружными усиліями которыхъ онъ надѣялся добыть себѣ московскій престолъ.

XXII.

Участіе іезуитовъ.

Прекрасный разсказъ объ этомъ времени, объ этихъ дняхъ пребыванія самозванца въ Краковѣ, находится въ запискахъ іезуита Велевицкаго.

„Москвитянинъ Димитрій, — разсказываетъ онъ, — имѣлъ пріятеля въ отцѣ Францѣ Помаскомъ, священникѣ самборскомъ, съ которымъ, живя въ Самборѣ, онъ познакомился у воеводы Мнишка. Этотъ человѣкъ, зная нашъ орденъ, пришелъ къ членамъ его и предложилъ имъ завести знакомство съ Димитріемъ, обѣщая въ этомъ дѣлѣ свое содѣйствіе. Мы благодарили его за это, и члены нашего ордена, чтобы не упустить столь благопріятнаго случая, сами начали посѣщать Димитрія и предлагать ему свои услуги. Между нами первымъ былъ отецъ Каспаръ Савицкій, который пришелъ къ Димитрію въ послѣдній день этого мѣсяца, привѣтствовалъ его отъ имени нашего ордена и изложилъ ему догматы нашей вѣры. Димитрій, повидимому, остался этимъ доволенъ. Послѣ этого и послѣ второго

свиданія отецъ Савицкій началъ говорить о нѣкоторыхъ вещахъ, касающихся религіи, и съ большею уже надеждою на успѣхъ вмѣшивалъ въ разговоръ то, что могло отвратить Димитрія отъ схизмы грековъ, которой онъ былъ преданъ въ душѣ своей. Убѣжденный этими доводами, онъ началъ нѣсколько сомнѣваться касательно своей схизмы и просилъ особеннаго, нарочнаго разговора для рѣшенія важнѣйшихъ, по крайней мѣрѣ, сомнительныхъ пунктовъ. Сначала онъ совѣщался объ этомъ дѣлѣ съ членами нашего ордена, потомъ сообщилъ свое намѣреніе Николаю Жебжидовскому, воеводѣ краковскому, прося его содѣйствія въ этомъ обстоятельствѣ. Воевода горячо взялся за это дѣло и просилъ членовъ нашего ордена, чтобы они не отказали Димитрію въ разговорѣ касательно спорныхъ пунктовъ религіи, особенно тѣхъ, которые относятся къ греческой схизмѣ. Члены нашего ордена охотно предложили свои услуги и ожидали назначенія времени и мѣста для разговора. Но такъ какъ Димитрій хотѣлъ вести дѣло это секретно, и укрыть его отъ всѣхъ, особенно же отъ москвитянъ, которые стеклись уже къ нему въ большомъ количествѣ и безотлучно его окружали, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія, будто онъ измѣняетъ религіи праотцевъ, то поэтому воевода краковскій, Жебжидовскій, назначилъ и удобное мѣсто и извѣстное время для этого разговора, какъ мы увидимъ это подъ слѣдующимъ мѣсяцемъ.

„Религіозный разговоръ съ Димитріемъ происходилъ 7-го апрѣля слѣдующимъ образомъ: Димитрій имѣлъ обыкновеніе приходить иногда къ воеводѣ краковскому по дѣламъ. Въ такомъ случаѣ воевода, по обыкновенію вельможъ, оставляя свиту Димитрія въ пріемной залѣ, уходилъ съ нимъ въ одну изъ внутреннихъ компатъ, гдѣ разсуждали оба безъ свидѣтелей. Такъ было и въ этотъ день. Въ компату тайно были впущены двое изъ членовъ нашего ордена, именно отецъ Станиславъ Гродицкій и отецъ Каспаръ Савицкій. Когда они явились, воевода обратился къ Димитрію съ слѣдующими словами: „вотъ люди, которыхъ ты просилъ и съ которыми ты можешь разсуждать о твоихъ мнѣніяхъ касательно ре-

лигіи. Говори прямо и смѣло открой чувства души своей. Съ своей стороны услышишь то, что они будутъ возражать. Ежели они удовлетворятъ тебя, то ты не будешь имѣть причины раскаиваться въ своемъ намѣреніи. Ежели же они не убѣдятъ тебя, то и это еще не бѣда, и ты останешься при своихъ вѣрованіяхъ". Димитрій отвѣтствовалъ воеводѣ немногими словами, говоря, что разговоръ этотъ очень будетъ ему пріятенъ и что онъ не замедлитъ воспользоваться столь благопріятнымъ случаемъ, могущимъ доставить ему внутреннее спокойствіе. Потомъ, обратясь къ членамъ нашего ордена, началъ излагать передъ ними свои сомнѣнія, которыя касались двухъ главныхъ пунктовъ: исхожденія Св. Духа отъ Отца и Сына и совершенія таинства св. евхаристіи подъ однимъ или подъ обоими видами. Говорено много и пространно о томъ и о другомъ пунктѣ, и въ продолженіе разговора замѣчено, что Димитрій былъ преданъ не только схизмѣ, но также различнымъ ересямъ, въ особенности же ереси аріанской, которою старались заразить его аріане, пребывавшіе въ Россіи. Итакъ онъ приводилъ то, чему научился у еретика и у схизматиковъ, и довольно сильно возражалъ на эти доводы. Но когда наши отчетливо и ясно отвѣчали на каждый отдѣльный пунктъ, то онъ началъ умолкать, явно признавался, что онъ удовлетворенъ совершенно, и обѣщалъ, что онъ послѣ пространнѣе будетъ разсуждать съ нашими, въ особенности съ отцомъ Савицкимъ (ибо рѣчь отца Градицкаго казалась ему слишкомъ ученою, между тѣмъ какъ ему понравился разговоръ отца Савицкаго своею понятностью и ясностью), что онъ и сдѣлалъ, какъ увидимъ ниже. Черезъ два дня, т.-е. 9-го этого мѣсяца, отецъ Савицкій видѣлся съ преосвященнымъ нунціемъ папскимъ, Клавдіемъ Рангони, донесъ ему о всемъ содержаніи вышеупомянутаго разговора и долго совѣщался съ нимъ относительно Димитрія.

„Новый разговоръ, происходившій между Димитріемъ и отцами Савицкимъ и Влошкомъ, у монаховъ ордена бернардиновъ, 15 апрѣля, имѣлъ полный успѣхъ. Уже прежде склонный къ религіи католической, онъ болѣе и болѣе въ ней

утверждался и тогда уже былъ готовъ на все, какъ показалъ исходъ дѣла. Ибо когда приближался праздникъ Пасхи, онъ началъ думать о причащенiи Св. Таинъ, но былъ въ недоумѣнiи, принять ли ему это таинство отъ руки русскаго священника, или отъ руки священника католическаго. Послѣ совѣщанiя о Димитрiи, происходившаго 16-го этого мѣсяца, между отцами Станиславомъ Гродицкимъ, Петромъ Скаргою, Фридрихомъ Баршицкимъ и Савицкимъ, слѣдующiй день былъ назначенъ для выслушанiя религiознаго исповѣданiя Димитрiя. Димитрiй открылъ воеводѣ краковскому Жебжидовскому свое намѣренiе принять вѣру католическую. Услышавъ объ этомъ, воевода началъ уговаривать Димитрiя, чтобы по случаю приближающагося праздника Пасхи онъ выбралъ какого-нибудь духовника, предъ которымъ могъ бы очистить свою совѣсть. Нѣсколько подумавъ объ этомъ дѣлѣ, Димитрiй выбираетъ и назначаетъ своимъ духовникомъ отца Каспара Савицкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ воеводу употребить свое влiянiе, чтобъ Савицкiй удовлетворилъ его просьбу и доставилъ ему удобное время и мѣсто видѣться съ Савицкимъ безъ свидѣтелей. Воевода исполнилъ оба требованiя Димитрiя слѣдующимъ образомъ: настали два послѣднiе дня Страстной недѣли, въ которые нѣкоторые изъ самыхъ знаменитыхъ вельможъ, принадлежавшiе къ братству милосердiя, одѣвались въ рубище и собирали милостыни и приношенiя для своего братства. Воевода принялъ на себя эту обязанность любви и милосердiя и, пригласивъ къ себѣ Димитрiя одного, безъ свиты, легко убѣдилъ его сопутствовать ему. Итакъ сначала воевода самъ надѣлъ рубище, а потомъ надѣлъ такое же и на Димитрiя. Такимъ образомъ переодѣтые, они вышли въ городъ и, собиравъ нѣкоторое время милостыни, пошли къ церкви св. Варвары. Подождавъ нѣсколько времени предъ воротами, гдѣ они объявили себя за иноземцевъ, они были прямо проведены въ комнату отца Савицкаго, начальника коллегiи. Тамъ, сложивъ рубище, они объявили причину, для которой пришли. Воевода вышелъ на хоры церкви для слушанiя проповѣди, а Димитрiй остался одинъ съ Савиц-

кимъ и сказалъ, что и онъ съ своей стороны готовъ къ выслушанію исповѣди, но просилъ, чтобы Димитрій отдохнулъ и передъ исповѣдью выслушалъ отъ него нѣсколько словъ. Савицкій сдѣлалъ это потому, что отъ многихъ лицъ слышалъ, что сей Димитрій не есть истинный сынъ Ивана Васильевича, но самозванецъ. Когда сѣли и Савицкій и Димитрій, первый съ величайшимъ краснорѣчіемъ началъ выхвалять намѣреніе Димитрія и желать ему за то всякаго счастья, а потомъ съ всевозможною скромностью увѣщевалъ, чтобы онъ приступилъ къ столь важному и священному дѣйствію, надлежащимъ образомъ приготовившись, и чтобы онъ открылъ самые тайные помыслы души своей, чтобы онъ не думалъ о свѣтской суетѣ и мірскомъ величіи, чтобы не предавался тщетной надеждѣ, тѣмъ болѣе, что, стремясь къ столь высокой и трудно-достижимой цѣли, онъ нуждается въ особенной помощи всемогущаго Бога. Услышавъ эти слова Савицкаго, Димитрій нѣсколько смѣшался, но вскорѣ, собравшись съ духомъ, отвѣчалъ, что онъ охотно принимаетъ увѣщаніе Савицкаго. Касательно словъ Савицкаго о мірскомъ величіи онъ убѣдительно увѣрялъ, что въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ откровенно передъ Богомъ и передъ людьми и что въ надеждѣ на правоту своего дѣла онъ все ожидаетъ отъ Бога, Котораго промыслъ уже такъ часто помогалъ ему въ разныхъ обстоятельствахъ его жизни и проч. Послѣ этого отецъ Савицкій уже не медлилъ болѣе и сѣлъ на приготовленномъ для него мѣстѣ, чтобы слушать исповѣдь. Димитрій тотчасъ приступилъ къ нему и, упавъ на колѣна, началъ каяться въ грѣхахъ своихъ. Онъ отказался отъ схизмы, принялъ вѣру римско-католическую и, получивъ разрѣшеніе грѣховъ по правиламъ церкви, радостно оставилъ Савицкаго и опять надѣлъ то же самое рубище, въ которомъ онъ пришелъ къ нему. На хорахъ онъ нашелъ ожидавшаго его воеводу; оба опять отправились собирать милостыню, послѣ чего возвратились во дворецъ воеводы. Все это происходило 17-го апрѣля, въ страстную субботу по-полудни.

„Въ слѣдующій день наступило торжество Пасхи, при

которомъ Димитрій желалъ присутствовать. Но такъ какъ онъ не смѣлъ сдѣлать это публично, опасаясь прежде времени обнаружить свои дѣйствія передъ русскими, чуждавшимися религіи католической, а скрытно также невозможно было сдѣлать это, ибо ему трудно было отлучаться отъ своей свиты среди столь великаго торжества, то онъ цѣлый день не выходилъ изъ дому. Но чтобы не провести этого праздника въ совершенномъ бездѣйствіи, онъ приготовилъ письмо къ папѣ Клименту VIII, въ которомъ обѣщалъ подчинить и себя, и своихъ подданныхъ его духовной власти, ежели ему удастся овладѣть государствомъ московскимъ. Письмо это онъ вручилъ папскому нунцію черезъ нѣсколько дней, какъ увидимъ ниже. 20-го апрѣля отецъ Каспаръ Савицкій снова былъ приглашенъ къ Димитрію. Онъ разговаривалъ съ нимъ о различныхъ предметахъ, между прочимъ о томъ, какимъ образомъ и въ какое время Димитрій можетъ приступить къ таинству св. причастія и мѵропомазанія, прежде нежели оставитъ Краковъ. Это было сообщено папскому нунцію, который по совѣщаніи съ членами нашего ордена рѣшилъ, что Димитрію слѣдуетъ придти къ нунцію въ домъ подъ предлогомъ распрощаться съ нимъ (ибо онъ уже готовился оставить Краковъ), чтобы онъ тамъ могъ удовлетворить своему желанію, что и случилось, какъ мы тотчасъ увидимъ. Около того же времени, передъ выѣздомъ своимъ изъ Кракова, Димитрій откланялся августѣйшему королю, который принялъ его очень ласково и при прощаніи одарилъ его большою суммою денегъ, дорогою парчевою одеждою и, наконецъ, золотою цѣпью съ весьма искусно изъ золота вылитымъ изображеніемъ короля, которое, вися на груди, всегда должно было напоминать о монархѣ.

„Отъ августѣйшаго короля Димитрій, согласно прежде принятому намѣренію и какъ онъ уже условился, отправился 24-го апрѣля къ преосвященному нунцію папскому Клавдію Рангони, подъ предлогомъ проститься съ нимъ. Онъ былъ принятъ съ большою честію и отведенъ въ одну изъ внутреннихъ комнатъ дворца, сопровождаемый только воеводой сендомирскимъ и извѣстнымъ уже намъ отцомъ

Каспаромъ Савицкимъ. Войдя въ комнату, онъ увидѣлъ алтарь и все необходимое для совершенія таинства. Димитрій просилъ воеводу и нунція нѣсколько отойти и оставить его одного съ отцомъ Савицкимъ. Онъ повторилъ предъ нимъ свою исповѣдь и приготовился къ принятію св. причастія. Послѣ сего нунцій и воевода возвратились, и явились два человѣка для услуживанія нунцію, готовившемуся отправлять службу. Нунцій облачается и начинаетъ священнодѣйствіе. Онъ причащаетъ Димитрія св. таинъ и совершаетъ надъ нимъ таинство мѵропомазанія въ присутствіи двухъ упомянутыхъ капелановъ, воеводы и отца Савицкаго. Кромѣ ихъ, никто не видѣлъ и не зналъ того, что происходило. По совершеніи священнаго обряда алтарь былъ вынесенъ и Димитрій всталъ, а нунцій подарилъ ему восковое изображеніе священнаго агнца, оправленное въ золото, и 25 золотыхъ монетъ венгерскихъ. Димитрій благодарилъ его и при прощаніи вручилъ ему письмо къ папѣ, въ доказательство своего повиновенія римскому престолу. Къ этому письму онъ приложилъ печать свою, отдалъ его въ руки нунцію и просилъ его, чтобы онъ доставилъ оное его святѣйшеству въ возможной скорости. Письмо это было написано по-польски, а потомъ переведено на языкъ латинскій. Взявъ письмо, нунцій обѣщаетъ сдѣлать все, что въ его силахъ, обнимаетъ Димитрія и, благословивъ, отправляетъ его съ миромъ.

„На слѣдующій день, 25-го апрѣля, которое приходилось въ воскресенье, Димитрій изъ Кракова отправился въ Россію вмѣстѣ съ воеводою сендомирскимъ. Въ Самборѣ, гдѣ помянутый воевода былъ старостою, Димитрій простоялъ слишкомъ мѣсяцъ, частію чтобы опредѣлить условія своего брака съ Мариною, дочерью воеводы, частію ожидая войско, съ которымъ онъ хотѣлъ идти въ Москву".

Къ сожалѣнію, изъ русскихъ людей положительно никто не зналъ о всѣхъ этихъ іезуитскихъ козняхъ и о вѣроломствѣ и предательствѣ Лжедимитрія. Іезуиты и покровители самозванца такъ чисто обдѣлали всѣ дѣла, въ такой совершенной тайнѣ произвели совращеніе его въ латинство и

отобрали отъ него обѣщанія и обязательство совратить въ латинство и всю Россію, что даже свита самозванца ничего не знала о его вѣроотступничествѣ и даже ничего не подозрѣвала. Такъ скрытно и въ то же время такъ ловко іезуиты шли съ своей цѣли! До русскихъ людей доходили только какіе-то смутные слухи о дружбѣ Лжедимитрія съ латинянами, о пристрастіи его къ нимъ, о какихъ-то намѣреніяхъ завести папизмъ на Москвѣ, но фактъ вѣроотступничества Лжедимитрія и продажа Россіи папѣ и польскому королю остался совершенно неизвѣстнымъ современникамъ самозванца. Конечно, при иномъ условіи онъ не нашелъ бы ни одного союзника во всей православной Россіи. Іезуиты знали, чего бояться. И достигли успѣха невѣроятнаго. Даже книжные люди тогдашей Руси питались слухами и подозрѣніями, ничего не зная навѣрное.

„Онъ, зломысленный,—разсказываетъ о самозванцѣ одинъ лѣтописецъ,—обѣщалъ королю отдати россійскія области градъ Смоленскъ и прочіе Сѣверской страны грады всѣ, даже и до Можайска, да и вѣру съ нимъ едину вѣровати. Король же литовскій повелѣ называти вольныхъ людей изо мзды ему на помощь; а той, окаянный, посла въ Римъ къ папѣ и тамо именова себя сущаго царевича Димитрія, и повелѣ у него просити силы на помощь, чѣмъ доступити Россійскаго государства, и обѣщася римскому папѣ вѣровати ихъ римскую вѣру, именуючи ее правою вѣрою, а православную христіанскую вѣру попрати и церкви Божія разорити, и вмѣсто церквей костелы созидати. По обѣщанію же папа римскій даде ему отъ злата и отъ сребра, и отъ прочихъ множество имѣнія; а король литовскій собра ему довольно войскія силы, елико ему годѣ“.

Это самыя обширныя свѣдѣнія. Другіе современники не знали и этого. „Воста предтеча богоборнаго антихриста,—говоритъ авторъ „Плача о плѣненіи и о разореніи московскаго государства“,—сынъ тьмы, сродникъ погибели, отъ чина иноческаго и діаконскаго, и преже свѣтлый ангельскій чинъ поверже и отторгнувся отъ части христіанскія, яко Іуда отъ пречистаго ангельскаго лика, и избѣжавъ въ Польшу, и

тамо безчисленныхъ богомерзкихъ ересей скрижали сердца своего наполнилъ, и тьмообразную свою душу паки предая въ руцѣ сатанины и вмѣсто святыя христіанскія вѣры греческаго закона лютерскую треокаянную вѣру возлюбивъ, и безстуднѣ нарекъ себе царемъ Димитріемъ, присномпамятнаго царя Ивана сыномъ, глаголя, яко избѣглъ отъ рукъ убійственныхъ, и испросивъ помощь у литовскаго короля еже идти съ воинствомъ на великую Россію. Королю же польскому, и паномъ раду, и кардиналамъ, и арцыбискупамъ, и бискупамъ вельми о томъ радующимся, яко мечъ на кровь христіанскую воздвижеся... и вдаша сему окаянному въ помощь воинства литовскаго".

Но до многихъ и слухи не доходили, и они лишь подозрѣвали на основаніи безпутныхъ дѣйствій самозванца. „Вкупѣ,—говоритъ дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ,—обоего чина самоизвольнѣ совлечеся, священства, глаголю, и мнишества, съ сими же убо и обѣщанія святого крещенія отвержеся преокаянный, достовѣрными, паче же отъ дѣлъ его познано бысть. Весь сатана и антихристъ во плоти явлься, себя самого бѣсамъ жертву принесъ"!

Даже и Авраамій Палицынъ зналъ не больше, и могъ поставить самозванцу въ вину лишь то, что онъ „приложися ко вѣчнымъ врагамъ христіанскимъ, къ латынскимъ ученикамъ, и обѣщася неложно имъ съ записаніемъ, еже всю Россію привести къ стрыеви антихристову подъ благословеніе и непричащающихся мерзости запустѣнія, опрѣсночному хлѣбу, всѣхъ предати и смерти".

Князь Иванъ Михайловичъ Катыревъ Ростовскій тоже обратилъ безпокойный взоръ лишь на намѣренія самозванца: „помалу же той окаянный растрига восхотѣ православную и яко солнце сіяющую вѣру христіанскую попрати, и церкви греческія вѣры разорити, папежскую вѣру во царствующемъ градѣ утверждати".

Лишь въ „Сказаніи о Гришкѣ Отрепьевѣ" и въ „Сказаніи о царствѣ царя Ѳеодора Іоанновича" слышны болѣе близкіе къ правдѣ намеки. „Видѣвъ же себѣ честь,—говоритъ авторъ перваго Сказанія,—темный и лукавый и зло-

именитый Гришка Отрепьевъ отъ короля и отъ папиныхъ посланниковъ, и наипаче своимъ злымъ умышленіемъ возвысися, отъ православныя истинныя христіанскія вѣры отвержеся конечно, и обѣщается королю польскому Жигимонту и папѣ римскому, и бискупамъ, и кардиналамъ, и капланамъ, и всему ихъ еретическому собору, что быти ему въ ихъ люторской и въ папинѣ въ еретической вѣрѣ непоколебимому, и обѣтъ свой имъ даетъ, и рукописаніе, и глаголетъ: „Аще достигну прародителей своихъ престола Россійскаго государства, и какъ буду на Москвѣ, и я все Россійское государство приведу, и патріарха, и митрополитовъ, и архіепископовъ, и епископовъ, и всѣхъ христіанъ въ римскую вѣру и въ езовицкую, и сотворю всѣ воедино три земли“.

„Изучился,—говоритъ авторъ второго Сказанія,—тутъ живучи, польской и латынской грамотѣ, и бысть и досталь отступникъ православныя христіанскія вѣры, и принялъ римскую проклятую вѣру“.

Этимъ ограничивались всѣ свѣдѣнія русскихъ современниковъ самозванца о времени, проведенномъ самозванцемъ за рубежомъ Московскаго государства, и о жизни и дѣйствіяхъ его въ Польшѣ. Даже неразлучный спутникъ Лжедимитрія, Варлаамъ, ничего не зналъ, и ничего не слыхалъ о сношеніяхъ самозванца съ іезуитами и о переходѣ его въ латинство. Онъ бы не преминулъ въ укоризну самозванцу записать въ своемъ извѣтѣ такое крупнѣйшее событіе въ жизни Лжедимитрія и даже хотя бы неясные слухи о немъ. Онъ слышалъ и сообщилъ о сношеніяхъ его съ аріанами, о возможномъ расположеніи его къ лжеученіямъ, но не далъ и намека о вліяніи на него латинскаго духовенства, о сношеніяхъ съ іезуитами и о вѣроотступничествѣ. Одного этого обстоятельства было достаточно, чтобы въ корнѣ подорвать всю затѣю самозванца. Но, очевидно, эта затѣя была не въ плохихъ рукахъ.

Такъ сумѣли іезуиты схоронить всѣ концы и такъ вѣрно шли они къ главной цѣли самозванческой смуты.

XXIII.

Мнишекъ и Замойскій.

Обратный путь изъ Кракова въ Самборъ былъ для самозванца и Мнишка торжественнымъ шествіемъ. Изъ Самбора выѣхалъ съ Мнишкомъ человѣкъ сомнительнаго прошлаго, а въ Самборъ возвращался Димитрій, царевичъ московскій, всѣми признанный, всѣми такъ величаемый, или, какъ называлъ его Мнишекъ: „славнѣйшій и непобѣдимый Димитрій Ивановичъ, императоръ всея Россіи, князь углицкій, дмитровскій и городецкій, самодержецъ и наслѣдникъ всѣхъ земель, подвластныхъ Московскому царству“.

Съ этого момента начинается новая эпоха въ жизни Отрепьева. Передъ нимъ ясно обрисовалась цѣль его жизни, московскій престолъ. За нимъ было признаніе короля польскаго Сигизмунда III. Его поддерживало довѣріе къ нему и къ его будущему всѣхъ окружавшихъ его русскихъ и поляковъ. На его сторонѣ былъ папскій нунцій Рангони, а стало быть онъ въ правѣ былъ разсчитывать и на поддержку папы, а за папою, кто знаетъ? быть можетъ и всей католической Европы!.. Среди своихъ сторонниковъ и покровителей онъ считалъ именитыхъ сенаторовъ польскихъ, знатныхъ вельможъ, славныхъ полководцевъ, которые во всякое время готовы были нести къ ногамъ его свои услуги. Изъ Россіи его уже звали на отцовскій престолъ, обѣщали помощь всякаго рода и даже уже собирали полки, готовые каждую минуту сложить свои буйные головы въ борьбѣ за успѣхъ мнимаго царевича... Въ Самборѣ его ожидала плѣнительная Марина, обладаніе коей переходило теперь изъ области мечты въ область близкой дѣйствительности, вслѣдствіе признанія короля. И честолюбіе, и сердечная привязанность самозванца питались теперь радужными надеждами на близкую, блестящую будущность...

Трудно было не вскружиться монашеской головѣ діакона Григорія Отрепьева!... Но онъ имѣлъ спокойнаго и испытаннаго въ интригахъ руководителя, воеводу Юрія Мнишка, и

потому ходъ дѣла не могъ пострадать отъ молодости и впечатлительности самого самозванца. Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Самборъ Мнишекъ писалъ королю: „Всенижайше прошу ваше величество быть увѣреннымъ въ томъ, что я выполняю свои планы съ такою осторожностью, что меня никогда никоимъ образомъ нельзя заподозрить въ нарушеніи долга". Намекъ былъ ясенъ. Король не могъ открыто выступить на борьбу съ царемъ Борисомъ и на отнятіе у него престола для мнимаго царевича Димитрія. Надо было пользоваться только его благосклонностью и разрѣшеніемъ Мнишку за свой рискъ и страхъ стать во главѣ предпріятія. Но Мнишекъ не долженъ былъ отнюдь выдавать своего короля и въ случаѣ неудачи на одного себя принять всю отвѣтственность. Конечно, король зналъ, кого выбиралъ въ руководители самозванцу: на Мнишка можно было положиться.

Тѣмъ болѣе нужна была осторожность, что далеко не всѣ сенаторы одобряли дѣйствія Мнишка и сочувствовали самозванцу. Разумѣется, важно было не ихъ несочувствіе, а то, что они могли каждую минуту разстроить весь планъ. Въ особенности самозванецъ и Мнишекъ боялись коронннаго канцлера и гетмана Яна Замойскаго. Его нельзя было ни уговорить, ни купить. А между тѣмъ его содѣйствіе было бы въ высшей степени полезно. Приняты были всѣ мѣры, чтобы привлечь его на сторону самозванца. Особенно старался Мнишекъ. И личными просьбами, и письмами онъ положительно осаждалъ престарѣлаго канцлера. Такъ, еще будучи въ Краковѣ, Мнишекъ писалъ ему:

„Ясновельможный!

„Въ то время, какъ зять мой, его милость князь Вишневецкій, ѣхалъ къ его величеству королю съ тѣмъ человѣкомъ, который назвалъ себя истиннымъ наслѣдникомъ Московскаго государства, нужно было и мнѣ, по собственнымъ дѣламъ, отправиться къ его величеству королю. Потомъ случилось такъ, что, отъѣзжая изъ Кракова, онъ оставилъ его при мнѣ. Съ чѣмъ въ то время отправленъ былъ этотъ человѣкъ, я не сомнѣваюсь, что ваша милость, мой милостивый государь, имѣете объ этомъ достаточныя свѣдѣнія. Я вижу, что

хотя онъ и доволенъ милостію, оказанной ему его величествомъ королемъ, но, видя медленное теченіе своихъ дѣлъ, онъ находится въ унынiи. А такъ какъ онъ посылаетъ къ вашей милости своего посланца, то я нашелъ необходимымъ написать къ вашей милости, милостивому моему государю, о причинахъ сего. Первая причина: чтобы я предложилъ вашей милости, милостивому моему государю, свои скромныя услуги. Вторая: чтобы я далъ знать вашей милости о томъ, что я, находясь вмѣстѣ съ этимъ человѣкомъ, узналъ о немъ. Сколько возможно, тщательно всмотрѣвшись въ дѣло, я замѣтилъ то, о чемъ иначе и передать не могу вамъ, милостивый государь мой, какъ такъ: онъ именно то лицо, за которое выдаетъ себя. Посему достойно вниманія и то обстоятельство, что ему пишутъ изъ Украйны, давая знать, что, кромѣ небольшого количества московскихъ приверженцевъ царствующаго тамъ въ настоящее время Бориса, весь народъ тамошній ожидаетъ его съ великою охотою; съ прибытіемъ его, пишутъ также, была бы большая надежда овладѣть государствомъ безъ кровопролитія. Однако, онъ желалъ бы поступать въ этомъ случаѣ осмотрительно и не желалъ бы начинать дѣла безъ значительной помощи: онъ намекнулъ мнѣ, чтобы я написалъ вашей милости, милостивому моему государю, о томъ, чтобы вы обратили вниманіе на его справедливое дѣло, попомнили бы, что ему нужна будетъ скорая помощь, и о семъ потрудились бы доложить его величеству,—вотъ третья причина моего письма къ вамъ, милостивый государь мой. Не сомнѣваясь, такимъ образомъ, что ваша милость, обративши вниманіе на всѣ эти обстоятельства, признаете его дѣло справедливымъ, и это будетъ не потому, дабы я высказалъ ему содержаніе этого моего письма: имѣя случай предложить вашей милости, милостивому моему государю, свои услуги и извѣстивши васъ о томъ, что мнѣ удалось узнать отъ него о его справедливомъ дѣлѣ, льщу себя надеждой, что ваша милость, какъ христіанинъ и человѣкъ, одаренный отъ Бога великими дарами, соизволилъ своимъ совѣтомъ предъ его величествомъ королемъ подвинуть его дѣло впередъ, такъ, чтобы при вы-

годахъ и извлеченіи изъ всего этого добра для Рѣчи Посполитой, онъ (Димитрій) видѣлъ, что помощь оказывается ему вашей милостію.

„При этомъ и о томъ даю знать вашей милости, милостивому моему государю, чтобы вы благоволили постоянно имѣть у себя вѣрнаго человѣка, съ которымъ бы можно было сноситься о своихъ предпринятыхъ дѣлахъ. Все это предлагая вниманію вашей милости, еще разъ поручаю услуги мои вамъ, милостивый государь мой“.

Но напрасны были всѣ заискиванія и намеки на возможную пользу въ будущемъ: Замойскій крѣпко стоялъ на своемъ. Его не склонили въ пользу самозванца даже упрашиванія самого короля, который думалъ плѣнить его мыслію о будущемъ тѣсномъ союзѣ съ московскимъ царемъ, о его помощи противъ шведовъ и особенно противъ турокъ, столь еще грозныхъ христіанскому міру, при чемъ внушалъ, что такое щекотливое дѣло не слѣдуетъ подвергать публичному обсужденію на сеймѣ. Но маститый государственный человѣкъ рѣшительно высказался и противъ подлинности Димитрія, и противъ нарушенія перемирія съ царемъ Борисомъ Годуновымъ; онъ во всякомъ случаѣ совѣтовалъ отложить это дѣло до ближайшаго сейма, который имѣлъ открыться въ январѣ слѣдующаго 1605 года.

Тщетно и Юрій Мнишекъ писалъ Замойскому, убѣждая его оказать участіе московскому царевичу, въ подлинности котораго будто бы не слѣдуетъ сомнѣваться, и толковалъ о выгодахъ, могущихъ произойти отъ того для Рѣчи Посполитой. Что значила просьба Мнишка для Замойскаго, который былъ неумолимъ передъ ходатайствами самого короля?

Руководимый Мнишкомъ, и Лжедимитрій тоже обратился къ Замойскому съ униженною просьбою о помощи. Онъ особенно просилъ быть „усерднымъ ходатаемъ“ передъ королемъ, а въ будущемъ оставлялъ въ Замойскомъ надежду на свою благодарность... Самозванецъ писалъ:

„Ясновельможный! Поручаю благосклонности вашей мою доброжелательность, желая вамъ, милостивый государь, здравія и всякаго благополучія отъ Господа Бога на многія лѣта.

Хотя я давно намѣренъ былъ писать милости вашей, но мои затрудненія и хлопоты не позволили мнѣ до сихъ поръ этого сдѣлать, а потому и прошу извинить меня. Теперь пишу милости вашей нарочно и прошу милость вашу соблаговолить представить усерднѣйше мои дѣла (которыя, я думаю, давно уже милости вашей извѣстны) на милостивое благоусмотрѣніе его королевскаго величества и обращаюсь къ милости вашей за этимъ, какъ знатнѣйшему сенатору польской короны, котораго Господь Богъ взыскалъ больше всѣхъ разными благами, распространилъ у многихъ народовъ славу и любовь къ отечеству и котораго храбрость, доблесть и счастіе возбуждаютъ во всѣхъ удивленіе, а во мнѣ, притомъ, любовь и благосклонность. Хотя во время моего пребыванія въ Краковѣ я уже испыталъ большую милость его величества, за которую дай мнѣ Богъ со временемъ отблагодарить, тѣмъ не менѣе я и теперь нуждаюсь въ скорой помощи, что милость ваша, какъ человѣкъ проницательный, могли усмотрѣть изъ обстоятельствъ, въ какихъ находятся мои дѣла. Поэтому я не сомнѣваюсь въ любезной готовности милости вашей склонить его королевское величество къ тому, чтобы онъ милостиво принялъ во вниманіе правоту моего дѣла, и питаю надежду, что милость ваша будете въ этомъ отношеніи моимъ усерднымъ ходатаемъ передъ его величествомъ королемъ. Во всякомъ случаѣ, какова бы ни была благосклонность, оказанная мнѣ милостью вашей, я сочту себя всегда обязаннымъ стараться всячески возблагодарить милость вашу за нее. Не желая долѣе занимать милость вашу моимъ письмомъ, я вторично поручаю себя милости вашей. Въ Краковѣ, 25-го апрѣля 1604 г. Вашъ, милостивый государь, доброжелательный другъ Димитрій Ивановичъ, царевичъ великой Россіи, Углицкій, Дмитровскій, Городецкій и пр. государь и дѣдичъ всѣхъ государствъ, московской монархіи подвластныхъ“.

Несомнѣнно, эти письма не только не сдѣлали чести канцлеру, но и не доставили ему ни малѣйшаго удовольствія. Онъ письмо самозванца оставилъ безъ отвѣта, а Мнишку написалъ высокомѣрное и строгое письмо, предостерегая его

насчетъ опасности, грозившей республикѣ, и указывая на то, что его дѣйствія противорѣчили открытой, официальной волѣ короля. Замойскій отвѣчалъ:

„Я думаю, что на сеймѣ состоится соглашеніе всѣхъ чиновъ относительно дѣла московскаго государьчика; поэтому, когда его королевское величество спрашивалъ мое мнѣніе, я совѣтовалъ отложить это дѣло до сейма. Такъ разумѣю я и теперь, какъ я вамъ объ этомъ неоднократно заявлялъ. Кость падаетъ иногда недурно, но бросать ею, когда дѣло идетъ о важныхъ предпріятіяхъ, не совѣтуютъ (опасно). Дѣло идетъ объ опасности (славѣ) и вредѣ государства, объ ущербѣ славы его величества короля и нашихъ народовъ. Можетъ... сдѣлаетъ нападеніе на коронныя владѣнія, жечь оныя, опустошать, а тутъ нѣтъ ничего готоваго дать отпоръ. Можетъ и самые конфедераты изъ разныхъ мѣстъ... И безъ того уже не мало подымается нареканій на людей, вами принимаемыхъ безъ моего вѣдома, какъ военнаго начальника, чего никогда не бывало. Въ случаѣ дальнѣйшаго обремененія народонаселенія, а тѣмъ болѣе опасности или какого-либо вреда отъ непріятеля, въ чемъ васъ бы обвинили, я полагаю, вамъ есть еще время подумать. Много значительныхъ лицъ и такъ уже на это указываютъ, и недавно еще извѣщали меня объ этомъ, объявляя притомъ, что въ Москвѣ уже чувствуютъ и вообще хорошо знаютъ, и готовы (къ отпору), и притомъ съ большими средствами, чѣмъ какъ отъ васъ это слышимъ. Далѣе, самая присяга его королевскаго величества можетъ ли быть кѣмъ-нибудь частнымъ образомъ истолкована; разсудите это хорошенько сами. Сохрани Богъ потерпѣть пораженіе, тогда можетъ послѣдовать мщеніе за то, что мы первые нарушили договоръ. Прибавлю еще и то, что, по мнѣнію всѣхъ, вы дѣйствуете вопреки волѣ его королевскаго величества, и я, будучи военнымъ начальникомъ, не получалъ ни малѣйшей объ этомъ отъ короля деклараціи, а, напротивъ, изъ получаемыхъ отъ его королевскаго величества отвѣтовъ совсѣмъ другое усматривалъ. Я уже нѣсколько разъ писалъ къ вамъ относительно этого дѣла и въ настоящее время не могу сказать ничего другого“.

Отвѣтъ вполнѣ достойный, тонъ офиціальный, никакихъ намековъ на возможность уступокъ и тайныхъ соглашеній. Конечно, содержаніе его стало извѣстнымъ обоимъ друзьямъ: и самозванцу, и Мнишку. Тѣмъ не менѣе оба не успокоились. Особа канцлера была слишкомъ высока и авторитетна, чтобы они не попробовали еще разъ привлечь его на свою сторону. Самозванецъ первый откликнулся на его отповѣдь и отправилъ къ нему новое письмо. И опять онъ униженно просилъ о помощи, и опять намекалъ на благодарность, которую онъ обязывался преподнести Замойскому впослѣдствіи. Самозванецъ писалъ:

„Ясновельможный. Поручаю милости вашей мою доброжелательность. Я не удивляюсь тому, что милость ваша не изволили отвѣтить мнѣ на мое письмо: дѣла мои, по усмотрѣнію и глубокому ихъ изслѣдованію милостію вашею, кажется, повлекли бы за собою затрудненія и какія-то опасныя для короны распри, возбужденныя съ московскимъ государствомъ и другими коронными сосѣдями. Усматривая все это, милость ваша, какъ блюститель Рѣчи Посполитой и какъ, по большей части, свѣдующій въ такихъ дѣлахъ и опытный, изволили принять оныя на основательное обсужденіе, чего порицать не могу. Однако я нашелъ приличнымъ написать милости вашей вторично вслѣдствіе письма милости вашей къ его милости г. воеводѣ сендомирскому,— такъ какъ нѣкоторыя мѣста въ письмѣ милости вашей касаются меня лично и моихъ дѣлъ. Хотя въ этомъ договорѣ мнѣ не приличествуетъ разсматривать стороны, касающейся совѣсти его королевскаго величества, но разсудите сами, милость ваша, долженъ ли я изъ-за этого оставить правоту своего дѣла. Что касается могущества Бориса и сокровищъ, я утверждаю, что у него ихъ находится не малое количество, которое онъ забралъ послѣ блаженной памяти брата моего Ѳеодора. Овладѣлъ преступно моимъ отечествомъ и въ мирѣ пребывая, онъ накопилъ ихъ еще больше. Но зато своими тиранскими поступками и дѣлами, пересчитывать которые не хватило бы времени, онъ лишился доброжелательства и любви моихъ, теперь же его подданныхъ, тѣмъ

болѣе, что онъ не спустилъ и собственнымъ своимъ роднымъ. Вслѣдствіе чего всѣ должны воздавать ему почтеніе, потому что онъ покорилъ ихъ себѣ жестокостью и лукавствомъ. Не взирая на то, что онъ занялъ укрѣпленныя мѣста, друзей и самого себя окружилъ людьми преданными, женъ и дѣтей иныхъ удерживаетъ заложниками, все это дѣлаетъ онъ какъ человѣкъ, на сторонѣ котораго нѣтъ справедливости. Но вѣрьте мнѣ, милость ваша, онъ этимъ не пріобрѣлъ себѣ любви у народа; мнѣ извѣстно, каковы тамъ учрежденія и какъ они разнятся отъ здѣшнихъ; они не обратятся ему въ пользу. Люди, которые кажутся ему преданными, вѣроятно, по причинѣ большой стражи, поставленной въ Москвѣ Борисомъ, не знаютъ, что теперь со мною дѣется и съ какою силою и помощію сталъ я на границѣ; если бы только они провѣдали объ этомъ, сердца ихъ тотчасъ бы измѣнились. Нѣтъ сомнѣнія, что, услышавъ о своемъ природномъ государѣ, всѣ они отступились бы отъ этого тирана и пристали бы ко мнѣ. Онъ ищетъ дружбы у постороннихъ владѣтелей, вступая для этого въ разные договоры, и, такимъ образомъ, онъ дѣйствуетъ какъ человѣкъ, не имѣющій никакой правоты и лишившійся любви у своихъ. Онъ хочетъ уже брататься и съ нехристями, потому что думаетъ привлечь къ себѣ царя татарскаго. Но уповая на Господа Бога и свою правоту, въ которой Господь Богъ никого не оставляетъ, я не сомнѣваюсь, что Онъ поразитъ моихъ враговъ. Хотя многіе и сознаютъ могущество моего врага, однако, правота моя, и по ихъ мнѣнію, остается за слабымъ. Такимъ образомъ поступая, я уповаю на Господа Бога, которому и предаю всѣ дѣла мои; да будетъ Онъ мнѣ покровителемъ. Я не сомнѣваюсь также и въ милости его королевскаго величества, который по совѣту именитаго сената своего не оставитъ меня. И такъ, хотя милость ваша и не желали меня утруждать своимъ письмомъ, которое, однако, доставило бы мнѣ утѣшеніе, я все-таки не сомнѣваюсь, что ваша милость благоволите спомоществовать мнѣ въ моей правотѣ. Молю Господа Бога, чтобы Ему угодно было явственнѣе и совершеннѣе показать мою правоту не

только польской коронѣ, но и всему свѣту, и укрѣпилъ бы сердца тѣхъ, которые сомнѣваются въ моей правотѣ. Я чистосердечно желаю Рѣчи Посполитой всякихъ благъ, и потому мнѣ не желательно, чтобы изъ-за какихъ-нибудь моихъ дѣлъ она подверглась бы какой-либо опасности. Того же самаго и отъ нея относительно себя желаю. Если милость ваша находитъ неудобнымъ писать ко мнѣ изъ-за титуловъ, которые однакожъ употребляются мною не иначе, какъ только тѣ, кои предоставлены мнѣ Господомъ Богомъ и моими предками, я вторично прошу милость вашу оказать мнѣ въ такой моей скорби, по крайней мѣрѣ, хоть какой-нибудь знакъ доброжелательства и любви ко мнѣ. За что я вмѣняю себѣ въ непремѣнную обязанность заслужить вашу милость. Не желая далѣе занимать милость вашу своимъ письмомъ, вторично поручаю милости вашей мою доброжелательность. Въ Самборѣ, 11 мая 1604 г. Милости вашей доброжелательный другъ Димитрій Ивановичъ, царевичъ Великой Россіи, Углицкій, Дмитровскій, Городецкій и проч., государь и дѣдичъ всѣхъ государствъ, московской монархіи подвластныхъ, рукою собственною“.

Вслѣдъ за самозванцемъ и Мнишекъ снова написалъ Замойскому довольно длинное письмо въ отвѣтъ на строгія замѣчанія канцлера и въ оправданіе своихъ дѣйствій. Хитрый и лукавый Мнишекъ употребилъ всѣ средства, чтобы переубѣдить Замойскаго и привлечь его на свою сторону. Особенно не нравилось ему откладываніе дѣла до сейма, на поддержку котораго онъ менѣе всего могъ разсчитывать. Ему нужно было торопиться со своимъ дѣломъ, и потому онъ писалъ Замойскому изъ Самбора почти одновременно съ самозванцемъ:

„Ясновельможный. Поручаю милости вашей мои услуги. Царевичъ не былъ доволенъ высказанными причинами, изъ-за которыхъ вы ему не отвѣтили. Однакоже трудно было не передать ему мнѣнія, какое вы изволили выразить объ его дѣлѣ въ вашемъ ко мнѣ письмѣ. Послѣ чего онъ снова самъ писалъ къ вамъ, не для того, какъ мнѣ кажется, чтобы вступать въ какія-нибудь пренія или вызвать отъ васъ

отвѣтъ, но чтобы письмомъ своимъ объяснить вамъ свое дѣло и снова просить васъ о дальнѣйшемъ поддерживаніи правоты этого дѣла. Я не нахожу нужнымъ повторять въ своемъ письмѣ то, что̀ онъ самъ пишетъ. По многимъ, конечно, причинамъ мнѣ бы желательно было быть у васъ, если бы только позволило мнѣ слабое мое здоровье, тѣмъ болѣе, что у меня есть надобность быть въ трибуналѣ и мнѣ не трудно бы было заѣхать къ вамъ по пути, чтобы лично сказать о томъ, что̀ можно передать болѣе надлежащимъ образомъ только устно. Но такъ какъ я пишу вамъ теперь наскоро, то, буде въ чемъ-нибудь не угодилъ вамъ, прошу васъ, не извольте обижаться.

„Велики и достойны уваженія тѣ причины медленности успѣха предпринимаемаго дѣла, которыя, какъ я понялъ изъ вашего письма, вы сперва его величеству королю, а теперь мнѣ, выразить изволили. Но такъ какъ благопріятное время—вещь дорогая, благодаря которой можно много выиграть и проиграть, то было бы желательно, и по христіанскому долгу къ этому человѣку, и для пользы нашего отечества, не упускать такого благопріятнаго въ этомъ дѣлѣ времени. Вы изволите знать, что были примѣры, которые показываютъ, что не всегда приходилось ждать созванія сейма, когда нужно было воспользоваться благопріятными обстоятельствами для пользы Рѣчи Посполитой. Впрочемъ, хотя на сеймѣ самыя важныя дѣла Рѣчи Посполитой не всегда хорошо рѣшаются, но такъ какъ его королевское величество, по совѣту сенаторовъ, ссылается на него, то человѣкъ этотъ готовъ ждать, не желая ничего дѣлать противъ воли его королевскаго величества. Онъ опасается только, чтобъ при проволочкѣ терпѣливостью своею не причинить себѣ затрудненій. Съ своей стороны, и мы должны справедливо опасаться, чтобы не упустить столь благопріятнаго для Рѣчи Посполитой случая. Не менѣе важнаго и серьезнаго вниманія достойно и то обстоятельство, что Борисъ, какъ теперь положительно извѣстно, путемъ договора добивается союза съ Карломъ, съ домами: бранденбургскимъ, датскимъ и особенно ракускимъ, будучи даже готовъ при извѣстныхъ условіяхъ уступить

имъ нѣкоторыя области Московскаго царства. Благоволите же, милостивый государь, обсудить, не приметъ ли это дѣло крайне опасный для нашего отечества оборотъ? Ибо въ таковыхъ дѣлахъ вся сила заключается въ томъ, чтобы дѣйствовать немедленно, а между тѣмъ доходятъ извѣстія, что Борисъ, тревожась за несправедливо захваченный имъ престолъ и зная дурное расположеніе своихъ подданныхъ, которыхъ онъ старается удержать только своимъ тиранствомъ, торопится заключать упомянутые договоры, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣщаетъ г. Дерпскій его величество короля и мнѣ теперь пишетъ (письмо котораго вамъ посылаю), смуты съ Москвой не прекращаются. Ясно, что безотлагательное прибытіе истиннаго государя, котораго обыкновенно каждый народъ желаетъ и извѣстіе о которомъ особенно въ настоящее время необходимо, послужитъ помѣхою договорамъ Бориса. Я пріѣхалъ сюда съ этимъ человѣкомъ, чтобы проводить его къ князьямъ Вишневецкимъ. Не сомнѣваюсь, что по пріѣздѣ туда, онъ не захочетъ дѣлать ничего такого, что могло бы вовлечь Рѣчь Посполитую въ опасность; но лишь бы только онъ постарался о томъ, чтобы, подвинувшись какъ-нибудь къ границѣ, войти въ сношенія съ благопріятствующими ему москвитянами, ибо онъ думаетъ и вообще не сомнѣвается, что, какъ только онъ огласитъ о себѣ вблизи границы, навстрѣчу къ нему сбѣжится множество москвитянъ, такъ какъ и теперь уже есть у него посланцы отъ подданныхъ его донскихъ казаковъ, съ извѣщеніемъ, что эти послѣдніе ожидаютъ его въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ. Я полагаю, вы изволите знать и то, что въ его правахъ на престолъ нѣтъ никакого сомнѣнія; да если бы и было таковое, то, по извѣстіямъ изъ Москвы, тамъ его признаютъ за истиннаго государя и ждутъ его съ большимъ къ нему доброжелательствомъ. Но пока тиранъ царствуетъ, никто не смѣетъ ничего предпринять, за исключеніемъ тѣхъ, которымъ удалось сюда къ нему ускользнуть. И дѣйствительно, нѣсколько десятковъ москвитянъ, оставивъ своихъ женъ и дѣтей, прибыли къ нему. Правда, между ними нѣтъ людей знатныхъ фамилій, но это

потому, что при неизвѣстности о его приближеніи убѣгать и бросать свои имѣнія было бы для нихъ затруднительно. И то, что писалъ ему г. староста Островской съ границъ московскихъ, посылаю вамъ. Благоволите же, милостивый государь, разсудить это и, принявъ во вниманіе дѣла нашего отечества, не оставьте этого человѣка, потому что при большомъ количествѣ людей, но безъ средствъ, ему будетъ трудно и опасно приблизиться къ границѣ. Этотъ человѣкъ—богобоязненный, легко соглашающійся на то, что ему разумно указываютъ, склонный къ заключенію всякихъ договоровъ и трактатовъ, возлагающій надежду на Господа Бога, его величество короля и на его сенатъ. Благоволите же споспѣшествовать этому предпріятію и не полагаться на людей, которые обыкновенно тормозятъ дѣло на сеймѣ. Поистинѣ, мнѣ кажется, это дѣло требуетъ болѣе поспѣшнаго обсужденія, чѣмъ какъ это дѣлается на сеймѣ. Въ пользу этого предпріятія говорятъ: благо Рѣчи Посполитой, правота этого человѣка, наконецъ и то, что насталъ конецъ для этого тирана, который путемъ вѣроломства, въ ущербъ природнымъ государямъ, вступилъ на престолъ не открытыми дверьми, но потаеннымъ ходомъ. Время намъ благопріятствуетъ, ибо, встревоженный своими дѣяніями, Борисъ не посмѣлъ бы, вѣроятно, защищаться; вслѣдствіе своего тиранства и уже начавшихся смутъ онъ, безъ сомнѣнія, или не могъ бы, или не посмѣлъ бы собрать войско, которое, по всей вѣроятности, прежде всего обратилось бы на него самого. Я не полагаю, что было бы приличнымъ входить въ сношенія съ человѣкомъ, который вступилъ на престолъ съ такимъ лукавствомъ и который еще недавно самъ нарушилъ договоръ, пославъ войска въ государство его королевскаго величества и имѣнія князей Вишневецкихъ. Дѣло это поручается вашему благоусмотрѣнію, милостивый государь, котораго Господь Богъ надѣлилъ великимъ благоразуміемъ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что Господь Богъ настраиваетъ сердце его величества короля благочестиваго и его совѣты къ святой Своей славѣ и ко благу нашего отечества. Я прошу васъ вторично, буде на-

писалъ что неосторожно, не обижаться на меня, но благоволили бы пребывать ко мнѣ благосклоннымъ. Вашъ, милостивый государь, пріятель и покорный слуга Юрій Мнишекъ, воевода сендомирскій".

Замойскій не внималъ. Никакія соображенія о выгодахъ для республики и для себя лично не могли поколебать этого мудраго человѣка и заставить его пуститься на сомнительныя сдѣлки и приключенія. Къ тому же онъ былъ не одинъ. Кромѣ Замойскаго, открытыми противниками дерзкаго предпріятія заявили себя извѣстный ревнитель православія, кіевскій воевода, престарѣлый князь Константинъ Острожскій, и сынъ его Янушъ, краковскій каштелянъ. Къ противникамъ сего предпріятія, хотя и не столь рѣшительнымъ, принадлежали родственникъ Замойскаго, товарищъ его по гетманству, коронный гетманъ Станиславъ Жолкевскій, воевода брацлавскій, князь Збаражскій, и нѣкоторые другіе. Ихъ несочувствіе самозванцу и Мнишку, очевидно, переходило уже изъ области нерасположенія въ область открытаго противодѣйствія, на которое жаловался Мнишекъ Замойскому въ письмѣ отъ 1-го іюля того же 1604 года. Мнишекъ писалъ:

„Ясновельможный, поручаю услуги мои вашей милости, милостивому моему государю. Мнѣ кажется, не вѣрно то, чтобы его милость царевичъ много наскучилъ вашей милости своими письмами. Однако, видя его обезпокоеннымъ думой, будто бы онъ оставленъ вашей милостью, я никакимъ образомъ не могъ разубѣдить его въ томъ. Притомъ и въ настоящее время его милость, панъ Краковскій, не отвѣчая ему, не допуская его до границъ, написалъ чрезвычайно запальчивое письмо, что его очень оскорбило. Я убѣжденъ, что никакой опасности не вышло бы изъ того, если бы дѣлу данъ былъ дальнѣйшій ходъ. Онъ думаетъ,— и я вѣрю этому,—что въ это время на границахъ московскихъ распространятся слухи, которые повредятъ справедливому дѣлу его, истиннаго наслѣдника престола. Я очень удивляюсь тому, что его милость панъ Краковскій, не замѣтивши, что его дѣло справедливо, распространяетъ о немъ

неблагопріятныя новости. Пусть же самъ Господь Богъ (если ужъ ни откуда онъ не можетъ видѣть помощи) попечется о его справедливомъ дѣлѣ".

Замойскій оставался непоколебимъ. Но и самборскіе друзья не хотѣли сойти съ занятаго ими положенія. Они зашли слишкомъ далеко, чтобы повернуть обратно. Напротивъ, дальнѣйшее промедленіе было для нихъ прямо вреднымъ. Ихъ бездѣйствіе могло дать силу ихъ противникамъ, увеличить ихъ количественно, а можетъ быть расхолодить и самыхъ сторонниковъ. Съ другой стороны, бездѣйствіе давало время и возможность главному ихъ врагу, царю Борису, собраться съ силами и принять рѣшительныя мѣры, которыя могли совсѣмъ разрушить всю затѣю. Необходимо было, не теряя времени, немедленно подняться, приступить къ исполненію своего плана и рядомъ наступательныхъ дѣйствій повліять на своихъ сторонниковъ и враговъ.

XXIV.

Продажа православія и Россіи.

Рѣшено было набирать волонтеровъ и собирать войско. Мнишекъ готовъ былъ эту задачу взять на себя; но какъ человѣкъ практичный и корыстолюбивый, онъ желалъ предварительно связать самозванца извѣстными условіями въ свою пользу и, не довольствуясь словесными обѣщаніями, потребовалъ, чтобы Лжедимитрій выдалъ ему на этотъ предметъ соотвѣтствующій документъ, скрѣпленный подписью и печатью. Самозванецъ выдалъ два такія обязательства, написанныя въ Самборѣ 25-го мая и 12-го іюня 1604 года.

Въ основу обязательства была положена женитьба Лжедимитрія на Маринѣ. Родители ея обусловили этотъ бракъ пріемомъ у польскаго короля; теперь, когда этотъ пріемъ состоялся и когда король призналъ мнимаго царевича дѣйствительнымъ, это условіе отпадало само собою, и больше

не оставалось препятствій къ брачнымъ узамъ самозванца и Марины. Онъ далъ обязательство жениться подъ страхомъ проклятія и отлученія отъ церкви и прислать изъ Москвы чрезвычайное посольство къ королю, чтобы испросить его соизволеніе на этотъ бракъ. Разумѣется, за счетъ тѣхъ богатствъ, которыя въ будущемъ собирался захватить въ Москвѣ самозванецъ, онъ вполнѣ обезпечивалъ свою супругу. Онъ обѣщалъ ей кремлевскія драгоцѣнности и два удѣла, Новгородъ и Псковъ: къ ногамъ красавицы-польки были повергнуты цѣлыя княжества. Не былъ забытъ, конечно, и будущій тесть, и ему прежде всего обѣщанъ былъ милліонъ злотыхъ на расходы. Подъ видомъ свободы вѣроисповѣданія будущей царицы московской, хитро введено было обязательство перевести всю Русь въ католичество. Для этого прежде всего Лжедимитрій долженъ былъ предоставить Маринѣ полную свободу исповѣдывать католическую вѣру и исполнять ея обряды въ московскомъ Кремлѣ при дворѣ русскаго царя и повсемѣстно въ царствѣ. Кромѣ того, въ удѣлахъ своихъ, въ Новгородѣ и Псковѣ, Марина имѣла право на гораздо бо́льшее, на открытое насажденіе латинства: ей предоставлено было право, если она пожелаетъ, заводить латинскія школы, строить костелы и монастыри и назначать въ нихъ ксендзовъ и бискуповъ.

Самозванецъ такъ ослѣпленъ былъ неожиданною для него возможностью пріобрѣсти себѣ высочайшую въ мірѣ честь, быть московскимъ царемъ, и себѣ въ жены красавицу-польку, которую онъ успѣлъ безумно полюбить, что ничего не жалѣлъ, ничѣмъ не стѣснялся, все ставилъ на карту, ради безумной затѣи жертвовалъ всѣмъ, не смущаясь, и даже поклялся всю Россію обратить въ латинскую вѣру... не понимая, что одно это намѣреніе вынимало главнѣйшую опору московскаго престола, и безъ нея этотъ престолъ оказался висящимъ на воздухѣ.

Впрочемъ, безуміе самозванца совпадало съ его самонадѣянностью: онъ въ одинъ годъ обязывался исполнить всѣ свои обѣщанія, а при промедленіи освобождалъ Марину и Юрія Мнишковъ отъ ихъ обязательствъ по отношенію къ нему!..

Самое обязательство Лжедимитрія, которое можно назвать брачнымъ контрактомъ, буквально гласило слѣдующее:

„Мы, Димитрій Ивановичъ, Божіею милостію царевичъ великой Россіи, Углицкій, Дмитровскій и иныхъ, князь отъ колѣна предковъ своихъ и всѣхъ государствъ московскихъ государь и дѣдичъ.

„Разсуждая о будущемъ состояніи житія нашего не только по примѣру иныхъ монарховъ и предковъ нашихъ, но и всѣхъ христіански живущихъ, за призрѣніемъ Господа Бога всемогущаго, отъ Котораго живетъ начало и конецъ, а жена и смерть бываетъ отъ Него же, усмотрѣли есмя и улюбили себѣ, будучи въ королевствѣ въ польскомъ, въ дому честнѣмъ, великаго роду, житья честнаго и набожнаго, пріятеля и товарища, съ которымъ бы мнѣ, за помочью Божіею, въ милости и въ любви непремѣняемой житіе свое проводити, ясновельможную панну Марину съ великихъ кончицъ Мнишковну, воеводенку сендомирскую, старостенку львовскую, самборскую, медеиицкую и проч., дочь ясневелеможнаго пана Юрья Мнишка съ великихъ кончицъ, воеводы сендомирскаго, львовскаго, самборскаго, медеиицкаго и проч. старосты, жупъ русскихъ жупника, котораго мы испытавши честность, любовь и доброжелательство (для чего мы взяли его себѣ за отца); и о томъ мы убѣдительно его просили, для большаго утвержденія взаимной нашей любви, чтобы вышереченную дочь свою, панну Марину, за насъ выдалъ въ замужество. А что теперь мы есть не на государствахъ своихъ, и то теперь до часу, а какъ, дастъ Богъ, буду на своихъ государствахъ жити, и ему бъ попомнити слово свое прямое, вмѣстѣ съ панною Мариною, за присягою; а я помню свою присягу, и намъ бы то прямо обоимъ сдержати, и любовь бы была межъ насъ, а на томъ мы писаньемъ своимъ укрѣпляемся.

„А впередъ, во имя Пресвятыя Троицы, даю ему слово свое прямое царское: что женюсь на паннѣ Маринѣ; а не женюся, и я проклятство на себя даю, утверждая сіе слѣдующими условіями.

„Первое: кой часъ доступлю наслѣдственнаго нашего Московскаго государства, я пану отцу, его милости, дамъ десять сотъ тысячъ злотыхъ польскихъ, какъ его милости самому для ускоренія подъема и заплаты долговъ, такъ и для препровожденія къ намъ ея, панны Марины, будущей жены нашей, изъ казны нашей московской выдамъ клейнотовъ драгоцѣннѣйшихъ, а равно и серебра столоваго къ снаряду ея; буде не самому ея, панны, отцу, въ небытность его по какой-либо причинѣ, то посламъ, которыхъ его милость пришлетъ, или нами отправленнымъ, какъ выше сказано, безъ замедленія дать, даровать нашимъ царскимъ словомъ обѣщаемъ.

„Второе то: какъ вступимъ на нашъ царскій престолъ отца нашего, и мы тотчасъ пословъ своихъ пришлемъ до наяснѣйшаго короля польскаго, извѣщаючи ему и бьючи челомъ, чтобъ то наше дѣло, которое нынѣ промежъ насъ, было ему вѣдомо и позволилъ бы то намъ сдѣлати безъ убытка.

„Третье то: той же прежъ реченной паннѣ женѣ нашей дамъ два государства великія, Великій Новгородъ да Псковъ, со всѣми уѣзды, и съ думными людьми, и съ дворяны, и съ дѣтьми боярскими, и съ попы, и со всѣми приходы, и съ пригородки, и съ мѣсты, и съ селы, со всякимъ владѣніемъ, и съ повольностью, со всѣмъ съ тѣмъ, какъ мы и отецъ нашъ тѣми государствы владѣли и указывали; а мнѣ въ тѣхъ въ обоихъ государствахъ, въ Новѣгородѣ и во Псковѣ, нічѣмъ не владѣти, и въ нихъ ни во что не вступатися; тѣмъ нашимъ писаньемъ укрѣпляемъ и даруемъ ей, паннѣ, то за тѣмъ своимъ словомъ прямо. А какъ, за помочью Божіею, съ нею вѣнчаемся, и мы то все, что въ нынѣшнемъ нашемъ письмѣ написано, отдадимъ ей, и въ канцрѣріи нашей ей то въ вѣки напишемъ, и печать свою царскую къ тому приложимъ. А будетъ у нашей жены, по грѣхамъ, съ нами дѣтей не будетъ, и тѣ оба государства ей приказати намѣстникомъ своимъ владѣти ими и судити, и вольно ей будетъ своимъ служилымъ людямъ помѣстья и вотчины давати, и купити, и продавати; также вольно ей,

какъ ся ей полюбитъ, что въ своихъ въ прямыхъ удѣльныхъ государствахъ монастыри и костелы ставити римскіе, и бискупы, и попы латынскіе, и школы поставляти, и ихъ наполняти, какъ имъ впередъ жити; а самой жити съ нами; а попы свои себѣ держати, сколько ей надобе, также набоженство своей римской вѣры держати безо всякія забороны, якожъ и мы сами, съ Божіею милостію, соединеніе сіе приняли; и станемъ о томъ накрѣпко промышляти, чтобъ все государство Московское въ одну вѣру римскую всѣхъ привести и костелы бъ римскіе устроити. А того Боже намъ не дай, будетъ тѣ наши рѣчи въ государствахъ нашихъ не полюбятся, и въ годъ того не сдѣлаемъ; ино будетъ вольно пану отцу и паннѣ Маринѣ со мною развестися или пожалуютъ побольше того, подождутъ до другаго году. А я теперь въ томъ во всемъ даю на себя запись своею рукою, съ крестнымъ цѣлованьемъ, что мнѣ то все сдѣлати по сему письму, и присягою на томъ на всемъ при святцкомъ чину, при попѣхъ, что мнѣ все по сей записи сдержати крѣпко, и всѣхъ русскихъ людей въ вѣру латынскую привести".

Устроивъ матеріальное положеніе своей будущей супруги, самозванецъ долженъ былъ позаботиться и о тестѣ. Мнишку мало было однѣхъ денегъ, онъ не прочь былъ бы занять самостоятельное положеніе, положеніе владѣтельнаго князя, за счетъ необъятныхъ владѣній своего зятя. Поэтому въ другой грамотѣ, данной въ Самборѣ 12-го іюня, самозванецъ идетъ еще дальше по части раздробленія своего будущаго государства: онъ обязался уступить воеводѣ и его наслѣдникамъ въ потомственное владѣніе двѣ великолѣпныя русскія области, княжества Смоленское и Сѣверское, кромѣ тѣхъ земель и городовъ, которые должны были отойти къ королю польскому и взамѣнъ которыхъ самозванецъ обязался уступить Мнишку другіе города, мѣстечки, земли и доходы, равные по цѣнности половинѣ, уступленной королю. Эта сдѣлка, преступная не менѣе первой, выражена была въ документѣ слѣдующаго содержанія:

„Димитрій Ивановичъ, Божіею милостію царевичъ великой

Россіи, Углицкій, Дмитровскій, Городецкій и проч. и проч., князь отъ колѣна предковъ своихъ, всѣхъ государствъ, къ московской монархіи принадлежащихъ, государь и дѣдичъ. Объявляемъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, что мы ясневельможному господину Юрью изъ великихъ кончицъ Мнишкови, воеводѣ сендомирскому, львовскому, самборскому, меденицкому и проч. старостѣ, жупникови жупъ русскихъ, за любовь, милость, доброжелательство и склонность, которую намъ явилъ и являть не перестаетъ, въ вѣчныя времена дали мы ему и наслѣдникамъ его Смоленское и Сѣверское княжества въ государствѣ нашемъ Московскомъ со всѣмъ, что̀ къ онымъ княжествамъ принадлежитъ, съ городами, замками, селами, подданными и со всѣми обоего полу жителями, какъ о томъ въ данномъ отъ насъ его милости особливомъ привиліи ясно изображено и написано, дали, подарили и записали. А для извѣстныхъ и важныхъ причинъ, и для самой нашей любви и доброжелательства къ пресвѣтлѣйшему королю польскому и всему королевству въ предбудущія вѣчныя времена, для согласія и миру между народомъ польскимъ и московскимъ, Смоленской земли другую половину съ замками, городами, городками, уѣздами, селами, рѣками, озерами, прудами (оставляя при его милости господинѣ воеводѣ самой замокъ съ городомъ Смоленскомъ и со всѣмъ, что къ половинѣ онаго принадлежитъ) дали, подарили и записали, какъ о томъ въ особомъ привиліи изображено, королямъ польскимъ и Рѣчи Посполитой польской шесть городовъ въ княжествѣ Сѣверскомъ со всѣмъ, что̀ къ онымъ принадлежитъ, съ доходами и прибытками, и на все сіе уже совершенной отъ насъ привилій данъ есть; и дабы о исполненіи всего того его милость господинъ воевода былъ благонадеженъ, присягою тѣлесною подтвердили мы. И изъ другаго государства, близъ Смоленской земли, еще много городовъ, городковъ, замковъ, земель и прибытковъ опредѣляемъ ему, господину воеводѣ, даровать, присовокупить, записать въ вѣчныя времена, какъ скоро насъ Господь Богъ на престолѣ предковъ нашихъ посадитъ, дабы равные и не меньшіе какъ съ Смоленскаго, такъ и съ Сѣверскаго

княжества, съ городовъ, замковъ, городковъ, селъ, боровъ, лѣсовъ, рѣкъ, озеръ, прудовъ всякіе имѣлъ доходы, то мы ему обѣщаемъ и ручаемъ; и что уже мы однажды присягою подтвердили, то и нынѣ ни въ чемъ неотмѣнно и ненарушимо подтверждаемъ все вышеписанное его милости господину воеводѣ содержать и исполнить. А для большаго увѣренія и важности сей листъ нашъ при подписаніи собственною рукою нашею печатью утвердить повелѣли".

Эти документы ясно свидѣтельствовали какъ о безумной расточительности самозванца на чужой счетъ, такъ и о легкомысліи его и его пособниковъ и руководителей, съ королемъ Сигизмундомъ Третьимъ во главѣ, которые принялись дѣлить шкуру еще не затравленнаго медвѣдя. Самозванецъ уже располагалъ по своему усмотрѣнію и царствомъ, и его богатствомъ, которыя еще не были въ его рукахъ. Очевидно, онъ ничѣмъ не стѣснялся и ему ничего не было дорого: онъ такъ далеко зашелъ въ своемъ отчаянномъ предпріятіи, что ничего ему не оставалось, какъ обѣщать направо и налѣво самыя неисполнимыя вещи, лишь бы не останавливаться и идти впередъ.

Впрочемъ, о неисполнимости друзья самозванца имѣли свои представленія. Мнишекъ самъ ѣхалъ съ нимъ добывать самозванцу престолъ, а себѣ зятя и богатства. Кого же вѣрнѣе іезуитовъ было послать съ самозванцемъ добывать Россію папѣ?.. Конечно, іезуиты и были посланы, и къ этому изобрѣтенъ былъ самый благовидный предлогъ. Самозванецъ просилъ нунція назначить въ Москву ксендза. Желаніе его было сообщено провинціалу, и этотъ не замедлилъ исполнить его желаніе. Въ войскѣ самозванца находились католики; для нихъ необходимо было имѣть походный костелъ, въ которомъ іезуиты могли бы совершать свои службы для солдатъ и главное для самозванца. Но это былъ только предлогъ. Дѣйствительныя цѣли отправки іезуитовъ въ Москву выяснились при свиданіи съ ними самозванца.

Когда Лжедимитрій узналъ, что съ нимъ въ походъ назначены два іезуита, онъ пожелалъ ихъ видѣть и просилъ ихъ поторопиться въ Самборъ. При свиданіи іезуиты были

очарованы самозванцемъ. По ихъ словамъ, въ его обращенiи не было ничего грубаго, монашескаго, онъ былъ любезенъ, предупредителенъ, искусно владѣлъ рѣчью.

— Я далъ обѣтъ, — сказалъ онъ имъ прямо и откровенно, — воздвигнуть въ Россiи костелы, коллегiи, монастыри. Отъ васъ будетъ зависѣть распространить въ странѣ католическую вѣру и достигнуть того, чтобы она процвѣтала.

И потомъ онъ прибавилъ въ заключенiе:

— Ввѣряю вамъ свою душу.

Этимъ двумъ iезуитамъ предстояла грандiозная задача стать проповѣдниками католицизма въ Россiи. Въ ихъ обязанность входило не только исполненiе религiозныхъ нуждъ небольшаго числа католиковъ-волонтеровъ, но, главное, совращенiе въ латинство всей громадной Россiи, по крайней мѣрѣ первый починъ въ этомъ завѣтномъ дѣлѣ Рима и поляковъ. Ближайшее будущее обѣщало избраннымъ iезуитамъ славу апостольства, которую папа не замедлилъ бы присвоить своимъ вѣрнымъ слугамъ.

У одного изъ этихъ iезуитовъ Лжедимитрiй исповѣдался наканунѣ Успеньева дня и въ самый праздникъ Успенiя причастился ради напутствiя передъ выступленiемъ въ походъ.

Этими iезуитами были два ксендза ярославской коллегiи: Николай Чижовскiй и Андрей Лавицкiй.

Андрей Лавицкiй провелъ, можно сказать, всю свою жизнь въ обществѣ Iисуса. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ покинулъ родной городъ Познань и поступилъ въ виленскiя iезуитскiя школы, гдѣ и прошелъ обычный учебный курсъ. Очень рано, шестнадцати лѣтъ отъ роду, въ 1587 году, онъ поступилъ въ орденъ. Здѣсь его ожидала долгая научная подготовка, которая всегда предшествуетъ священству. Послѣ реторики онъ слушалъ философiю и богословiе, а потомъ самъ преподавалъ въ низшихъ и среднихъ классахъ. Вскорѣ выяснилось, какiя именно качества у него преобладали и какого рода были его способности. Глубоко преданный своему призванiю, живой, воспрiимчивый, онъ склонялся болѣе къ чисто внѣшней дѣятельности, чѣмъ къ сосредоточенной

жизни ученаго. Вотъ почему онъ и не былъ удостоенъ степени доктора богословія, которая сопряжена въ орденѣ съ званіемъ професа. Впрочемъ своимъ практическимъ смысломъ онъ умѣлъ хорошо пользоваться и съ успѣхомъ выполнялъ разныя должности. Искреннее благочестіе сочеталось у него съ пылкимъ воображеніемъ: завѣтною мечтою его юности было проститься съ отечествомъ, отправиться въ Индію возвѣщать евангеліе дикарямъ и окончить жизнь мученической смертію. Въ 1604 году, будучи во цвѣтѣ лѣтъ, онъ находился въ Ярославѣ, въ Галиціи, на послѣднемъ испытаніи. Необходимо замѣтить, что въ іезуитскомъ орденѣ сверхъ двухъ первыхъ лѣтъ искуса по окончаніи научнаго образованія установленъ еще цѣлый годъ такого же искуса, такъ называемый „третій годъ". Это нововведеніе въ орденскую жизнь принадлежитъ всецѣло Игнатію Лойолѣ и составляетъ особенность іезуитовъ. Лавицкій проходилъ установленное послушаніе вмѣстѣ съ Николаемъ Чижовскимъ, когда оба они были вызваны въ Самборъ и назначены полковыми священниками при польскомъ отрядѣ войска самозванца. Товарищъ Лавицкаго, Николай Чижовскій, былъ человѣкъ совсѣмъ иного закала. Почти все его семейство, осѣдлое на Волыни, слѣдовало кальвинскому ученію, онъ же былъ ревностный католикъ. Необыкновенно способный, Чижовскій, достигнувъ восемнадцатилѣтняго возраста, сдѣлался іезуитомъ въ 1588 году и съ блестящимъ успѣхомъ завершилъ кругъ научныхъ занятій. Твердаго характера, онъ неуклонно стремился къ намѣченной цѣли и менѣе другихъ поддавался увлеченіямъ. Лавицкій былъ подчиненъ Чижовскому, какъ старшему товарищу. Оба они получили свое назначеніе непосредственно отъ ближайшаго своего начальника, Деція Стривери, какъ орденскаго правителя въ Польшѣ; но собственно это назначеніе исходило отъ болѣе высокихъ лицъ. Краковскій нунцій Рангони приписывалъ себѣ инціативу этой мѣры, принятой вслѣдствіе довольно неопредѣленнаго намека Лжедимитрія. На самомъ дѣлѣ Стривери одновременно получилъ письма отъ нунція и отъ королевскаго духовника Барща. Очевидно Сигизмундъ III и

Рангони сходились въ желаніи поручить іезуитамъ духовное вѣдѣніе польскаго отряда. Выборъ же подходящихъ личностей сдѣлалъ Стривери по своему усмотрѣнію.

XXV.

Походъ.

Тѣмъ временемъ шло усиленное снаряженіе въ походъ. Во всѣ стороны разосланы были приглашенія польскимъ и русскимъ добровольцамъ и казакамъ становиться въ ряды Лжедимитрія и за щедрыя обѣщанія идти добывать ему московскій престолъ. Сборнымъ пунктомъ для добровольцевъ и главною квартирой арміи былъ Львовъ, главный городъ русскаго воеводства, входившій въ кругъ вѣдомства Юрія Мнишка, какъ львовскаго старосты. Шляхту Мнишекъ увлекалъ шумными празднествами и пирами, всякому сброду, называвшемуся волонтерами, довольно было ожиданія поживы въ Москвѣ. Львовъ быстро оживился.

Первыми откликнулись на призывъ самозванца донскіе и волжскіе казаки. Къ этому времени у нихъ произошли столкновенія съ московскимъ правительствомъ. Выведенный изъ терпѣнія ихъ разбоями и нападеніями на торговые волжскіе караваны, царь Борисъ началъ принимать противъ нихъ строгія мѣры и даже приходившихъ въ какой-либо городъ по своимъ надобностямъ велѣлъ хватать и сажать въ тюрьмы. Эти мѣры ожесточили казаковъ, они подняли открытый бунтъ, напали на царскаго родственника, окольничаго Степана Годунова, плывшаго въ Астрахань, и разбили его конвой, такъ что самъ онъ съ трудомъ спасся бѣгствомъ. Послы самозванца нашли у нихъ полное сочувствіе. Казаки стали собираться въ походъ, а напередъ отправили для развѣдокъ нѣсколько человѣкъ съ двумя атаманами, Андреемъ Корѣлой и Михайломъ Нѣжекожей. Эти казацкіе уполномоченные застали самозванца въ Краковѣ. Видя, что его признаютъ за истин-

наго царевича, они, не долго думая, послали объявить войску, чтобы не сомнѣвалось и шло на помощь названному Димитрію противъ ненавистнаго Бориса. Богатая добыча въ Москвѣ, конечно, ихъ больше прельщала, чѣмъ служба мнимому царевичу. Такой же успѣхъ сопровождалъ пословъ самозванца и у запорожскихъ казаковъ.

Польскіе добровольцы въ достаточномъ количествѣ собрались во Львовѣ. Эта буйная вольница, заполонившая Львовъ и окрестности города, начала, наконецъ, тяготить мирныхъ жителей. Начались грабежи, убійства. Жители отправили жалобу королю и умоляли его избавить ихъ какъ можно скорѣе отъ скопищъ, хозяйничавшихъ у нихъ, какъ въ непріятельской землѣ. Жалобы на добровольцевъ пришли и съ границы королевства. Нельзя было оставить эти жалобы безъ вниманія. Послѣ разныхъ мѣръ, не приведшихъ ни къ какому результату, Сигизмундъ приказалъ волонтерамъ немедленно разойтись, а ослушники объявлялись бунтовщиками и врагами республики, и имъ угрожали самыя строгія наказанія. Королевскій указъ былъ подписанъ 7-го сентября и отправленъ во Львовъ съ коморникомъ. Сообщая объ этомъ въ Римъ, Рангони насмѣшливо замѣтилъ, что коморникъ не поспѣетъ, пожалуй, туда во-время. Въ дѣйствительности такъ и было. Такъ какъ король тайно покровительствовалъ предпріятію самозванца, то коморникъ прибылъ во Львовъ тогда, когда Лжедимитрій и Мнишекъ съ набранною вольницею уже выступили въ походъ.

Главныя силы самозванца выступили во второй половинѣ августа 1604 года, а 25-го числа августа самозванецъ самъ выѣхалъ изъ Самбора, имѣя за собою прелестную Марину, а впереди богатѣйшій престолъ въ Москвѣ. Въ воскресенье 29-го августа онъ появился на короткое время во Львовѣ, присутствовалъ на мессѣ въ каѳедральномъ соборѣ и слушалъ проповѣдь одного іезуита. Когда проповѣдникъ подошелъ къ нему, чтобы привѣтствовать его, Лжедимитрій еще разъ повторилъ ему увѣреніе въ своей преданности папскому престолу и въ своемъ сочувствіи къ ордену іезуитовъ.

Отправляясь въ походъ, Мнишекъ еще разъ писалъ За-

мойскому, лукаво скрывая предъ нимъ правду и обѣщаніями выманивая его содѣйствіе:

„Милостивый государь, канцлеръ и гетманъ коронный, милостивый государь и другъ нашъ!

„Поручаю вашей милости, милостивому моему государю, мои покорныя услуги. Послѣ столь долгихъ размышленій его милости, царевича московскаго, я рѣшился отпустить его въ дорогу къ московской границѣ, такъ что теперь онъ находится уже въ пути; хотя многія обстоятельства и удерживали его отъ этого предпріятія, однако, я имѣлъ на то свои причины, по которымъ ему не приходилось далѣе откладывать этого путешествія. Считаю долгомъ сообщить вашей милости, милостивому моему государю, о тѣхъ причинахъ, по которымъ я отправилъ его въ путь: первая та, что я хотѣлъ оказать ему при отъѣздѣ его изъ моего дома сердечное мое расположеніе къ нему; вторая та, что я при его опасномъ положеніи хотѣлъ подать ему помощь въ его трудномъ положеніи; третья причина состоитъ въ томъ, что я вмѣстѣ съ другими изъявленіемъ ему своего благорасположенія хотѣлъ снискать народу польскому и нашему отечеству славу добросердечія; кромѣ того, я клонилъ дѣло къ тому, чтобы онъ (прежде, нежели Господь Богъ посадитъ его на престолѣ предковъ его, если это предопредѣлено ему) за все оказанное ему предложилъ нашему отечеству полезныя для него условія, и я не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ сдѣлалъ бы это, если бы у меня были средства для выполненія этого. Въ такомъ случаѣ я прошу и ищу совѣта у вашей милости, моего милостиваго государя, ибо дѣйствительно приведенная мною третья причина отправленія его— причина весьма важная, и я знаю, хотя многіе желали бы посовѣтоваться объ этихъ обстоятельствахъ на сеймѣ, но такъ какъ этого не случилось, то все-таки было бы не лишнимъ поддержать его въ его стремленіи къ удовлетворенію справедливаго дѣла его.

„Поручая все это вниманію вашей милости, моему милостивому государю, не сомнѣваюсь, что ваша милость, принявши это мое искреннее письмо, соблаговолитъ милостив-

сообщить мнѣ свое мнѣніе о немъ. Данъ въ Сокольникахъ августа 28 дня 1604 г. Вашей милости, милостиваго моего государя, другъ и покорный слуга Юрій Мнишекъ, воевода сендомирскій".

Походъ начинался для самозванца весьма счастливо. Въ самомъ началѣ его къ Лжедимитрію явилось посольство отъ донскихъ казаковъ съ предложеніемъ услугъ. Казаки къ тому же пришли не съ пустыми руками: они привезли съ собою московскаго дворянина Петра Хрущова, который отправленъ былъ къ нимъ царемъ Борисомъ уговорить ихъ, чтобы не приставали къ названному царевичу, а служили бы ему, царю Борису. Схваченный ими и заключенный въ оковы, Хрущовъ, какъ только увидалъ самозванца, такъ и упалъ ему въ ноги, якобы узнавъ въ немъ истиннаго царевича Димитрія. Самозванецъ освободилъ его отъ оковъ и сталъ разспрашивать о московскихъ дѣлахъ. Хрущовъ съ охотой сталъ разсказывать о нихъ и, видимо, наговорилъ много лишняго. Онъ сообщилъ самозванцу, что подметныя письма его производятъ большое смущеніе въ народѣ и даже между знатными людьми, что многіе готовы отстать отъ Бориса, что нѣкоторые уже претерпѣли казнь, такъ какъ пили за здоровье царевича, что Борисъ часто бываетъ боленъ, а одну ногу волочитъ такъ, какъ будто разбитъ параличомъ, что онъ самъ ускорилъ кончину своей сестры, вдовствовавшей царицы Ирины, которая будто бы не хотѣла благословить на царство его сына, что царскія войска совершали подозрительные переходы: ихъ подвинули къ Сѣверской области подъ предлогомъ набѣга на татаръ и т. п.

Особенно любопытно было слѣдующее сообщеніе. На пути изъ Москвы къ Дону Хрущовъ встрѣтился съ воеводами Петромъ Шереметевымъ и Михайломъ Салтыковымъ, которые были посланы съ войсками въ Ливны для обороны отъ набѣга крымскихъ татаръ. Приглашенный однимъ изъ воеводъ на обѣдъ, а другимъ на ужинъ, Хрущовъ сообщилъ имъ о своемъ порученіи къ донскимъ казакамъ. Тогда Шереметевъ сказалъ, что теперь онъ догадывается объ истинѣ: подъ предлогомъ татаръ ихъ посылаютъ противъ царевича.

„Но,—будто бы прибавилъ онъ,—трудно будетъ воевать противъ прирожденнаго государя“.

Допросы эти, предложенные Хрущову, и его отвѣты о состояніи московскаго двора, о настроеніяхъ въ Московскомъ государствѣ и о надеждахъ самозванца на успѣхъ, записанные 3-го сентября, передаютъ слѣдующія подробности весьма словоохотливыхъ рѣчей Хрущова:

„Въ началѣ спрашивали его: что тамъ о царевичѣ слышно, надѣются ли какого съ нимъ войска, и воспоминалъ ли что о немъ Борисъ? На сіе Хрущовъ сказалъ: я обо всемъ томъ совершеннаго извѣстія учинить не могу; понеже я въ замкѣ въ Васильгородѣ, далече отъ Москвы, былъ и оттуда призванъ, пять только дней въ Москвѣ жилъ. Однако жъ о чемъ я въ краткое время провѣдать могъ, вашей царской милости доношу: въ бытность мою въ Москвѣ, то токмо я слышалъ, что царевичъ въ Литвѣ есть, но войску его въ княжествѣ Сѣверскомъ быть не надѣются; слышалъ и сіе, что общенародно Борисъ о вашей царской милости сказывалъ (хотя я самъ при томъ не былъ), что онъ не царевичъ, и спрашивалъ у людей: его ли сторону держатъ. На то они ничего не сказали.

„Потомъ спрашивали его: имѣетъ ли кого доброжелательнаго тамъ царевичъ? Онъ отвѣчалъ, что воевода Путивльскій, будучи съ нимъ въ хорошихъ связяхъ, сказывалъ ему, что въ Путивлѣ и въ разныхъ иныхъ мѣстахъ подметныя письма отъ царевича являлись, которыя, когда читаны были, тогда великую любовь къ царевичу народъ возымѣлъ, о чемъ и Борису донесено. И по тому дѣлу онъ, Борисъ, приказалъ накрѣпко отъ тѣхъ людей провѣдывать и велѣлъ воеводѣ предъ собою явиться; и хотя онъ, воевода, въ невинности своей себя извинялъ, однакожъ, общенародную любовь къ царевичу видя и притомъ немилость отъ Бориса получить опасаяся, просилъ, дабы отъ уряду своего освобожденъ быть могъ. Такожъ и сіе Хрущовъ сказалъ, что по отправленіи своемъ изъ Москвы къ Дону встрѣтился съ гетманами Петромъ Шереметевымъ и Михайломъ Солтыковымъ, которые посланы отъ Бориса на Ливны въ Сѣверскую землю,

якобы отъ татаръ оборонять; и тѣ его къ себѣ, одинъ на обѣдъ, другой на ужинъ, просили, и тамъ Хрущовъ, отведя на сторону, упомянулъ о царевичѣ, сказавши, о чемъ ему съ донскими казаками говорить велѣно. Услыша то, Шереметевъ изумился и, пожавъ плечами, сказалъ: „мы ничего не знаемъ, однако, изъ сего догадываемся, что не противъ Перекопскаго царя, но противъ другого насъ отправляетъ; и ежели сіе такъ будетъ, то трудно противъ природнаго государя воевать".

„О предпріятіяхъ Борисовыхъ, когда его спрашивали: въ какомъ онъ намѣреніи обрѣтается, бороniться ли или уступать намѣренъ, пріуготовляетъ ли какое войско, гдѣ думаетъ пресѣчь намъ путь? На то онъ сказалъ, что я намѣренія его вѣдать не могу, понеже я изъ Васильгорода призванъ и къ донскимъ казакамъ вскорости посланъ; однакожъ то изъ устъ его слышалъ, что велѣлъ войску идти противъ Перекопскаго царя, сказывая, что его не обыкновеннымъ путемъ въ Сѣверскія земли вступить надѣются.

„Потомъ спрашивали: укрѣпляетъ ли какіе замки въ Сѣверской землѣ и дѣлаетъ ли засѣки? На то онъ сказалъ, какъ и прежде, что въ Ливнахъ наилучшему войску быть приказано, надъ которымъ Петръ Шереметевъ команду имѣть будетъ, а Михайло Солтыковъ въ Сѣверскіе замки новыхъ воеводъ съ ротмистрами и стрѣльцами послать намѣренъ, однажъ, въ бытность его еще не послано; замки наикрѣпчайшіе въ Сѣверской землѣ Путивль и Рыльскъ; по засѣкъ при немъ въ Сѣверской землѣ никакихъ не было, да и дѣлать ихъ не приказано.

„О казнѣ спрашивали: вывозитъ ли оную Борисъ? Онъ сказалъ, что тайнымъ образомъ онную выслать имѣлъ; и хотя трудно о томъ вѣдать, однакожъ, весьма вѣроятно, что въ Астрахань, а оттуда въ Персію казну послалъ съ Иваномъ Бутурлинымъ, которому придалъ пятнадцать тысячъ храбрѣйшихъ людей, хотя сказываютъ, что то чинится для очищенія дорогъ и изъ уваженія къ языческимъ корольkамъ.

„О шпіонахъ сказалъ: слышалъ онъ отъ новаго канцлера

Власьева, что купцы въ Литву посланы быть имѣли, какъ для иныхъ дѣлъ, такъ и для провѣдыванія, что здѣсь у насъ чинится.

„О здравіи Борисовомъ сказалъ, что онъ часто бываетъ боленъ и нѣсколько недѣль какъ не выходитъ, и ногу за собой волочитъ, параличомъ пораженъ пребывая.

„О сынѣ Борисовомъ спрашивалъ царевичъ: что о немъ Борисъ мыслитъ, хочетъ ли его наслѣдникомъ учинить и гдѣ его содержитъ? На что онъ отвѣчалъ: еще не объявилъ, однакожъ знать, что то учинить намѣренъ; понеже ко всѣмъ важнымъ дѣламъ его употребляетъ, при себѣ всегда содержитъ и такъ людей къ нему привлекаетъ, что о чемъ кто сына его проситъ, хотя бъ то великой важности было, безъ затрудненія получаетъ.

„Сверхъ того о кончинѣ двухъ главныхъ господъ, Василья Смирнова и Меньшаго Булгакова, между которыми одинъ въ тюремномъ заключеніи умерщвленъ, а другой утопленъ, сію причину сказалъ: что они, бывъ у себя на банкетѣ, пили за здравіе царевича Димитрія, о чемъ Борису отъ слугъ извѣстно учинилось; однакожъ онъ, Хрущевъ, и сіе предложилъ, что Булгаковъ въ бытность его къ утопленію приговоренъ, но еще погубленъ не былъ.

„О гонцѣ Отрепьевомъ, въ Литву посланномъ, сказалъ, что не при немъ въ Литву отправленъ; однакожъ въ толь великой любви и почтеніи у Бориса обрѣтается, что въ тѣхъ покояхъ бываетъ, куда токмо знатные господа и любимцы допускаются. Изъ сего легко выразумѣть можно, сколь справедливо того гонца присвоеніе свойственникомъ царевичевымъ, ибо ежели бы такъ было, то бъ онъ такого доступа къ Борису не имѣлъ, а паче по обыкновенію московскому со всѣмъ бы домомъ искорененъ былъ.

„О персидскомъ королѣ, какъ онъ съ Борисомъ обходится, такъ сказалъ, что отъ короля персидскаго послы были; Борисъ также любимца своего Михайла Татищева ясельничаго къ нему отправилъ, подарки большіе чрезъ него послалъ и даже своихъ пословъ чрезвычайно одарилъ, и милость оказалъ, но не вѣдаетъ, почему и для чего.

„О матери царевичевой сказалъ, что въ Москву привезена и въ замкѣ въ монастырѣ Дѣвичьемъ живетъ, что къ ней патріархъ и Борисъ въ монастырь ѣздили, и она въ покояхъ Борисовыхъ была; а какіе тамъ разговоры происходили, о томъ онъ неизвѣстенъ, однакожъ, можно познать, что она въ монастырѣ крѣпко содержится.

„О покойной, святой памяти, царя Ѳеодора женѣ, невѣсткѣ царя его милости, сестрѣ Борисовой, будучи спрашиванъ, сказалъ, что нечаянно умерла, однакожъ слышно, что самъ Борисъ, посѣщая въ монастырѣ, оную убилъ по той причинѣ, какъ полагаютъ, что она какъ его, такъ сына его на государствованіе благословить не хотѣла, говоря, что я царю Ѳеодору, супругу моему, присягу учинила и брату его Димитрію царевичу, я ко своему и твоему природному государю повинуюся, а не тебѣ, который незаконно овладѣлъ государствомъ; тебѣ тѣмъ бы довольствоваться надлежало, что ты великимъ господиномъ былъ, ибо царевичъ въ живыхъ обрѣтается".

Всѣмъ этимъ разсказамъ развязавшаго, вслѣдъ за оковами, свой языкъ Хрущова, а также пріѣзду казаковъ несказанно обрадовались самозванецъ и воевода Мнишекъ. Они тотчасъ сообщили ихъ нунцію Рангони, а отсюда, уже съ авторитетомъ достовѣрности, они быстро облетѣли всю Польшу и даже Европу. Въ сохранившемся до нашего времени отрывкѣ письма какого-то неизвѣстнаго лица къ духовной особѣ эта радостная вѣсть передается, быть можетъ, уже въ сотыя уста. „О нашемъ Димитріи,—пишетъ неизвѣстный,—я знаю только слѣдующее изъ его письма, посланнаго съ дороги. Онъ питаетъ отличныя надежды, ибо прибывшіе изъ Московіи извѣщаютъ, что вся эта страна ничего другого не желаетъ, какъ его прибытія. Тотъ тиранъ послалъ къ нѣкоторымъ изъ донскихъ казаковъ увѣщаніе, чтобы отстали отъ него, но они связали посла и отправили его къ Димитрію, который узналъ отъ него обо многомъ. Итакъ, идетъ впередъ съ полной надеждой и почти не сомнѣвается, что достигнетъ своей Сѣверской области".

Казаки, насчитывая въ своихъ рядахъ 10.000 человѣкъ,

обѣщали присоединиться къ самозванцу всею массою. Часть ихъ, тысячи двѣ, вскорѣ встрѣтила самозванца, остальные образовали особый отрядъ, дѣйствовавшій восточнѣе остальныхъ войскъ самозванца. Московскіе выходцы и донскіе казаки составляли одну и притомъ, съ военной точки зрѣнія, не лучшую часть маленькой арміи самозванца. Другая часть представляла собой небольшой, немногимъ больше тысячи человѣкъ, отрядъ польской шляхетской конницы, навербованной Мнишкомъ, вопреки предостереженіямъ Замойскаго. Эта конница имѣла правильное устройство, дѣлилась на хоругви (эскадроны) и находилась подъ командою избранныхъ „рыцарствомъ" гетмана и полковниковъ. Наконецъ, самозванецъ имѣлъ полное основаніе разсчитывать на помощь и со стороны запорожскаго казачества: дѣйствительно, большой отрядъ запорожцевъ пришелъ въ его лагерь уже значительно позже начала похода.

Изъ этого видно, что самозванецъ составлялъ свое войско съ полною неразборчивостію. Подъ его знамя стали люди самыхъ противоположныхъ стремленій и настроеній: коренной московскій человѣкъ и рядомъ съ нимъ шляхтичъ, презиравшій всякую „Москву"; казакъ, ушедшій отъ московскихъ порядковъ, и съ нимъ рядомъ служилый москвичъ, представлявшій опору этихъ самыхъ порядковъ; щепетильный „рыцарь", исполненный воинской чести со всѣми условностями его времени и среды, и съ нимъ рядомъ не признающій никакихъ условностей казакъ, ищущій одной добычи. Такой составъ войска не сулилъ ему прочныхъ успѣховъ, если бы даже войско и обладало значительною численностью. Но вся эта рать, по крайней мѣрѣ та ея часть, съ которою перешелъ Днѣпръ самъ самозванецъ, врядъ ли превышала 3.500 или 4.000 человѣкъ.

Въ первыхъ числахъ сентября 1604 года самозванецъ произвелъ смотръ своему войску въ Глинянахъ, и здѣсь ему дано было окончательное устройство. Штабъ войска состоялъ изъ воеводы Мнишка, его сына Станислава, ихъ родственниковъ и друзей. Высшее званіе гетмана было предложено воеводѣ сендомирскому. Подъ его начальствомъ находились два или три

полковника, избранные также большинствомъ голосовъ, и цѣлый сонмъ капитановъ. На время войны были составлены всѣми одобренныя, обязательныя правила. Утверждено было слѣдующее распредѣленіе войска: въ центрѣ, вокругъ краснаго знамени, украшеннаго чернымъ византійскимъ орломъ, на золотомъ фонѣ, шли главныя силы пѣхоты и кавалеріи съ Мнишкомъ и Лжедимитріемъ, у котораго была своя хоругвь; на правомъ флангѣ шли казаки, на лѣвомъ уланы и гусары; развѣдчиками и колонновожатыми арміи были также казаки.

Если принять во вниманіе старость и боевую неопытность главнаго предводителя, Мнишка, неподготовленность къ военнымъ дѣйствіямъ самозванца, разношерстность и ограниченность по количеству его войска, то станетъ совершенно понятнымъ, что не военныя силы и не личная доблесть самозванца доставили ему побѣду. Впослѣдствіи основательно говорили, что вторженіе самозванца въ Московское государство не было похоже на серьезное вражеское нашествіе: велъ самозванецъ только малую горсть людей и началъ свой походъ всего на одномъ только пунктѣ границы: „съ одного только кута украйны въ рубежъ сѣверскій вшолъ".

XXVI.

Сѣверская Украйна.

Настроеніе московскаго люда въ Сѣверской украйнѣ и вообще на московскомъ югѣ какъ нельзя болѣе благопріятствовало вторженію самозванца, и ему это было очень хорошо извѣстно. До перехода войскъ самозванца черезъ Днѣпръ еще въ Васильковѣ его нареченный тесть, Юрій Мнишекъ, выражалъ опредѣленную надежду на то, что пограничныя московскія крѣпости сдадутся имъ безъ боя. Неизвѣстны основанія этой увѣренности Мнишка, но есть возможность выяснить тѣ обстоятельства, которыя подготовили отпаденіе южныхъ областей отъ царя Бориса.

Исходъ XVI вѣка отмѣченъ усиленнымъ, вслѣдствіе сложившихся въ Московскомъ государствѣ обстоятельствъ, выходомъ рабочаго населенія изъ центра государства на окраины. Главными причинами, всколыхнувшими народную массу и двинувшими ее съ привычныхъ мѣстъ на поиски новой осѣдлости, были передача черныхъ и дворцовыхъ земель въ частное пользованіе служилыхъ владѣльцевъ и тотъ переворотъ, какой произвела въ служиломъ землевладѣніи опричнина. Но и вышедшіе на южную границу не долго пользовались тамъ просторомъ и привольемъ, такъ какъ быстрая правительственная заимка „дикаго поля" приводила свободное населеніе въ зависимость. Даже казачество привлекалось на службу государству и шло служить въ пограничные города и на сторожевые пограничные посты и линіи. Отсюда являлось глухое недовольство въ украинномъ населеніи, которое нигдѣ не могло укрыться. Недовольство это должно было рости и увеличиваться, такъ какъ служилыя тяготы возлагались на населеніе неумѣренно и безъ осмотрительности. Такимъ образомъ пришлый на украины людъ на родинѣ избывъ одного зла, на новыхъ мѣстахъ находилъ другое, изъ крестьянъ и холопей превратясь въ государевыхъ служилыхъ людей. Если раньше онъ негодовалъ на „сильныхъ людей", землевладѣльцевъ, его кабалившихъ, то теперь онъ долженъ былъ свою непріязнь перенести на правительство и его агентовъ, которые угнетали его государевою службою и пашнею. Къ этимъ постояннымъ условіямъ недовольства ко времени появленія самозванца присоединились новыя обстоятельства, взволновавшія населеніе. Это были послѣдствія трехлѣтнихъ неурожаевъ и голодовки, и послѣдствія подозрительности и опалъ царя Бориса. Мы уже знаемъ, до какихъ ужасныхъ размѣровъ доходило бѣдствіе, постигшее страну послѣ неурожаевъ, слѣдовавшихъ другъ за другомъ. Страданія народа становились еще тяжелѣе отъ спекуляціи хлѣбомъ, которою занимались не только рыночные скупщики, но и крупные представители высшихъ сословій. Голодъ и безработица, а также злоупотребленія сильныхъ людей, толкали многихъ на большую дорогу, чтобы

грабежомъ и разбоемъ добывать себѣ пропитаніе, и даже составлять шайки съ характеромъ соціальныхъ бунтарей. Преслѣдованія властей загоняли и ихъ на украйны. По вѣроятному счету Авраамія Палицына, въ первые годы XVII вѣка въ украйные города сошло болѣе двадцати тысячъ человѣкъ, способныхъ носить оружіе. Разумѣется, не всѣ они вышли изъ разбойничьихъ шаекъ и не всѣ принадлежали къ числу „злодѣйствующихъ гадовъ", которые, по словамъ Палицына, бѣжали въ польскіе и сѣверскіе города, чтобы избыть тамъ заслуженной смерти. Палицынъ въ изобразительномъ очеркѣ указываетъ рядъ причинъ, уже знакомыхъ намъ, толкавшихъ людей къ выселенію въ пограничныя мѣста. Въ голодное время многіе господа распустили свою „челядь", дворовыхъ людей, чтобы не кормить ихъ, и эти люди нигдѣ не находили пріюта, такъ какъ не получали установленныхъ отпускныхъ; для нихъ украйна была единственнымъ мѣстомъ, гдѣ они чаяли избавиться отъ нужды и зависимости. Грубыя насилія господъ надъ ихъ недавно пріобрѣтенными „рабами" и крестьянами, разлученіе мужей отъ женъ, родителей отъ дѣтей, оскорбленія подневольныхъ женщинъ заставляли терпѣвшихъ искать исхода въ побѣгѣ на украйну. Наконецъ, опалы отъ царя Бориса на бояръ вели къ конфискаціи боярскихъ имуществъ и къ освобожденію ихъ дворни, съ „заповѣдью" никому тѣхъ слугъ къ себѣ не принимать. И ихъ, какъ прочихъ угнетенныхъ и гонимыхъ, голодныхъ и безпріютныхъ, принимала та же украйна, тѣ же „польскіе и сѣверскіе городы".

Такимъ образомъ къ давнему населенію украинныхъ мѣстъ, къ большому количеству осѣвшихъ на рубежахъ „тамошнихъ старыхъ собравшихся воровъ", какъ презрительно называетъ пограничныхъ жителей старецъ Авраамій, прилила новая волна выходцевъ изъ государственнаго центра, выброшенная на югъ обстоятельствами самыхъ послѣднихъ лѣтъ передъ появленіемъ самозванца. Новые приходцы, только что перенесшіе ужасы голодовки, видавшіе и на себѣ испытавшіе гнетъ сильныхъ людей и правительственное преслѣдованіе, могли только обновить на украйнѣ чувства неудовольствія

на общественный и правительственный порядокъ. Этимъ-то моментомъ въ настроеніи украйны и сумѣли воспользоваться самозванецъ или люди, руководившіе его предпріятіемъ. Движеніе войскъ самозванца было направлено именно въ московскую украйну съ тѣмъ расчетомъ, чтобы сдѣлать область сѣверскихъ и польскихъ городовъ операціоннымъ базисомъ для наступленія на Москву. Самозванецъ не смущался тѣмъ, что вступалъ на московскую территорію въ самомъ далекомъ отъ Москвы мѣстѣ литовскаго рубежа. Онъ не стремился воспользоваться обычнымъ въ ту эпоху прямымъ путемъ изъ Литвы на Москву отъ Орши черезъ Смоленскъ и Вязьму, хотя на этомъ пути и существовалъ весьма благопріятный для него безпорядокъ: грабежи и убійства „отъ бѣлой Руси" и казаковъ. Онъ понималъ, очевидно, что прямой путь на Москву хорошо обставленъ крѣпостями и потому мало доступенъ, а далекая отъ Москвы Сѣверская украйна не только доступна, но и сулитъ сама поддержку его предпріятію. Расчетъ его оказался совершенно вѣренъ.

Походъ самозванца начался блистательно. Въ серединѣ августа 1604 года самозванецъ съ своимъ маленькимъ войскомъ двинулся отъ Самбора и Львова къ Днѣпру и подошелъ къ Кіеву черезъ Фастовъ и Васильковъ. Въ этихъ мѣстахъ войско соблюдало уже военныя предосторожности и шло обычнымъ походнымъ порядкомъ въ пяти колоннахъ, изъ которыхъ главную составляли польскія роты, а передовую и арріергардную—казаки. Предосторожности приняты были потому, что войско шло по воеводству князя Острожскаго, а сынъ его, краковскій каштелянъ, князь Янушъ, враждебно относился къ самозванцу, говорилъ, что не пропуститъ за границу государства толпу людей, вооружившихся самовольно и шедшихъ нарушить миръ съ сосѣдней державой. Янушъ, очевидно, дѣйствовалъ по соглашенію съ канцлеромъ Яномъ Замойскимъ, а также со своимъ престарѣлымъ отцомъ, кіевскимъ воеводою княземъ Константиномъ Острожскимъ. Такъ какъ въ ихъ распоряженіи находилось нѣсколько тысячъ хорошаго войска, то ополченіе самозванца очень боялось напа-

денія, не спало по цѣлымъ ночамъ и держало наготовѣ коней. Юрій Мнишекъ въ это время усиленно разсылалъ гонцовъ съ просьбами и къ Замойскому, чтобы онъ удержалъ Острожскаго, и къ нунцію Рангони, чтобы онъ повліялъ на Замойскаго. Просьбы его были услышаны: самозванецъ безпрепятственно дошелъ до Днѣпра подъ Кіевомъ. Вѣроятно, въ Васильковѣ, гдѣ стояли три дня, окончательно былъ рѣшенъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Было условлено, что главныя силы самозванца двинутся черезъ Днѣпръ подъ Кіевомъ, а отряды донскихъ казаковъ, не поспѣвшіе соединиться съ самозванцемъ на правомъ берегу Днѣпра, войдутъ въ Московское государство восточнѣе, степными дорогами: самъ самозванецъ съ поляками бралъ себѣ Сѣверу, а казаки Поле.

Изъ Василькова 7-го октября самозванецъ прибылъ въ Кіевъ... Католическій бискупъ Кіева, Христофоръ Казимірскій, не скрывалъ своихъ симпатій къ царевичу, далъ въ честь его парадный обѣдъ и поощрялъ его къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ. Простоявъ около Кіева три дня, самозванецъ двинулся въ Вышгородъ къ Днѣпру, составлявшему въ то время границу Польши и Московскаго государства. 10-го октября походныя палатки были разбиты на берегу рѣки. Тутъ самозванецъ встрѣтилъ неожиданное препятствіе: на рѣкѣ не оказалось ни одной лодки, которой войско могло бы воспользоваться для переправы. Князь Янушъ приказалъ угнать всѣ лодки и паромы. Не мало времени потрачено было на то, чтобы при помощи кіевлянъ устроить перевозъ. 13-го октября совершена была переправа войска самозванца на лѣвый берегъ Днѣпра, въ благодатныя земли Московской Сѣверской украйны. Мѣсто для переправы было выбрано такъ, чтобы послѣ перехода черезъ Днѣпръ оказаться на правомъ берегу Десны и этимъ избѣжать необходимости впослѣдствіи переправляться черезъ эту послѣднюю. Именно на правомъ берегу Десны находились московскія крѣпости Моравскъ, Черниговъ и Новгородъ-Сѣверскій и отъ нихъ шелъ прямой торный путь къ Москвѣ черезъ верховья Оки. Овладѣть этими городами и большою дорогою на Карачевъ и Болховъ или же „посольскою“ дорогою на Кромы, Орелъ

и Мценскъ и затѣмъ выйти на Тулу или Калугу, вотъ въ чемъ, безъ сомнѣнія, состоялъ планъ самозванца.

Въ благодарность кіевлянамъ за помощь при переправѣ, самозванецъ здѣсь же подъ Вышгородомъ далъ имъ льготу па вѣчныя времена, съ правомъ безпошлинной торговли въ предѣлахъ Московскаго государства.

Первою московскою крѣпостью на пути самозванца былъ городъ Моравскъ. Эта маленькая крѣпость неожиданно получила первостепенное значеніе: для самозванца многое зависѣло отъ первой встрѣчи и перваго препятствія... Окажутся ли справедливыми донесенія о томъ, что украинское населеніе съ нетерпѣніемъ ждетъ своего законнаго государя Димитрія?.. Дѣйствительность превзошла ожиданія.

Еще не доходя до московскаго рубежа и до послѣдней польско-литовской крѣпости Остра, въ деревнѣ Жукинѣ самозванецъ получилъ извѣстіе, что черниговскій пригородъ Моравскъ сдался ему безъ боя. Черезъ какую-нибудь недѣлю сдался и Черниговъ. Въ обоихъ городахъ произошли одинаковыя событія. Приближеніе „царя и великаго князя Димитрія Ивановича“ вызывало колебаніе въ гарнизонѣ. Воеводы со своимъ штабомъ и съ высшими чинами гарнизона помышляли о сопротивленіи, а толпа казаковъ и стрѣльцовъ— о сдачѣ. Въ Моравскѣ безъ выстрѣла связали воеводъ Ладыгина и Безобразова, и крѣпость съ 700 человѣкъ гарнизона отворила ворота и признала царя Димитрія. Въ Черниговѣ сперва часть гарнизона, человѣкъ около 300 стрѣльцовъ, подъ вліяніемъ воеводъ начала изъ цитадели бой съ пришедшими, но вынуждена была сдаться, когда остальные черниговцы пошли сами на крѣпость съ войсками самозванца; и здѣсь воеводы были выданы самозванцу населеніемъ.

Восторгъ населенія проявлялся весьма бурно, особенно въ Моравскѣ. Ворота крѣпости были открыты, жители толпами вышли навстрѣчу Лжедимитрію, выстроились по обѣ стороны дороги, плакали отъ радости и выражали свои чувства въ простодушныхъ выраженіяхъ:

— Солнышко наше... Димитрій Ивановичъ вернулся къ намъ!..

Въѣздъ самозванца въ крѣпость походилъ на возвращеніе государя въ свои владѣнія, къ своему народу. Ему поднесли хлѣбъ-соль, ключи отъ крѣпости и золотыя монеты. Священники встрѣтили его со святою водою и иконами, къ которымъ онъ приложился. Въ знакъ торжества жители открыли пальбу изъ орудій.

Послѣ столь блестящаго успѣха самозванецъ могъ разсчитывать на все...

Въ Черниговѣ большую непріятность доставили самозванцу казаки. Они воспользовались сопротивленіемъ воеводы, князя Татева, и принялись грабить городъ, какъ бы взятый ими съ бою. Напрасно перепуганные жители послали жалобу самозванцу, а сей послѣдній отрядилъ поляковъ съ приказомъ оберегать гражданъ: пока они прибыли, казаки успѣли все разграбить и опустошить. Разгнѣванный самозванецъ велѣлъ все возвратить черниговцамъ, но они обратно получили немного.

Былъ уже конецъ октября мѣсяца. Самозванецъ со своимъ войскомъ цѣлую недѣлю отдыхалъ подъ Черниговомъ. Въ эти дни поляки въ конецъ огорчили самозванца и убѣдили его въ томъ, какъ мало было порядка и дисциплины въ той вольницѣ, которая называлась войскомъ самозванца. Дѣло возникло изъ-за денегъ. Когда у самозванца не хватило ихъ, чтобы заплатить полякамъ жалованье, въ войскѣ вспыхнуло возмущеніе. Бунтовщики захватили знамя, собрались вокругъ него и ушли изъ лагеря, направляясь въ Польшу и унося съ собою всю надежду Лжедимитрія на побѣду. Самозванецъ бросился за ними въ погоню, осыпалъ ихъ упреками, прельщалъ обѣщаніями, но бунтовщики хотѣли злотыхъ и не возвращались на обѣщанія. Самозванецъ былъ близокъ къ полному отчаянію. Онъ призвалъ ксендзовъ и со слезами на глазахъ, растроганный и смущенный, былъ внѣ себя, не зная какъ взяться за дѣло. Все-таки удалось вернуть бѣглецовъ и успокоить самозванца.

Такимъ образомъ начало похода превосходило ожиданія: населеніе безъ боя сдавалось Лжедимитрію и даже само шло навстрѣчу его предпріятію. Лѣтописецъ того времени имѣлъ

полное основаніе записать объ этомъ предательствѣ: „Люди, которые въ государствѣ за ихъ богомерзкія злодѣйскія дѣла приговорены были на сожженіе, а другіе къ ссылкѣ, бѣжали въ литовскую землю за рубежъ и злые плевелы еретическіе сѣяли, между царствъ вражду и ссору дѣлали; и въ Сѣверской странѣ мужики севрюки, люди простые, забывъ Бога и душу свою, повѣря сендомирскому воеводѣ съ товарищами, начали приставать къ вору“.

Однако самозванецъ не медлилъ и вскорѣ съ войскомъ своимъ отправился къ слѣдующей московской крѣпости, Новгороду-Сѣверскому. Но здѣсь его ждала первая неудача.

XXVII.

Новгородъ-Сѣверскій, Путивль, Кромы.

Прошли безвозвратно счастливые дни Бориса Годунова. Бѣдствіе и невзгоды посыпались на его дотолѣ незнавшую неуспѣха голову и пріучили его къ неудачамъ. Казалось, все вооружилось противъ надменнаго царя...

Таинственное имя, ужаснувшее царя Бориса, уже перестало быть грознымъ призракомъ: самозванецъ хозяйничалъ уже въ предѣлахъ Московскаго государства. Годуновъ долго колебался. Ему не хотѣлось воевать съ бродягой, но когда всѣ предупредительныя средства не удались, пришлось принять унизительный для царя вызовъ. Четыре мѣсяца Годуновъ медлилъ. Самозванецъ за это время перешелъ Днѣпръ, устроился въ Сѣверской области и своимъ именемъ всколыхнулъ народныя массы.

Давно была пора оказать ему противодѣйствіе!..

Царь Борисъ велѣлъ набирать полки. Въ приговорѣ о наборѣ, однако, онъ долженъ былъ признаться, что „войска очень оскудѣли: одни, прельщенные воромъ, передались ему; многіе казаки, позабывъ крестное цѣлованіе, измѣнили; иные отъ долгаго стоянія изнурились, издержались и разо-

шлись по домамъ; многіе люди, имѣя великія помѣстья и отчины, службы не служатъ ни сами, ни дѣти ихъ, ни холопи, живутъ въ домахъ, не заботясь о гибели царства и святой церкви". Поэтому царь рѣшилъ произвести поголовный наборъ всѣхъ способныхъ носить оружіе, „чтобы всѣ патріаршіе, митрополичьи, архіепископскіе, епископскіе и монастырскіе слуги, сколько ни есть ихъ годныхъ, немедленно собравшись съ оружіемъ и запасами, шли въ Калугу; останутся только старики да больные". По областямъ разосланы были указы о скорѣйшемъ сборѣ служилыхъ людей подъ угрозой всякихъ наказаній и лишенія имѣній ослушникамъ. Съ каждыхъ 200 четвертей пахотной земли приказано было помѣщикамъ и вотчинникамъ выставлять ратника съ конемъ, доспѣхомъ и запасомъ. Но при всѣхъ стараніяхъ и угрозахъ подъ Брянскомъ успѣли собрать только отъ 40 до 50 тысячъ войска, которое раздѣлилось на пять полковъ. Главнымъ воеводою назначенъ былъ князь Θеодоръ Ивановичъ Мстиславскій.

Одновременно царь Борисъ перемѣнилъ въ Сѣверской области нѣкоторыхъ воеводъ, но было уже поздно. Посланные имъ навстрѣчу самозванцу въ Черниговъ воеводы, князь Н. Р. Трубецкой и окольничій Петръ Басмановъ, немного не успѣли дойти до этого города. Узнавъ о сдачѣ его, они съ отрядомъ московскихъ стрѣльцовъ и брянскихъ дѣтей боярскихъ, съ казаками изъ Кромъ, Бѣлева и Трубчевска бросились въ Новгородъ-Сѣверскій и приготовили его къ оборонѣ: укрѣпили острогъ, сожгли кругомъ всѣ жилыя постройки, согнали въ острогъ мѣстныхъ стрѣльцовъ и казаковъ и сѣли въ осаду, ожидая самозванца. Когда передовой отрядъ поляковъ потребовалъ сдачи города якобы законному государю, имъ отвѣтили изъ крѣпости:

— А, ... дѣти! Пріѣхали на наши деньги съ воромъ!

Самъ Петръ Θеодоровичъ Басмановъ, стоя на стѣнѣ съ зажженнымъ фитилемъ подлѣ пушки, отвѣчалъ, что ихъ государь и великій князь Борисъ Θеодоровичъ находится въ Москвѣ, а что пришедшій съ поляками есть воръ и обманщикъ. Самозванецъ рѣшилъ взять городъ силою. Однако всѣ

старанія его были напрасны. Весь гарнизонъ стойко выдержалъ и бомбардировку, и штурмы. Рѣшительный и храбрый Басмановъ съ честью отражалъ непріятеля. Раздраженный помѣхою, самозванецъ пришелъ въ уныніе и началъ укорять поляковъ:

— Я думалъ больше о полякахъ, а теперь вижу, что они такіе же люди, какъ и другіе.

— Мы,—отвѣчали поляки,—не имѣемъ обязанности брать города приступомъ, однако, не отказываемся и отъ этого, пробей только отверстіе въ стѣнѣ.

Пререканія близки были къ полной размолвкѣ, но въ это время въ лагерь самозванца стали приходить отрадныя вѣсти.

Пока главныя силы самозванца стояли занятыя осадой, маленькія партіи и разъѣзды изъ его стана двигались во всѣ стороны, достигая даже Путивля, и дѣйствовали успѣшно. Сѣверщина продолжала волноваться и переходить на сторону самозванца. Въ то же время дѣйствовали въ пользу „царя Димитрія“ и тѣ казаки, которые подступали въ Московское государство по Крымской дорогѣ. Запорожскіе казаки шли къ самозванцу подъ Новгородъ-Сѣверскій черезъ Путивль и Рыльскъ. Донскіе казаки отъ Бѣлгорода шли на Рыльскъ, Курскъ и Кромы. Города, стоявшіе на этихъ путяхъ, оказались въ районѣ казачьяго движенія и были увлечены его потокомъ очень рано. Стоя подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ, самозванецъ то и дѣло получалъ извѣстія о сдачѣ ему городовъ и принималъ приводимыхъ ему городскихъ воеводъ. Въ теченіе двухъ недѣль ему были сданы Путивль, Рыльскъ, Сѣвскъ съ его уѣздомъ, носившимъ названіе Комарицкой волости, Курскъ и Кромы. Нѣсколько позднѣе узналъ онъ о сдачѣ болѣе отдаленныхъ городовъ: Бѣлгорода, Царева-Борисова, Оскола, Ливенъ, Валуекъ и другихъ. Ему повиновалось теперь огромное пространство по Деснѣ, Сейму, Сѣверскому Донцу и даже верхней Окѣ. Силы его быстро росли отъ присоединенія къ нему новыхъ мѣстъ и свѣжихъ казачьихъ и городскихъ отрядовъ. Въ его станъ приходили не одни стрѣльцы и казаки, но пріѣзжали дво-

ряне и дьяки, предлагая ему не только свои услуги, но и деньги, порученныя имъ Борисомъ. Въ окопы самозванца подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ привозили изъ Путивля и другихъ городовъ крѣпостную артиллерію для дѣйствій противъ осажденныхъ. Такимъ образомъ лагерь Лжедимитрія стягивалъ къ себѣ значительныя силы уже изъ Московскаго государства, и самозванецъ сталъ опираться на московскую часть своихъ войскъ гораздо тверже, чѣмъ въ началѣ похода, когда онъ всецѣло зависѣлъ отъ польскихъ ротъ. Но и теперь, спустя мѣсяцъ послѣ начала новгородъ-сѣверской осады, поляки были лучшею частью его войска.

Въ это время разнесся слухъ, что на выручку Новгорода-Сѣверскаго приближается армія царя Бориса. Слухъ оправдался: брянская армія, подъ начальствомъ князя Мстиславскаго, въ серединѣ декабря подошла къ Новгороду-Сѣверскому. 21-го декабря произошло сраженіе. Польскія роты самозванца съ успѣхомъ выдержали первую стычку. Онѣ овладѣли знаменемъ, ранили самого военачальника, князя Мстиславскаго, и оттѣснили московское войско съ поля битвы. Однако самозванецъ пропустилъ минуту, чтобы ударить всѣми своими силами, и побѣда его осталась нерѣшительною. Очевидецъ сраженія, Маржеретъ, видѣвшій превосходство московскихъ силъ, замѣчаетъ, однако, о самомъ сраженіи: „казалось, у россіянъ не было рукъ для сѣчи"... Лжедимитрій, въ порывѣ восторга, приписалъ побѣду частицѣ Животворящаго Креста, полученной имъ отъ ксендзовъ. За нѣсколько дней до сраженія онъ встрѣтилъ одного изъ нихъ на большой дорогѣ и, подойдя къ нему, сказалъ:

— Я далъ обѣтъ, если Господь благословитъ мое предпріятіе, воздвигнуть въ Москвѣ церковь въ честь Божіей Матери и намѣренъ предоставить ее вамъ.

Поощренный этими словами, ксендзъ упомянулъ о драгоцѣнной реликвіи, присланной незадолго передъ тѣмъ изъ Польши и предназначавшейся для самозванца. Лжедимитрій въ порывѣ набожности выразилъ желаніе тотчасъ получить эту реликвію, надѣлъ ее на шею и послѣ одержанной побѣды вспоминалъ Константина Великаго и говорилъ, что небо

покровительствуетъ ему такъ же точно, какъ этому сопернику Максенція.

Однако тотчасъ же послѣ сраженія большинство поляковъ окончательно разссорилось съ самозванцемъ и рѣшило вернуться на родину. Вмѣсто богатой добычи имъ пришлось встрѣчать на пути своемъ лишенія и труды, а тутъ еще самозванецъ не платилъ условленнаго жалованья. Хотя взамѣнъ ихъ къ самозванцу явилось нѣсколько тысячъ запорожцевъ, даже съ пушками, однако названный царь Димитрій боялся остаться безъ польскихъ товарищей, тѣмъ болѣе, что съ ними уѣзжалъ и его нареченный тесть Мнишекъ. Послѣднія событ'я, очевидно, и надоѣли ему, и смутили. Предлогомъ для возвращенія явилось приказаніе короля вернуться всѣмъ полякамъ на родину, разосланное вслѣдствіе посольства въ Польшу Постника-Огарева для вида, для того, чтобы отклонить отъ польскаго правительства обвиненіе въ соучастіи съ самозванцемъ. „Царь“ ѣздилъ между польскими ротами, умоляя ихъ остаться, и даже билъ челомъ до земли, „падалъ крыжемъ“ передъ ними. Поляки все-таки ушли въ громадномъ большинствѣ своемъ, остались изъ нихъ всего по нѣскольку человѣкъ изъ роты. Хотя потомъ нѣкоторые изъ ушедшихъ снова пришли служить „царевичу“ и, кромѣ того, являлись къ нему и свѣжіе отряды польско-литовскаго „рыцарства“, однако общее число поляковъ въ войскахъ самозванца оставалось ничтожнымъ.

Достойно вниманія, что и на этотъ разъ самозванецъ обратился за поддержкою къ ксендзамъ и со слезами просилъ ихъ помочь ему. Они обѣщали во что бы то ни стало остаться съ нимъ. Это было имъ приказано, и они остались на своемъ посту. Въ самый критическій моментъ войско увидѣло, что повозка, въ которой они ѣхали, двинулась по дорогѣ въ Москву. Примѣръ ксендзовъ повліялъ на нѣкоторыхъ поляковъ.

Потерявъ съ уходомъ поляковъ свое лучшее войско, самозванецъ снялъ осаду Новгорода-Сѣверскаго, взять который онъ не надѣялся въ виду близости главной арміи царя Бориса. Эта армія все время держалась между Новгородомъ-

Сѣверскимъ и Стародубомъ. Самозванецъ отошелъ на востокъ, къ Сѣвску, и отвелъ свое войско на отдыхъ въ Комарицкую волость, обильную хлѣбомъ, медомъ и всякими съѣстными припасами. Самъ онъ засѣлъ въ укрѣпленномъ Сѣвскѣ, а на мѣсто Мнишка назначилъ гетманомъ Адама Дворжицкаго. Теперь самозванецъ былъ такъ неспокоенъ, какъ никогда ранѣе. Его тревожили два событія: измѣна поляковъ, которая могла повториться, и широко распространившіеся слухи объ отреченіи его отъ православной вѣры. Такъ какъ и первая тревога, и вторые слухи имѣли подъ собою совершенно вѣрныя основанія, то положеніе самозванца было крайне опаснымъ. Ему грозила двойная опасность: быть покинутымъ поляками и сдѣлаться ненавистнымъ для всѣхъ русскихъ. Лжедимитрій строилъ фантастическія догадки объ интригѣ, которая будто бы велась противъ него Замойскимъ и Янушемъ Острожскимъ, и обратился за помощью къ нунцію Рангони, умоляя защитить его.

Въ это же время, когда самозванецъ старался обезопасить себя съ этой стороны, войско царя Бориса угрожало ему неизбѣжнымъ сраженіемъ. Послѣ новгородъ-сѣверской битвы къ нему прибыли новыя подкрѣпленія и въ помощь князю Мстиславскому присланъ былъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Всей рати собралось до 60 тысячъ. Отъ Стародуба воеводы двинули ее къ Сѣвску. Лжедимитрій съ своей стороны вышелъ имъ навстрѣчу, имѣя у себя всего войска отъ 15 до 20 тысячъ человѣкъ. 20 января 1605 г. произошла рѣшительная битва у деревни Добрыничи, недалеко отъ Сѣвска, на рѣкѣ Сѣвѣ. Самозванецъ былъ совершенно разбитъ и отброшенъ на югъ. Когда остатки его войска бросились въ безпорядочное бѣгство, онъ самъ поспѣшно бѣжалъ въ Рыльскъ, но не удержался здѣсь и бѣжалъ далѣе, въ Путивль, гдѣ и засѣлъ, собирая остатки своего войска. Каменный путивльскій кремль давалъ ему отличную защиту. Но и въ Путивлѣ его положеніе было крайне опаснымъ, и онъ уже хотѣлъ бѣжать въ Польшу, но былъ удержанъ путивлянами, которые не ждали себѣ пощады отъ царя Бориса. Опасность въ Путивлѣ для него была такъ велика,

что если бы войско московское могло сосредоточиться на осадѣ Рыльска и Путивля, ускорить свое движеніе и гнаться по пятамъ за самозванцемъ, то, конечно, успѣло бы взять оба города и захватить самого самозванца и тѣмъ положить конецъ походу „царя Димитрія" на „хлопа Бориса". Къ сожалѣнію, этого не случилось. Окончательному успѣху московскаго войска помѣшали успѣхи приверженцевъ самозванца на большомъ пространствѣ южной и западной окраинъ Московскаго государства, а также непригодность тогдашняго войска къ продолжительнымъ походамъ, изнурявшимъ его и вынуждавшимъ уходить изъ строя по недостатку запасовъ.

Послѣ побѣды московское войско занялось осадою Рыльска. Здѣсь полученъ былъ строгій выговоръ царя за то, что войско упустило изъ своихъ рукъ самозванца и дало ему возможность снова усиливаться. Воеводы сняли осаду Рыльска и отошли въ Комарицкую волость для отомщенія ея жителямъ за измѣну. Всѣ ужасы этого мщенія и грустныя послѣдствія его для самихъ мстителей картинно описалъ Масса въ своихъ сказаніяхъ о смутномъ времени.

„Услыхавъ,—разсказываетъ онъ,—что Димитрій прошелъ волость Комарицкую, всѣ жители которой присягнули ему, Борисъ призвалъ къ себѣ касимовскаго царя Симеона, бывшаго нѣкогда царевичемъ казанскимъ... Этому Симеону Бекбулатовичу, какъ повелителю всѣхъ касимовскихъ татаръ, приказано было собрать всѣхъ своихъ воиновъ, число которыхъ приблизительно простиралось до 40.000 конныхъ татаръ. Борисъ приказалъ ему съ этимъ войскомъ напасть на Комарицкую волость, все жечь, грабить и опустошать, всѣхъ мужчинъ и старыхъ женщинъ мучить ужасными пытками, а молодыхъ женщинъ и дѣтей продавать въ вѣчное рабство и отсылать въ Татарію. Это приказаніе было исполнено, потому что татары весьма искусны въ дѣлѣ разоренія страны. Къ нимъ присоединилось еще нѣсколько москвитянъ и другихъ людей. Они такъ разорили Комарицкую волость, что въ ней не осталось ни кола, ни двора. Мужчинъ вѣшали за ноги на деревья или жгли, а обезчещенныхъ женщинъ сажали на деревянные колья, на раскаленныя сковороды и гвозди;

дѣтей же бросали въ огонь и воду, а молодыхъ дѣвушекъ продавали. Чѣмъ болѣе татары касимовскіе мучили жителей Комарицкой волости, тѣмъ болѣе они склонялись къ тому, чтобы признать Димитрія своимъ законнымъ царемъ, и никакія мученія не могли ихъ заставить отказаться отъ своихъ словъ. Они постоянно были вѣрны Лжедимитрію и дѣлались болѣе и болѣе неуступчивыми до самой смерти. Увидавъ и услыхавъ это, жители сосѣднихъ мѣстностей стали думать: если наши соотечественники и наши начальники, присланные изъ Москвы, такъ обходятся, то намъ лучше скорѣе перейти къ Димитрію, который насъ будетъ защищать. Кто только могъ добраться до него или достигнуть его лагеря, не хотѣлъ и слышать о Москвѣ. Московское войско ничего не могло сдѣлать и только грабило и опустошало въ продолженіе всей зимы, тогда какъ войско Димитрія безъ остановокъ подвигалось все далѣе и захватывало все, что только было возможно".

Получивъ выговоръ царскій, военачальники оскорбились и, по словамъ лѣтописи, „съ той поры многіе начали думать, какъ бы царя Бориса избыти". Дѣйствительно, захватъ самозванца былъ легко возможенъ, но воеводы не смогли сдѣлать это. „Непріятель могъ бы преслѣдовать насъ,—писалъ ксендзъ Лавицкій, — настигнуть насъ и всѣхъ перебить и поджечь станъ; но Провидѣніе не допустило до этого, онъ остановился приблизительно въ разстояніи одной версты, не посмѣвъ воспользоваться одержанною побѣдой". Медленность московскаго войска спасла самозванца. Оскорбленные царскимъ выговоромъ, князья Мстиславскій и Шуйскій покинули Комарицкую волость и двинулись на соединеніе съ Ѳеодоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ, который осаждалъ Кромы.

Возстаніе многихъ украинныхъ городовъ противъ Московскаго правительства сообщило Кромамъ огромное стратегическое значеніе, а Борисовы воеводы не сумѣли во-время удержать за собою этотъ крѣпкій городокъ. Они не могли дѣйствовать на рѣкѣ Сеймѣ противъ самозванца, имѣя за собою Кромскую крѣпость, къ которой многими дорогами могли подойти въ тылъ имъ казацкія войска. Но и само-

званецъ, если бы потерялъ Кромы, вмѣстѣ съ тѣмъ потерялъ бы и возможность удобнаго выхода къ Калугѣ, и черезъ нее къ Москвѣ, и былъ бы поставленъ въ необходимость наступать далѣе по правому берегу Оки, имѣя передъ собою рядъ сильнѣйшихъ крѣпостей на переправахъ. Обѣ стороны стремились обладать Кромами и всю весну 1605 г. провели въ борьбѣ за этотъ городъ. Московскіе воеводы стянули сюда всѣ свои силы, а самозванецъ изъ Путивля посылалъ сюда подкрѣпленія и писалъ въ другіе города о необходимости поддержать гарнизонъ Кромъ. Маленькій городокъ, построенный всего за десять лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1595 г., получилъ, по словамъ современнаго намъ историка Платонова, совершенно такое же значеніе, какое принадлежало на нашей памяти маленькой болгарской Плевнѣ. Поставленный на горѣ, на лѣвомъ берегу рѣки, городокъ былъ отовсюду окруженъ болотами и камышами, и къ нему вела всего одна дорога. Крѣпость состояла изъ внѣшняго „города“ и внутренняго „острога“. И тотъ, и другой были окружены высокими валами, „осыпями“, на которыхъ стояли деревянныя стѣны съ башнями и бойницами. Шереметевъ болѣе двухъ мѣсяцевъ безуспѣшно осаждалъ Кромы, хотя гарнизонъ города едва ли насчитывалъ 500 человѣкъ. Когда въ началѣ марта 1605 года подошла къ Кромамъ главная московская армія, она пыталась штурмовать Кромы, зажгла „городъ“ и загнала защитниковъ во внутренній „острогъ“. Государевы люди овладѣли даже стѣнами наружнаго „города“. Когда деревянныя части стѣнъ сгорѣли, осаждающіе засѣли было на „осыпи“, однако не могли тамъ удержаться. Одинъ изъ воеводъ, Салтыковъ, свелъ со стѣнъ государеву рать, а въ это время большой отрядъ казаковъ съ атаманомъ Корѣлою проскользнулъ въ Кромы и усилилъ гарнизонъ. Корѣла, народный герой и колдунъ, оказался хорошимъ предводителемъ: послѣ того, какъ государевы люди разбили острогъ изъ пушекъ и спалили его стѣны, Корѣла изрылъ крѣпостную гору землянками и траншеями и отсиживался въ „норахъ земныхъ“. Подъ землею выросъ цѣлый городъ; хотя онъ былъ мраченъ и лишенъ свѣжаго воздуха, но представлялъ собою

надежное убѣжище для осажденныхъ. Вольныя дѣти степей вели въ немъ веселую жизнь, обсуждали свои планы, не боясь быть застигнутыми врасплохъ непріятелемъ, который не посмѣлъ бы проникнуть въ эти подземелья, имѣвшія всего одинъ выходъ. Казаки, превосходные стрѣлки, часто дѣлали вылазки и всегда съ успѣхомъ. Осаждающіе много разъ рѣшались идти на приступъ, но всякій разъ были отбиты съ значительнымъ урономъ. Зрѣлище было замѣчательное: горсть храбрецовъ стѣсняла дѣйствія двухъ армій. Воеводы, не видя успѣха, обложили городъ и ожидали сдачи его отъ голода. Былъ великій постъ. Наступило таяніе снѣговъ. Время стояло сырое. Въ царскомъ войскѣ, терпѣвшемъ лишенія и всякія неудобства, открылись болѣзни. Оно было утомлено, стало жертвою болѣзней, болѣло „мытомъ“ и очень тяготилось стоянкою въ разоренной сторонѣ, среди болотъ и топей, въ сырое время ранней весны. Не мудрено, что оно разбредалось и даже перебѣгало къ самозванцу. Въ подкрѣпленіе ему Борисъ посылалъ свѣжія дружины, но онѣ были совсѣмъ непривычны къ ратному дѣлу.

Между тѣмъ самозванецъ, заслоненный Кромами, собиралъ новую армію и бодро готовился къ походу на помощь Кромамъ.

Иностранецъ Масса подробно разсказываетъ о занятіяхъ московскаго войска и о той печальной участи, которая понемногу подготовлялась Московскому государству. Борисъ, по его словамъ, послалъ грамоты изъ Москвы съ приказаніемъ, чтобы въ Сѣверской землѣ никого не щадили и обращались съ народомъ такъ, какъ въ Комарицкой волости. Приказаніе было исполнено, но такъ безчеловѣчно, что каждый, слышавшій о томъ, какъ его приводили въ исполненіе, содрогался; такъ много погибло невинныхъ людей. Женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей обезчещивали, а тѣхъ, которыя послѣ продолжительныхъ истязаній оставались въ живыхъ, отдавали татарамъ, а они продавали ихъ за старое платье или за полбутылки водки, или за другія какія-нибудь столь же ничтожныя вещи. При началѣ грабежа въ лагерѣ можно было купить быка за полгульдена, овцу за два бланка и

т. д. Награбленнаго имущества было такъ много, что не знали куда его дѣвать. Земля Сѣверская была богата, потому что Димитрій ничего не отнималъ отъ жителей и сохранялъ за каждымъ его собственность, вслѣдствіе чего народъ признавалъ его власть. Когда же москвитяне начали безчеловѣчно поступать съ жителями, то число людей, перебѣгавшихъ къ Димитрію, стало увеличиваться. Перебѣжчики не желали слышать о своемъ государѣ Борисѣ, оставались до самой смерти вѣрными Лжедимитрію и претерпѣвали всѣ мученія и пытки, постоянно утверждая, что онъ истинный царевичъ.

Невеселую картину рисуетъ тотъ же иностранецъ о положеніи московскаго войска подъ Кромами, гдѣ на ряду съ боевыми неудачами начались уже измѣны и предательства. Каждый Божій день, говоритъ онъ, 200 или 300 пѣшихъ казаковъ, вооруженныхъ длинными ружьями, дѣлали вылазки изъ Кромъ, выманивали изъ лагеря нѣкоторыхъ охотниковъ, желавшихъ добыть себѣ чести и надѣявшихся верхами нагнать казаковъ. Казаки, однако, умѣющіе такъ искусно стрѣлять изъ своихъ мушкетовъ и длинныхъ ружей, какъ никто на свѣтѣ, никогда не давали промаха и подстрѣливали или всадника, или лошадь. Такимъ образомъ ежедневно выбывало изъ московскаго лагеря 30, 40, 50, 60 человѣкъ, между которыми было много молодыхъ красивыхъ дворянъ, искавшихъ славы. Пока атаманъ Корѣла былъ здоровъ, москвитяне не имѣли покоя: то неожиданно на нихъ откуда-нибудь нападали, то обстрѣливали, то ругались надъ ними или грозили. Нерѣдко на верху горы появлялась нагая женщина, распѣвавшая пѣсни, позорныя для московскихъ военачальниковъ; разсказывать о многихъ другихъ обстоятельствахъ было бы неприлично, замѣчаетъ Масса. Москвитяне, къ своему стыду, должны были все это переносить. Напрасно стрѣляли они изъ своихъ тяжелыхъ орудій, ибо не только не наносили, но и не могли наносить никому никакого вреда. Въ Кромахъ между тѣмъ не переставали играть на трубахъ, пить и бражничать. Вообще въ московскомъ лагерѣ вездѣ шла измѣна и дѣла шли дурно. Военачальники не

только дѣйствовали вяло, но даже, что было замѣтно, поддерживали сношенія съ Димитріемъ, хотя еще и не рѣшались на измѣну. Въ темныя ночи часто находили между турами мѣшки съ порохомъ, уносимые выходцами изъ Кромъ въ присутствіи часовыхъ. Изъ московскаго лагеря въ Кромы также часто летали стрѣлы, къ которымъ были привязаны письма. Въ нихъ писали обо всемъ, что происходило въ Москвѣ и въ лагерѣ, такъ что приверженцы Димитрія знали все, что дѣлалось въ Москвѣ, что предпринималъ Борисъ и въ какомъ страхѣ онъ находился, какъ роптаъ московскій народъ и большинство начинало уже вѣровать въ то, что настоящій Димитрій въ самомъ дѣлѣ живъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ извѣстій Димитрій убѣждался въ томъ, что онъ будетъ владѣть Москвою. Тѣмъ болѣе, что энергичные и славные воеводы Басмановъ и князь Трубецкой были отозваны царемъ Борисомъ въ Москву, для награды за мужество.

XXVIII.

Успѣхи послѣ пораженія.

Между тѣмъ въ Путивлѣ самозванецъ спокойно ковалъ свое счастье. Въ началѣ своего сидѣнія въ Путивлѣ онъ еще предавался всякимъ тревогамъ и отводилъ душу въ дружескихъ бесѣдахъ съ іезуитами. Понесенное пораженіе было главнымъ предметомъ ихъ бесѣдъ. По мнѣнію ксендзовъ, казаки не были ни единственными, ни главными виновниками этого пораженія. Они становились на болѣе возвышенную точку зрѣнія. Во время сраженія, говорили они, какой-то солдатъ изнасиловалъ одну русскую женщину; вопіющее дѣло, оно требовало возмездія. Ксендзы говорили:

— Вотъ гдѣ слѣдуетъ искать истинную причину постигшаго насъ бѣдствія. Преступленія, совершаемыя людьми, навлекаютъ гнѣвъ Божій. Этимъ объясняется бѣгство солдатъ.

Димитрій согласился съ ними и былъ глубоко возмущенъ гнуснымъ поступкомъ. Но въ то же время онъ никакъ не могъ рѣшить вопросъ: что же дальше? Продолжать войну или бросить ее? Окружавшія его лица и событія скоро принесли ему рѣшеніе окончательное и безповоротное. Ему теперь предстояло во чтобы то нистало разсѣять распространившіеся о немъ слухи, объ его самозванствѣ и вѣроотступничествѣ и привлечь къ себѣ русскихъ людей наиболѣе яркими доказательствами якобы нелѣпости этихъ слуховъ. Поэтому онъ прежде всего позаботился о томъ, чтобы установить различіе между собою и Гришкою Отрепьевымъ, каковымъ онъ былъ въ дѣйствительности и каковымъ честило его московское правительство. Въ Путивль былъ приведенъ отчаянный негодяй, и нашлись будто бы очевидцы, удостовѣрившіе, что это и былъ самый Гришка Отрепьевъ, именемъ котораго царь Борисъ смущалъ народъ.

Не менѣе полезной для самозванца была и исторія съ монахами. Въ половинѣ марта въ Путивлѣ появились три старыхъ монаха. Они пріѣхали изъ Москвы и держали себя такъ подозрительно, что были арестованы и заключены въ тюрьму. При обыскѣ у нихъ оказались увѣщательныя письма къ народу и духовенству, подписанныя царемъ Борисомъ и патріархомъ Іовомъ. Царь обѣщалъ путивлянамъ полное и безусловное прощеніе, если они выдадутъ ему Лжедимитрія живымъ или мертвымъ и перебьютъ поляковъ, а патріархъ предавалъ проклятію и мнимаго царевича, и всѣхъ ослушниковъ и измѣнниковъ. Монахи были схвачены, представлены самозванцу и подвергнуты пыткѣ. На пыткѣ одинъ монахъ не выдержалъ и разсказалъ, что въ сапогѣ его товарища спрятанъ ядъ и что двое изъ знатныхъ русскихъ, окружавшихъ Лжедимитрія, вошли въ заговоръ для его отравленія. Разсказываютъ же, что въ сапогѣ же найдены были письма, писанныя самими монахами къ своимъ довѣрителямъ и въ этихъ письмахъ говорилось о самозванцѣ, что онъ „есть истинный сынъ Іоанна IV; напрасно было бы вести борьбу противъ его праваго дѣла“. Это свидѣтельство еще болѣе увеличило обаяніе Лжедимитрія.

Съ своей стороны самозванецъ прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы прослыть въ толпѣ ревностнымъ сыномъ православной церкви, безъ чего, онъ зналъ, немыслимъ былъ успѣхъ его въ Россіи. Тайкомъ онъ оставался фанатичнымъ католикомъ, на Рождество и на Пасху исповѣдывался и пріобщался у ксендзовъ и обѣщалъ тоже сдѣлать наканунѣ коронаціи, посылалъ поляковъ на исповѣдь къ ксендзамъ и прикидывался настолько религіознымъ человѣкомъ, что передъ каждымъ сраженіемъ падалъ на колѣна и молился: „Господи, если дѣло мое правое, помоги и защити меня; если оно неправое, покарай меня по своей справедливости“. Ревниво оберегая тайну своего отреченія, самозванецъ наружно удивлялъ вездѣ своею преданностью православію. Особенно онъ обратилъ всеобщее вниманіе многочисленныхъ богомольцевъ своимъ усердіемъ при перенесеніи чудотворной Курской иконы Божіей Матери въ Путивль. Онъ встрѣтилъ икону, велѣлъ обнести ее вокругъ стѣнъ и держалъ все время около себя.

Свободное время, котораго много было въ Путивлѣ, самозванецъ рѣшилъ употребить съ пользою для себя. Онъ задумалъ вознаградить потерянное время въ юности и обогатиться познаніями всякаго рода. Въ началѣ апрѣля 1605 г. онъ призвалъ къ себѣ обоихъ іезуитовъ, Чижовскаго и Лавицкаго, и, къ величайшему изумленію ихъ, въ присутствіи трехъ русскихъ бояръ, завелъ съ ними рѣчь объ истинной мудрости и средствахъ къ достиженію ея, высказавъ при этомъ ту мысль, что государь долженъ въ совершенствѣ обладать военнымъ искусствомъ и основательнымъ знакомствомъ съ науками. Послѣ этихъ рѣчей онъ рѣшительно заявилъ, что хочетъ заняться, и просилъ іезуитовъ помочь ему въ этомъ. Іезуиты возражали, указывая на неудобное время и на то, что главнокомандующій не будетъ особенно усерднымъ ученикомъ и когда-нибудь броситъ грамматику, чтобы скакать на поле битвы. Самозванецъ не хотѣлъ слушать никакихъ возраженій и просилъ поспѣшить. На слѣдующій день іезуиты еще разъ попытались уклониться отъ учительства, но безуспѣшно: самозванецъ увидалъ въ ру-

кахъ іезуита книгу и взялъ ее. Это былъ томъ сочиненій Квинтилліана. Самозванецъ повертѣлъ книгу въ рукахъ, подалъ ее Лавицкому и сказалъ:

— Потрудитесь читать ее и объяснить мнѣ нѣкоторыя мѣста этого сочиненія. Я послушаю васъ съ удовольствіемъ.

Первый урокъ подстрекнулъ любознательность самозванца, и послѣ этого начался правильный курсъ занятій. Каждое утро Чижовскій посвящалъ одинъ часъ преподаванію философіи, а Лавицкій—столько же вечеромъ для преподаванія реторики. Преподаватели говорили по-польски, секретарь записывалъ ихъ слова и переводилъ по-русски, чтобы облегчить Лжедимитрію занятія. Самозванецъ держалъ себя какъ простой школьникъ: онъ серьезно отвѣчалъ урокъ, стоя передъ іезуитами, съ непокрытою головой. Три дня продолжалось это усердіе, но потомъ самозванецъ бросилъ свое ученичество, ссылаясь на неблагопріятные толки среди русскихъ, вызванные его продолжительными свиданіями съ іезуитами. Занятія наукою съ этого времени замѣнены были при свиданіяхъ съ іезуитами бесѣдами и развитіемъ плановъ о будущемъ просвѣщеніи Россіи, о заведеніи школъ, посылкѣ юношей за границу и т. п., а также на переписку съ покровителями самозванца въ Польшѣ. Поводовъ для переписки было много какъ въ событіяхъ, пережитыхъ самимъ самозванцемъ, такъ и въ событіяхъ польской исторіи, разыгравшихся въ Польшѣ послѣ отъѣзда оттуда самозванца.

Въ январѣ 1605 года въ Варшавѣ открылся сеймъ, которому, между прочимъ, предстояло рѣшить и вопросъ объ отношеніяхъ Польши къ Лжедимитрію. Уже заранѣе, судя по отвѣтамъ сенаторовъ королю, нельзя было ожидать рѣшенія благопріятнаго самозванцу. И дѣйствительно, на сеймѣ смѣло раздались голоса, открыто осуждавшіе и Лжедимитрія и всѣхъ его сторонниковъ, не исключая самого короля Сигизмунда. Въ Варшавѣ еще не имѣли опредѣленныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о походѣ самозванца, и эта неизвѣстность придала еще болѣе силы его противникамъ. Во главѣ ихъ былъ, конечно, старикъ Замойскій. Въ своей знаменитой рѣчи

на сеймѣ онъ рѣзко отнесся къ вопросу о дѣлахъ московскихъ. Онъ говорилъ:

„Я бы желалъ, чтобы всѣ хорошо меня слышали, потому что часто дурные толкователи моихъ словъ передаютъ ихъ другимъ въ извращенномъ видѣ. Долго говорить не буду, да и не могу, потому что я потерялъ и зубы, и здоровье, меня удручаютъ: старость, кашель и другія болѣзни, но я не жалѣю объ этомъ и не стыжусь этихъ недуговъ, потому что пріобрѣлъ ихъ не какими-либо дурными дѣлами, а на службѣ вашему величеству и моему дорогому отечеству. Поэтому буду говорить кратко. Первая часть моей рѣчи будетъ о внѣшнихъ опасностяхъ, о которыхъ тоже буду говорить кратко. Это дѣло слѣдуетъ разобрать надлежащимъ образомъ, а не какъ-нибудь. Бывали времена, что дѣла этого рода мы рѣшали, будучи въ шпорахъ и, такъ сказать, садясь на коня; теперь нельзя такъ дѣлать, теперь нужно разсмотрѣть ихъ надлежащимъ образомъ, со всею основательностью и имѣя въ виду всѣ обстоятельства, но, конечно, дѣлать это нужно не въ такомъ торжественномъ собраніи, потому что при сеймовомъ обсужденіи дѣлъ можетъ находиться и нашъ гражданинъ, и чужеземецъ. Поэтому на совѣщаніе объ этихъ дѣлахъ нужны другое мѣсто и другое время...

„Что касается Московскаго государства, то въ прежнія времена оно внушало намъ большой страхъ. И теперь оно намъ внушаетъ его, но прежде мы гораздо больше боялись его, пока славной памяти король Стефанъ не усмирилъ Ивана Васильевича. До этого времени области королевства, ближайшія къ Московскому княжеству, подвергались большимъ убыткамъ и страданіямъ. У Стефана короля и у папы Сикста, когда они задумывали походъ противъ турокъ, было такое намѣреніе: навести на нихъ войско не только отъ насъ, но и отъ Москвы черезъ Персію, и осуществленію этого намѣренія уже положено было начало, и на это дѣло покойный Сикстъ сберегалъ свои милліоны. Поэтому-то, когда онъ затѣмъ получилъ извѣстіе о смерти Стефана, то заплакалъ и сказалъ: „мы надѣялись, что онъ-то спасетъ Израиля“. Въ

самомъ дѣлѣ, это было похвальное намѣреніе, не то, что теперешніе наши замыслы, которые притомъ мы день ото дня откладываемъ, постоянно находимся въ страхѣ, а между тѣмъ дѣйствуемъ такъ, какъ будто у насъ еще много времени впереди, и сидимъ, сами не зная, что съ нами дѣлается. Какъ только принято было вышесказанное святое рѣшеніе, король Стефанъ умеръ въ то самое время, когда дѣла были уже улажены и все уже было приготовлено.

„Въ началѣ правленія вашего величества я совѣтовалъ взяться за эти дѣла и указывалъ способы къ этому: я совѣтовалъ отправить съ этимъ посольство къ папѣ и къ другимъ христіанскимъ государямъ. Мое мнѣніе неугодно было принять другимъ г.г. сенаторамъ. Я доволенъ былъ тѣмъ, что исполнилъ требованіе совѣсти, что совѣтовалъ и высказалъ то, къ чему обязывала меня преданность отечеству; но такъ какъ у насъ требуется согласіе не одного, а всѣхъ, то это намѣреніе пошло въ проволочку, заключенъ былъ миръ съ Иваномъ Васильевичемъ, а послѣ его смерти съ теперешнимъ княземъ московскимъ.

„Что касается до этого Димитрія, то я совѣтовалъ вашему величеству не только не нарушать самымъ дѣломъ условій мира съ Москвою, но даже остерегаться давать поводъ подозрѣвать насъ въ этомъ; дѣйствовать иначе было бы, по моему мнѣнію, противно не только благу и славѣ Рѣчи-Посполитой, но и спасенію нашихъ душъ. Поэтому-то я совѣтовалъ отложить это дѣло до сейма; я боялся, какъ бы не причинила намъ какой-либо бѣды та безразсудная поспѣшность, которую нѣкоторые позволили себѣ безъ согласія вашего величества и всѣхъ чиновъ; сосѣднія государства вѣдь знаютъ, что Димитрія ведетъ въ Москву нашъ народъ; какъ бы мужичина Борисъ не попралъ и не обратилъ въ ничто нашей славы, которую мы пріобрѣли у всѣхъ народовъ тѣмъ, что при королѣ Стефанѣ стали столь страшны Москвѣ. Если намъ хочется добыть Московское княжество, то по-моему лучше начать и дѣлать съ согласія всѣхъ чиновъ, по одобренію сейма и съ большею военною силою. Что касается личности самого Димитрія, который выдаетъ себя за сына

извѣстнаго намъ царя Ивана, то объ этомъ я скажу слѣдующее: правда, что у Ивана было два сына, но тотъ, оставшійся, за котораго онъ выдаетъ себя, какъ было слышно, былъ убитъ. Онъ говоритъ, что вмѣсто него задушили кого-то другого: помилуй Богъ! Это комедія Плавта или Теренція, что ли? Вѣроятное ли дѣло: велѣть кого-либо убить, а потомъ не посмотрѣть, тотъ ли убитъ, кого приказано убить, а не кто-либо другой! Если такъ, если приказано лишь убить, а затѣмъ никто не смотрѣлъ, дѣйствительно ли убитъ и кто убитъ, то можно было подставить для этого козла или барана. Но и помимо Димитрія, если мы ужъ желали возвести на московскій престолъ государя того же рода, есть другіе законные наслѣдники Московскаго княжества. Законными наслѣдниками этого княжества былъ родъ Владимірскихъ князей, по прекращеніи котораго права наслѣдства переходятъ на родъ князей Шуйскихъ, что легко можно видѣть изъ русскихъ лѣтописей. По моему мнѣнію, слѣдовало бы какъ можно скорѣе послать кого-нибудь туда (къ войскамъ самозванца) и узнать, что тамъ дѣлается, потому что мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы тамъ до сихъ поръ не случилось какого-либо важнаго событія. Можетъ быть тамъ сдѣлано уже что-либо удачно, но, судя по-человѣчески, это невѣроятно; развѣ Господь совершитъ чудо".

Эта искренняя и страстная рѣчь должна была произвести вліяніе во всей Польшѣ. Литовскій канцлеръ, Левъ Сапѣга, въ тотъ же день поддержалъ своего товарища. И онъ такъ же смотрѣлъ на полномочія сейма и на обязательства, которыя налагались договоромъ 1602 года и клятвой, данной Годунову, которую нельзя было нарушать, „ибо, — говорилъ Сапѣга, — Господь строго караетъ за нарушеніе клятвы". Онъ былъ одинаковаго мнѣнія и о личности Лжедимитрія. Не видѣлъ онъ никакой выгоды и отъ войны съ Москвою. Лжедимитрій побѣдитъ или будетъ побѣжденъ. Въ послѣднемъ случаѣ Польшѣ придется въ скоромъ времени воевать съ Москвою; въ первомъ случаѣ предстоитъ неизвѣстность, такъ какъ нельзя разсчитывать на то, что самозванецъ сдержитъ слово, данное полякамъ.

Другіе сенаторы тоже склонялись на сторону мира. Замѣтно было, что Польша жаждала мира, боялась войны, налоговъ и всѣхъ бѣдствій ея. Никто не возвысилъ голоса въ защиту самозванца, въ доказательство его царственнаго происхожденія, въ пользу вмѣшательства въ его предпріятіе. Нѣкоторые высказали, что Лжедимитрій, собравъ войско, оказалъ странѣ услугу, очистивъ ее отъ всякаго сброда; другіе предлагали предоставить событія естественному теченію; многіе считали самымъ правильнымъ рѣшеніемъ вопроса молчаливое доброжелательство. Но всѣ эти голоса были покрыты энергичнымъ требованіемъ бискупа Краковскаго немедленно отозвать Мнишка. Янушъ-Острожскій требовалъ строгаго наказанія виновныхъ. Дорогостайскій, великій литовскій маршалъ, въ язвительныхъ выраженіяхъ напалъ на короля. Онъ сказалъ:

„Ваше величество за себя лично присягали соблюдать миръ съ московскимъ государемъ, вы присягали и за насъ, сенаторовъ, и за рыцарское сословіе. Вы лично въ своей совѣсти теперь чисты, потому что вы заявили, что этому дѣлу вы не причастны ни совѣтомъ и содѣйствіемъ, и обнародовали универсалами, чтобы ушедшіе (съ Лжедимитріемъ) возвратились и не предпринимали никакого насильственнаго дѣйствія. Этимъ вы успокоили свою совѣсть; но соблюдаютъ ли условія мира съ московскимъ княземъ нашъ сенатъ и рыцарское сословіе, и не нарушаютъ ли они принесенной присяги, это всякій легко можетъ видѣть. Одинъ сенаторъ самъ поѣхалъ съ Димитріемъ; его съ нимъ сопровождали военные люди изъ польскаго рыцарскаго сословія. Это нужно во-время исправить. Противъ воли вашего величества они собрали войско и кинулись на московскаго князя. Когда ихъ оттуда выгонятъ, куда они пойдутъ? Обратите вниманіе, ваше величество, на наше непостоянство, обратите вниманіе и на то, что вы иногда пребываете на разныхъ мѣстахъ съ малымъ числомъ людей. Кто можетъ довѣрять такимъ своевольнымъ людямъ? Если они задумали произвесть переворотъ въ Московскомъ государствѣ, то могутъ возвратиться и къ намъ и пожелаютъ произвесть то же и у насъ“.

Большинство на сеймѣ вскорѣ составилось и было вовсе не на сторонѣ короля и самозванца. Замойскій предлагалъ немедленно вызвать Мнишка на сеймъ и потребовать у него отчетъ въ его поведеніи, а къ самозванцу послать довѣреннаго человѣка, чтобы онъ разузналъ, насколько успѣшно идутъ его военныя дѣйствія: послѣ этихъ предварительныхъ мѣръ можно было бы дѣйствовать рѣшительно. Сапѣга совѣтовалъ немедленно послать въ Москву уполномоченнаго, который объяснился бы съ царемъ Борисомъ, оправдалъ бы въ его глазахъ Польшу и возложилъ бы всю отвѣтственность на самозванца. Все это необходимо было, по его мнѣнію, чтобы предотвратить войну. Сеймъ постановилъ: „Надобно постараться успокоить волненіе, возбужденное московскимъ господарчикомъ, для того, чтобы ни королевство польское, ни великое герцогство литовское не пострадало отъ Москвы; всякій осмѣлившійся нарушить договоры, заключенные съ другими государствами, долженъ считаться измѣнникомъ".

Это опредѣленіе ставило въ затруднительное положеніе самого короля, покровительствовавшаго самозванцу. Тайныя обязательства связывали его съ Лжедимитріемъ, и Сигизмундъ, предпочтя лукавую двойственную политику, не утвердилъ постановленія сейма. Сеймъ такъ и не пришелъ ни къ какому концу по этому вопросу.

Впрочемъ, это лукавство и эта двойственность въ Самозванческомъ дѣлѣ вскорѣ стали присущи и ярымъ противникамъ Лжедимитрія. На сеймѣ они кричали противъ него, но передъ московскимъ правительствомъ сдвоедушничали не хуже своего короля Сигизмунда.

На сеймъ явился посолъ царя Бориса, Постникъ-Огаревъ, съ повелѣніемъ возобновить переговоры, начатые Смирнымъ. Все, что говорилъ онъ въ засѣданіи сейма, какъ разъ совпадало съ рѣчами, ранѣе его пріѣзда произнесенными польскими сенаторами.

— Какъ надобно смотрѣть на короля и на сенаторовъ, — спрашивалъ онъ, — какъ на сообщниковъ Димитрія или какъ на его противниковъ? Если они не признаютъ претендента,

то они должны порвать съ нимъ всякія сношенія и наказать виновныхъ. Если же они станутъ помогать ему въ его гнусныхъ замыслахъ, то этимъ будетъ нарушенъ договоръ 1602 года, будетъ попрана честь, нарушена клятва, и явится поводъ къ войнѣ; Польша, нарушившая клятву, будетъ обвинена передъ лицомъ всей Европы и всего христіанскаго міра.

Казалось бы, это заявленіе московскаго посла должно было встрѣтить полную поддержку сенаторовъ. Но тутъ-то именно и сказалось польское притворство въ сношеніяхъ съ Москвою.

2-го февраля Огаревъ пріѣхалъ во дворецъ польскаго короля, представился королю и ударилъ челомъ. Литовскій канцлеръ Сапѣга отъ имени короля сказалъ ему слѣдующее:

— Справляя передъ королемъ, милостивымъ нашимъ государемъ, посольство отъ своего государя, ты сказалъ, что имѣешь отъ него порученіе переговорить съ нѣкоторыми гг. сенаторами о нѣкіихъ порученныхъ тебѣ дѣлахъ. Его королевское величество соглашается на это и назначаетъ для этихъ переговоровъ: краковскаго кастеляна, князя Януша Острожскаго, виленскаго кастеляна, Іеронима Ходкевича, брацлавскаго воеводу, князя Збаражскаго, виленскаго епископа Венедикта Войну, короннаго канцлера и гетмана Яна Замайскаго и меня, своего слугу.

Затѣмъ они пошли въ часовню напротивъ сенаторской палаты, были тамъ на совѣщаніи не больше часа и доложили королю потихоньку все дѣло. Неизвѣстно, какія пренія происходили на этомъ тайномъ совѣщаніи съ московскимъ посломъ, но вотъ что въ концѣ-концовъ сказалъ ему Левъ Сапѣга:

— Король не нарушилъ перемирія; онъ даже готовъ подтвердить его и желаетъ сохранить дружбу съ царемъ. Что касается Димитрія, то онъ не помогаетъ ему войскомъ, онъ хотѣлъ только обсудить предъявленныя имъ требованія и представить ихъ на обсужденіе московскаго правительства. Узнавъ объ этомъ, Димитрій бѣжалъ къ запорожскимъ казакамъ. Произвелъ ли онъ вмѣстѣ съ ними набѣгъ на Мо-

скву, неизвѣстно. Какъ бы то ни было, король не можетъ быть отвѣтственъ за это, такъ какъ запорожцы не признаютъ его власти, точно такъ же, какъ донскіе казаки не подчиняются власти царя. Король запретилъ помогать Димитрію; ежели онъ вернется въ Польшу, то онъ будетъ арестованъ; если онъ появится въ предѣлахъ Москвы, то Борисъ Годуновъ достаточно могущественъ, чтобы справиться съ нимъ и его сторонниками.

Этотъ отвѣтъ, данный литовскимъ канцлеромъ московскому послу, не только идетъ въ разрѣзъ съ его же собственною рѣчью на сеймѣ, но прямо противорѣчитъ истинѣ и полонъ притворства. Хитрость и изворотливость Сапѣги и всего польскаго правительства въ отношеніяхъ къ Москвѣ зашли такъ далеко, что Огареву не сообщили самаго главнаго, что отлично извѣстно было всей Польшѣ, что Лжедимитрій былъ уже давно въ предѣлахъ Московскаго государства.

Но царь Борисъ не ограничился посольствомъ въ Польшу. Онъ отправилъ обстоятельныя письма къ императору нѣмецкому и папѣ римскому, въ которыхъ подробно разсказалъ исторію Гришки Отрепьева, превратившагося въ царевича Димитрія, жаловался на короля польскаго и высказалъ опасеніе, что война съ Сигизмундомъ помѣшаетъ общимъ дѣйствіямъ противъ турокъ. Прикровенно Борисъ высказывалъ желаніе, чтобы и императоръ, и папа по собственному почину пришли ему на помощь.

Правда, на этотъ призывъ никто не отозвался. Тѣмъ не менѣе самозванцу и его вдохновителямъ приходилось принимать соотвѣтствующія мѣры и въ Польшѣ, и въ Прагѣ, и въ Римѣ. Было о чемъ думать и надъ чѣмъ безпокоиться, сидя въ Путивлѣ.

Какъ разъ въ это тревожное время изъ Москвы пришло неожиданное извѣстіе о томъ, что царь Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ скоропостижно скончался. Событія сразу круто измѣнили свое направленіе. Самозванецъ воспрянулъ духомъ. За нимъ подняли головы и всѣ его сторонники, и подстрекатели. Ободряющія вѣсти полетѣли во всѣ концы Польши и

даже въ Римъ, гдѣ уже смѣнился другой папа послѣ Климента VIII. Преемникъ его, Левъ XI, скончался послѣ мѣсяца папствованія. Рангони позаботился освѣдомить новоизбраннаго папу Павла V и, если можно, расположить его въ пользу покровительствуемаго имъ Лжедимитрія. Онъ отправилъ къ нему подробное донесеніе обо всѣхъ предшествовавшихъ событіяхъ и просилъ отцовское благословеніе самозванцу. Письмо это, быть можетъ, должно было отвратить папу отъ ходатайства царя Бориса. Оно имѣетъ огромное значеніе для исторіи самозванца. Рангони писалъ:

„Ваше Святѣйшество!

„Поцѣловавъ смиренно ноги вашего святѣйшества, слѣдую приказаніямъ свѣтлѣйшаго кардинала Валенти, даннымъ мнѣ отъ имени вашего святѣйшества, и посылаю точный и подробный отчетъ о личности и характерѣ Димитрія московскаго. Если въ этомъ отчетѣ, вслѣдствіе моей слабости, не будетъ порядка и послѣдовательности, достойныхъ вашего святѣйшества, однако, будетъ вѣрная передача всего случившагося до сихъ поръ и дошедшаго до меня, сообразно съ ниже слѣдующими разсказами.

„Въ концѣ октября 1603 года было доложено его величеству польскому королю, что какой-то москвитянинъ, по имени Димитрій, открыто призналъ себя сыномъ великаго князя Ивана московскаго и что онъ находится въ домѣ князя Адама Вишневецкаго въ той части Россіи, которая подвластна польскому королевству. Говорили, что къ нему стекается множество знатныхъ московскихъ людей, которые признаютъ его своимъ наслѣднымъ княземъ. Вслѣдствіе этого его величество, желая лично убѣдиться во всемъ, а также для избѣжанія смутъ въ этихъ окраинахъ, приказалъ князю Вишневецкому призвать къ себѣ москвитянина, но раньше сообщить подробныя свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ и о показаніяхъ Димитрія. Эти показанія, слово въ слово согласно съ разсказомъ Димитрія, слѣдующія.

„Иванъ, сынъ великаго князя московскаго Василія, послѣ того какъ короновался царемъ, взялъ въ жены Анастасію

изъ дома Романа Захарьина, отъ которой имѣлъ перваго сына Димитрія; этотъ мальчикъ случайно утонулъ еще въ пеленкахъ вмѣстѣ съ мамкой въ Бѣлоозерѣ, въ то время какъ его отецъ торжествовалъ надъ казанцами. Родивши еще двухъ сыновей, Ивана и Ѳедора, Анастасія умерла, а царь женился на Маріи Черкасской, съ которой развелся, какъ и съ нѣкоторыми другими, и всѣ эти жены были заключены Иваномъ въ монастырь. Наконецъ, великій князь женился на Маріи, дочери Ѳедора Нагого, изъ боярскаго рода, отъ которой не имѣлъ нѣсколько лѣтъ дѣтей.

„Не надѣясь на милосердіе Божіе и удрученный войной съ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, царь Иванъ сдѣлался тираномъ и убилъ своего старшаго сына Ивана; послѣ этого преступленія у него родился отъ Маріи Нагой вышеупомянутый Димитрій, который вполнѣ естественно считаетъ себя наслѣдникомъ великаго князя московскаго Ивана.

„Вскорѣ послѣ рожденія Димитрія Иванъ серьезно занемогъ и, предвидя близкую кончину, назначилъ опекуновъ обоимъ сыновьямъ: Ѳедору и Дмитрію. Слабоумный Ѳедоръ былъ уже въ это время женатъ, назначенные къ нему опекуны должны были своими совѣтами и опытомъ помогать ему въ правленіи государствомъ. Опекунамъ Димитрія поручено было вмѣстѣ съ его матерью заботиться объ его воспитаніи до совершеннолѣтія. Великій князь Иванъ назначилъ во владѣніе Димитрію три города: Угличъ, Дмитровъ и Городецъ, предоставивъ ихъ также попеченію опекуновъ.

„Послѣ смерти Ивана сынъ его Ѳедоръ, какъ старшій, вступилъ на престолъ. Уступая просьбамъ жены, онъ записалъ въ ближніе бояре Бориса, ея брата, настоящаго великаго князя. Засѣдая въ боярской думѣ и пользуясь благоволеніемъ Ѳедора, проницательному и коварному Борису пришло на умъ самому сдѣлаться великимъ княземъ, и съ той поры онъ началъ обдумывать способъ умертвить Димитрія и отдѣлаться отъ Ѳедора, жену котораго боярская дума рѣшила заточить въ монастырь вслѣдствіе безплодія. Не трудно было Борису убѣдить Ѳедора, склоннаго по природѣ къ набожности, оставить заботы о княжествѣ и удалиться

въ монастырь Св. Кирилла. Это было сдѣлано безъ вѣдома опекуновъ Өедора, которыхъ Борисъ умертвилъ, чтобы они не мѣшали его предпріятіямъ.

„Послѣ того какъ Ирина, жена Өедора, сестра Бориса Годунова, достигла полной власти въ правленіи для своего брата, послѣдній началъ думать о томъ, какъ бы избавиться отъ Димитрія, который со временемъ могъ помѣшать его замысламъ.

„Борисъ тайно отравилъ опекуновъ Димитрія, замѣстивъ ихъ отъ имени великаго князя другими, съ помощью которыхъ надѣялся отравить ребенка. Это злодѣяніе, безъ сомнѣнія, ему бы удалось, но воспитатель Димитрія замѣтилъ козни Бориса и многократно предупреждалъ мальчика объ угрожающей ему опасности и неминуемой смерти, если онъ не будетъ остерегаться, на что умный и развитый мальчикъ обратилъ вниманіе.

„Такъ какъ первая попытка убійства не удалась Борису, то онъ подкупилъ нѣсколькихъ злодѣевъ, которымъ приказалъ ворваться ночью въ комнату мальчика и убить его въ постели. Это злодѣяніе, безъ сомнѣнія, удалось бы, но вышеупомянутый воспитатель, предчувствуя опасность, грозящую его питомцу, положилъ въ постель Димитрія другого мальчика, его родственника, тѣхъ же лѣтъ, который и былъ убитъ злодѣями вмѣсто Димитрія, а послѣдній спасся. Шумъ разбудилъ домашнихъ, которые, думая, что Димитрій убитъ, начали искать убійцъ и, найдя ихъ, растерзали. Говорятъ, что въ этой смутѣ погибло тридцать дѣтей, и впослѣдствіи предположили, что среди нихъ былъ тотъ ребенокъ, котораго въ дѣйствительности убили вмѣсто Димитрія.

„Слухъ объ этомъ злодѣяніи быстро распространился. Мать Димитрія, увѣренная, что погибъ ея сынъ, такъ какъ убитый ребенокъ былъ неузнаваемъ вслѣдствіе нанесенныхъ ему ранъ, послала гонца къ великому князю съ извѣстіемъ объ убійствѣ. Но Борисъ, желая отвратить отъ себя всѣ подозрѣнія, отнялъ у гонца письмо и передалъ великому князю все дѣло въ другомъ свѣтѣ, именно, что Димитрій въ припадкѣ падучей болѣзни убился самъ и такимъ обра-

зомъ былъ найденъ окровавленнымъ въ постели. Великій князь былъ очень опечаленъ этимъ происшествіемъ и приказалъ, чтобы тѣло брата было похоронено въ склепѣ его предковъ, но патріархъ, согласно указаніямъ Бориса, сказалъ, что не слѣдуетъ хоронить самоубійцу въ склепѣ, гдѣ покоятся помазанники Божіи. Ѳедоръ хотѣлъ отдать брату послѣдній долгъ, но Борисъ удержалъ его отъ поѣздки въ Угличъ на похороны Димитрія, такъ какъ всѣми силами старался, чтобы великій князь ничего не узналъ объ этомъ ужасномъ злодѣяніи. Поэтому онъ послалъ Геласія, митрополита крутицкаго, и Андрея Клешнина въ Угличъ на погребеніе Димитрія. Послѣ похоронъ они заточили мать Димитрія въ монастырь, нѣкоторыхъ изъ ея слугъ умертвили, а другихъ выслали изъ предѣловъ государства. Кромѣ того, они приказали обезглавить двѣсти человѣкъ изъ жителей Углича за то, что они безъ вѣдома великаго князя расправились съ слугами Димитрія.

„Между тѣмъ вышеупомянутый воспитатель, который такъ заботливо спасъ Димитрія отъ смерти, не переставалъ печись о своемъ питомцѣ и бережно скрывалъ его отъ всѣхъ.

„Заболѣвъ и чувствуя приближеніе смерти, онъ призвалъ къ себѣ вѣрнаго человѣка, боярскаго сына, которому разсказалъ всю исторію Димитрія, и поручилъ ему мальчика. Будучи вѣрнымъ другомъ, этотъ человѣкъ охотно принялъ на себя подобную обязанность и тайно содержалъ у себя мальчика до своей смерти. Передъ своей кончиной онъ убѣдилъ Димитрія, который былъ уже юношей, для избѣжанія опасности поступить въ монастырь. Послѣдній охотно принялъ этотъ дружескій совѣтъ и, надѣвъ манашескую рясу, пробылъ въ ней довольно долго, скитаясь по разнымъ монастырямъ Московіи. Но его благородный нравъ и осанка выдали его, и онъ однажды былъ узнанъ однимъ монахомъ. Въ виду близкой опасности Димитрій рѣшилъ немедленно удалиться въ Польшу, гдѣ спачала скрывался у Гавріила Гайскаго, а за симъ перешелъ къ Адаму Вишневецкому и тамъ открыто объявилъ себя великимъ княземъ московскимъ.

„Несмотря на правдоподобность этого разсказа, король, узнавъ, что у литовскаго канцлера Сапѣги находится ливонецъ, который, взятый въ плѣнъ во время войны короля Стефана въ Ливоніи, былъ назначенъ съ другими служить Димитрію, которому было тогда 10 или 12 лѣтъ, и что этотъ ливонецъ хвастается тѣмъ, что узнаетъ Димитрія при свиданіи, король приказалъ послать его къ Вишневецкому. Допущенный въ присутствіе Димитрія, послѣдній призналъ его своимъ прежнимъ слугой, а ливонецъ также узналъ Димитрія благодаря бородавкѣ, которая у него на носу, и одной рукѣ, которая короче другой; кромѣ того, они узнали другъ друга по разнымъ признакамъ на тѣлѣ того и другого.

„Все это было доложено его величеству, который приказалъ привезти Димитрія въ Краковъ, куда онъ прибылъ въ началѣ марта въ сопровожденіи вышеупомянутаго Вишневецкаго и его тестя, палатина сендомірскаго. Послѣдній непремѣнно желалъ, чтобы я присутствовалъ на банкетѣ, данномъ имъ по пріѣздѣ Димитрія состоящимъ при дворѣ сенаторамъ. Такимъ образомъ мнѣ удалось въ первый разъ видѣть Димитрія, который сидѣлъ почти инкогнито за отдѣльнымъ столомъ, но въ той же комнатѣ съ нѣкоторыми лицами. Нѣсколько дней спустя, палатинъ, по желанію короля, привелъ Димитрія ко мнѣ. Онъ былъ чрезвычайно учтивъ и почтителенъ, говорилъ, что уже давно желаетъ представиться мнѣ, какъ здѣшнему намѣстнику святого отца, не только для того, чтобы предложить мнѣ свои услуги, но чтобы подробно передать все касающееся его самого (хотя онъ зналъ, что вся его исторія была мнѣ хорошо извѣстна). Кромѣ того, онъ просилъ меня ходатайствовать за него у св. отца, прося не только его молитвъ за справедливое свое дѣло, но и помощи въ борьбѣ за свои владѣнія, такъ какъ обязанность всемірнаго пастыря — защищать и помогать угнетеннымъ.

„Онъ очень подробно и съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ разсказалъ о томъ, какъ тяжко быть лишеннымъ царства слугой своего отца, который достигъ высшей власти, благодаря коварнымъ замысламъ противъ его жизни, отъ кото-

рыхъ спасъ его Богъ. Не менѣе тяжело видѣть ему терзанія, которымъ тиранъ подвергаетъ его родину, вслѣдствіе чего онъ умоляетъ меня ходатайствовать за него у святого отца и у короля. Послѣдній принялъ Димитрія черезъ нѣсколько дней почти частнымъ образомъ, только въ присутствіи епископа Петра Тылицкаго, теперь подканцлера, великаго секретаря, епископа Симона Рудницкаго, коронного маршала Сигизмунда Мышковскаго и Война, великаго писаря литовскаго. Во время этого пріема Димитрій сказалъ, что его судьба сходна съ судьбой сына Креза, который былъ нѣмъ и получилъ даръ слова только тогда, когда увидѣлъ, что вслѣдствіе приказанія Кира жизни его отца грозитъ опасность. Также и онъ, Димитрій, нѣсколько лѣтъ молчалъ, живя въ униженіи и окруженный опасностями, но теперь, видя страданіе замученной родины, находящейся подъ властью не великаго государя, какимъ былъ Киръ, но человѣка низкаго, презрѣннаго и своего подданнаго, онъ испыталъ страшную скорбь и, сдѣлавъ надъ собой усиліе, рѣшилъ высказаться и просить сочувствія и помощи его величества для возвращенія своихъ законныхъ владѣній.

„Димитрій говорилъ, что подобные случаи раньше бывали съ великими государями (князьями) и что они были поддержаны другими королями и въ особенности польскими; конечно, и онъ могъ бы прибѣгнуть къ помощи другихъ монарховъ, но довѣряется только его величеству, могущество, доброта и милосердіе котораго ему хорошо извѣстны. Въ надеждѣ на содѣйствіе его величества этому справедливому дѣлу онъ въ свою очередь обѣщаетъ быть признательнымъ и думаетъ, что Богъ черезъ его посредство пошлетъ свои благодѣянія его величеству, королевству и всему христіанству. Въ отвѣтъ на эту рѣчь Димитрія подканцлеръ отъ имени короля сказалъ ему нѣсколько любезныхъ словъ. Король не имѣлъ права открыто рѣшить подобный вопросъ, не узнавъ предварительнаго мнѣнія сенаторовъ, поэтому онъ имъ тотчасъ написалъ объ этомъ дѣлѣ.

„Большая часть изъ нихъ сначала были противъ притязаній Димитрія, считая ихъ баснословными, однако нѣкото-

рые, даже изъ важныхъ, узнавъ отъ него самого благопріятный отчетъ объ этомъ дѣлѣ и допросивъ ливонца, убѣдились въ правотѣ Димитрія и перешли на его сторону.

„Краковскій палатинъ, Николай Зебржидовскій, былъ такимъ ярымъ сторонникомъ Димитрія, что безъ вѣдома его величества предложилъ ему свои услуги и денежную помощь, если окажется, что москвитяне дѣйствительно пожелаютъ признать его своимъ великимъ княземъ. Но великій канцлеръ Иванъ Замойскій находилъ, что признаніе Димитрія сыномъ великаго князя Ивана могло бы послужить сюжетомъ для комедіи Теренція. Краковскій каштелянъ, Янушъ Острожскій, вмѣстѣ съ другими сенаторами, своими друзьями, были постоянными противниками Димитрія и говорили, что придерживались этого мнѣнія для общаго блага, т.-е. въ случаѣ неудачи предпріятія вся тяжесть войны обрушилась бы на Польшу. Они находили, что слѣдуетъ обождать сейма, въ которомъ можно обсудить все это дѣло, и не отпускать отсюда Димитрія, чтобы этимъ заслужить благодарность Бориса. Однако, можно предположить, что они были движимы личными страстями. Великій канцлеръ былъ противникомъ Димитрія, потому что не желалъ, чтобы его славу затмилъ другой полководецъ, котораго пришлось бы дать Димитрію, между тѣмъ, какъ если бы послѣднему была оказана тайная помощь, а не открытая съ согласія сейма, то самъ канцлеръ всталъ бы во главѣ арміи и ему не пришлось бы видѣть на этомъ мѣстѣ своего противника, какимъ былъ палатинъ сендомірскій.

„Каштелянъ былъ противникомъ Димитрія, потому что не хотѣлъ принимать участія въ дѣлѣ, которому не сочувствовалъ его отецъ, князь Константинъ Острожскій, такъ какъ при первомъ своемъ обращеніи къ отцу онъ не могъ убѣдить его въ справедливости притязаній Димитрія и не получилъ той помощи, о которой просилъ.

„Его величество, хотя значительно благопріятствовалъ Димитрію, однако, колебался въ своемъ рѣшеніи и не переставалъ поддерживать сенаторовъ (хотя не согласился на предложеніе палатина краковскаго). Димитрій настоятельно про-

силъ многихъ, въ томъ числѣ и меня, чтобы ему позволили приблизиться къ границѣ, гдѣ легче было воодушевлять москвитянъ и продолжать начатое дѣло, которому его отсутствіе и отдаленность навѣрно принесутъ большой вредъ, такъ какъ многіе приверженцы, не видя его появленія, могутъ быть введены въ заблужденіе, повѣривъ слухамъ, будто онъ умеръ, или же подвергнутся большой опасности, если Борису удастся ихъ забрать.

„Димитрій былъ милостиво отпущенъ королемъ, получивъ въ подарокъ богатыя одежды, золотую цѣпь съ медалькой, на которой было изображеніе его величества, и нѣсколько сотъ золотыхъ наличными деньгами; кромѣ того, ему было назначено нѣсколько тысячъ флориновъ.

„Во время своего пребыванія въ Краковѣ Димитрій былъ всѣми обласканъ. Живя въ этомъ городѣ, онъ присматривался къ политической жизни поляковъ и благоговѣйно относился къ ихъ богослуженію. Во время великаго поста палатины сендомірскій и краковскій водили его во время богослуженія то въ одну, то въ другую церковь, а также въ часовни и молельни. Слѣдуя обычаю, Димитрій ходилъ съ палатиномъ краковскимъ инкогнито, въ одеждѣ братства милосердія просить милостыни для бѣдныхъ. Они были у короля, у меня и у многихъ другихъ.

„Въ этихъ обрядахъ Димитрій находилъ удовлетвореніе и назидательность, и хотя онъ придерживался схизмы, выказывая сомнѣнія относительно происхожденія Св. Духа, власти папы и другія, однако, охотно слушалъ разсужденія, касающіяся истины. Замѣтивъ это, я приставилъ къ нему двухъ іезуитовъ, именно: отца Савицкаго, тогда настоятеля Св. Варвары, и проповѣдника отца Гродзицкаго, чтобы они, посѣщая и наставляя Димитрія, вывели его изъ мрака заблужденія и привели къ познанію истинной вѣры.

Благодаря стараніямъ этихъ отцовъ и усердію вышеупомянутыхъ палатиновъ, Димитрій исповѣдался утромъ 24-го апрѣля 1604 г. у отца Савицкаго. Послѣ этого онъ пришелъ проститься со мной въ виду своего отъѣзда, послѣдовавшаго поздно вечеромъ въ тотъ же день, и пожелалъ про-

слушать обѣдню, которую я совершалъ, и тайно пріобщиться, и конфирмоваться у меня. Все это произошло въ комнатѣ, нарочно приготовленной для этого обряда, при чемъ Димитрій выказалъ искреннюю, благоговѣйную радость, что познал свѣтъ св. вѣры и несомнѣннаго всемірнаго пастыря. Послѣ этого, въ присутствіи палатина сендомірскаго и отца Савицкаго, Димитрій въ разговорѣ со мной выказалъ благодарность Господу Богу за такое явное проявленіе Его милости и, преклонивъ предо мной колѣна, сказалъ, что онъ признаетъ власть Св. Отца и желаетъ всегда и во всемъ подчиняться и покоряться его святѣйшеству, зная, что такова обязанность каждаго истиннаго христіанина. Кромѣ того, Димитрій обѣщалъ, если ему удастся, какъ онъ надѣялся, возвратить себѣ отцовскій престолъ, уничтожить схизму своего народа греческаго вѣроисповѣданія и присоединить его къ католичеству, а также крестить магометанъ и язычниковъ, прибавляя, что, какъ видитъ Богъ, онъ говоритъ искренно, а не изъ личныхъ расчетовъ. Не имѣя возможности поцѣловать ноги его святѣйшества, Димитрій изъявилъ желаніе поцѣловать ихъ у меня, какъ у его намѣстника. Дѣйствительно, онъ хотѣлъ это исполнить, но я изъ любезности отклонилъ его желаніе. Кромѣ того, Димитрій далъ мнѣ собственноручное письмо на польскомъ языкѣ къ его святѣйшеству, приложивъ латинскій переводъ, сдѣланный отцомъ Савицкимъ.

„Убѣдившись въ твердости религіозныхъ убѣжденій Димитрія, я не переставалъ относиться къ нему ласково, оказывая должное почтеніе и содѣйствіе, которыя считалъ возможными.

„Такъ какъ онъ выразилъ желаніе имѣть при себѣ священника, и я нашелъ эту мѣру небезполезной для поддержанія его вѣры, то написалъ отцу Децію Стриверію, настоятелю іезуитскаго монастыря, прося его назначить къ Димитрію двухъ священниковъ, которые и до сихъ поръ находятся при немъ въ милости.

„Димитрій пользовался ими не только для исповѣди, но бралъ у нихъ также уроки реторики и діалектики; однако,

эти, уроки продолжались только три дня, такъ какъ москвитяне, состоящіе при немъ, видя его постоянно въ обществѣ этихъ монаховъ и замѣчая ихъ близкія отношенія, выразили неудовольствіе явному расположенію Димитрія къ католичеству и начали колебаться. Вслѣдствіе этого Димитрій объявилъ себя православнымъ и пріобщился съ ними, хотя потомъ тайно исповѣдался іезуитамъ, которые соблюдаютъ всѣ предосторожности, слѣдуя полученному при отъѣздѣ приказанію и зная, что это необходимо въ данномъ случаѣ.

„Съ этой же цѣлью я его освободилъ отъ принятія постной пищи, такъ какъ онъ по совѣсти утверждалъ, что она вредна его здоровью.

„Только касательно одного вопроса я отказался говорить съ нимъ и принять какое-либо рѣшеніе, именно, можетъ ли онъ во время коронаціи, если Богу угодно будетъ возвратить ему наслѣдственный престолъ, пріобщиться отъ схизматиковъ въ Москвѣ, согласно обычаю. Я предоставилъ этотъ вопросъ рѣшенію его святѣйшества, который 15 мая 1604 г. приказалъ отвѣтить черезъ кардинала Санъ-Джіорджіо, что подобныя сомнѣнія показываютъ чистосердечіе Димитрія, вслѣдствіе чего онъ не отказывается дать ему разрѣшеніе, которое онъ проситъ, послѣ того, какъ этотъ вопросъ будетъ доложенъ и обсужденъ въ собраніи св. инквизиціи.

„Во время пребыванія своего здѣсь Димитрій обѣщалъ и объявилъ, что если ему удастся возвратить себѣ отцовскій престолъ, то онъ дастъ средства королю, чтобы снова завоевать шведское королевство и самъ приметъ участіе въ походѣ; нѣкоторые прибавляютъ, что кромѣ вѣчнаго мира и дружбы, онъ обѣщалъ также возвратить Польшѣ Сѣверскую землю (княжество), которая прежде была подвластна великому княжеству Литовскому.

„Говорятъ, что Димитрій обѣщалъ сендомірскому палатину, кромѣ соединенія церквей, которому онъ такъ усердно благопріятствовалъ, что заслуживаетъ большой похвалы, значительную сумму денегъ, не только для покрытія расходовъ въ пользу его дѣла, но въ видѣ награды за расположеніе къ нему и за тѣ услуги, которыя онъ и его дѣти оказали Димитрію

въ самомъ началѣ войны, сражаясь въ большой опасности. Кромѣ всего этого, онъ обѣщалъ жениться на одной изъ дочерей палатина, къ которой привязался во время своего пребыванія въ его домѣ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе какъ частныхъ, такъ и общихъ интересовъ, всѣ надѣются на успѣхъ предпріятія и что Богу угодно будетъ проявить свою милость и спасти народъ отъ тиранства и варварства. Однако часто бываетъ, что обѣщанное не приводится въ исполненіе, и весьма возможно, что подобное случится съ Димитріемъ относительно обѣщанія возвратить Сѣверскую землю, т.-е. москвитяне навѣрно возстанутъ противъ этого рѣшенія, но все-таки слѣдуетъ ожидать значительныхъ выгодъ не только относительно Швеціи, но и схизмы, имѣющей въ Московіи свое главное гнѣздо и даже, можно сказать, господство и силу. Конечно, сначала Димитрію придется поступать осторожно, но онъ настолько отваженъ и рѣшителенъ, что нѣтъ причины въ немъ сомнѣваться. Онъ часто говорилъ, что греки—невѣжды, и сравнивалъ москвитянъ съ конемъ, который подчиняется опытному сѣдоку.

„Димитрію хотѣлось въ присутствіи знатныхъ московскихъ людей созвать своихъ митрополитовъ и католическихъ на диспутъ, и за симъ самому разсудить, что послѣдніе лучше понимаютъ истину (какъ оно въ дѣйствительности есть), и такимъ образомъ ловко заставить первыхъ присоединиться къ его мнѣнію, какъ къ лучшему.

„Димитрію казалось весьма важнымъ для благоденствія Московіи, чтобы пребывающій въ ней патріархъ со времени Бориса, назначенный другимъ греческимъ патріархомъ, котораго называютъ константинопольскимъ, былъ бы навсегда утвержденъ или, по крайней мѣрѣ, пока Константинополь находится въ рукахъ турокъ, противъ которыхъ Димитрій охотно поднялъ бы оружіе. Подобная война была бы немаловажнымъ событіемъ, такъ какъ Московія настолько могущественна, что ее даже боятся турки, которые, какъ говорятъ, очень уважаютъ короля Стефана за то, что онъ не только одержалъ верхъ надъ ней въ возвращеніи Ливоніи и Полоцка, но имѣлъ храбрость проникнуть въ самое сердце

Московіи противъ столь могущественнаго великаго князя, силы котораго страшатся даже сами турки и котораго во время междуцарствій старались отстранить, въ особенности отъ польской короны.

„Турецкій посолъ, присланный недавно отъ Порты, находясь здѣсь, когда пришли послѣдпія хорошія извѣстія о Димитріи, и узнавъ, что послѣдній пользуется помощью и симпатіей поляковъ, выказалъ огорченіе и большой гнѣвъ, говоря, что ему придется передать своему государю недобрыя вѣсти.

„Уѣхавъ изъ Кракова, Димитрій направился въ Львовъ съ сендомірскимъ палатиномъ и остановился на нѣкоторое время во владѣніяхъ послѣдняго, гдѣ съ помощью палатина и князя Вишневецкаго собралъ нѣсколько тысячъ солдатъ. Съ этимъ войскомъ онъ сначала усмирилъ Краковскаго каштеляна, который возсталъ противъ него подъ предлогомъ, что войска Димитрія, проходя черезъ его земли, нанесли имъ большой вредъ; за симъ Димитрій направился къ границѣ. Здѣсь начали стекаться къ нему не мало знатныхъ московскихъ людей, которые сдали ему нѣсколько селъ и городовъ, но все это не обошлось безъ сопротивленія и даже безъ кровопролитія. Такимъ образомъ Димитрій положилъ счастливое начало своему походу, продолженіе котораго было не менѣе блестящее. Ему очень помѣшала измѣна 800 отборныхъ польскихъ наѣздниковъ, которые во время первой битвы, хотя и удачной, но кровопролитной для войска Димитрія, возвратились въ королевство. Димитрій съ большой грустью сообщилъ объ этомъ королю и мнѣ чрезъ довѣренныхъ ему лицъ, которыя привезли мнѣ собственноручныя его письма. Общее мнѣніе, что вышеупомянутые поляки были подкуплены великимъ канцлеромъ и краковскимъ каштеляномъ. Говорятъ, что они же, для возбужденія москвитянъ, распространили слухъ въ Московіи о принятіи Димитріемъ католической вѣры и о томъ, что какъ только онъ вступитъ на престолъ, то заставитъ ихъ перемѣнить вѣру. Все это дѣлалось съ цѣлью повредить хорошему исходу предпріятія, къ которому великій канцлеръ относился съ ироніей, говоря, что оно настолько трудно, что если

удастся, слѣдуетъ сжечь все, что раньше было написано касательно исторіи народовъ и читать только исторію этого похода, въ которомъ принимаетъ участіе палатинъ сендомірскій.

„Между тѣмъ Борисъ, услыхавъ, что въ здѣшнемъ королевствѣ находится Димитрій и что онъ добивается его царства, но не зная, что послѣдній уже въ предѣлахъ Московіи, прислалъ королю посла, которому была дана въ варшавскомъ сенатѣ публичная аудіенція. Во время этой аудіенціи посолъ сказалъ, что посланъ своимъ государемъ, чтобы узнать, совершаются ли приготовленія Димитрія (котораго назвалъ воромъ, аріаниномъ, обманщикомъ, вѣроотступникомъ и сыномъ сапожника) къ разоренію Московіи съ согласія короля и сената? Этотъ посолъ также не зналъ, что Димитрій уже находится въ предѣлахъ Московіи, т.-е. покинулъ Польшу нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и здѣсь отъ него скрыли этотъ фактъ. Онъ настаивалъ, чтобы Димитрію помѣшали выступить въ походъ и чтобы его приверженцы и сообщники были наказаны въ знакъ того, что король и сенатъ имъ не сочувствуютъ. Въ противномъ случаѣ онъ угрожалъ тѣмъ, что его государь сообщитъ объ этомъ римскому папѣ, императору и всѣмъ христіанскимъ государствамъ, увѣряя, что вина пролитой крови падетъ главнымъ образомъ на его величество, которому передалъ отъ великаго князя грозныя посланія. На эту рѣчь ему отвѣчали, что король не давалъ войска Димитрію, но во время пребыванія послѣдняго въ королевствѣ его величество желалъ ознакомиться съ его притязаніями, дабы сообщить о нихъ великому князю и узнать отъ него, дѣйствительно ли Димитрій—царской крови, на что послѣдній, узнавъ это, бѣжалъ къ запорожцамъ. Кромѣ того послу сообщили, что король приказалъ казнить тѣхъ, кто оказывалъ помощь Димитрію, что если послѣдняго найдутъ въ королевствѣ, то онъ будетъ задержанъ и о томъ будетъ сообщено великому князю, который настолько могуществен, что можетъ взять его и всѣхъ его приверженцевъ въ Московіи, и что если москвитяне согласны не нарушать перемирія, то поляки поступятъ такъ же. Въ то же время былъ присланъ другой по-

солъ, также знатный москвитянинъ, отъ Димитрія, не нашли возможнымъ допустить его, вслѣдствіе чего задержали въ королевствѣ до окончанія сейма.

„Однако, когда узнали объ успѣхахъ Димитрія, то онъ былъ допущенъ къ его величеству, который прочелъ послѣднія письма отъ 25 мая палатину сендомірскому, въ которыхъ говорилось о внезапной кончинѣ Бориса и о томъ, какъ войско признало Димитрія своимъ государемъ и присягнуло ему; объ увѣщеваніяхъ скорѣе короноваться, вслѣдствіе которыхъ Димитрій собирался въ тотъ же день уѣхать въ Москву. Все это болѣе подробно описано въ бумагахъ, посланныхъ оттуда за эти дни и прибавленныхъ къ предшествующимъ. Вслѣдствіе этого его величество вернулъ посла вчера вечеромъ, приказавъ вышеупомянутому палатину встрѣтить и привезти его съ почестями. О томъ, какимъ образомъ допустить посла къ королевской аудіенціи, его величество будетъ совѣтоваться съ сенаторами. Мнѣніе одного изъ самыхъ высокопоставленныхъ и серьезныхъ изъ нихъ состоитъ въ томъ, что его величеству слѣдуетъ написать полководцамъ, живущимъ на границѣ Московіи, чтобы они были наготовѣ, если надо помогать Димитрію. Это мнѣніе—явный знакъ разсудительности (здраваго смысла) его величества и всѣхъ сенаторовъ.

„Три дня тому назадъ распространились разные слухи, между прочимъ, будто жена Бориса, съ помощью своихъ родственниковъ и преданныхъ мужу бояръ, настаивала на провозглашеніи царемъ сына своего 14 лѣтъ, но что послѣдній, испуганный приближеніемъ Димитрія, его успѣхомъ и силой, будто бы отказался отъ великаго княжества, несмотря на угрозы и насиліе матери, которая умерла отъ горя вслѣдствіе упрямства сына. Прибавляютъ, что этотъ мальчикъ послалъ къ Димитрію своихъ пословъ, чтобы присягнуть ему. Димитрій долженъ былъ короноваться 5 или 6 іюля.

„Другіе слухи, идущіе изъ Данцига, сообщаютъ, будто сынъ Бориса одержалъ верхъ, а Димитрій палъ, но врядъ ли они правдоподобны, такъ какъ исходятъ отъ жителей Данцига, которые еретики и противники всего, что можетъ

принести пользу св. церкви, и, кромѣ того, распространяются какимъ-то армяниномъ, который всегда былъ противникомъ Димитрія. Однако, слуга его свѣтлости, подканцлера, писалъ своему господину, что до него дошло извѣстіе черезъ людей, что дѣла Димитрія идутъ успѣшно; вслѣдствіе того преобладаетъ и живетъ больше, чѣмъ когда-либо, надежда на успѣхъ. Съ часу на часъ ожидаютъ писемъ, которыя подтвердили бы эту надежду, исполненія которой желаютъ всѣ добрые люди.

„Димитрію около двадцати четырехъ лѣтъ; онъ—бритый, красивый, смуглолицый, съ бородавкой на носу наравнѣ съ правымъ глазомъ; у него длинныя, бѣлыя руки, которыя служатъ доказательствомъ благороднаго происхожденія; у него живой умъ, и онъ обладаетъ краснорѣчіемъ, въ его походкѣ и разговорѣ много благородства. Въ немъ всегда замѣчались склонность изучать словесность и много скромности и умѣнія скрывать свои слабыя стороны.

„Димитрій настолько жаждетъ славы, что слушалъ охотно и съ видимымъ удовольствіемъ, когда ему говорили, что, совершая соединеніе церквей и признавая главенство папы, онъ не только спасъ бы свою душу предъ Богомъ и души столькихъ своихъ подданныхъ, но, кромѣ того, онъ былъ бы уважаемъ всѣми государствами міра и что о немъ писали бы въ исторіи, и его изображеніе и дѣла были бы расписаны въ папскомъ дворцѣ, гдѣ представлены славныя дѣла другихъ великихъ императоровъ и королей.

„Онъ смѣлъ и храбръ, вслѣдствіе чего говорятъ, что во время войны онъ настолько увлекался сраженіемъ, что углублялся одинъ въ непріятельское войско. Однажды, послѣ сраженія, Димитрія безуспѣшно искали въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, наконецъ, онъ вернулся усталый, съ обнаженнымъ и окровавленнымъ мечомъ въ рукѣ. Говорятъ, что передъ каждой битвой Димитрій преклоняетъ колѣна и обращается къ Богу съ слѣдующими словами: „Господи, Ты, Который все знаешь, если правда на моей сторонѣ, то помоги и защити меня, если же нѣтъ, то пусть на меня снизойдетъ Твой гнѣвъ“. Когда же его просятъ остерегаться

измѣны и покушеній, то онъ обыкновенно отвѣчаетъ: „Богъ, Который спасъ меня отъ ножа, защититъ меня и теперь“ Дѣйствительно видно, что Богъ его хранитъ, такъ какъ онъ остается цѣлъ и невредимъ не только во время битвы, но, кромѣ того, не удались попытки злодѣевъ, подкупленныхъ Борисомъ, которые дважды хотѣли убить его.

„Пока Димитрій былъ здѣсь, онъ каждый праздникъ послѣ службы въ королевской капеллѣ, которую посѣщалъ инкогнито, бесѣдовалъ со мной и просилъ моего ходатайства за него у короля и сенаторовъ.

„Я всегда охотно ему помогалъ, такъ что Димитрій обращался ко мнѣ даже послѣ своего отъѣзда, показывая этимъ особенныя ко мнѣ довѣріе и надежду на успѣхъ моего заступничества, отъ котораго я никогда не отказывался, хотя соблюдалъ при этомъ осторожность относительно Бориса, чтобы въ случаѣ его побѣды онъ не имѣлъ предлога прервать сношеніе съ римскимъ папой. Послѣдній охотно предписывалъ мнѣ писать ему, когда слѣдовало; эти письма не были мною подписаны и безъ моей печати, имѣя въ виду тѣхъ сенаторовъ королевства, которые были противъ Бориса, чтобы они не обидѣлись на меня за мое вмѣшательство въ эти дѣла. Можно судить, насколько сохранились наши добрыя отношенія съ Димитріемъ, изъ его писемъ ко мнѣ, копіи съ которыхъ прилагаю, также съ письма отъ 13-го мая, которое получилъ только пять или шесть дней тому назадъ.

„Димитрію было сообщено о смерти блаженной памяти папы Климента VIII и о восшествіи папы Льва XI.

„Теперь, какъ только будетъ возможно, онъ узнаетъ о восшествіи на папскій престолъ вашего святѣйшества и о томъ, что если онъ не измѣнитъ своихъ добрыхъ намѣреній, то можетъ надѣяться на ваше отцовское благословеніе и одобреніе и на то, что ему будетъ оказано возможное содѣйствіе для славы Божіей и чести, и утѣшенія вашего святѣйшества. Теперь мнѣ остается только пожелать вашему святѣйшеству долгой и счастливой жизни и снова съ глубочайшимъ уваженіемъ поцѣловать святѣйшія ноги ваши. Изъ Кракова 2-го іюля 1605 года“.

XXIX.

Царь Өеодоръ Борисовичъ.

Тяжелы были послѣдніе дни царя Бориса Өеодоровича Годунова. Таинственный призракъ выросъ въ непобѣдимаго соперника, стоявшаго уже въ предѣлахъ Московскаго государства и день ото дня угрожавшаго Борису отнятіемъ престола. Въ государствѣ всюду началось шатаніе. Народъ нельзя было удержать въ повиновеніи воеводамъ. Южная и западная украйны съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивали собою число сторонниковъ Лжедимитрія. Даже и тѣ, которые оставались еще вѣрными царю Борису, не обѣщали самоотверженной преданности: плоть и кровь народа еще принадлежали Борису, но душа народа ускользала отъ него.

Тревоги, заботы, волненія въ конецъ подорвали здоровье царя, хотя никто не смѣлъ думать о столь близкой развязкѣ. Одинъ изъ современниковъ Бориса весьма тонко отмѣтилъ эту душевную надорванность, эти постоянные страхи, какъ главнѣйшую причину кончины Бориса. Муки совѣсти тяжелѣе страданій тѣлесныхъ... „Борисъ,—говоритъ онъ,—прегордый предъ малымъ и царствуяй нами, ужаснувся того (самозванца) стремленія, съ высоты престола царствія низвержеся; прикладнѣ, яко комаръ льва не дошедъ поразн. Не той бо, но совѣсть ему своя сего низложи, вѣдый вся, яже о себѣ нѣкогда“.

Тяжесть положенія царя Бориса еще болѣе увеличивалась тѣмъ одиночествомъ, въ которомъ онъ оказался среди московскаго боярства. Разорвавъ всѣ связи съ тѣмъ придворнымъ кругомъ, къ которому самъ принадлежалъ, Борисъ удалилъ всѣхъ своихъ прежнихъ друзей. Его кругъ ограничивался роднею: нѣсколькими вѣтвями Годуновскаго рода и родомъ Сабуровыхъ и Вельяминовыхъ, шедшихъ отъ одного съ Годуновыми корня. Несчастіе было въ томъ, что въ этой многочисленной роднѣ мало было талантливыхъ людей. Въ концѣ царствованія Борисъ, очень скупо возводив-

шій въ думные чины, сталъ отличать братьевъ Басмановыхъ и возлагалъ особыя надежды на Петра Ѳеодоровича Басманова. Другихъ лицъ при царѣ Борисѣ не было, кругъ правительственныхъ лицъ ограничивался этими.

Уже съ 1602 года царь Борисъ сталъ прихварывать, но онъ былъ въ такомъ возрастѣ, что нельзя еще было ждать неизбѣжно скорой развязки и нельзя было къ ней исподволь приготовиться.

13-го апрѣля 1605 года, послѣ торжественнаго пріема датскихъ пословъ, царь Борисъ угощалъ ихъ въ Золотой палатѣ. Едва онъ всталъ изъ-за стола, какъ у него открылось сильнѣйшее кровотеченіе изъ носа, рта и ушей. Тщетно врачи пытались остановить кровь. Черезъ два часа онъ скончался, едва успѣвъ передъ смертію постричься въ иноки съ именемъ Боголѣпа.

Неожиданность поразила всѣхъ. Прошелъ даже невѣроятный слухъ, что Борисъ отравился, принявъ ядъ.

„13-го апрѣля, по старому стилю,—разсказываетъ Масса,— Борисъ былъ или, можетъ быть, представлялся очень веселымъ; за обѣдомъ ѣлъ очень много и былъ веселѣе, чѣмъ обыкновенно бывалъ въ присутствіи своихъ приближенныхъ. Послѣ обѣда онъ отправился въ высокій теремъ, откуда онъ могъ видѣть всю Москву съ ея окрестностями, и тамъ-то, какъ думаютъ, онъ принялъ ядъ. Сойдя въ залу, Борисъ почувствовалъ приближеніе смерти, послалъ за патріархомъ и епископами, велѣлъ подать себѣ монашескій клобукъ и тотчасъ же постричь. Какъ только духовныя лица сотворили молитву, постригли и надѣли на него клобукъ, Борисъ скончался. Это было около 3 часовъ пополудни. Въ продолженіе двухъ часовъ, пока не распространился во дворцѣ и въ Москвѣ слухъ о смерти Бориса, было тихо. Затѣмъ услышали сильный шумъ: вооруженные служилые люди и стрѣльцы мчались верхами ко дворцу, но никто еще ничего не говорилъ и никто не зналъ, зачѣмъ они такъ быстро скачутъ въ Кремль. Мы, однакоже, подозрѣвали, что царь скончался, но никто еще не смѣлъ говорить объ этомъ. На слѣдующій день, когда всѣ служилые люди и придворные въ траурѣ

отправились въ Кремль, повсюду узнали о смерти Бориса. Доктора, бывшіе наверху, тотчасъ же узнали, что онъ умеръ отъ яду. Они сказали объ этомъ только царицѣ и болѣе никому".

Пирлингъ передаетъ еще одинъ любопытный разсказъ о кончинѣ царя Бориса. Заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія то обстоятельство, что, по словамъ Пирлинга, въ Краковѣ ожидали этой развязки. Объ этомъ свидѣтельствуетъ великій маршалъ польскаго двора, Сигизмундъ Мышковскій. За годъ до смерти Бориса, именно 6-го января 1604 года, онъ писалъ въ Италію кардиналу Альдобрандини и герцогу Мантуи, сообщая о смерти Годунова, какъ о событіи вполнѣ достовѣрномъ, и, что удивительнѣе всего, онъ описалъ даже подробности этого событія. По его словамъ, бояре учинили допросъ Димитрію, который находился тогда еще въ Польшѣ, и убѣдились въ томъ, что онъ былъ истинный сынъ Іоанна IV. Тогда въ Кремлѣ разыгралась трагическая сцена, бояре сообщили Борису Годунову о появленіи царевича. Онъ отвѣчалъ имъ высокомѣрно и раздражительно. Бояре не выдержали, выхватили сабли изъ ноженъ и умертвили того, кто въ ихъ глазахъ уже былъ не болѣе, какъ бездѣльникъ и похититель престола.

Разумѣется, эти разсказы интересны не своею историческою правдой, къ которой они совершенно не причастны, а самымъ существованіемъ своимъ. Очевидно, эти разсказы дѣйствительно ходили въ Польшѣ, ихъ поддерживали лица весьма близкія къ польскому королю и участники его политическихъ интригъ, лица, которыя не обратили бы на эти разсказы никакого вниманія, если бы эти разсказы были только народными слухами, сплетнями черни... Въ этихъ разсказахъ чувствуется доля прикосновенности къ самому событію кончины царя Бориса, послѣдовавшей годъ спустя послѣ письма Мышковскаго...

На другой день по кончинѣ, царя Бориса Годунова похоронили въ усыпальницѣ царей московскихъ, въ Архангельскомъ соборѣ въ московскомъ Кремлѣ.

Событіе это, повидимому, поразило Москву и все государ-

ство только своею неожиданностью. Народъ не любилъ Бориса и былъ равнодушенъ даже къ тому действительному добру, которое Годуновъ успѣлъ принести государству за свое семилѣтнее царствованіе.

Современники царя Бориса увѣряютъ, будто онъ былъ безграмотенъ, будто онъ не умѣлъ ни читать, ни писать. Тѣмъ не менѣе врожденныя дарованія и государственный опытъ умудрили его весьма высоко цѣнить просвѣщеніе, и извѣстно, съ какою заботливостію относился онъ къ образованію своего юнаго сына Ѳеодора.

Одинъ изъ иностранныхъ современниковъ царя Бориса съ безпристрастіемъ отмѣчаетъ его достоинства личныя и заслуги передъ Россіей. По его словамъ, Борисъ былъ не высокаго роста, дороденъ, лицо имѣлъ круглое, бороду и волоса на головѣ посѣдѣвшіе. Онъ ходилъ съ трудомъ по причинѣ подагры, отъ кототорой часто страдалъ. „Эта болѣзнь обыкновенно бываетъ у московскихъ бояръ, которые много стоятъ и ходятъ, ибо они постоянно должны находиться при дворѣ и тамъ цѣлые дни стоять около царя, ни разу не отдыхая иногда въ теченіе 3 или 4 дней. Такую тяжелую жизнь ведутъ московскіе бояре. Чѣмъ они выше поставлены, тѣмъ менѣе они имѣютъ покоя и тѣмъ болѣе живутъ въ страхѣ и стѣсненіи. Впрочемъ, они не перестаютъ стремиться къ возвышенію“. Борисъ былъ очень милостивъ и любезенъ съ иностранцами, имѣлъ огромную память и хотя не умѣлъ ни читать, ни писать, тѣмъ не менѣе все зналъ лучше тѣхъ, которые умѣли писать. Онъ достигъ 55 или 56 года, и если бы все шло по его желанію, то онъ совершилъ бы много великихъ дѣлъ. Во время своего правленія онъ очень украсилъ Москву и издалъ много полезныхъ законовъ и привилегій, приказалъ на всѣхъ перекресткахъ учредить караульни и большія рогатки, которыми загораживали улицы такъ, что каждая изъ нихъ представляла собою какъ бы отдѣльный городъ; онъ также приказалъ по вечерамъ ходить съ фонаремъ подъ страхомъ пени за ослушаніе. Вообще Борисъ былъ искусенъ въ управленіи. Любя постройки, онъ еще въ царствованіе Ѳеодора велѣлъ построить кру-

гомъ Москвы высокую стѣну изъ плитняка; обвелъ стѣною Смоленскъ; на границѣ съ Татаріею велѣлъ основать хорошо укрѣпленный городъ, названный въ честь Бориса Борисо-городомъ. Борисъ, по свидѣтельству того же иностранца, имѣлъ больше довѣрія къ попамъ и монахамъ, чѣмъ къ своимъ самымъ преданнымъ боярамъ. Слишкомъ много довѣряя льстецамъ и клеветникамъ, онъ подъ вліяніемъ ихъ сдѣлался тираномъ и сталъ изводить всѣ знатнѣйшіе роды. Главная причина жестокаго правленія Бориса заключалась именно въ томъ, что онъ находился подъ вліяніемъ негодяевъ и своей жестокосердной жены; если бы онъ дѣйствовалъ самостоятельно онъ не былъ бы тираномъ.

Характеризуя царя Бориса, иностранцы отличаютъ и похвальное желаніе его бороться съ общественными пороками своего времени. Такъ, Борисъ жестоко преслѣдовалъ тѣхъ, которые брали взятки и подарки, и многихъ вельможъ и дьяковъ предавалъ за то публичной казни. Къ сожалѣнію, по свидѣтельству современниковъ, это не помогало.

Такимъ образомъ кончина царя Бориса, повидимому, не вызвала единодушнаго соболѣзнованія современниковъ. Тѣмъ не менѣе, какъ засвидѣтельствовалъ очевидецъ, весь народъ при погребеніи, по обычаю, громко вопилъ и плакалъ.

Въ осиротѣлой семьѣ царя Бориса Годунова остались его вдова, царица Марія Григорьевна, шестнадцатилѣтній сынъ Θеодоръ Борисовичъ и юная дочь Ксенія Борисовна. На престолъ московскій вступилъ царь Θеодоръ Борисовичъ Годуновъ.

Всѣ современники единодушно свидѣтельствуютъ о цвѣтущей, красивой наружности юнаго царя, о природномъ умѣ и добромъ сердцѣ, о необыкновенной любви его къ книжному ученію и къ пріобрѣтенію познаній. Къ сожалѣнію, молодость царя исключала возможность опытности, распорядительности и мужества. Тяжелыя обязанности, такъ внезапно свалившіяся на Θеодора, лишь усугубили его робость. Въ отсутствіи преданныхъ и мудрыхъ царедворцевъ, ближней государевой думы", заключался весь ужасъ положенія семьи Бориса въ тѣ дни, когда внезапная смерть отняла у нея

отца. Семья потерялась и не знала въ комъ, кромѣ патріарха, искать опоры. Видѣли опору въ Петрѣ Басмановѣ, но онъ самъ былъ, по тогдашнимъ понятіямъ, человѣкъ „молодой“, „невеликій“, не отъ „большихъ родовъ“ и самъ нуждался въ поддержкѣ для того, чтобы удержаться на той высотѣ, на какую подняли его военные успѣхи и боевыя заслуги. Въ средѣ близкихъ и преемниковъ Бориса въ Москвѣ не было налицо ни придворныхъ авторитетовъ, въ родѣ блаженной памяти Никиты Романовича, ни государственныхъ умовъ, въ родѣ самого Бориса Ѳеодоровича. Одиночество и неопытность были первыми спутниками новаго царя. Не удивительно, что на дѣлѣ правительницею стала мать царя, царица Марія Григорьевна, дочь ненавистнаго Малюты.

Москва тотчасъ же присягнула новому царю Ѳеодору Борисовичу, царицѣ Маріи Григорьевнѣ и царевнѣ Ксеніи Борисовнѣ. Присяга учинена была по той же формѣ, какъ и царю Борису, но съ нѣкоторыми дополненіями и особенностями. Она читалась такъ:

„Цѣлую крестъ государынѣ своей, царицѣ и великой княгинѣ Маріи Григорьевнѣ всея Русіи, и ея дѣтямъ, государю своему и великому князю Ѳеодору Борисовичу всея Русіи, и государынѣ своей, царевнѣ и великой княжнѣ Ксеніи Борисовнѣ всея Русіи, на томъ: хотѣти мнѣ имъ, государямъ своимъ, добра во всемъ въ правду, безо всякія хитрости; а лиха мнѣ государынѣ своей царицѣ... и ея дѣтямъ... не хотѣти ни въ чемъ никакого, ни мыслити, ни думати, ни дѣлати никоторыми дѣлы, никоторою хитростію, по сему крестному цѣлованью. Также мнѣ надъ своею государынею... и надъ ея дѣтьми, надъ государемъ своимъ царемъ... въ ѣствѣ и въ питьѣ, ни въ платьѣ, ни въ иномъ ни въ чемъ лиха никакого не учинити, и не испортити, и зелья лихого и коренья не давати; а кто мнѣ учнетъ зелье и коренье лихое давати, и мнѣ учнетъ кто говорить, чтобъ мнѣ надъ своею государынею... и надъ ея дѣтьми... какое лихо учинить похочетъ, или похочетъ портити, и мнѣ того человѣка никакъ не слушати, и зелья лихого и коренья у того человѣка не имати;

да и людей своихъ съ вѣдовствомъ, и со всякимъ лихимъ зельемъ, и съ кореньемъ не посылати, и вѣдуновъ не добывати на государынино царицыно... и на государево царево... и на царевнино на всякое лихо. Также мнѣ государыню свою... и ея дѣтей... куды они государи пойдутъ, на слѣду всякимъ вѣдомскимъ мечтаньемъ не испортити, и вѣдовствомъ по вѣтру никакого лиха не насылати, и всякимъ злымъ умышленьемъ и волшебствомъ не умышляти и не дѣлати никоторыми дѣлы, никоторою хитростію, по сему крестному цѣлованью. А кто такое вѣдовское дѣло похочетъ мыслить или дѣлать, а я то свѣдаю, и мнѣ про того человѣка сказати государынѣ своей... и государю своему... или ихъ ближнимъ боярамъ; а не утаити мнѣ того никакъ никоторыми дѣлы, а сказати мнѣ въ правду, безо всякія хитрости, ни на кого не затѣяти и ни по комъ не покрыти. А у кого увѣдаю, или съ сторонъ услышу, у какого человѣка нибуди, кто про такое злое дѣло учнетъ думати и умышляти надъ государынею... и надъ ея дѣтьми... на всякое лихо, или кто похочетъ государыню... или ея дѣтей... кореньемъ и лихимъ зельемъ, и волшебствомъ и кудесомъ испортити, и мнѣ того поимати и привести ко государынѣ своей царицѣ... и ко государю своему царю... или къ ихъ боярамъ, или къ ближнимъ людямъ въ правду, безо всякія хитрости, по сему крестному цѣлованью; а не утаити мнѣ того никоторыми дѣлы, никоторою хитростію; а не возмогу того поимати, и мнѣ про того человѣка сказати государынѣ своей царицѣ... и государю своему царю... или ихъ боярамъ, или ближнимъ людямъ, которому то слово донести до государыни царицы... и до государя царя... или до ихъ большихъ бояръ, или до ближнихъ людей въ правду, безо всякія хитрости, по сему крестному цѣлованью. Также мнѣ, мимо государыни своей царицы и великой княгини Маріи Григорьевны всея Русіи, и ея дѣтей, государей своихъ, царя и великаго князя Өеодора Борисовича всея Русіи и царевны и великой княжны Ксеніи Борисовны всея Русіи, на Московское государство иного государя, мимо ихъ, не искати, и не хотѣти, и не мыслити, и не измѣнити имъ государямъ ни въ чемъ. Так-

же мнѣ Симеона Бекбулатова и иного никого на Московское государство не хотѣти, и съ нимъ не знаться и не дружиться, и не ссылаться грамотками, и словомъ къ нему ни на какое лихо не приказывати, и къ вору, который называется княземъ Дмитріемъ Углицкимъ, не приставати, и съ нимъ и съ его совѣтниками ни съ кѣмъ не ссылатись ни на какое лихо, и не измѣнити, и не отъѣхати, и лиха никакого не учинити, и государства не подъискивати, и не по своей мѣрѣ ничего не искати, и того вора, что̀ называется княземъ Дмитріемъ Углицкимъ, на Московскомъ государствѣ видѣти не хотѣти. А кто мнѣ учнетъ о томъ говорить, или кто съ кѣмъ учнетъ о томъ думать и мыслить, что Симеона, или иного кого, или того вора, который называется княземъ Дмитріемъ Углицкимъ, на Московское государство, а я то свѣдаю, или услышу отъ кого-нибудь, и мнѣ того изымати и привести ко государынѣ своей царицѣ... и къ государю царю... или къ ихъ боярамъ, или къ ближнимъ людямъ; а сказати мнѣ про то въ правду, безо всякія хитрости, по недружбѣ мнѣ ни на кого не затѣяти, а по дружбѣ мнѣ ни по комъ не покрыти. А гдѣ мнѣ государыня моя царица... и ея царскія дѣти... велятъ быти на своей царской службѣ, и мнѣ, будучи на ихъ государевыхъ службахъ, государынѣ своей царицѣ... и ея дѣтямъ... служити и прямити безо всякія хитрости, и измѣны никоторыя не учинити, и не дѣлати и не мыслити ни на какое лихо, и города никакого не сдати, и изъ походовъ и изъ полковъ никуда не отъѣхати и не измѣнити, и никого къ себѣ ни на которое лихо не приводити, и не семьянитись, и не умышляти на всякое лихо, и скопомъ и заговоромъ и всякимъ умышленьемъ ни на кого не приходити, и недружбы своей никому не мстити, и никого, безъ ихъ государева вѣдома, не убити и не извести, и не сослати никого, и убити не велѣти никого, и не мыслити о томъ никакъ. А гдѣ будетъ свѣдаю скопы, или злое которое умышленье и совѣтъ на государыню свою царицу... и на ея дѣтей... какое лихое умышленье, и съ тѣми людьми, кто будетъ въ томъ скопѣ и во всякомъ зломъ умышленьѣ, мнѣ битись до смерти; также мнѣ ни на государевыхъ бояръ на

ближнихъ и на всякихъ людей скопомъ и заговоромъ и всякимъ лихимъ злымъ умышленьемъ не приходити и не умышляти, и не убивати никакого человѣка до смерти, и убивати не велѣти никоторыми дѣлы, никоторою хитростью, по сему крестному цѣлованью. Также мнѣ отъ государыни своей царицы... и отъ ея царскихъ дѣтей... къ иному ни къ которому государю, къ Турскому, и къ цесарю, и къ Литовскому королю, Шпанскому, ни ко Францовскому, ни къ Аглинскому, ни къ Чешскому, ни къ Дацкому, ни къ Свейскому королю, ни въ Крымъ, ни въ Ногай, ни въ иные ни въ которыя государства не отъѣхати, и лиха мнѣ и измѣны никоторыя не учинити и не мыслити. Также мнѣ, гдѣ государыня моя царица... и ея дѣти, государи мои... велятъ быти у какого приказу или въ судѣ, и мнѣ, будучи у ихъ государева дѣла, дѣла всякія дѣлати въ правду, по дружбѣ никому не наровити, а по недружбѣ никому не мстити, и дѣла государева никакого не спродати, виноватаго правымъ и праваго виноватымъ не учинити, и отъ того посуловъ и поминковъ не имати, а прямити мнѣ государынѣ царицѣ... и ея дѣтямъ... и ихъ землямъ добра хотѣти во всемъ въ правду и до своего живота, по сему крестному цѣлованью. Я имярекъ цѣлую сей святый и животворящій крестъ Господень на томъ, что мнѣ государынѣ своей царицѣ... и ея дѣтямъ... служити имъ, и прямити и добра хотѣти во всемъ въ правду, безъ всякія хитрости, и потому, какъ въ сей записи писано, и до своего живота, по сему крестному цѣлованью: а не учну я государынѣ своей царицѣ... и ея дѣтямъ... по сему крестному цѣлованью служити и прямити, или какое, что лихо сдѣлаю, мимо ее крестное цѣлованье, и не буди на мнѣ милость Божія, и пречистыя Богородицы, и великихъ чудотворцевъ Петра и Алексѣя, Іоны и всѣхъ святыхъ, и не буди на мнѣ благословеніе и прощеніе патріарха Іова Московскаго и всея Русіи, и митрополитовъ, и архіепископовъ, и епископовъ, и всего освященнаго вселенскаго собора, и буду проклятъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ“.

Въ присягѣ для дьяковъ сдѣлана была особая прибавка.

„Также мнѣ, будучи у ея государынина и у государева дѣла, всякія дѣла дѣлати въ правду, и тайныхъ и всякихъ государевыхъ дѣлъ и вѣстей никакихъ никому не сказывати, и государынины и государевы казны всякія и денегъ не красти, и за дѣлы дворянъ и дѣтей боярскихъ и всякихъ челобитчиковъ не волочити, отдѣлывати ихъ вскорѣ, и посуловъ и поминковъ ни у кого не имати никоторыми дѣлы, и никому ни въ чемъ по дружбѣ не норовити и не покрывати, и по недружбѣ ни на кого ничего не затѣяти никоторыми дѣлы, по сему крестному цѣлованью; и съ книгъ съ писцовыхъ и изъ отдѣльныхъ и изъ дачъ выписывати мнѣ подлинно прямо, и мимо книгъ въ выписи ничего не написати никоторыми дѣлы, и посуловъ и поминковъ отъ того ни у кого не имати, по сему крестному цѣлованью".

Тогда же по городамъ разосланы были грамоты „отъ царицы и великія княгини Маріи Григорьевны всея Русіи и отъ царя и великаго князя Ѳеодора Борисовича всея Русіи" съ повелѣніемъ привести весь народъ къ присягѣ на вѣрность новому царю. „Божіимъ праведнымъ судомъ,—говорилось въ грамотѣ, — за нашъ грѣхъ, государя нашего великаго государя царя и великаго князя Бориса Ѳеодоровича всея Русіи не стало; а по его государеву обѣщанью, Богъ его, государя, сподобилъ, воспріялъ ангельскій образъ, во иноцѣхъ Боголѣпъ, а преставися апрѣля въ 13 день, а на всѣ государства, на Владимірское и на Московское и на Новгородское, и на царства Казанское, и на Астраханское, и на Сибирское, и на всѣ великія государства Россійскаго царствія благословилъ насъ, сына своего, великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Борисовича всея Русіи. И мы, съ Божіею помощію, на своемъ государствѣ учинились царемъ и великимъ княземъ, всея Русіи самодержцемъ, и бояре наши, и окольничіе, и думные дворяне, и дьяки, и дворяне жъ, и дѣти боярскіе, и приказные люди, и всѣхъ сотенъ торговые, и всякіе люди Московскаго государства передъ святѣйшимъ Іовомъ, патріархомъ Московскимъ и всея Русіи, и передо всѣмъ священнымъ соборомъ намъ крестъ цѣловали; и вы бъ, памятуя Бога, и души свои, и

крестное цѣлованье, на чемъ вы великому государю нашему царю и великому князю Борису Θеодоровичу, всея Русіи самодержцу, и намъ крестъ цѣловали, послѣ преставленья, блаженныя памяти, великаго государя царя великаго князя Θеодора Іоанновича, всея Русіи самодержца, что ему, государю, и намъ служити и прямiти, и добра хотѣти во всемъ до своего живота, и вы бъ потомужъ намъ служили и добра хотѣли и прямили во всемъ; а мы васъ не только жаловати рады, и любити васъ хотимъ свыше прежняго, и намъ бы есте на томъ на всемъ сами крестъ цѣловали въ соборной церкви, и дѣтей боярскихъ, и приказныхъ, и служивыхъ всякихъ, и торговыхъ и посадскихъ людей, и пашенныхъ крестьянъ и всякихъ черныхъ людей къ нашему крестному цѣлованью привели по записи, какова къ вамъ послана“...

Въ Москвѣ все населеніе присягнуло новому царю безпрекословно и спокойно. Но, очевидно, настроеніе не вездѣ было столь же мирное и столь же преданное Годуновымъ, и потому въ этихъ же самыхъ грамотахъ, разосланныхъ воеводамъ съ приказаніемъ приводить жителей къ присягѣ, въ самомъ концѣ прибавлено было: „а того бъ есте береглп накрѣпко, чтобъ у васъ всякіе люди намъ крестъ цѣловали, а не былъ бы ни одинъ человѣкъ, который бы намъ креста не цѣловалъ“.

Кромѣ этихъ грамотъ, разосланы были еще грамоты владыкамъ съ повелѣніемъ совершать молебны за новаго царя. Эти грамоты были составлены въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ были составлены соотвѣтствующія грамоты царя Бориса. И на этотъ разъ разсказывалось о всенародномъ избраніи на престолъ и о вступленіи новаго царя на царство при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ совершилось воцареніе Бориса. „По преставленіи великаго государя нашего,—говорилось въ грамотахъ,—святѣйшій Іовъ и весь освященный соборъ и весь царскій синклитъ, гости и торговые люди и всенародное множество Россійскаго государства великую государыню царицу Марью Григорьевну молили со слезами и милости просили, чтобъ государыня пожаловала, положила на милость, не оставила насъ сирыхъ до конца погибнуть,

была на царствѣ попрежнему, а благороднаго сына своего благословила быть царемъ и самодержцемъ; также и государю царевичу били челомъ, чтобъ пожаловалъ, по благословенію и приказу отца своего, былъ на Россійскомъ государствѣ царемъ и самодержцемъ. И великая государыня слезъ и моленій не презрѣла, сына своего благословила, да и государь царевичъ, по благословенію и по приказу отца своего, по повелѣнію матери своей, насъ пожаловалъ, на Московскомъ государствѣ сѣлъ".

Къ войску, которое стояло подъ Кромами подъ начальствомъ князей Мстиславскаго и Шуйскихъ, отправлено было особое посольство, въ составъ котораго вошли: митрополитъ Новгородскій Исидоръ, которому поручено было привести войско къ присягѣ, князь Михаилъ Петровичъ Катыревъ-Ростовскій, на котораго возложено было званіе главнаго воеводы, и Петръ Θеодоровичъ Басмановъ, изъ-за уступокъ мѣстничеству назначенный лишь товарищемъ воеводы большого полка. Надежды молодого царя, очевидно, возлагались на Басманова, въ преданности котораго и военныхъ успѣхахъ не сомнѣвались. Князей Мстиславскаго и Василія и Димитрія Шуйскихъ царь Θеодоръ Борисовичъ отзывалъ отъ войска въ Москву подъ предлогомъ занять первыя мѣста въ боярской думѣ, чтобы помогать юному государю своими совѣтами. Два князя Голицына, братья Василій и Иванъ Васильевичи, остались подъ Кромами.

Въ этомъ распоряженіи новаго царя Θеодора Борисовича крылась роковая ошибка, въ конецъ сгубившая Годуновыхъ. Вѣроятно, эти перемѣны въ составѣ воеводъ были произведены изъ осторожности, но онѣ послужили во вредъ Годуновымъ.

Войска, стоявшія подъ Кромами, оказались подъ вліяніемъ князей Голицыныхъ, знатнѣйшихъ и виднѣйшихъ изо всѣхъ воеводъ, и Басманова, обладавшаго извѣстностью и военнымъ счастьемъ. Москва же должна была естественно пойти за Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, котораго считала очевидцемъ углицкихъ событій 1591 года и свидѣтелемъ если не смерти, то спасенія маленькаго Димитрія. Князья-бояре

сдѣлались хозяевами положенія и въ арміи, и въ столицѣ, и немедленно объявили себя противъ Годуновыхъ и за „царя Димитрія Ивановича“.

Самозванецъ, сидя въ Путивлѣ, понапрасну времени не терялъ. Онъ усердно поддерживалъ сношенія съ Польшей, писалъ письма своимъ покровителямъ, описывалъ имъ свои успѣхи и неудачи и безпокоилъ ихъ просьбами о помощи. Онъ даже отправилъ особаго посла на сеймъ, князя Татева, бывшаго черниговскаго воеводу, но его предусмотрительно не пустили на сеймъ. Въ то же время онъ усиленно собиралъ войско и готовился къ новому походу.

Сила вещей разочаровала самозванца въ наилучшемъ его войскѣ, полякахъ, и заставила его обходиться всякимъ сбродомъ, въ изобиліи пристававшимъ къ нему въ предѣлахъ Московскаго государства. Самозванцу приходилось теперь на этой силѣ строить всѣ свои надежды и планы, и онъ развилъ ихъ до огромныхъ размѣровъ. Отъ степей Днѣпра и Дона до Уральскихъ горъ на востокъ и до береговъ Чернаго моря на югѣ, всѣ казаки и татары призывались имъ къ оружію; имъ было назначено собраться въ извѣстный, заранѣе намѣченный пунктъ. Собравъ эту громаду наемнаго войска, жаждавшаго добычи, Лжедимитрій предполагалъ двинуть его на Москву, оставляя по пути гарнизоны и увеличивая свои силы волонтерами. Такимъ образомъ столица была бы окружена огромными силами и не имѣла бы возможности получить подкрѣпленій изъ провинціи. Этотъ смѣлый планъ самозванецъ выработалъ въ Путивлѣ, вернувшись снова къ тѣмъ намѣреніямъ, которыя онъ питалъ еще въ Брагинѣ. Въ срединѣ марта отправлены были гонцы на Донъ, Волгу, Терекъ и Уралъ, и уже черезъ мѣсяцъ Лжедимитрію донесли о скоромъ прибытіи новыхъ войскъ. Донскіе казаки не только сами отозвались на призывъ Лжедимитрія, но еще оказали ему весьма существенную услугу, успѣвъ привлечь на его сторону ногайскихъ татаръ, которыхъ въ Москвѣ считали преданными Годунову. Въ концѣ апрѣля посланы были подарки крымскимъ татарамъ, и это оказалось прекраснымъ средствомъ заручиться ихъ признаніемъ и содѣйствіемъ.

Въ это именно время, когда Лжедимитрій развивалъ свои мечты, а его войска стягивались въ Ливны, въ Кремлѣ скончался царь Борисъ Годуновъ, соперникъ и врагъ самозванца. 25 апрѣля въ Путивль прискакалъ изъ Москвы Авраамъ Бахметевъ съ извѣстіемъ о кончинѣ Бориса и съ предложеніемъ своихъ услугъ. Самозванецъ былъ внѣ себя отъ радости: его врагъ исчезалъ накапунѣ похода противъ него!.. Лжедимитрій теперь сталъ бояться единственно того, какъ бы это извѣстіе не оказалось ложнымъ. Но вскорѣ, 30 апрѣля, ливенскій воевода подтвердилъ справедливость этого извѣстія и даже сообщилъ подробности событія: 13 апрѣля, во время аудіенціи, данной Борисомъ иностраннымъ посламъ, у него сдѣлалось сильное кровотеченіе; кровь полилась у него изо рта, изъ носа, глазъ, ушей, изо всѣхъ поръ; царь упалъ навзничь и нѣсколько часовъ спустя скончался, едва патріархъ Іовъ успѣлъ постричь его въ монахи.

Получивъ это извѣстіе, самозванецъ пришелъ въ восторгъ отъ радости: оно стоило самой большой побѣды. Съ этого времени событія пошли быстрѣйшимъ ходомъ и притомъ всѣ въ пользу самозванца. Исторія не сохранила намъ яснаго и послѣдовательнаго изложенія событій, обусловившихъ окончательное торжество самозванца.

Повидимому, въ головокружительной смѣнѣ настроеній того времени не легко было разобраться и самимъ участникамъ тѣхъ печальныхъ событій. Повидимому, не одно какое-нибудь обстоятельство привело самозванца въ Москву, а цѣлая совокупность обстоятельствъ, можно сказать, все пришло къ его услугамъ. Поэтому разсказы современниковъ объ этихъ событіяхъ получаютъ огромное значеніе для выясненія всего хода дѣла.

XXX.

Конецъ Годуновыхъ.

Событія сразу и круто повернулись въ сторону Лжедимитрія. Въ Москвѣ, по разсказамъ очевидца, послѣ смерти

Борнса повсюду начало распространяться волненіе, и народъ становился все болѣе и болѣе требовательнымъ. Толпы бѣжали ко дворцу: одни кричали о сосланныхъ при Борисѣ боярахъ, другіе — чтобы мать Димитрія, старую царицу, посадить у городскихъ воротъ, дабы каждый могъ узнать отъ нея: живъ ея сынъ или нѣтъ. Между вельможами была сильная вражда. Несмотря на то, что Годуновы были почти низвергнуты, они продолжали завидовать немногимъ, еще оставшимся въ живыхъ лицамъ знатныхъ родовъ, опасаясь, что они высоко поднимутся, если Димитрій сдѣлается царемъ. Такъ, Симеонъ Никитичъ Годуновъ, называвшій Мстиславскаго измѣнникомъ московскимъ, убилъ бы его, если бы кто-то не помѣшалъ. Народъ ежедневно роталъ и требовалъ возвращенія прежней царицы и старыхъ вельможъ, скитавшихся въ изгнаніи въ разныхъ мѣстахъ. На это принуждены были обѣщать, что всѣ оставшіеся въ живыхъ вельможи будутъ въ скоромъ времени возвращены въ Москву. Относительно же матери Димитрія царица ничего не хотѣла слышать. Она, напротивъ, приказала крѣпко сторожить ее, опасаясь, чтобы она, изъ желанія избавиться отъ заточенія и отмстить своимъ врагамъ, не сказала бы, что Димитрій живъ. Народъ, однако, угрожая силою, продолжалъ очень твердо настаивать на возвращеніи матери царевича. Явный страхъ овладѣлъ дворомъ. Тогда вышелъ къ народу князь Василій Ивановичъ Шуйскій и обратился къ нему съ прекрасною рѣчью. Онъ сначала говорилъ о томъ, что Божій гнѣвъ тяготѣетъ надъ народомъ въ наказаніе за его грѣхи, что поэтому онъ ежедневно несетъ тяжкія наказанія, затѣмъ онъ высказалъ удивленіе тому, что всѣ остаются еще закоренѣлыми въ своей злобѣ, склоняются къ такой перемѣнѣ, которая поведетъ къ распаденію земли, къ искорененію святой вѣры и къ разрушенію святилища московскаго. Въ подтвержденіе того, что Димитрій умеръ, Шуйскій произносилъ страшныя клятвы и показывалъ свои руки, которыми онъ полагалъ во гробъ тѣло царевича, похороненнаго въ Угличѣ. Далѣе Шуйскій говорилъ, что человѣкъ, выдающій себя за Димитрія, разстрига, бѣглый мо-

нахъ, дѣйствующій по внушенію дьявола, что разстрига посланъ въ наказаніе за тяжкіе грѣхи. Шуйскій просилъ народъ исправиться, сообща молить Бога о милости, оставаться твердымъ до конца, тогда, какъ говорилъ Шуйскій, все еще можетъ окончиться добромъ. Эта рѣчь немного поуспокоила народъ. Сосланные Борисомъ получали прощеніе и ежедневно возвращались въ Москву.

Въ этихъ волненіяхъ сказалось отсутствіе твердой и единой власти, давшее просторъ шатанію народа развиться до опасныхъ волненій.

Въ войскѣ царскомъ, стоявшемъ подъ Кромами, бродили тѣ же неспокойныя чувства, тѣ же волненія и даже открытая измѣна. Басмановъ, пріѣхавъ туда, приказалъ немедленно объявить о смерти Бориса, увѣщевалъ войско, какъ главный воевода, назначенный царемъ, вѣрно служить молодому государю, быть ему послушнымъ. Между тѣмъ втихомолку Басмановъ каждый день разсылалъ по всему лагерю людей, которые должны были доносить, что тамъ говорили. Оказалось, что большинство на сторонѣ Димитрія, а не на сторонѣ царя Ѳеодора Борисовича. Зрѣло обсудивъ это обстоятельство, Басмановъ старался найти средства привлечь все войско на сторону Димитрія, по возможности, безъ всякаго кровопролитія. Съ этою цѣлью онъ тайно посылалъ къ Димитрію для совѣщанія съ нимъ. Чтобы оправдать свой поступокъ, Басмановъ прежде всего опирался на собственное убѣжденіе въ томъ, что Димитрій истинный царевичъ, говорилъ, что его поступокъ нельзя называть измѣною, потому что онъ не только не причинитъ несчастія его отечеству, а, напротивъ, принесетъ ему много счастія. Наконецъ Басмановъ приводилъ въ свое оправданіе слѣдующія обстоятельства: жестокое правленіе Бориса, истребленіе всѣхъ древнихъ родовъ, несчастія, бывшія во время его царствованія, служившія доказательствомъ того, что Борисъ незаконнымъ образомъ вступилъ на престолъ и что былъ живъ законный наслѣдникъ, нынѣ проявившійся благодаря всемогущему Провидѣнію. Поэтому Басмановъ изъявлялъ желаніе служить тому, кому слѣдовало служить. Сношенія

между Лжедимитріемъ и Басмановымъ происходили такъ тайно, что впослѣдствіи никто съ той и другой стороны не могъ сказать, какъ они происходили. Въ это время была оттепель и вездѣ выступила вода, такъ что каждый думалъ о самосохраненіи. Болота мѣшали осаждающимъ подойти къ городу, и они напрасно стрѣляли, какъ будто только для того, чтобы тратить свой порохъ и свинецъ. Ночью перебѣгали въ Кромы и разсказывали все, что дѣлалось въ лагерѣ, совѣщались о внезапномъ нападеніи на лагерь съ тѣмъ, чтобы привести его въ совершенное разстройство.

Разсказываютъ, что духъ мятежа обнаружился въ войскѣ еще во время принесенія присяги царю Ѳеодору Борисовичу. Форма присяги, предложенная Басмановымъ, показалась войску подозрительной. До тѣхъ поръ царь Борисъ Годуновъ и патріархъ Іовъ отождествляли самозванца съ разстригою Гришкою Отрепьевымъ. Теперь же, когда надобно было цѣловать крестъ, имя Гришки не было упомянуто; говорилось только о ворѣ, именующемъ себя Димитріемъ царевичемъ Углицкимъ. Въ войскѣ это умолчаніе приняли за ловушку и говорили:

— Претендентъ не Гришка Отрепьевъ, его не смѣютъ назвать этимъ именемъ или какъ-нибудь иначе; почему же ему не быть истиннымъ сыномъ Іоанна IV, спасшимся чудеснымъ образомъ отъ козней Годунова?

Это предположеніе казалось правдоподобнымъ. Возбужденные умы охотно вѣрили ему, и когда дѣло дошло до присяги, то обнаружилось большое колебаніе.

Наконецъ, повидимому, именно хитрость одного поляка отдала въ руки самозванца все московское войско. На помощь осажденнымъ въ Кромахъ посланъ былъ сильный отрядъ поляковъ и казаковъ подъ начальствомъ поляка Запорскаго. Онъ подошелъ къ Кромамъ и съ Троицына дня старался найти удобный моментъ, чтобы ворваться въ крѣпость и присоединиться къ осажденнымъ. Не желая дѣйствовать силою, онъ прибѣгнулъ къ хитрости, пославъ по дорогѣ въ Кромы гонца съ письмами, въ коихъ осажденные ободрялись надеждою на скорую помощь вслѣдствіе прибы-

тія къ нимъ многочисленнаго подкрѣпленія. Гонцу было приказано доскакать какъ бы нечаянно до сторожевой линіи осаждающей арміи и отдаться въ плѣнъ. Онъ ловко исполнилъ это опасное порученіе. Его схватили, обыскали и прочли найденныя при немъ письма. А въ письмахъ говорилось:

„Мы, Димитрій Ивановичъ, великій князь всея Россіи, наслѣдникъ всего великаго княжества Московскаго, царь Казанскій, царь Астраханскій, посылаемъ къ вамъ, любезновѣрные кромскіе жители, по просьбѣ и желанію вашему, на помощь 2.000 поляковъ и 8.000 москвитянъ. Мы сами пойдемъ лично къ вамъ съ симъ отрядомъ, потому что ежедневно ожидаемъ 40.000 польскихъ воиновъ, которые уже не далѣе 16 миль стоятъ отъ Путивля. Впрочемъ, остаемся въ полной надеждѣ, что вы съ симъ отрядомъ, при помощи Бога и справедливости нашего дѣла, не только отразите враговъ, но и причините имъ великое бѣдствіе. Въ заключеніе увѣщеваемъ васъ быть намъ столь же вѣрными подданными, какъ и прежде, и не забывать клятвы, которою вы обязались не щадить ни жизни, ни имущества, за что вознаградимъ васъ въ свое время“.

По прочтеніи гонца подвергли пыткѣ. Во время пытки онъ подтвердилъ тревожныя вѣсти. Хитрость удалась: въ войскѣ поднялась настоящая паника. А тутъ въ замѣшательствѣ прибѣжали передовые отряды, разбитые на голову Запорскимъ. Слухи о сильнѣйшемъ непріятелѣ подтверждались, и участь московскаго войска была рѣшена: оно все отдалось самозванцу.

Басмановъ и князья Голицыны рѣшили прекратить дальнѣйшее сопротивленіе и сдаться со всѣмъ ввѣреннымъ имъ войскомъ. Они призвали къ себѣ начальника иноземнаго отряда, лифляндца Розена, и убѣдили его перейти къ самозванцу. Розенъ позволилъ имъ убѣдить себя и первый со своимъ отрядомъ перешелъ на другую сторону рѣки. За нимъ послѣдовали и другіе подговоренные отряды. Тогда Басмановъ, ставъ посреди моста, обратился къ остальному войску и призывалъ его идти на службу своему прирожден-

ному государю Димитрію Ивановичу. Разумѣется, поднялось невообразимое смятеніе. Въ это время Корѣла съ своими казаками вышелъ изъ крѣпости и ударилъ на часть войска, вѣрную Годуновымъ. Она разсѣялась. Иванъ Годуновъ и другіе упорствующіе воеводы были перевязаны. Князь Василій Голицынъ самъ велѣлъ себя связать. Нѣкоторые воеводы, не хотѣвшіе измѣнять, въ томъ числѣ Катыревъ-Ростовскій и князь Телятевскій, съ небольшимъ числомъ ратныхъ людей успѣли отступить и ушли въ Москву.

Иностранецъ Масса разсказываетъ, что Басмановъ, условившись во всемъ съ Димитріемъ, назначилъ день для осуществленія своего предпріятія, а именно 7-го мая по старому стилю. Въ этотъ день осажденные въ Кромахъ должны были быть наготовѣ къ защитѣ, а Басмановъ рано утромъ долженъ былъ приказать, чтобы перевязали въ палаткахъ всѣхъ полковниковъ и капитановъ при громкихъ кликахъ: „Да здравствуетъ Димитрій, царь всея Руси!". Какимъ бы невѣроятнымъ и страшнымъ ни казалось это предпріятіе, но оно тѣмъ не менѣе было приведено въ исполненіе.

Басмановъ со своими приверженцами былъ убѣжденъ въ томъ, что большинство войска было на сторонѣ Димитрія, а не на сторонѣ Москвы. Схватка, казалось, могла произойти до назначеннаго времени. Въ это время постоянно на нѣсколькихъ постахъ содержали воиновъ, готовыхъ къ бою, но именно въ назначенный день на это не обратили вниманія.

7-го мая, около 4 часовъ утра, осажденные въ Кромахъ и сообщники предводителя Басманова были насторожѣ. Вдругъ всадникъ на ворономъ конѣ примчался изъ лагеря къ самому кромскому валу. Это было сигналомъ. Осажденные въ Кромахъ тотчасъ же, подобно внезапному вихрю, бросились со всѣхъ сторонъ на лагерь, такъ что ни часовые и вообще никто не успѣлъ произнести ни одного слова. Между тѣмъ соумышленники ихъ въ лагерѣ перевязали всѣхъ начальниковъ по рукамъ и по ногамъ и отправили ихъ въ Кромы, а другіе поджигали со всѣхъ сторонъ собственный лагерь. Москвитяне, ничего не знавшіе о предсто-

лщемъ нападеніи, до того перепугались, что одни побросали свое оружіе, другіе одежду. Они такъ быстро побѣжали въ разныя стороны, что на это зрѣлище нельзя было смотрѣть безъ удивленія.

Между тѣмъ приверженцы Димитрія тысячами перебѣгали на противоположную сторону такъ быстро, что мостъ, наведенный черезъ рѣку, текущую подъ Кромами, обрушился. На немъ стояло трое или четверо поповъ съ крестами для приведенія народа къ присягѣ, что̀ совершается посредствомъ цѣлованія креста. Когда мостъ обрушился, иные всплывали наверхъ, другіе, думая добраться до другого берега, тонули, нѣкоторые переплывали рѣку верхомъ на своихъ лошадяхъ. Словомъ, было такое смятеніе, что, казалось, земля и небо преходятъ. Одинъ бѣжалъ въ свой край, другой въ свою деревню, третій въ Москву, другіе убѣгали въ лѣса, не понимая, что̀ происходитъ, стрѣляя и нанося другъ другу удары какъ разъяренные звѣри. Никто не зналъ, зачѣмъ онъ бѣжалъ. Одинъ кричалъ: „да здравствуетъ Димитрій“, другой: „да здравствуетъ нашъ Ѳедоръ Борисовичъ“, третій, никого не называя, говорилъ: „я перейду къ тому, кто возьметъ Москву“. Самая большая часть войска передалась Димитрію, остальные разбѣжались въ разныя стороны. Нѣкоторые находились во время бѣгства въ такомъ страхѣ, что бросали на дорогѣ свои повозки и телѣги, выпрягали изъ нихъ лошадей для того, чтобы бѣжать скорѣе, думая, что ихъ преслѣдуетъ непріятель. Когда ихъ спрашивали о причинѣ такого внезапнаго бѣгства, они не умѣли ничего отвѣтить...

Въ лагерѣ во время смятенія и всеобщаго бѣгства Басмановъ былъ тоже связанъ для того, чтобы его не заподозрили въ участіи, но на другой сторонѣ рѣки онъ немедленно былъ освобожденъ вмѣстѣ со своими... Изъ нѣмцевъ только 70 человѣкъ остались вѣрными своей присягѣ и бѣжали въ Москву. Они разсказывали, что никто не могъ понять, какимъ образомъ совершилась измѣна; никто не зналъ, кто былъ врагомъ, кто другомъ; одинъ бѣжалъ въ одну сторону, другой въ другую, и вертѣлись какъ пыль, вздымаемая вихремъ.

По описанію измѣны въ лѣтописи, дѣло было такъ, что воеводы Басмановъ, братья Голицыны и М. Г. Салтыковъ провозгласили царемъ самозванца „въ совѣтѣ“ съ „городами“ Рязанью, Тулою, Каширою и Алексиномъ, то-есть по соглашенію съ дѣтьми боярскими названныхъ городовъ. Одна разрядная книга подтверждаетъ это, указывая, что „своровали рязанцы и иные дворяне и дѣти боярскіе“, именно: „Прокофій Ляпуновъ съ братьею и съ совѣтниками своими изъ иныхъ зарѣчныхъ (то-есть на югъ отъ Оки) городовъ втайнѣ вору крестъ цѣловали“.

Другіе памятники къ рязанцамъ и украиннымъ городамъ присоединяютъ еще „дѣтей боярскихъ новгородскихъ“. Гонсѣвскій свидѣтельствовалъ въ 1608 году, что ему лично ржевскіе и зубцовскіе дворяне выражали въ 1606 году живѣйшее удовольствіе по поводу торжества самозванца. Изъ этихъ указаній съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что затѣя Голицыныхъ и Басманова была сочувственно принята и поддержана отрядами дѣтей боярскихъ. Помѣщики и вотчинники „большихъ статей“, какими были Ляпуновы на Рязани, впервые выступаютъ здѣсь на поле дѣйствія всею массою, „городомъ“, и выступаютъ противъ Годуновыхъ, а не за нихъ, хотя, казалось бы, именно этимъ провинціальнымъ служилымъ землевладѣльцамъ Борисъ благопріятствовалъ всего больше. Повидимому, они увлечены были своими вожаками и воеводами и искренно почитали самозванца подлиннымъ царевичемъ...

Гонцы отъ Запорскаго принесли самозванцу радостную вѣсть о томъ, что московское войско сдалось ему и признало его своимъ царемъ Димитріемъ Ивановичемъ. Вскорѣ отъ московскаго войска прибыла въ Путивль цѣлая депутація, съ княземъ Иваномъ Голицынымъ во главѣ, съ объявленіемъ подданства и послушанія. При этомъ князь Голицынъ выказалъ удивительное двуличіе. Заявивъ себя преданнымъ слугою самозванца, онъ всѣми способами поносилъ царя Бориса. По его словамъ, армія, стоявшая подъ Кромами, была жертвою ошибки. Винить армію, по увѣренію Голицына, нельзя было, такъ какъ она была жестоко обманута,

и если бы не двусмысленная формула присяги, то войско и теперь было бы слѣпо предано Годуновымъ. Но теперь все объяснилось, всѣ признали истиннаго царевича и будутъ на вѣки ему преданы. Присягнувъ Лжедимитрію, князь Голицынъ заявилъ о своемъ намѣреніи послать въ Москву довѣренныхъ людей, чтобы подготовить народъ, и умолялъ самозванца немедленно отправиться въ Москву и возложить на свою голову корону предковъ.

Самозванецъ торжествовалъ: его мечты о коронѣ начинали осуществляться. Онъ тотчасъ сообщилъ о своей радости всѣмъ друзьямъ своимъ въ Польшѣ и семьѣ названнаго тестя Мнишка. Шурину своему, Станиславу Мнишку, самозванецъ, между прочимъ, писалъ о сдачѣ войска:

„... По волѣ всемогущаго Бога, по смерти Борисовой оное главное войско, съ которымъ мы подъ Новгородкомъ дѣло имѣли, нѣсколько недѣль насъ подъ Кромами ожидая, подлинное о насъ, яко о природномъ государѣ, извѣстіе получа, къ намъ князя Ивана Голицына, великаго и знатнаго человѣка въ государствахъ нашихъ, также и пословъ изъ всѣхъ повѣтовъ съ объявленіемъ подданства и повиновенія прислало, милосердія прося, дабы мы имъ оную вину, которую они, съ невѣдѣнія, противъ насъ, природнаго государя учинили, простить изволили; сказывая то: что мы всѣ тѣмъ лукавымъ обманомъ отъ Бориса прельщены были, какъ и по смерти Борисовой, сыну его въ томъ присягать и его за государя имѣть хотѣли; а противъ Гришки Отрепьева, котораго онъ быть именовалъ, противостоять обѣщались; но форма присяги инако намъ выдана была, не такъ, какъ мы разумѣли, понеже въ оной формѣ имя Гришки не упомянуто, дабы мы противнымъ образомъ съ тобою, природнымъ государемъ нашимъ, великимъ царемъ Димитріемъ Ивановичемъ, поступали и тебя въ государя себѣ не избрали. Мы же совершенно остереглись и единогласно сказали: дабы ты, яко природный государь, по воспріятіи престола святой памяти предковъ своихъ, надъ нами благополучно въ многолѣтныя времена государствовать изволилъ; и тамъ, вмѣсто присяги Борисову сыну учиненной, тебѣ присягу учинили;

нѣкоторыхъ сенаторовъ, которые сторону Борисову держали, связавъ, къ самому столичному городу Москвѣ нѣсколькихъ знатныхъ людей послали, объявляя, что я подлинный сихъ государствъ дѣдичъ, и къ тому ихъ склоняя, дабы и они такъ, какъ и тѣ, намъ подданство и присягу исполнили; а ежели бы на то склониться не хотѣли, то принудить ихъ къ тому силою. Сверхъ того, насъ, чрезъ пословъ своихъ, усильно просятъ, дабы мы безъ замедленія на коронацію поспѣшали, почему мы въ скорости изъ Путивля, мая 25 дня, прямо къ Москвѣ ѣдемъ".

Теперь уже смѣло самозванецъ подписывался царемъ московскимъ: „Вашей милости доброжелательный Димитрій царь рукою своею". Къ сестрѣ Марины, Софіи Мнишковой, самозванецъ написалъ особое письмо, и въ немъ дѣлился своею радостію:

„... По высокому предусмотрѣнію Божію, какъ насъ изначала въ благословеніи своемъ святомъ и въ счастіи содержалъ, такъ и нынѣ на путь спасенія привесть насъ изволилъ; понеже многочисленное непріятельское войско, которое подъ Кромами нѣсколько недѣль стояло, такожъ и весь народъ заподлинно о насъ, какъ о природномъ государѣ своемъ увѣдомясь, къ намъ князя Ивана Голицына, человѣка великаго и знатнаго въ государствахъ нашихъ, такожъ и пословъ со всѣхъ уѣздовъ со объявленіемъ подданства и послушанія прислали, также и о милосердіи прося, дабы мы имъ ту вину, которую въ невѣдѣніи противъ насъ, природнаго государя, учинили, имъ простили. Притомъ такожъ попремногу прося насъ, дабы мы безъ продолженія времени въ Москву, престольный городъ нашъ, для коронаціи поѣхали, и тако мы, сего мая 25 дня, прямо въ Москву отъѣзжаемъ..."

Получивъ столь радостную вѣсть о сдачѣ московскаго войска, самозванецъ тотчасъ же послалъ изъ Путивля подъ Кромы князя Бориса Михайловича Лыкова, давнишняго друга Романовыхъ, женившагося впослѣдствіи на одной изъ дочерей Никиты Романовича. Князь Лыковъ, пріѣхавъ въ Кромы, приводилъ ко кресту ратныхъ людей на вѣрную службу новому царю, а затѣмъ объявилъ милостивое раз-

рѣшеніе царское: войску разъѣзжаться по домамъ, „потому что оно было утомлено“. Только „главнѣйшей части войска“ приказано было ожидать самозванца подъ Орломъ.

По полученіи этой милостивой грамоты самозванца множество народа отправилось домой, даже не видавъ того царя, которому только что присягнули и изъ-за котораго столько натерпѣлись. Осторожнѣе казалось уйти подальше отъ событій столь загадочныхъ и страшныхъ. Замѣчательно, что осторожность не покидала даже самыхъ вожаковъ измѣны. По сообщенію лѣтописи, князь В. В. Голицынъ, а по сообщенію Массы, Басмановъ приказали себя связать, какъ связанъ былъ И. И. Годуновъ въ то время, когда дѣти боярскіе „пріѣхали къ разрядному шатру“ съ измѣною. Это сдѣлано было, „хотя у людей утаити“, затѣмъ, чтобы на воеводъ не пало подозрѣнія въ соучастіи. Не суда Годуновыхъ или самозванца они боялись при измѣнѣ, а общественнаго мнѣнія, которое могло и не быть на сторонѣ побѣдившаго самозванца.

Послѣ 7-го мая самозванецъ сталъ хозяиномъ положенія на Руси. Когда въ половинѣ мая онъ тронулся изъ Путивля, его путь къ Москвѣ былъ торжественнымъ шествіемъ. Только гарнизонъ Калуги да стрѣльцы у Серпухова оказали нѣкоторое сопротивленіе передовому отряду самозванца. Самъ же онъ съ торжествомъ шелъ изъ Путивля къ столицѣ на Орелъ и Тулу, какъ разъ черезъ уѣзды тѣхъ городовъ украинныхъ, дворяне которыхъ передались ему подъ Кромами. Еще въ Путивлѣ, какъ было сказано, прибылъ къ нему князь И. В. Голицынъ со свитою въ тысячу человѣкъ, бить челомъ именемъ всего войска. Въ дорогѣ встрѣтили его сперва М. Г. Салтыковъ и П. Ѳ. Басмановъ, затѣмъ князь В. В. Голицынъ и одинъ изъ Шереметевыхъ. Въ Тулѣ же и въ Серпуховѣ явились къ нареченному царю Димитрію Ивановичу, какъ представители признавшей его столицы, братья Василій, Димитрій и Иванъ Ивановичи Шуйскіе, князь Ѳ. И. Мстиславскій, князь И. М. Воротынскій, словомъ, цвѣтъ московскаго боярства. Они явились съ придворнымъ штатомъ и запасами, и Тула на нѣсколько

дней обратилась во временную резиденцію уже царствующаго царя Димитрія. Подъ Серпуховымъ для самозванца были устроены тѣ самые походные шатры, въ которыхъ за семь лѣтъ предъ тѣмъ и на томъ же мѣстѣ величался Борисъ и которые представили собою картину „снѣговиднаго города". Самозванецъ ѣхалъ не спѣша, не большими переходами, давая возможность боярамъ приготовить столицу для пріема царя. Эта военная прогулка продолжалась почти мѣсяцъ и служила для ксендзовъ, сопутствовавшихъ самозванцу, неистощимымъ источникомъ удивленія и восторговъ. Насмотрѣвшись буйныхъ сценъ въ польскомъ отрядѣ самозванца, они теперь не могли надивиться при видѣ русскихъ людей, приходившихъ въ неописанный восторгъ при одномъ извѣстіи о приближеніи царя Димитрія. Крестьяне и горожане толпились на его пути, воеводы и бояре спѣшили къ нему навстрѣчу съ хлѣбомъ-солью. Всѣми выражались единодушный восторгъ и клики радости въ честь возлюбленнаго царя, краснаго солнышка, истиннаго будто бы сына царя Ивана Васильевича Грознаго. Природа какъ бы раздѣляла всеобщее ликованіе: яркое майское солнце проливало свои горячіе лучи на волнующуюся разодѣтую по-праздничному толпу разнообразныхъ народностей, которыя торжественно везли въ Кремль своего царя...

Уже не подметныя письма, а царскіе гонцы съ царскими грамотами полетѣли во всѣ концы Русскаго царства, приглашая населеніе принести присягу на вѣрность якобы законному, прирожденному царю Димитрію Ивановичу.

Такъ, въ Сольвычегодскъ отправлена была слѣдующая грамота Лжедимитрія. „Отъ царя и великаго князя Димитрія Ивановича всея Руси, къ Солѣ Вычегоцкой, Шарапу Якушкину.

„Богъ намъ, великому государю, Московское государство поручилъ: Іовъ, патріархъ московскій и всея Руси, и митрополиты, и архіепископы, и епископы, и весь освященный соборъ, и бояре, и окольничіе, и дворяне большіе, и стольники, и стряпчіе, и жильцы, и приказные люди, и дворяне жъ и дѣти боярскіе всего Россійскаго государства, и гости,

и торговые и всякіе люди, узнавъ прирожденнаго государя своего, царя и великаго князя Димитрія Ивановича всея Руси, въ своихъ винахъ добили челомъ.

„И вы бъ о нашей матери, великой государынѣ царицѣ и великой княгинѣ инокѣ Марѳѣ Ѳеодоровнѣ всея Руси и о нашемъ многолѣтномъ здоровьѣ, у Соли у Вычегоцкой и во всемъ уѣздѣ Усольскомъ по всѣмъ церквамъ, велѣли Бога молити, и намъ служили и прямили во всемъ и того берегли накрѣпко, чтобъ въ людяхъ шатости и грабежу и убійства не было ни которыми дѣлы; а о всякихъ дѣлахъ писали бы есте къ намъ“.

Окруженный войсками и дворомъ, самозванецъ уже издали началъ распоряжаться Москвою. Онъ послалъ туда войско подъ начальствомъ Басманова, а для управленія дѣлами отправилъ князя В. В. Голицына и съ нимъ давно знакомыхъ самозванцу князя В. Мосальскаго-Рубца и дьяка Богдана Сутупова. Эти послѣдніе въ 1604 году сдали самозванцу Путивль и затѣмъ снискали его довѣріе, управляя въ Путивлѣ дѣлами во время долгой стоянки тамъ самозванца. Изъ названныхъ четырехъ лицъ составилась коммиссія, которой новый царь приказалъ „вѣдать Москву“ и приготовить ее къ царскому прибытію.

Съ пріѣздомъ въ Москву этой коммиссіи въ Московскомъ государствѣ насталъ окончательно новый правительственный порядокъ: нареченному царю Димитрію вмѣстѣ съ военною силою стало служить и все государственное управленіе.

Въ Москву очень скоро пришло извѣстіе о сдачѣ царскаго войска самозванцу. Ужасъ и смятеніе охватили столицу. Годуновы поняли, что съ измѣною единственной надежды ихъ, Басманова и всего войска, они лишились послѣдней опоры, и краткому царствованію еще не короновавшагося юнаго царя Ѳеодора Борисовича пришелъ конецъ. Воеводы и войско измѣнили имъ, бояръ и знати преданныхъ и авторитетныхъ около нихъ не было, народъ уже явно шатался и положиться на него никакъ нельзя было... Кажется, одинъ только Кремль оставался ихъ защитою... Было съ чего потерять голову...

Между тѣмъ измѣна росла съ каждымъ мгновеніемъ. Даже Шуйскій, всенародно изобличавшій самозванца, нисколько не противодѣйствовалъ торжеству его. Онъ даже свидѣтельствовалъ втихомолку, когда къ нему обращались, что истиннаго царевича спасли отъ убійства, а затѣмъ онъ самъ поѣхалъ изъ Москвы въ числѣ прочихъ бояръ навстрѣчу новому царю Димитрію, билъ ему челомъ и, возвратясь въ Москву, приводилъ народъ къ присягѣ новому государю.

Когда бѣглецы изъ-подъ Кромъ принесли въ Москву роковую вѣсть объ измѣнѣ войска и бояръ, страхъ объялъ москвичей. Въ то время, какъ одни сообразили, что нѣтъ болѣе правительства и что они остаются до поры, до времени на своей волѣ, другіе почувствовали, что нѣтъ болѣе порядка и надобно самимъ думать о своей безопасности и цѣлости. Малѣйшая тревога разнуздывала однихъ и повергала въ панику другихъ. Когда пришелъ слухъ, что атаманъ Корѣла стоитъ съ казаками недалеко отъ Москвы, власти приказали возить пушки къ стѣнамъ и валамъ. Дѣлалось это очень вяло, и толпа издѣвалась надъ военными приготовленіями, а зажиточные люди спѣшили прятать свое добро, одинаково боясь и казаковъ Корѣлы, и московской уличной черни. Зловѣщій призракъ междоусобія вставалъ надъ Москвою въ эти дни политической безурядицы, и постороннему наблюдателю представлялось, что служилое и торговое населеніе Москвы „чрезвычайно боялось бѣдной разоренной черни, сильно желавшей грабить московскихъ купцовъ, всѣхъ господъ и нѣкоторыхъ богатыхъ людей". Какъ велика была сила страха и какъ легко было всю Москву привести въ смятеніе, объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ разсказъ очевидца Массы.

„30 мая,—повѣствуетъ Масса,—около 10 часовъ утра, приблизились къ городу, къ Серпуховскимъ воротамъ, двое юношей. День былъ жаркій, и дорога была покрыта пылью. Этимъ юношамъ показалось, что пыль происходитъ отъ движенія телѣгъ и людей, которыхъ они приняли за непріятеля. Войдя въ городъ, они тотчасъ закричали: „люди, люди!" Жители города, думая, что наступаетъ непріятель, броси-

лись бѣжать, кто только могъ, и кричали: „войско, войско!“ По разнымъ улицамъ Москвы одни бѣжали за другими такъ быстро, что въ одно мгновеніе по всему городу распространилось смятеніе. Каждый бѣжалъ, полагая, что непріятель гонится по пятамъ. Москва стала походить на улей, въ которомъ жужжатъ пчелы. Одинъ бѣжалъ домой за оружіемъ, другой—на рынокъ за солью и хлѣбомъ, съ которымъ торопился идти навстрѣчу вступавшимъ въ городъ, чтобы быть милостиво принятымъ... Вообще вся Москва была въ волненіи, каждымъ овладѣлъ страхъ, о защитѣ никто не помышлялъ и всѣ были готовы впустить непріятеля..Сами вельможи, царица и молодой царь не знали, что дѣлается, и были въ оцѣпененіи отъ страха. Чтобы узнать, что происходитъ, они посылали изъ Кремля людей, которые, видя, что народъ волнуется и кричитъ, пугались и обращались въ бѣгство. Бѣгущіе были вполнѣ убѣждены, что слѣдовавшіе за ними были всѣ побиты. Когда это бѣгство наконецъ прекратилось, увидѣли, что ничего особеннаго не случилось. Врага не видѣли и не могли даже указать тѣхъ, которые возбудили это смятеніе; только двухъ вышепоименованныхъ юношей слегка наказали, и затѣмъ снова наступила тишина“.

Растерянность, однако, царила въ Москвѣ. Она увеличивалась еще потому, что опредѣленныя извѣстія отъ самого самозванца не доходили въ Москву: сторонники Годуновыхъ перехватывали людей, пріѣзжавшихъ съ грамотами отъ Лжедимитрія, и подвергали ихъ истязаніямъ. Наконецъ, 1-го іюня жители Москвы услышали впервые милостивое обращеніе къ нимъ новаго царя. Въ этотъ день въ подмосковную слободу Красное Село явились изъ Тулы отъ самозванца гонцы, Пушкинъ и Плещеевъ, и огласили привезенную ими грамоту. Намѣреніе ихъ было ясно: они на глазахъ у правительства хотѣли склонить народъ на сторону самозванца, возмутить населеніе и разгласить его грамоту. Очевидно, населеніе было уже подговорено, ибо тотчасъ же стало собираться въ изобиліи около гонцовъ и подъ своею охраною повело ихъ въ Москву на Красную площадь. Напрасно Го-

дуновы нѣсколько разъ пытались остановить толпу и нѣсколько разъ высылали стражу, чтобы преградить дорогу красносельцамъ и разсѣять ихъ. По мѣрѣ приближенія къ Красной площади толпа лишь росла, захватывая въ свои ряды все новыя и новыя массы. Наконецъ съ шумомъ и криками толпа пришла на Красную площадь, взвела гонцовъ на Лобное мѣсто и заставила ихъ оттуда объявить всему народу царскую грамоту. Эта грамота написана была на имя трехъ бояръ: князя Өеодора Мстиславскаго, князей Василія и Димитрія Шуйскихъ, и всѣхъ прочихъ бояръ, служилыхъ людей и гражданъ. Обращаясь къ совѣсти ихъ, самозванецъ, именуя себя великимъ государемъ и царскимъ величествомъ, напоминалъ присягу, данную Іоанну IV и его чадамъ, затѣмъ повторялъ басню о своемъ спасеніи въ Угличѣ, говорилъ о захватѣ престола Борисомъ Годуновымъ, „не ставилъ въ вину“ служилымъ людямъ то, что они доселѣ стояли противъ своего прирожденнаго государя по невѣдѣнію, „боясь казни“, теперь же приказывалъ имъ, „помня Бога и православную вѣру“, прислать къ нему съ челобитьемъ архіереевъ, бояръ, гостей и лучшихъ людей, за что обѣщалъ служилыхъ жаловать вотчинами, а гостямъ и торговымъ людямъ учинить облегченіе въ пошлинахъ и податяхъ, въ противномъ случаѣ грозилъ праведнымъ судомъ Божіимъ и своей царской опалой. Чтобы произвести большее впечатлѣніе, Лжедимитрій заявлялъ, что онъ располагаетъ грозными силами, въ рядахъ его войска находятся русскіе, поляки, татары, къ нему со всѣхъ сторонъ подходятъ подкрѣпленія, которыя сосредоточиваются въ Воронежѣ, и это войско, подобно неудержимому потоку, наводнитъ страну; онъ не допуститъ въ Москву только погайскихъ татаръ, „не хотя видѣти разореніе въ христіанствѣ“. Въ заключеніи предвидѣлось мирное и благоденственное царствованіе Лжедимитрія и обѣщались милости и награды, а непокорнымъ—гнѣвъ Божій и царскій.

Гонцы прочли во всеуслышаніе:

„Отъ царя и великаго князя Дмитрія Ивановича всея Руси боярамъ нашимъ князю Өеодору Ивановичу Мстиславскому,

да князю Василью, да князю Дмитрію Ивановичамъ Шуйскимъ, и всѣмъ боярамъ, и окольничимъ, и дворянамъ большимъ, и стольникамъ, и стряпчимъ, и жильцамъ, и приказнымъ людямъ, и дьякамъ, и дворянамъ изъ городовъ, и дѣтямъ боярскимъ, и гостямъ, и торговымъ лучшимъ людямъ, и среднимъ, и всякимъ чернымъ людямъ. Цѣловали есте крестъ блаженныя памяти отцу нашему, великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси, и намъ, чадамъ его, что было опричь нашего государскаго роду на Московское государство иного государя никого не хотѣти и не искати; и какъ судомъ Божіимъ, отца нашего великаго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси не стало, а на Россійскомъ государствѣ учинился братъ нашъ, великій государь царь и великій князь Θеодоръ Ивановичъ всея Руси, и насъ, великаго государя, измѣнники наши послали на Угличъ и толикое утѣсненіе нашему царскому величеству дѣлали, чего и подданнымъ дѣлати было негодно, присылали многихъ воровъ и велѣли насъ портити и убити: и милосердый Богъ насъ, великаго государя, отъ ихъ злодѣйскихъ умысловъ укрылъ, оттолѣ даже до лѣтъ возраста нашего въ судьбахъ своихъ сохранилъ; а вамъ, боярамъ нашимъ, и окольничимъ, и дворянамъ, и приказнымъ людямъ, и гостямъ, и торговымъ, и всякимъ людямъ, измѣнники наши вмѣщали, будто насъ, великаго государя не стало и похоронили будто насъ, великаго государя, на Угличѣ въ соборной церкви у всемилостиваго Спаса. И какъ, судомъ Божіимъ, брата нашего великаго государя царя и великаго князя Θеодора Ивановича всея Руси не стало, и вы, не вѣдаючи про насъ, прирожденнаго государя своего, цѣловали крестъ измѣннику нашему Борису Годунову, не вѣдаючи его злокозненнаго нрава и боясь того, что онъ блаженныя памяти при братѣ нашемъ царѣ и великомъ князѣ Θеодорѣ Ивановичѣ всея Руси владѣлъ всѣмъ государствомъ Московскимъ и жаловалъ и казнилъ кого хотѣлъ, а про насъ есте прирожденнаго государя своего не вѣдали, а чаяли насъ отъ измѣнниковъ нашихъ убитаго. А какъ про насъ великаго государя учалъ быти слухъ во всемъ Россій-

скомъ государствѣ, что, съ Божіею помощію, мы великій государь идемъ на православный престолъ прародителей нашихъ, великихъ государей царей Россійскихъ, и мы хотѣли государства нашего доступати безъ крови, и вы, бояре наши и воеводы и всякіе служилые люди, противъ насъ великаго государя стояли невѣдомостію и боясь отъ измѣнника нашего смертныя казни; а про насъ великаго государя говорити не смѣли; и я, христіанскій государь, по своему государскому милосердому обычаю, въ томъ на васъ нашего гнѣву и опалы не держимъ, потому что вы учинили невѣдомостію и боясь казни. А нынѣ мы великій государь на престолъ прародителей нашихъ, великихъ государей царей Россійскихъ, идемъ съ Божіею помощію вскорѣ, а съ нами многія рати русскія и литовскія и татарскія, а городы нашего государства нашему царскому величеству добили челомъ и противо насъ не стояли, и крестъ цѣловали, помня свои души и крестное цѣлованье, намъ великому государю служать и противъ измѣнниковъ нашихъ храбро и мужественно стояти хотятъ, а о томъ и сами подлинно вѣдаете. А Повольскіе городы намъ, великому государю, добили жъ челомъ и воеводъ къ намъ привели; и Асторохансккхъ воеводъ, Михайла Сабурова съ товарищи, къ нашему царскому величеству ведутъ, а нынѣ они въ дорогѣ на Воронежѣ. Да къ намъ же писалъ Большихъ Нагай Ишерекъ князь и изъ Казыева улуса мурза, что они нашему царскому величеству помогати хотятъ: и мы, христіанскій царь, не хотя видѣти во христіанствѣ разоренія, Ногайскимъ людямъ до нашего указу ходити не велѣли, жалѣя нашего государства, и велѣли кочевати Ногайскимъ людямъ близко Царева города. А измѣнники наши, Марья Борисова жена Годунова да сынъ ея Ѳеодоръ, о нашей землѣ не жалѣютъ, да и жалѣти было имъ нечего, потому что чужимъ владѣли, и отчину нашу Сѣверскую землю и иные многіе городы и уѣзды разорили и православныхъ христіанъ не въ винѣ побили: только того мы, христіанскій государь, въ вину вамъ боярамъ нашимъ и служилымъ людямъ не ставимъ для того, что вы учинили невѣдомостію и боясь отъ измѣнниковъ нашихъ смерт-

ныя казни. А и то было вамъ пригоже знати, какое утѣсненіе отъ измѣнника нашего Бориса Годунова было вамъ, боярамъ нашимъ, и родству нашему укоръ и поношеніе и безчестіе, и наносимыя вамъ, чего и отъ инороднаго терпѣти было невозможно; и вамъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ разореніе и ссылки и муки нестерпимыя были, чего и плѣннымъ дѣлати негодно; а вамъ, гостямъ и торговымъ людямъ, и въ торговлѣ вашей вольности не было и въ пошлинахъ у васъ, что треть животовъ вашихъ, а мало не всѣ ималы, а тѣмъ вы злокозненнаго нрава его укротити не могли; и вы въ винахъ своихъ посямѣстъ не познаетесь и насъ, прирожденнаго государя своего, знати не можете, а праведнаго суда Божія не помните, и хотите проливать кровь неповинныхъ христіанъ, чего не токмо намъ дѣлати не годится, и иноземцы о вашемъ разореніи скорбятъ и болѣзнуютъ, и узнавъ насъ, христіанскаго, кроткаго, милосердаго государя, намъ служатъ и крови своея за насъ не щадятъ. И мы, христіанскій государь, не хотя видѣти въ христіанствѣ кроворазлитія, пишемъ вамъ, жалѣя васъ и о душахъ вашихъ, чтобъ вы, помня Бога и православную вѣру, и свои души, на чемъ вы блаженныя памяти отцу нашему, великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси, и намъ чадамъ его крестъ цѣловали, намъ прирожденному государю своему царю и великому князю Димитрію Ивановичу всея Руси добили челомъ и милости просити къ нашему царскому величеству прислали митрополитовъ и архіепископовъ, и бояръ, и окольничихъ, и дворянъ большихъ, и дьяковъ думныхъ, и дѣтей боярскихъ, и гостей, и лучшихъ людей; а мы, великій государь, по своему царскому милосердому обычаю, всѣхъ васъ пожалуемъ: и вамъ, боярамъ нашимъ, честь и повышеніе учинимъ, а отчинами вашими прежними васъ пожалуемъ, къ тому и еще прибавимъ и въ чести васъ держати будемъ; а васъ, дворянъ и приказныхъ людей, въ нашей царской милости держати хотимъ; а васъ, гостей и торговыхъ людей всего Московскаго государства, пожалуемъ, въ пошлинахъ и въ податяхъ велимъ во льготѣ и во облегченіи учинити и все православ-

Вѣнчаніе на царство Лжедимитрія.

ное христіанство въ тишинѣ и въ покоѣ и во благоденственномъ житіи учинити хотимъ. А не добьете челомъ нашему царскому величеству и милости просити не пошлете, и вы то можете разсудити, что вамъ въ томъ дати отвѣтъ въ день праведнаго суда Божія, иже воздастъ комуждо по дѣламъ его, и отъ Божія праведнаго гнѣва и отъ нашея царскія руки нигдѣ не избыти. А съ Божіею помощію намъ, великому государю, преславныхъ государствъ своихъ доступати“.

Выслушавъ царскую грамоту, толпа заволновалась. Въ народѣ поднялись неистовые крики, шумъ; всеобщее смятеніе овладѣло столицей, и вскорѣ страшный мятежъ разразился въ Москвѣ. „Буди здравъ, царь Димитрій Ивановичъ!“ „Долой Годуновыхъ!“ неистово ревѣла толпа и тотчасъ же вслѣдъ за вожаками бросилась въ Кремль. Оттѣснивъ и задержавъ стражу, мятежники ворвались въ царскій дворецъ. Несчастные, ни въ чемъ неповинные Годуновы, юный царь Ѳеодоръ и еще болѣе юная царевна Ксенія, вмѣстѣ со своею матерью царицею Маріею, были насильно схвачены, вытащены изъ царскихъ покоевъ, посажены на простую телѣгу и отвезены въ свой прежній боярскій домъ, стоявшій здѣсь же въ Кремлѣ, и въ этомъ домѣ, низложенные и свергнутые съ престола, были отданы подъ стражу. Со всѣми родственниками ихъ обошлись еще грубѣе и жесточе: Вельяминовы и Сабуровы были заключены въ темницы. За низложеніемъ Годуновыхъ и водвореніемъ безначалія послѣдовали грабежъ и всякія безчинства. По свидѣтельству очевидца, толпа ворвалась въ домъ Годуновыхъ. Крича, что все было осквернено злодѣемъ, она начала бросать и ломать вещи въ куски и истреблять все, что только попадалось. Все было ею или разграблено, или разломано. Потомъ она побѣжала къ домамъ другихъ Годуновыхъ и разграбила ихъ такъ, что не осталось ни одного гвоздя въ стѣнѣ. Лошади, платья, деньги, мебель и другія вещи—все было похищено. Всѣхъ противниковъ Димитрія схватили. Нѣкоторые невинные, въ числѣ которыхъ были доктора, аптекари и хирурги царя, также сдѣлались жерт-

вою грабежа, хотя имъ самимъ не причинили никакого вреда... Напослѣдокъ всѣхъ Годуновыхъ связали и размѣстили отдѣльно по тюрьмамъ, равно какъ и Вельяминовыхъ, Сабуровыхъ и всѣхъ ихъ сообщниковъ. Дома ихъ опустошали и грабили съ такою яростію, что грабители даже убивали другъ друга. Нѣкоторые изъ нихъ забрались въ погреба, въ которыхъ стояло вино, перевернули бочки, выбили изъ нихъ дно и начали пить. Доставая вино шапками, сапогами и башмаками, они пили съ такою жадностію, что потомъ нашли около 50 человѣкъ перепившихся до смерти... Къ вечеру волненіе стало утихать. Многіе мужчины и женщины пострадали и были донага ограблены. Около полуночи началось опять сильное волненіе, вслѣдствіе чего ударили въ набатъ во всѣ колокола. Это было устроено нѣсколькими негодяями, которые, воспользовавшись замѣшательствомъ, хотѣли снова грабить. Они кричали другъ другу, что нѣкоторые изъ Годуновыхъ, освободившись изъ темницы и имѣя до 400 лошадей, намѣревались бѣжать черезъ городскія ворота. Все это оказалось выдумкою и ложною тревогою, однако, виновниковъ не могли найти.

Другой очевидецъ этихъ грустныхъ событій разсказываетъ, какъ бы въ дополненіе къ предыдущему, что толпа хотѣла пировать въ царскихъ погребахъ, и какъ во дворцѣ уже не было господина, то объявили о своемъ желаніи старому боярину Бѣльскому, который называлъ себя крестнымъ отцомъ Димитрія. Сей вельможа незадолго передъ тѣмъ, уже по смерти Бориса, возвратился изъ ссылки и хотя болѣе всѣхъ старался вредить Годуновымъ, однакоже не допустилъ народа до исполненія его намѣренія, объявивъ ласково, сколь будетъ не хорошо, когда пріѣдетъ Димитрій и найдетъ погреба свои пустыми. При семъ случаѣ Бѣльскій рѣшился излить злобу на врачей нѣмецкихъ, на коихъ онъ злился за то, что исправлявшій прежде ихъ должность врача Борисова, капитанъ Габріель, выщипалъ ему бороду по царскому повелѣнію; этотъ докторъ давно уже умеръ, но для Бѣльскаго было все равно: онъ шепнулъ народу, что

врачи иноземные были душою и совѣтниками Бориса, получали отъ него несмѣтныя богатства и наполнили погреба свои всякими винами, что граждане могутъ пировать у нихъ и напиться какъ угодно; онъ же беретъ всю отвѣтственность на себя. Толпы черни бросились немедленно въ домы врачей и, получивъ дозволеніе повеселиться на ихъ счетъ, не только осушили всѣ бочки, но и самое имѣніе хозяевъ разграбили. При семъ случаѣ многіе честные люди, вовсе посторонніе, лишились послѣдняго имущества, которое они перевезли изъ загородныхъ мѣстечекъ и спрятали въ докторскихъ домахъ, надѣясь тамъ лучше спасти его отъ приближавшагося воинства.

Такимъ образомъ 1-го іюня 1605 года переворотъ совершился: Годуновы были низложены, и Москва признала своимъ государемъ названнаго Димитрія Ивановича. Населеніе стало готовиться къ торжественной встрѣчѣ новаго царя, а бояре потянулись навстрѣчу ему, на Серпуховъ и Тулу. Отъ всей Москвы составлена повинная грамота, приглашавшая Лжедимитрія прибыть въ столицу и занять прародительскій престолъ. Ее повезло въ Тулу къ самозванцу оффиціальное посольство съ боярами во главѣ, князьями Иваномъ Михайловичемъ Воротынскимъ и Андреемъ Телятевскимъ и съ ними „всякихъ чиновъ люди“. Въ то же самое время съ другой стороны пріѣхали къ Лжедимитрію послы отъ вѣрныхъ помощниковъ самозванца, донскихъ казаковъ, съ предложеніемъ новыхъ услугъ. Самозванецъ позвалъ донцовъ къ рукѣ „прежде московскихъ боляръ“, а казаки при этомъ „лаяли и позорили“ ихъ. Послѣ такого публичнаго безчестья самозванецъ еще разъ призвалъ къ себѣ бояръ и самъ ихъ бранилъ за долгое сопротивленіе законному царю, „наказываше и лаяше, якоже прямый царскій сынъ“. Нѣкоторыхъ изъ нихъ, даже самого князя Телятевскаго, послалъ за что-то въ тюрьму.

Однако, самозванецъ въ отвѣтъ на изъявленіе признанія его царемъ и покорности не торопился въ Москву. Онъ ограничился посылкою туда своихъ довѣренныхъ лицъ, Басманова, князей Голицына и Мосальскаго, и дьяка Суту-

пова, поручивъ имъ управленіе столицею, и разослалъ грамоты по городамъ съ извѣстіемъ о томъ, что Москва признала его истиннымъ Димитріемъ, и съ требованіемъ послѣдовать ея примѣру. Вслѣдъ затѣмъ разослана была другая грамота съ предписаніемъ не выпускать денегъ изъ казны, беречь ее накрѣпко и тамъ же не позволять никакого замедленія въ сборахъ. Наконецъ, тогда же разосланъ былъ приказъ приводить всѣхъ жителей къ присягѣ и цѣловать крестъ „государынѣ своей, царицѣ и великой княгинѣ иинокѣ Мареѣ Феодоровнѣ всея Русіи, и прирожденному государю своему, царю и великому князю Дмитрію Ивановичу всея Русіи“. Въ присяжной записи, болѣе краткой, чѣмъ та, по которой присягали Годуновымъ, содержалось и обѣщаніе „съ измѣнниками ихъ, съ Федькою, Борисовымъ сыномъ Годуновымъ, съ его матерью, съ ихъ родствомъ, съ ихъ совѣтниками не ссылаться ни письмомъ, ни какимъ другимъ образомъ“.

Но отреченіе отъ Годуновыхъ подъ присягою было совсѣмъ напраснымъ: самозванецъ поторопился отдѣлаться отъ нихъ болѣе надежнымъ способомъ. Прибывшіе въ Москву съ тайными распоряженіями самозванца князья Василій Голицынъ и Рубецъ-Мосальскій окончательно устранили всѣхъ лицъ, которыхъ Лжедимитрій считалъ для себя опасными. Свою дикую расправу въ Москвѣ, по приказу самозванца, они начали съ святителя.

Святѣйшій патріархъ Іовъ былъ особенно опасенъ для Лжедимитрія. Онъ открыто и настойчиво поддерживалъ Годуновыхъ и въ своихъ многочисленныхъ грамотахъ смѣло изобличалъ самозванца, призывалъ народъ хранить присягу на вѣрность Годуновымъ и не вѣрить обольщеніямъ разстриги. Такой патріархъ, не отступившій отъ своихъ обличеній и тогда, когда все населеніе признало и присягнуло Лжедимитрію, былъ неудобенъ самозванному царю, и судьба его была рѣшена первою.

„Множество народа царствующаго града Москвы, — какъ свидѣтельствуетъ патріархъ,—съ оружіемъ и дреколіемъ вторглись въ соборную церковь Успенія Пресвятыя Богоро-

дицы", гдѣ онъ совершалъ божественную службу, и, не давъ ему окончить литургію, повлекли его изъ алтаря. Іовъ самъ снялъ съ себя панагію и, полагая ее передъ Владимірскою иконою Богоматери, со слезами возопилъ: „О, пречистая владычица Богородица! Сія панагія и санъ святительскій возложены на меня, недостойнаго, въ твоемъ храмѣ, у твоего чудотворнаго образа, и я, грѣшный, 19 лѣтъ правилъ слово истины, хранилъ цѣлость православія; нынѣ же, по грѣхамъ нашимъ, какъ видимъ, на православную вѣру наступаетъ еретическая: молимъ тебя, пречистая, спаси и утверди молитвами твоими православіе".

Молитва святителя еще болѣе озлобила измѣнниковъ. Они съ позоромъ таскали его по церкви и потомъ повлекли къ Лобному мѣсту, которое скоро окружили толпы народа. Многіе плакали и рыдали, видя такое смятеніе. Соборные клирики съ воплемъ и крикомъ выбѣжали изъ церкви и старались образумить тѣхъ, которые безчестили и били патріарха сурово и безчеловѣчно. Иные винили его за то, что „пайяснѣйшаго царевича Димитрія разстригою сказуетъ". Иные кричали: „богатъ, богатъ Іовъ патріархъ, идемъ и разграбимъ его!" И бросились на патріаршій дворъ, и разграбили весь домъ святителя и все имущество. Іовъ молилъ, чтобы отпустили его на обѣщаніе его въ городъ Старицу, въ Успенскій монастырь. И клевреты самозванца, съ его согласія, отправили туда на изгнаніе патріарха Іова, въ простой рясѣ чернеца на убогой телѣгѣ. Около двухъ лѣтъ прожилъ Іовъ въ своемъ заточеніи, и мѣстный архимандритъ Діонисій всячески старался успокоить невиннаго страдальца и служилъ ему до самой его кончины, которая послѣдовала 19 іюня 1607 года.

Вслѣдъ за патріархомъ были отправлены въ ссылку и два архимандрита, Варлаамъ и Василій.

Достойно вниманія, что въ это время у самозванца уже былъ готовъ преемникъ Іову на московскій патріаршій престолъ. Это былъ архіепископъ рязанскій Игнатій. Родомъ грекъ, онъ прежде занималъ архіепископскую каѳедру на островѣ Кипрѣ. Вынужденный турками бѣжать изъ отече-

ства, онъ поселился въ Римѣ и будто бы принялъ тамъ унію. Но наслышавшись о благочестіи русскаго царя Θеодора Ивановича и объ его благосклонности къ греческимъ іерархамъ, въ 1595 году прибылъ въ Москву, прожилъ въ ней нѣсколько лѣтъ и съ 1603 года получилъ въ управленіе рязанскую епархію. Игнатій угодилъ самозванцу тѣмъ, что первый изъ русскихъ архіереевъ открыто призналъ его царевичемъ Димитріемъ, съ царскою почестію встрѣтилъ его въ Тулѣ и давалъ его новымъ подданнымъ для цѣлованія крестъ. По своей расположенности къ латинству, о которой легко могли провѣдать сопровождавшіе самозванца іезуиты, онъ представлялся самымъ надежнымъ орудіемъ для осуществленія ихъ замысловъ въ Россіи.

Покончивъ съ патріархомъ, клевреты самозванца принялись за Годуновыхъ и ихъ сторонниковъ. Всѣ родственники Годуновыхъ, всѣ свойственники ихъ, Сабуровы, Вельяминовы, уже бывшіе подъ стражей, были разосланы въ заточеніе. Семена Годунова посадили въ переяславскую тюрьму и тамъ задушили его. Наконецъ, дошла очередь до царской семьи Годуновыхъ.

Царь Θеодоръ Борисовичъ съ матерію, царицею Маріею Григоріевною, и сестрою, царевною Ксеніею Борисовною, проживали въ это время подъ стражей въ старомъ годуновскомъ домѣ. Царь и царевна въ это время были въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ и своими внѣшними и душевными достоинствами вызывали восторгъ у знавшихъ и видѣвшихъ ихъ. Одинъ изъ современниковъ, князь Иванъ Михайловичъ Катыревъ-Ростовскій, такъ описываетъ юныхъ брата и сестру:

„Царевичъ Θеодоръ, сынъ царя Бориса, отроча зѣло чудно, благолѣпіемъ цвѣтуще, яко цвѣтъ дивный на селѣ, отъ Бога преукрашенъ, яко кринъ въ полѣ цвѣтущи; очи имѣя велики черны, лице же ему бѣло, млечною бѣлостію блистаяся, возрастомъ среду имѣя, тѣломъ изобиленъ. Наученъ же бѣ отъ отца своего книжному почитанію и во отвѣтѣхъ дивенъ и сладкорѣчивъ велми; пустошное же и гнило слово никогда же изо устъ его исхождаше; о вѣрѣ же и поученіи книжномъ со усердіемъ прилежа.

„Царевна же Ксенія, дщерь царя Бориса, дѣвица сущи, отроковица чуднаго домышленія, зѣлною красотою лѣпа, бѣла велми, ягодами румяна, червлена губами, очи имѣя черны велики, свѣтлостію блистаяся; когда же въ жалобѣ слезы изо очію испущаше, тогда наипаче свѣтлостію блистаху зѣлною; бровми союзна, тѣломъ изообилна, млечною бѣлостію облиянна; возрастомъ ни высока, ни ниска; власы имѣя черны, велики, аки трубы, по плещамъ лежаху. Во всѣхъ женахъ благочиннѣйша и писанію книжному навычна, многимъ цвѣтяше благорѣчіемъ, воистинну во всѣхъ своихъ дѣлахъ чредима; гласы воспѣваемыя любляше и пѣсни духовныя любезнѣ желаше".

Самозванецъ не пощадилъ цвѣтущей молодости и звѣрски замучилъ всю царскую семью. Въ домъ ея явились Молчановъ и Шерефединовъ съ тремя стрѣльцами и разбойнически напали на неповинныхъ. Царицу Марію скоро и безъ труда задушили. Но молодой Ѳеодоръ отчаянно боролся, пока и его не предали отвратительной смерти. Красавицу Ксенію оставили въ живыхъ не на радость, для гнусной потѣхи самозванца. Народу объявили, что царица Марія съ сыномъ Ѳеодоромъ сами отравили себя, а царевна Ксенія такъ мало приняла яда, что ей не угрожаетъ смерть. Тогда же вынули прахъ царя Бориса изъ Архангельскаго собора и вмѣстѣ съ женою его и сыномъ похоронили въ убогомъ Варсонофьевскомъ монастырѣ, за Неглинной, на Срѣтенкѣ.

Такъ закончилась несчастная судьба семьи ненавистнаго государству царя Бориса Годунова. Злодѣй съ корнемъ уничтожилъ всю династію, имѣвшую всѣ надежды укрѣпиться на московскомъ престолѣ. Послѣ звѣрской расправы съ царемъ Ѳеодоромъ Борисовичемъ, его матерью и сестрой и со всѣми ихъ родственниками и свойственниками, отъ Годуновыхъ, можно сказать, остались лишь печальныя воспоминанія.

Одинъ изъ современныхъ этимъ событіямъ иностранцевъ передаетъ слѣдующія подробности о судьбѣ Годуновыхъ.

„Въ началѣ зимы 1604 г. Димитрій Ивановичъ, нынѣшній императоръ всея Россіи, выступилъ въ походъ съ огром-

нымъ числомъ казаковъ, поляковъ и нѣмцевъ, къ нему скоро присоединились народы и крестьяне страны. Борисъ Годуновъ со всею поспѣшностію послалъ противъ нихъ величайшую армію, болѣе чѣмъ въ 200,000. Но къ чему можетъ это служить, когда у войска нѣтъ расположенія сражаться за своего царя и когда чувство склоняется на противоположную сторону? Это обнаружилось во многихъ случаяхъ до такой степени, что стыдно о томъ и разсказывать. При осадѣ нѣкоторыхъ деревянныхъ стѣнъ они пускали вверхъ огонь своей артиллеріи и не смѣли или не хотѣли сдѣлать приступа. Между тѣмъ на противной сторонѣ дѣла шли совершенно иначе, такъ что въ этой несчастной войнѣ погибло болѣе 70,000 человѣкъ. Разъ войска Бориса Феодоровича сдѣлали яростное нападеніе на враждебный лагерь, перебили въ немъ огромное число, устроивъ ужасную бойню и одержавъ полную побѣду. Полагаютъ, навѣрное, что если бы во главѣ ихъ стоялъ преданный Борису генералъ, то не только отрядъ нынѣшняго императора былъ бы разстроенъ и перебитъ, но и самъ онъ попался бы въ плѣнъ и отданъ былъ во власть своего врага. Но Господу не угодно было, вѣроятно, допустить того, Онъ хотѣлъ отомстить за преступное намѣреніе погубить того молодого принца и за многіе другіе насильственные поступки противъ императорскаго дома. Ибо, не воспользовавшись уже одержанной побѣдой, они дали противной сторонѣ довольно времени отступить въ нѣкоторыя защищенныя мѣста и подкрѣпиться такимъ образомъ, что къ началу слѣдующаго года она возобновила военныя дѣйствія. Такъ со дня на день ослабѣвало могущество названнаго Бориса Феодоровича Годунова, частію вслѣдствіе успѣховъ храбраго противника, частію же потому, что всѣ начали признавать и считать нынѣшняго императора за своего настоящаго и законнаго повелителя. Борисъ Феодоровичъ, хорошо понимая всѣ эти обстоятельства и получая, кромѣ того, письма отъ самого императора, въ которыхъ обѣщалось ему помилованіе, если онъ добровольно откажется отъ власти и удалится въ какой-либо монастырь, рѣшился лучше умереть отъ яду, чѣмъ сдѣлать это или

украсить собой тріумфъ своего врага. Почему, сдѣлавъ большой пріемъ послѣ обѣда, около четырехъ часовъ неожиданно найденъ умершимъ, такъ что ни одинъ врачъ не могъ явиться во-время, чтобы видѣть его въ живыхъ. Это случилось 13-го числа мѣсяца апрѣля. На слѣдующій день его погребли въ императорской церкви и потомъ, какъ я узналъ, перенесли оттуда въ простую церковь.

„Послѣ его смерти родственники его поспѣшно заставили присягнуть бояръ и народъ сыну умершаго, по имени Ѳеодору Борисовичу. Императрица съ своимъ сыномъ овладѣла правленіемъ; отъ ихъ имени писались депеши, они отправили въ различныя мѣста пословъ и депутатовъ своихъ, чтобы принять присягу на вѣрность и повиновеніе. Изъ нихъ главный, Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, оказавшій великую услугу названному Борису при защитѣ крѣпости по имени Новгородъ Сѣверскій, гдѣ онъ велъ дѣла чрезвычайно хорошо и былъ за то осыпанъ милостями и благодѣяніями отъ Годунова, былъ отправленъ привести къ присягѣ военныхъ людей. Но онъ заблагоразсудилъ принять другое рѣшеніе и со всѣмъ войскомъ перешелъ на сторону императора, у котораго и пользуется въ настоящее время величайшимъ довѣріемъ и расположеніемъ.

„Между тѣмъ, какъ происходило это, императоръ отправилъ много писемъ къ жителямъ Москвы, главнаго города всей страны, увѣщевая ихъ не сопротивляться болѣе и не давать повода къ пролитію крови. Но всѣ эти письма были перехвачены названнымъ Годуновымъ, такъ что императоръ не могъ получить на нихъ никакого отвѣта, пока два знатные боярина не приняли смѣлости показаться въ виду города и не собрали вокругъ себя толпу народа. Вдругъ поднялся шумъ и крикъ по всѣмъ улицамъ, образовалась огромная масса народа, которая по подстрекательству ихъ требовала, чтобы показали ей и прочитали, что писалъ императоръ. Годуновъ, боясь смерти, принужденъ былъ уступить. Когда эти письма были выданы и прочтены всѣмъ вслухъ, волненіе усилилось до такой степени, что толпа быстро бросилась къ Кремлю, захватила молодого царя и его мать и

передала ихъ въ руки духовенства, при чемъ народъ позволялъ себѣ тысячи ругательствъ и недостойныхъ оскорбленій, разграбилъ дворецъ Годуновыхъ и отвелъ ихъ, обременивъ цѣпями, въ различныя тюрьмы. Императрица, видя всѣ эти вещи и ожидая еще худшаго, рѣшилась на актъ романическій, хотя страшный и весьма жестокій: сама припявъ яду, она дала отравленнаго питья сыну и своей единственной дочери, вслѣдствіе чего она умерла въ объятіяхъ сына, а вскорѣ затѣмъ умеръ и царевичъ. Говорятъ, что царевна быстро вылила нѣсколько яду, или лучше не приняла достаточнаго количества, чтобы причинить себѣ смерть, и что она впала въ тяжкую болѣзнь, такъ что неизвѣстно еще умерла ли она или осталась въ живыхъ. Говорятъ еще, что этотъ актъ произвелъ сильное впечатлѣніе на императора и что онъ хотѣлъ оказать помилованіе сыну и дочери, какъ лицамъ невиннымъ по своему возрасту, ограничившись ссылкой матери въ какую-нибудь отдаленную область. Между тѣмъ, какъ все это происходило, были созваны выборные отъ народа для засвидѣтельствованія этого печальнаго событія; имена выборныхъ были внесены въ списки на тотъ конецъ, чтобы въ случаѣ нужды они могли удостовѣрить, если бы кто сталъ выдавать себя за молодого царевича, что они видѣли его мертваго своими собственными глазами. Царевичъ и его мать погребены были какъ частныя лица въ простой церкви".

Въ Москвѣ теперь не осталось никого, кто бы могъ смутить спокойствіе самозванца. Дорога къ Москвѣ была открыта, населеніе, слѣпо довѣрившись Лжедимитрію, съ нетерпѣніемъ ожидало своего якобы законнаго царя, якобы прямого потомка наслѣдственныхъ, любезныхъ народу, царей и великихъ князей московскихъ. Ничто уже больше не мѣшало ему войти въ столицу и возсѣсть на престолъ. И самозванецъ немедленно двинулся изъ Тулы и поторопился въ Москву.

XXXI.

Лжедимитрій въ Москвѣ.

20 іюня 1605-го года Лжедимитрій торжественно прибылъ въ Москву.

Приближеніе его къ столицѣ было медленное и величественное. Онъ проѣзжалъ въ одинъ день не болѣе одной мили, такъ какъ его движеніе замедляли толпы народа, со всѣхъ сторонъ ежедневно сходившагося смотрѣть на „царя" и просить его о помилованіи. Многіе вельможи и знатныя лица пріѣзжали изъ Москвы, и каждый изъ нихъ подносилъ подарокъ. Отсюда же ежедневно привозили все, что нужно было для содержанія „двора". Въ то же время Лжедимитрій велъ продолжительныя бесѣды съ именитыми людьми и такъ разсказывалъ имъ о своихъ приключеніяхъ, что можно было составить наиболѣе выгодное мнѣніе о немъ, и онѣ были занимательны для народа. Онъ многое сообщалъ и ему вѣрили.

Торжественный въѣздъ Лжедимитрія въ Москву былъ радостнѣйшимъ событіемъ и для него самого, и для обманутаго имъ русскаго народа. Ликованіямъ и восторгамъ всѣхъ встрѣчавшихъ якобы своего природнаго государя не было конца.

Стояла прекрасная лѣтняя погода. Шествіе открывали польскія хоругви. Ихъ тщательно вычищенныя латы и оружіе ярко блистали на солнцѣ. Трубачи и барабанщики потрясали воздухъ звуками своихъ инструментовъ. За ними шли попарно русскіе стрѣльцы, ѣхали нарядныя царскія кареты, запряженныя шестерней, и вели лучшихъ царскихъ коней. Дальше слѣдовали: конный отрядъ боярскихъ дѣтей въ праздничныхъ кафтанахъ, сопровождаемый громомъ бубновъ и набатовъ, и духовенство въ свѣтлыхъ ризахъ съ хоругвями, иконами и евангеліями, шло во главѣ предназначеннаго патріарха Игнатія. Лжедимитрій ѣхалъ верхомъ на статномъ конѣ въ золотомъ кафтанѣ, окруженный боярами и окольничими. Шествіе замыкали отряды казаковъ, татаръ и опять поляковъ.

Все московское и окрестное население радостными кликами привѣтствовало того, кого оно въ простотѣ сердца считало истиннымъ сыномъ Ивана Грознаго и называло своимъ яснымъ солнышкомъ. Не только улицы и площади были полны народомъ: онъ тѣснился на кровляхъ домовъ и даже церквей. Самозванецъ привѣтливо кланялся на обѣ стороны.

„Всѣ улицы, — разсказываетъ иностранецъ Масса, — были наполнены народомъ такъ, что невозможно было протолкаться. Всѣ крыши, стѣны, ворота, черезъ которыя Лжедимитрій долженъ былъ проѣзжать, были усыпаны народомъ. Всѣ были въ своихъ лучшихъ нарядахъ, и тѣ, которые считали Лжедимитрія своимъ законнымъ государемъ и ничего не знали о его настоящемъ происхожденіи, плакали отъ радости. Когда онъ подъѣхалъ къ Лобному мѣсту, то остановился со всѣми людьми, сопровождавшими его со всѣхъ сторонъ, и, сидя на лошади, снялъ съ головы свою царскую шапку и сейчасъ же ее надѣлъ. Окинувъ взглядомъ великолѣпныя укрѣпленія, городъ и несмѣтную толпу народа, запрудившую всѣ улицы, онъ, повидимому, очень горько заплакалъ и возблагодарилъ Бога за то, что Онъ продлилъ его жизнь и далъ ему возможность видѣть отцовскій городъ Москву и своихъ любезныхъ подданныхъ, которыхъ онъ сердечно любилъ. Много и другихъ рѣчей говорилъ Лжедимитрій, проливая горячія слезы. Многіе вмѣстѣ съ нимъ плакали. Но, увы!—заключаетъ свой разсказъ Масса,—если бы они знали, что слезы Лжедимитрія были притворныя! Тогда они вмѣсто плача предприняли бы что-нибудь другое".

„Когда этотъ царь Димитрій вступилъ въ великую Москву,— разсказываетъ очевидецъ и живой свидѣтель всѣхъ этихъ событій, Арсеній, архіепископъ елассонскій,—то весь народъ встрѣтилъ его съ великою церемоніею, всѣ архіереи и священники со всѣмъ народомъ вышли къ нему навстрѣчу съ честными и святыми крестами и иконами, со множествомъ свѣчей и кадильницъ на Лобное мѣсто, которое называется лиѳостротономъ. Тамъ послѣ великой литіи архіереи, благословивши, поднесли ему святыя иконы, а по благословеніи

всѣ мы съ новымъ царемъ пѣшкомъ пошли въ соборный храмъ Пречистой Богородицы. Поклонившись и поцѣловавши святыя иконы по чину, царь вышелъ и отправился въ соборный храмъ Архангеловъ, поцѣловалъ святыя иконы и поклонился гробамъ царей и великихъ князей, и гробамъ Ивана царя и Ѳеодора царя поклонился и заплакалъ, сказавши громкимъ голосомъ слѣдующее: „Увы, мнѣ, отче мой и брате мой, царіе! Много зла содѣлаша мнѣ враждующіе на мя неправедно, но слава святому Богу, избавляющему мя ради святыхъ молитвъ вашихъ изъ рукъ ненавидящихъ мя и дѣлающихъ мнѣ съ неправдою, воздвизающему отъ земли нища и отъ гноища возвышающему убога посадити его съ князи, съ князи людей своихъ“. Говоря со слезами, онъ провозгласилъ предъ всѣми, что отецъ его—царь Іоаннъ и братъ его—царь Ѳеодоръ. Такъ какъ всѣ ничего не знали, то громогласно воскликнули: „Да, истинно сей—твой отецъ, а сей—братъ твой, благочестивѣйшій царь и великій князь всей Россіи Димитрій Ивановичъ!“ И исполнилось слово писанія, говоряще: „Богатый возглаголалъ, и вси похвалиша, и слово его вознесоша даже до неба“. Отправившись во дворецъ, онъ сѣлъ на царскій тронъ, и поклонились ему всѣ бояре, весь синклитъ двора и все войско, пришедшіе съ нимъ, и весь народъ“.

Въ Успенскомъ соборѣ протопопъ Терентій привѣтствовалъ „самодержца всея Руси“ витіеватою рѣчью. Этотъ даровитый проповѣдникъ превзошелъ на этотъ разъ самого себя, превознося Лжедимитрія. Его устами говорила вся Москва, въ его рѣчи вылилось радостное чувство, одушевлявшее въ тотъ день всѣхъ и каждаго.

Отправляясь во дворецъ, самозванецъ не хотѣлъ проѣхать мимо дома Годуновыхъ, который онъ приказалъ немедленно разрушить. Такимъ образомъ исчезли послѣднія слѣды ихъ кратковременнаго величія.

Этотъ торжественный въѣздъ не обошелся, однако, безъ непріятныхъ для москвичей случайностей. Такъ, когда духовенство, встрѣчавшее его, поднесло ему икону Богоматери, чтобы онъ приложился къ ней, то Лжедимитрій сошелъ съ

лошади, приложился къ иконѣ, но не такъ, какъ бы слѣдовало по обычаю. Вслѣдствіе этого, по словамъ Массы, нѣкоторые монахи, видѣвшіе это, усомнились въ томъ, что онъ дѣйствительно родомъ изъ Москвы, а также и въ томъ, что онъ истинный царь. Объ этомъ, однако, они не смѣли говорить. Димитрій, обратившій вниманіе на ихъ пристальные взгляды и, можетъ быть, знавшій этихъ монаховъ, на другой день велѣлъ ихъ умертвить и бросить въ воду.

Еще раньше, когда самозванецъ ѣхалъ по мосту, наведенному черезъ Москву-рѣку, изъ Стрѣлецкой слободы въ Китай-городъ, вдругъ поднялся вихрь съ такою пылью, которая залѣпляла глаза, и это явленіе нѣкоторыми было принято за дурное предзнаменованіе.

Не понравилось многимъ истымъ москвичамъ и то обстоятельство, что на Лобномъ мѣстѣ, гдѣ духовенство встрѣтило новаго царя съ образами и съ церковнымъ пѣніемъ, польскіе трубачи и литаврщики своими инструментами заглушали это пѣніе. А потомъ, когда онъ съ коня слѣзъ и сталъ обходить кремлевскіе соборы, туда слѣдовали за нимъ пестрою безпорядочною толпою всякіе иноземцы его свиты: поляки, нѣмцы, угры.

Весь этотъ день Москва дрожала отъ безпрырывнаго звона своихъ многочисленныхъ колоколовъ.

Въѣздъ въ Москву завершилъ блестящимъ торжествомъ дерзкія притязанія самозванца. Лжедимитрію теперь необходимо было упрочить свое незаконное положеніе на московскомъ престолѣ, и онъ немедленно приступилъ къ замѣщенію высшихъ должностей своими избранниками и къ изъявленію милостей своимъ подданнымъ. Прежде всего онъ постарался водворить на патріаршествѣ своего пособника Игнатія.

На другой же день послѣ въѣзда въ Москву, по разсказу архіепископа Арсенія, самозванецъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ и далъ имъ совѣтъ, чтобы они избрали патріарха, сказавъ при этомъ, что „патріархъ, святѣйшій отецъ нашъ, господинъ Іовъ,—великій старецъ и слѣпецъ и не можетъ пребывать на патріаршествѣ,

посему обсудите, чтобы назначить вмѣсто него другого патріарха, кого вы изберете? Всѣ отвѣтили: „Хорошо ты опредѣляешь, благочестивый царь и великій князь всея Россіи, Димитрій Ивановичъ; да исполнится воля твоя, какъ ты повелѣваешь“. Благословивъ царя, духовныя власти отправились въ Успенскій соборъ“. Разумѣется, избраннымъ оказался Игнатій. „Царь и весь синклитъ одобрили избраннаго патріарха“. „Въ 30 день іюня мѣсяца, въ воскресенье, возвели преосвященнѣйшаго архіепископа рязанскаго киръ Игнатія, нареченнаго на великій и высочайшій патріаршій тронъ великой Москвы и всея Россіи на память славнѣйшихъ 12 апостоловъ, въ воскресенье, когда совершалась съ великимъ торжествомъ литургія, въ присутствіи царя, синклита и всего народа. Послѣ литургіи царь въ большомъ дворцѣ привѣтствовалъ патріарха, архіеревъ, священниковъ и весь синклитъ. Послѣ трапезы царь одарилъ многими дарами патріарха и архіереевъ, и всѣ возвратились домой съ великою радостію“.

Новый патріархъ немедленно же извѣстилъ народъ по всѣмъ городамъ особыми грамотами о восшествіи на престолъ новаго царя. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ и о возведеніи его, Игнатія, въ патріаршеское достоинство по царскому изволенію и повелѣвалъ молиться за царя и царицу-мать, между прочимъ, чтобъ „возвысилъ Господь Богъ ихъ царскую десницу надъ латинствомъ и надъ бесерменствомъ, и надъ всѣми враги ихъ“. „Извѣстно вамъ буди,—писалъ патріархъ,—премудрый Богъ неизреченными и недовѣдомыми судьбами еще не до конца прогнѣвася на остатокъ израительскаго рода, на созданіе пречистыхъ Его рукъ, омраченніи невѣдѣніемъ умы наши и слухи, паче же и сердечныя очеса разверзе и яви намъ, Своимъ достойнымъ человѣколюбіемъ, великаго государя нашего, прироженнаго царя и великаго князя Димитрія Ивановича всея Русіи самодержца, отъ злохищнаго смертнаго убивства соблюденна и до днесь во здравіи пребывающа; и приде въ царствующій градъ Москву на престолъ прародителей своихъ, великихъ государей нашихъ крестоносныхъ царей, на Россійское го-

сударство, правити отъ Бога данное ему христоименитое стадо, множество православнаго христіанскаго рода; и по его царскому изволенію, учинены есмя въ царствующемъ градѣ Москвѣ, на престолѣ святыхъ чудотворцевъ Петра, Алексѣя, Іоны, патріархомъ Московскимъ и всея великія Россіи".

Новый царь поспѣшилъ явить своему народу милости, особенно тѣмъ, которые пострадали при прежнихъ царяхъ Годуновыхъ. Такъ, мнимые родственники царя, Нагіе, были возвращены изъ ссылки и пожалованы боярскимъ достоинствомъ вмѣстѣ съ Шереметевыми, Голицынымъ, Мосальскимъ и нѣкоторыми воеводами, ранѣе другихъ передавшимися на его сторону. Людей менѣе знатныхъ произвелъ въ окольничіе и думные дворяне. Особое вниманіе оказано было знаменитой и всѣмъ любезной семьѣ Романовыхъ, столь сильно пострадавшей отъ Бориса Годунова. Изъ пяти братьевъ Романовыхъ въ живыхъ оставалось только двое: Иванъ Никитичъ и насильно постриженный Θеодоръ, въ иночествѣ Филаретъ. Ихъ вызвали изъ ссылки и воротили имъ конфискованныя имущества. Ивана Никитича пожаловали званіемъ боярина, а старца Филарета посвятили въ санъ ростовскаго митрополита. Бывшая его супруга, въ инокиняхъ Марθа, съ сыномъ Михаиломъ, поселилась въ Костромскомъ Ипатіевскомъ монастырѣ, находившемся въ предѣлахъ епархіи Филарета. Тѣла Романовыхъ, умершихъ въ изгнаніи, перевезли въ Москву и здѣсь честно похоронили. Были оказаны и другія милости и пожалованія, особенно служилымъ людямъ и войску. И эти милости вызывали въ Москвѣ радость и возбуждали преданность новому царю. Казалось, ничто не омрачало лучезарнаго начала его царствованія. Но такъ только казалось... Прозорливый самозванецъ въ своемъ собственномъ торжествѣ могъ провидѣть и угрожающіе зачатки своего паденія.

Едва не на слѣдующій день послѣ торжественнаго въѣзда въ Москву среди ликованій и пировъ былъ открытъ тайный заговоръ противъ новаго царя. Князь Василій Ивановичъ Шуйскій по ночамъ собиралъ у себя довѣренныхъ

людей, преимущественно изъ торговаго сословія, убѣждалъ ихъ въ самозванствѣ новаго царя, въ томъ, что онъ не сынъ Іоанна IV, а разстрига Гришка Отрепьевъ, что онъ только орудіе въ рукахъ поляковъ и іезуитовъ, что онъ врагъ православной вѣры и намѣренъ уничтожить православныя церкви, и поручалъ имъ эту истину распространять въ народѣ.

Но, видно, желаніе князя Шуйскаго освободить Москву отъ самозванническаго безчестія и открыть московскій престолъ его законнымъ наслѣдникамъ было еще не своевременнымъ. Народъ московскій еще находился подъ обаяніемъ разсказовъ о чудесномъ спасеніи мнимаго Димитрія и еще радовался, видя на престолѣ прямого будто бы потомка своего исконнаго царскаго рода. Слухамъ о самозванствѣ новаго царя не вѣрили, и они дошли до Басманова. Шуйскихъ схватили. Лжедимитрій отказался судить ихъ самолично и отдалъ ихъ дѣло на судъ собора. Но на соборѣ князья не встрѣтили сочувствія, и имъ никто не „пособствовалъ": „ни власти, ни изъ бояръ, ни изъ простыхъ людей, всѣ на нихъ же кричаху". Соборъ приговорилъ князя Василія Шуйскаго къ смертной казни, а его братьевъ, Димитрія и Ивана,—къ ссылкѣ. Лжедимитрій утвердилъ этотъ приговоръ и отложилъ исполненіе его до слѣдующаго дня. На Красной площади все приготовлено было для казни. Князя Василія Ивановича Шуйскаго взвели на эшафотъ, окруженный густыми рядами стрѣльцовъ и казаковъ, около которыхъ тѣснились народныя толпы. Приставами были назначены Басмановъ и Салтыковъ. „Объѣзжая толпу народа, опечаленнаго судьбою Шуйскаго, приговореннаго къ казни, Басмановъ,—по словамъ Массы,— обратившись къ народу, говорилъ, что онъ долженъ быть твердо увѣренъ въ томъ, что Шуйскій хотѣлъ снова возмутить землю и имѣлъ много предательскихъ намѣреній ко вреду отечеству. „Нашъ царь милостивъ,—говорилъ Басмановъ,— и онъ не казнитъ даже того, кто вполнѣ этого заслуживаетъ". Этими словами Басмановъ имѣлъ намѣреніе возстановить противъ осужденнаго народъ, замѣтно опечаленный. Наконецъ явился окруженный толпою палачъ. Онъ началъ

раздѣвать Шуйскаго, стоявшаго передъ большою плахою, на которой лежалъ топоръ. Палачъ хотѣлъ снять съ Шуйскаго рубашку, роскошно украшенную золотыми каймами и жемчугомъ, но Шуйскій, желая въ ней умереть, сталъ сопротивляться". Спокойствіе и мужество не покидали князя Шуйскаго, и толпа невольно сочувствовала ему.

— Братія,— воскликнулъ онъ,— умираю за правду и за вѣру христіанскую!

Князь положилъ голову на плаху, и палачъ уже взмахнулъ топоромъ, какъ вдругъ изъ Кремля показался всадникъ съ крикомъ „стой!" „Онъ не торопился къ мѣсту казни,—говоритъ Масса,—потому что самъ желалъ смерти Шуйскаго. Онъ привезъ указъ о томъ, что царь милуетъ, даруетъ жизнь преступнику. Всѣ жители Москвы очень радовались прощенію Шуйскаго. Басмановъ же, разъѣзжая кругомъ, восклицалъ: „О, какого милостиваго царя даровалъ намъ Богъ! Царь милуетъ даже своихъ предателей, покушавшихся лишить его жизни!"—„Безъ сомнѣнія,—замѣчаетъ Масса,— все это было сдѣлано главнымъ образомъ для того, чтобы привлечь сердца людей къ Димитрію, чтобы и богатые, и бѣдные твердо вѣрили, что царь былъ истинный Димитрій. Шуйскій, какъ тогда говорили, получилъ прощеніе вслѣдствіе просьбы царицы-матери и внушеній Ивана Бучинскаго съ братьями, поистинѣ умныхъ людей, вывезенныхъ Лжедимитріемъ изъ Польши. Одинъ изъ нихъ былъ его главнымъ секретаремъ, находился постоянно при немъ и всегда совѣтовалъ ему быть великодушнымъ и ласковымъ къ боярамъ, которыхъ немного осталось въ Московіи. Бучинскіе говорили, что Лжедимитрій гораздо болѣе выиграетъ ласковымъ обращеніемъ съ боярами, чѣмъ истребленіемъ ихъ посредствомъ казней, что можетъ возбудить въ людяхъ подозрѣніе и дать поводъ къ мысли, что онъ—самозванецъ".

Такимъ образомъ князю Василію Ивановичу Шуйскому была дарована жизнь. Вмѣстѣ съ двумя братьями своими онъ былъ отправленъ въ ссылку, а имѣнія ихъ отобрали на государя. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ самозванецъ совершенно простилъ ихъ и возвратилъ ко двору.

Самозванецъ, однако, и послѣ всеобщаго признанія и присяги, и послѣ различныхъ знаковъ своего великодушія, явленныхъ народу съ цѣлію привлечь къ себѣ сердца подданныхъ, не считалъ своего положенія совершенно упрочившимся. Въ далекой Выксинской пустыни, на Шекснѣ, томилась въ убогой келліи старица Мароа, въ мірѣ Марія Нагая, послѣдняя супруга царя Іоанна Грознаго, мать убіеннаго царевича Димитрія. Вотъ чье слово о своемъ кровномъ сынѣ было рѣшающимъ для судьбы самозванца! Если бы и она признала его истиннымъ царевичемъ, своимъ единственнымъ сыномъ, то уже никакія свидѣтельства не могли бы разубѣдить русскій народъ, и царство самозванца было бы прочнымъ, непоколебимымъ... Но какъ добыть ея признанія?.. Говорятъ, самозванецъ около двухъ мѣсяцевъ велъ съ нею тайные переговоры и отправлялъ къ ней своихъ клевретовъ, чтобы вынудить ея согласіе на признаніе Лжедимитрія своимъ сыномъ. Пущены были въ ходъ и просьбы, и обѣщанія всякихъ благъ, и даже угрозы тайнымъ убійствомъ... Старица не устояла и наконецъ дала свое согласіе...

„Могла ли эта несчастная женщина сказать правду?— спрашиваетъ Пирлингъ.— Хватило ли бы у нея смѣлости сказать то, что она думала? Признать Димитрія истиннымъ сыномъ Іоанна IV значило открыть себѣ путь къ благополучію и счастію; отвергнуть его, какъ презрѣннаго лгуна и обманщика, было равносильно подвергнуть себя страшной мести. Если только Мароа не впала въ полную апатію, то она не могла быть безпристрастной“.

„Увы!—замѣчаетъ Масса,— нѣтъ ничего удивительнаго, что она вопреки собственному убѣжденію признала его своимъ сыномъ: ея жизнь не ухудшилась, напротивъ, съ нею обращались, какъ съ царицею“.

За царицею отправлено было изъ Москвы торжественное посольство во главѣ съ юнымъ Михаиломъ Скопинымъ-Шуйскимъ, который только что былъ пожалованъ званіемъ великаго мечника. 18-го іюля Лжедимитрій, окруженный блестящею свитою, отправился въ село Тайнинское навстрѣчу своей мнимой матери, ѣхавшей въ Москву. Все было обста-

влено такъ, чтобы возбудить умиленіе и восторгъ народа. Встрѣча произошла въ полѣ. Мареа и Лжедимитрій заплакали, „сынъ“ бросился къ ногамъ „матери“, „мать“ обняла „сына“. Всеобщее умиленіе вызвало это трогательное свиданіе. Мареу ввели въ роскошно убранный шатеръ, гдѣ Лжедимитрій нѣсколько минутъ говорилъ съ нею наединѣ, причемъ, говорятъ, опять съ угрозами заклиналъ ее не обличать обмана. Выйдя изъ шатра, они нѣжно обнимались и цѣловались въ виду многочисленной народной толпы. Самозванецъ посадилъ Мареу въ карету и съ непокрытою головою пошелъ подлѣ нея. Толпа была растрогана этими знаками сыновняго почтенія. Потомъ самозванецъ сѣлъ на коня и поскакалъ впередъ, чтобы встрѣтить царицу при въѣздѣ въ Кремль.

Въѣздъ царицы въ Москву совершился при звонѣ колоколовъ и несмѣтномъ стеченіи народа. Лжедимитрій ѣхалъ верхомъ возлѣ кареты царицы Мареы. Торжественный поѣздъ всюду вызывалъ умиленіе и восторгъ народа. Лжедимитрій поддерживалъ умы въ этомъ настроеніи, окружая все время царицу самой почтительной нѣжностью. Въ Кремлѣ царь прослѣдовалъ съ „матерью“ въ Успенскій соборъ поклониться святынямъ и принести благодареніе Господу Богу. Отсюда царь проводилъ ее въ Вознесенскій монастырь, гдѣ для старицы приготовлены были роскошно обставленныя помѣщенія. Послѣ этого, къ великому назиданію подданныхъ, лжецарь чуть не ежедневно посѣщалъ „мать“ и всячески старался показать себя почтительнымъ сыномъ. Впрочемъ, самозванецъ, повидимому, не очень довѣрялся царицѣ Мареѣ и потому окружилъ ее такой обстановкой, чтобы вовсе устранить всякія сношенія ея съ боярами: несчастная старица, по словамъ одного историка, очутилась въ золотой клѣткѣ. Да и самыя посѣщенія „матери“ въ монастырѣ, очевидно, были лишь благовиднымъ предлогомъ и удобнымъ отводомъ для удовлетворенія мерзкихъ страстишекъ бродяги: одинъ иностранецъ замѣтилъ, что, пріѣзжая ежедневно къ царицѣ, самозванецъ „навѣщалъ вмѣстѣ съ тѣмъ молодыхъ монахинь, жившихъ съ нею“.

Черезъ три дня послѣ пріѣзда царицы Мароы въ Москву совершилось коронованіе и мѵропомазаніе самозванца Лжедимитрія, увѣнчавшее его сокровенныя желанія и придавшее ему въ глазахъ народа священное обаяніе. Онъ получилъ свою власть отъ Вседержителя, и такимъ образомъ между царемъ и его подданными возникали священныя узы!

Наканунѣ великаго дня коронованія новообращенный католикъ лжецарь долженъ былъ приготовиться къ предстоявшему таинству. Въ то время, когда ему приходилось преодолѣвать трудности военнаго времени, онъ обѣщалъ полковымъ ксендзамъ, въ порывѣ будто бы искренняго благочестія, исповѣдаться у нихъ наканунѣ коронованія. Неизвѣстно, исполнилъ ли онъ свое обѣщаніе. Но дальше предстояли еще бóльшія затрудненія.

„Исповѣдаться,—говоритъ Пирлингъ,—еще куда ни шло: это можно было сдѣлать въ тайнѣ, но какъ было поступить относительно святого причастія? Это таинство входило въ чинъ коронованія. Это ставило царя, принявшаго въ тайнѣ католическую вѣру, въ весьма затруднительное положеніе. Рѣшится ли онъ принять причастіе изъ рукъ православнаго патріарха? Или онъ посмѣетъ уклониться отъ этого исконнаго обычая? Лжедимитрій высказывалъ свое сомнѣніе нунцію Рангони на другой же день послѣ своего отреченія отъ православія. Рангони писалъ объ этомъ въ Римъ, но изъ Рима не спѣшили отвѣтомъ, хотя съ тѣхъ поръ прошелъ уже цѣлый годъ. Это молчаніе, видимо, не смущало Лжедимитрія. Сколько намъ извѣстно, онъ не возобновлялъ своей просьбы и не настаивалъ на скорѣйшемъ разрѣшеніи его недоумѣнія. Увѣренность не измѣняла ему“.

Коронованіе совершено было въ Успенскомъ соборѣ во всемъ согласно установившемуся обычаю. Самозванецъ шелъ въ соборъ во главѣ огромной блестящей процессіи, облаченный въ порфиру, сверкавшую драгоцѣнными камнями, попирая ногами бархатный коверъ малиноваго цвѣта, затканный золотомъ. Впереди царя шелъ священникъ, крестообразно кропившій святою водою царскій путь. Приблизившись къ алтарю, Лжедимитрій позволилъ себѣ отступить

отъ установленнаго обряда. Онъ произнесъ рѣчь, въ которой разсказалъ всю свою исторію, свое происхожденіе, испытанныя имъ несчастія и свое чудесное спасеніе. По словамъ ксендзовъ, при этой рѣчи въ соборѣ не мало слезъ было пролито...

Патріархъ Игнатій совершилъ положенныя священнодѣйствія, произнесъ установленныя молитвы, мνропомазалъ Лжедимитрія, подалъ ему знаки царскаго достоинства, корону Іоанна IV, скипетръ, державу и возвелъ его на престолъ Іоанна, Василія и Владиміра. Тогда высшіе сановники государства и во главѣ ихъ патріархъ прошли одинъ за другимъ передъ лжецаремъ, и склонивъ голову, цѣловали его руку...

Выше этихъ не могло быть почестей: цвѣтъ русскаго народа добровольно склонялъ главу предъ самозванцемъ и передъ Богомъ и людьми въ самомъ сердцѣ Россіи, подъ сводами высокочтимаго храма, по своему собственному желанію провозгласилъ его царемъ и великимъ княземъ всея Руси, не вѣдая ни его происхожденія, ни его воровскихъ притязаній!..

Вѣрный древнему обычаю, Лжедимитрій тотчасъ же послѣ коронованія отправился въ Архангельскій соборъ, въ усыпальницу царей московскихъ, поклониться праху будто бы своихъ предковъ и тамъ палъ ницъ передъ гробницами великихъ князей царей Іоанна IV и Θеодора Іоанновича. Здѣсь Лжедимитрій позволилъ себѣ совершить еще маленькій обрядъ. У алтаря, въ придѣлѣ св. Іоанна Лѣствичника, его ожидалъ архіепископъ Арсеній. Лжедимитрій преклонилъ передъ нимъ колѣна, архіепископомъ возложилъ на его голову шапку Мономаха и пропѣлъ: „аксіосъ". Пѣвцы повторили за нимъ этотъ возгласъ. Лжецаря осѣнилъ лучъ древней славы...

Священнодѣйствіе завершилось божественною литургіей въ Успенскомъ соборѣ, совершенной въ присутствіи царя патріархомъ Игнатіемъ въ сослуженіи многочисленнаго духовенства со всею пышностію и великолѣпіемъ. По мѣрѣ того, какъ божественная служба приходила къ концу, для

Лжедимитрія приближалась роковая минута. Передъ нимъ возставалъ грозный выборъ: либо причаститься Святыхъ Таинъ по православному обряду, либо отказаться отъ причастія и вызвать скандалъ. Иного выхода не было. Такъ какъ все совершилось по чину и не произошло никакого замѣшательства, то надо думать, что Лжедимитрій притворно и обманно принялъ Святыя Тайны... Объ этомъ же говорятъ и его хлопоты о Маринѣ. Вскорѣ послѣ коронаціи онъ энергично доказывалъ, что она не можетъ быть коронована, если не пріобщится по православному обряду. Онъ говорилъ это какъ бы на основаніи опыта, требуя отъ своей невѣсты выполненія обряда, коему онъ подчинился самъ.

Архіепископъ Арсеній, живой свидѣтель и участникъ этихъ торжествъ, въ своихъ запискахъ разсказываетъ слѣдующія подробности объ этихъ событіяхъ: „въ воскресенье (21-го іюля 1605 года) патріархъ великой Москвы и всей Россіи киръ Игнатій со всѣмъ своимъ архіерейскимъ соборомъ, со всѣми великими боярами, синклитомъ и всѣмъ народомъ во всечестномъ соборномъ храмѣ Пречистой Богородицы вѣнчали на царство царя Димитрія Ивановича, именуемаго царемъ великой Москвы и всей Россіи. Во время торжественной церемоніи былъ украшенъ царскій дворецъ и разостлана по всему полу дворца и по пути, ведущему изъ дворца въ соборную церковь, и по всему полу церкви и отъ церкви Пречистой до соборнаго Архангельскаго храма и по всему полу Архангельскаго собора затканная золотомъ бархатная парча, и такимъ образомъ царь пошелъ со всѣми боярами и синклитомъ въ соборную церковь и всталъ на уготовленномъ и высокомъ мѣстѣ посрединѣ церкви, и тамъ былъ вѣнчанъ патріархомъ киръ Игнатіемъ царскимъ вѣнцомъ, діадемою и короною отца своего Ивана Васильевича, присланною отъ кесаря, великаго царя Алеманіи, въ присутствіи на томъ же высокомъ мѣстѣ архіереевъ. Послѣ вѣнчанія всѣми царскими регаліями патріархомъ, царь пошелъ въ соборный Архангельскій храмъ, поклонился и облобызалъ всѣ гробы великихъ князей, вошелъ и внутрь предѣла Іоанна Лѣствичника, гдѣ находятся гробы царей Іоанна и Ѳеодо-

ра, и поклонился имъ. Тамъ, въ придѣлѣ, стоялъ хорошо убранный аналогій, на которомъ находилась корона благочестивѣйшаго князя Владиміра Мономаха. И тамъ вѣнчалъ этою самою короною великаго князя Владиміра Мономаха смиренный архіепископъ архангельскій, нѣкогда елассонскій и Димоника изъ Эллады, возложилъ ее на голову его, молясь и сказавъ „аксіосъ". Пѣвцы пропѣли то же самое „аксіосъ". И послѣ того, какъ онъ былъ коронованъ, отправились въ великій храмъ Пречистой Богородицы, и тамъ находившіеся патріархъ и архіереи, когда вошли въ церковь Пречистой Богородицы, начали божественную литургію. По окончаніи божественной литургіи всѣ отправились въ большой дворецъ, такъ какъ была приготовлена трапеза. Послѣ этой большой трапезы царь, почтивъ великими дарами патріарха и архіереевъ, отпустилъ ихъ домой".

За священнымъ обрядомъ коронованія слѣдовало свѣтское торжество. Изъ собора всѣ отправились во дворецъ принести поздравленіе царю и выразить ему свою преданность. Сюда же прибыли и начальники маленькой польской арміи вмѣстѣ съ обоими полковыми ксендзами, по желанію самозванца. Всѣ присутствовавшіе на торжествѣ, въ томъ числѣ и поляки, вторично цѣловали руку царя, и среди этого величаваго и молчаливаго торжества неожиданно ксендзъ Чижовскій обратился къ Лжедимитрію съ рѣчью на польскомъ языкѣ. Іезуитъ въ Кремлѣ, говорящій царю рѣчь на польскомъ языкѣ, былъ явленіемъ невиданнымъ и неслыханнымъ, возбудившимъ всеобщее любопытство. Лжедимитрій съ видимымъ удовольствіемъ прослушалъ теплыя, прочувствованныя слова іезуита и самъ перевелъ нѣкоторыя мѣста этой рѣчи на русскій языкъ для своихъ изумленныхъ русскихъ подданныхъ, и самъ въ отвѣтѣ сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ.

Во время пиршества, слѣдовавшаго за этимъ пріемомъ, одинъ изъ поляковъ подошелъ къ кзендзамъ и, по порученію Лжедимитрія, сказалъ имъ на ухо, что царь относится къ нимъ все съ тѣмъ же благоволеніемъ, помнитъ свои обѣщанія, попрежнему сожалѣетъ о томъ, что ихъ нельзя

привести въ исполненіе немедленно, и одушевленъ желаніемъ основать коллегіи и костелы. Вниманіе царя къ іезуитамъ этимъ не ограничилось: онъ выразилъ удовольствіе по поводу того, что онъ короновался 31-го (по новому стилю) іюля, въ тотъ именно день, когда у католиковъ празднуется память Игнатія Лойолы, и велѣлъ передать іезуитамъ, что онъ считаетъ это совпаденіе счастливымъ предзнаменованіемъ и что онъ вскорѣ отправитъ посольство въ Римъ.

„Подъ впечатлѣніемъ этихъ ласковыхъ словъ,—говоритъ Пирлингъ,—при видѣ всеобщей радости и веселья, будущее казалось іезуитамъ полнымъ самыхъ успокоительныхъ, радужныхъ надеждъ. Открывалось обширное поле для распространенія католичества. Московія распахивала двери на востокъ. Открывался широкій путь вплоть до азіатскихъ плоскогорій. Являлась возможность проникнуть въ эти таинственныя страны, къ полудикимъ народамъ, и низвергнуть ихъ идоловъ. Смѣлый, чуть ли не призрачный планъ Поссевина былъ близокъ къ осуществленію. Кремлевскіе гости упивались этою надеждой“.

Гонцы патріарха Игнатія въ особыхъ патріаршихъ грамотахъ разнесли торжественную вѣсть о восшествіи на Московскій престолъ новаго царя по всѣмъ концамъ Руси, съ повелѣніемъ звонить въ колокола и молиться о здравіи царицы Мареы и ея сына, царя Димитрія.

Началось новое царствованіе бывшаго монаха, разстриги, дерзко присвоившаго себѣ чужое имя и попущеніемъ Божіимъ достигшаго всѣхъ владѣній и всѣхъ преимуществъ этого имени...

XXXII.

Лжедимитрій, папа и король.

Царствованіе Лжедимитрія было весьма кратковременнымъ: оно продолжалось всего одиннадцать мѣсяцевъ.

Въ существѣ дѣла самозванецъ даже не царствовалъ: онъ лишь устраивалъ, упрочивалъ свое собственное положеніе

на захваченномъ имъ престолѣ. Для царствованія у него не хватало ни происхожденія, ни воспитанія, ни образованія.

Въ самозванномъ потомкѣ Рюрика не было ни одной черты, свойственной древнимъ русскимъ царямъ. Онъ нисколько не походилъ на нихъ ни складомъ своего ума, ни характеромъ, ни привычками и вкусами, ни даже своею внѣшностью. Это былъ типъ совершенно новый, своеобразный. Въ нравственномъ отношеніи онъ не обладалъ какими-либо опредѣленными чертами. Окружавшая его среда, успѣхи и неудачи, имъ испытанные, наложили печать на его впечатлительную натуру. Лжедимитрій въ разныя эпохи своей жизни былъ совершенно инымъ человѣкомъ.

Снисходительный въ своихъ отзывахъ архіепископъ Арсеній все же замѣчаетъ, что „царь этотъ, будучи образованнымъ и мудрымъ, мудро управлялъ и царствомъ, подражая царямъ прежде него бывшимъ, и въ особенности стремился, чтобы превзойти ихъ во всякомъ царскомъ дѣяніи и успѣхѣ, полюбивъ однакоже болѣе славу человѣческую, нежели славу Божію“.

Достигнувъ высочайшаго на землѣ положенія, Лжедимитрій, какъ выскочка и наглецъ, тотчасъ же предался наслажденію сознаніемъ того, что въ его рукахъ безграничная власть и несмѣтныя богатства, и свои низменныя чувства не замедлилъ обнаружить въ стремленіи къ роскоши и блеску.

Самозванцу, разстригѣ, побывавшему въ Польшѣ, прежде всего показались тѣсными кремлевскія палаты русскихъ царей. Ему нужно было что-нибудь болѣе видное, болѣе подходящее для его новаго образа жизни, по преимуществу веселаго, по его холопскому сужденію. И онъ наскоро соорудилъ новый дворецъ, раздѣленный на двѣ половины: одна предназначалась для царя, другая—для его будущей супруги. Дворецъ былъ просторенъ, свѣтелъ, имѣлъ нѣсколько входовъ, роскошно украшенъ въ польскомъ вкусѣ самозванца и ничѣмъ не напоминалъ строгое и скромное жилище московскихъ царей. Внутреннее убранство дворца было роскошное, стѣны были обтянуты драгоцѣнной шелко-

вой матеріей, дорогою парчей и рытымъ бархатомъ, всѣ гвозди, крюки и дверныя петли чисто вызолочены, печи выложены зелеными изразцами, оконныя и дверныя занавѣси сдѣланы изъ матерій, затканныхъ золотомъ, полы покрыты роскошными коврами, всюду виднѣлась позолота, вездѣ было обиліе свѣта. У входа въ новый дворецъ, къ удивленію и соблазну подданныхъ, поставлено было большое мѣдное изваяніе миѳологическаго пса или цербера съ тремя головами, которыя при помощи особаго механизма могли открывать свои пасти и брядать зубами. Подъ этимъ дворцомъ были выведены разные потаенные ходы на случай опасности.

Ради пышности и блеска Лжедимитрій возстановилъ различныя придворныя должности и установилъ новыя: великаго конюшаго, великаго дворецкаго, оружничаго, мечника, подчашаго, кравчаго, сокольничаго, секретаря и надворнаго подскарбія или казначея, каковымъ назначенъ былъ Аѳанасій Власьевъ. Онъ завелъ для себя почетную стражу или трехсотенную иноземную гвардію, набранную преимущественно изъ нѣмцевъ. Ея обязанностью было сопровождать царя и наблюдать за его личною безопасностью. Эта стража состояла изъ трехъ сотъ рослыхъ молодцовъ, раздѣленныхъ на три роты, конную стрѣлковую и двѣ пѣшія роты алебардщиковъ. Стрѣлки составляли цвѣтъ отборнаго войска и имъ дана была роскошнѣйшая форма: плащи изъ бархата и парчи и золоченые протазаны съ древками, покрытыми краснымъ бархатомъ и увитыми серебряною проволокою. Алебардщикамъ были даны мундиры изъ фіолетоваго сукна, отличавшіеся цвѣтомъ лацкановъ: у однихъ они были зеленаго, а у другихъ краснаго бархата. И офицеры, и солдаты этой гвардіи получали большое жалованье. Самозванецъ деньгами хотѣлъ купить ихъ преданность. Кромѣ иноземной стражи, онъ постоянно держалъ въ сборѣ отъ двухъ до трехъ тысячъ стрѣльцовъ для охраны своего дворца и своей особы.

Особую привязанность самозванецъ обнаружилъ къ военнымъ занятіямъ и охотѣ. Сами по себѣ военные вопросы

имѣли первостепенную важность. Они ежечасно могли возникнуть и настоятельно потребовать немедленнаго рѣшенія. Русскимъ границамъ то и дѣло угрожали на востокѣ татары, на западѣ—нѣмцы и поляки. Интересы обороны государства требовали вниманія къ военному дѣлу, но у самозванца, кромѣ того, была и задняя мысль: онъ лелѣялъ несбыточную мечту стать во главѣ европейской коалиціи противъ турокъ. Тѣмъ не менѣе крупныя и коренныя преобразованія были не по плечу Лжедимитрію, и онъ ограничился и въ военномъ дѣлѣ тѣмъ, что самъ могъ сдѣлать и что самому ему доставляло удовольствіе. Обученіе солдатъ составляло одну изъ главныхъ заботъ его. Онъ учащалъ военныя упражненія и спѣшилъ съ изготовленіемъ оружія и боевыхъ снарядовъ. По близости отъ дворца находился литейный заводъ, который онъ часто посѣщалъ. Ему приписываютъ даже изобрѣтеніе, а можетъ быть усовершенствованіе военнаго снаряда, съ которымъ соединено множество легендъ. Это была подвижная крѣпость на колесахъ, которая предназначалась для дѣйствія противъ татаръ. Она была снаружи раскрашена изображеніями слоновъ и разныхъ чудовищъ, способныхъ испугать татарскихъ всадниковъ и коней. На окнахъ изображенъ былъ входъ въ адъ, извергавшій пламя, а подъ ними виднѣлись чертовы головы съ отверзтыми пастями, въ которыя вставлялись небольшія пушки или пищали. Москвичи съ ужасомъ смотрѣли на это страшное сооруженіе и дали ему зловѣщее названіе „ада". Зимой самозванецъ помѣстилъ этотъ „адъ" на льду Москвы-рѣки и посылалъ поляковъ однихъ защищать, а другихъ осаждать эту крѣпость. Однажды онъ соорудилъ укрѣпленіе изо льда и снѣга и велѣлъ русскимъ оборонять его, а полякамъ и нѣмцамъ брать приступомъ. Снѣжные комки служили вмѣсто оружія. При этомъ самозванецъ не утерпѣлъ, самъ сталъ во главѣ иноземцевъ и взялъ укрѣпленіе съ бою, а послѣ похвалялся, что онъ также завоюетъ у турокъ Азовъ. Русскіе оскорбились и даже обвиняли иноземцевъ въ томъ, что они вмѣсто снѣга зажали въ кулаки куски желѣза.

Вообще хвастливый самозванецъ слишкомъ усердно любилъ выказывать передо всѣми свою ловкость и молодечество. Благодарную почву для этого ему давала охота. Онъ любилъ скакать на бѣшеныхъ коняхъ. На охотѣ самъ гонялъ съ собаками за волкомъ или лисицею. Однажды на медвѣжьей травлѣ хотѣлъ самолично выдти на медвѣдя съ рогатиной и только по усиленнымъ просьбамъ вельможъ едва согласился оставить свое желаніе. Въ другой разъ, въ присутствіи воеводы Мнишка, онъ приказалъ спустить въ поле медвѣдя, погнался за нимъ верхомъ и съ такою силою бросилъ въ него рогатину, что звѣрь палъ мертвымъ. Охота была любимой забавой самозванца, и онъ выказывалъ въ ней большую храбрость и ловкость. Но подобные подвиги производили странное впечатлѣніе на народъ: русскіе, привыкшіе къ торжественности и величію, которыми окружали себя ихъ государи, считали такіе подвиги униженіемъ царскаго достоинства.

А самозванецъ, къ тому же, не зналъ мѣры въ удовольствіяхъ: точно онъ хотѣлъ вознаградить себя за лишенія, испытанныя имъ до тѣхъ поръ. Вмѣстѣ съ чрезвычайной расточительностью онъ обнаружилъ ненасытную жажду роскоши и удовольствій. Онъ сыпалъ вокругъ себя наградами и подарками, а также постоянно накупалъ разныхъ драгоцѣнныхъ сосудовъ, украшеній, шелковыхъ тканей и другихъ товаровъ у нѣмецкихъ, польскихъ и еврейскихъ торговцевъ, въ большомъ числѣ пріѣхавшихъ по его приглашенію въ Москву. Самъ любя одѣваться роскошно и часто мѣнять свои наряды, онъ требовалъ подобной роскоши отъ бояръ, дворянъ и даже простыхъ людей. Русскій современникъ съ ироніей замѣчаетъ: „невѣсть съ какой радости всѣ ходили по улицамъ, веселые какъ женихи, въ золотѣ, серебрѣ и чужестранной багряницѣ; а передъ его лицомъ служащіе ему украшались многоцѣннымъ каменіемъ и дорогимъ бисеромъ, и никого онъ не хотѣлъ видѣть смиренно ходящимъ“.

Однако, не всѣ развлеченія самозванца были столь невинны, какъ охота. Жизнь въ Кремлѣ текла при самозванцѣ широко и весело. Во дворцѣ почти постоянно играли польскіе

музыканты, или пиры, попойки и оживленные танцы. Но въ чемъ особенно сказалась крайняя распущенность проходимца, такъ это въ необузданномъ любострастіи. До тѣхъ поръ въ Краковѣ, Самборѣ и во время похода никто не подмѣчалъ въ немъ слабости къ прекрасному полу, по крайней мѣрѣ, никто не говоритъ о ней. Но когда верховная власть попала къ нему въ руки и когда онъ истолковалъ ее для себя какъ возможность удовлетворять всѣ свои прихоти, и деньги дали къ тому средства, въ немъ произошла страшная перемѣна въ этомъ отношеніи. Царская власть отуманила его, и лѣтопись Кремля запятналась скандальною хроникой. Современники изображали его циническимъ сатрапомъ. Не довольствуясь злосчастною Ксеніей Борисовной, онъ постоянно требовалъ все новыхъ и новыхъ жертвъ своего разврата. Михаилъ Молчановъ, извѣстный негодяй и убійца Годуновыхъ, служилъ усердно ему на этомъ поприщѣ: съ помощію своихъ агентовъ онъ разыскивалъ красивыхъ дѣвушекъ, которыхъ покупалъ деньгами или бралъ силою, и тайными ходами приводилъ къ своему гнусному повелителю. Самые монастыри не были пощажены, и многія молодыя монахини попали въ число его жертвъ. Послѣ его смерти оказалось до 30 женщинъ, которыя по его винѣ готовились сдѣлаться матерями.

Среди гнусныхъ потѣхъ и разврата когда же было думать о государствѣ? Тѣмъ не менѣе желаніе популярности, а главное предварительныя обѣщанія заставили самозванца сдѣлать кое-что въ дѣлахъ гражданскихъ и политическихъ. Прежде всего онъ преобразовалъ боярскую думу по образцу польскаго сената и сдѣлалъ постояннымъ присутствіе въ ней духовенства. Не проходило дня, въ который бы Лжедимитрій не присутствовалъ въ думѣ, гдѣ любилъ блеснуть остроуміемъ, прекращая долгія пренія бояръ и быстро, хотя бы и неосновательно, рѣшая запутанныя дѣла. Иногда, слушая долгіе споры думныхъ людей о дѣлахъ, онъ смѣялся и говорилъ:

— Столько часовъ вы разсуждаете и все безъ толку! Такъ я вамъ скажу: дѣло вотъ въ чемъ!

и въ минуту, ко всеобщему удивленію, рѣшалъ, хотя и легкомысленно, такія дѣла, надъ которыми бояре долго думали. При этомъ онъ не упускалъ случая упрекнуть ихъ въ невѣжествѣ, говоря, что они ничего не видали, ничему не учились, или указать на чужія земли, которыя имъ слѣдуетъ посѣщать, чтобы научиться тамъ уму-разуму, обѣщая позволить имъ ѣздить туда.

Надо замѣтить, что обхожденіе самозванца съ русскими людьми, какъ уже было видно раньше, было весьма неровное: „то онъ дружился съ ними, то ругалъ ихъ и даже билъ палкою“. „Не было ни дьяка, ни чиновника,—говоритъ Масса, — который не испыталъ бы на себѣ его немилости. Уча ихъ приличнымъ манерамъ и развязности, что имъ не очень нравилось, онъ сломалъ объ ихъ ляшки нѣсколько палокъ“.

Ища народной любви, онъ велѣлъ объявить, что самъ будетъ два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ, принимать челобитныя на дворцовомъ крыльцѣ, и запретилъ въ приказахъ брать взятки. Служилымъ людямъ онъ удвоилъ жалованье и не упускалъ случая обмануть православныхъ своею притворною преданностью православной церкви. Такъ, имъ послано было соболей на 300 рублей во Львовъ тамошнему братству для сооруженія тамъ православной церкви, при чемъ въ царской грамотѣ къ тамошнему духовенству говорилось: „Видя васъ несомнѣнными и непоколебимыми въ нашей истинной правой христіанской вѣрѣ греческаго закона, послали мы къ вамъ отъ нашей царской казны“. Печатаніе богослужебныхъ книгъ въ Москвѣ безпрепятственно продолжалось. Иванъ Андрониковъ Невѣжинъ напечаталъ Апостолъ, въ послѣсловіи къ которому сказано: „Повелѣніемъ благочестія поборника и божественныхъ велѣній изрядна ревнителя, благовѣрнаго и христолюбиваго, исконнаго государя всея великія Россіи, крестоноснаго царя и великаго князя Димитрія Ивановича“.

Изъ тѣхъ же побужденій популярности изданы были два распоряженія, касавшіяся крестьянъ и холопей, въ видахъ нѣкотораго ограниченія крѣпостного права.

Въ одномъ распоряженіи устанавливалось: „если дѣти бояр-

скіе, приказные люди, гости и торговые всякіе люди станутъ брать на людей кабалы, а въ кабалахъ напишутъ, что занялъ у него, да у сына его деньги, и кабалу имъ на себя дастъ, то этихъ кабалъ, отцу съ сыномъ, писать и въ книги записывать не велѣть, а велѣть писать кабалы порозпь, отцу особая кабала и сыну особая, сыну же съ отцомъ, брату съ братомъ, дядѣ съ племянникомъ кабалъ писать и въ книги записывать не велѣть. Если же отецъ съ сыномъ или братъ съ братомъ станутъ по служилымъ кабаламъ на комъ-нибудь холопства искать, то этимъ истцамъ отказывать, а тѣхъ людей, на кого они кабалы положатъ, освободить на волю". По этому распоряженію сынъ или наслѣдникъ не могъ наслѣдовать холопей умершаго отца или родственника.

Другое распоряженіе касалось бѣглыхъ крестьянъ: „Если землевладѣлецъ будетъ бить челомъ на крестьянъ, сбѣжавшихъ съ его земли за годъ до бывшаго голода, то бѣглецовъ сыскивать и отдавать старымъ помѣщикамъ. Если крестьяне бѣжали къ другимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ въ голодные годы, но съ имѣніемъ, которымъ прокормиться имъ было можно, то ихъ также сыскивать и отдавать старымъ помѣщикамъ и вотчинникамъ. Если крестьяне бѣжали далеко, изъ подмосковныхъ городовъ на украйны или обратно, и пошли отъ старыхъ помѣщиковъ съ имѣніемъ, но растеряли его дорогою и пришли къ другимъ помѣщикамъ въ бѣдности, про такихъ велѣно было спросить окольныхъ людей стараго помѣстья, и если они скажутъ, что крестьянинъ былъ прежде не бѣденъ и сбѣжалъ съ имѣніемъ, достаточнымъ для прокормленія, то бѣглеца отдать прежнему помѣщику; если же окольные люди скажутъ, что крестьянинъ бѣжалъ въ голодные годы отъ бѣдности, нечѣмъ было ему прокормиться, такому крестьянину жить за тѣмъ, кто кормилъ его въ голодные года, а истцу отказать: не умѣлъ онъ крестьянина своего кормить въ тѣ голодные года, и теперь его не ищи. Если крестьяне въ голодные года пришли въ холопи къ своимъ или чужимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ и дали на себя служилыя кабалы, а потомъ старые помѣщики или вотчинники станутъ ихъ опять вы

тягивать къ себѣ въ крестьяне, въ такомъ случаѣ сыскивать накрѣпко: если шелъ отъ бѣдности, имѣнья у него не было ничего, то истцамъ отказывать: въ голодныя лѣта помѣщикъ или вотчинникъ прокормить его не умѣлъ, а самъ онъ прокормиться не могъ, и отъ бѣдности, не хотя голодною смертію умереть, билъ челомъ въ холопи, и тотъ, кто его принялъ, въ голодные года кормилъ и себя истощалъ, проча его себѣ: и теперь такого крестьянина изъ холопства въ крестьяне не отдавать, и быть ему у того, кто его въ голодныя лѣта прокормилъ, потому что не отъ самой большой нужды онъ въ холопи не пошелъ бы. Если кабальный человѣкъ станетъ оттягиваться, будетъ говорить, что помѣщикъ взялъ его во дворъ съ пашни насильно, а ему прокормиться было нечѣмъ, въ такомъ случаѣ сыскивать по крѣпостямъ: если крѣпости будутъ записаны въ книгѣ въ Москвѣ или другихъ городахъ, то холопъ укрѣпляется за господиномъ, потому что если бы кабала была взята насильно, то крестьянинъ долженъ бить челомъ у записки; если же кабалы въ книги не записаны, то имъ и вѣрить нечего. Если же крестьяне бѣжали за годъ до голода или годъ спустя послѣ него, то ихъ сыскивать прежнимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, въ случаѣ же спора давать судъ; равно, если крестьяне пошли въ холопи до голода, то обращаются снова въ крестьянство“. Приговоръ оканчивается повтореніемъ стараго постановленія, что на бѣглыхъ крестьянъ далѣе пяти лѣтъ суда не давать. Такимъ образомъ помѣщикъ могъ владѣть крестьянами подъ непремѣннымъ условіемъ заботиться объ ихъ существованіи. Если же въ случаѣ голода онъ былъ не въ состояніи прокормить своихъ крестьянъ, то тѣмъ самымъ онъ лишался права на владѣніе ими.

Способъ взиманія податей, производившійся зачастую несправедливо и совершенно произвольно, также былъ измѣненъ въ пользу плательщиковъ въ томъ отношеніи, что отъ сбора податей были устранены корыстолюбивые посредники. Царскія милости этого рода достигли и отдаленныхъ остяковъ: притѣсненные верхотурскими сборщиками ясака остяки просили царя, чтобъ велѣлъ сбирать съ нихъ ясакъ

попрежнему изъ Перми Великой; Лжедимитрій сдѣлалъ болѣе: онъ освободилъ ихъ совершенно отъ сборщиковъ, приказавъ имъ самимъ отвозить ясакъ въ Верхотурье.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Лжедимитрій всячески содѣйствовалъ развитію торговыхъ сношеній въ русскомъ государствѣ. Впрочемъ, выгода отъ свободной торговли, повидимому, въ значительной долѣ доставалась любезнымъ сердцу самозванца иноземцамъ. На торговлю онъ смотрѣлъ, какъ на вѣрное средство войти въ сношенія съ остальнымъ міромъ, заставить его узнать Русь и искать сближенія съ нею. Поэтому онъ открывалъ новые рынки, привлекалъ купцовъ, поощрялъ въ широкихъ размѣрахъ обмѣнъ товаровъ, хотя бы въ ущербъ государственнымъ доходамъ. Такимъ образомъ онъ даровалъ полякамъ и литовцамъ право пріѣзжать въ Москву съ товарами, освободивъ ихъ отъ таможенныхъ осмотровъ. Еще большія преимущества предоставлены были англичанамъ, которымъ было дозволено торговать безпошлинно. Вообще, со вступленія на престолъ Лжедимитрія, въ особенности во время коронованія Марины, торговля въ Россіи замѣтно оживилась. Лжедимитрій пользовался такою славою, его считали человѣкомъ столь расточительнымъ и такимъ любителемъ драгоцѣнныхъ камней, что даже сестра короля Сигизмунда, принцесса Анна, которую называли шведскою королевной, не устояла передъ желаніемъ совершить выгодную продажу и послала въ Кремль цѣлую коллекцію драгоцѣнныхъ камней, которые одному польскому дворянину поручено было продать царю.

Главнѣйшимъ занятіемъ всего царствованія Лжедимитрія было лукавое заигрываніе его съ своими благодѣтелями и темная игра его съ русскими людьми.

Захвативъ престолъ не по праву и не по достоинству, лишь при помощи Рима и Польши, самозванецъ рано ли, поздно ли долженъ былъ вспомнить и о расплатѣ съ ними, тѣмъ болѣе, что онъ наобѣщалъ всѣмъ направо и налѣво слишкомъ много. Но когда пришло время расплаты, онъ съ наглостью и самоувѣренностью выскочки позабылъ свои обѣщанія, данныя имъ въ тяжкія времена, и уклонялся отъ ихъ

выполненія. Надо, впрочемъ, оговорить, что обѣщанія его въ дѣйствительности были совершенно невыполнимы. Развѣ можно ввести унію въ Московскомъ государствѣ или отдѣлить отъ него нѣсколько областей ради удовлетворенія римскаго папы и польскаго короля? Не удивительно, что самозванецъ сознаàлъ неисполнимость всего этого и значительно измѣнилъ тонъ съ своими благодѣтелями. Тѣмъ не менѣе ему пришлось еще хитрить, лицемѣрить и выигрывать время.

Новый папа, Камиллъ Боргезе, принявшій имя Павла V, тотчасъ же послѣ своего избранія поспѣшилъ заняться вопросомъ, возбужденнымъ появленіемъ самозванца, его отреченіемъ отъ православія и переходомъ въ католичество и обѣщаніями, данными имъ при этомъ переходѣ и касавшимися совращенія всего Московскаго государства въ латинство. Нунцію Рангони неоднократно посланы были требованія навести самыя точныя справки о личности Лжедимитрія, о томъ, какъ смотритъ на него польское общество и какого мнѣнія о немъ король польскій. „Успѣхи Димитрія, — писали нунцію изъ Рима,—походятъ на какое-то чудо, святой отецъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ извѣстій, его озабочиваетъ будущее. Если страна признаетъ новаго монарха, то что надобно будетъ сдѣлать, чтобы утвердить Димитрія въ католической вѣрѣ и упрочить его преданность папскому престолу?“ Рангони все-таки медлилъ, и тогда папа Павелъ V самъ написалъ 12-го іюля 1605 года грамоту Лжедимитрію. Онъ счелъ нужнымъ напомнить о себѣ и заручиться расположеніемъ новообращеннаго католика. Въ исходѣ того же мѣсяца получена была обширная депеша Рангони, написанная имъ 2-го іюля. За эту депешу нунцію высказана была 23-го іюля лестная благодарность. Его сообщеніе имѣло рѣшающее вліяніе на дальнѣйшій ходъ папскихъ отношеній къ самозванцу. Сообщеніе Рангони произвело на папу такое впечатлѣніе, что молодой самозванецъ осуществлялъ собою тотъ идеалъ московскаго царя, о которомъ мечтали въ Римѣ. Онъ представлялся Павлу V ревностнымъ католикомъ, поборникомъ идеи объединенія церквей, всецѣло преданнымъ папскому престолу, врагомъ ислама, другомъ Польши и Ис-

гизмунда. Какъ много соблазнительнаго все это сулило въ будущемъ! Павелъ V увлекался мыслію о соединеніи церквей, о совращеніи славянъ въ католичество и о подчиненіи ихъ папскому престолу. Въ Ватиканѣ выработанъ былъ цѣлый планъ дѣйствій, для осуществленія котораго необходимо было вступить въ переписку съ московскимъ правительствомъ и обмѣняться посольствами.

Къ дѣлу было приступлено немедленно, и всѣ сыны католической церкви призывались содѣйствовать успѣшному выполненію этого плана.

4-го августа папа разослалъ грамоты къ королю польскому, кардиналу Мацѣевскому и воеводѣ Мнишку. Павелъ V считалъ необходимымъ всячески поддержать Лжедимитрія и воспользоваться этимъ орудіемъ, ниспосланнымъ судьбою, чтобы утвердить въ Россіи католичество. Онъ одобрялъ все сдѣланное до сихъ поръ, совѣтовалъ удвоить стараніе, просилъ короля оказать Лжедимитрію дѣятельную поддержку, писалъ нунцію, чтобы онъ возбудилъ въ немъ еще бóльшую ревность къ вѣрѣ, а Мнишку, чтобы онъ руководилъ Лжедимитріемъ и поддержалъ его. Папа выражалъ надежду, что въ такомъ случаѣ въ Москвѣ вскорѣ провозглашено будетъ соединеніе церквей и думалъ по собственной инициативѣ послать въ Кремль своего представителя. 5-го августа, на всякій случай, была написана вѣрительная грамота на имя графа Александра Рангони, племянника нунція. Нунцій одобрилъ мысль о посольствѣ въ Москву и выборъ посла, но къ отправленію его встрѣтилась задержка, и сношенія нунція съ Москвою установились инымъ путемъ. Нунцій отправилъ въ Москву своего капеллана, аббата Пратисоли, съ письмомъ и подарками, имѣвшими священное и символическое значеніе: распятіе посылалось Лжедимитрію потому, что походъ его былъ предпринятъ во славу Христа; четки, даваемыя папою въ знакъ отпущенія грѣховъ и называемыя итальянскимъ вѣнцомъ, принадлежали ему какъ побѣдителю; латинская библія должна была просвѣтить его кругозоръ; кромѣ того, вмѣсто утерянныхъ самозванцемъ нунцій вторично дарилъ ему икону и кольцо Реджійской

Богоматери. Въ письмѣ нунцій напоминалъ о соединеніи церквей. Лжедимитрій обѣщалъ устроить это соединеніе, онъ поклялся въ томъ передъ Богомъ, и отъ исполненія обѣщанія будетъ зависѣть его благополучное царствованіе. Впрочемъ, Рангони совѣтовалъ не спѣшить и дѣйствовать осторожно и по зрѣломъ размышленіи.

Пратисоли былъ радушно принятъ самозванцемъ, и для него было сдѣлано исключительное вниманіе. Лжедимитрій разрѣшилъ ему остановиться у іезуитовъ, дозволилъ ему выходить изъ дома, когда онъ пожелаетъ, посѣщать знакомыхъ и принимать ихъ у себя, тогда какъ въ то время послы обязывались безвыходно сидѣть у себя въ домѣ и ни съ кѣмъ не сообщаться. Крайне довольный любезнымъ пріемомъ, Пратисоли 22 декабря выѣхалъ изъ Москвы, нагруженный роскошнѣйшими подарками. Но еще 15-го ноября Лжедимитрій отправилъ къ нунцію своего довѣреннаго человѣка, Бучинскаго, съ просьбою помочь ему въ его затрудненіяхъ. Во-первыхъ, онъ предвидѣлъ затрудненія, какія могли возникнуть для польки, которой суждено было возсѣсть на православномъ престолѣ, и потому просилъ чтобы папа разрѣшилъ ей причаститься въ день коронованія изъ рукъ патріарха Игнатія, посѣщать провославныя церкви и поститься по средамъ, а до ея душевныхъ убѣжденій, думалъ самозванецъ, никому нѣтъ дѣла. Во - вторыхъ, Лжедимитрій жаловался на поляковъ, которые въ офиціальныхъ переговорахъ не давали ему царскаго титула и тѣмъ оскорбляли его. Онъ называлъ себя Божіею милостію царемъ и императоромъ и энергично протестовалъ противъ Сигизмунда, называвшаго его великимъ княземъ. Онъ признавалъ надъ собою только одного Бога, на себя смотрѣлъ какъ на законодателя въ государствѣ, и ссылался на право монарховъ принимать какой угодно титулъ. Римская исторія свидѣтельствуетъ, говорилъ онъ, что правители имѣютъ право выбора. Его высокій санъ оправдываетъ его притязанія. Московское царство такъ же обширно, какъ царство ассирійское, мидійское, персидское, такъ же могущественно, какъ римская имперія. Можно ли отказать главѣ этого царства въ титулѣ,

которымъ пользуется татарскій ханъ или который римскіе легіоны давали своему предводителю послѣ побѣды, одержанной надъ врагами? Московскіе государи имѣли право пользоваться царскимъ титуломъ, право это утверждено хартіями, признанными императорами и папами. Они не пользовались этими титулами только по простотѣ своихъ нравовъ, но это не лишаетъ права на нихъ. Укоривъ польскихъ королей въ томъ, что они выпрашивали у людей корону, полученную ими отъ Бога, Лжедимитрій горделиво оканчиваетъ свое письмо: „такъ какъ мы получили благодать царской власти отъ Бога, то не будетъ слишкомъ смѣлымъ присвоить себѣ то, что принадлежитъ намъ по праву".

Рангони не входилъ въ обсужденіе притязаній самозванца на императорскій титулъ: императоръ почитался покровителемъ церкви и получалъ корону изъ рукъ папы. Рангони рѣшился просить Сигизмунда лишь о царскомъ или королевскомъ титулѣ, но Сигизмундъ упорствовалъ и ссылался на рѣшеніе сейма, отказываясь нарушить его права. Ничего опредѣленнаго не сообщалъ нунцій и по поводу ходатайствъ передъ папою о разрѣшеніяхъ для Марины сдѣлать уступки въ пользу православныхъ обрядовъ.

Тѣмъ не менѣе, прежде чѣмъ получилось въ Москвѣ отвѣтное письмо нунція отъ 3-го февраля 1606 года, Лжедимитрій вступилъ въ непосредственныя сношенія съ папою Павломъ V. Въ первыхъ числахъ января 1606 года онъ отправилъ въ Римъ ксендза Андрея Лавицкаго, поручивъ ему похлопотать передъ папою о трехъ предметахъ: во-первыхъ, устроить при посредствѣ папы союзъ московскаго царя съ римскимъ императоромъ и польскимъ королемъ для общей войны противъ турокъ; во-вторыхъ, поддержать царя передъ польскимъ королемъ по вопросу о присвоеніи Лжедимитріемъ императорскаго титула, и въ-третьихъ, наградить нунція Рангони кардинальскимъ достоинствомъ. Вопросъ о соединеніи церквей самозванецъ не затронулъ ни однимъ словомъ.

Неожиданное появленіе Лавицкаго въ Краковѣ и Римѣ вызывало живѣйшее любопытство. Его разсказы о приключе-

ніяхъ и успѣхахъ самозванца возбуждали неподдѣльные изумленіе и восторгъ. Его внѣшній видъ казался страннымъ и удивительнымъ: онъ и за границу перешелъ въ томъ видѣ, какъ былъ въ Москвѣ, подражая православнымъ священникамъ: въ длинной рясѣ съ широкими рукавами, съ бородою и длинными волосами, съ православнымъ наперснымъ крестомъ.

. Съ особою радостью встрѣтилъ его папа, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшій его. Папа лелѣялъ завѣтныя свои мечты о Россіи и приходилъ въ восторгъ отъ Лжедимитрія. Онъ видѣлъ въ его необычайной судьбѣ перстъ Божій и вѣрилъ въ преданность его папскому престолу, а въ случаѣ надобности полагался на ревность польки, которая могла удержать его „на пути истины". Въ январѣ 1606 года папа только что получилъ отъ Марины письмо, преисполненное глубоко религіознымъ чувствомъ. „Когда святые ангелы приведутъ ее въ Москву,—писала она,—то она не будетъ думать ни о чемъ иномъ, какъ о единеніи церквей; она будетъ только ожидать повелѣній отъ папы, она сдержитъ свое слово". Въ томъ же духѣ писали воевода Мнишекъ и кардиналъ Мацѣевскій. Папа приходилъ въ восторгъ отъ положенія дѣла и находилъ своевременнымъ отправить въ Россію католическихъ епископовъ. Лавицкій своими разсказами лишь поддерживалъ приподнятое настроеніе папы. На счетъ могущества царя въ дѣлѣ вѣры и покорности русскихъ онъ не питалъ и тѣни сомнѣнія. Онъ былъ свидѣтелемъ услужливости духовенства при избраніи патріарха и на этомъ основаніи составилъ свое убѣжденіе. Дальнѣйшія дѣйствія намѣчались сами собою: необходимо было окружить самозванца ревностными католиками, удалить отъ него подозрительныхъ лицъ и ожидать исполненія обѣщаній, данныхъ въ Краковѣ.

Откровенная, бойкая и убѣжденная рѣчь Лавицкаго произвела на папу сильное впечатлѣніе: видѣніе католической Россіи въ будущемъ исторгало у него изъ глазъ слезы. Въ своихъ письмахъ къ Мнишкамъ онъ намѣтилъ путь къ исполненію своей мечты. Ссылаясь на обѣщанія самого само-

званца, выраженныя имъ въ письмѣ къ папѣ Клименту, папа обращался къ чувствамъ Лжедимитрія. Онъ хотѣлъ, чтобы Лжедимитрій обладалъ честолюбіемъ Константина Великаго. Твердо убѣжденный во всемогуществѣ царя, папа совѣтовалъ ему подчинить русскій народъ папскому престолу и возстановить единство церквей. Папа особенно предостерегалъ самозванца отъ протестантовъ, каковыми были, между прочимъ, ближайшія къ нему лица, Бучинскіе, совѣтовалъ не приближать къ престолу еретиковъ, а окружать себя исключительно людьми благочестивыми и осторожными. Онъ настоятельно рекомендовалъ для этого іезуитовъ и превозносилъ дѣловитость Лавицкаго. Такимъ образомъ цѣлью папы было устранить схизматиковъ, провести въ Москву іезуитовъ и добиться подчиненія себѣ всей Россіи.

Что касается до ходатайствъ самого Лжедимитрія, то, очевидно, не они были предметомъ первой заботы папы, и въ этомъ отношеніи посольство Лавицкаго особыхъ послѣдствій не имѣло. Папскіе отвѣты Лжедимитрію были написаны въ томъ же ласковомъ отеческомъ тонѣ, но содержали въ себѣ уклончивыя фразы относительно цесарскаго титула и заключенія союза съ римскимъ императоромъ: онъ совѣтовалъ царю, не дожидаясь союзниковъ, первому напасть на турокъ и побѣдить ихъ. Просьба же о кардинальскомъ достоинствѣ для нунція Рангони пройдена была полнымъ молчаніемъ: самозванецъ допустилъ неловкость, присвоилъ себѣ право, принадлежавшее Сигизмунду.

Въ Москвѣ въ это же время находился папскій посолъ графъ Александръ Рангони. Онъ давно уже получилъ вѣрительную грамоту, но отъѣзду его мѣшали несочувствіе и протесты короля, Мнишка и кардинала Боргезе. Лишь въ февралѣ 1606 года Рангони появился въ Кремлѣ. Онъ былъ не только глубоко изумленъ, онъ былъ пораженъ при видѣ бывшаго бѣглаго монаха, превратившагося въ царя, который сіялъ алмазами и былъ окруженъ боярами и епископами!.. Торжественная аудіенція, данная ему, обошлась безъ пира и не прошла безъ замѣшательства. Когда графъ заявилъ, что онъ привезъ письмо отъ папы, то самозванецъ

поспѣшно протянулъ ему руку, чтобы взять письмо, но одинъ изъ присутствовавшихъ предупредилъ самозванца и, согласно обычаю, взялъ письмо изъ рукъ графа Рангони, какъ это дѣлалось со всѣми царскими грамотами, вручавшимися подданнымъ.

Эта аудіенція доставила не мало безпокойства Лжедимитрію. Ему показалось, что на лицѣ его друга отражалась грусть. Онъ опасался, что обстановка, при которой происходила аудіенція, произвела на него удручающее впечатлѣніе. Онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы объяснить графу, что сдержанность его вызывалась присутствіемъ русскихъ, что на самомъ дѣлѣ онъ преисполненъ преданнѣйшихъ чувствъ къ папѣ, нунцію и послу. Графу Рангони самозванецъ высказалъ сокровенныя свои желанія и просилъ его оказать услугу. Самозванецъ, по собственнымъ его словамъ, тяготился своимъ одиночествомъ въ Москвѣ, задыхался въ кремлевскихъ стѣнахъ, его влекла къ себѣ Европа. За что́ бы онъ ни взялся, всюду чувствовался недостатокъ въ людяхъ, способныхъ помочь ему въ выполненіи плановъ. Ему пришло на мысль, что изъ Рима могли бы прислать ему способныхъ сотрудниковъ, и графъ помогъ бы ему своимъ посредничествомъ. Особенно самозванецъ выставилъ себя озабоченнымъ военнымъ дѣломъ и дипломатіей, но у него не было подходящихъ людей. Онъ просилъ папу прислать ему людей образованныхъ, преданныхъ дѣлу, опытныхъ, безупречнаго поведенія. Этимъ иностранцамъ онъ обѣщалъ предоставить высшія должности въ государствѣ. Одни изъ нихъ заняли бы мѣста секретарей и совѣтниковъ царя, который поручилъ бы имъ веденіе самыхъ секретныхъ и важныхъ дѣлъ. Другимъ поручены были бы дѣла военныя, постройка крѣпостей, сооруженіе орудій, приготовленіе снарядовъ. Но, чтобы русскіе не могли подвергнуть царя нареканію въ приверженности къ латинству, всѣ эти лица должны быть свѣтскаго званія и, будучи присланы папой, дѣлать видъ, что пріѣхали по своему собственному желанію. Съ своей стороны Лжедимитрій обѣщалъ отправить въ Римъ торжественное посольство, какъ будто въ отвѣтъ на посольство

графа Рангони. При содѣйствіи папы это посольство могло бы установить дипломатическія сношенія Москвы съ иностранными державами: священной Римской имперіей, Франціей и даже Испаніей.

Отправляя обратно графа Рангони, Лжедимитрій вручилъ ему письмо къ папѣ Павлу V, гдѣ выразилъ ему признательность и сыновнюю преданность. Графу онъ далъ порученіе сообщить королю польскому, что Лжедимитрій будетъ оказывать Сигизмунду почтеніе, какъ отцу, и предоставитъ папѣ рѣшить возникшія между ними недоразумѣнія.

Рангони увезъ изъ Москвы самыя пріятныя воспоминанія. Остановившись на короткое время въ Краковѣ, онъ въ концѣ іюня былъ у ногъ папы и подробно доложилъ ему обо всемъ. Онъ особенно настаивалъ на томъ, чтобы послать въ Москву людей, которыхъ просилъ Лжедимитрій. По его словамъ, для католической пропаганды широко открывались двери: было весьма важно не впустить въ нихъ еретиковъ. Опасность въ этомъ отношеніи была не маленькая: Бучинскій мечталъ о посольствѣ въ Лондонъ, откуда хотѣлъ пригласить инженеровъ. Его поддерживали въ этомъ намѣреніи молодые англичане, которые успѣли хорошо устроиться въ Москвѣ и хотѣли доставить заработокъ и своимъ соотечественникамъ и роднымъ.

Выслушавъ сообщенія Рангони, папа считалъ себя знатокомъ текущихъ дѣлъ въ Москвѣ и занялся выработкой ближайшихъ плановъ. Ему помогъ прибывшій въ это время въ Римъ старый знакомецъ Москвы, знаменитый іезуитъ Поссевинъ. Онъ возлагалъ надежды на два могущественные дѣятеля: образованіе и свободу. Основать школы, въ которыхъ католики и православные учились бы вмѣстѣ, возбудить въ нихъ соревнованіе, посылать молодыхъ людей для обученія за границу, заботиться о распространеніи въ странѣ книгъ, добиться позволенія произносить проповѣди, совершать богослуженіе, пріобщать, словомъ, —дѣйствовать открыто на глазахъ у всѣхъ, такова, по мнѣнію Поссевина, была ближайшая цѣль, къ которой надо было стремиться. За успѣхъ ручались преданность Лжедимитрія и вліяніе Марины.

Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ отношенія самозванца съ Римомъ грозили Россіи въ самомъ ближайшемъ будущемъ неисчислимыми, непоправимыми и страшными бѣдствіями. Въ этихъ сношеніяхъ Лжедимитрій ни разу не говорилъ о соединеніи церквей и подчиненіи Россіи папѣ, ни папа не настаивалъ на немедленномъ провозглашеніи этого торжественнаго акта. Но всѣ выработанныя ими мѣры, это наводненіе Россіи иностранцами, каковые всѣ оказались бы іезуитами, сами собою привели бы Россію къ совершенному обезличенію, къ потерѣ самостоятельности и православія.

Въ этихъ сношеніяхъ самозванца съ папою заслуживаетъ еще вниманія единственное и исключительное явленіе въ исторіи, это троекратный судъ инквизаціи по дѣламъ московскаго лжецаря. Инквизиція состояла подъ предсѣдательствомъ папы изъ кардиналовъ и богослововъ и вѣдала чистоту католической вѣры. Поэтому первая же просьба Лжедимитрія о разрѣшеніи ему при коронованіи принять причастіе изъ рукъ патріарха Игнатія попала въ инквизицію и вызвала ея рѣшеніе. Смѣлая просьба Лжедимитрія повергла въ недоумѣніе инквизиторовъ. Ими написано было нѣсколько записокъ по этому поводу, но до насъ дошла одна изъ нихъ, главнѣйшая, принадлежавшая кардиналу Камиллу Боргезе, будущему папѣ Павлу V. Кардиналъ склоненъ былъ сдѣлать снисхожденіе ради общаго блага. Но инквизиція медлила отвѣтомъ, который не былъ полученъ и тогда, когда Лжедимитрій уже былъ коронованъ.

Въ другой разъ инквизиція разсматривала вопросы, предложенные духовникомъ Лжедимитрія, Гаспаромъ Савицкимъ. Нунцій Рангони увидѣлъ опасность въ томъ обстоятельствѣ, что самозванецъ оставался въ Москвѣ безъ своего католическаго духовника, и потому рѣшилъ послать его въ Москву на счетъ папы. Но поѣздка эта вызывала огромныя затрудненія.

Положеніе самозванца было чрезвычайно двусмысленное и ложное и вызывало чрезвычайную осторожность. Онъ дорожилъ тайною своего отреченія отъ православія. Этотъ католикъ долженъ былъ царствовать надъ православными,

жить среди нихъ, не вызывая жалобъ, не возбуждая подозрѣній, иначе всѣ расчеты и надежды рухнули бы безвозвратно. Какъ же дѣйствовать при данныхъ обстоятельствахъ? Какія сдѣлать уступки православнымъ? Савицкій чувствовалъ, что единолично не справится съ этими недоразумѣніями, и просилъ папу разрѣшить слѣдующія его сомнѣнія:

1. Возможно ли допустить, чтобы въ то время, когда будутъ идти переговоры объ единеніи съ католическою церковію, Лжедимитрій причащался изъ рукъ православныхъ священниковъ, коль скоро святость предлагаемыхъ ими даровъ неоспорима?

2. Можетъ ли онъ, подчиняясь народнымъ обычаямъ, присутствовать при богослуженіи и другихъ православныхъ обрядахъ?

3. Будетъ ли ему разрѣшено основывать временно православные монастыри и храмы и дѣлать въ нихъ вклады?

4. Въ случаѣ надобности имѣетъ ли онъ право дать клятву и такимъ именно образомъ, что онъ соблюдаетъ вѣру своихъ предковъ и что онъ намѣренъ сохранить ее среди своихъ подданныхъ?

5. Можетъ ли онъ клятвенно утвердить привилегіи, клонящіяся ко вреду католической вѣры, и какъ ему слѣдуетъ дѣйствовать въ подобномъ случаѣ?

6. Можетъ ли ему быть разрѣшено читать, какъ онъ выразилъ на то желаніе, православныя сочиненія, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, въ коихъ не встрѣчается прямыхъ нападокъ на католическую церковь, и даже всѣ остальныя, если обстоятельства того потребуютъ?

Въ объясненіе этихъ вопросовъ Савицкій присовокуплялъ, что:

1. Лжедимитрій былъ уже католикъ и принятъ въ лоно католической церкви.

2. Его обращеніе въ католичество было тайною для москвичей и вообще для народа.

3. Всякая надежда на единеніе будетъ утрачена, и можно будетъ опасаться страшнаго волненія, если лжецарь не скроетъ своего отреченія, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ.

4. Надобно будетъ признать недѣйствительными нѣкоторыя обѣщанія, данныя, какъ говорятъ, Лжедимитріемъ клятвенно и которыя онъ, разумѣется, не въ состояніи будетъ исполнить, каково, напримѣръ, обѣщаніе уступить королю польскому Сѣверское княжество или выплатить ему значительныя суммы.

Этотъ послѣдній пунктъ записки—явленіе безпримѣрное и замѣчательное: полякъ и іезуитъ ратуетъ за единство Россіи!?.. Патріотизмъ не затмевалъ его до такой степени, чтобы онъ не могъ понять, что царь, едва вступившій на престолъ, не могъ отдавать цѣлыя области и грабить государственную казну. Польскій іезуитъ былъ сторонникомъ „нераздѣльной“ Россіи, рискуя навлечь этимъ на себя неудовольствіе папы. Не съ тайнаго ли благословенія этого іезуита самозванецъ такъ легкомысленно и такъ преступно давалъ свои обѣщанія и расточалъ достояніе Россіи?..

2-го іюля 1605 года сообщены были инквизиціи вопросы Савицкаго, а она лишь 13-го октября постановила свое рѣшеніе. Убѣдившись предварительно въ благонадежности Савицкаго, инквизиція послѣ продолжительнаго совѣщанія подъ предсѣдательствомъ папы рѣшила не указывать іезуиту, какъ ему дѣйствовать, а предоставить его своему собственному разумѣнію и опытности: „пусть онъ перечитаетъ церковные уставы и сочиненія отцовъ церкви и дѣйствуетъ такъ, какъ укажетъ ему совѣсть“, отвѣтили Савицкому изъ Рима.

Въ третій разъ инквизиціи пришлось заняться разрѣшеніемъ Маринѣ трехъ предметовъ: причащенія въ день коронованія изъ рукъ православнаго патріарха, посѣщенія православныхъ церквей и соблюденія поста въ среду вмѣсто субботы.

Мнишекъ, естественно, озабоченъ былъ удовлетворительнымъ рѣшеніемъ этихъ вопросовъ и поэтому, вмѣстѣ со своими краковскими друзьями, рѣшилъ одновременно дѣйствовать и на папу, и на Лжедимитрія: у папы просить разрѣшенія, у Лжедимитрія снисхожденія и отказа отъ своихъ требованій на случай, если папа не дастъ разрѣшенія.

Инквизиція и въ этомъ случаѣ очень медлила отвѣтомъ, вѣроятно, желая и на этотъ разъ предоставить обстоятельствамъ самимъ рѣшить недоумѣнные вопросы. Лишь 2-го марта 1606 года состоялось засѣданіе подъ предсѣдательствомъ папы. Желаніе папы исполнить просьбу Лжедимитрія не подлежитъ сомнѣнію. Вопросъ былъ поставленъ на голосованіе, и всѣ присутствовавшіе, за исключеніемъ одного, дали отрицательный отвѣтъ.

Однако, не пришлось сообщать самозванцу этотъ суровый и рѣшительный отказъ. Лжедимитрій самъ сдался на убѣжденія и пересталъ настаивать на своихъ просьбахъ, по крайней мѣрѣ на самой щекотливой изъ нихъ: на причащеніи Марины. Въ восторгѣ отъ этой перемѣны въ Лжедимитріи, Рангони набросалъ 18-го марта слѣдующія строки: „секретарь короля встрѣтилъ по пути, проѣздомъ сюда, воеводу сендомірскаго, который ѣдетъ въ Москву. Онъ привезъ мнѣ отъ него поклонъ и передалъ, что великій князь, выслушавъ его объясненія, отказывается отъ своего требованія, чтобы его невѣста причастилась по православному обряду въ день коронованія, какъ онъ просилъ о томъ сперва“. Такимъ образомъ этотъ вопросъ былъ поконченъ.

Совсѣмъ не такъ гладко шли сношенія съ другимъ кредиторомъ самозванца, съ Польшей и польскимъ королемъ Сигизмундомъ, весьма скоро и настойчиво потребовавшимъ расплаты за оказанныя услуги.

Вскорѣ же послѣ коронованія Лжедимитрія Сигизмундъ снарядилъ въ Москву посольство во главѣ со старостой велижскимъ, Александромъ Гонсѣвскимъ. Офиціально цѣль посольства объяснялась требованіями этикета: Гонсѣвскому поручено было привѣтствовать царя по поводу его коронаціи и пригласить его на свадьбу короля Сигизмунда съ эрцгерцогиней Констанціей. Тайною цѣлію посольства было напомнить Лжедимитрію его обѣщанія относительно союза противъ Карла Шведскаго и заключенія подъ стражу его племянника, королевича Густава. Чтобы посильнѣе воздѣйствовать на самозванца, Гонсѣвскій вздумалъ попугать его. „Въ столицѣ Польши появился подозрительный иностра-

нецъ,—сказалъ онъ самозванцу,—бывшій любимецъ и крестникъ Годунова, человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія; онъ распространялъ странные слухи, будто бы его крестный отецъ живъ, а вмѣсто него погребенъ другой человѣкъ. Онъ же, Годуновъ, взявъ съ собою свои сокровища, отплылъ съ ними въ Англію. Но его отсутствіе не будетъ продолжительно: колдуны предвѣщали ему, что, бѣжавъ изъ Москвы, онъ спасетъ этимъ государство и въ скоромъ времени вернетъ свою власть". Такимъ образомъ спокойствію самозванца угрожала опасность. Гонсѣвскій обѣщалъ отъ имени короля навести справки въ Лондонѣ, учредить строгій надзоръ на границѣ и заградить путь нежеланному выходцу съ того свѣта.

Эта басня не произвела впечатлѣнія на самозванца. Онъ благодарилъ посланника, но вмѣстѣ и увѣрялъ его, что смерть Годунова несомнѣнна, и просилъ его не принимать никакихъ мѣръ предосторожности.

Другое предложеніе Сигизмунда также не встрѣтило сочувствія самозванца. Король заявилъ подозрѣніе на одного изъ своихъ сановниковъ, находившагося въ Вильнѣ, и предоставилъ Лжедимитрію узнать, дѣйствительно ли онъ былъ въ заговорѣ противъ него съ Годуновымъ. Самозванецъ отклонилъ и эту любезность, не потребовалъ выдачи виновнаго и обѣщалъ лишь произвести разслѣдованіе.

Не заручившись ни однимъ одолженіемъ, Гонсѣвскій приступилъ къ обсужденію шведскаго вопроса.

Сигизмундъ велъ ожесточенную войну съ племянникомъ своимъ Карломъ IX, котораго считалъ похитителемъ шведскаго престола. Одержавъ надъ нимъ побѣды въ Ливоніи, Сигизмундъ ожидалъ помощи Лжедимитрія, чтобы покончить съ врагомъ.

Такія надежды питалъ и Карлъ IX, тревожно обращавшій свои взоры къ Москвѣ. Поэтому Сигизмундъ потребовалъ, чтобы Лжедимитрій отнесся къ Карлу IX какъ къ самозванцу, къ его посланникамъ, какъ къ измѣнникамъ своему законному монарху, которымъ Сигизмундъ считалъ себя, и чтобы они немедленно были выданы полякамъ, если осмѣлятся явиться въ Кремль.

Прежде чѣмъ дать какой-либо рѣшительный отвѣтъ, самозванецъ задумалъ обнаружить полную независимость свою и предупредить излишнія притязанія. Онъ выразилъ неудовольствіе на то, что королевская грамота называла его не царемъ, а только господаремъ и великимъ княземъ, и возбудилъ старый споръ о царскомъ титулѣ. Мало того, онъ изъявилъ притязаніе на императорскій титулъ и сталъ самъ величать себя „непобѣдимымъ цесаремъ", слѣдовательно, ставилъ московскую корону на высшую степень сравнительно съ польскою. Онъ потребовалъ, чтобы за помощь противъ Швеціи король призналъ титулъ, который онъ себѣ присвоилъ.

Разумѣется, король никакъ не могъ отступить отъ польскихъ традицій, и поэтому царскій титулъ сдѣлался средоточіемъ, около котораго вертѣлась вся дипломатія Лжедимитрія, и самымъ надежнымъ оплотомъ противъ притязаній поляковъ.

Тѣмъ не менѣе переговоры съ Гонсѣвскимъ окончились весьма мирно, даже дружелюбно. Лжедимитрій на прощальномъ обѣдѣ былъ отмѣнно вѣжливъ съ поляками. Онъ обѣщалъ потребовать объясненія у „герцога Карла" и увѣдомить короля польскаго, какъ только послы шведскіе появятся въ Москвѣ. Потомъ, посылая грамоту Карлу съ извѣщеніемъ о своемъ вступленіи на московскій престолъ, Лжедимитрій увѣщевалъ его возвратить корону Сигизмунду, какъ законному государю Швеціи. А другого претендента на эту корону, королевича Густава, человѣка гордаго и своенравнаго, онъ перевелъ изъ Углича въ Ярославль и велѣлъ содержать его тамъ какъ плѣнника.

Причиной такой сговорчивости и уступчивости была Марина. Лжедимитрій горѣлъ желаніемъ видѣть ее въ Москвѣ и раздѣлить съ нею свое величіе. Но она была еще въ Польшѣ. Дочь польскаго сенатора не могла располагать своею судьбою по своему усмотрѣнію и не могла принять корону безъ соизволенія короля. Самозванцу надобно было дѣйствовать осмотрительно и не вооружать противъ себя Сигизмунда, пока Марина оставалась еще въ Польшѣ. Скоро настанетъ конецъ такому положенію, и тогда Лжедимитрій сумѣетъ заговорить иначе.

XXXIII.

Марина Мнишекъ.

Согласно уговору, заключенному съ Юріемъ Мнишкомъ, самозванецъ послѣ своей коронаціи долженъ былъ отправить посольство въ Краковъ, и тамъ положено было заочно совершить бракосочетаніе Марины. Лжедимитрій не помедлилъ снарядить посольство и приложилъ стараніе обставить его всевозможною роскошью, которая свидѣтельствовала о богатствѣ московскаго лжецаря. Во главѣ посольства отправленъ былъ великій секретарь и казначей Аѳанасій Власьевъ, который на ряду съ Басмановымъ и Мосальскимъ былъ изъ русскихъ людей наиболѣе приближеннымъ къ нему совѣтникомъ и „тайноглагольникомъ". Власьевъ прибылъ въ Краковъ, окруженный блестящею, многочисленною свитою, состоявшею изъ трехъ сотъ человѣкъ конныхъ дворянъ. За нимъ слѣдовалъ огромный обозъ со скарбомъ и дорогими подарками. Въ день пріѣзда, 11-го ноября 1605 года, Власьевъ подвелъ Мнишку отъ имени Лжедимитрія вороную въ яблокахъ лошадь съ сбруей, сверкавшей золотомъ и драгоцѣнными камнями, драгоцѣнное оружіе, художественныя произведенія, дорогія матеріи, восточные ковры, живого соболя, трехъ кречетовъ съ золотыми звоночками и колпачками, унизанными жемчугомъ. Осмотръ подарковъ вызвалъ неподдѣльный восторгъ самыхъ взыскательныхъ зрителей.

Какъ только пріѣхало посольство, въ его честь начался рядъ празднествъ. 14-го ноября посолъ представлялся королю, 15-го Мнишекъ давалъ послу роскошный обѣдъ, 18-го происходила аудіенція въ Вавельскомъ замкѣ въ присутствіи сенаторовъ. Здѣсь онъ объявилъ троякое порученіе, возложенное на него Лжедимитріемъ: ему велѣно было довести до свѣдѣнія короля о коронованіи Лжедимитрія патріархомъ Игнатіемъ, подтвердить дружбу съ Польшею, поднять вопросъ о Турціи и о союзѣ противъ нея и, наконецъ, испросить соизволеніе короля на бракъ Марины и пригласить

Сигизмунда къ царю на свадьбу. Отвѣтъ Сигизмунда былъ полонъ любезности и достоинства.

На другой день въ Краковъ прибыла невѣста вмѣстѣ съ своею матерью. 22-го ноября совершено было самое бракосочетаніе, на которомъ присутствовало самое высокое и самое избранное общество Кракова: король, королевна шведская Анна, королевичъ Владиславъ, нунцій Рангони, представители Венеціи и Флоренціи, сенаторы, придворные сановники, родственники и друзья Мнишковъ. Въ одной изъ залъ дворцовъ Фирлея и Монтелюпа, ради этого случая соединенныхъ внутреннимъ сообщеніемъ, стоявшихъ на аристократическомъ кварталѣ Кракова, былъ воздвигнутъ алтарь. Передъ нимъ москвичи разостлали шелковый подножникъ для невѣсты, а вокругъ него стало духовенство съ кардиналомъ Мацѣевскимъ во главѣ. Марина взошла въ сопровожденіи двухъ сенаторовъ. Она сіяла красотою и счастіемъ. На ней было бѣлое парчевое платье, усѣянное сапфирами и жемчугомъ, на плечахъ было накинуто прозрачное покрывало, на головѣ сверкала алмазная корона, волосы ниспадали на спину двумя роскошными косами, перевитыми драгоцѣнными камнями. Церемонія началась рѣчами. Кардиналъ въ своей рѣчи подыскалъ остроумное сравненіе: Лжедимитрій, подобно Аврааму, послалъ за Ревеккой своего преданнаго слугу Аѳанасія Власьева. Власьевъ замѣнялъ жениха. Вотъ церемоніалъ или описаніе вѣнчанія и всѣхъ свадебныхъ торжествъ:

„Вѣнчаніе московской царицы происходило слѣдующимъ образомъ. Кардиналъ съ нунціемъ прибыли въ домъ ксендза Фирлея, гдѣ долженъ былъ происходить обрядъ вѣнчанія и гдѣ въ залѣ устроенъ былъ прекрасный алтарь, и дожидались невѣсты. Московскій посолъ съ прекрасною свитой,—почти на двухстахъ лошадяхъ,—пріѣхалъ съ своей квартиры въ домъ Монтелюпа и тамъ дожидался немного, пока не прибылъ король съ дворомъ своимъ въ домъ (Фирлея) и не вошелъ въ жилое помѣщеніе. Потомъ король пришелъ въ залу, въ которой должно было происходить вѣнчаніе, и сѣлъ; подлѣ него сталъ королевичъ. Шведская королевна съ дамами пошла къ невѣстѣ. Посолъ, пришедши

къ назначенному для брачущихся мѣсту, ударилъ королю челомъ; король сидѣлъ, даже шапки не тронулъ. Затѣмъ посолъ и его слуги отправились цѣловать руку у короля, а королевичъ передъ каждымъ изъ нихъ снималъ шапку. Кардиналъ надѣлъ свои архіерейскія ризы и драгоцѣнную митру; два прелата были въ фелоняхъ, усаженныхъ жемчугомъ, а другіе въ комжахъ. Два царскихъ мальчика стояли съ шелковымъ ковромъ, у котораго сталъ посолъ, а подлѣ него сѣрадскій воевода и гнѣзненскій кастелянъ. Марину, одѣтую въ дорогое платье, съ короной, отъ которой по волосамъ не мало было жемчугу и драгоцѣнныхъ камней, подвели къ вѣнцу воевода Ленчицкій, Липскій, и кастелянъ Малогосскій; но въ качествѣ свидѣтельницы подлѣ нея стала ея милость королевна. Передъ вѣнчаніемъ посолъ сталъ говорить рѣчь, въ которой говорилъ, что прибылъ для этого дѣла по волѣ своего государя, и просилъ у сендомірскаго воеводы его дочери и родительскаго благословенія. Отъ имени воеводы отвѣчалъ прекрасною рѣчью канцлеръ великаго княжества Литовскаго Левъ Сапѣга, которому далъ отвѣтъ Ленчицкій воевода Липскій, при чемъ онъ показывалъ, что въ настоящемъ дѣлѣ выказывается Божія премудрость или воля Божія и затѣмъ заявлялъ, что на немъ будетъ Божіе благословеніе, далѣе указывалъ на величіе званія царя и государя, но при этомъ указывалъ также на славный домъ дѣвицы, на ея воспитаніе, богатство добродѣтелей и приводилъ примѣры, что подобныя дѣла не новость въ Польшѣ; прославлялъ благодарность и благоразуміе царя, именно, что онъ по разъ принятому намѣренію и обѣщанію въ знакъ благодарности за благорасположенность, какую видѣлъ къ себѣ со стороны сендомірскаго воеводы и при дворѣ, вступаетъ въ бракъ съ дочерью воеводы.

„Послѣ рѣчей съ той и другой стороны выступилъ въ архіерейскомъ облаченіи кардиналъ и прежде всего сказалъ удивительную рѣчь объ этомъ таинствѣ, указывая въ немъ дѣйствіе Промысла, затѣмъ онъ приступилъ къ восхваленію Димитрія—великаго царя и государя великой Россіи (онъ

далъ ему титулъ, какой у него былъ написанъ на бумагѣ, по которой онъ говорилъ), хвалилъ настоящее его намѣреніе и показывалъ, что оно послужитъ благомъ и для самого царя, и для тамошнихъ жителей, царскихъ подданныхъ. Богъ такъ часто наказывалъ ихъ разномысліемъ, что они то замышляли искать себѣ государя за моремъ или въ сосѣднихъ странахъ, то сажали на престолъ своихъ великихъ государей незаконныхъ наслѣдниковъ. Теперь Божіею милостію и устроеніемъ они нашли себѣ надлежащаго государя въ государствахъ его величества, нашего милостиваго государя. Не мѣсто здѣсь говорить, какія милости и какую помощь получилъ царь отъ его величества. Самъ его величество, царь Димитрій, помня это, зная также планы его величества короля и этого королевства, открылъ благочестивому государю свои намѣренія прежде всѣхъ государей и, кромѣ того, желая еще больше доказать свою благодарность, беретъ черезъ тебя, г. посолъ, супругу себѣ (слова, положенныя въ чинѣ вѣнчанія) въ этихъ государствахъ, беретъ свободную шляхтянку, дочь благороднаго сенатора изъ благороднаго рода. Въ этомъ славномъ королевствѣ, гдѣ всѣ свободны, не разъ случалось, что князья, короли, славные монархи, даже короли этого королевства брали себѣ женъ изъ свободныхъ шляхетскихъ домовъ. Богъ ниспосылаетъ теперь подобное благо и царю Димитрію, и всѣмъ его подданнымъ,— его величество царь завязываетъ съ его величествомъ, милостивымъ государемъ нашимъ, дружбу, а съ этимъ королевствомъ и съ его чинами,—свободными людьми,—родство. При этомъ святомъ супружескомъ союзѣ его царское величество, великій государь сумѣетъ за эту расположенность воздать съ своей стороны его величеству королю благорасположенностію, а королевству—любовію. Когда онъ сказалъ эти и другія, подобныя имъ слова, то запѣли: Veni, Creator. Король и всѣ остальные стали на колѣна, не стали на колѣна только: шведская королевна и московскій посолъ. Послѣ того кардиналъ Бернардъ Мацѣевскій началъ совершать обрядъ вѣнчанія. Онъ былъ одѣтъ въ очень дорогую фелонь. Съ нимъ были въ сослуженіи прелаты, тоже въ

облаченіи. Кардиналъ обратился прежде всего къ дѣвицѣ съ словами: „слыши, дщи, и виждь, и приклони ухо твое, и забуди народъ твой“, и объяснилъ, что она ѣдетъ въ чужую страну. Затѣмъ обратился къ послу съ словами: „какъ Аврамъ посылалъ своего подскарбія въ чужую страну за женой для своего сына“. Потомъ вѣнчалъ. Когда кардиналъ въ числѣ другихъ вопросовъ спрашивалъ посла, не обѣщался ли великій царь кому другому, онъ отвѣчалъ: „развѣ я знаю; царь ничего не поручилъ мнѣ на этотъ счетъ“, и уже послѣ напоминаній стоявшихъ подлѣ него при этомъ торжествѣ онъ сказалъ: „если бы онъ далъ обѣщаніе другой дѣвицѣ, то не посылалъ бы меня сюда“. Но онъ возставалъ противъ того, что кардиналъ говорилъ по-латыни, на это онъ не соглашался. Когда кардиналъ сказалъ: „г. посолъ, говорите за мной, какъ требуетъ наша католическая церковь и ваша: я!.. (форма присяги при вѣнчаніи: я тебя беру въ супруги...)“, то посолъ говорилъ за кардиналомъ и хорошо произносилъ слова; впрочемъ, онъ не вдругъ сталъ говорить. Онъ говорилъ: „я буду говорить съ дѣвицей Мариной, а не съ вами, ксендзъ кардиналъ“. Невѣста присягала царю на вѣрность, а посолъ—невѣстѣ за царя. Когда пришлось давать перстни, то посолъ вынулъ изъ маленькаго ящика алмазный перстень съ большой и острой верхушкой, величиной въ большую вишню, и далъ его кардиналу, а кардиналъ надѣлъ его невѣстѣ на палецъ, а отъ невѣсты посолъ взялъ перстень не на палецъ и не на обнаженную руку, но прямо въ вышеупомянутый ящикъ. Когда кардиналъ хотѣлъ связать эпитрахилью руки жениха и невѣсты, то посолъ послалъ къ женѣ воеводы Мнишка за чистымъ платкомъ и хотѣлъ обернуть имъ свою руку и исполнить такимъ образомъ этотъ обрядъ, а не прикасаться къ рукѣ невѣсты своею голою рукою; но ему не дозволили этого сдѣлать, и онъ долженъ былъ дать свою руку отъ имени своего царя, князя московскаго. Вышеупомянутый коврикъ взялъ капелланъ кардинала, но посолъ выкупилъ его за сто червонцевъ. Во время вѣнчанія его величество король стоялъ подлѣ кардинала съ правой стороны.

„Когда кончилось вѣнчаніе, то всѣ отправились въ столовую; впереди шла царица, за ней шведская королевна, за ней посолъ. Всѣ эти лица стали на возвышенномъ мѣстѣ у стола, царица—по правой сторонѣ, королевна—по лѣвой, а король, придя къ столу, сѣлъ посерединѣ. Въ это время подошли около сорока человѣкъ москвитянъ, неся драгоцѣнные подарки отъ царя, которые посолъ отдавалъ (царицѣ). Принимала ихъ жена львовскаго хорунжаго Тарлова, бабка царицы, стоявшая подлѣ нея, потому что мать невѣсты была больна.

„По поднесеніи подарковъ стали садиться къ столу: въ правомъ углу стола посажена была царица, и, когда она садилась, король приподнялся и приподнялъ шапку; на другомъ углу слѣва сѣла королевна. Одновременно съ царицей сѣли: посолъ подлѣ царицы пониже, а королевичъ подлѣ королевны немного ниже, напротивъ посла. Когда посолъ садился, король не двигался. Передъ этимъ столомъ съ лѣвой стороны сталъ крайчій его величества короля, подлѣ него (сидѣлъ) кардиналъ, а подлѣ него нунцій папы. Воду подавали въ одномъ умывальномъ сосудѣ и при одномъ полотенцѣ. Когда король мылся, всѣ встали. Затѣмъ подавали умываться царицѣ (она умывалась сидя), далѣе королевнѣ, затѣмъ послу (но онъ не хотѣлъ мыться), потомъ королевичу. Для кардинала и нунція принесли другой ковшикъ и другое полотенце. Королевскіе дворяне подавали то тѣмъ, то другимъ воду, а слуги сендомірскаго воеводы въ то же время разносили яства; подавали яства одновременно— одни ставили передъ королемъ, другія передъ царицею. Крайчій его величества служилъ у короля и его семьи, а крайчій царицы (былъ имъ Домарацкій) служилъ ей, послу и кардиналу. Тарелки передъ королемъ и его семьею ставили вызолоченныя, а для царицы, посла и кардинала серебряныя, придворныя. Такъ какъ молодая ничего не ѣла, то и посолъ не хотѣлъ ничего ѣсть; онъ, кромѣ того, боясь царя, остерегался, какъ бы не дотронуться своею одеждою до ея платья,—онъ даже не хотѣлъ и садиться за столъ, такъ что уже сендомірскій воевода убѣдилъ его сѣсть, сказавъ,

что это нужно сдѣлать. За столомъ, когда король пилъ вино, всѣ встали. Король пилъ за здоровье государыни (Марины), снявъ шапку и немного приподнявшись со стула. Царица и посолъ стояли. Королевна послала къ царицѣ своего подчашаго поздравить и пила за ея здоровье. Пока подчашій говорилъ къ царицѣ, она сидѣла, а когда онъ кончилъ и королевна встала, то сейчасъ же встала и царица; обѣ онѣ низко поклонились одна другой, царица однако поклонилась ниже. Потомъ царица пила здоровіе королевича, а королевичъ здоровіе посла. Посолъ, собираясь пить, всталъ со стула, сталъ за нимъ и пилъ за здоровіе кардинала. Когда царица обратилась къ послу и пила за здоровье царя (это она сдѣлала по приказанію отца, передъ которымъ, когда онъ подошелъ къ ней, она не встала, привстала только немного, когда онъ отходилъ отъ нея), то посолъ всталъ со стула и, стоя подлѣ него сбоку, выпилъ за здоровье королевича изъ другого бокала (изъ того, изъ котораго пила царица, не хотѣлъ пить). Царицѣ услуживали за столомъ такъ же, какъ королевнѣ. Въ той же столовой, въ которой кушалъ король, ниже королевскаго возвышенія вправо стоялъ столъ, за которымъ сидѣли: епископы Куявскій и Перемышльскій, воеводы—Ленчицкій и Сѣрадскій, кастелянъ гнѣзненскій, канцлеръ великаго княжества Литовскаго, кастелянъ варшавскій, вышеградскій и другіе сенаторы. Съ лѣвой стороны стоялъ другой столъ, за которымъ сидѣли: сынъ посла и около двадцати человѣкъ москвитянъ. Тутъ же сидѣли: староста пильзненскій, валецкій и многіе другіе старосты и дворяне его величества короля. Женщины обѣдали въ особой столовой и еще въ особой—придворные его королевскаго величества. Нѣсколько каменныхъ домовъ передѣлали для этого. Всего давали вдоволь, обѣдъ былъ самый щедрый и тянулся съ часъ по наступленіи ночи. Когда принесли королю плоды и сласти, то сендомірскій воевода поднесъ королю въ подарокъ шесть большихъ позолоченныхъ кубковъ; въ это время всѣ сидѣли. Королевнѣ онъ поднесъ кувшинъ, тазъ позолоченные и кубокъ; королевичу — четыре вызолоченныхъ кубка поменьше. Когда плоды сняли, посолъ всталъ

со стула и подарилъ царицѣ отъ себя шелковый, вышитый золотомъ коверъ и сорокъ соболей.

„Послѣ обѣда начались танцы. Придворные маршалы—коронный и велико-литовскій—очистили мѣсто; король съ царицей открыли танцы, при чемъ канцлеръ литовскій съ Гнѣзненскимъ кастеляномъ съ одной стороны, а сендомірскій воевода съ ленчицкимъ воеводой съ другой—прислуживали. Кончивъ танецъ, король далъ знакъ послу, чтобы шелъ танцовать съ царицей, но онъ изъ уваженія къ ней не согласился и говорилъ, что недостоинъ того, чтобы прикасаться къ царицѣ. Король вторично пошелъ танцовать съ королевной; при этомъ прислуживали: кастелянъ гнѣзненскій съ кастеляномъ варшавскимъ, канцлеръ великаго княжества Литовскаго съ кастеляномъ Ленчицкимъ и великій маршалъ литовскій съ королевичемъ. Потомъ танцовали королевна съ царицей, которой прислуживали фрауцниммеръ и нѣкоторые сенаторы. Далѣе танцовалъ съ царицей королевичъ, а литовскій канцлеръ съ старостой Валецкимъ и сендомірскій воевода съ ленчицкимъ воеводой прислуживали. Во все время этого танца изъ другихъ женщинъ танцовала только дѣвица Освѣтимская съ хелминскимъ кастеляномъ; другія дѣвицы не танцовали. Королевна и царица, возвращаясь отъ танцевъ на свои мѣста, низко кланялись королю (царица кланялась ниже, чѣмъ королевна), а затѣмъ, придя на свои мѣста, кланялись одна другой; садились въ одно время.

„Послѣ танцевъ сендомірскій воевода подошелъ къ королю и сказалъ царицѣ: „Марина, поди сюда, пади къ ногамъ его величества, нашего милостиваго государя, моего и твоего благодѣтеля, и благодари его за столь великія благодѣянія и проч.“. Она подошла къ королю (король всталъ), вмѣстѣ съ отцомъ они бросились къ ногамъ его величества, и отецъ благодарилъ короля. Король поднялъ царицу, снялъ шапку, а потомъ надѣлъ ее, и сталъ говорить царицѣ рѣчь, въ которой поздравлялъ ее съ бракомъ и новымъ званіемъ и внушалъ, чтобы она своего мужа (такъ онъ выразился), чудесно даннаго ей Богомъ, вела къ сосѣдской любви и дружбѣ для блага этого королевства, потому что если тамошніе

люди (подлинныя слова короля) прежде сохраняли съ королинными землями согласіе и доброе сосѣдство, когда не были связаны съ королевствомъ никакимъ кровнымъ союзомъ, то при этомъ союзѣ любовь и доброе сосѣдство должны быть еще больше. Его королевское величество внушалъ ей, чтобы она не забывала, что воспитана въ королевствѣ, что здѣсь Богъ возвеличилъ ее настоящимъ достоинствомъ, что здѣсь ея родители и близкіе и дальніе родственники, что она должна заботиться о сохраненіи добраго сосѣдства между этими государствами и вести своего супруга, чтобы онъ своимъ дружелюбіемъ, добрымъ сосѣдствомъ и готовностію оказывать услуги вознаграждалъ все то, что съ любовію сдѣлано ему нами, этимъ королевствомъ и твоимъ отцомъ (слова короля). Король убѣждалъ ее помнить приказанія и наставленія родителей, оказывать имъ должную честь, помнить Бога и жить въ страхѣ Божіемъ, такъ какъ за это ниспослано будетъ Божіе благословеніе; своему потомству, если Богъ дастъ ей его, чего король желалъ ей, убѣждалъ внушать любовь къ польскимъ обычаямъ и вести его къ хорошей дружбѣ съ польскимъ народомъ. Затѣмъ, снявъ шапку, перекрестилъ ее, а она заплакала и опять съ отцомъ упала къ ногамъ его величества. То же она дѣлала, подходя къ королевнѣ и королевичу. Посолъ внимательно слушалъ, когда король говорилъ къ царицѣ.

„Послѣ этой церемоніи малогосскій кастелянъ съ вановскимъ повели царицу къ женѣ воеводы, ея матери. Тамъ съ ней прощалась королевна и дѣлала ей прекрасныя наставленія. Король уѣхалъ во дворецъ. Когда король уѣхалъ, стали провожать посла, который по удаленіи царицы вышелъ въ другую комнату; провожали его: сендомірскій воевода—до кареты, а его друзья—до самой квартиры посла; тутъ же были секретари короля, и посолъ ѣхалъ въ королевской каретѣ. Посолъ былъ доволенъ внимательностію къ нему, но его дворяне не очень были довольны, потому что наши негодяи поотрѣзывали у нихъ ножи, покрали у нихъ лисьи шапки и двѣ, кажется, шапочки, усаженныя жемчугомъ, но посолъ приказалъ своимъ молчать. Нѣкоторые изъ москвитянъ на-

пились; за столомъ они ѣли очень грязно, хватали кушанья руками изъ блюдъ.

„Царица вѣнчалась въ бѣломъ алтабасовомъ, усаженномъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями платьѣ, очень дорогомъ; на головѣ у нея была небольшая корона, усыпанная очень дорогими каменьями.

„Дай Богъ, чтобы это торжество послужило ко благу христіанскаго общества и въ частности нашего королевства.

„На слѣдующій день давали отвѣтъ послу. Канцлеръ великаго княжества Литовскаго отвѣтилъ отъ имени короля, что радуется счастливому вступленію на престолъ великаго князя московскаго, и обѣщалъ показывать съ своей стороны расположенность къ нему, а что касается союза противъ турокъ, то объ этомъ король и царь будутъ вести дальнѣйшіе переговоры. Посолъ заявилъ, что онъ находитъ оскорбительнымъ, что его государя не называли царемъ, а только великимъ княземъ и государемъ. Я забылъ сказать, что во время брачнаго пиршества его оскорбляло то, что во время танцевъ царица падала къ ногамъ короля. На это ему отвѣтили, что король—ея благодѣтель, и что она—его подданная, пока находится въ королевствѣ. Я забылъ также сказать, что когда за столомъ посолъ не хотѣлъ ѣсть и король послалъ къ нему пана Воину спросить, почему онъ не ѣстъ, то онъ отвѣтилъ, что холопу не слѣдуетъ ѣсть съ государями. Король вторично послалъ сказать ему, чтобы ѣлъ, потому что представляетъ собою лицо государя; онъ отвѣтилъ:

„— Благодарю его королевское величество, что угощаетъ меня во имя моего государя, но прошу дозволить мнѣ не ѣсть за столомъ столь великаго государя, короля польскаго, и ея величества шведской королевны; я доволенъ и тѣмъ, что смотрю на дѣла государя и короля польскаго и государыни королевны шведской.

„Потомъ король пилъ къ нему за здоровье его государя и четыре раза наполнялъ чашу, хотя всего-то вина въ ней было едва четверть кварты. Посолъ пилъ и послѣ, но мало и осторожно, часто поглядывая на невѣсту своего государя.

Когда пили за здоровье царя или царицы, онъ вставалъ со стула и, какъ слуга, билъ челомъ.

„На этой свадьбѣ было чрезвычайно много народа, какъ если бы собрать людей съ четырехъ варшавскихъ сеймовъ, такъ что жители принуждены были выселяться изъ собственныхъ домовъ, потому что ихъ выгоняли. Нужно признать чудомъ, что при такомъ великомъ съѣздѣ людей ни одинъ не былъ раненъ, хотя тогда было весьма много людей и изъ чужихъ краевъ, и прежде всего слѣдующіе послы: австрійскій, испанскій, папскій, французскій, англійскій, персидскій, московскій, валахскій.

„Потомъ, когда отправляли московскаго посла, то онъ не хотѣлъ брать грамотъ, потому что въ нихъ не написали титула—кесарь, но послѣ того, какъ перестали давать послу содержаніе, онъ впалъ въ раздумье и принужденъ былъ взять грамоты. Литовскій маршалъ Дорогостайскій далъ ему сильный нагоняй, назвалъ его дуракомъ, говорилъ, что онъ, посолъ, не имѣетъ объ этомъ наказа отъ своего князя, сказалъ и то, что только два государя признаются кесарями—христіанскій и турецкій. Когда посолъ уѣзжалъ, то сендомірскій воевода скупилъ у русскихъ всѣ соболя для свадьбы короля, на которой знатнымъ лицамъ дарилъ бархатныя собольи шубки, слугамъ ихъ — куньи, пахоликамъ ихъ — лисьи, а черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы короля Сигизмунда III, которую праздновали тамъ же, въ Краковѣ, 4 декабря 1605 года, онъ повезъ, въ сопровожденіи тысячи всадниковъ, свою дочь Марину, жену Димитрія, въ Москву“.

Торжества прошли на славу. Но больше всего вниманіе и удивленіе поляковъ возбудили подарки жениха. Самозванецъ не жалѣлъ московской казны для удовлетворенія польской жадности и тщеславія. Тутъ были кони въ красивыхъ уборахъ, оправленныхъ самоцвѣтными камнями, драгоцѣнные мѣха, цѣлые пуды жемчуга, венеціанскіе бархаты, турецкіе атласы, персидскіе ковры, золотые часы на спинѣ слона съ флейтистами и трубачами, на серебряныхъ волнахъ плылъ золотой корабль, осыпанный жемчугомъ, изъ чрева золотого быка сыпались алмазы.

Послѣ обрученія Марина уѣхала въ Промникъ въ сопровожденіи отца и московскаго посла. Послѣдніе вскорѣ вернулись въ Краковъ, чтобы присутствовать при бракосочетаніи самого короля Сигизмунда, который, будучи вдовъ, вступилъ тогда во второй бракъ съ сестрой своей покойной супруги, австрійской эрцгерцогиней Констанціей.

Между тѣмъ какъ шумъ этихъ празднествъ еще не умолкъ въ столицѣ Польши, враги Лжедимитрія уже снова приступили къ своимъ дѣйствіямъ. Опасность была замѣчена вѣрнымъ слугой Лжедимитрія, и самозванецъ былъ предупрежденъ о ней.

Когда Власьевъ еще былъ занятъ порученными ему торжествами, въ Краковъ прибылъ въ началѣ января 1606 года изъ Москвы другой посланный, Янъ Бучинскій, секретарь и совѣтникъ Лжедимитрія. Онъ привезъ огромныя суммы денегъ для уплаты долговъ. Онъ вручилъ 200.000 злотыхъ воеводѣ сендомірскому и 50.000 его сыну, старостѣ саноцкому, а Маринѣ новые подарки, состоявшіе изъ золотыхъ и бриліантовыхъ украшеній. Но присланныхъ суммъ далеко не достало на покрытіе долговъ. Вскорѣ самозванецъ прислалъ еще 100.000 злотыхъ, но и этого оказалось мало. Нареченный его тесть не стыдился вымогать деньги у посла Власьева и за его поручительствомъ набирать товары у московскихъ купцовъ, торговавшихъ въ Польшѣ.

Кромѣ того, Бучинскому поручено было заняться вопросомъ о царскомъ титулѣ и выхлопотать разрѣшеніе для Марины исполнить православные обряды. Къ невѣстѣ своей Лжедимитрій былъ особенно внимателенъ и писалъ о ней особое письмо Мнишку. Будущая московская царица, писалъ онъ, должна держать себя въ Краковѣ, какъ подобаетъ ея высокому сану; она не должна допускать къ своему столу никого, кромѣ самыхъ близкихъ родственниковъ, и должна причесывать волосы такъ, какъ принято въ Россіи. Бучинскому приказано было слѣдить за строгимъ выполненіемъ всего этого и въ особенности торопить Марину отъѣздомъ въ Москву.

Бучинскій, выполняя данныя ему порученія, старался ра-

зузнать и настроеніе польскаго общества. Какъ полякъ, онъ имѣлъ всюду доступъ, и съ нимъ говорили откровенно. И здѣсь онъ узналъ самыя тревожныя вѣсти, которыя и рѣшился немедленно сообщить самозванцу. Онъ слышалъ, что существуютъ измѣнники, разглашающіе въ Польшѣ тайны Лжедимитрія, и ясно видѣлъ, какъ усиливается враждебное отношеніе къ Лжедимитрію. Его упрекали въ непостоянствѣ и говорили, что лучше бы было придти къ соглашенію съ Борисомъ Годуновымъ. Особенно негодовали за присвоеніе имъ титула непобѣдимаго императора. Воевода познанскій говорилъ: „Нелѣпо провозглашать самого себя непобѣдимымъ императоромъ, самое большое можно допустить, чтобы этотъ титулъ былъ данъ другими. Непобѣдимъ только одинъ Богъ; христіанинъ не можетъ присваивать себѣ это священное свойство“. Воевода называлъ это горделивое заявленіе неблагодарностью по отношенію къ королю и оскорбленіемъ, заслуживающимъ возмездія. „Пусть Димитрій будетъ изобличенъ передъ лицомъ всего міра,—говорилъ онъ,—пусть московиты сдѣлаютъ это не колеблясь“. Бучинскій слышалъ даже разсказъ о томъ, что въ Москвѣ царя называли Лжедимитріемъ и замышляли противъ него заговоръ.

Въ Краковѣ всѣ эти слухи принимались за достовѣрные и распространялись весьма быстро. Въ Москвѣ, дѣйствительно, не теряли времени и пользовались случаемъ для дѣйствій противъ самозванца.

Получивъ извѣстіе о совершившемся обрученіи Марины, Лжедимитрій послалъ гонцомъ дворянина Ивана Безобразова съ благодарственными грамотами къ королю и Мнишку и съ увѣдомленіемъ о снаряженіи большого московскаго посольства въ Польшу на сеймъ, для чего Безобразовъ заблаговременно долженъ былъ выхлопотать охранные листы. Этотъ Безобразовъ оказался тайнымъ агентомъ князя Шуйскаго и всѣхъ враговъ самозванца. Исполнивъ офиціальное порученіе, онъ секретно довелъ до свѣдѣнія Сигизмунда, что бояре, особенно князья Шуйскіе и Голицыны, сѣтуютъ на короля, который далъ имъ въ цари человѣка неблагороднаго, легкомысленнаго и распутнаго; поэтому они хотятъ

свергнуть его съ престола, а на его мѣсто желали бы посадить королевича Владислава. Безобразову данъ былъ уклончивый отвѣтъ: король выразилъ сожалѣніе, что повѣрилъ обманчивымъ увѣреніямъ Лжедимитрія, обѣщалъ не вмѣшиваться въ его дѣла, отрицалъ существованіе съ его стороны какихъ-либо честолюбивыхъ стремленій и предоставлялъ себя волѣ Провидѣнія. Безобразовъ съ своей стороны разыгралъ комедію до конца и уѣхалъ, не принявъ королевскихъ писемъ на томъ основаніи, что въ нихъ не значилось полнаго царскаго титула.

Говорятъ, что около того же времени сама царица Марѳа, при посредствѣ одного ливонскаго плѣнника, поручила какому-то шведу довести до свѣдѣнія Сигизмунда, что она невольно признала обманщика своимъ сыномъ, что самозванецъ хотѣлъ останки истиннаго ея сына выбросить изъ Углицкой церкви какъ подложныя и только по ея усиленнымъ просьбамъ оставилъ его въ покоѣ.

Замѣчательно, что въ это же время около Лжедимитрія готовились козни противъ самого Сигизмунда. Король не съумѣлъ снискать любви своихъ подданныхъ, а его бракъ на нѣмкѣ и родственницѣ возстановилъ противъ него многихъ. Недовольные вошли въ тайныя сношенія съ Лжедимитріемъ и предлагали ему польскую корону. Они мечтали такимъ образомъ осуществить давнюю мысль о соединеніи польско-литовскаго государства съ московскимъ. Самозванецъ со свойственнымъ ему легкомысліемъ поощрялъ подобный замыселъ.

Узнавъ, что положеніе его въ Польшѣ сильно пошатнулось, самозванецъ пытался опровергнуть неблагопріятные слухи. Онъ поручилъ графу Рангони увѣрить Сигизмунда въ сыновнемъ расположеніи къ нему Лжедимитрія и въ готовности помочь ему противъ Швеціи. Но въ то же время въ награду онъ просилъ признать его полный титулъ будто бы для того, чтобы разсѣять нелѣпые слухи: „пронесся слухъ,—говорилъ онъ,—будто я обѣщалъ уступить королю польскому нѣкоторыя области; необходимо категорически опровергнуть этотъ слухъ; вотъ почему я настаиваю на ти-

тулѣ". Трудно было не видѣть въ этомъ заявленіи крутой перемѣны въ отношеніяхъ Лжедимитрія къ королю.

Тѣмъ не менѣе король рѣшилъ снарядить посольство въ Москву вмѣстѣ съ Мариною и дать ему особыя порученія. Послами отправлены были Олесницкій и Гонсѣвскій, и имъ даны были инструкціи 6-го февраля 1606 года. Эти инструкціи замѣчательны потому, что въ нихъ со всею откровенностію высказаны завѣтныя польскія вожделѣнія на счетъ Россіи и точно указывалась цѣна того долга, который Сигизмундъ считалъ за Лжедимитріемъ. Сигизмундъ въ этомъ документѣ набросалъ картину воображаемаго союза Польши съ урѣзанной Россіей, лишенной въ пользу своей соперницы самыхъ цвѣтущихъ областей. При этомъ король приказалъ посланнымъ ничего не рѣшать безъ него, намѣтить только планъ въ общихъ чертахъ, а потомъ представители Россіи должны прибыть въ Краковъ, гдѣ Россія и была бы расчленена въ пользу Польши.

Сигизмундъ хотѣлъ получить отъ Россіи чрезвычайно многаго. Во-первыхъ, онъ разсчитывалъ на огромныя территоріальныя уступки, надѣясь получить уже не только Смоленскъ и Сѣверскъ, но, кромѣ того, Новгородъ, Псковъ, Луки, Торопецъ, Вязьму, Дорогобужъ и нѣкоторые другіе близъ лежащіе города, причемъ уступки эти онъ называлъ „возвратомъ“ этихъ земель. Относительно Швеціи король требовалъ, чтобы польскимъ войскамъ было дозволено пройти чрезъ Финляндію. Самозванецъ долженъ былъ принять на себя обязательство доставить имъ, за извѣстное вознагражденіе, съѣстные припасы и боевые снаряды. Король польскій уже воображалъ себя королемъ шведскимъ, полновластнымъ хозяиномъ страны, обсуждающимъ въ Стокгольмѣ, во дворцѣ Вазовъ, условіе лишь противъ турокъ. Пока же Лжедимитрію, поднявшему вопросъ о походѣ противъ турокъ, предоставлялось воевать съ ихъ союзниками татарами. Достигнувъ исполненія самыхъ смѣлыхъ своихъ желаній, получивъ московскія области и Швецію, Польша, рисовавшаяся въ воображеніи Сигизмунда, протянула бы руку обездоленной и едва не обезглавленной Россіи, чтобы заключить съ

нею оборонительный и наступательный союзъ. И далѣе въ инструкціи король воспроизводилъ почти цѣликомъ статьи договора, который поляки предлагали заключить Годунову еще въ 1600 году и который превратилъ бы Россію въ такое же второстепенное государство, какимъ была Литва. Посланникамъ, кромѣ того, приказано было сдѣлать упрекъ Лжедимитрію за то, что до сихъ поръ онъ предъявлялъ слишкомъ большія требованія для себя и слишкомъ скупился по отношенію къ Сигизмунду, напомнить ему о благодѣяніяхъ, оказанныхъ ему королемъ, подать ему нѣкоторыя надежды и сказать, что вопросъ о титулѣ можетъ быть окончательно рѣшенъ только на сеймѣ.

Между тѣмъ Лжедимитрій едва ли не болѣе всего былъ озабоченъ отсутствіемъ Марины. Онъ все время не переставалъ торопить свою невѣсту пріѣздомъ. Все было готово къ ея пріему, но бояре, посланные къ ней навстрѣчу, напрасно ожидали ее на границѣ. Марина не спѣшила. Это было настоящимъ испытаніемъ для самозванца. Онъ приходилъ въ отчаяніе и терялъ терпѣніе. Онъ всячески убѣждалъ ее, просилъ, умолялъ, угрожалъ самъ пріѣхать за ней. Ничто не помогало. Мнишекъ замедлялъ свою отправку въ путь.

Воевода, безъ сомнѣнія, слышалъ тѣ тревожныя вѣсти, которыя съ такою быстротою обошли всю Польшу и были весьма непріятны для Лжедимитрія. Зная дѣйствительную цѣну этихъ слуховъ и самозванство новаго московскаго царя, онъ, естественно, не рѣшался очертя голову бросить дочь свою въ самый водоворотъ самозванческой смуты. Отвѣчая на просьбы самозванца, Мнишекъ приводилъ разные предлоги для замедленія, нездоровье, отсутствіе денегъ. Въ одномъ письмѣ онъ говоритъ о дурныхъ слухахъ, распространяемыхъ недоброжелателями на счетъ его зятя, между прочимъ о скандальныхъ похожденіяхъ его. Въ Польшѣ, писалъ онъ, ходятъ странные слухи. Говорятъ, будто въ числѣ московскихъ женщинъ есть одна, славящаяся необыкновеннымъ умомъ и красотою, это Ксенія, дочь Бориса Годунова.

Она одна изъ всей семьи избѣгла смерти и пытокъ. Даже русскіе лѣтописцы, обыкновенно весьма сдержанные на по-

Патріархъ Гермогенъ.

хвалы, отдавали дань ея красотѣ и отзывались о ней восторженно. Тщательно воспитанная своимъ отцомъ, она умѣла читать и писать и привлекала взоры своимъ гибкимъ станомъ, поразительно бѣлымъ цвѣтомъ лица, яркимъ румянцемъ, большими темными глазами и черными, какъ смоль, волосами, ниспадавшими на плечи пышными косами. Злые языки говорили, что Ксенія жила въ Кремлѣ и что самозванецъ былъ къ ней далеко неравнодушенъ. Это встревожило Мнишка. Онъ дорожилъ честью своей дочери и не допускалъ, чтобы у нея была соперница. Онъ смѣло потребовалъ, чтобы самозванецъ удалилъ изъ дворца молодую дѣвушку, которая была слишкомъ хороша собою, чтобы не возбуждать подозрѣній.

Самозванецъ немедленно исполнилъ просьбу нареченнаго тестя. Царевну Ксенію Борисовну постригли въ монахини подъ именемъ Ольги и отправили въ одинъ изъ дальнихъ Бѣлозерскихъ монастырей. Горькая участь несчастной царевны симъ не закончилась: послѣ смерти Лжедимитрія въ теченіе смутнаго времени ее переводили изъ одного монастыря въ другой, и она подверглась самымъ грубымъ оскорбленіямъ.

Но Мнишекъ все медлилъ. Лжедимитрій сердился и особенно досадовалъ на невѣсту, которая не отвѣчала ему на письма. Власьевъ, въ Слонимѣ дожидавшійся Мнишка, писалъ ему: „Сердцемъ и душою скорблю и плачу о томъ, что все дѣлается не такъ, какъ договорились со мною и какъ по этому договору къ цесарскому величеству писано; великому государю нашему въ томъ великая кручина и думаю, что на меня за это опалу свою положитъ и казнить велитъ. А по цесарскаго величества указу, на рубежѣ для великой государыни нашей цесаревы и для васъ присланы ближніе бояре и дворяне и многій дворъ цесарскій и, живя со многими людьми и лошадьми на границѣ, проѣдаются“. Настойчивость Власьева была такъ назойлива, что Мнишекъ вышелъ изъ терпѣнія и пожаловался зятю: „Не можемъ же мы летѣть къ вамъ“, писалъ онъ съ досадою. Напрасно самозванецъ хлопоталъ о томъ, чтобы совершить бракосоче-

таніе съ Мариной въ мясоѣдъ между святками и масленицей. Гонцы постоянно скакали изъ Москвы въ Самборъ и обратно. Пропустивъ зимній путь, Мнишки должны были пережидать весенній разливъ водъ. Выведенный изъ терпѣнія, Лжедимитрій въ началѣ марта сухо увѣдомлялъ, что если воевода и его дочь будутъ долѣе медлить, то они едва ли застанутъ его въ Москвѣ, ибо послѣ Пасхи онъ намѣренъ отправиться въ лагерь къ войску, собиравшемуся на южной украинѣ, и тамъ пробудетъ цѣлое лѣто. Недѣли двѣ спустя онъ узналъ, что тесть и невѣста, наконецъ, выѣхали въ путь еще до полученія его послѣдняго письма, и потому онъ обрадованный поспѣшилъ извиниться въ этомъ письмѣ и сдѣлать всѣ нужныя распоряженія, чтобы облегчить имъ дорогу.

-- Лишь 2-го марта 1606 года Мнишки выѣхали изъ Самбора. Больше трехъ мѣсяцевъ потребовалось ихъ свитѣ и спутникамъ, чтобы снарядиться въ путь. Король Сигизмундъ именнымъ указомъ пріостановилъ всякое судебное преслѣдованіе противъ сендомирскаго воеводы на время его путешествія.

Весь поѣздъ былъ необыкновенно многочисленъ и доходилъ до двухъ тысячъ человѣкъ и стольких же лошадей съ огромнымъ обозомъ. Мечтая объ удовольствіяхъ, за Мнишкомъ тянулись едва ли не всѣ родные и друзья. Мнишекъ везъ съ собою своего сына Станислава, своего брата Ивана, племянника Павла, зятя Константина Вишневецкаго, Сигизмунда и Павла Тарло, трехъ Стадницкихъ, изъ коихъ одинъ, Мартинъ, былъ церемоніймейстеромъ Марины, Казановскаго, Любомірскаго, Доморацкаго, Голуховскаго. За Мариной слѣдовала женская свита: пани Гербертъ, Шмелевская, супруги братьевъ Тарло, гофмейстерина Казановская. Съ Мнишками ѣхало достаточное число католическаго духовенства: Францискъ Помаскій, ѣхавшій по собственному желанію, Гаспаръ Савицкій, посланный за счетъ папы, и семь бернардинскихъ монаховъ. Съ каждымъ паномъ ѣхалъ вооруженный отрядъ изъ пѣхоты и всадниковъ. Станиславъ Мнишекъ не отказалъ себѣ въ роскоши имѣть свой собственный оркестръ

музыки. Онъ нанялъ двадцать музыкантовъ и, кромѣ того, взялъ съ собою шута.

Подборъ свиты и особенно слугъ оказался въ высшей степени неудачнымъ. Они предавались пьянству, разврату, ссорамъ и убійствамъ. Одна женщина, чтобы скрыть свой позоръ, разрѣзала своего ребенка и бросила на крышу его окровавленные останки. Къ русскимъ поляки относились такъ дерзко и враждебно, что Мнишекъ принужденъ былъ принимать мѣры.

Путешествіе, прерываемое продолжительными остановками, совершалось весьма медленно. Надо думать, что Мнишекъ намѣренно медлилъ, желая въ пути получить разрѣшеніе для Марины отъ папы. Къ тому же разливъ рѣкъ еще не прекратился, и дороги повсюду были въ невозможномъ состояніи. Изъ окрестныхъ деревень сгоняли крестьянъ, чтобы строить и чинить мосты и гати. Въ опредѣленныхъ мѣстахъ путниковъ встрѣчали бояре, присланные изъ Москвы съ новыми подарками, каретами, палатками. 20-го апрѣля состоялась офиціальная встрѣча въ Лубно. Все было обставлено такъ, чтобы поразить умы. Поляки съ своей стороны дали почувствовать свою преувеличенную гордость. Ихъ встрѣтили и поздравили съ благополучнымъ прибытіемъ Михаилъ Нагой и князь Масальскій. Они горячо благодарили воеводу за то, что онъ былъ ангеломъ хранителемъ ихъ царя, били челомъ Маринѣ, съ восторгомъ цѣловали ея царскую руку и выразили готовность исполнить всѣ ея желанія.

Дальше Марина ѣхала въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотъ московскихъ всадниковъ и уже не какъ дочь сендомирскаго воеводы, а какъ невѣста русскаго царя. Высокихъ путешественниковъ всюду принимали торжественно. Духовенство и народъ выходили съ иконами и хлѣбомъ-солью. Горожане предавались шумному веселью и дарили имъ соболей. Дѣти боярскіе и стрѣльцы выстраивались въ праздничномъ нарядѣ.

Путешественники проѣхали Смоленскъ и Вязьму. Въ послѣднемъ городѣ воевода отдѣлился отъ дочери и съ частію своей свиты поѣхалъ впередъ. 24-го апрѣля (стараго стиля)

онъ торжественно въѣхалъ въ Москву. Басмановъ выѣхалъ къ нему навстрѣчу за городъ, одѣтый въ шитое золотомъ гусарское платье, во главѣ отряда дворянъ и дѣтей боярскихъ. Воеводу помѣстили въ бывшемъ домѣ Бориса Годунова, недалеко отъ царскаго дворца. На другой день самозванецъ принималъ своего тестя и его родственниковъ въ парадной аудіенціи, въ такъ называемой Золотой палатѣ, сидя на роскошно украшенномъ тронѣ, въ полномъ царскомъ облаченіи, въ присутствіи боярской думы, при чемъ по правую сторону отъ него сидѣлъ патріархъ съ архіереями. По сторонамъ трона стояли четыре рынды. Великій мечникъ держалъ обнаженный мечъ. Воевода сказалъ привѣтственную рѣчь, столь трогательную, что самозванецъ „плакалъ какъ бобръ, поминутно утирая платкомъ свои глаза“. Великій секретарь Аѳанасій Власьевъ держалъ за него отвѣтъ. Послѣ этого гости подходили къ самозванцу и цѣловали у него руку, а потомъ въ придворномъ храмѣ всѣ отслушали богослуженіе, за которымъ послѣдовало пиршество, устроенное уже въ новомъ деревянномъ дворцѣ. Въ слѣдующіе дни въ этомъ дворцѣ происходили ночные пиры и попойки, сопровождаемые польскою музыкой и танцами. Самозванецъ являлся одѣтымъ то помосковски, то въ богатомъ гусарскомъ нарядѣ. Тѣшилъ онъ своихъ гостей и звѣриной травлей, для чего въ одномъ подгородномъ селѣ собраны были разные звѣри.

Тѣмъ временемъ закончились приготовленія къ пріѣзду Марины. Такъ какъ съ дороги она должна была предварительно отдохнуть, у воротъ столицы построены были роскошныя палатки. Самозванецъ велѣлъ разбить нѣсколько богатыхъ шатровъ и такъ устроилъ ихъ, что они казались красивымъ городомъ. Эти шатры, въ которыхъ находились съѣстные припасы и вино, были поставлены для того, чтобы царица могла въ нихъ приготовиться къ торжественному въѣзду. Самый обширный изъ нихъ, обитый обоями и украшенный надписями изъ священнаго писанія, былъ превращенъ въ походный костелъ, въ которомъ, въ присутствіи путешественниковъ, ежедневно совершалось богослуженіе.

2-го мая, наконецъ, совершился торжественный въѣздъ нареченной царицы въ Москву. Іезуитъ Савицкій былъ свидѣтелемъ ея приготовленій, выдававшихъ тревожное настроеніе ея души. Марина пригласила Савицкаго утромъ и пожелала исповѣдаться у него. Послѣ исповѣди она отстояла обѣдню и причастилась. Савицкій не упустилъ случая сдѣлать ей необходимыя внушенія. Онъ напомнилъ ей обѣщанія, данныя ею тѣмъ лицамъ, кои надѣялись видѣть въ ней посредницу въ дѣлахъ вѣры. Зная, что доступъ къ царю весьма затруднителенъ, Савицкій просилъ свою духовную дочь, чтобы она облегчила ему сношенія съ Лжедимитріемъ. Марина обѣщала исполнить его просьбы.

Зрѣлище въѣзда Марины въ Москву превосходило самыя пылкія мечты. Лжедимитрій обставилъ его великолѣпно. Марина ѣхала въ большой каретѣ, оправленной серебромъ, съ царскими гербами, запряженной двѣнадцатью бѣлыми конями въ яблокахъ; каждаго коня велъ особый конюхъ. По пути разставлены были шпалерами блестящіе отряды изъ польскихъ ротъ, нѣмецкихъ алебардщиковъ, московскихъ дворянъ, стрѣльцовъ и казаковъ. Самозванецъ лично разставлялъ войска и давалъ наставленія боярамъ, назначеннымъ къ встрѣчѣ, но самъ онъ смотрѣлъ на въѣздъ, скрываясь въ толпѣ. Любопытно, что при вступленіи нареченной царицы въ Москву, когда она ѣхала между Никитскими и Кремлевскими воротами, внезапно поднялся вихрь и заглушилъ звуки набатовъ, трубъ и литавръ, какъ это было при въѣздѣ Лжедимитрія. Многими это принято было за дурное предзнаменованіе.

Сопровождаемая колокольнымъ звономъ и звуками трубъ, Марина остановилась передъ Вознесенскимъ монастыремъ, гдѣ жила царица Мареа и гдѣ Марина должна была провести среди монахинь тѣ нѣсколько дней, которые оставались до ея коронованія. Тутъ ее посѣтилъ самозванецъ. Здѣсь скоро Марина загрустила въ одиночествѣ, тѣмъ болѣе, что московская кухня была вовсе ей не по вкусу. Объ этомъ доложили Лжедимитрію, и столъ тотчасъ былъ измѣненъ. Самозванецъ былъ непреклоненъ лишь въ одномъ:

онъ рѣшительно запретилъ ксендзамъ ходить въ монастырь и не сдѣлалъ уступки даже ради Троицына дня.

Въ тотъ же день, но немного ранѣе Марины, въ Москву прибыли и королевскіе послы Олесницкій и Гонсѣвскій.

Въ Москву наѣхало, такимъ образомъ, множество поляковъ. Для помѣщенія ихъ московскіе обыватели принуждены были уступить свои дома этимъ безпокойнымъ и притязательнымъ гостямъ. Мало того, что поляки явились вооруженными съ головы до ногъ: они привезли въ своихъ повозкахъ большіе запасы огнестрѣльнаго и холоднаго оружія. При видѣ этихъ запасовъ москвичи не особенно увеселялись постоянно гремѣвшею польскою музыкою, и сердца ихъ исполнились тревожныхъ ожиданій.

Свидѣтель всѣхъ этихъ торжествъ, архіепископъ Арсеній, оставилъ восторженное описаніе встрѣчи царицы.

„Посовѣтовавшись съ боярами, синклитомъ двора относительно того, чтобы взять себѣ въ жены Марину, дочь польскаго сендомирскаго воеводы Георгія, всѣ порѣшили взять ее, *если она будетъ перекрещена въ нашей восточной церкви.* И такимъ образомъ онъ отправилъ въ Польшу великаго боярина князя Василія Масальскаго и великаго дьяка (логоѳета) Аѳанасія Власьева съ многочисленными подарками и деньгами на расходы, и они привезли ее. Съ нею прибылъ отецъ ея Георгій, воевода сендомирскій; явились съ нею на брачное торжество два брата ея, многіе польскіе бояре и боярыни, многіе изъ благородныхъ фамилій, юноши и дѣвицы. Всего прибыло съ нею душъ болѣе шести тысячъ. Явились они съ великимъ торжествомъ, а для нея была устроена величественная встрѣча. Всѣ бояре и начальствующіе въ блестящихъ одеждахъ вышли навстрѣчу ей изъ Москвы, въ предшествіи, по чину, царя, бояръ и народа. Послѣ того какъ приготовлена была встрѣча, царь съ немногими боярами возвратился во дворецъ. Вся церемонія встрѣчи Марины, дочери сендомирскаго воеводы, прошла со славою и великою честію, каковыя никто не въ состояніи описать по причинѣ ихъ великолѣпія и торжественности. Въ большой сребровызолоченной каретѣ сидѣла Марина со

многими молодыми дѣвицами. Въ карету были запряжены избранные двѣнадцать коней, всѣ бѣлой масти, кругомъ кареты на коняхъ ѣхали боярскія дѣти въ золотыхъ одеждахъ, впереди кареты находились многочисленные избранные молодые, вооруженные пѣшіе воины, съ ружьями на плечахъ и съ серебряными мечами у пояса, а впереди пѣшихъ воиновъ ѣхало на коняхъ множество другихъ вооруженныхъ воиновъ, съ оружіемъ избраннѣйшимъ и сребровызолоченнымъ, и впереди этихъ воиновъ на конѣ въ золотой одеждѣ ѣхалъ главнокомандующій, держа въ рукахъ сребровызолоченный жезлъ; впереди главнокомандующаго находились многочисленные доброгласные органы: трубы, кимвалы, тимпаны и бубны и другіе иные музыкальные инструменты, игравшіе по пути во все время шествія. Сзади близъ кареты находился отецъ ея, братья и родственники, а за ними сзади въ каретахъ въ четыре лошади сидѣли многочисленныя боярыни. Когда вошли въ великую Москву, то царица Мареа монахиня, мать царя, встрѣтила ее (Марину) съ великою честію въ приготовленныхъ для нея великихъ палатахъ въ дѣвичьемъ монастырѣ Вознесенія Христа Бога нашего, пробывъ съ этою матерію царя восемь дней, такъ какъ шло приготовленіе къ браку".

На другой день послѣ въѣзда Марины Лжедимитрію представились ея свита и посланники короля. Церемоніймейстеръ Марины въ рѣчи своей употребилъ императорскій титулъ. Но лишь только первый посланникъ, исполняя королевскій наказъ, назвалъ Лжедимитрія великимъ княземъ, лицо самозванца омрачилось и онъ пришелъ въ крайнее раздраженіе. Но онъ выслушалъ Олесницкаго до конца и взялъ изъ рукъ его королевское посланіе. Власьевъ взглянулъ на грамоту: она была написана не такъ, какъ слѣдуетъ. Грамота Сигизмунда, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, была возвращена посланнику съ замѣчаніемъ, что въ Москвѣ нѣтъ великаго князя. Это вызвало страшное смятеніе и споръ среди присутствующихъ. Дьяки, посланники и самозванецъ говорили вмѣстѣ, осыпая другъ друга рѣзкими и бранными словами. Вспыльчивый и рѣзкій Олесницкій сказалъ самозванцу:

— Вы оскорбляете короля и республику, сидя на престолѣ, который достался вамъ дивнымъ промысломъ Божіимъ, милостію королевскою, помощію польскаго народа; вы скоро забыли это благодѣяніе.

— Мы не можемъ удовольствоваться,— отвѣчалъ Лжедимитрій, — ни титуломъ княжескимъ, ни господарскимъ, ни царскимъ, потому что мы императоръ въ своихъ обширныхъ государствахъ и пользуемся этимъ титуломъ не на словахъ только, какъ то дѣлаютъ другіе, но на самомъ дѣлѣ, ибо никакіе монархи, ни ассирійскіе, ни мидійскіе, ни цезари римскіе не имѣли на него большаго, чѣмъ мы, права. Намъ нѣтъ равнаго въ полночныхъ краяхъ касательно власти: кромѣ Бога и насъ здѣсь никто не повелѣваетъ.

Разговоръ не могъ окончиться миролюбиво, какъ вдругъ самозванецъ прибѣгъ къ уловкѣ: онъ зналъ Олесницкаго въ Польшѣ и звалъ его къ рукѣ, какъ частнаго человѣка и стараго пріятеля. Но посолъ отказался и отъ этой чести.

— Какъ вы,—сказалъ онъ,—знали меня въ Польшѣ усерднымъ своимъ пріятелемъ и слугою, такъ теперь пусть король узнаетъ во мнѣ вѣрнаго подданнаго и добраго слугу.

Тогда самозванецъ сказалъ Олесницкому:

— Подойди, вельможный панъ, какъ посолъ.

— Подойду тогда,— отвѣчалъ Олесницкій,— когда вы согласитесь взять грамоту королевскую.

Самозванецъ уступилъ и взялъ грамоту. Тогда оба посла подошли къ рукѣ царской, а дьякъ, прочитавъ грамоту, отвѣчалъ, что цесарь беретъ ее только для своей свадьбы, но что потомъ никогда ни отъ кого не приметъ грамоты, въ которой не будетъ прописано его полнаго титула.

Пока шли приготовленія къ коронаціи Марины, самозванецъ продолжалъ оказывать свое вниманіе къ невѣстѣ и ея отцу. Чтобы она не скучала въ монастырской тишинѣ, онъ посылалъ въ монастырь забавлять ее музыкантовъ, пѣсенниковъ, скомороховъ и тѣмъ приводилъ въ немалый соблазнъ инокинь и всѣхъ православныхъ. Онъ поднесъ ей ларецъ съ драгоцѣнностями на полмилліона рублей. Тестю онъ подарилъ еще 100.000 злотыхъ и сани, обитыя бархатомъ съ

красною усаженною жемчугомъ попоною для коня и съ ковромъ, подбитымъ соболями; козлы были окованы серебромъ, а запряженный въ сани бѣлый конь имѣлъ по обѣимъ сторонамъ хомута по сороку самыхъ лучшихъ соболей; дуга и оглобли были обтянуты краснымъ бархатомъ и перевиты серебряною проволокой.

Самозванецъ рѣшилъ соединить вмѣстѣ коронацію и свадьбу, но такъ чтобы коронація Марины предшествовала ихъ свадьбѣ. Но тутъ возникали большія затрудненія и являлся вопросъ: могъ ли московскій царь жениться на полькѣ и католичкѣ? А если супруги не могли исповѣдывать разныя вѣры, то какое ручательство могла дать невѣста въ томъ, что она приметъ православную вѣру? Митрополитъ Казанскій Гермогенъ и епископъ Коломенскій Іосифъ, основываясь на обычаѣ того времени, дерзновенно потребовали, чтобы Марина была крещена, какъ были перекрещиваемы всѣ католики, переходившіе въ православіе. „Польская дѣвка“, по понятіямъ того времени, была ни болѣе ни менѣе какъ язычница, недостойная носить корону до тѣхъ поръ, пока не приметъ крещенія по обряду православной церкви.

Самозванецъ былъ жестоко разгнѣванъ и обѣщался нещадно наказать святителей. Гермогенъ неожиданно былъ лишенъ своей митрополіи. Тогда самозванецъ настоялъ на своемъ, чтобы Марина была только мѵропомазана, имѣя въ виду ввести этимъ въ обманъ и русскихъ, и поляковъ. Русскіе принимали мѵропомазаніе за свидѣтельство перехода ея въ православіе, а поляки смотрѣли на него, какъ на одну изъ частей коронаціи, нисколько не затрогивавшую вѣры Марины. Такимъ образомъ одно и то же священнодѣйствіе могло быть принято одними за помазаніе на царство, а другими за отреченіе отъ католической вѣры. Разумѣется само собою, что ни Марина, ни самозванецъ вовсе не желали покидать католическую вѣру, оставались неизмѣнно вѣрными папскому престолу и лишь старались ввести въ обманъ простодушныхъ русскихъ людей своими притворными и кощунственными дѣйствіями. Дѣло въ этомъ отношеніи дошло до того, что заранѣе составленъ былъ церемоніалъ торжества

и въ немъ было сказано о причащеніи Марины изъ рукъ патріарха. Этимъ имѣлось въ виду окончательно сбить съ толку русскихъ людей: никто не могъ заподозрить обмана, самые недовѣрчивые люди должны были повѣрить очевидности и могли думать, что ихъ будущая государыня будетъ исповѣдывать православную вѣру.

Въ ночь съ 6-го на 7-ое мая 1606 года, при свѣтѣ факеловъ, между рядами придворныхъ алебардщиковъ и стрѣльцовъ, Марина переѣхала изъ Вознесенскаго монастыря въ новый царскій дворецъ. Бракосочетаніе и коронованіе должны были совершиться 8-го мая. И это было сдѣлано вопреки обычаямъ православной церкви, такъ какъ это число приходилось наканунѣ Николина дня и въ четвергъ, когда свадебъ вовсе не вѣнчаютъ.

Въ четвергъ 8-го мая съ ранняго утра Москва оглашалась колокольнымъ звономъ. Населеніе въ несмѣтномъ числѣ высыпало на улицу и на площади, войска заняли свои мѣста въ Кремлѣ, именитые люди и польскіе гости собрались въ Грановитой палатѣ. Здѣсь протопопъ Ѳеодоръ обручилъ царственную чету.

Изъ Грановитой палаты новобрачные въ торжественной процессіи шествовали въ Успенскій соборъ. Эта великая православная святыня, недоступная ни для одного иновѣрца, на этотъ разъ широко раскрыла свои двери для поляковъ и католиковъ, къ великому прискорбію православныхъ, которыхъ, за исключеніемъ ближайшей свиты, и совсѣмъ не впустили въ соборъ, якобы во избѣжаніе тѣсноты. Навстрѣчу молодымъ, одѣтымъ въ роскошный русскій нарядъ, изъ собора вышелъ партріархъ Игнатій, окруженный епископами. Самозванецъ и Марина взошли на возвышенный помостъ, гдѣ были приготовлены три сѣдалища: среднее, самое высокое и украшенное, служило трономъ для жениха, по лѣвую сторону для невѣсты, а по правую, наименѣе высокое, для патріарха. Придерживаясь во всемъ старыхъ обычаевъ, патріархъ помазалъ Марину мѵромъ, возложилъ на голову ея царскую корону, а на плечи бармы. Послѣ того всѣ трое сѣли, а бояре и свита подходили къ Маринѣ, чтобы по-

здравить ее и поцѣловать руку ея. Началась литургія. Въ положенное время самозванецъ и Марина не выказали желанія причаститься святыхъ Таинъ изъ рукъ православнаго патріарха.

Неслыханная вещь! Лжецарь кощунственно обманывалъ православныхъ, принимая ихъ таинства и святыни, а лжецарица открыто осталась полькой и католичкой!.. Конечно, самое точное соблюденіе всѣхъ прочихъ народныхъ обычаевъ не могло искупить дерзость самозванной четы и уничтожить тягостное впечатлѣніе, произведенное на присутствовавшихъ русскихъ, такъ какъ все остальное было мелочью передъ издѣвательствомъ надъ высочайшей святыней.

По окончаніи литургіи протопопъ Ѳеодоръ совершилъ вѣнчаніе, за которымъ сосудъ, изъ котораго молодымъ дали испить вина, былъ брошенъ на землю и растоптанъ.

Новобрачные въ той же великолѣпной процессіи воротились во дворецъ. Въ дверяхъ посаженный отецъ осыпалъ ихъ золотыми монетами. Въ толпу, затѣмъ, начали бросать золотыя и серебряныя монеты, и ловля ихъ произвела большое движеніе и даже драку.

День, въ который были попраны самыя священнѣйшія народныя вѣрованія, близился уже къ концу. Торжественные обряды православной церкви длились такъ долго, часъ былъ уже столь поздній, что пришлось отложить брачный пиръ до слѣдующаго дня и ограничиться только угощеніемъ молодыхъ.

На свадьбѣ посаженнымъ отцомъ и матерью были князь Ѳ. И. Мстиславскій и его жена; тысяцкимъ былъ князь В. И. Шуйскій, а дружками его братъ князь Димитрій, двое Нагихъ и панъ Тарло; свахами были ихъ жены. И это участіе въ свадебныхъ должностяхъ поляковъ было новостію, поразившею москвичей.

Свадебный пиръ приходился въ пятницу, день постный... Даже многіе поляки были возмущены этимъ, а православный народъ съ грустію молчаливо покачивалъ головою.

Пиръ не прошелъ гладко. Когда дьякъ Грамотинъ явился къ польскимъ посланникамъ съ приглашеніемъ, то они,

ссылаясь на то, что Власьевъ во время бракосочетанія Марины въ Краковѣ сидѣлъ за королевскимъ столомъ, потребовали себѣ мѣста за царскимъ столомъ. Къ нимъ посланъ былъ Аѳанасій Власьевъ. Завязался продолжительный и упорный споръ, ни къ чему не приведшій: послапники отказались отъ участія въ пиршествѣ послѣ того, какъ Власьевъ заявилъ имъ:

— А нашъ цесарь выше всѣхъ христіанскихъ монарховъ; у него каждый попъ папа.

Обѣдъ прошелъ довольно чинно, если не считать, что во время его играла польская музыка, чего не могъ одобрить набожный русскій народъ. Но настоящее веселье началось лишь по уходѣ русскихъ изъ дворца, когда самозванецъ остался съ одними поляками. Снова раздались звуки музыки, чаши наполнились виномъ, языки развязались. Непринужденныя рѣчи самозванца коробили даже поляковъ: онъ то выхвалялъ себя и свое могущество, то пробовалъ свое остроуміе надъ ксендзами и папою... Вечеръ закончился оживленными танцами.

На слѣдующій день, 10-го мая, Марина уже не въ русскомъ царскомъ нарядѣ, а въ польскомъ костюмѣ принимала поздравленія и подарки отъ своихъ подданныхъ: патріарха, высшаго духовенства, бояръ, купцовъ, ремесленниковъ. Введены были даже лапландцы съ своими произведеніями, мѣхами, которые они повергли къ ногамъ Марины.

Тѣмъ временемъ воевода сендомирскій нашелъ примирительный выходъ въ столкновеніи съ посланниками. Самозванецъ заявилъ:

— Хотя бы самъ король пріѣхалъ въ Москву, я не посажу его за свой столъ.

Посланники ссылались на приказаніе своего короля. Тогда воевода придумалъ поставить для Олесницкаго, по правую руку царя, особый столикъ пониже царскаго, а Гонсѣвскаго посадить на первомъ мѣстѣ среди польскихъ гостей.

Затрудненіе было разрѣшено, и 11-го мая посланники явились на пиръ. Впрочемъ самозванецъ дважды потомъ жестоко оскорбилъ ихъ польскую гордость, заставивъ Гонсѣвскаго

за обѣдомъ подойти къ рукѣ и поблагодарить за царскую здравицу, которую произнесъ самозванецъ за здоровье посланника, а во время танцевъ заставивъ Олесницкаго снять шапку, хотя посланникъ рѣшился танцовать въ шапкѣ лишь послѣ заявленія самозванца, что въ тотъ день, 15-го мая, не будетъ ни царя, ни посланника, и этикетъ отмѣнялся. Въ этотъ же день посланники вели переговоры съ боярами о крестовомъ походѣ противъ Турокъ, закончившіеся укорами и колкостями. Узнавъ объ этомъ, самозванецъ рѣшилъ лично обсудить этотъ вопросъ съ посланниками. Онъ разсчитывалъ на время, но оно не принадлежало ему: подъ ногами у него уже разверзлас пропасть. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, надо еще разъ послушать любопытный разсказъ архіепископа Арсенія объ этихъ торжествахъ.

„Когда наступило 8-ое мая,—говоритъ онъ,—то съ великимъ чиномъ, торжественностью и честію соединившись, царь Димитрій съ Мариною вышли изъ дворца въ сопровожденіи всѣхъ бояръ, синклита, мущинъ и женщинъ, со славою и торжественностію великою. Весь полъ дворца и путь, ведущій въ соборный храмъ Пречистой Богородицы, и весь полъ соборной церкви были устланы бархатною парчею, затканною золотомъ. При входѣ въ церковь ихъ встрѣтилъ патріархъ съ архіереями и благословилъ ихъ честнымъ и святымъ крестомъ. Пѣвцы пропѣли ей царское многолѣтіе. Патріархъ, взявъ обоихъ, въ сопровожденіи архіереевъ, взошелъ на приготовленное высокое мѣсто, посрединѣ церкви, все покрытое и украшенное бархатною съ золотомъ парчею. Вверху на этомъ высокомъ мѣстѣ стояли три сребровызолоченныя скамеечки съ драгоцѣнными подушками для патріарха, для царя и невѣсты Марины. Они сѣли на эти скамеечки, а архіереи сѣли на ступенькахъ возвышеннаго мѣста на золототканныя подушки. Предъ царскими дверьми, на приготовленномъ хорошо убранномъ столикѣ, лежали царскія одежды царицы. Патріархъ, царь и всѣ архіереи, сидящіе съ ними, встали. Патріархъ сказалъ: „Благословенъ Богъ нашъ“. Вовремя чтенія молитвъ патріархомъ и архіереями, по чину, два архіерея принесли царскія одежды, каждый по одной,

по чину. Партріархъ, принявши ихъ, благословилъ ихъ и возложилъ на царицу Марину при помощи архіереевъ. Царь, будучи напередъ коронованъ царскими одеждами, стоялъ на своемъ мѣстѣ. По возложеніи на царицу всѣхъ одеждъ, когда патріархъ прочиталъ молитвы, пѣвцы пропѣли „аксіосъ“ и многолѣтіе. По возложеніи одеждъ и по прочтеніи молитвъ, царь и царица, оба облаченные въ царскія одежды, сошли внизъ и, въ предшествіи патріарха, вошли *на высочайшій* царскій тронъ, оставаясь для выслушанія божественной литургіи. Патріархъ началъ божественную литургію и, по окончаніи ея, пѣвцы пропѣли царское многолѣтіе, по чину. Послѣ Божественной литургіи благовѣщенскій протопопъ Ѳеодоръ повѣнчалъ ихъ посреди церкви предъ святыми вратами. И послѣ вѣнчанія своего, *оба они не пожелали причаститься Святыхъ Таинъ*. Это сильно опечалило всѣхъ, не только патріарха и архіереевъ, но и всѣхъ видѣвшихъ и слышавшихъ. Итакъ, это была первая и великая печаль и начало скандала и причина многихъ бѣдъ для всего народа московскаго и всей Руси. Послѣ вѣнчанія они отправились во дворецъ, по чину, на пути осыпаемые безчисленными серебряными деньгами и немалымъ количествомъ флориновъ золота. Когда вошли во дворецъ царь, царица, всѣ бояре и боярыни русскіе и польскіе и весь синклитъ, то началось великое торжество и все, что относится къ браку. Патріархъ и архіереи послѣ божественной литургіи удалились домой“.

„Въ слѣдующее воскресеніе патріархъ, архіереи, архимандриты и игумены и мы пошли во дворецъ съ многочисленными подарками царю и царицѣ, состоящими изъ сребровызолоченныхъ иконъ, бархатовъ золототканныхъ, сребровызолоченныхъ кубковъ, рытыхъ бархатовъ и соболей. Мы пришли во дворецъ, когда тамъ уже ожидали весьма многіе знатные бояре и другія лица, пришедшіе со многими дарами и желающіе преподнести ихъ царю и царицѣ. Вошедши въ золотую палату вслѣдъ за архіереями, патріархъ сначала благословилъ царя и царицу, сидящихъ на царскихъ богатыхъ тронахъ, и сѣлъ справа близъ царя на маломъ

тронѣ, хорошо убранномъ. Поднявшись, патріархъ поднесъ царю всѣ подарки, предварительно и потомъ благословивши его; равнымъ образомъ онъ поднесъ подарки и царицѣ, благословивъ ее. Точно такъ же благословили царя и царицу всѣ архіереи и вручили подарки, а архимандриты и игумены поднесли дары царю и царицѣ, поклонившись. Итакъ, не показалось пріятнымъ патріарху, архіереямъ, боярамъ и всему народу, видѣвшимъ царицу, одѣтую въ неизвѣстную и иноземную одежду, имѣющую на себѣ польское платье, а не русское, какъ это было принято въ царскомъ чинѣ, и какъ это дѣлали цари прежде него. Все это весьма сильно опечалило. *Это послужило причиною и поводомъ ко многимъ бѣдствіямъ, къ погибели царя и всего народа* обѣихъ національностей, русскихъ и поляковъ".

XXXIV.

Гибель самозванца.

Чаша терпѣнія русскихъ людей переполнилась. Сначала удивленіе, а потомъ сомнѣніе и подозрѣніе скоро перешли въ неудовольствіе. Недовольныхъ было много, а оскорбленными поруганіемъ святыни оказались всѣ православные.

Разочарованіе и недовольство новымъ царемъ начались уже давно среди всѣхъ слоевъ населенія Московскаго государства. Если даже и преувеличенъ слухъ о томъ, что при самомъ началѣ правленія новаго царя „обыкновенно ночью пытали, убивали и казнили людей", и что „каждый день то тамъ, то здѣсь происходили казни", все-таки несомнѣнно, что новое царствованіе началось не вполнѣ милостиво. Всѣ слои московскаго населенія испытали на себѣ, что „великій государь" не всѣхъ одинаково жалуетъ, какъ обѣщалъ, „по своему царскому милосердному обычаю". Съ другой стороны, „великій государь" слишкомъ жаловалъ тѣхъ, кого Москва не любила и боялась. Съ нимъ въ Москву пришли казаки

и польскія роты и пріѣхали польско-литовскіе паны. Весь этотъ народъ думалъ, что именно ему москвичи обязаны возстановленіемъ династіи, а новый царь своимъ престоломъ. Поведеніе пришлецовъ было надменно и грубо, нравы распущены. Москвичи оскорблялись предпочтеніемъ, которое оказывалось иноземцамъ, и свободою, съ какою держалъ себя въ Москвѣ чужой людъ. Правда, Лжедимитрій скоро распустилъ свое войско и расплатился съ нимъ, но на смѣну ушедшимъ явились въ Москву новые выходцы искать торговыхъ барышей или придворныхъ милостей. Лжецарь всегда былъ окруженъ чужеродными гостями и иностранною стражею. Много было и другихъ поводовъ къ жалобамъ, вытекавшихъ изъ попранія народныхъ обычаевъ и порядковъ. Самозванецъ ввелъ за обѣдомъ у себя музыку, пѣніе, не молился передъ обѣдомъ, не умывалъ рукъ въ концѣ стола, ѣлъ телятину, не ходилъ въ баню, не спалъ послѣ обѣда, а употреблялъ это время для осмотра своей казны, на посѣщеніе мастерскихъ, при чемъ уходилъ изъ дворца самъ-другъ, безо всякой пышности; самъ билъ медвѣдей, самъ стрѣлялъ изъ новыхъ пушекъ, самъ училъ ратныхъ людей, въ примѣрныхъ приступахъ къ земляпымъ крѣпостямъ лѣзъ въ толпѣ на валы, несмотря на то, что его иногда палками сшибали съ ногъ, давили. Но особенно оскорблялись пристрастіемъ къ латинской вѣрѣ. Мало-по-малу народъ, видѣвшій приготовленія къ казни крамольника В. Шуйскаго, сталъ думать, что это былъ не крамольникъ, а провидецъ и страдалецъ за вѣру и правду. Обаяніе самозванца быстро стало падать. Весною же 1606 года нашествіе поляковъ на Москву ради свадьбы самозванца и Марины и вовсе отвратило московское населеніе отъ новаго двора. Любопытно указаніе въ письмѣ Бучинскаго къ самозванцу, въ январѣ 1606 года, что даже невеликіе люди говорили между собою, будто на Москвѣ уже точно дознались, что царь Димитрій не настоящій царь; стало быть еще за полгода подобные разговоры были въ ходу между москвичами.

У московской знати были свои особыя причины быть недовольною новымъ порядкомъ. Самозванецъ всячески отстра-

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій.

нялъ старое боярство и выдвигалъ впередъ ту среду дворцовой знати, отъ которой боярство терпѣло во всю вторую половину XVI вѣка. Во дворцѣ самозванца собирался такой правительственный кругъ, который по своей пестротѣ и демократичности могъ съ большимъ успѣхомъ поспорить съ „опричнинской“ компаніей. Самозванецъ, повидимому, самъ понялъ невыгоду своего отдаленія отъ боярства и скоро вернулъ Шуйскаго, но подобныя старанія сблизиться съ русскими вельможами остались безуспѣшными. Шуйскіе едва вернулись въ Москву, послали за одно съ Голицыными, Безобразова съ тайными рѣчами къ Сигизмунду.

На сторонѣ недовольныхъ стало и духовенство, объявившееся врагомъ „разстриги“. Оно съ особеннымъ вниманіемъ должно было ловить всѣ слухи о томъ, что самозванецъ находится въ сношеніяхъ съ папою и вообще близокъ съ иновѣрцами. Присутствіе въ Москвѣ людей иныхъ исповѣданій, увѣренная смѣлость ихъ поведенія, посѣщеніе ими православныхъ церквей и недостатокъ уваженія къ святынѣ, волновали и возмущали московское духовенство. За попустительство и личную небрежность къ обрядамъ самозванецъ получилъ названіе еретика, главною цѣлію котораго было ниспроверженіе православія въ государствѣ. Отобраніе въ казну нѣкоторыхъ участковъ церковной земли въ самой Москвѣ, поборы съ монастырей, при чемъ съ одного Троице-Сергіева монастыря взято было 30.000 рублей, поддерживали убѣжденіе во враждебномъ отношеніи царя къ церкви. Духовенство стало считать подвигомъ благочестія стояніе противъ разстриги. Пастыри церкви Гермогенъ казанскій и Ѳеодосій астраханскій, знатный „первострадалецъ“ князь Василій Шуйскій и смиренный Тимоѳей Осиповъ, „мужъ благочестивъ образомъ и нравомъ“, одинаково представились „доблими мучениками“ и поборателями по вѣрѣ за то, что смѣло отстаивали свои мнѣнія передъ самозванцемъ.

Надобенъ былъ лишь вождь и руководитель, чтобы сплотить недовольныхъ и свергнуть ненавистнаго самозванца. Съ осени 1605 года Шуйскій вторично взялся за это дѣло или, вѣрнѣе сказать, обстоятельствами былъ поставленъ въ

центрѣ движенія. Въ глазахъ толпы онъ снискалъ уваженіе уже первою попыткою. У него къ этому же были большія связи въ разныхъ кругахъ населенія, за нимъ шли и купцы, и дѣти боярскія, и воинскіе отряды.

Но для успѣха дѣйствій нужны были подготовка и время. Какъ видно изъ письма Бучинскаго и изъ посольства Безобразова, эта подготовка началась еще въ концѣ 1605 года. Съ начала 1606 года самозванецъ сталъ ловить признаки народнаго броженія. Ночью 8-го января произошла ночная тревога въ его дворцѣ. Было мнѣніе, что переполохъ былъ вызванъ покушеніемъ на жизнь самозванца со стороны извѣстнаго Шерефединова. Въ Великомъ посту московскіе стрѣльцы „поговорили“ про самозванца, что онъ разоряетъ ихъ вѣру, и стала „мысль быти въ служилыхъ людяхъ въ стрѣльцахъ, якобы имъ къ кому было пристать“. Эта мысль стала извѣстна Басманову, начальнику стрѣльцовъ. Поговорившіе стрѣльцы были схвачены и избиты своими же товарищами, которымъ ихъ выдалъ самозванецъ для расправы. Въ мартѣ же слѣпой великій князь Симеонъ Бекбулатовичъ былъ посланъ изъ Москвы въ Кирилловъ монастырь. Самозванецъ считалъ его за лицо, къ которому могли „пристать“, и приказалъ постричь въ монахи и „покоить“ въ монастырѣ. Нѣкто дьякъ Тимоѳей Осиповъ, движимый ревностію къ вѣрѣ, рѣшился обличить лжецаря и приготовиться къ мученичеству. Онъ нѣсколько дней постился и молился, потомъ, причастившись святыхъ тайнъ, пришелъ въ царскія палаты и предо всѣми сказалъ самозванцу:

— Ты воистину Гришка Отрепьевъ, разстрига, а не цесарь непобѣдимый, ни царевъ сынъ, Димитрій, но грѣху рабъ!

Раздраженный самозванецъ велѣлъ его вывести и убить.

Черезъ мѣсяцъ послѣ стрѣлецкой смуты пріѣхали поляки на свадьбу самозванца и своимъ поведеніемъ ускорили ходъ событій. Слишкомъ шумное и наглое поведеніе вооруженнаго „рыцарства“ раздражало москвичей настолько, что въ „рядахъ“ полякамъ перестали продавать порохъ и свинецъ для того, чтобы веселые гости постоянными выстрѣлами не

тревожили народа и не нарушали общаго спокойствія“. Самый чинъ свадебныхъ церемоній и пировъ, несогласованный съ требованіями московской порядочности и оскорбительный для русской набожности, возбуждалъ народное негодованіе, тѣмъ болѣе, что на царскую свадьбу въ Кремль простого народа и не пустили. Если раньше заговорщикамъ надо было возбуждать народъ противъ разстриги, то послѣ свадьбы, наоборотъ, бояре могли опасаться, что народное буйство испортитъ ихъ расчеты и вскроетъ прежде времени ихъ замыслы. Съ 12-го мая народъ началъ волноваться всею массою, и во всѣ послѣдующіе дни самозванецъ получалъ донесенія объ этомъ отъ офицеровъ своей стражи. Предостереженія шли и отъ польскихъ пословъ, бывшихъ тогда въ Москвѣ. Для пословъ опасность казалась настолько явною, что они уже съ 15-го на 16-е мая всю ночь содержали свои караулы на посольскомъ дворѣ. Самозванецъ же въ непонятномъ ослѣпленіи считалъ свою власть и безопасность совершенно прочными, думая, по выраженію Палицына, что онъ „всѣхъ въ руку свою объятъ, яко яйце“.

15-го мая Лжедимитрій назначилъ аудіенцію іезуиту Савицкому, давно уже желавшему увидѣть самозванца и напомнить ему объ обѣщаніяхъ, данныхъ имъ римскому папѣ. Оставшись наединѣ съ самозванцемъ, іезуитъ поцѣловалъ ему руку и произнесъ обычное привѣтствіе. Лжедимитрій съ восторгомъ встрѣтилъ стараго друга, подтвердилъ, что помнитъ свои обѣщанія и готовъ исполнить ихъ. Затѣмъ, принявъ письмо отъ генерала іезуитскаго ордена и нѣкоторыя вещицы, самозванецъ всталъ съ мѣста и началъ ходить большими шагами взадъ и впередъ по комнатѣ, взялъ и Савицкаго подъ руку, увлекъ за собою и заставилъ ходить вмѣстѣ съ нимъ. Разговоръ оживился. Когда зашла рѣчь о религіи, іезуитъ сказалъ, что присланъ выслушать приказанія самозванца и привести ихъ въ исполненіе. При этихъ словахъ самозванецъ прервалъ іезуита и сказалъ:

— Въ Москвѣ должна быть основана, и притомъ немедленно, коллегія съ учениками и профессорами, выписанными изъ-за границы.

Не давъ возможности обсудить этотъ вопросъ, самозванецъ перемѣнилъ тонъ и заговорилъ о войскѣ: сто тысячъ человѣкъ, сказалъ онъ, стоятъ подъ знаменами, готовые двинуться по мановенію его руки, но онъ еще колеблется, не зная, придется ли двинуть ихъ противъ турокъ или противъ кого-либо иного. Затѣмъ онъ безъ всякаго повода сталъ жаловаться на Сигизмунда, который смѣетъ отказывать ему въ императорскомъ титулѣ.

— Будемъ надѣяться,—произнесъ Савицкій,—что Провидѣніе не допуститъ вражды и непріязни между столь могущественными монархами.

Савицкій спросилъ, слѣдовало ли ему вернуться въ Польшу или оставаться въ Москвѣ. Самозванецъ велѣлъ остаться и на просьбу іезуита дозволить ему являться во дворецъ всякій разъ, когда онъ признаетъ необходимымъ, немедленно сдѣлалъ распоряженіе своему секретарю. Простившись, Савицкій отправился домой и по дорогѣ былъ пораженъ страннымъ поведеніемъ москвичей.

16-го мая зловѣщіе слухи усилились на столько, что даже Мнишекъ рѣшился предостеречь самозванца.

— Осторожность никогда не мѣшаетъ,—сказалъ онъ.

— Бога ради, не говорите мнѣ болѣе объ этомъ,—отвѣчалъ самозванецъ съ раздраженіемъ,—я знаю страну, которою я управляю; никто не злоумышляетъ противъ меня, я одинъ властенъ въ жизни и смерти.

Чтобы успокоить поляковъ, онъ послалъ своего секретаря къ солдатамъ, приказавъ подтвердить имъ, что онъ строго покараетъ трусовъ. Тотъ же секретарь отправился вслѣдъ затѣмъ къ посланникамъ Сигизмунда и бесѣдовалъ съ ними далеко за полночь. Самозванецъ не вѣрилъ опасности и весь вечеръ 16-го мая посвятилъ Станиславу Нѣмоевскому, привезшему драгоцѣнности королевны Анны. Нѣмоевскій разложилъ передъ нимъ топазы, изумруды, рубины, жемчужныя ожерелья и брилліантовыя цѣпочки. Самозванецъ любовался блескомъ камней, приказалъ принести свои собственныя драгоцѣнности и пожелалъ оставить у себя на нѣкоторое время ящичекъ съ драгоцѣнностями королевы.

Между тѣмъ уже пробилъ часъ московскаго возмездія, и въ эту же ночь судьба самозванца была закончена.

На вечеръ ближайшаго воскресенія, 18 мая, Марина, ни о чемъ не думавшая кромѣ удовольствій, назначила большой маскарадъ во дворцѣ и со своими фрейлинами была занята приготовленіемъ костюмовъ. Самозванецъ въ тотъ же день предполагалъ устроить военную потѣху; въ полѣ за Срѣтенскими воротами онъ велѣлъ приготовить деревянный, укрѣпленный валомъ, городокъ, который намѣревался брать приступомъ. Нѣсколько пушекъ уже были отправлены изъ столицы на мѣсто будущей потѣхи. Эти приготовленія привели въ ужасъ всю Москву. Въ народѣ прошелъ слухъ, что разстрига, подъ видомъ потѣхи, хочетъ заманить московскихъ бояръ въ западню, чтобы перебить ихъ, а потомъ уже безпрепятственно творить свою волю и вводить латинство въ Московскомъ государствѣ. Говорили въ народѣ, что двадцать главныхъ бояръ, начиная съ Мстиславскаго и Шуйскихъ, были распредѣлены между польскими начальниками: каждый изъ сихъ поляковъ во время шумной потѣхи долженъ былъ убить назначеннаго ему боярина. А остальныхъ бояръ и лучшихъ московскихъ людей будто бы предполагалось перевязать и отправить плѣнниками къ польскому королю. Этотъ слухъ произвелъ страшное волненіе, и бояре рѣшили дальше не откладывать задуманнаго низложенія самозванца. Душою всею дѣла былъ Василій Ивановичъ Шуйскій съ своими братьями, Голицыными и Татищевымъ. На послѣднемъ совѣщаніи, имѣя въ виду, что не всѣ москвичи посвящены въ ихъ замыселъ и убѣждены въ самозванствѣ Лжедимитрія, положено было въ рѣшительную минуту поднять народъ криками.

— Въ Кремль! Поляки хотятъ убить царя!

— Поляки избиваютъ бояръ!

Исполненіе своего намѣренія бояре рѣшили не откладывать и назначили его на субботу, раннее утро, 17-го мая 1606 года.

Въ пятницу, позднимъ вечеромъ, бояре ввели въ городъ восемнадцать тысячъ ратныхъ людей, которые собраны бы-

ли въ окрестностяхъ Москвы для похода на южную украйну и отправку которыхъ они намѣренно задерживали. Эта рать заняла ворота Бѣлаго города, съ приказомъ никого не пропускать. Тѣ бояре, которые въ этотъ вечеръ дежурили или пировали во дворцѣ, именемъ государя отпустили по домамъ большую часть алебардщиковъ, такъ что ихъ осталось на караулѣ только тридцать человѣкъ. Вооруженную силу боярскую составляли дворяне и дѣти боярскія московскіе и особенно новгородскіе.

17-го мая, на разсвѣтѣ яснаго утра, конная толпа бояръ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, съ княземъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ во главѣ, въѣхала въ Кремль и прежде всего остановилась передъ Успенскимъ соборомъ, принося горячую молитву объ успѣхѣ начатаго предпріятія.

Въ эту минуту раздался звонъ набатнаго колокола, сначала у пророка Иліи подлѣ Гостиныхъ рядовъ, за нимъ пошли звонить въ церквахъ и монастыряхъ кремлевскихъ и городскихъ. По улицамъ скакали и бѣгали люди, призывая народъ. Кто кричалъ, что Кремль горитъ, кто звалъ на защиту православной вѣры, кто на защиту царя или бояръ, и все отъ поляковъ. Со всѣхъ сторонъ сбѣгался народъ, вооруженный чѣмъ попало, кто пѣшкомъ, а кто на конѣ. Одни устремлялись въ Кремль, а другіе обступали дома поляковъ и не давали имъ ни собраться вмѣстѣ, ни идти въ Кремль, такъ что ни одному польскому отряду не удалось пробиться въ Кремль, на защиту лжецаря и его супруги.

Въ Успенскомъ соборѣ Шуйскій приложился къ чудотворной Владимірской иконѣ Богоматери и, держа въ одной рукѣ крестъ, въ другой мечъ, повелъ собравшуюся около него толпу прямо на дворецъ.

— Помоги, Господи и Пресвятая Богородица, на злого еретика и поганую Литву!—восклицалъ онъ.—Отцы и братія, пострадайте за православную вѣру!

Во дворцѣ только что успокоились послѣ пира и танцевъ. Самозванецъ, повидимому, не успѣлъ уснуть и, заслышавъ набатъ, послалъ узнать, что это значитъ.

— Пожаръ,—отвѣчалъ кто-то изъ бывшихъ во дворцѣ.

Но шумъ и крики приближавшейся толпы заставляли думать, что это былъ не пожаръ. Самозванецъ выслалъ Басманова посмотрѣть. Басмановъ уже увидалъ, что весь дворъ наполнился вооруженными людьми, которые уже бѣжали по лѣстницамъ и ломились въ двери. На вопросъ Басманова, что имъ нужно, послышались ругательства и крики:

— Выдай намъ плута и обманщика!

Басмановъ, приказавъ алебардщикамъ никого не впускать, бросился назадъ и закричалъ самозванцу:

— Мятежъ! Требуютъ твоей головы. Спасайся!

Въ это время кто-то изъ толпы пробрался въ спальню царскую и закричалъ самозванцу:

— Ну, безвременный царь, проспался ли ты? Что же не выходишь къ народу и не даешь ему отчета?

Басмановъ схватилъ со стѣны царскій палашъ и разрубилъ голову крикуну. Самъ Лжедимитрій выбѣжалъ въ сѣни, выхватилъ мечъ у нѣмца-тѣлохранителя, вышелъ къ толпѣ и, грозя мечомъ, закричалъ:

— Я вамъ не Годуновъ!

Однако выстрѣлы заставили его спрятаться. Басмановъ вышелъ къ боярамъ и началъ упрашивать ихъ не выдавать народу Лжедимитрія. Тутъ Татищевъ, обругавъ его, ударилъ ножомъ. Трупъ Басманова сбросили съ крыльца. Пролитая кровь опьянила толпу, и толпа силою бросилась во дворецъ, обезоружила алебардщиковъ и бросилась на поиски самозванца. Лжедимитрій понялъ неминуемую опасность и съ отчаянія сталъ бросаться изъ комнаты въ комнату. Забѣжавъ въ покои Марины и крикнувъ ей: „измѣна, душа моя, измѣна!“ онъ продолжалъ спасаться отъ настигавшихъ его людей. Пробравшись въ каменный дворецъ, онъ выскочилъ изъ окна съ огромной высоты, вывихнулъ себѣ ногу и разбилъ грудь.

Межъ тѣмъ Марина, узнавъ объ опасности, спустилась внизъ въ подвалъ, потомъ опять поднялась наверхъ среди бушевавшей и толкавшей ее, не узнанную, толпы. Около нея собрались ея польскія фрейлины, и Марина, маленькая и худенькая, спряталась подъ юбку своей толстой гофмейсте-

рины. Тотчасъ же у дверей показалась толпа, искавшая царицу. Камердинеръ ея долго удерживалъ натискъ толпы, пока не палъ подъ ударами ея. Тѣмъ временемъ подоспѣли бояре и избавили полекъ отъ бѣды. Въ эту минуту пришло извѣстіе, что самозванецъ найденъ, и бояре поспѣшили туда.

Стрѣльцы, стоявшіе на караулѣ близъ того мѣста, гдѣ упалъ самозванецъ, услыхали стоны расшибшагося, узнали въ немъ царя, отлили водою и перенесли на каменный фундаментъ дворца. Придя въ себя, самозванецъ взмолился о защитѣ, обѣщая стрѣльцамъ въ награду женъ и имѣніе бояръ. Стрѣльцы рѣшили оборонять его. Они внесли его во дворецъ и выстрѣлами встрѣтили бросившуюся на нихъ толпу. Тутъ изъ толпы закричали:

— Пойдемъ въ Стрѣлецкую слободу, перебьемъ всѣхъ женъ и дѣтей этихъ негодяевъ, если они не хотятъ намъ выдать плута и обманщика!

Стрѣльцы смутились и сказали боярамъ:

— Спросимъ царицу: если она скажетъ, что это прямой ея сынъ, то мы всѣ за него помремъ; если же скажетъ, что онъ не сынъ ей, то Богъ въ немъ воленъ.

Бояре согласились. Въ ожиданіи отвѣта отъ царицы Марѳы, толпа принялась издѣваться надъ самозванцемъ:

— Говори, такой сякой, кто ты родомъ и кто твой отецъ?

Самозванецъ отвѣчалъ:

— Вы всѣ знаете, что я царь вашъ, сынъ Ивана Васильевича. Спросите обо мнѣ мать мою или выведите меня на Лобное мѣсто и дайте объясниться.

Тутъ подоспѣлъ князь Голицынъ и объявилъ, что царица-инокиня отрекается отъ него и называетъ своимъ сыномъ того, кто убитый лежитъ въ Угличѣ.

Тогда отовсюду раздались крики:

— Бей его! Руби его!

Изъ толпы выскочили два боярскіе сына, Иванъ Воейковъ и Григорій Валуевъ, съ ружьями.

— Что еще толковать съ еретикомъ! Вотъ я благословлю этого польскаго свистуна!

Съ этими словами они выстрѣлили въ самозванца, а другіе дорубили его и бросили трупъ его съ крыльца на тѣло Басманова со словами:

— Ты любилъ его живого, не разставайся и съ мертвымъ!

Толпа подхватила оба трупа и, обнаживъ ихъ, потащила на Красную площадь черезъ Спасскія ворота. Поровнявшись съ Вознесенскимъ монастыремъ, толпа остановилась и послала спросить у царицы Мареы, точно ли убитый ея сынъ. Царица отвѣтила:

— Объ этомъ надобно было спрашивать, пока онъ былъ еще живъ; а теперь онъ уже не мой.

Говорятъ, толпа вторично и настойчиво спрашивала, и царица объявила, что убитый не былъ ея сынъ. Ободренная этимъ отвѣтомъ толпа потащила трупы на Красную площадь, и здѣсь трупъ самозванца положили на столѣ, а у его ногъ на скамьѣ—Басманова.

Въ то время какъ толпа ругалась надъ обезображеннымъ трупомъ самозванца, другія толпы раздѣлывались съ ненавистными поляками. Все утро въ Кремлѣ, Китай-городѣ и по всей Москвѣ, гдѣ только жили поляки, кипѣлъ бой и совершались убійства и грабежи при непрерывномъ звонѣ колоколовъ и неистовыхъ крикахъ народа. Уцѣлѣли лишь посланники, которыхъ велѣно было охранять, и тѣ, кто въ состояніи былъ защититься. Всего, говорятъ, поляковъ убито было до двухъ тысячъ, да и русскихъ не меньше тысячи.

Бояре рѣшили прекратить неистовства толпы. Князья Шуйскій, Мстиславскій, Ромодановскій, И. Н. Романовъ, Шереметевъ и другіе бояре разъѣзжали по городу, вездѣ стараясь остановить кровопролитіе и успокоить народъ. За часъ до полудня прекратилась рѣзня. Страшный шумъ и крики мало-по-малу смѣнились на улицахъ мертвою тишиною, и только валявшіеся повсюду трупы свидѣтельствовали о недавнемъ кровопролитіи.

Три дня трупъ самозванца лежалъ на Красной площади и три дня чернь издѣвалась надъ обезображеннымъ разстригою и еретикомъ. Ему положили на грудь грязную маску, найденную во дворцѣ, и говорили:

— Вотъ твой богъ!

Ему совали въ ротъ дудку и приговаривали:

— Долго мы тебя тѣшили, теперь самъ насъ позабавь!

Рѣзали трупъ ножами или сѣкли его плетьми и говорили:

— Сгубилъ ты наше царство и разорилъ казну!

По прошествіи трехъ дней Басманова похоронили у церкви Николы Мокраго, а самозванца отвезли за Серпуховскія ворота и тамъ зарыли въ убогомъ домѣ. Но въ народѣ пошли странные слухи. Говорили, что надъ его могилою творится что-то невѣроятное. Говорили, что сильные морозы, вдругъ ударившіе въ это время, стоятъ потому, что разстрига былъ чернокнижникъ и колдунъ. Тогда трупъ его вырыли изъ могилы и сожгли на Котлахъ въ той самой крѣпости, которая называлась адомъ. Пепелъ собрали, зарядили имъ пушку и выстрѣлили имъ изъ пушки въ ту самую сторону, откуда пришелъ самозванецъ.

Такъ печально закончилась судьба злосчастнаго разстриги Григорія Отрепьева. Лишь въ Польшѣ и Римѣ пожалѣли самозваннаго царя, готовы были проливать „безконечныя слезы", и 23-го сентября кардиналъ Боргезе произнесъ надгробное слово о погибшемъ, которое закончилъ такъ: „Злосчастная судьба, постигшая Димитрія, служитъ новымъ доказательствомъ превратности человѣческой судьбы. Да приметъ Господь его душу въ царство небесное и да окажетъ Онъ намъ таковую же милость".

Архіепископъ Арсеній, самъ пережившій весь ужасъ этихъ достопамятныхъ дней, разсказываетъ въ своихъ запискахъ:

„Черезъ шесть дней (по представленіи Маринѣ) бояре и весь синклитъ двора, устроивши совѣщаніе, предали сего царя Димитрія позорной смерти. Скинувши съ него царскія одежды, нагимъ тащили его вонъ изъ дворца по улицѣ и бросили его нагого на площадь. Тамъ въ теченіе четырехъ дней онъ находился безъ призора и непохороненнымъ. Всѣ, видѣвшіе его, насмѣхались надъ нимъ и называли его преступникомъ, лжецомъ и разстригою. Позорили его и жестоко насмѣхались надъ нимъ мужчины и женщины, малые и большіе. Послѣ позорной смерти его, люди недальновидные

выдали свитѣ ея царицу Марину, которая и послужила причиною всѣхъ бѣдъ, какъ нѣкогда Елена для великаго города Трои, не предвидя по недальновидности грядущее, что можетъ произойти отсюда".

„Народъ московскій безъ согласія великихъ бояръ бросился на поляковъ и многихъ бояръ, боярынь, многихъ благородныхъ дѣтей и многихъ воиновъ умертвилъ и отнялъ у нихъ имущество и оружіе ихъ. Великіе бояре и дьяки двора и писцы съ великимъ трудомъ и усиліемъ успокоили неразумный народъ, такъ какъ онъ намѣревался стереть съ лица земли всѣхъ пришедшихъ изъ Польши. Послѣ четырехъ дней извлекли трупъ его, сожгли внѣ Москвы, и въ тотъ часъ, въ который извлекли трупъ за городъ, пала вся крыша воротъ крѣпости. Кровля была большая, высокая и прочная. Это послужило признакомъ начала ужасныхъ бѣдствій. Этотъ Димитрій процарствовалъ въ великой Москвѣ десять мѣсяцевъ и прежде вѣнчанія на царство мѣсяцевъ восемь и двѣнадцать дней. Царствованіе не принесло пользы ему, а скорѣе причинило вредъ".

XXXV.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій и второй Лжедимитрій.

19-го мая 1606 года, въ 6 часовъ утра, шумныя толпы народа собрались на Красной площади. Сюда же пришли бояре, придворные люди и духовенство и предложили избрать патріарха на мѣсто низложеннаго ставленника самозванцева Игнатія и заключеннаго въ Чудовомъ монастырѣ. Патріархъ долженъ былъ стать во главѣ временнаго правленія и разослать грамоты для созванія совѣтныхъ людей изъ городовъ для избранія царя. Но въ толпѣ тотчасъ же закричали, что царь нужнѣе патріарха, что нельзя откладывать избраніе царя, и при этомъ прямо указывали на князя Ва-

силія Ивановича Шуйскаго, который при Божіей помощи избавилъ православный народъ отъ еретика и разстриги.

— Да будетъ князь Василій Ивановичъ царемъ и великимъ княземъ всея Руссіи!—закричала толпа, и всѣ согласились съ этимъ избраніемъ и стали поздравлять находившагося тутъ же новаго государя. Избранный царь тотчасъ же въ сопровожденіи той же толпы отправился въ Успенскій соборъ принести благодареніе Богу и принять присягу отъ бояръ и думныхъ людей. Здѣсь и самъ онъ далъ съ клятвою обѣщаніе въ томъ, что безъ боярскаго приговора никого не будетъ осуждать на смертную казнь, и если кто будетъ осужденъ, то у невинныхъ его родственниковъ и семьи не отнимать имущества, доносовъ не слушать и обвинителямъ давать очную ставку съ обвиняемымъ. „Цѣлую крестъ на томъ,—обѣщалъ новый царь,—что мнѣ ни надъ кѣмъ не дѣлать ничего дурного безъ собору, и если отецъ виновенъ, то надъ сыномъ ничего не дѣлать, а если сынъ виновенъ, то отцу ничего дурного не дѣлать, а которая была мнѣ грубость при Борисѣ, то никому за нее мстить не буду“.

На слѣдующій день по городамъ разосланы были извѣстительныя грамоты о сверженіи самозванца и о воцареніи новаго государя Василія Ивановича, въ которыхъ онъ такъ и оповѣстилъ своихъ подданныхъ: Божіею милостію мы великій государь, царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Руси, щедротами и человѣколюбіемъ славимаго Бога, и за моленіемъ всего освященнаго собора, по челобитью и прошенію всего православнаго христіанства, учинились на отчинѣ прародителей нашихъ, на Россійскомъ государствѣ царемъ и великимъ княземъ. Государство это даровалъ Богъ прародителю нашему Рюрику, бывшему отъ Римскаго кесаря, и потомъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, до самаго прародителя нашего великаго князя Александра Ярославича Невскаго, на семъ россійскомъ государствѣ были прародители мои, а потомъ удалились на Суздальскій удѣлъ, не отнятіемъ или неволею, но по родству, какъ обыкли большіе братья на большихъ мѣстахъ садиться. И нынѣ мы, ве-

ликій государь, будучи на престолѣ Россійскаго царства, хотимъ того, чтобы православное христіанство было нашимъ доброопаснымъ правительствомъ въ тишинѣ и въ покоѣ, и благоденствѣ, и позволилъ я, царь и великій князь всея Руси, цѣловать крестъ на томъ: что мнѣ, великому государю, всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ боярами своими, смерти не предать, вотчинъ, дворовъ и животовъ у братьевъ его, у женъ и дѣтей не отнимать, если они съ нимъ въ мысли не были; также у гостей и торговыхъ людей, хотя который по суду и по сыску дойдетъ и до смертной вины, и послѣ ихъ у женъ и дѣтей дворовъ, лавокъ и животовъ не отнимать, если они съ ними въ этой винѣ невинны. Да и доводовъ ложныхъ мнѣ, великому государю, не слушать, а сыскивать всякими сысками накрѣпко и ставить съ очей на очи, чтобы въ томъ православное христіанство невинно не гибло; а кто на кого солжетъ, то, сыскавъ, казнить его, смотря по винѣ, которую взвелъ напрасно. На томъ на всемъ, что въ сей записи писано, я, царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Руси, цѣлую крестъ всѣмъ православнымъ христіанамъ, что мнѣ, ихъ жалуя, судить истиннымъ, праведнымъ судомъ и безъ вины ни на кого опалы своей не класть, и недругамъ никого въ неправдѣ не подавать, и отъ всякаго насильства оберегать".

Вмѣстѣ была разослана по областямъ и другая грамота отъ имени бояръ, окольничихъ, дворянъ и всякихъ людей московскихъ, съ извѣщеніемъ о гибели Лжедимитрія и возведеніи на престолъ царя Василія: „Мы узнали про то подлинно, что онъ прямой воръ Гришка Отрепьевъ; да и мать царевича Димитрія, царица инока Маrѳа, и братъ ея Михайла Нагой съ братьею всѣмъ людямъ Московскаго государства подлинно сказывали, что сынъ ея царевичъ Димитрій умеръ подлинно и погребенъ въ Угличѣ, а тотъ воръ называется царевичемъ Димитріемъ ложно; а какъ его поймали, то онъ и самъ сказалъ, что онъ Гришка Отрепьевъ и на государствѣ учинился бѣсовскою помощію, и людей всѣхъ прельстилъ чернокнижествомъ; и тотъ Гришка за свое злодѣйственное дѣло принялъ отъ Бога возмездіе, скончалъ свой

животъ злою смертью. И послѣ того, прося у Бога милости, митрополиты, архіепископы, епископы и весь освященный соборъ, также и мы, бояре, окольничіе, дворяне, дѣти боярскіе и всякіе люди Московскаго государства избирали всѣмъ Московскимъ государствомъ, кому Богъ изволитъ быть на Московскомъ государствѣ государемъ; и всесильный, въ Троицѣ славимый Богъ нашъ на насъ и на васъ милость свою показалъ, объявилъ государя на Московское государство, великаго государя царя и великаго князя Василія Ивановича всея Руси самодержца, государя благочестиваго, по Божіей церкви и по православной христіанской вѣрѣ побораталя, отъ корени великихъ государей Россійскихъ, отъ великаго государя князя Александра Ярославича Невскаго: многое смертное изгнаніе за православную вѣру съ братіею своею во многія лѣта онъ претерпѣлъ и больше всѣхъ отъ того вора, богоотступника и еретика смертью пострадалъ".

Въ своей собственной грамотѣ, отъ своего имени, новый царь также объявлялъ о гибели Лжедимитрія съ точнѣйшимъ объясненіемъ причинъ. Онъ говорилъ о бумагахъ, найденныхъ въ комнатахъ самозванца: „Взяты въ хоромахъ его грамоты многія ссыльныя воровскія съ Польшею и Литвою о разореніи Московскаго государства", и о письмахъ къ нему папы, а также о намѣреніи перебить всѣхъ бояръ во время воинской потѣхи и потомъ, отдавши всѣ главныя мѣста въ управленіе полякамъ, ввести латинскую вѣру. Указывалъ и на записи, данныя въ Польшѣ королю и Мнишку объ уступкѣ русскихъ областей, и въ заключеніе писалъ: „слыша и видя то, мы всесильному Богу хвалу воздаемъ, что отъ такого злодѣйства избавилъ".

Разослана была и грамота отъ имени царицы, инокини Марѳы, гдѣ она отрекалась отъ Лжедимитрія и говорила: „Онъ вѣдовствомъ и чернокнижествомъ назвалъ себя сыномъ царя Ивана Васильевича, омраченіемъ бѣсовскимъ прельстилъ въ Польшѣ и Литвѣ многихъ людей и насъ самихъ и родственниковъ нашихъ устрашилъ смертію; я боярамъ, дворянамъ и всѣмъ людямъ объявила объ этомъ прежде

тайно, а теперь всѣмъ явно, что онъ не нашъ сынъ царевичъ Димитрій, воръ, богоотступникъ, еретикъ. А какъ онъ своимъ вѣдовствомъ и чернокнижествомъ пріѣхалъ изъ Путивля въ Москву, то, вѣдая свое воровство, по насъ не посылалъ долгое время, а прислалъ къ намъ своихъ совѣтниковъ и велѣлъ имъ беречь накрѣпко, чтобы къ намъ никто не приходилъ и съ нами объ немъ никто не разговаривалъ. А какъ велѣлъ насъ къ Москвѣ привести, и онъ на встрѣчѣ былъ у насъ одинъ, а бояръ и другихъ никакихъ людей съ собою пускать къ намъ не велѣлъ, и говорилъ намъ съ великимъ запретомъ, чтобы мнѣ его не обличать, претя намъ и всему нашему роду смертнымъ убійствомъ, чтобы намъ тѣмъ на себя и на весь родъ свой злой смерти не навести, и посадилъ меня въ монастырь, и приставилъ ко мнѣ также своихъ совѣтниковъ, и остерегать того велѣлъ накрѣпко, чтобъ его воровство было не явно, а я для его угрозы объявить въ народѣ его воровство явно не смѣла".

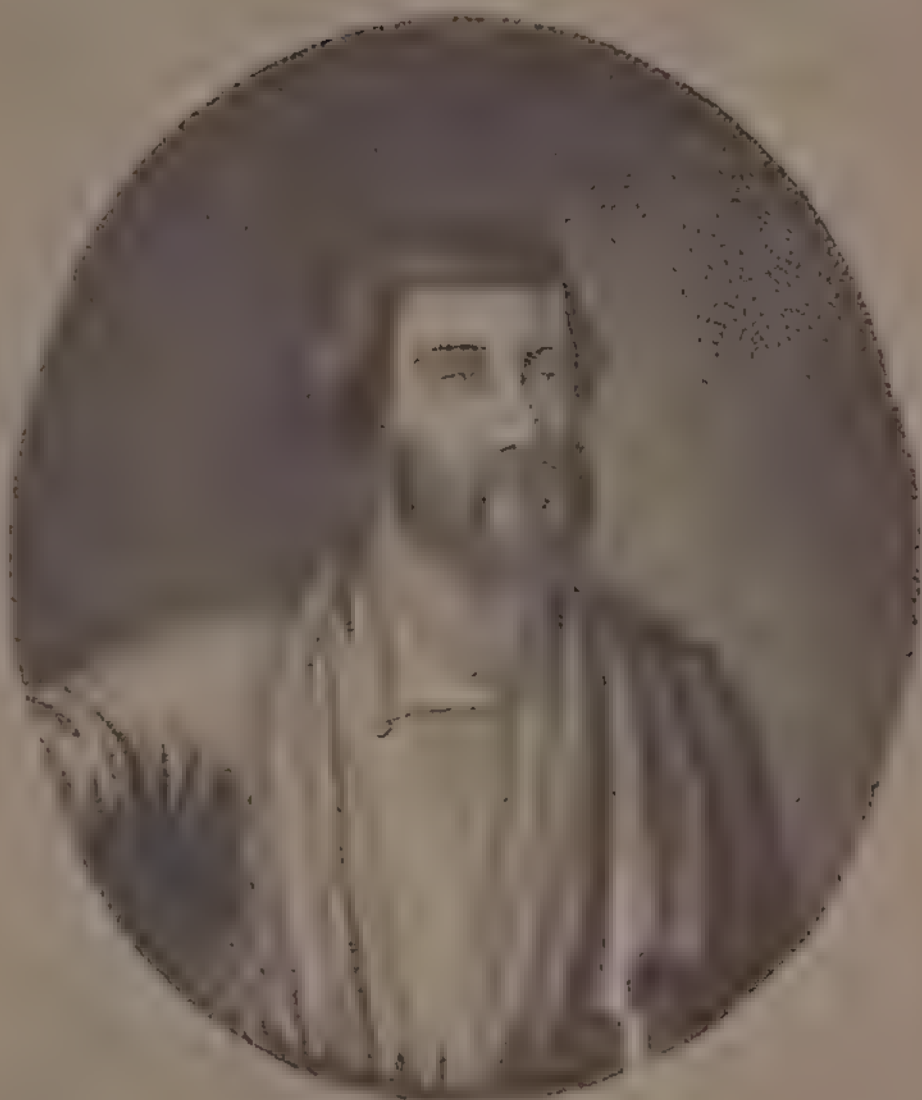
Безъ сомнѣнія, странное впечатлѣніе должны были произвести эти грамоты на многихъ жителей Москвы и особенно далекихъ отъ Москвы жителей разныхъ областей. Нашъ знаменитый историкъ Соловьевъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что темнота событія возвѣщаемаго необходимо порождала недоумѣнія, сомнѣнія, недовѣрчивость, тѣмъ болѣе, что новый царь сѣлъ на престолъ тайкомъ отъ земли, безъ соборнаго избранія. До сихъ поръ области вѣрили Москвѣ, признавали каждое слово, приходившее къ нимъ изъ Москвы, непреложнымъ, но теперь Москва явно признается, что чародѣй прельстилъ ее омраченіемъ бѣсовскимъ. Необходимо рождался вопросъ: не омрачены ли москвитяне и Шуйскимъ? До сихъ поръ Москва была средоточіемъ, къ которому тянули всѣ области; связью между Москвою и областями было довѣріе ко власти, въ ней пребывающей: теперь это довѣріе было нарушено, и связь ослабѣла, государство замутилось; вѣра, разъ поколебленная, повела необходимо къ суевѣрію: потерявъ политическую вѣру въ Москву, начали вѣрить всѣмъ и всему, особенно когда стали пріѣзжать въ области люди, недовольные переворотомъ, и

стали разсказывать, что дѣло было иначе, нежели какъ повѣщено въ грамотахъ. Тогда-то въ самомъ дѣлѣ наступило омраченіе бѣсовское для всего государства.

25-го мая соборъ епископовъ избралъ патріархомъ казанскаго митрополита Гермогена, страдальца за православіе и ревнителя отеческихъ преданій, а 1-го іюня въ Успенскомъ соборѣ совершено было торжественное вѣнчаніе на царство новаго царя, Василія Ивановича, митрополитомъ новгородскимъ Исидоромъ, еще до пріѣзда въ Москву новоизбраннаго патріарха. Спѣшное вѣнчаніе вопреки обычаю не сопровождалось щедрыми наградами и милостями. Служилые люди были недовольны скупостью новаго царя, справедливо указывавшаго, что безмѣрная расточительность Лжедимитрія совершенно истощила царскую казну. Недовольство усилилось, когда новый царь поторопился удалить отъ себя всѣхъ бывшихъ друзей самозванца, отправивъ ихъ воеводами въ дальніе города: князя Василія Мосальскаго—въ Корелу, Михаила Салтыкова—въ Ивангородъ, Богдана Бѣльскаго—въ Казань, Аѳанасія Власьева—въ Уфу, князя Григорія Шаховскаго—въ Путивль, Андрея Телятевскаго—въ Черниговъ. Вдали они первыми стали на сторону его враговъ.

Нововѣнчанный царь имѣлъ больше 50 лѣтъ отъ роду, былъ маленькаго роста, очень некрасивый, съ подслѣповатыми глазами, начитанный, очень умный и очень скупой, любилъ доносы и сильно вѣрилъ чародѣйству. Много невзгодъ онъ перенесъ до воцаренія, не легче было ему и на престолѣ.

Первою заботою новаго царя было желаніе успокоить населеніе, взволнованное недавними смутами, и заставить его забыть пережитыя колебанія. Съ этою цѣлію онъ немедленно приказалъ перенести изъ Углича въ Москву погребеннаго тамъ царевича Димитрія Іоанновича. Для этого отправлены были въ Угличъ ростовскій митрополитъ Филаретъ, астраханскій архіепископъ Ѳеодосій, архимандриты Сергій спасскій и Авраамій андроньевскій, а изъ бояръ князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій, Петръ Никитичъ Шереметевъ и два Нагіе. Они отписали въ Москву, что нашли мощи бла-

Козьма Мининъ.

говѣрнаго царевича Димитрія въ цѣлости; на немъ жемчужное ожерелье, кафтанъ, камчатная шитая золотомъ и серебромъ рубашка и тафтяной, также шитый золотомъ и серебромъ убрусъ въ лѣвой рукѣ, а въ правой горсть орѣховъ, которыми онъ тѣшился, когда его убили. Когда мощи царевича были вырыты изъ могилы, то всѣ присутствовавшіе ощутили удивительное благовоніе. Младенецъ сохранился нетронутый тлѣніемъ, нѣжный, свѣжій, одежда цѣла, только сапожки потерты. Вскорѣ же у мощей начались чудеса. 3-го іюня мощи уже были привезены въ Москву. Царь съ инокиней Мареой, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ боярами и всѣмъ народомъ встрѣтили ихъ съ крестнымъ ходомъ и колокольнымъ звономъ у воротъ Бѣлаго города и съ великимъ торжествомъ проводили въ Архангельскій соборъ, гдѣ положили въ открытой ракѣ. Тутъ въ соборѣ царица Мареа передъ духовенствомъ и боярами повинилась царю въ томъ, что подъ угрозами мучительства и смерти такъ долго терпѣла обманъ самозванца, и просила ей тотъ невольный грѣхъ простить. Царь и весь освященный соборъ простили Мареу и молили Бога, чтобы Онъ освободилъ ея душу отъ такого великаго грѣха. Обо всемъ этомъ составлена была грамота и разослана во всѣ города. Въ ней извѣщалось также о чудесахъ и исцѣленіяхъ у мощей новоявленнаго угодника Божія. Въ честь и память его установленъ былъ церковный праздникъ и составлена была особая служба.

Успокоивъ населеніе, царь позаботился о судьбѣ поляковъ, еще остававшихся въ Москвѣ. Часть изъ нихъ отправлена была назадъ въ Польшу, а болѣе знатные задержаны въ Москвѣ въ качествѣ заложниковъ. Задержаны были заложниками и пославники Олесницкій и Гонсѣвскій, а Юрій Мнишекъ съ Мариною, братомъ, сыномъ и со свитою, простиравшеюся до 375 человѣкъ, подъ охраною стрѣльцовъ, отправлены были въ ссылку въ Ярославль. Въ то же время въ Польшу къ королю Сигизмунду отправлены были послами князь Волконскій и дьякъ Ивановъ, съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ царя Василія Ивановича и съ объясненіями по поводу происшедшихъ событій. Въ отвѣтъ на задержаніе

польскихъ пословъ Сигизмундъ задержалъ въ Польшѣ русскихъ посланниковъ.

Между тѣмъ желанное спокойствіе не наступило въ Московскомъ государствѣ. Даже въ самой Москвѣ, гдѣ только что всѣ видѣли трупъ самозванца, неожиданно, въ самые же первые дни по его погибели, вдругъ пронесся слухъ, что Лжедимитрій живъ, спасся отъ смерти и опять убѣжалъ въ Литву. Первымъ распространилъ эту страшную вѣсть любимецъ самозванца, Михаилъ Молчановъ. 17-го мая утромъ, когда москвичи заняты были истребленіемъ самозванца и поляковъ, онъ взялъ лучшихъ скакуновъ изъ царской конюшни и съ двумя поляками бѣжалъ къ литовской границѣ. Успѣвъ скрыться изъ дворца и изъ Москвы, онъ всюду на пути разглашалъ, что Лжедимитрій спасся, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ распускалъ слухъ, что онъ лжецарь, который спасается изъ Москвы и вмѣсто котораго москвичи по ошибкѣ убили другого человѣка. Цѣлію его бѣгства былъ Самборъ, гдѣ онъ и спрятался у супруги Юрія Мнишка. Слухъ этотъ скоро достигъ Москвы, смутилъ умы и съ неимовѣрною быстротой разнесся по Россіи.

Новая смута быстро нашла себѣ почву въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ воеводами были назначены самые ярые сторонники самозванца и недоброжелатели царя Василія. Такъ, дѣятельный и предпріимчивый князь Григорій Шаховской, преданный Лжедимитрію, былъ назначенъ воеводою въ Путивль. Это было равносильно тому, что онъ поставленъ былъ во главѣ самыхъ преданныхъ сторонниковъ Лжедимитрія, къ тому же всегда готовыхъ на всякую смуту, и даны ему средства поднять новое возстаніе. Такъ и случилось. Пріѣхавъ въ Путивль, Шаховской собралъ жителей и объявилъ имъ, что Лжедимитрій живъ, скрывается отъ своихъ враговъ и скоро появится вновь. Путивляне немедленно первые возстали противъ царя Василія Шуйскаго и подняли мятежъ. Ихъ примѣру скоро послѣдовали другіе сѣверскіе города: Моравскъ, Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскій, Кромы. Воспользовавшись своимъ положеніемъ и крикнувъ кличъ за самозванца, Шаховской произвелъ магическое

впечатлѣніе на сѣверщину. Извѣстенъ составъ ея населенія, его желанія и характеръ. Его всегда прельщалъ грабежъ, погоня за свободою. Люди обездоленные легко становились бунтовщиками: бѣдный возставалъ противъ богатаго, угнетенный—противъ притѣснителя и всѣ одинаково объявляли войну существующему порядку.

Волненія начались и въ самой Москвѣ. Правда, здѣсь народъ еще не возбуждался именемъ самозванца, но уже неоднократно поднимался нелѣпыми слухами о разрѣшеніи грабить дома бояръ и иноземцевъ, о желаніи царя говорить съ народомъ и т. п.

Тѣмъ временемъ во главѣ мятежниковъ сѣверщины сталъ Болотниковъ, за неимѣніемъ пока самозванца, и именемъ Лжедимитрія поднялъ все населеніе. Самъ по себѣ Болотниковъ былъ вполнѣ подходящимъ человѣкомъ, чтобы придать возстанію широкій и грозный характеръ. Онъ былъ холопомъ князя Телятевскаго, обладалъ отвагой и богатырскимъ сложеніемъ. Въ молодости, взятый въ плѣнъ татарами и проданный туркамъ, онъ нѣсколько лѣтъ былъ галернымъ невольникомъ. Освободившись, онъ попалъ въ Венецію, а оттуда пробрался черезъ Польшу на родину. Здѣсь онъ услыхалъ о послѣднихъ событіяхъ въ Московскомъ государствѣ. Узнавъ, что Лжедимитрій будто бы спасся и находится въ Самборѣ, Болотниковъ явился туда и, не видавъ самозванца раньше, принялъ Молчанова за Лжедимитрія. Услуги Болотникова были весьма нужны Молчанову, и онъ, взявъ съ него присягу въ вѣрности, назначилъ его своимъ главнымъ воеводою, далъ ему денегъ и отправилъ къ Шаховскому въ Путивль. Шаховской принялъ его съ почетомъ, какъ царскаго повѣреннаго, и ввѣрилъ ему начальство надъ войскомъ. Болотниковъ быстро увеличилъ свою дружину такими же буйными холопами, какимъ онъ былъ самъ. Онъ обратился къ нимъ, обѣщая волю, богатство и почести подъ знаменами Лжедимитрія, и подъ эти знамена начали стекаться разбойники, воры, нашедшіе пристанище въ Украйнѣ, бѣглые холопы и крестьяне, казаки и всякій сбродъ, который тотчасъ же и началъ нападать на воеводъ, на господъ

своихъ, разорялъ ихъ, грабилъ, мущинъ убивалъ, а женщинъ безчестилъ. Подметныя письма его были распространены повсюду, появились даже на московскихъ улицахъ, упрекая москвичей въ неблагодарности къ Лжедимитрію и грозя возвращеніемъ его для наказанія столицы не позже 1-го сентября. Возстаніе быстрыми шагами пошло впередъ. Къ сѣверной Украйнѣ присоединилась тульская съ городами Тула, Серпуховъ, Каширa, Веневъ, Елецъ. Во главѣ тульскихъ мятежниковъ сталъ боярскій сынъ Истома Пашковъ. За Тулой во имя Лжедимитрія поднялась Рязанская область, имѣя во главѣ дворянъ Сумбулова и братьевъ Ляпуновыхъ. За рязанцами возстало Поволжье. Въ Астрахани во главѣ возстанія сталъ самъ воевода, князь Хворостининъ. Заволновались земли Вятская и Пермская, а возмутившаяся Мордва осадила Нижній Новгородъ.

Соединившись съ Пашковымъ и рязанцами, Болотниковъ быстрыми и удачными переходами подошелъ къ Москвѣ и укрѣпился въ селѣ Коломенскомъ. Началась осада Москвы. Москвичи спѣшно приготовились къ оборонѣ. По счастію, среди осаждавшихъ скоро не стало единодушія. Болотниковъ самъ обнаружилъ низкій и возмутительный характеръ возстанія. Въ Москвѣ явились отъ него подметныя письма съ воззваніемъ къ самому низшему слою населенія: „Велятъ боярскимъ холопамъ побивать своихъ бояръ, женъ ихъ, вотчины и помѣстья имъ сулятъ, шпынямъ и безъименникамъ ворамъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивать, имѣнье ихъ грабить, призываютъ ихъ, воровъ, къ себѣ, хотятъ имъ давать боярство, воеводство, окольничество и дьячество“. Домовитое населеніе осталось глухо къ такимъ воззваніямъ и рѣшило всячески противостать намѣреніямъ Болотникова. Открылись глаза и у его союзниковъ. Рязанскіе и тульскіе дворяне и дѣти боярскія, дружины Ляпунова и Сумбулова, увидали, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, и рѣшились уйти въ столицу и бить челомъ царю Василію о помилованіи. Царь ласково принялъ ихъ и наградилъ Ляпунова званіемъ думнаго дворянина. Въ это же время нѣкоторыя сѣверныя и западныя области, оставшись вѣрными

царю Василію, прислали ему военную помощь. Изъ Твери, Холмогоръ, изъ Смоленска пришли служилые люди. Царь ободрился. Онъ послалъ уговаривать Болотникова отстать отъ самозванца, но что могли отвѣчать люди, искавшіе добычи и наживы.

— Я далъ душу свою Димитрію и сдержу клятву, буду въ Москвѣ не измѣнникомъ, а побѣдителемъ, — отвѣчалъ Болотниковъ.

Царь рѣшилъ всѣми силами сразиться съ мятежниками и прогнать ихъ. Патріархъ Гермогенъ отслужилъ молебенъ у раки царевича Димитрія, окропилъ войска святою водою и благословилъ понести покровъ съ гробницы царевича къ Калужскимъ воротамъ. Самъ царь, со скипетромъ въ рукѣ, окруженный воеводами, выѣхалъ къ войскамъ. Одушевленные воины храбро вступили въ бой 2-го декабря у деревни Котловъ и въ конецъ разбили мятежниковъ. Молодой воевода, племянникъ царя, князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, покрылъ себя славою побѣдителя и въ этой битвѣ, какъ и раньше, явилъ мужество, отвагу и мудрость. Болотниковъ бѣжалъ и засѣлъ въ Коломенскомъ. Тѣснимый воеводами, онъ ушелъ дальше и засѣлъ въ Калугѣ. За нимъ слѣдомъ двинулось царское войско и осадило Калугу, Веневъ и Тулу, гдѣ также засѣли остатки мятежныхъ дружинъ Болотникова.

Начался 1607 годъ. Пораженіе Болотникова приносило благіе результаты: отпавшія области снова покорялись царю Василію. Царь получилъ съ востока пріятныя вѣсти: Арзамасъ былъ взятъ, Нижній освобожденъ отъ осады. Свіяжскъ принесъ повинную послѣ того, какъ митрополитъ казанскій Ефремъ наложилъ на него церковное запрещеніе. Царь поспѣшилъ ободрить вѣрное ему населеніе мѣрами нравственными и церковными торжествами. Царь рѣшилъ воздать честь жертвамъ самозванца и велѣлъ вынуть гробы Годуновыхъ изъ Варсонофьевскаго монастыря и съ царскимъ почетомъ похоронить ихъ въ Троице - Сергіевой лаврѣ. За гробами родителей своихъ и брата ѣхала несчастная инокиня Ольга, въ мірѣ царевна Ксенія Борисовна Годунова,

и громко оплакивала свои несчастія. 3-го февраля царь съ освященнымъ соборомъ приговорилъ послать въ Старицу за прежнимъ патріархомъ Іовомъ, чтобы онъ пріѣхалъ въ Москву, простилъ и разрѣшилъ всѣхъ православныхъ христіанъ въ ихъ клятвопреступленіи. 14-го февраля святѣйшій Іовъ пріѣхалъ въ Москву въ царской каретѣ и остановился на Троицкомъ подворьѣ. 16-го числа оба патріарха составили слѣдующую грамоту:

„Царь Иванъ Васильевичъ повелѣлъ царствовать на Россійскомъ государствѣ сыну своему Θеодору Ивановичу, а второму сыну своему, царевичу Дмитрію Ивановичу, далъ въ удѣлъ городъ Угличъ, и царевича Дмитрія въ Угличѣ не стало, принялъ закланіе неповинное отъ рукъ измѣнниковъ своихъ. По отшествіи къ Богу царя Θеодора Ивановича мы и всякіе люди всего Московскаго государства цѣловали крестъ царю Борису Θеодоровичу: во времена царства его огнедыхательный дьяволъ, лукавый змѣй, поядатель душъ человѣческихъ, воздвигъ на насъ чернеца Гришку Отрепьева. Когда царя Бориса Θеодоровича не стало, всѣ православные христіане цѣловали крестъ сыну его, Θеодору Борисовичу; но грѣхъ ради нашихъ разстрига прельстилъ всѣхъ людей Божіихъ именемъ царевича Димитрія Ивановича; православные христіане, не зная о немъ подлинно, приняли этого вора на Россійское государство, царицу Марью и царевича Θеодора злою смертью уморили, множество народа вошло въ соборную церковь съ оружіемъ и дрекольями во время божественнаго пѣнія и, не давъ совершиться литургіи, вошли въ алтарь, меня, Іова патріарха, взяли и, таская по церкви и по площади, позорили многими позорами, а въ царскихъ палатахъ подобіе Христова тѣла, Богородицы и архангеловъ, что приготовлено было для плащаницы, раздробили, воткнули на копья и на рогатины и носили по городу, забывъ страхъ Божій. Потомъ этотъ врагъ разстрига, пріѣхавши въ Москву съ люторами, жидами, ляхами и римлянами, и съ прочими оскверненными языками, и назвавши себя царемъ, владѣлъ мало не годъ, и какихъ злыхъ дьявольскихъ бѣдъ не сдѣлалъ и какого насилія не

учинилъ—и писать не удобно: люторами и жидами христіанскія церкви осквернилъ и, не будучи сытъ такимъ бѣсовскимъ ядомъ, привезъ себѣ изъ литовской земли невѣсту, люторской вѣры дѣвку, ввелъ ее въ соборную церковь, вѣнчалъ царскимъ вѣнцомъ, въ царскихъ дверяхъ св. муромъ помазалъ. Видя достояніе свое въ такой погибели, воздвигъ на него Богъ обличителя, великаго государя нашего, во истину святаго и праведнаго царя, Василія Ивановича: его промысломъ тотъ врагъ до конца сокрушенъ былъ, а на Россійское государство избранъ былъ великій государь Василій Ивановичъ, потому что онъ отъ корени прежде бывшихъ государей, отъ благовѣрнаго великаго князя Александра Ярославича Невскаго. Святая наша вѣра въ прежній добрый покой возвратилась и начала сіять какъ солнце на тверди небесной, святыя церкви отъ оскверненія очистились и всѣ мы православные христіане, какъ отъ сна воспрянувъ, отъ буйства уцѣломудрились. Но прегордый сатана возставилъ плевелы золъ, хочетъ поглотить пшеницоносные класы; собрались той же препогибшей Сѣверской украйны севрюки и другихъ рязанскихъ и украинскихъ городовъ стрѣльцы и казаки, разбойники, воры, бѣглые холопы, прельстили преждеомраченную безуміемъ Сѣверскую украйну и отъ той украйны многіе и другіе города прельстились, и кровь православныхъ христіанъ какъ вода проливается; называютъ мертваго злодѣя разстригу живымъ, а намъ и вамъ всѣмъ православнымъ христіанамъ смерть его подлинно извѣстна. И теперь я, смиренный Гермогенъ патріархъ, и я, смиренный Іовъ, бывшій патріархъ, и весь освященный соборъ молимъ скорбными сердцами премилостиваго Бога, да умилосердится о всѣхъ насъ. Да и васъ молитъ наше смиреніе, благородные князья, бояре, окольничіе, дворяне, приказные люди, дьяки, служилые люди, гости, торговые люди и всѣ православные христіане! Подвигнитесь трудолюбезно, постомъ и молитвою и чистотою душевною и тѣлесною и прочими духовными добродѣтелями, начнемъ вмѣстѣ со всякимъ усердіемъ молить Бога и Пречистую Богородицу и великихъ чудотворцевъ московскихъ

Петра, Алексія, Іону и новоявленнаго страстотерпца Христова, царевича Димитрія, и всѣхъ святыхъ, да тѣхъ молитвами подастъ намъ Богъ всѣмъ миръ, любовь и радость и Россійское государство отъ непотребнаго сего раздѣленія въ прежнее благое соединеніе и мирный союзъ устроитъ. А что вы цѣловали крестъ царю Борису и потомъ царевичу Θеодору и крестное цѣлованіе преступили: въ тѣхъ во всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ клятвахъ я Гермогенъ и я смиренный Іовъ, по данной намъ благодати, васъ прощаемъ и разрѣшаемъ; а вы насъ Бога ради также простите въ нашемъ заклинаніи къ вамъ и если кому какую-нибудь грубость показали".

20-го февраля въ Успенскій соборъ собрались во множествѣ посадскіе, мастеровые и всякіе люди и просили прощенія у патріарха Іова съ великимъ плачемъ и неутѣшнымъ воплемъ и подали ему челобитную:

„...Народъ христіанскій отъ твоего здраваго ученія отторгнулся и на льстивую злохитрость лукаваго вепря уклонился; но Богъ твоею молитвою преславно освободилъ насъ отъ руки зломысленнаго волка, подалъ намъ вмѣсто нечестія благочестіе, вмѣсто лукавой злохитрости благую истину и вмѣсто хищника щедраго подателя, государя царя Василія Ивановича, а родъ, благоцвѣтущей его отрасли корень самъ ты, государь и отецъ, знаешь, какъ написано въ Степенной книгѣ; но и то тебѣ знать надобно, что отъ того дня до сего всѣ мы во тьмѣ суетной пребываемъ и ничего намъ къ пользѣ не спѣется; поняли мы, что во всемъ предъ Богомъ согрѣшили, тебя, отца нашего, не послушали и крестное цѣлованіе преступили. И теперь я, государь царь и великій князь Василій Ивановичъ, молю тебя о прегрѣшеніи всего міра, преступленіи крестнаго цѣлованія, прошу прощенія и разрѣшенія".

Когда подали эту челобитную, святѣйшій Гермогенъ велѣлъ успенскому протодіакону взойти на амвонъ и громко читать ее, а послѣ этого патріархи велѣли тому же протодіакону читать разрѣшительную грамоту. Народъ обрадовался, припадалъ къ ногамъ патріарха Іова и говорилъ:

Шатеръ надъ гробницею Минина въ каѳедральномъ соборѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

— Во всемъ виноваты, честный отецъ! Прости, прости насъ и дай благословеніе, да примемъ въ душахъ своихъ радость великую.

Но не прочно было успокоеніе народное, да и доходило ли оно до областей, особенно далекихъ?

Осада Калуги затянулась. Правда, положеніе Болотникова было весьма затруднительное: провозглашенный Лжедимитрій не являлся, и это отнимало духъ у собранной имъ толпы. Въ отчаянномъ положеніи, не найдя Лжедимитрія, Шаховской послалъ разыскивать Лжепетра и звать его на помощь съ казаками. Еще въ царствованіе Лжедимитрія и по его примѣру среди терскихъ казаковъ появился самозванецъ, принявшій на себя имя небывалаго царевича Петра. Казаки сочинили басню о томъ, что у царя Θеодора Ивановича родился сынъ Петръ, котораго вѣрные бояре подмѣнили дочерью и тайно воспитали, опасаясь козней Бориса Годунова. По выбору товарищей, желавшихъ поживиться въ Москвѣ, имя царевича Петра принялъ на себя молодой казакъ Илейка, родомъ изъ Мурома. Онъ послалъ грамоту Лжедимитрію и называлъ его своимъ дядею. Лжедимитрій пригласилъ его въ Москву, но подъ Свіяжскомъ Лжепетра застигла уже вѣсть о гибели мнимаго дяди. Онъ вернулся съ своими казаками и зазимовалъ на Дону. Здѣсь нашли его послы Шаховскаго, и онъ немедленно отправился въ Путивль во главѣ казаковъ терскихъ, донскихъ, волжскихъ и запорожскихъ, всего болѣе 10.000 человѣкъ. Изъ Путивля Лжепетръ вмѣстѣ съ княземъ Шаховскимъ отправились въ Тулу, пославъ помощь Болотникову подъ Калугу. Здѣсь царское войско не выдержало напора мятежниковъ, и Болотниковъ прорвался и тоже ушелъ въ Тулу. Царскія войска немедленно двинулись на Тулу и въ концѣ іюня 1607 года обступили этотъ городъ, въ которомъ засѣли всѣ вожаки мятежниковъ: Болотниковъ, Лжепетръ, князья Шаховской и Телятевскій, имѣя 20.000 войска и огромные запасы. Осажденные долго и упорно оборонялись. Два раза гоняли они гонца въ Польшу, къ друзьямъ Мнишка, умоляя ихъ немедленно выслать какого-нибудь Лжедимитрія, и ни-

сали имъ: „отъ границы до Москвы все наше, придите и возьмите, только избавьте насъ отъ Шуйскаго".

Лжедимитрій все не являлся, и мятежники не миновали рукъ Шуйскаго. По предложенію муромскаго боярскаго сына Кровкова, запрудили рѣку Упу и потопили Тулу. Вода обступила городъ, влилась въ него, затопила всѣ сообщенія съ окрестностями, и въ городѣ начался голодъ. Наконецъ 1-го октября вся Тула сдалась, выговоривъ себѣ помилованіе. Илейку повѣсили, Болотникова сослали въ Каргополь и тамъ утопили, а Шаховскаго, „всей крови заводчика", сослали въ Каменную Пустынь на Кубенское озеро.

Во время тульской осады появился, наконецъ, и второй Лжедимитрій, котораго такъ ждали тульскіе мятежники и именемъ котораго отторгли столько областей и городовъ отъ царя Василія Ивановича Шуйскаго. Появился онъ приблизительно въ той же сторонѣ, гдѣ и первый, только по эту сторону рубежа, въ предѣлахъ московскихъ, въ Стародубѣ-Сѣверскомъ.

Кто былъ вторымъ самозванцемъ? Отвѣта на этотъ вопросъ до сихъ поръ не дано. По однимъ извѣстіямъ, онъ былъ поповичъ изъ Бѣлоруссіи, зналъ русскій и польскій языки и церковный уставъ. По другимъ, это былъ крещеный еврей, знавшій талмудъ и еврейскую письменность. Одно извѣстіе называетъ его Богданкомъ и говоритъ, что онъ былъ въ числѣ слугъ перваго Лжедимитрія, сочинялъ ему русскія письма, а потому зналъ многія его тайны. Послѣ гибели перваго самозванца онъ бѣжалъ обратно въ Литовскую Русь и здѣсь проживалъ въ Могилевѣ, помогая священнику обучать дѣтей въ школѣ. Прогнанный за распутство, онъ скитался въ разныхъ мѣстахъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ по подозрѣнію въ шпіонствѣ и, наконецъ, объявился въ Стародубѣ. Сидя въ тюрьмѣ въ бѣлорусскомъ мѣстечкѣ Пропойскѣ, онъ объявилъ себя Андреемъ Андреевичемъ Нагимъ, родственникомъ убитаго въ Москвѣ „царя Димитрія", скрывающимся отъ Шуйскаго, и просилъ отослать его въ Стародубъ. Проживъ недолго въ Стародубѣ, мнимый Нагой послалъ товарища своего, называвшагося московскимъ подъя-

чимъ Александромъ Рукинымъ, по Сѣверскимъ городамъ разглашать, что „царь Димитрій“ живъ и находится въ Стародубѣ. Путивляне послали съ нимъ дѣтей боярскихъ, и Рукинъ указалъ на Нагаго. Когда стародубцы пригрозили ему пыткою, слыша его отказы, онъ схватилъ палку и закричалъ:

— Ахъ, вы б... дѣти, еще вы меня не знаете: я государь!

Стародубцы упали ему въ ноги и закричали:

— Виноваты, государь, передъ тобою!

Несомнѣннымъ является только одно общее сходство между этими двумя самозванцами, это страсть къ распутству. Во всемъ остальномъ, ни во внѣшности, ни въ характерѣ между ними не было ни малѣйшаго сходства. Это былъ человѣкъ неотесанный, съ грубыми манерами и дурнымъ языкомъ, безбожный, жесткій, коварный. Онъ не могъ руководить движеніемъ, напротивъ, его сторонники влекли его за собою и старались не объ его, а о своихъ интересахъ.

Вопросъ о престолѣ не былъ цѣлію ихъ мятежа: разнообразныя вожделѣнія толпы служили побужденіями похода. Отсюда и онъ самъ получилъ мѣткое прозвище „Вора“, и все его войско отличалось тѣми же „воровскими“ свойствами. Отсюда же его постоянная зависимость отъ польско-литовскихъ вождей, безъ которыхъ онъ ни къ чему не былъ способенъ.

Тѣмъ не менѣе не мало было довѣрчивыхъ людей, которые видѣли въ ворѣ спасшагося разстригу. Какъ образчикъ такого убѣжденія, заслуживаетъ вниманія донесеніе Викентія Львовскаго, доктора богословія:

„1605 года, по совершеніи торжественнаго бракосочетанія, Димитрій, уже объявленный царемъ и коронованный вмѣстѣ со своею супругой, дочерью палатина сандомирскаго, былъ предувѣдомленъ однимъ изъ своихъ приверженцевъ, что черезъ часъ произойдетъ опаснѣйшій, чѣмъ можно вообразить, мятежъ, который угрожаетъ его жизни. Предвидя такую опасность, онъ надѣлъ собственную одежду, въ которой былъ тогда, на подставного слугу, похожаго на него, возложивъ на себя его одежду. Приказавъ приготовить ско-

рыхъ лошадей, захватилъ сокровища и драгоцѣнности, сколько могъ нагрузить на лошадей, и, сѣвъ на самаго быстраго коня, не предувѣдомляя ни жену, ни другихъ о своемъ бѣгствѣ, выѣхалъ и спасся. Когда въ Москвѣ началось волненіе, бушующая толпа напала на подставного юношу и убила его. Мать Димитрія, будучи приглашена посмотрѣть на трупъ, не признала въ немъ сына по какимъ-то примѣтамъ, которыхъ не оказалось на тѣлѣ убитаго. Супруга Димитрія подверглась ругательствамъ и ударамъ со стороны одного лица, которому воздалъ достойное наказаніе какой-то бояринъ, пораженный низостью его поступка. Тотчасъ же мать Димитрія, его супруга, отецъ и польская знать были ограблены, заключены подъ стражу и подверглись различнымъ оскорбленіямъ. Между тѣмъ Димитрій, спасшійся бѣгствомъ, ушелъ въ Польшу и нашелъ царство волнуемое партіей Рожинскихъ. Нѣсколько времени онъ провелъ въ монастырѣ Замборскомъ ордена братьевъ предикатовъ, не давая о себѣ знать ни матери, ни женѣ, ни другимъ. Потомъ отправилъ матери письмо слѣдующаго содержанія: „Не сокрушайся, матушка, о судьбѣ сына и дочери. Сынъ твой Димитрій и жена его, и отецъ, и друзья живы, хотя и очень печалятся. Близко спасеніе. Будь здорова и заботься о себѣ“. Наконецъ Димитрій вышелъ изъ Польши въ Сѣверскую провинцію и отправилъ много писемъ къ друзьямъ своимъ въ Польшѣ, убѣждая ихъ оказать ему помощь для возвращенія царства. Достопочтенный отецъ Викентій видѣлъ самъ Димитрія около праздника святыхъ апостоловъ Симона и Іуды въ 1607 году, въ Сѣверской области, въ Стародуховѣ и говорилъ съ нимъ. Онъ былъ съ гетманомъ Романомъ, который тотчасъ перешелъ границу московскую. Отправляется въ Римъ хлопотать по дѣламъ своего ордена передъ святымъ господиномъ нашимъ папой. Не имѣетъ никакихъ порученій отъ Димитрія, но думаетъ, что Димитрій уже написалъ величайшему первосвященнику“.—Къ сожалѣнію, и отношенія „величайшаго первосвященника“ къ вору остаются до сихъ поръ загадкою. Лишь послѣдующія событія даютъ право предполагать, что католическое духовенство не было безучастно къ вору.

Около новаго самозванца вора быстро стали собираться шайки мятежниковъ. Здѣсь къ нему присталъ атаманъ Заруцкій, отправленный изъ Тулы на поиски самозванца и для скорѣйшаго доставленія его въ Тулу. Пристали къ нему и „сѣверскихъ городовъ воровскіе люди“, и значительныя толпы казаковъ и гулящихъ людей съ Днѣпра и Дона. Въ сентябрѣ 1607 года второй Лжедимитрій началъ свой походъ отъ Стародуба, и въ это время у него было „до трехъ тысячъ не очень хорошаго войска съ Москвы“. Онъ повелъ это войско на Почепъ, Брянскъ, Козельскъ и Бѣлевъ, направляясь къ Тулѣ. Но Тула до его прихода сдалась, и воръ тотчасъ же бѣжалъ назадъ и послѣ нѣсколькихъ переходовъ въ январѣ 1608 года удалился въ Орелъ и тамъ остался до весны. Въ Орлѣ онъ сталъ собирать войско изъ польскихъ выходцевъ и московскихъ „воровъ“, и вскорѣ у него собралась большая сила. Обстоятельства весьма благопріятствовали этому. Въ Польшѣ только что передъ тѣмъ остались безъ дѣла многочисленныя банды, возставшія противъ собственнаго короля. Лѣтомъ 1607 года возставшіе шляхтичи понесли полное пораженіе и въ значительномъ числѣ блуждали, разсѣявшись около границъ московскаго государства. Разореніе и боязнь наказанія влекли ихъ за рубежъ, въ надеждѣ поживиться насчетъ Москвы. Когда пронесся слухъ о появленіи самозванца, всѣ эти польскія банды съ охотой явились на службу къ нему. Такъ пришелъ Лисовскій, изгнанный изъ Польши, Рожинскій, приведшій отрядъ въ 4.000 человѣкъ. Нѣсколько позже изъ Польши пришелъ съ большимъ войскомъ Янъ-Петръ Сапѣга, уже не мятежникъ и не изгнанникъ, а родственникъ великаго канцлера литовскаго Льва Сапѣги, „за позволеніемъ короля“ собравшій войско для отмщенія Москвѣ за плѣнъ и гибель въ ней польскихъ гостей самозванца. Кромѣ этихъ крупныхъ вождей, къ самозванцу пришло много иныхъ съ меньшими отрядами: Будило, два Тышкевича, Рудницкій, Валарскій, Казимирскій, Микулинскій, Зборовскій, Млоцкій, Виламовскій и др. Такимъ образомъ при самозванцѣ собралось очень значительное польское войско.

Кромѣ того съ Дона и Днѣпра пришли значительныя казацкія силы. Когда самозванецъ стоялъ подъ Брянскомъ, казаки пришли къ нему и привезли съ Дона „самозванца Ѳедьку".

Заслуживаетъ вниманія это любопытное явленіе: самозванство Отрепьева вызвало подражаніе, и за нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ казачьихъ самозванцевъ. Въ началѣ 1608 года появились небывалые царевичи въ Астрахани и въ „польскихъ юртахъ", и ихъ было много. Послѣ казни Лжепетра явились новые, и число ихъ дошло до десяти. Одни называли себя сыновьями царя Ѳедора Ивановича, кто Ѳеодоромъ, кто Клементьемъ, кто Савеліемъ, кто Ерофеемъ. Въ Астрахани одинъ назвался Лаврентіемъ, сыномъ царевича Ивана Ивановича, другой объявился тамъ же и выдавалъ себя за Августа, сына самого Ивана Грознаго отъ четвертой его супруги Анны Колтовской. Это „еретичество великое" смутило даже самого вора, который оставилъ обличительный перечень своихъ соперниковъ: „царевичъ Августъ, князь Иванъ, и царевичъ Лаврентій—въ Астрахани, второй царевичъ Петръ, царевичъ Ѳедоръ, царевичъ Клементій, царевичъ Савелій, царевичъ Симеонъ, царевичъ Василій, царевичъ Ерошка, царевичъ Гаврилка, царевичъ Мартынка въ казачьихъ юртахъ на Полѣ". Когда къ нему казаки привели Лжеѳедора, воръ не призналъ въ немъ своего племянника и велѣлъ казнить. Также казнилъ онъ пришедшихъ послѣ Лаврентія и Августа. Тогда вскорѣ исчезли безслѣдно и другіе подобные самозванцы.

Въ Орлѣ дано было окончательное устройство разноплеменной рати вора: Рожинскій былъ избранъ ея гетманомъ, а Лисовскій и Заруцкій стали во главѣ казачества. Съ началомъ весны 1608 года воръ двинулся въ походъ на Москву. Собранныя противъ него царскія войска были разбиты въ двухдневной битвѣ подъ Болховомъ 30 апрѣля и 1 мая и бѣжали въ Москву. Для вора открыты были всѣ пути къ столицѣ. Черезъ Козельскъ, Калугу, Можайскъ и Звенигородъ онъ въ іюнѣ подошелъ къ самой Москвѣ, не встрѣчая препятствій. Повсюду онъ призывалъ населеніе отло-

житься отъ Шуйскаго и привлекалъ къ себѣ преимущественно черный народъ. Въ своихъ грамотахъ онъ разрѣшалъ крестьянамъ брать себѣ земли бояръ, присягнувшихъ Шуйскому, и жениться на ихъ дочеряхъ. Такимъ образомъ, говоритъ одинъ современникъ, многіе слуги сдѣлались господами, а господа уѣзжали въ Москву и терпѣли всякія невзгоды. Подойдя къ столицѣ, воръ расположился въ 12 верстахъ отъ нея, въ селѣ Тушинѣ, откуда и получилъ названіе Тушинскаго вора. Здѣсь выкопаны были рвы, насыпаны валы, построены жилища, и лагерь вора сталъ неприступнымъ укрѣпленіемъ.

Между тѣмъ царское войско съ Скопинымъ-Шуйскимъ во главѣ расположилось на Ходынскомъ полѣ между Тушиномъ и Москвою, а самъ царь сталъ у него въ тылу на Ваганьковѣ. Вскорѣ произошла значительная битва. Рожинскій „на утренней зарѣ на субботу“ 25-го іюня напалъ врасплохъ на московскій обозъ, разгромилъ его и погналъ оторопѣлыхъ москвичей подъ городскія стѣны. Но побѣды одержать ему не удалось. Съ наступленіемъ дня его войска въ свою очередь должны были отступать отъ городскихъ стѣнъ передъ запасными отрядами Шуйскаго, которые успѣли изготовиться къ бою и оттѣснили нападающихъ за Ходынку.

Эта битва 25-го іюня имѣла большое значеніе для послѣдующей исторіи смутнаго времени. Тушинцы поняли, что имъ не по силамъ взять Москву, что царь крѣпче ихъ и что имъ нужны дальнѣйшія подкрѣпленія. Въ Москвѣ тоже убѣдились въ томъ, что войска вора представляютъ грозную боевую силу, съ которою предстоитъ тяжелая борьба. Страхъ передъ воромъ и предчувствіе его торжества очень скоро разстроили подданныхъ царя Василія. „Шатость“ въ Москвѣ была и ранѣе. Теперь начался открытый „отъѣздъ“ отъ царя Василія къ Тушинскому вору. „Послѣ того бою,—говоритъ современникъ о ходынскомъ сраженіи,—учали съ Москвы въ Тушино отъѣзжати стольники и стряпчіе, и дворяне московскіе, и жильцы, и городовые дворяне, и дѣти боярскіе, и подъячіе, и всякіе люди“. Измѣна отдѣльныхъ лицъ и явный переходъ ихъ въ Тушино не могли не вліять на настроеніе

другихъ служилыхъ людей, оставшихся въ Москвѣ. Послѣ нѣкоторыхъ пораженій московскаго войска въ полкахъ царя началась настоящая паника, и многіе, особенно жители сѣверныхъ городовъ, заспѣшили домой: „нашимъ-де домамъ отъ Литвы и отъ русскихъ воровъ быть разореннымъ“. За русскими бросились по домамъ татары и служилые инородцы. Словомъ, осенью 1608 года, по заключенію современнаго наблюдателя, „съ Москвы дворяне и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ поѣхали по домамъ и осталися замосковныхъ городовъ немногіе, изъ города человѣка по два и по три; а зарѣчныхъ (южныхъ) и украинныхъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе, которые въ воровствѣ не были, а служили царю Василью и жили на Москвѣ съ женами и съ дѣтьми, и тѣ всѣ съ Москвы не поѣхали и сидѣли въ осадѣ и царю Василью служили, съ поляки и съ литвою и съ русскими воры билися, не щадя живота своего, нужу и голодъ въ осадѣ терпѣли“.

Видя отпаденія своихъ подданныхъ и уклоненія нѣкоторыхъ отъ защиты Москвы, царь Василій рѣшился на чрезвычайныя мѣры. Съ одной стороны, онъ призывалъ къ себѣ помощь отъ вѣрныхъ воеводъ и побуждалъ сѣверные города собраться въ Ярославлѣ и отстаивать „свои мѣста“, съ другой—онъ разсчитывалъ на иноземную помощь. Въ Москвѣ въ это время были послы польскаго короля, панъ Витовскій и князь Друцкой-Соколинскій, пріѣхавшіе поздравить царя Василія съ восшествіемъ на престолъ и требовать отпуска прежнихъ пословъ и всѣхъ другихъ поляковъ, въ томъ числѣ и Мнишковъ съ ихъ свитою, уже переведенныхъ изъ Ярославля въ Москву. Переговоры тянулись, пока обстоятельства не ускорили ихъ: 25-го іюля 1608 года посланники заключили перемиріе съ боярами на три года и одиннадцать мѣсяцевъ на слѣдующихъ условіяхъ: оба государства остаются въ прежнихъ границахъ; Москва и Польша не должны помогать врагамъ другъ друга; царь обязывается отпустить въ Польшу воеводу сендомирскаго съ дочерью и сыномъ и всѣхъ задержанныхъ поляковъ; король обязывается тѣмъ же самымъ относительно русскихъ, задержанныхъ въ Поль-

Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій.

шѣ; король и республика должны отозвать всѣхъ поляковъ, поддерживающихъ самозванца, и впередъ никакимъ самозванцамъ не вѣрить и за нихъ не вступаться; Юрій Мнишекъ не долженъ признавать зятемъ второго Лжедимитрія, дочь свою за него не выдавать и Марина не должна называться московскою государынею. Посланники обязались писать къ Лжедимитріевымъ полякамъ увѣщаніе оставить самозванца; на возвратномъ пути — отсылать обратно въ свои земли польскихъ ратныхъ людей, которые имъ встрѣтятся, и разослать во всѣ пограничные города объявленія, чтобы никто не смѣлъ идти на войну въ Московское государство; обязались поѣхать прямо въ Польшу, избѣгая всякихъ сношеній и свиданій съ поляками Лжедимитріевыми, но не хотѣли обязаться вывести Лисовскаго изъ московскаго государства, потому что Лисовскій изгнанникъ „и чести своей отсуженъ“.

Придавая значеніе этому договору, царь немедленно отпустилъ всѣхъ поляковъ и Мнишковъ, но поляки и не думали объ исполненіи своихъ обязательствъ. Никто изъ нихъ не покинулъ Тушина; лишь 2.000 всадниковъ вышли для того, чтобы перехватить Марину.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Москвѣ возникъ вопросъ и о шведской помощи, и лѣтомъ 1608 года царь отправилъ Скопина-Шуйскаго въ Новгородъ Великій, съ наказомъ собрать тамъ ратныхъ людей съ городовъ отъ нѣмецкой украйны и „послати въ нѣмцы наймать нѣмецкихъ людей на помощь“, или, говоря иначе, просить Швецію о союзѣ и о вспомогательныхъ войскахъ.

Тѣмъ временемъ въ Тушинѣ готовились къ дальнѣйшимъ событіямъ. Прежде всего воръ слѣдилъ за Мариною, справедливо считая обладаніе ею важнѣе выиграннаго сраженія: еслибы она признала въ немъ своего мужа, это придало бы ему большое обаяніе въ глазахъ народа. И дѣйствительно, сильный отрядъ настигъ Мнишковъ въ дорогѣ, безъ труда овладѣлъ ими и передалъ Яну Сапѣгѣ, а Сапѣга отвезъ ихъ въ Тушино. Говорятъ, Марина, узнавъ всю правду о ворѣ, и слышать не хотѣла о признаніи его своимъ мужемъ. Цѣлую

недѣлю тянулись переговоры, всѣ уговаривали Марину уступить необходимости, а стараго Мнишка—повліять на дочь. Воръ обѣщалъ Мнишку огромныя суммы денегъ и Сѣверское княжество. И старый интриганъ вновь продалъ свою дочь и убѣдилъ ее согласиться. Ему помогъ іезуитъ, увѣривъ ее, что она должна жертвовать собою для блага римской церкви. Состоялась торжественная встрѣча вора и Марины въ виду всего войска. Марина преодолѣла отвращеніе и бросилась въ объятія вора. Іезуитъ тайно обвѣнчалъ ихъ. Марина лишь выговорила себѣ условіе, чтобы воръ не пользовался супружескими правами, пока не завладѣетъ Москвою, но это условіе не было соблюдено. Одинъ слуга Олесницкаго, вернувшись изъ Тушина, передавалъ потрясающія подробности свиданія Марины съ воромъ: оскорбленная въ своей женской гордости, повинуясь непреодолимому отвращенію, она схватила ножъ, приставила его къ сердцу и воскликнула съ надрывающимъ душу отчаяніемъ:

— Лучше смерть!

Но Стадницкій разсказываетъ о добровольномъ позорѣ Марины. Если вѣрить ему, она писала вору въ Тушино, условилась встрѣтиться съ нимъ и, прискакавъ къ нему, переодѣтая въ гусарское платье, бросилась въ его объятья.

Гдѣ тутъ правда? Была ли Марина принесена въ жертву отцомъ? Или сама обрекла себя на разныя приключенія? Раздѣлила ли дочь магната добровольно ложе вора? Или же она была вынуждена къ тому угрозами и насиліемъ?

Въ январѣ 1609 года старый воевода уѣхалъ изъ Тушина, простился съ дочерью, но благословенія не далъ ей, а потомъ прекратилъ и переписку съ ней, и, повидимому, оставилъ ее на произволъ судьбы.

Съ приходомъ въ Тушино Лисовскаго съ полевыми ворами и Сапѣги съ войскомъ изъ Рѣчи Посполитой, силы вора умножились, и онъ рѣшился возобновить военныя дѣйствія. Осаждать Москву въ Тушинѣ и теперь не находили средствъ и потому рѣшили обложить ее своими отрядами со всѣхъ сторонъ и перехватить всѣ главныя дороги, шедшія къ Мо-

скв̌е, съ тѣмъ, чтобы прекратить подвозъ по нимъ припасовъ и всякія вообще сношенія Москвы съ государствомъ. Дальнѣйшія дѣйствія тушинцевъ были направлены именно къ этой цѣли и отличались замѣчательною систематичностью. Войска вора находились въ Тушинѣ между Смоленскою и Тверскою дорогами и распоряжались ими обѣими. Изъ прочихъ дорогъ для Москвы были безполезны всѣ тѣ, которыя вели на Калугу и Тулу, въ области, охваченныя мятежомъ; ихъ не зачѣмъ было тушинцамъ и занимать особыми отрядами. Зато большую важность для Москвы имѣли дороги, шедшія на сѣверъ, сѣверо-востокъ и юго-востокъ, а именно дорога Ярославская на Троицкій монастырь и Александрову слободу; дорога на Дмитровъ, или „Дмитровка“; дорога на Стромынь, Киржачъ и далѣе на Шую, Суздаль и Владиміръ, или „Стромынка“, и, наконецъ, дороги рѣчная и сухопутная на Коломну и Рязань. Всѣ эти дороги и надлежало перехватить войскамъ вора. Изъ Тушина въ обходъ Москвы были посланы на сѣверныя дороги Сапѣга и Лисовскій, а къ Коломнѣ отъ Каширы былъ направленъ Хмелевскій. Предполагалось, что отряды эти, обойдя съ двухъ сторонъ Москву, соединятся гдѣ-либо на востокѣ отъ нея и такимъ образомъ сомкнутъ кольцо блокады. Сапѣга въ серединѣ сентября началъ движеніе блистательно. Выйдя на Ярославскую дорогу, онъ между Рахмановымъ и Братовщиной разбилъ наголову и разсѣялъ большое войско князя И. И. Шуйскаго, осадилъ Троицкій монастырь, занялъ Дмитровъ и черезъ него установилъ прочное сообщеніе съ Тушиномъ. Его отряды пошли далѣе на сѣверъ и распространили власть вора за Волгу, а Лисовскій двинулся на Суздаль и Шую. Въ теченіе октября 1608 года всѣ суздальскія и владимірскія мѣста уже признали вора. Но Коломну не удалось взять тушинцамъ, и она не отпала отъ царя Василія. Коломенцы сначала разбили Хмелевскаго, а потомъ воровъ, наступавшихъ отъ Владиміра, противъ которыхъ выступилъ князь Д. М. Пожарскій. Такимъ образомъ соединеніе тушинскихъ отрядовъ у Коломны не удалось, и полная блокада Москвы не осуществилась, а съ ней не осуществилась надежда тушинцевъ

отрѣзать Москву отъ всякой помощи извнѣ и выморить ее голодомъ.

Тѣмъ не менѣе дѣйствія тушинцевъ, а потомъ и иноземное вмѣшательство, повели къ полному разрушенію государственнаго порядка въ Московскомъ государствѣ. Смута быстро охватила весь московскій центръ, перешла за Волгу, передала вору Псковъ и Новгороскія мѣста и вспыхнула новымъ пламенемъ въ инородческомъ понизовьѣ. Одно поморье отъ Великаго Устюга да отчасти города отъ литовской украйны остались вѣрны Москвѣ, а то „грады вѣ Московскаго государства отъ Москвы отступиша", по словамъ лѣтописца. Надобно замѣтить, что не вездѣ отпаденіе городовъ и волостей отъ Москвы бывало послѣдствіемъ тушинскаго завоеванія. Мѣстами, именно на окраинахъ, смута возникала сама собою, и тушинцы приходили „на готовое селеніе діаволи мечты". Движеніе Сапѣги и Лисовскаго въ обходъ Москвы передало во власть Тушина все Замосковье, за исключеніемъ немногихъ укрѣпленныхъ пунктовъ. Обложивъ Троицкій монастырь, тушинцы стали свободно распоряжаться на томъ пути, который прикрывали твердыни монастыря. Переяславль-Залѣсскій, Ростовъ, Ярославль, Вологда, даже Тотьма цѣловали крестъ вору.

Въ Ростовѣ митрополитъ Филаретъ увѣщевалъ жителей остаться и мужественно держаться за свою вѣру и за своего государя, объявивъ, что онъ не покинетъ храма Пречистой Богородицы и ростовскихъ чудотворцевъ. Многіе не послушали его и ушли въ Ярославль. Тогда Филаретъ созвалъ оставшихся гражданъ въ соборный храмъ, облекся въ святительскія одежды и велѣлъ священникамъ причастить народъ, а двери храма запереть въ виду приближавшихся враговъ. Когда тѣ подошли, Филаретъ, стоя у дверей, увѣщевалъ переяславцевъ, чтобы они отстали отъ ляховъ и обратились къ своему законному государю. Но враги выломали двери и стали избивать народъ. Съ митрополита сорвали облаченіе, одѣли его въ худое платье, покрыли его голову татарской шапкой и отправили въ Тушино. Воръ принялъ его ласково, какъ своего мнимаго родственника, и

возвелъ въ патріаршее достоинство, чтобы имѣть собственнаго патріарха и противопоставить его Гермогену. Изъ Тушина потомъ разсылались грамоты отъ имени нареченнаго патріарха Филарета, котораго держали, однако, подъ крѣпкою стражею. Въ своемъ трудномъ положеніи сей доблестный мужъ, по словамъ лѣтописца, „будучи разуменъ, не преклонялся ни на десно, ни на шуее, но пребылъ твердъ въ правой вѣрѣ“.

Участи сдавшихся и взятыхъ городовъ подверглись Кострома и Галичъ съ уѣздами. Изъ-подъ Троицкаго монастыря Лисовскій легко подчинилъ Тушину все пространство между Клязьмою и Волгою, отъ Владиміра до Балахны и Кинешмы. Тушинскіе отряды пошли затѣмъ отъ Дмитрова и Ростова къ Угличу и Кашину и далѣе по дорогамъ къ Финскому заливу на нѣмецкій рубежъ. Къ Новгороду изъ Тушина былъ посланъ съ войсками Кернозицкій. Во Псковѣ же и его области междоусобіе открылось гораздо ранѣе появленія тушинскихъ отрядовъ, и Псковъ самъ призвалъ „воровского воеводу“. Также самостоятельно поднялись многіе понизовые люди, мордва и черемисы, и даже ходили осаждать Нижній, гдѣ къ нимъ присоединился тушинскій воевода.

Такъ великъ былъ районъ, вновь захваченный смутою въ 1608—1609 годахъ. Въ разныхъ мѣстахъ она имѣла разный характеръ, а въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и успѣхъ вора былъ не вездѣ одинаковъ. Воръ болѣе или менѣе прочно владѣлъ тѣми мѣстами, которыя были вблизи главныхъ его становъ подъ Тушиномъ и Троицею. Столь же прочно держалась сторона вора въ псковскихъ мѣстахъ. Съ перемѣннымъ успѣхомъ шла борьба Тушина и Москвы во Владиміро-Суздальскомъ краѣ, и совершенно безуспѣшны были усилія тушинцевъ удержать въ повиновеніи заволжскія мѣста отъ Ярославля до Бѣлоозера и Устюга.

Въ то время какъ псковская смута была предоставлена собственному теченію и движенія въ понизовьѣ долго оставались безъ воздѣйствія, за неимѣніемъ у Москвы средствъ къ этому, борьба Москвы съ Тушиномъ шла болѣе успѣшно для царя Василія въ замосковныхъ и вообще сѣверныхъ

московскихъ городахъ. Города эти отворяли свои ворота тушинцамъ, не имѣя влеченія къ вору, но желая выждать развязку его борьбы и узнать точнѣе свойства его власти. Весьма скоро для нихъ совершенно опредѣленно обнаружились качества новой власти и характеръ ея представителей. Для Тушина вновь занятыя замосковныя области представлялись золотымъ дномъ, откуда можно было черпать не только довольствіе тушинскимъ войскамъ и деньги для тушинской казны, но и предметы роскоши и всяческаго житейскаго удобства для тушинскихъ „пановъ". Подчиненныя вору и управляемыя его польско-русскою администраціею замосковныя области испытывали на себѣ всѣ послѣдствія анархіи и чувствовали себя какъ бы подъ иноземнымъ и иновѣрнымъ завоеваніемъ „литвы" и „пановъ". Страдающее населеніе невольно обращалось къ сравненію только-что утраченнаго порядка жизни подъ управленіемъ царя Василія съ тѣмъ бѣдствіемъ, которое настало подъ властію „истиннаго царя Димитрія". Окруженный ворами и дѣйствовавшій по-воровски, самозванецъ самъ неизбѣжно казался воромъ. А разъ замосковскіе люди пришли къ такому выводу, ихъ дальнѣйшее поведеніе должно было опредѣлиться. Вездѣ, гдѣ оказывались силы для борьбы съ ворами, борьба началась и послѣ многихъ частныхъ неудачъ привела къ полной побѣдѣ надъ тушинцами. Возстаніе противъ вора началось сразу во многихъ мѣстахъ. Въ одно время, въ концѣ 1608 года, поднялись на тушинцевъ: Устюжна Желѣзопольская, Галичъ съ пригородами и Кострома, Рѣшма, Юрьевецъ-Поволжскій, Городецъ и Балахна. За ними стояли такія мѣста, куда еще не доходили тушинцы. Устюжна и прочія мѣста по Мологѣ и Шекснѣ опирались на Великій Новгородъ, гдѣ въ то время дѣйствовалъ князь Скопинъ-Шуйскій, и на Вологду, гдѣ много было московскихъ людей. Сама Вологда и Галицкій край, и Кострома опирались на Тотьму и Великій Устюгъ, который дѣятельно собиралъ силы и средства съ Поморья и направлялъ ихъ на помощь Замосковью. Мѣста по Волгѣ и Клязьмѣ получали помощь и указанія изъ Нижняго Новгорода, за которымъ стояли войска Ѳ. И.

Шереметева и казанскій гарнизонъ. На Волховѣ, Сухонѣ и низовьяхъ Оки шла подготовительная работа. Здѣсь изыскивались средства для борьбы, собирались люди, вырабатывался планъ дѣйствія, крѣпло національное чувство и подготовлялся подъемъ народныхъ силъ для борьбы со смутою. Отсюда и являлась дѣятельная поддержка поволжскимъ и суздальскимъ мѣстамъ, отсюда же нѣсколько позднѣе пошли регулярныя войска на освобожденіе Москвы.

Огромное значеніе въ этой подготовительной работѣ имѣла дѣятельность князя М. В. Скопина-Шуйскаго, отправленнаго въ Великій Новгородъ для сбора ратныхъ людей съ сѣверо-западной окраины и для заключенія союзнаго договора съ Карломъ IX шведскимъ. Въ февралѣ 1609 года договоръ былъ заключенъ на условіи уступки Швеціи города Корелы, а въ концѣ марта и въ апрѣлѣ стала подходить къ Новгороду „нѣмецкихъ ратныхъ людей кованая рать", состоявшая изъ пятнадцати слишкомъ тысячъ шведскихъ, французскихъ, англійскихъ, шотландскихъ и иныхъ наемниковъ. Въ теченіе болѣе полугода времени, потраченнаго на ожиданіе иноземной помощи, князь Скопинъ-Шуйскій завелъ самыя широкія сношенія съ сѣверными московскими городами и стягивалъ къ Новгороду ихъ дружины. Изъ Новгорода онъ обращался обыкновенно въ Вологду и Каргополь, посылая въ эти города свои грамоты для дальнѣйшей пересылки не только городамъ и воеводамъ, но и самому царю Василію. Городамъ онъ сообщалъ о ходѣ переговоровъ со шведами, о своихъ сборахъ въ походъ къ Москвѣ, о положеніи дѣлъ подъ Москвою и о борьбѣ съ ворами вообще. Отъ городовъ онъ требовалъ помощи себѣ и царю Василію. Царь съ своей стороны разсылалъ грамоты по городамъ, разъясняя полномочія Скопина и увѣщевая города поддерживать и слушаться его. Для всего Поморья и сѣверныхъ частей Замосковья Скопинъ былъ представителемъ государственной власти и военнымъ руководителемъ съ высшими полномочіями. Его „писанія" имѣли силу указовъ, которымъ повиновались не только городскіе міры, но и государевы воеводы по городамъ. По его „отпискамъ" мѣстныя власти

собирали ратныхъ людей и готовы были отпустить ихъ, куда онъ укажетъ. Такъ, подъ вліяніемъ Скопина совершился поворотъ въ настроеніи городовъ въ пользу царя Василія, причемъ возникшее движеніе представляло знаменательную особенность. Охвативъ громадное пространство, населенное почти исключительно тяглымъ государевымъ людомъ, это движеніе получило характеръ простонароднаго, „мужичьяго“, какъ презрительно обзывали его тушинцы. Въ серединѣ мая 1609 года царь уже торжествовалъ успѣхъ мужиковъ и писалъ похвальныя грамоты всѣмъ участникамъ земскаго подвига: вологжанамъ, бѣлозерцамъ, устюжанамъ, каргопольцамъ, сольвычегодцамъ, тотмичамъ, важенамъ, двинянамъ, костромичамъ, галичанамъ, вятчанамъ „и иныхъ розныхъ городовъ старостамъ и посадскимъ людямъ“. Такъ царь Василій опредѣлялъ составъ сѣверныхъ мужицкихъ ратей.

Въ маѣ 1609 года князь Скопинъ-Шуйскій во главѣ иноземныхъ и русскихъ силъ вышелъ изъ Новгорода и спѣшилъ на помощь Москвѣ. Онъ побѣдоносно прошелъ до самой Волги, овладѣлъ большою дорогой отъ Новгорода на Москву и въ іюлѣ взялъ Тверь. Дальше идти прямо на главныя силы тушинцевъ, расположенныя подъ Москвою, въ Дмитровѣ и около Сергіева монастыря, онъ не рискнулъ, боясь сразу лишиться всѣхъ успѣховъ, добытыхъ столькими усиліями и жертвами. Скопинъ изъ Твери пошелъ къ Ярославлю, гдѣ уже образовался центръ всѣхъ заволжскихъ дружинъ и откуда уже готовилось нападеніе на Ростовъ, плохо защищенный тушинцами. Дойдя до Калязина монастыря, Скопинъ укрѣпился въ немъ и разослалъ по всему сѣверу свои грамоты, требуя присылки въ Калязинъ денегъ и людей. Въ августѣ изъ Ярославля воевода его, Вышеславцевъ, уже пошелъ „въ сходъ“ къ Скопину, оставя пока Ростовъ. Такимъ образомъ въ Калязинѣ произошло соединеніе Скопина съ заволжскими мужиками. „Сождався съ костромскими и съ ярославскими и иныхъ городовъ съ людьми“, Скопинъ переводитъ свои войска на большую сѣверную дорогу изъ Москвы къ Ярославлю. Занявъ въ октябрѣ Переславль-Залѣсскій и Александровскую слободу на этой до-

рогѣ, онъ устанавливаетъ связь между столицею и сѣверными областями и медленно подвигается съ помощью „острожковъ“ къ самой Москвѣ. Въ Александровскую слободу къ Скопину пришелъ Ѳ. И. Шереметевъ съ низовою ратью и войска изъ Москвы съ князьями Куракинымъ и Лыковымъ, и слобода стала средоточіемъ всѣхъ силъ московскихъ. Пришелъ и отрядъ рязанцевъ съ посланцами отъ Прокофія Ляпунова, которые принесли недобрыя вѣсти Скопину: Ляпуновъ предлагалъ Скопину возложить на себя корону и взять въ свои руки скипетръ. Скопинъ съ негодованіемъ отвергъ предложеніе, но не донесъ о немъ своему дядѣ, царю Василію, думая предать все дѣло забвенію. Къ сожалѣнію, это не утаилось отъ Москвы и послужило сѣменемъ раздора и несчастій для Скопина и для всего государства.

Изъ Александровской слободы, подъ главнымъ начальствомъ Скопина, воеводы начали очищать отъ враговъ подмосковные города и дороги и подвигаться къ Москвѣ. Прежде Москвы освобождена была Троицкая лавра.

Еще 23 сентября 1609 года Сапѣга впервые подошелъ къ лаврѣ во главѣ тридцатитысячнаго войска. Свой приходъ непріятели возвѣстили пушечными выстрѣлами, а затѣмъ подъ звуки музыки обошли кругомъ монастыря, обозрѣвая окрестности и отыскивая удобныя мѣста для стоянки. Лавра заперлась. Въ ней немного было ратныхъ людей, но сосѣдніе крестьяне, укрывшіеся за стѣнами ея со всѣми своими пожитками, произвели страшную тѣсноту. Всѣ, кто могъ, вооружились, и общее число монастырскихъ ратниковъ доходило до трехъ тысячъ человѣкъ, съ двумя воеводами во главѣ, княземъ Г. Б. Долгоруковымъ и А. И. Голохвастовымъ. Сапѣга, обложивъ монастырь, сначала пытался подѣйствовать на его защитниковъ двумя грамотами: одна убѣждала воеводъ и служилыхъ людей, а другая архимандрита съ братіей покориться ихъ прирожденному государю Димитрію Ивановичу; его именемъ обѣщали всякія милости, грозя въ противномъ случаѣ взять монастырь силою и предать смерти всѣхъ непокорныхъ. Воеводы и дворяне учинили совѣтъ съ архимандритомъ и братіей и написали общій

отвѣтъ, заключавшій въ себѣ презрительный отказъ покориться „ложному царю и латынѣ иновѣрнымъ“. Тогда Сапѣга началъ осаду. Враги ожесточались и прилагали всѣ силы, чтобы взять монастырь. Много разъ они нападали, превосходя защитниковъ силою и средствами. Но доблестные защитники держались, несмотря на всѣ бѣдствія и лишенія, и даже сами производили нерѣдко вылазки и наносили полякамъ значительныя пораженія. Святыня монастыря и молитвы всѣхъ осажденныхъ поддерживали изнемогавшихъ. Ихъ доблести ввѣрена была великая святыня русской земли, святыя мощи преподобнаго Сергія, и защитники лавры рѣшили биться до послѣдней крайности. Подъ ихъ крыломъ укрылись многіе старцы, немощные, даже женщины, среди которыхъ были: старица Маргa, бывшая королева ливонская Марія Владиміровна, двоюродная племянница Грознаго, и инокиня Ольга, бывшая царевна Ксенія Борисовна Годунова. Лавра изнемогала отъ потери множества своихъ защитниковъ, отъ недостатка пищи и топлива, отъ посѣтившаго ее страшнаго мора, но дружно держалась противъ враговъ больше пятнадцати мѣсяцевъ. Въ помощь монастырю Скопинъ отрядилъ воеводу Жеребцова съ 900 ратниковъ. Когда онъ вошелъ въ монастырь, за нимъ прибылъ Валуевъ съ 500 человѣкъ. Соединясь съ уцѣлѣвшими 200 троицкихъ защитниковъ, они сдѣлали удачную вылазку противъ поляковъ. Сапѣга 12 января 1610 года снялъ осаду и отошелъ къ Дмитрову. Послѣ совершеннаго истощенія лавра вздохнула свободно и торжественно встрѣтила вскорѣ прибывшаго Скопина.

12 марта уже и Москва торжественно встрѣчала своего освободителя, князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго. У городскихъ воротъ ждали его бояре, высланные отъ царя съ хлѣбомъ-солью. А народъ встрѣтилъ его за городомъ на троицкой дорогѣ, привѣтствовалъ шумными кликами, падалъ ницъ и билъ челомъ за избавленіе отъ враговъ. Царь Василій Ивановичъ со слезами обнялъ племянника, благодарилъ его и честилъ дарами. Бояре одинъ передъ другимъ давали пиры въ честь воеводы и его спод-

вижниковъ. Посреди этихъ пировъ Скопинъ не прекращалъ своихъ военныхъ заботъ. Много было сдѣлано для очищенія и успокоенія государства, но впереди предстояло еще болѣе. Скопинъ совѣщался съ боярами о предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ и послѣ половодья готовился въ новый походъ. Сподвижники торопили его, а мать Елена Петровна еще болѣе безпокоилась за сына. Говорятъ, она наказывала ему еще въ Александровскую слободу, чтобы не ѣздилъ въ Москву, гдѣ его ждутъ „звѣри лютые, пышущіе ядомъ змѣинымъ". Дѣйствительно, явились враги и завистники. Особенно, говорятъ, недружелюбно смотрѣли на племянника братья царя, разсчитывавшіе на престолъ по смерти бездѣтнаго царя Василія. Одного изъ нихъ, Димитрія, поджигала жена его Екатерина Григорьевна, дочь Малюты Скуратова и сестра царицы Маріи Годуновой. Подозрѣніе было посѣяно и въ душу царя. 23 апрѣля происходилъ пиръ у князя И. М. Воротынскаго по случаю крестинъ его новорожденнаго сына Алексѣя. Крестнымъ отцомъ былъ Скопинъ, а крестной матерью—Екатерина Григорьевна Шуйская. Послѣ стола Екатерина подноситъ чару съ виномъ своему юному куму и бьетъ ему челомъ на здоровьѣ ихъ крестника. Михаилъ Васильевичъ осушилъ чару до дна. Тотчасъ онъ почувствовалъ себя дурно, а черезъ двѣ недѣли скончался. Пораженная чернь съ угрозами бросилась къ дому Димитрія Шуйскаго, и только ратные люди защитили его отъ народной ярости.

Вопль и плачъ раздались вокругъ погибшаго героя. Весь московскій народъ, отъ царя до нищаго, толпился на его дворѣ въ слезахъ и рыданіяхъ. Народъ потребовалъ, чтобы его положили въ Архангельскомъ соборѣ рядомъ съ гробами царскими и великокняжескими. Царь согласился, и его похоронилъ самъ патріархъ съ царскими почестями. Царь и Москва остались неутѣшными. Угасла надежда на спасеніе, а враги усиливались и ихъ было много. Бѣда грозная, неотвратимая уже надвигалась на Москву.

XXXVI.

Лихолѣтье.

Еще въ октябрѣ 1609 года, когда Скопинъ занялъ Александровскую слободу, пришло извѣстіе о томъ, что король польскій Сигизмундъ прибылъ подъ Смоленскъ и осадилъ его. Предстояла неизбѣжная война съ Польшею.

Сигизмундъ разсчиталъ, что это время всеобщаго шатанія и раздоровъ въ Московскомъ государствѣ было самымъ подходящимъ для исполненія завѣтныхъ желаній Польши и Рима, ополяченія и окатоличенія Москвы, и онъ объявилъ ей войну. Что именно эти причины заставили его поднять оружіе, это онъ самъ подтвердилъ въ своемъ письмѣ къ папѣ Павлу V отъ 30 октября 1610 года. „Хотя я не сомнѣваюсь, — писалъ онъ,—что вашему святѣйшеству извѣстны причины, побудившія меня объявить войну Московскому государству, но здѣсь будетъ умѣстно повторить ихъ вкратцѣ для того, чтобы окончательно выяснить ихъ. Причины эти слѣдующія: распространеніе истинной христіанской вѣры и польза моего государства, неприкосновенность моихъ владѣній и сохраненіе пограничныхъ городовъ, которые непріятель собирался, повидимому, разорить, пуская для этого въ ходъ тайныя козни, захватъ исконныхъ владѣній королей польскихъ, совершенный измѣнническимъ образомъ тираномъ Василіемъ Ивановичемъ, наконецъ, тиранство столькихъ самозванцевъ, которые, будучи увлечены страстнымъ желаніемъ царствовать, выдавали себя за потомковъ великихъ князей московскихъ, разоряли Россію, какъ завзятые разбойники, и усѣяли ее могилами своихъ жертвъ, угнетая въ то же время подданныхъ моего королевства и нарушая вмѣстѣ съ тѣмъ мои права на наслѣдіе великихъ князей московскихъ“. Папа одобрилъ побужденія Сигизмунда, благословилъ войну и послалъ ему парамникъ и мечъ, какъ защитнику „истинной“ вѣры. Сигизмундъ рѣшился отвоевать какъ можно больше областей у Московскаго государства и объединить подъ одною короною Польшу, Литву

и Москву, и потомъ общими ихъ силами добыть себѣ и Швецію.

16-го сентября 1610 года король Сигизмундъ III съ главными силами своими прибылъ подъ Смоленскъ, и началась знаменитая осада сего города. Королевское войско окружило его нѣсколькими отрядами. Во главѣ его были: самъ Король, гетманъ Жолкевскій, канцлеръ Сапѣга, Стадницкій, Потоцкій, Дорогостайскій, Гонсѣвскій и др. Но во главѣ смоленскихъ сидѣльцевъ стоялъ мужественный воевода, бояринъ Михаилъ Борисовичъ Шеинъ, и смольяне рѣшили умереть, но не сдавать полякамъ своего города. И имъ пришлось перенести всѣ бѣдствія, нераздѣльныя съ осадой злобнаго, мстительнаго и вѣроломнаго врага. Силы были неравныя, враговъ было больше, но осада не приносила успѣха. Тогда король рѣшилъ привлечь на свою службу тѣ польскія войска, которыя тогда стояли подъ Москвой и служили Тушинскому вору. Въ декабрѣ 1609 года прибыло подъ Москву торжественное королевское посольство, которому поручено было вступить въ переговоры не только съ поляками и русскими, служившими вору, но и съ Москвою и съ самимъ царемъ Василіемъ, если онъ согласится на уступку областей. Лишь съ самозванцемъ король не хотѣлъ вступать ни въ какія сношенія. Тогда самозванецъ, живя въ недостаткахъ и тревогѣ отъ Скопина, видя всю шаткость своего войска и „бояръ“, готовыхъ бросить его въ бѣдѣ, терпя оскорбленія, рѣшился уйти изъ Тушина въ болѣе надежное мѣсто и тайкомъ бѣжалъ въ Калугу около 6 января 1610 года. За нимъ ушли казаки, а оставшіеся поляки и русскіе колебались между королемъ, воромъ и выжиданіемъ обстоятельствъ. Польскіе послы уполномочены были предложить тушинскимъ боярамъ отдаться подъ власть короля и обѣщать имъ сохраненіе всѣхъ ихъ правъ и новыя льготы и пожалованія. Послѣ бѣгства самозванца русскіе люди не медля укрѣпились договоромъ между собою и съ польскимъ войскомъ въ томъ, что имъ не отъѣзжать „къ Василію Шуйскому и Михайлѣ Скопину“, а также Шуйскихъ „и изъ иныхъ бояръ московскихъ никого“ на государство не хотѣть. А затѣмъ

они завели переговоры съ Сигизмундомъ о томъ, чтобы онъ пожаловалъ на Московское государство своего сына. Отъ поляковъ и отъ русскихъ тушинцевъ было отправлено къ Сигизмунду посольство, которое прибыло въ королевскій станъ подъ Смоленскомъ въ серединѣ января 1610 года и договорилось тамъ объ условіяхъ, на которыхъ могъ бы Владиславъ занять русскій престолъ. Послы русскіе требовали, чтобы сохранены были въ цѣлости православіе и стародавній московскій порядокъ. Въ договорѣ, заключенномъ съ ними отъ имени короля, вопросъ о принятіи Владиславомъ православія обойденъ полнымъ молчаніемъ, а давалось только согласіе, чтобы онъ былъ коронованъ въ Москвѣ русскимъ патріархомъ. Греческая вѣра, по договору, должна остаться „ни въ чемъ ненарушимою". Всякій католикъ можетъ входить въ православный храмъ, но смиренно, а не въ шапкахъ и не съ собаками, и во время службы не сидѣть. Для людей римской вѣры въ Москвѣ долженъ быть построенъ костелъ. Русскіе люди также „съ учтивостію" могутъ входить въ костелъ. Но ни король, ни сынъ его не будутъ никого принуждать къ переходу изъ греческой вѣры въ римскую. Въ договорѣ подтверждались права церквей, духовенства, бояръ, служилыхъ людей и ограничивалась власть царя боярскою думою. Король обѣщалъ исполнить договоръ и просилъ бояръ потребовать отъ Шеина сдачи Смоленска. Шеинъ отказалъ наотрѣзъ.

Поляки требовали преимущественно вознагражденія себѣ, но событія въ Тушинѣ разбили и мечты ихъ, и ихъ отряды. Когда казаки ушли въ Калугу, ихъ хотѣлъ остановить Рожинскій, погнался за ними и разбилъ ихъ. Послѣ этого Марина не сочла возможнымъ долѣе оставаться въ Тушинѣ и въ серединѣ февраля, переодѣвшись въ гусарскую форму, тоже бѣжала въ Калугу. Тогда Сапѣга со своимъ отрядомъ, побывавъ предварительно подъ Смоленскомъ, перешелъ на службу къ вору подъ условіемъ, ничего не предпринимать противъ короля. Рожинскій, послѣ того, зажегъ свой таборъ въ Тушинѣ, захватилъ съ собою русскихъ тушинцевъ и перешелъ въ Волоколамскъ. Здѣсь разбилъ поляковъ Валуевъ

и отнялъ у нихъ митрополита Филарета. Тушино больше не существовало, но бѣда грозила Москвѣ изъ Смоленска и изъ Калуги.

Во главѣ московскаго войска послѣ Скопина поставленъ былъ братъ царя, Димитрій Шуйскій, который выступилъ въ походъ противъ короля и остановился въ Можайскѣ. Навстрѣчу ему шелъ гетманъ Жолкевскій съ отрядами польскаго войска. Враги сошлись у Клушина, и гетманъ неожиданнымъ нападеніемъ разбилъ Шуйскаго наголову. У царя Василія болѣе не существовало арміи, и Жолкевскій оставшіяся части ея, а равно и попутно забранные города заставилъ присягнуть Владиславу. Остановившись въ Можайскѣ, онъ завелъ сношенія съ Москвою, имѣя въ виду овладѣть ею безъ кровопролитія. Съ другой стороны, къ Москвѣ подошелъ изъ Калуги тушинскій воръ и расположился лагеремъ въ селѣ Коломенскомъ. Въ Москвѣ, оказавшейся между двухъ огней, поднялись раздоры и волненія. Войска можно еще было набрать тысячъ до тридцати человѣкъ, но не было воеводы, который бы объединилъ всѣхъ, воодушевилъ и сталъ во главѣ освободительнаго движенія. Царя Василія почти перестали слушать. Въ Москвѣ начались народныя сходки. На одну изъ такихъ сходокъ явились прислужники вора и предложили москвичамъ:

— Вы убо оставите своего царя Василія, и мы такожде своего оставимъ, и изберемъ вкупѣ всею землею царя и станемъ обще на Литву.

Такое предложеніе сулило внутренній миръ и единеніе измученной смутами землѣ. Не предвидя обмана, москвичи увлеклись лукавымъ совѣтомъ и 17-го іюля 1610 года подняли мятежъ. Народное скопище съ Красной площади перешло за черту города, за Арбатскія ворота, и тамъ, несмотря на противодѣйствіе патріарха Гермогена, рѣшило просить Шуйскаго, чтобы онъ „царство оставилъ“. Къ царю посланъ былъ отъ народа его своякъ, князь И. М. Воротынскій съ „заводчиками“ (Захаръ Ляпуновъ, Ѳ. Хомутовъ, И. Н. Салтыковъ и др.). Они отобрали отъ Василія Ивановича знаки царскаго достоинства и вывезли его съ

супругою на его старый боярскій дворъ, и арестовали его братьевъ.

Шуйскій былъ низложенъ, и многіе вѣрили, что воръ такъ же легко будетъ свергнутъ казаками, какъ легко москвичами былъ „ссаженъ" царь Василій. Они отправились 18-го іюля за Москву рѣку, за Серпуховскія ворота, къ Даниловскому монастырю, на переговоры съ тушинцами, но тамъ узнали, что обмануты: „воры" предлагали имъ признать царя „Димитрія". Тогда лишь поняли въ Москвѣ, что „Московскому государству съ обѣихъ сторонъ стало тѣсно" и что паденіе Шуйскаго не только не предупредило бѣдствій, но само еще стало тяжелымъ осложненіемъ. Тогда патріархъ Гермогенъ началъ думать о возстановленіи Шуйскаго и даже „молить весь народъ, дабы паки возвести царя". Въ то же время и самъ Шуйскій принималъ мѣры къ тому, чтобы съ помощью стрѣльцовъ вернуть себѣ власть. Все это заставило „заводчиковъ" мятежа 17-го іюля довершить начатое дѣло. Они силою постригли царя Василія въ иноки и заточили его въ Чудовѣ монастырѣ.

Сверженіе московскаго государя было послѣднимъ ударомъ московскому государственному порядку. Страна имѣла лишь претендентовъ на власть, но не имѣла дѣйствительной власти. Западныя окраины государства были въ обладаніи иноземцевъ, югъ давно отпалъ въ воровство, подъ столицею стояли два вражескія войска, готовыя осадить ее. Остальныя области государства не знали, кого имъ слушать и кому служить. Правленіе государствомъ перешло въ руки боярской думы, „семибоярщины", во главѣ которой стоялъ князь Мстиславскій, но безъ руководителя она была безсильна. Москвѣ предстояла теперь двоякая задача: возстановить власть и прогнать враговъ. Но какъ возстановить власть и кого призвать къ ней? Сначала, послѣ сверженія Шуйскаго, московское населеніе думало возстановить порядокъ признаніемъ уніи съ Рѣчью Посполитой и поэтому призвало на московскій престолъ королевича Владислава. Когда власть Владислава выродилась въ военную диктатуру Сигизмунда, московскіе люди пытались создать національ-

ӨЕОДОРЪ НИКИТИЧЪ РОМАНОВЪ
по томъ ФИЛАРЕТЪ ПАТРІАРХЪ Московскій
Родитель Царя МИХАЙЛА ӨЕОДОРОВИЧА

ное правительство въ лагерѣ Ляпунова. Когда же и это правительство извратилось и, потерявъ общеземскій характеръ, стало казачьимъ, послѣдовала новая, уже третья, попытка созданія земской власти въ ополченіи князя Пожарскаго. Этой земской власти удалось, наконецъ, превратиться въ дѣйствительную государственную власть и возстановить государственный порядокъ.

Тотчасъ по низложеніи Шуйскаго Москва цѣловала крестъ „боярамъ", государевой думѣ, прося ихъ „за Московское государство стояти и насъ всѣхъ праведнымъ судомъ судити, и государя на Московское государство выбрати съ нами, со всякими людьми, всею землею, сослався съ городы".

Жолкевскій, узнавъ о сверженіи Шуйскаго, поторопился къ Москвѣ и 24 іюля расположился станомъ около села Хорошова. Бояре вынуждены были вступить съ нимъ въ переговоры и согласились признать царемъ королевича Владислава, при чемъ выработаны были и условія такого избранія, которыми, какъ и отправленными изъ Тушина, имѣлось въ виду охраненіе и обезпеченіе основъ московскаго церковнаго, государственнаго и общественнаго порядка. Оградивъ національную московскую самостоятельность прежде всего требованіемъ, чтобы королевичъ принялъ православіе, бояре точно указали и границы правительственной власти королевича. Онъ долженъ былъ править съ боярскою думою и земскимъ соборомъ. Гетманъ согласился почти на всѣ условія, лишь перемѣну вѣры оставилъ на усмотрѣніе короля. Онъ присягнулъ на соблюденіе условій. Присягнули и бояре Владиславу, а затѣмъ стали приводить къ присягѣ и весь народъ въ Успенскомъ соборѣ. Такимъ образомъ Владиславъ былъ объявленъ царемъ московскимъ.

Первымъ результатомъ этого избранія было бѣгство вора снова въ Калугу, вмѣстѣ съ Мариною и казаками, во главѣ съ Заруцкимъ. Воръ узналъ, что бояре настаивали на помощи Жолкевскаго противъ него, и не вѣрилъ преданности окружавшихъ его поляковъ.

Тотчасъ же послѣ удаленія вора Жолкевскій настоялъ, чтобы бояре не медлили болѣе отправкою московскаго тор-

жественнаго посольства къ королю Сигизмунду III по поводу избранія въ цари королевича Владислава. Въ составъ избраннаго посольства вошли: митрополитъ Филаретъ, Спасскій архимандритъ Евѳимій, троицкій келарь Авраамій Палицынъ, князь В. В. Голицынъ, князь Д. И. Мезецкій, В. Б. Сукинъ, дьяки Луговскій и Васильевъ. Посольство получило подробный наказъ, помѣченный 17-мъ числомъ августа 1610 года и состоявшій изъ длиннаго ряда условій, которыя посольство должно было предъявить королю и королевичу. Отъ Владислава требовали немедленной перемѣны вѣры, чтобы онъ крестился у ростовскаго митрополита Филарета и смоленскаго архіепископа Сергія, а въ Москву прибылъ уже православнымъ, и чтобы здѣсь „его, государя, встрѣтить съ чудотворными образами, честными и животворящими крестами патріарху и всему освященному собору“.

Будучи царемъ, Владиславъ не долженъ былъ бы сноситься съ папою или принимать отъ него благословеніе; тѣхъ людей московскихъ, которые по своему малоумію отступятъ въ римскую вѣру, онъ долженъ казнить смертію, а имущество ихъ отбирать. Когда Владиславу придетъ пора жениться, то ему выбрать себѣ супругу на Москвѣ греческой вѣры. Далѣе шли условія о томъ, чтобы Владиславъ не приводилъ много поляковъ и литовцевъ съ собою, чтобы король вышелъ въ свою страну, чтобы города были очищены отъ поляковъ, плѣнные были размѣнены и т. д.

Посольство было отправлено къ королю подъ Смоленскъ, а вслѣдъ затѣмъ настало въ Москвѣ полное торжество поляковъ. Жолкевскій предвидѣлъ неудачу посольства и торопился овладѣть Москвою. Онъ убѣдилъ бояръ въ большой опасности для нихъ отъ черни и отъ вора и въ необходимости полякамъ занять столицу. Обсудивъ дѣло и убѣдивъ патріарха, совсѣмъ не хотѣвшаго этого, допустить „Литву“ въ столицу, бояре открыли Жолкевскому ворота Кремля. Послѣдствія такой оплошности не замедлили сказаться. Не бояре стали владѣть дѣлами въ Москвѣ, а то войско, изъ котораго они думали создать себѣ опору и орудіе. Въ Москвѣ водворилась военная диктатура польскихъ вождей, подъ

тисками которой бояре, по их словам, „въ то время всѣ живы не были“.

Для поляковъ между тѣмъ наступило настоящее торжество. Жолкевскій немедленно извѣстилъ короля объ одержанномъ мирнымъ путемъ столь изумительномъ успѣхѣ. Гетманъ былъ настолько хозяиномъ положенія, что къ нему привезли Василія Шуйскаго изъ монастыря и его двухъ братьевъ изъ тюрьмы и отдали ихъ въ его полное распоряженіе, предоставивъ ему рѣшить ихъ дальнѣйшую участь. Жолкевскій взялъ Шуйскаго, какъ завидный трофей, съ собою, рѣшивъ не медлить отъѣздомъ въ станъ къ королю, отъ принятія которымъ условій зависѣлъ успѣхъ поляковъ. Но король не принялъ условій избранія Владислава и желалъ собственнаго воцаренія на Московскомъ государствѣ. Посольство отказывалось затѣвать другія дѣла, кромѣ порученныхъ. Лишь нѣкоторые члены уступили угрозамъ, главнѣйшіе же, Филаретъ и Голицынъ, остались непреклонными и очутились въ положеніи плѣнниковъ. Вмѣстѣ съ распаденіемъ московскаго посольства подъ Смоленскомъ распалось и само правительство въ Москвѣ. При помощи прописковъ поляковъ правленіе въ Москвѣ очень скоро перешло въ руки угодныхъ имъ и услужливыхъ лицъ. Бояре потеряли всякое правительственное значеніе, всѣмъ распоряжались поляки при помощи своихъ ставленниковъ. Московское государство и безъ войны оказалось въ плѣну у поляковъ.

Между тѣмъ въ концѣ того же самаго 1610 года, когда распалось московское правительство и замѣнено было польскими ставленниками, въ Калугѣ неожиданно не стало вора. 11 декабря онъ полупьяный выѣхалъ на охоту и былъ убитъ Урусовымъ изъ личной мести. Марина съ новорожденнымъ сыномъ Иваномъ заключена была подъ стражу.

Когда опасность со стороны Калуги миновала, Москва начала понемногу оправляться и подыматься, чтобы нанести рѣшительный ударъ и главнѣйшему своему врагу, полякамъ.

Когда попытка посадить Владислава на престолъ не удалась, когда свободная унія съ Рѣчью Посполитой грозила

перейти въ формальное подчиненіе ей, на спасеніе Московскаго государства явилась новая сила, могучая и надежная.

Населеніе Москвы и всего государства видѣло полное распаденіе думы и чувствовало, что, по слову современника, „оскудѣша премудрые старцы и изнемогоша чудные совѣтники и отъя Господь крѣпкого земли". Митрополитъ Филаретъ, князья Шуйскіе и В. В. Голицынъ были въ польскомъ плѣну. Князья И. М. Воротынскій и А. В. Голицынъ сидѣли въ Москвѣ „за приставами". Прочіе бояре или должны были служить полякамъ, или потеряли всякое вліяніе на дѣла. Народъ считалъ однихъ бояръ страдальцами, другихъ измѣнниками и понималъ, что отнынѣ боярская дума перестала быть руководительницею общественной жизни и правительственной власти. Всѣмъ правилъ начальникъ польскаго гарнизона въ Москвѣ, Гонсѣвскій, и два его приспѣшника, измѣнники Михаилъ Салтыковъ и Ѳедоръ Андроновъ.

Но если пало боярское правительство, если земскій совѣтъ при боярахъ былъ разогнанъ „измѣнниками" или милостиво распущенъ Сигизмундомъ изъ его королевскаго стана, то еще было цѣло правительство церковное и не былъ поколебленъ патріаршій авторитетъ. Патріархъ выступалъ теперь па первое мѣсто и не могъ, если бы и хотѣлъ, уклониться отъ дѣйствія въ такую минуту, когда не стало вовсе государственной власти. „Нынѣ, по грѣху нашему, мы стали безгосударны, а патріархъ у насъ человѣкъ начальный", говорили тогда русскіе люди. Однако, патріархъ не сразу занялъ подобающее ему мѣсто, но лишь послѣ того, какъ стали обнаруживаться гибельныя для Москвы послѣдствія призванія Владислава. Водвореніе у власти въ Москвѣ „измѣнниковъ-воровъ", тушинскихъ дьяковъ и „вѣрниковъ" Сигизмунда, холодный пріемъ, оказанный великому посольству королемъ подъ Смоленскомъ, униженіе и аресты московскихъ бояръ, слухи о томъ, что Сигизмундъ самъ желаетъ московскаго престола, — все это были такіе признаки грядущихъ бѣдъ, которые должны были встревожить самые безпечные умы. Московскіе люди не могли не понимать, что ихъ собственное правительство было упразднено, властью овладѣли

недостойныя и беззаконныя руки, государству грозила зависимость отъ чужеземной и иновѣрной силы, которая не желала связать себя закономъ и правомъ. Національное и религіозное чувство заговорило въ московскихъ людяхъ громче другихъ чувствъ, личныхъ и мелкихъ. Русскіе люди начали отрезвляться отъ собственной смуты, когда почувствовали надъ собою чужую руку. Вездѣ въ государствѣ созрѣвалъ нравственный переломъ, вездѣ общая опасность заглушала личныя страсти и вожделѣнія и вызывала болѣе высокіе и благородные порывы народнаго чувства. Въ концѣ октября 1610 года послы изъ-подъ Смоленска уже шлютъ въ Москву патріарху и боярамъ тайную грамоту съ извѣщеніемъ объ угрожающемъ оборотѣ дѣлъ. Филаретъ и Голицынъ находятъ въ себѣ силы стать на охрану высшихъ интересовъ своей родины и защищаютъ ихъ до потери собственной свободы. Ихъ тайныя письма въ Москву, Смоленскъ, Ярославль и въ другіе города, предостерегая объ опасности, будятъ народное чувство въ другихъ дѣятеляхъ. Въ самой Москвѣ появляются люди, готовые устно и письменно возбуждать народъ противъ поляковъ и раскрывать въ истинномъ свѣтѣ намѣреніе короля Сигизмунда. Они составляютъ и распространяютъ по Москвѣ и по всему государству подметныя письма и патріотическія грамоты отъ имени страдающихъ подъ Смоленскомъ и въ самой Москвѣ русскихъ людей. Въ этихъ писаніяхъ они горячо призываютъ московскихъ людей на освобожденіе родины. Со всѣхъ сторонъ слышатся встревоженные голоса, говорящіе объ опасности для всего государства и всего народа; и всѣ эти голоса обращаются прежде всего къ патріарху, раньше другихъ вспоминаютъ именно о немъ. На Гермогена и на его личную стойкость съ надеждою начали смотрѣть всѣ патріоты, считая, что въ ту минуту именно патріархъ долженъ былъ стать первымъ борцомъ за народное дѣло. Онъ представлялся теперь провидцемъ, который противился избранію королевича и вступленію въ Москву польскихъ войскъ не по простому упрямству, а въ предчувствіи той бѣды, которая была еще скрыта отъ сознанія прочихъ.

И святѣйшій Гермогенъ понялъ свое значеніе. Сбывались его опасенія. На его плечи ложилось тяжкое бремя заботъ о паствѣ, потерявшей своихъ правителей. Самъ онъ, несмотря на старость, готовъ былъ нести это бремя, но въ окружающей средѣ не находилъ никакой поддержки и оставался „единъ уединенъ“: „иному некому пособити ни въ словѣ, ни въ дѣлѣ“. Не въ освященномъ соборѣ и боярской думѣ и въ не столичномъ московскомъ населеніи долженъ былъ искать Гермогенъ своихъ помощниковъ. Москва вся была „прельщена“ и „закормлена“ или же запугана королевскими слугами. Помощь патріарху могла идти только изъ-за московскихъ стѣнъ, оттуда, гдѣ еще было цѣло и могло дѣйствовать привычное земское устройство, незадавленное польскою властью. Служилые люди, державшіеся вокругъ городскихъ воеводъ, поставленныхъ еще при Шуйскомъ, да тяглый городской людъ съ своими выборными старостами, — вотъ тѣ общественныя силы, на которыя могъ разсчитывать патріархъ Гермогенъ, задумывая борьбу съ врагами. Необходимо было сплотить эти силы, организовать ихъ въ видахъ борьбы за народную независимость и съ помощью ихъ рѣшить вопросъ о возстановленіи государственнаго порядка. Святѣйшій Гермогенъ совершенно правильно поставилъ задачу, но не сразу получилъ воможность приступить къ ея исполненію.

Первые признаки смуты въ занятой поляками Москвѣ появились въ октябрѣ 1610 года, когда князья Воротынскій и А. Голицынъ были посажены на ихъ дворахъ за приставами по обвиненію въ сношеніяхъ съ воромъ. За ихъ дѣломъ возникло дѣло стольника В. И. Бутурлина, обвиненнаго въ томъ, что по соглашенію съ Пр. П. Ляпуновымъ онъ „въ Москвѣ нѣмцовъ тайно подговаривалъ“ на избіеніе поляковъ. Неизвѣстно, основательны ли были подобныя обвиненія, но польскій гарнизонъ счелъ ихъ достаточнымъ поводомъ для того, чтобы вмѣшаться „въ справы московскія“: захватить „ключи отъ воротъ городовыхъ“, привести весь городъ на военное положеніе, запереть наглухо добрую половину городскихъ воротъ, въ остальныхъ воротахъ и на

стѣпахъ поставить караулы, а по улицамъ посылать патрули. Москва приняла видъ завоеваннаго города: населенію запрещено было носить оружіе, у улицъ были уничтожены охранительныя рѣшетки, въ городъ не пускали подгородныхъ крестьянъ, ночное движеніе по городу было запрещено, такъ что даже священникамъ не давали ходить къ заутренѣ. Добровольное подчиненіе „царю Владиславу" становилось похоже на позорный плѣнъ и иноземное завоеваніе. Въ тѣ же самые дни, когда въ Москвѣ водворился этотъ военный порядокъ, тамъ получены были первыя тайныя письма отъ великихъ пословъ, посланныя ими 30-го октября, съ предупрежденіями о планахъ Сигизмунда. Насилія въ Москвѣ такимъ образомъ связывались съ извѣстіями о насиліи подъ Смоленскомъ. 21-го ноября послѣдовалъ штурмъ Смоленска, который, однако, не удался. Извѣстіе о немъ должно было потрясти московскіе умы, не постигавшіе какимъ образомъ могъ король продолжать военныя дѣйствія во время переговоровъ о мирномъ соединеніи государствъ: „такъ ли сыну прочити, что все наконецъ губити?" Пролитіе крови подъ Смоленскомъ было для русскихъ людей доказательствомъ двоедушія короля и побуждало окончательно не вѣрить ни королю, ни его московскимъ слугамъ.

Когда 30-го ноября М. Салтыковъ явился къ патріарху съ какимъ-то разговоромъ о королѣ, желая, вѣроятно, склонить Гермогена на уступки Сигизмунду, „все на то приводя, чтобъ крестъ цѣловати королю самому", то Гермогенъ далъ волю своему негодованію и отказался отъ всякихъ уступокъ. На другой день къ патріарху пришли и другіе бояре, съ Мстиславскимъ во главѣ, и стали просить патріарха, чтобы онъ „благословилъ крестъ цѣловати королю". Святѣйшій отказался, и между нимъ и Салтыковымъ произошла бурная ссора.

— Стану писать къ королю грамоты, — отвѣчалъ патріархъ, — и духовнымъ всѣмъ властямъ велю руки приложить, если король дастъ сына на Московское государство, крестится королевичъ въ православную христіанскую вѣру и литовскіе люди выйдутъ изъ Москвы. А что положиться на королев-

скую волю, то это вѣдомое дѣло, что намъ цѣловать крестъ самому королю, а не королевичу, и я такихъ грамотъ не благославляю вамъ писать и проклинаю того, кто писать ихъ будетъ; а къ Прокофью Ляпунову напишу, что если королевичъ на Московское государство не будетъ, въ православную христіанскую вѣру не крестится и Литвы изъ Московскаго государства не выведетъ, то благословляю всѣхъ, кто королевичу крестъ цѣловалъ, идти подъ Москву и помереть всѣмъ за православную вѣру.

Салтыковъ бранилъ Гермогена площадною бранью, даже бросался на патріарха съ ножомъ. Патріархъ, осѣнивъ его крестнымъ знаменіемъ, сказалъ:

— Крестное знаменіе да будетъ противъ твоего окаяннаго ножа; будь ты проклятъ въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ.

Салтыковъ опомнился и „прощеніе испросилъ“ у патріарха, оправдываясь тѣмъ, что „шуменъ былъ и безъ памяти говорилъ“; но для святѣйшаго Гермогена этотъ случай имѣлъ рѣшительное значеніе. Онъ немедля послалъ „по сотнямъ“ и собралъ московскихъ гостей и торговыхъ людей въ Успенскій соборъ. Тамъ онъ прямо объяснилъ имъ положеніе дѣлъ, запретивъ присягать королю, и по его слову московскіе люди „отказали, что имъ королю креста не цѣловать“. Такъ выступилъ патріархъ Гермогенъ на открытую борьбу съ королемъ Сигизмундомъ, а во второй половинѣ декабря 1610 года рѣшился и на то, чтобы открыто призвать свою паству къ вооруженному возстанію на утѣснителей. Онъ началъ посылать по городамъ свои грамоты, въ которыхъ объяснялъ королевскую измѣну, разрѣшалъ народъ отъ присяги Владиславу и просилъ городскихъ жителей, чтобы они, не мѣшкая, по зимнему пути, „собрався всѣ въ сборъ со всѣми городы, шли къ Москвѣ на литовскихъ людей“. На святкахъ 1610 года и въ началѣ января 1611 года имъ были отправлены грамоты въ Нижній Новгородъ и къ Просовецкому въ Суздаль или Владиміръ. Главнымъ же образомъ патріархъ разсчитывалъ на Пр. Ляпунова и подчиненныхъ ему рязанскихъ служилыхъ людей. Къ Ляпунову онъ обратился раньше, чѣмъ ко всѣмъ прочимъ, и Ляпу-

новъ поднялъ знамя возстанія уже черезъ двѣ-три недѣли послѣ смерти вора, около 1-го января 1611 года.

Измѣнническое московское правительство тотчасъ же узнало о дѣятельности патріарха и не остановилось передъ тѣмъ, чтобы немедля употребить силу противъ великаго пастыря. Для того, чтобы онъ не могъ ссылаться письменно съ городами, у него были „діяки и подъячіе и всякіе дворовые люди пойманы, а дворъ его весь разграбленъ“. О такомъ насиліи 12-го января 1611 года уже знали въ Нижнемъ. Въ тѣ же дни пришла о томъ вѣсть и къ Пр. Ляпунову. Онъ тотчасъ же заступился за Гермогена и послалъ грамоту „къ боярамъ о патріархѣ и о мірскомъ гоненіи и о тѣснотѣ“. Его грамота подѣйствовала: „съ тѣхъ мѣстъ патріарху учало быти повольнѣе и дворовыхъ людей ему немногихъ отдали“. Но это было лишь временное послабленіе: Гермогенъ до конца своихъ дней оставался подъ тяжелымъ надзоромъ и томился въ Кремлѣ, „яки птица въ заклепѣ“. Одинокій, никѣмъ не поддержанный старецъ лишенъ былъ возможности дѣйствовать, какъ бы хотѣлъ, и ему оставалось только твердымъ словомъ своимъ возбуждать и одобрять народное движеніе, поднятое имъ самимъ.

Призывъ святѣйшаго патріарха палъ на добрую почву и сейчасъ же далъ плодъ. Населеніе крупнѣйшихъ центровъ готово было встать на защиту народной самостоятельности отъ иноземнаго покушенія и по первому слову патріарха Гермогена рванулось къ Москвѣ съ удивительною быстротою. Около Рождества 1610 года началъ Гермогенъ свой открытый призывъ къ народу на Рязани и въ Поволжьѣ, а уже 8-го февраля 1611 года началось движеніе нижегородскихъ отрядовъ къ Москвѣ; 21-го февраля ярославскій передовой отрядъ, „первая посылка“, выступилъ подъ Москву; 28-го февраля пошла и вся ярославская рать съ орудіями; 3-го марта Ляпуновъ вышелъ къ Москвѣ уже изъ Коломны. Во второй же половинѣ марта къ Москвѣ подошли уже многія земскія и казачьи дружины, и у стѣнъ сожженной столицы образовалось знаменитое подмосковное ополченіе 1611 г. Салтыковъ пришелъ къ святѣйшему Гермогену и сказалъ:

— Ты писалъ, чтобы ратные люди шли къ Москвѣ; теперь напиши имъ, чтобы возвратились назадъ.

— Напишу,—отвѣчалъ Гермогенъ,—если ты, измѣнникъ, вмѣстѣ съ литовскими людьми выйдешь вонъ изъ Москвы; если же вы останетесь, то всѣхъ благословляю померетъ за православную вѣру; вижу ей поруганіе, вижу разореніе святыхъ церквей, слышу въ Кремлѣ пѣніе латинское и не могу терпѣть.

Патріарха отдали подъ стражу и никого не велѣли пускать къ нему.

19-го марта, во вторникъ на Страстной недѣлѣ, поляки начали поголовное избіеніе русскихъ людей и сожгли столицу. Послѣ трехдневнаго пожара Бѣлый и Деревянный городъ представляли груды дымящихся развалинъ. Поляки засѣли въ Китаѣ и Кремлѣ, выгнавъ отсюда всѣхъ русскихъ и изливъ свою злобу на святѣйшемъ патріархѣ Гермогенѣ, котораго бросили въ тѣсное и мрачное заключеніе въ Чудовомъ монастырѣ, не склонивъ его ни угрозами, ни насиліями не посылать благословенія собравшемуся ополченію.

Стягивавшееся ополченіе начало тѣснить поляковъ, хотя и стоило это великихъ усилій и жертвъ. Засѣвшій на Срѣтенкѣ князь Пожарскій долго оспаривалъ у поляковъ прилегающую мѣстность; но онъ былъ раненъ, и его принуждены были отвезти въ Троицкую лавру.

Москва опустѣла и подверглась совершенному разграбленію со стороны поляковъ. Не были пощажены и храмы Божіи, которые также были осквернены и разграблены поляками. Русскихъ они нещадно избивали, а женщинъ насиловали. Москва скоро была совершенно опустошена, а поляки, засѣвъ въ Кремлѣ и Китай-городѣ и награбивъ всякихъ богатствъ и запасовъ, предались неистовствамъ. Это время хозяйничанья въ Москвѣ поляковъ и разныхъ воровъ было разореніемъ и лихолѣтьемъ для Москвы и для Московскаго государства.

Въ то время, какъ Москва была разорена, бѣды Московскому государству стали грозить съ другой стороны. Лѣтомъ 1611 года, въ началѣ іюня, Смоленскъ палъ и мужествен-

ные защитники его плѣнены не столько силою непріятеля, сколько коварствомъ измѣнниковъ. Новгородъ Великій также при помощи измѣны былъ захваченъ шведами, и тамъ шведскій королевичъ объявленъ былъ кандидатомъ на русскій престолъ. Въ Ивангородѣ объявился новый самозванецъ, третій Лжедимитрій. Говорятъ, что это былъ какой-то воръ Сидорка, другіе называютъ его Матвѣемъ, который будто бы раньше былъ дьякономъ въ московской заяузской церкви. Въ концѣ марта онъ объявился въ Ивангородѣ, назвалъ себя Димитріемъ, который царствовалъ въ Калугѣ и будто бы не былъ убитъ, а снова чудеснымъ образомъ спасся отъ смерти. Ивангородцы радостно приняли самозванца, звонили въ колокола, палили изъ пушекъ, и около него скоро собрались значительныя силы изъ разныхъ воровскихъ шаекъ, овладѣвшія даже Псковомъ и взволновавшія даже казачьи таборы подъ Москвою. Явился въ это же время и четвертый Лжедимитрій, астраханскій, взволновавшій почти все нижнее Поволжье.

Въ Москвѣ также не было достигнуто единодушія и вскорѣ разыгрались кровавыя событія. Ляпуновъ, идя къ Москвѣ, не желалъ оставлять у себя на лѣвомъ флангѣ и въ тылу воровскія казачьи шайки Заруцкаго, продолжавшія и послѣ вора представлять значительныя силы въ Калугѣ, Тулѣ и другихъ заокскихъ и украинныхъ городахъ. Поэтому онъ еще въ началѣ 1611 года завелъ сношенія съ Заруцкимъ въ Тулѣ и съ „боярами“ въ Калугѣ. Миръ и союзъ съ воровскою ратью былъ необходимъ Ляпунову, и ему удалось столковаться съ Калугою и Тулою, и у новыхъ союзниковъ былъ выработанъ общій планъ дѣйствій: „приговоръ всей землѣ: сходиться въ дву городѣхъ, на Коломнѣ да въ Серпуховѣ“. Въ Коломнѣ должны были собраться особою ратью городскія дружины съ Рязани, съ нижней Оки и съ Клязьмы, а въ Серпуховѣ должны были сойтись, тоже особою ратью, старые тушинскіе отряды изъ Калуги, Тулы и Сѣверы. Прежніе враги превращались въ друзей. Тушинцы становились подъ одно знамя со своими противниками на „земской службѣ“. И тѣ и другіе были одинаково желанными борцами

„за Московское государство“, одинаково стояли теперь „противъ разорителей вѣры христіанскія“, за національную независимость, за исконный государственный и общественный строй.

Но могли ли отстать казачьи ватаги отъ воровства, къ которому привыкли за смутные годы? Заруцкій, захвативъ съ собою Марину и ея сына, пришелъ къ Москвѣ, и вскорѣ же обнаружилась разладица между его казаками и ворами и народнымъ ополченіемъ Ляпунова. „Казакамъ даша волю велію, и быша по дорогамъ и по волостямъ грабежи великіе“. Отъ казаковъ прежде всего стали страдать сами же русскіе люди, ожидавшіе отъ нихъ помощи. Къ этому нестроенію прибавились своеволія воеводъ, расхищавшія государственныя земельныя имущества, „ратные жъ люди подъ Москвою помираху съ голоду“. Чтобы достигнуть внутренняго согласія въ самой рати и установить прочный порядокъ въ государствѣ, было составлено особое постановленіе 30-го іюня 1611 года, имѣвшее въ виду ограничить своеволія казачества. Однако, цѣль не была достигнута. Казаки поняли стѣсненія и ограниченія и не были склонны помириться съ ними. Не имѣя законныхъ средствъ повернуть дѣло по-своему и передѣлать приговоръ въ свою пользу, они пошли на открытый мятежъ противъ земской власти. Особенно раздражились казаки на того, кого считали виновникомъ приговора, на Ляпунова, „и съ тое же поры начаша надъ Прокофьемъ думати, како бы его убить“. Поводомъ послужило дѣятельное примѣненіе постановленій 30-го іюня, направленныхъ противъ казачьихъ разбоевъ. Плещеевъ „поймалъ“ 28 казаковъ и посадилъ ихъ въ воду. Товарищи ихъ спасли и привели въ таборы подъ Москву. Въ таборахъ поднялся бунтъ: „шумяху на Прокофья“ и покушались его убить. Ляпуновъ даже рѣшилъ бѣжать на Рязань и уже ушелъ изъ своего стана. Его догнали и убѣдили остаться. Дѣло затихло, хотя и не надолго. При новой вспышкѣ страстей враги Ляпунова заманили его для объясненій въ казачій „кругъ“ и тамъ измѣннически убили 22-го іюля 1611 года. Насиліе было такъ возмутительно, что поразило даже врага Ляпунова. И

Н. Ржевскаго, типичнаго „перелета“ того времени, измѣнившаго и Шуйскому, и вору, и Сигизмунду съ Владиславомъ. Онъ „казакомъ сталъ говорить: за посмѣшно-де Прокофья убили, Прокофьевы-де вины нѣтъ“, и былъ убитъ вмѣстѣ съ Ляпуновымъ.

Смерть Ляпунова послужила началомъ открытаго междоусобія въ подмосковномъ ополченіи. Казаки не скрывали своей вражды къ противной сторонѣ и грозили служилымъ людямъ боемъ и грабежомъ. Служилые же люди, земская часть ополченія, были подавлены внезапнымъ убійствомъ своего вождя, растерялись и ударились въ бѣгство: „мнози разыдошася отъ царствующаго града“, „отъидоша вси отъ Москвы прочь“. Замосковные и рязанскіе ратные люди пошли изъ-подъ Москвы по своимъ мѣстамъ, и съ августа 1611 года подъ кремлевскими стѣнами уже не стало земскаго стана и земскаго „совѣта всея земли“. Остались только казачьи таборы и воровскія казачьи власти. Правительственная власть перешла въ руки воровскихъ вожаковъ, и они получили возможность распоряжаться всею землей. Въ этомъ была огромная опасность для государства. Оно имѣло теперь надъ собою два правительства: польско-литовское въ Москвѣ и подъ Смоленскомъ и казацко-воровское въ таборахъ подъ Москвою. И то, и другое сулили только окончательную гибель Московскому государству, тѣмъ болѣе, что Заруцкій желалъ посадить на Московскій престолъ сына Марины и Тушинскаго вора, „воренка“, крещеннаго въ православную вѣру и названнаго Иваномъ.

XXXVII.

Освобожденіе Москвы и избраніе царя.

Со второй половины 1611 года наступила для Москвы самая безотрадная пора. Двѣ попытки возстановить государственный порядокъ привели къ плачевной неудачѣ. Попытка бояръ пригласить королевича предала столицу въ иноземное

обладаніе, попытка служилыхъ и посадскихъ людей создать земское правительство поставила казачество во главѣ правительственнаго порядка. Въ обоихъ случаяхъ восторжествовали враги. Разъѣздъ служилыхъ людей изъ-подъ Москвы, превращеніе земскаго правительства въ казачье, паденіе Смоленска и плѣнъ великихъ пословъ, занятіе Новгорода шведами, свержепіе и заточеніе Гермогена, гоненіе на большихъ бояръ въ Москвѣ,—все это для московскихъ людей было предвѣстіемъ близкой погибели, потрясало ихъ умы, угнетало душу. Вопросъ о томъ, что дѣлать, получалъ значеніе неотложнаго и роковаго, и на этотъ вопросъ ни у кого не находилось готоваго отвѣта.

Теряясь среди ужасающихъ событій, въ отчаяніи за будущую судьбу своей родины, московскіе люди ждали своего избавленія только свыше и полагали свое спасеніе въ одномъ небесномъ заступничествѣ. Они призывали другъ друга молиться, чтобы Господь пощадилъ „останокъ рода христіанскаго“ и оградилъ миромъ „останокъ россійскихъ царствъ и градовъ и весей“. Молитвою и покаяніемъ они думали избыть свою бѣду, которую считали безпримѣрною. Никакія книги, говорили они, „не произнесоша намъ таковаго наказанія ни на едину монархію, ниже на царства и княженія, еже случися надъ превысочайшею Россіею“. Подъемъ религіознаго чувства достигалъ чрезвычайнаго напряженія. Многіе люди удостоились небесныхъ видѣній. Повсюду установились постъ и молитва, и постъ былъ такъ строгъ, что „многіе младенцы помираху съ того посту“. Между городами стали пересылаться грамоты, призывавшія къ подвигу и къ вооруженію на „разорителей“. Но не было вождя и не было общаго руководства. Всѣ видѣли необходимость жертвъ, но не знали куда и какъ принести ихъ.

И опять за недостаткомъ боевыхъ вождей на спасеніе родины выступили духовные отцы, заточенный поляками святѣйшій патріархъ Гермогенъ и освобожденная отъ тушинской осады братія Троице-Сергіева монастыря. Снова раздался призывный голосъ патріарха. 25-го августа 1611 года онъ писалъ въ Нижній-Новгородъ:

„Благословеніе архимандритамъ, и игуменамъ, и протопопамъ, и всему святому собору, и воеводамъ, и дьякамъ, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и всему міру: отъ патріарха Гермогена Московскаго и всея Русіи миръ вамъ и прощеніе, и разрѣшеніе. Да писати бы вамъ изъ Нижняго въ Казань къ митрополиту Ефрему, чтобъ митрополитъ писалъ въ полки къ боярамъ учительную грамоту, да и казацкому войску, чтобъ они стояли крѣпко въ вѣрѣ, и боярамъ бы говорили и атаманьѣ безстрашно, чтобъ они отнюдь на царство проклятаго Маринкина паньина сына... не благословляю. И на Вологду ко властѣмъ пишите жъ, также бы писали въ полки; да и къ рязанскому пишите тожъ, чтобъ въ полки также писали къ боярамъ учительную грамоту, чтобъ уняли грабежъ, корчму, блядню, и имѣли бъ чистоту душевную и братство, и промышлялибъ, какъ реклись души свои положити за Пречистыя домъ и за чудотворцовъ и за вѣру, такъ бы и совершили; да и во всѣ городы пишите, чтобъ изъ городовъ писали въ полки къ боярамъ и атаманьѣ, что отнюдь Маринкинъ на царство не надобенъ: проклятъ отъ святаго собора и отъ насъ. Да тѣ бы вамъ грамоты съ городовъ собрати къ себѣ въ Нижній Новгородъ, да прислати въ полки къ боярамъ и атаманьѣ; а прислати прежнихъ же, коихъ есте присылали, ко мнѣ съ совѣтными челобитными, безстрашныхъ людей, свіяжанина Родіона Мосѣева да Ратмана Пахомова, а имъ бы въ полкахъ говорити безстрашно, что проклятый отнюдь ненадобе; а хотя буде и пострадаете, и васъ въ томъ Богъ проститъ и разрѣшитъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ; а въ городы для грамотъ посылати ихъ же, а велѣти имъ говорити моимъ словомъ. А вамъ всѣмъ отъ насъ благословеніе и разрѣшеніе въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ, что стоите за вѣру неподвижно; а я долженъ за васъ Бога молити".

Нижній немедленно разослалъ грамоту патріарха по другимъ городамъ; и города, послушно принимая патріаршее слово, давали другъ другу обѣщаніе не признавать казачьяго царя и „противъ его стояти единодушно".

Но въ заключеніе патріархъ лишенъ былъ возможности

дѣйствовать, какъ считалъ нужнымъ. Въ этомъ случаѣ драгоцѣнную помощь ему оказала Троице-Сергіева лавра во главѣ со своимъ архимандритомъ Діонисіемъ и келаремъ Аврааміемъ Палицынымъ и соборными старцами. По почину святѣйшаго Гермогена троицкія власти ревностно продолжали его великое дѣло. Онѣ написали и разослали по городамъ цѣлый рядъ своихъ грамотъ, въ которыхъ призывали народъ подняться и всѣми силами постоять за вѣру православную. Особенно замѣчательна по силѣ и энергіи убѣжденія окружная грамота троицкаго монастыря отъ 6-го октября 1611 года. Напомнивъ о московскомъ выборѣ королевича Владислава подъ условіемъ принятія имъ православной вѣры и о присягѣ польско-литовскихъ людей выйти изъ Московскаго государства и отступить отъ Смоленска, грамота указываетъ, что „въ томъ во всемъ Литва солгали, животворящаго Креста Господня цѣлованье преступили“ и что заодно съ предателями нашими Михайломъ Салтыковымъ и Ѳедькою Андроновымъ учинили многія злодѣянія: „Московское государство выжгли и людей высѣкли, и святыя Божіи церкви и образы до конца разорили и поругали, и твердаго адаманта и непоколебимаго столпа, паче подобно рещи, новаго исповѣдника, святѣйшаго Гермогена патріарха Московскаго и всея Русіи, со престола безчестно извринуша, и во изгнаніе нужне затвориша и безчисленную крестьянскую кровь разлили“. „И видя такое злое и страшное дѣло, оставшіе православные крестьяне... положа упованіе на всесильнаго Бога и на пречистую Богородицу, пришли подъ Москву изо многихъ городовъ и изъ уѣздовъ для избавленія православныя нашея крестьянскія вѣры, чтобъ и до конца наша православная крестьянская вѣра не разорилась отъ предателей крестьянскихъ, и стоятъ на Москвѣ въ большомъ Каменномъ царевѣ городѣ, а измѣнниковъ и богоотступниковъ и предателей вѣры крестьянскія, Михаила Салтыкова да Ѳедьку Андронова съ товарищи и польскихъ и литовскихъ людей осадили въ Китаѣ-городѣ и въ Кремлѣ, и надъ ними, прося у Бога милости, промышляютъ и тѣсноту имъ чинятъ великую, въ Китаѣ-городѣ

Царь Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ.

дворы верховымъ боемъ выжгли всѣ, и ожидаемъ Божія милости и помощи и на враговъ побѣды". Неожиданный приходъ Ходкевича оказалъ помощь осажденнымъ, заслонилъ дороги къ столицѣ и не пропускалъ запасовъ. Изъ нѣкоторыхъ городовъ ратные люди пришли на помощь нашему ополченію, изъ другихъ собирались въ походъ. Грамота умоляетъ и прочіе города стать съ ними заодно: „и вамъ бы, государемъ нашимъ, отцамъ и братіямъ и всѣмъ православнымъ крестьянамъ, общему народу христіанскому... стати съ ними обще заодно... противъ вѣчныхъ враговъ креста Христова, польскихъ и литовскихъ людей. Сами видите близъ всѣхъ крестьянъ конечную погибель отъ нихъ: гдѣ завладѣли литовскіе люди въ которыхъ городахъ, и что нынѣ разореніе учинилося въ Московскомъ государствѣ? Гдѣ святыя церкви? Гдѣ Божіи образы? Гдѣ иноки, многолѣтными сѣдинами цвѣтущіе, инокини, добродѣтельми украшенныя? Не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ? Гдѣ народъ общій крестьянскій? Не всѣ ли лютыми и горькими смертьми скончашася? Гдѣ множество безчисленное во градѣхъ и въ селѣхъ христіанскія чада? Не всѣ ли безъ милости пострадаша и въ плѣнъ разведены быша? Не пощадиша бо ся престарѣвшихся возрастомъ и не усрамишася сѣдинъ старецъ многолѣтныхъ, и не сжалишася на ссавшихъ млеко младенцевъ, незлобивая душа; не вси ли испиша чашу ярости и гнѣва Божія? Помяните и смилуйтесь надъ видимою нашею смертною погибелію, да васъ самихъ та же лютая не постигнетъ смерть: Бога ради, положите подвигъ своего страданія, чтобы вамъ всему общему народу, молите служилыхъ людей, чтобы всѣмъ православнымъ христіанамъ быти въ соединеньи, и служилые бы люди одноличво, безо всякаго мѣшканья, поспѣшили подъ Москву въ сходъ, ко всѣмъ боярамъ и воеводамъ и всему множеству народа всего православнаго крестьянства... хотя будетъ и есть близко въ вашихъ предѣлахъ которые недоволи, Бога ради, отложите то на время, чтобы вамъ всѣмъ съ ними о единомъ положити подвигъ свой и страдати для избавленія православныя христіанскія вѣры... Смилуйтеся и умилитеся не-

закоснѣнно, сотворите дѣло сіе, избавленія ради христіанскаго народа, ратными людьми помогите, чтобъ нынѣ подъ Москвою, скудости ради, утѣсненіемъ боярамъ и воеводамъ и всякимъ воинскимъ людямъ порухи не учинилось никоторыя, о томъ много и слезно, всѣмъ народомъ христіанскимъ вамъ челомъ бьемъ".

Слезныя мольбы патріарха Гермогена и троицкой братіи вездѣ подымали народъ. Во главѣ движенія сталъ Нижній-Новгородъ, и опять отовсюду потянулись къ Москвѣ народныя ополченія спасать Москву, православную вѣру и государство. Это была послѣдняя рать, собравшая оставшихся отъ прежнихъ погромовъ людей. Всѣ замосковные, понизовые и поморскіе города и волости поднялись въ исходѣ 1611 года на подвигъ очищенія Москвы.

Нижегородскій гражданинъ Мининъ рѣшился „возбудити спящихъ". Возбужденный вѣстями изъ-подъ Москвы о погибели Ляпунова, о распаденіи земскихъ дружинъ, о переходѣ правительственной власти въ руки казачьихъ бояръ, наконецъ, о возобновленіи самозванщины и появленіи именъ Маринки и воренка, Мининъ еще до октября 1611 года пришелъ къ сознанію необходимости идти въ Москву спасать отечество и отъ поляковъ, и отъ казаковъ. Видѣніе внушило ему смѣлость выступить открыто на проповѣдь: преподобный Сергій, явясь во снѣ Минину, велѣлъ ему „казну собирати и воинскихъ людей надѣляти и идти на очищеніе Московскаго государства", прибавивъ, что „старѣйшіе въ таковое дѣло не внидутъ, наипаче юніи начнутъ творити". Мининъ увѣровалъ въ видѣніе лишь тогда, когда оно повторилось и когда онъ былъ наказанъ болѣзнью за свое „небреженіе". Принявшись за дѣло ополченія, „глаголя предо всѣми въ земской избѣ и идѣже аще обрѣташеся", Кузьма Мининъ прежде всего обратилъ увѣщаніе къ своимъ выборщикамъ, принадлежа къ числу земскихъ старостъ Нижняго, управлявшихъ хозяйствомъ городской тяглой общины. Въ земской избѣ, стоявшей близъ церкви Николая Чудотворца „въ торгу", былъ написанъ и первый „приговоръ всего града за руками". Приговоромъ опредѣлялся особый сборъ „на строе-

ніе ратныхъ людей", и произвести такой сборъ поручалось Минину. Такъ, починъ ополченія принадлежалъ нижегородской тяглой посадской общинѣ, а въ средѣ этой общины—ея земскому старостѣ Минину. Онъ первый „собою начатъ" пожертвованія на ратныхъ; за нимъ пошли „и прочіе гости и торговые люди, приносяще казну многу".

Затѣянное посадскими людьми большое дѣло было объявлено и другимъ чинамъ нижегородскаго населенія. По полученіи въ Нижнемъ троицкой грамоты „нижегородскія власти на воеводскомъ дворѣ совѣтъ учиниша". На совѣтѣ этомъ были „Ѳеодосій, архимандритъ Печерскаго монастыря, Савва Спасскій протопопъ съ братіею, да иные попы, да Биркинъ, да Юдинъ, и дворяне и дѣти боярскія, и головы и старосты, отъ нихъ же и Кузьма Мининъ". Совѣтъ рѣшилъ собрать нижегородцевъ на другой день въ Спасо-Преображенскій соборъ въ Кремлѣ, прочесть тамъ троицкую грамоту и звать народъ на помощь „Московскому государству". Такъ и сдѣлали. На завтра собрали горожанъ колокольнымъ звономъ въ соборную церковь. Савва читалъ троицкую грамоту „предъ святыми вратами" и говорилъ народу рѣчь. Послѣ него говорилъ самъ Мининъ. Такъ началось въ Нижнемъ дѣло очищенія Москвы. За Мининымъ увлеклось все населеніе города. Особыми приговорами нижегородцы обязались жертвовать „по пожиткомъ и по промысломъ", а затѣмъ начали искать годныхъ къ бою ратныхъ людей. Средства, добываемыя сборами, назначались на жалованье и кормъ ратнымъ людямъ. Для раскладки, взиманія и храненія этихъ чрезвычайныхъ сборовъ было избрано особое лицо, „выборный человѣкъ", самъ Кузьма Мининъ. Въ силу своихъ полномочій по окладному дѣлу, Кузьма „нижегородскихъ посадскихъ торговыхъ и всякихъ людей окладывалъ, съ кого что денегъ взять, смотря по пожиткомъ и по промысломъ, и въ городы, на Балахну и на Гороховецъ, послалъ же окладывать". Какъ лицо, облеченное властью, Мининъ дѣйствовалъ на нижегородцевъ не однимъ убѣжденіемъ, а и силою: „уже волю веземъ надъ ними по ихъ приговору, съ Божіею помощію и страхъ на лѣнивыхъ налагая". Собравъ сред-

ства, нижегородцы стали собирать и войско не только изъ предѣловъ Нижняго, но и изъ другихъ мѣстъ. Нижегородскія власти приглашали изъ понизовыхъ городовъ ратныхъ людей „со всею службою идти въ Нижній“, а изъ Нижняго подъ Москву. Воеводою надъ всѣми этими дружинами нижегородцы всѣмъ городомъ избрали стольника князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Съ нимъ пошелъ въ походъ и Мининъ, имѣя на рукахъ своихъ хозяйство всей рати.

Городское движеніе Нижняго-Новгорода очень быстро выросло въ областное, низовское, и нижегородскіе воеводы стали руководить значительнымъ райономъ. Едва устроясь у себя въ Поволжьѣ, Пожарскій отъ лица всего Нижняго уже спѣшилъ обратиться съ торжественною грамотою къ поморскимъ и „верховымъ“ городамъ, прежде всего къ Вологдѣ и Ярославлю. Призывая ихъ на подвигъ очищенія Москвы, онъ объявлялъ имъ о происходящемъ въ понизовьѣ движеніи и излагалъ его планъ. Особенно много говорилъ онъ о казачьемъ воровствѣ и о желаніи казаковъ начать „новую кровь“, то-есть междоусобіе, провозглашеніемъ Марины и ея сына. Открекаясь отъ воренка и отъ псковскаго самозванца, и отъ „литовскаго короля“, Пожарскій желалъ всею землею выбрать новаго государя, „кого намъ Богъ дастъ“, а до тѣхъ поръ настаивалъ на единеніи всѣхъ земскихъ людей „въ одномъ совѣтѣ“, чтобы „на польскихъ и литовскихъ людей идти вмѣстѣ“ и „чтобы казаки по прежнему низовой рати своимъ воровствомъ, грабежи и иными воровскими заводы и Маринкинымъ сыномъ не розгонили“. Грамота Пожарскаго, распространяясь по городамъ, произвела сильнѣйшее впечатлѣніе. Ополченія „пондоша изо всѣхъ городовъ“ въ Нижній. Встрепенулись и казаки и задумали овладѣть Ярославлемъ, чтобы прервать сообщенія Нижняго съ Поморьемъ. Но Пожарскій предупредилъ ихъ и самъ пошелъ черезъ Ярославль на Москву и пришелъ въ Ярославль около 1-го апрѣля 1612 года съ большою силою. Здѣсь Пожарскій оставался до августа 1612 года, и Ярославль былъ резиденціей новаго земскаго правительства и средоточіемъ боевыхъ силъ.

Въ Москвѣ поляки и русскіе измѣнники пришли въ сильную тревогу. Гонсѣвскій сталъ принуждать заключеннаго въ Чудовѣ монастырѣ святѣйшаго патріарха Гермогена, чтобы онъ написалъ въ Нижній Новгородъ увѣщаніе отмѣнить походъ и сохранить присягу Владиславу. Но патріархъ пребылъ до конца непреклоненъ.

— Да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ на очищеніе Московскаго государства, — отвѣчалъ онъ, — а вы, окаянные московскіе измѣнники, да будете прокляты.

Тогда враги начали морить великаго старца и страдальца голодомъ, но не поколебали его, и онъ 17-го февраля 1612 года „предалъ свою праведную душу въ руцѣ Божіи".

Плоды похода Пожарскаго вскорѣ начали сказываться. Враги его стали постепенно исчезать. Первымъ палъ псковскій самозванецъ. Онъ предался разгулу и грабежу, силою бралъ у гражданъ женъ и дочерей, томилъ богатыхъ людей на правежѣ, вымучивая деньги, которыми награждалъ окружавшее его казачество. Разумѣется, спокойное населеніе было крайне возмущено такимъ разбоемъ, и самозванецъ былъ схваченъ и убитъ.

Не долго устоялъ подъ Москвою и Заруцкій съ казаками. Видя, что ему приходится тѣсно, онъ бѣжалъ въ Коломну къ Маринѣ и съ нею и ея сыномъ дальше въ рязанскій городъ Михайловъ, а казаки его частію ушли, а частію покорились и стали служить земской власти.

Прибытіе къ Москвѣ Ходкевича съ польскою ратью заставило Пожарскаго поторопиться на спасеніе столицы.

22-го октября 1612 года объединенное ополченіе штурмомъ взяло Китай-городъ. Тотчасъ же открылись переговоры о сдачѣ Кремля, и 26-го октября онъ перешелъ въ русскія руки. Русскіе двинулись въ городъ отрядами съ разныхъ сторонъ. Всѣ отряды сошлись на Лобномъ мѣстѣ. Тутъ духовенство отслужило благодарственный молебенъ, имѣя во главѣ троицкаго архимандрита Діонисія со стороны осаждавшихъ, а со стороны осажденныхъ греческаго элассонскаго архіепископа Арсенія, который тогда занималъ въ Кремлѣ мѣсто русскаго архипастыря. Онъ пришелъ изъ

Кремля со всѣмъ освященнымъ соборомъ, со крестами, иконами и съ главною святынею московскою, Владимірской иконой Богоматери, одинъ видъ которой привелъ въ умиленіе все православное воинство. Послѣ молебна ополченіе вступило въ Кремль, гдѣ оно съ ужасомъ смотрѣло на чаны съ человѣческими трупами, на поруганныя и оскверненныя всякою мерзостію церкви, разсѣченные на части образа съ продырявленными очесами, ободранные и разоренные престолы...

Въ это время польскій король Сигизмундъ рѣшилъ лично привезти въ Москву своего сына. Но уже было поздно. Прибывъ въ Вязьму, онъ узналъ, что кремлевскій гарнизонъ, изнемогши отъ усталости, голода и всевозможныхъ лишеній, сдался на капитуляцію. Городъ и укрѣпленія были въ рукахъ русскихъ и ихъ уже нельзя было поставить межъ двухъ огней, какъ въ томъ случаѣ, если бы у поляковъ были соумышленники въ Кремлѣ. Тѣмъ не менѣе король съ упорствомъ дошелъ до Волоколамска. Тутъ только глаза его открылись окончательно. Прибытіе Владислава далеко не походило на въѣздъ монарха въ свою имперію. Народъ вмѣсто того, чтобы выходить ему навстрѣчу, запирался въ своихъ крѣпостяхъ, которыя преграждали ему путь. Уполномоченные Владислава, посланные въ Москву, были прогнаны оттуда, и въ столицѣ уже не было преданныхъ Польшѣ бояръ, которые могли бы вести съ ними переговоры. Сигизмундъ очутился у воротъ враждебно настроенной противъ поляковъ столицы съ малочисленной арміей и съ царемъ, котораго подданные не хотѣли признавать. Польское войско страдало отъ холода и не имѣло возможности достать съѣстныхъ припасовъ. Увидавъ себя на краю пропасти, Сигизмундъ взвѣсилъ свое положеніе, и его рѣшеніе было быстро принято: онъ возвратился въ Польшу со своимъ сыномъ Владиславомъ, намѣреваясь осуществить свои желанія со временемъ.

Водворивъ порядокъ въ Москвѣ, „начальники“ поставили на очередь вопросъ о царскомъ избраніи. Въ первыя же недѣли послѣ очищенія Москвы, съ начала ноября, идутъ уже

грамоты изъ Москвы по городамъ „о обиранье государскомъ“. Московское правительство, составившееся при ополченіи, приглашаетъ въ Москву городскихъ выборныхъ „по десяти человѣкъ отъ городовъ для государственныхъ и земскихъ дѣлъ“, „для земскаго совѣта и государева избранія“. Въ декабрѣ и январѣ 1613 года выборные изъ городовъ постепенно съѣхались въ Москву. Собралась великая земская дума, самая знаменитая изо всѣхъ такихъ московскихъ собраній и самая продолжительная.

Великая дума началась усердными молитвами въ Успенскомъ соборѣ и у гробовъ московскихъ угодниковъ и трехдневнымъ постомъ. Затѣмъ открылись совѣщанія объ избраніи царя. Тутъ прежде всего представился вопросъ объ иноземныхъ принцахъ: были голоса, напоминавшіе о присягѣ, данной Владиславу; еще больше явилось сторонниковъ шведскаго королевича Филиппа. Но возбужденіе противъ иноземцевъ вообще было такъ велико, что съ этимъ вопросомъ покончили скоро: рѣшили не выбирать никого изъ иностранцевъ наравнѣ съ Маринкинымъ сыномъ, а выбрать государя изъ коренного православно-русскаго рода. Между знатными родами въ то время выдѣлялись Мстиславскіе, Голицыны, Воротынскіе и Романовы. Но князь Ѳ. И. Мстиславскій, теперь пожилой и бездѣтный, и раньше никогда не искалъ власти, а князья Голицыны и Воротынскіе не пользовались любовію народной. Оставались только Романовы, давно любимые всѣмъ русскимъ народомъ, и великая дума 7-го февраля единодушно избрала царемъ молодого Михаила Ѳеодоровича Романова, сына митрополита Филарета Никитича Романова, томившагося въ польскомъ плѣну.

Но смута научила московскихъ людей быть осторожными. Поэтому, рѣшивъ выборъ Михаила Ѳеодоровича Романова, соборъ для большей крѣпости отложилъ оглашеніе совершеннаго имъ избранія на двѣ недѣли, до 21-го февраля. Въ это время, во-первыхъ, „послали Московскаго государства по боярѣ въ городы, по князя Ѳ. И. Мстиславскаго съ товарищи, чтобъ они для большаго государственнаго дѣла и для общаго земскаго совѣта ѣхали къ Москвѣ на спѣхъ“; во-вто-

рыхъ, „во всѣ городы Россійскаго царствія, опричь дальныхъ городовъ, послали тайно во всякихъ людехъ мысли ихъ про государское обиранье провѣдывати вѣрныхъ и богобоязныхъ людей, кого хотятъ государемъ царемъ на Московское государство во всѣхъ городѣхъ“. Сіи люди донесли, что вездѣ избраніе Михаила Θеодоровича встрѣчается съ великимъ сочувствіемъ.

Окончательное соборное избраніе совершилось 21-го февраля, въ первое воскресенье Великаго поста, въ недѣлю Православія. Великая дума собралась въ Успенскомъ соборѣ. Тутъ отобраны были письменныя мнѣнія отъ членовъ думы, и оказался единогласно избраннымъ Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ. Дума для большей прочности рѣшила спросить еще мнѣніе собственно москвичей и отрядила для этого особое посольство: рязанскаго архіепископа Θеодорита, новоспасскаго архимандрита Іосифа, троицкаго келаря Авраамія Палицына и боярина В. П. Морозова. Они пришли на Лобное мѣсто и обратились къ народу съ вопросомъ, кого онъ желаетъ имѣть царемъ. Народъ громкими кликами заявилъ, что никого не желаетъ, кромѣ Михаила Θеодоровича Романова. Немедленно въ Успенскомъ соборѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, а потомъ и по всѣмъ церквамъ и монастырямъ были совершены молебствія о долголѣтіи новоизбраннаго государя съ колокольнымъ звономъ, и повсюду, въ Москвѣ и по городамъ, принесена была присяга по крестоцѣловальной грамотѣ, уложенной соборомъ.

Юный царь Михаилъ Θеодоровичъ со своею матерію, старицею Марθой Ивановной, въ это время жилъ въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ. Къ нимъ немедленно отъ собора снаряжено было торжественное и многочисленное посольство, съ архіепископомъ Θеодоритомъ во главѣ. 2-го марта посольство выѣхало изъ Москвы и 13-го марта прибыло въ Кострому. На слѣдующій день послѣ обѣдни оно, вмѣстѣ съ костромскими воеводами, духовенствомъ, служилыми людьми и всенароднымъ множествомъ пошло въ монастырь при колькольномъ звонѣ, предшествуемое хоругвями и образами, въ числѣ коихъ находилась чудотворная Θеодоров-

ская икона Богоматери. Мароа и Михаилъ встрѣтили шествіе у воротъ обители и приложились къ иконамъ. Услыхавъ, зачѣмъ пріѣхало посольство, великая старица съ плачемъ и гнѣвомъ говорила, что она не благословитъ сына, и долго не соглашалась слѣдовать за послами въ монастырскій Троицкій храмъ. Едва умолили ее. Тутъ отслужили молебенъ и подали Мароѣ и Михаилу соборныя грамоты и стали просить пожаловать принять державу и скипетръ. Выслушавъ пословъ, Михаилъ съ плачемъ отвѣчалъ, что у него и помышленія не было о такой великой чести. Старица Мароа съ гнѣвомъ говорила, что сынъ ея еще не въ совершенныхъ лѣтахъ, а „Московскаго государства всякихъ чиновъ люди по грѣхамъ измалодушествовалися и, давъ свои души прежнимъ государямъ, служили имъ не прямо, измѣняли". Видя ихъ измѣны, клятвопреступленія, убійства и поруганія прежнимъ государямъ, и прирожденному государю теперь трудно быть на Московскомъ государствѣ. Къ тому же оно разорилось до конца отъ польскихъ и литовскихъ людей и отъ русскихъ воровъ. Сокровища царскія вывезены, дворцовыя села и черныя волости розданы въ помѣстья всякимъ служилымъ людямъ и запустошены, и кому приведетъ Богъ быть на Владимірскомъ и Московскомъ государствѣ царемъ и великимъ княземъ, нечѣмъ жаловать служилыхъ людей, исполнять свои царскіе обиходы, стоять противъ своего недруга польскаго короля и иныхъ пограничныхъ государей. И потому еще она, старица Мароа, не можетъ благословить своего сына на государство, что отецъ его, митрополитъ Филаретъ, находится у короля въ Литвѣ, и тотъ можетъ учинить надъ нимъ какое зло.

Послы стали усиленно молить Михаила и старицу, чтобы не презрили соборнаго приговора и челобитья и не взирали на примѣры недавнихъ государей, которые сѣли на государство или насиліемъ, или обманомъ; а что „нынѣ Московскаго государства люди наказалися и пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ, за христіанскую вѣру хотятъ помереть, Михаила обрали всею землею и крестъ цѣловали служить ему и прямить и кровь за него проливать". А ради отца его,

митрополита Филарета, великая дума посылаетъ къ королю посольство съ предложеніемъ обмѣнять его на многихъ польскихъ и литовскихъ людей.

Старица и Михаилъ продолжали отказываться. Тогда архіепископъ Ѳеодоритъ взялъ въ руки икону Ѳеодоровской Божіей Матери, а келарь Авраамій образъ московскихъ чудотворцевъ Петра, Алексія и Іоны и вмѣстѣ со всѣмъ народомъ стали „бить челомъ съ великимъ воплемъ и со многимъ слезнымъ рыданіемъ“. Архіепископъ грозилъ, что Богъ взыщетъ на нихъ за будущее конечное разореніе Московскаго государства, за поруганіе святыхъ Божіихъ церквей, честныхъ иконъ и многоцѣлебныхъ мощей. Челобитіе и переговоры продолжались съ третьяго часа дня до девятаго. Наконецъ старица Марѳа не устояла противъ всенароднаго моленія и челобитья, и, преклонясь предъ иконами, благословила сына на Владимірское, Московское и на всѣ государства Россійскаго царства. Михаилъ принялъ благословеніе и царскій посохъ отъ архіепископа Ѳеодорита и всего освященнаго собора. Совершили благодарственный молебенъ и возгласили многолѣтіе царю Михаилу. Съ радостною отпискою послы отправили въ Москву гонцовъ. День 14 марта 1613 года долженъ навсегда остаться памятнымъ въ русской исторіи.

19 марта Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью, послами и многими служилыми людьми выѣхали изъ Костромы, и только 2-го мая, въ воскресенье, совершилось торжественное вшествіе ихъ въ Москву. Когда прошли первые дни радости и торжествъ, власти и всякихъ чиновъ люди били челомъ государю, чтобы онъ „вѣнчался своимъ царскимъ вѣнцомъ“. Государь „не презрилъ ихъ моленія“. Торжественное вѣнчаніе на царство царя Михаила Ѳеодоровича совершилось 11 мая въ Успенскомъ соборѣ.

Такъ совершилось воцареніе новаго государя, родственнаго прежде бывшимъ царямъ и великимъ князьямъ московскимъ, и такъ закончилась смута, такъ долго раздиравшая Московское государство.

дъ Марины въ Москву.

2007050507